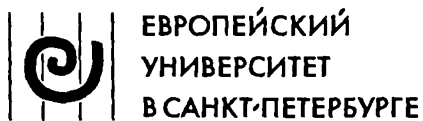

**НОВЫЙ БЫТ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:
гендерные исследования
повседневности**

под редакцией: Елены Здравомысловой,
Анны Роткирх, Анны Тёмкиной

ЕВРОПЕЙСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

**ТРУДЫ ФАКУЛЬТЕТА
ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК
И СОЦИОЛОГИИ**

**выпуск
17**

НОВЫЙ БЫТ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:

гендерные исследования повседневности

**коллективная монография под редакцией:
Елены Здравомысловой, Анны Роткирх, Анны Тёмкиной**

Санкт-Петербург 2009

УДК 316.72
ББК 60.542.2
Н76

*Издание осуществлено в рамках проекта гендерной программы
Европейского университета в Санкт-Петербурге при поддержке
Фонда Форда и Финской Академии наук*

Рецензенты:

Ж. В. Чернова, кандидат социологических наук
(Европейский университет в Санкт-Петербурге);

Е. Р. Ярская-Смирнова, доктор социологических наук, профессор
(Центр социальной политики и гендерных исследований (Саратов))

Н76 **Новый быт в современной России: гендерные исследования повседневности** : коллективная монография / под ред. Елены Здравомысловой, Анны Роткирх, Анны Тёмкиной. — СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009. — 524 с. — (Труды факультета политических наук и социологии; Вып. 17).
ISBN 978-5-94380-077-1

В книге представлены результаты эмпирических исследований, посвященных различным аспектам формирования нового быта в современной России. Авторы фокусируют внимание на изменениях гендерного устройства частной жизни. Постсоциалистический быт создается на фоне социального расслоения, иерархизации заботы и коммерциализации повседневности. Интимная жизнь становится важным культурным кодом современного российского капитализма. Изменяются частное пространство и потребительские практики, формируются новые идентичности и стратегии репродуктивного и сексуального поведения мужчин и женщин. Исследователи изучают такие привычные практики, как ремонт жилья, домашний наемный труд, сексуальные дебаты, контрацепцию, опыт родов и ухода за детьми. В книге приведены фрагменты дневников наблюдений и интервью.

Книга рассчитана в основном на специалистов в области социальных наук; ее содержание может быть привлекательно как для специалистов, так и для широкой читающей публики, которой интересно, *как и за счет кого* организуется новый быт российских обеспеченных слоев.

УДК 316.72
ББК 60.542.2

ISBN 978-5-94380-077-1

© Коллектив авторов, 2009
© Европейский университет
в Санкт-Петербурге, 2009

Содержание

<i>Елена Здравомыслова, Анна Роткирх, Анна Тёмкина</i> Введение. Создание приватности как сферы заботы, любви и наемного труда	7
Часть 1	
НОВАЯ ЖЕНЩИНА: ГЕНДЕРНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ И КОММЕРЦИАЛИЗАЦИЯ ДОМАШНЕГО ТРУДА	
<i>Анна Тёмкина</i> Новый быт, сексуальная жизнь и гендерная революция	33
<i>Ольга Чепурная</i> Автопомная женщина: жизненная стратегия и ее эмоциональные издержки	68
<i>Елена Здравомыслова</i> Няни: коммерциализация заботы	94
<i>Ольга Ткач</i> Уборщица или помощница? Варианты гендерного контракта в условиях коммерциализации быта	137
Часть 2	
ОРГАНИЗАЦИЯ ДОМАШНЕГО ПРОСТРАНСТВА: ПОТРЕБЛЕНИЕ, ЕВРОСТАНДАРТ И ГЕНДЕРНЫЕ РОЛИ	
<i>Борис Гладарев, Жанна Цинман</i> Дом, школа, врачи и музеи: потребительские практики среднего класса	189
<i>Лариса Шпаковская</i> «Мой дом — моя крепость». Обустройство жилья нового среднего класса	222
<i>Татьяна Андреева</i> Ремонт как строительство нового быта: демонстративное потребление и экономия ресурсов	262

Часть 3

НОВАЯ ЛЮБОВЬ: БОЛЬШЕ СЕКСА – МЕНЬШЕ ПЕЛЕНАНИЙ!

Наталья Яргомыская

Трансформация сценария женского сексуального дебюта:
«прощание с невинностью» и гименопластика 289

Мери Лариваара

Моральная ответственность женщин и авторитет врачей:
взаимодействие гинекологов и пациенток 313

Настя Мейлахс

Неслышимые переговоры: выбор способа предохранения
и отношения между партнерами 346

Светлана Ярошенко

Бедные люди: мир любви и сексуальности 373

Анна-Мария Исола

Неблагополучные семьи: риторика российской демографической
политики 404

Анна Роткирх, Катя Кессели

Деторождение и его место в жизненном цикле петербургских
женщин 427

Ольга Бредникова

«Старородящая» молодая мать (институциональные игры
с категориями возраста) 456

Евгения Ангелова, Анна Тёмкина

Отец, участвующий в родах: гендерное партнерство
или ситуативный контроль? 473

Дарья Одицова

Пеленание: реконфигурация повседневной практики 508

Сведения об авторах 523

Введение

СОЗДАНИЕ ПРИВАТНОСТИ КАК СФЕРЫ ЗАБОТЫ, ЛЮБВИ И НАЕМНОГО ТРУДА

В периоды радикальных социальных перемен изменяются структуры повседневности, претерпевают изменения гендерные роли, идеологии и практики. Создается новая приватность — новый быт, в котором переопределяется место женщины как центрального агента. И хотя «быт для нас неуловим — мы склонны считать его просто жизнью, естественной нормой практического бытия» (Лотман, 1994: 10), в период изменений быт рефлексивно переопределяется, становится предметом структурных воздействий и переговоров.

Старый и новый быт

В 1923 году Александра Коллонтай писала: «Что быт меняется на наших глазах, признает каждый, кто умеет видеть и наблюдать...» (Коллонтай, 1923: 33). Она выделяла тенденции нового быта трудовой коммунистической республики, связанные с появлением новых классов, женской эмансипацией и новым гендерным контрактом: изменения структуры жилья — распространение общежитий и домов-коммун, развитие общественного питания, облегчающего труд работающих женщин; новый тип отношений между супругами, новые практики любви. Новое устройство должно было прийти на смену буржуазному уюту, создаваемому традиционными женами, и бедности рабочих семей. Новый быт Коллонтай, освобождающий женщину от кухонного рабства, должен был возникнуть в результате общественной государственной заботы. Реализация коммунистического проекта нового быта предполагает, что материнство становится частно-государственным

делом. В перспективе социалистического быта жизнь работающей матери, освобожденной от традиционной семьи и зависимости от мужчин, должна быть выстроена как «контракт» с социалистическим государством. Это предполагает и формирование новых практик сексуальной свободы и сексуального просвещения. Кампания за новый быт ставила своей целью уничтожение буржуазного мира, разрушение прежней приватности и сведение ее лишь к миру чувств и интимно-родительских отношений. Этот проект оказался утопичным. Советское строительство коммунистического нового быта и эмансипация женщины обернулась тройной нагрузкой, сексуальная жизнь надолго была вытеснена за пределы публичного обсуждения.

Проект нового быта, который разворачивается в современной капиталистической России, на первый взгляд прямо противоположен коммунистическому. Он пронизан либеральными ценностями, устремлен к буржуазному быту, строительству частной сферы, комфорту и безопасности, четким мужским и женским ролям, ограждению от вмешательства государства. Родительство становится частным делом семьи, дом возвращает себе ранее утраченные функции и закрывается от внешних вмешательств, мужу предлагается функция добытчика, а женщина занимается управлением домом и семьей. Однако, как мы покажем далее, картина оказывается гораздо более сложной и многообразной.

Сфера быта рассматривается как сфера самореализации женщины, как сфера свободы и укрытие от работы и государства, от «дикой публичности». Однако это и сфера борьбы нового и старого, новых конфликтов, нехватки ресурсов и навыков, недостаточности институциональной и символической поддержки, давления традиционализма. Формирование нового быта обеспеченных классов становится возможным за счет процессов стратификации.

Государство и социально-экономические условия продолжают влиять на частную жизнь, формируя, например, новую демографическую и жилищную политику. Женщины становятся все более требовательными и рефлексивными в своих жизненных стратегиях. Для нового среднего класса домашнее пространство выполняет функцию убежища, демонстрации социального статуса и престижного потребления. Освобождение женщины от избыточного груза домашних забот становится возможным за счет переопределения семейных ролей, коммерциализации домашнего труда, формирования рынка социальных услуг, изменения гендерных идеологий.

Современное строительство приватности принимает разные формы. Мы рассматриваем некоторые составляющие этого процесса — приватизацию домашнего пространства, организацию ухода за домом, выстраивание отношений с партнерами, планирование деторождения, формирование нового родительства и новые тренды сексуальности. Разумеется, многие стороны нового быта остались незатронутыми или затронуты в нашем исследовании в незначительной степени (например, отношения между поколениями, новые виды организации досуга, выбор одежды и продуктов питания, отношение к телу, к здоровью и болезни, дружба и прием гостей, забота о домашних питомцах, отношения с соседями и многое другое).

Границу «быта», или приватной сферы, определить не легко — она является переговорной, проницаемой для внешнего мира, гендерно вариативной и пр. В фокусе нашего исследования — формы организации семейного быта и стиль жизни молодых когорт нового среднего класса, гендерные роли в этом социальном слое.

Приватное как сфера удовлетворения индивидуальных интересов в социальной теории и эмпирических исследованиях зачастую остается остаточной категорией социологического анализа (Weintraub, 1997). Вклад феминизма в развитие социального знания заключается в том, что он восстановил значимость приватного в понимании социальной реальности. В фокус внимания теперь попадают отношения заботы, домашний труд, сексуальность и репродуктивное поведение в гендерной перспективе. Гендерный подход предполагает анализ социального неравенства, встроенный в понимание приватной сферы.

Джо Бейли выделяет три измерения приватного — сферу интимности, формирования личной автономии и бессознательного (Bailey, 2000). Мы концентрируемся на интимности, но переформулируем это понятие с учетом феминистской критики (McCarthy, Edwards, 2001). Интимные отношения и чувства основаны на персонализированном доверии и заботе. Исследователи показывают, что тенденции глобализации и неотрадиционализма приводят к возрастанию значимости приватной сферы в символическом порядке современного общества. При этом приватное формируется как оппозиция публичному. Эта сфера конструируется под влиянием рыночного консюмеризма и тенденции индивидуализации и плюрализации стилей жизни.

Задача этой книги — рассмотреть стратегии по строительству нового быта и его дилеммы. Российские средние классы строят приватность, отделяя себя от других. Происходит это в условиях слабого

социального государства и жестких правил рыночной экономики, в контексте поляризации социальных групп, роста рисков безопасности, повышения рефлексивности людей в отношении рисков. Мы будем изучать лишь некоторые аспекты нового быта. Среди них: 1) идентичность и жизненные стратегии, 2) изменения домашнего пространства, организация домашнего труда, заботы и потребительские практики, 3) новые стратегии репродуктивного и сексуального поведения.

Новый быт и мир чувств

В современном российском контексте общие тенденции индивидуализации, развитие общества риска и рефлексивной модернизации, приведшие к повышению значимости частного, преломляются в контексте сильного социального расслоения, когда новые практики сочетаются с наследием советских образов социального взаимодействия. Это означает, что разрыв с прошлым предполагает его невольное воспроизводство в новых условиях. Границы частного и публичного были проницаемыми в советском обществе — государство постоянно вмешивалось в частную сферу, создавая ограничения индивидуализации и осуществляя контроль, основанный на круговой поруке. С другой стороны, частные отношения пронизывали советское публичное, например, в виде важности дружеских и любовных отношений на рабочем месте в условиях весьма умеренной трудовой нагрузки. Рост рынка, гражданского общества, национального государства — появление публичности — приводит к формированию частного и интереса к нему. Продвижение ценностей индивидуализма происходит в контексте отказа от советских коллективистских практик (Хархордин, 2002) и советского типа общественного участия (Волков, 1997). Частность оказывается укрытием, которое пространственно и темпорально ограждает индивида и семью от внешнего мира — от публичности, государства и рынка.

В России реализуется с определенными издержками либеральная модель построения частной сферы, при которой общество представляется не как совокупность различных коллективов и корпораций, а как совокупность индивидов и их семей. Тенденции приватизации и индивидуализации — это основные темы современных постсоциалистических трансформаций.

Конструирование приватности в современном российском обществе (индивидами, семьями, рынком) происходит в контексте изменения социальной политики, когда государство отказалось от многих функций, которые оно выполняло в советское время. При этом государство стремится не утратить полный контроль над частной жизнью граждан, о чем свидетельствует, например, демографическая политика 2000-х гг. Приватность оказывается значимой потому, что включенность в конкуренцию рыночных отношений в современных российских формах истощает силы индивида, институциональное доверие чрезвычайно низко, российское общество может быть описано как общество рисков с высокой степенью неопределенности и новыми угрозами личной безопасности (Бек, 2000; Яницкий, 2004). Период экономических кризисов 1990-х гг. продемонстрировал российскому обществу, что именно семья и близкие социальные сети являются наиболее надежным ресурсом выживания, локусом жизненных стратегий и идентичности. Безопасность, хотя бы относительная, дистанцирование от внешних деперсонифицированных агентов и социальных сил повышают значимость приватности в обществе риска. Частная сфера является важной «визитной карточкой» для родственников и все более тщательно выбираемых друзей. Сфера приватности — это сфера домашнего мира, сфера отношений с «пониманием без слов», это мир доверия, где личность может проявляться в своеобразии вкусов и стилей потребления. В этом мире работа становится заботой, а забота — работой, которую чрезвычайно трудно измерить в определенном эквиваленте. Этот мир ассоциируется с уютом, комфортом, добровольным выбором. Он строится как отгороженный от агрессивного публичного с помощью ресурсов рынка и персонифицированных сетей. Однако приватный мир далек от идеала гармонии отношений, он полон напряжений и пронизан конфликтами. Новый тип семей, где все построено на переговорах, оказывается хрупким и зависит от экономического, социально-политического и культурного контекстов. Граница между приватным и публичным размыта.

Дом среднего класса является «закрытым», т. е. отгороженным от внешнего мира во всех смыслах этого слова. Информанты стремятся сделать жилье закрытым от посторонних людей, от взглядов, звуков и запахов, проникающих в квартиру извне. Доступ в дом или квартиру людей, не являющихся ее обитателями или их близкими, жестко контролируется, а пребывание в квартире таких людей часто рас-

смачивается как проблема. Приватизация сказывается в том, что строится «железный занавес», отделяющий дом-крепость от бурь внешнего мира. Внутри домашнего пространства предпринимаются усилия по реализации проектов защищенности, комфорта, автономии, невмешательства, удовольствия. С другой стороны, для формирования такой приватности необходима коммерциализация домашнего труда. Домашний комфорт покупается за счет нянь и уборщиц. Притом воспроизводится гендерное неравенство и происходит отказ от социализма «с человеческим лицом» и демократических принципов самообслуживания.

Неразвитость публичной сферы сказывается и на организации приватной сферы. Нехватка четких процедур и дефицит доверия к социальным институтам часто приводят к тому, что попытки строить новый быт за счет новых рыночных механизмов терпят неудачу. Женщины и мужчины постоянно обращаются к ресурсам социальных сетей для организации ремонта, поиска нянь и уборщиц, надежных врачей и пр. Неформальный труд и неформальные тарифы зачастую оказываются предпочтительными для обеих сторон, они являются более гибкими и более экономически выгодными, однако не содержат гарантий и могут приводить к структурно обусловленным конфликтам.

Надо сказать, что новый средний класс продолжает те тенденции приватизации жизни, которые зафиксированы в исследованиях позднесоветской повседневности. Отмечается рост потребительских ориентаций, индивидуализм и пренебрежение коллективистскими ценностями, что так порицалось официальным дискурсом, предполагающим предпочтение общественного частному. Для новых слоев характерна негативная ориентация на культурные горизонты советского времени. Наши информанты говорят о том, что они не хотят жить по советским стандартам, не хотят пользоваться советской инфраструктурой, не хотят быть «советскими женщинами» и пр. Отказ от советских практик, компенсация советского минимализма и потребительского дефицита приводят иногда к эффекту демонстративного потребления, подчеркиванию различий. Это своеобразная политика идентичности среднего класса связана с формированием домашнего пространства. Новый быт выстраивается как затратная сфера, востребующая ресурсы на оплату жилья, ремонта, обстановки, домашнего труда, воспитания детей, других престижных видов потребления. Новый быт формирует новые институты, которые по-

ставляет рынок. Однако к рыночным институтам существует сильное недоверие, которое компенсируется традиционными системами персонифицированных отношений найма «по знакомству» или «новым благом».

Новая женщина

Развитие капитализма в России влияет на изменение гендерных отношений и основных параметров гендерного контракта. Основным вопросом гендерного контракта — это вопрос о том, кто отвечает за организацию быта (Crompton, 1999; Тёмкина, Роткирх, 2002). В современной России наблюдается устойчивый рост рынка социальных услуг, хотя спрос в этой сфере еще не удовлетворяется предложением. Если советский гендерный контракт опирался на систему государственных учреждений, помощь старшего поколения родственников и социальные сети членов семьи, то в настоящее время все большее распространение получает оплачиваемый домашний труд. Он включает в себя различные виды занятости, основные из них: забота о чистоте и уюте домашнего пространства (о вещах) и забота о детях.

Советский гендерный контракт — это культурный горизонт, с которым наши информанты сопоставляют свой опыт. В их воспоминаниях сочетаются ностальгические ноты — в основном при обращении к памяти о безоблачных контактах с бабушками и дедушками — и реалистическая оценка новых перспектив, которые кажутся нормальными и многообещающими. Контрастные противопоставления своего опыта и прошлого указывают не столько на полную смену институтов, поддерживающих совмещение занятости и родительства и эксклюзивно родительство (материнство и детство), но на изменения значимости каждого из институтов, изменения правил игры, по которым строится гендерный контракт. Эти правила задаются коммерциализацией и интенсификацией повседневной жизни.

Новая женщина, о которой мечтала Коллонтай, была независимой и самодостаточной. Сегодня также наблюдается растущая автономизация женщин. Сильная автономная женщина хочет планировать сексуальную жизнь, семейные отношения, репродуктивное поведение, деторождение. Она хочет быть финансово независимой и иметь возможность заботиться о близких. При этом сохраняется поляризация гендерных ролей, гендерная революция остается незавершенной.

Мужские роли меняются медленно, мужчины сохраняют преимущественно роли обеспечения: деньгами, безопасностью, матримониальным и родительским статусом. Происходит наложение новых и старых образцов гендерного порядка. Сегодня непродуманный труд женщин в домашнем хозяйстве проблематизируется. Домашняя забота признается как труд — неизбежный, неотвратимый и затратный. Ощущается дефицит публичной заботы и сложности с реализацией приватной заботы. Дефицит заботы должен быть компенсирован рынком социальных услуг и перераспределением семейных ролей. Часть такого труда передается профессионалам, стоящим на более низкой ступени экономической иерархии. Но другая часть — строительство комфорта, организация быта, уют, забота о себе — достается на долю членов семьи. Женщина остается ответственной за организацию домашнего мира, она становится его менеджером. Эта роль востребована при организации семейного союза. Однако и необходимость организации семьи, которая влечет за собой такие траты, также проблематизирована. Материнство становится частно-семейным делом (хотя государство постепенно усиливает экономическое и идеологическое воздействие на него).

Происходит ли «глобальное похолодание»?

Забота, согласно определению Арли Хохшильд, предполагает взаимную эмоциональную зависимость (связь) между заботящим и получающим заботу. Осуществляющий заботу чувствует ответственность за благополучие включенных в круг близких и выполняет интеллектуальную, психическую и физическую работу, которая чаще всего считается не работой, а проявлением особого персонализированного отношения. Отношения заботы — это отношения взаимозависимости и легитимного взаимного контроля (Hochschild, 2003: 214). В заботе о детях наиболее явно проявляются черты заботы вообще. Дети воспринимаются как нуждающиеся в заботе для выживания и успешной социализации. Родители осуществляют разные гендерные роли, материнская забота отличается от отцовской. В российском контексте сохраняется ролевая поляризация, попытки переопределения ролей и размывания гендерных культурных стереотипов имеют маргинальный характер.

Современное общество заново определяет формы и содержание заботы. В западном контексте тенденции формирования приватного сопровождаются признаками культурного похолодания как непреднамеренного последствия индивидуализма и женской эмансипации. Культурное похолодание — это отказ от заботы при возрастании потребности в ней. Мы имели в виду эту идею, когда анализировали наши данные, особенно те, которые касаются коммерциализации заботы, рационализации интимных отношений, изменения сексуальных сценариев. Хохшильд пишет, что коммерческий дух интимной жизни является культурным кодом современного капитализма (Nochschild, 2003). Об этом говорит и Ричард Сеннет в своей критике приватности (Сеннет, 2002). Дух капитализма сказывается в преобладании практик самоконтроля, следовании своему призванию, активности, целеустремленности, стремлении к успеху. Критики современного капитализма предостерегают от издержек культурного похолодания, связанного с отказом от личной эмоциональной работы и недостатком публичной заботы. Альтернативный более гуманный проект предполагает не только развитие социального государства, уменьшение социальной поляризации, но и пересмотр гендерных ролей. При этом женщины и мужчины, хотя и в разной степени, инвестируют эмоциональную работу в семью и межличностные отношения. Забота включает родительство, которое в России часто осуществляется женщинами в рамках «расширенного материнства». Для этой сферы характерны множественные напряжения, связанные с дисбалансом власти и полномочий, жестким определением ролей, возможностями удовлетворения индивидуальных потребностей, диалектикой личной свободы и зависимости. Мы предполагаем, что в России в высшем среднем классе наблюдаются некоторые эффекты эмоционального «похолодания», поскольку забота выносится за пределы семьи, коммерциализируется. Для большинства среднего класса сохраняется значимость социальных связей и личных отношений, которые устанавливаются даже с теми, кто выполняет наемную домашнюю работу.

Часть заботы становится профессиональной и коммерциализированной. Это забота, которую можно купить и продать, которую осуществляют профессионалы сферы услуг, домработницы и няни. В контексте глобализации новый мировой порядок домашней сферы поддерживается за счет женской миграции и трудоустройства в домохозяйствах не только постиндустриальных обществ, таких как США,

Канада и Западная Европа, но и в странах Центральной Европы и «новых индустриальных странах» Азии (Lap, 2002: 172). Глобальная цепочка заботы выражается в том, что женщины из слаборазвитых стран специализируются на выполнении относительно дешевых услуг по уходу за домом и детьми, давая возможность членам семей, в основном женщинам из развитых стран, заниматься высокооплачиваемой работой и карьерой. Высвобождение женщин в сфере домашнего труда и массовая женская занятость в современных российских условиях также предполагают использование наемного персонала. Мигранты — это теневой и низко оплачиваемый сегмент рынка услуг. Однако в России рабочие места по обслуживанию домохозяйства заполняют не столько географические мигранты, сколько «новые бедные» — низкооплачиваемая интеллигенция, пенсионерки и пр. Наблюдаются эффекты иерархизации заботы как следствия классового расслоения. «Классовые мигранты», обладающие навыками ухода за детьми и социальным капиталом, соответствующим получению этой работы, оказываются в положении эксплуатируемых в тех случаях, если их забота остается непризнанной, низкооплачиваемой и жестко контролируемой.

Материалы исследования

Итак, вместе с трансформацией возникает «новый быт». Его выстраивают представители авангардного сегмента нового российского среднего класса. Мы исходим из конвенционального определения среднего класса, которому следуют, например, Малеева (2003), Радаев (2003). При выделении среднего класса мы опирались на четыре параметра: высшее образование; регулярную занятость; нефизический характер труда; управленческие позиции.

При этом мы выбрали занятых как в частном, так и в государственном секторе на квалифицированных работах и на управленческих позициях. Это группы, которые в западном дискурсе получили название новых средних классов, в российском контексте также являются новыми, потому что они заняты на рабочих местах, которые не существовали в советское время, хотя существовали их аналоги. Новые средние классы состоят из специалистов с высшим образованием. У представителей этой группы есть постоянное место работы, иногда они имеют приработки. Среди наших информантов также есть

люди, обычно относящиеся к «традиционным средним классам», — собственники и руководители малых предприятий. К бизнесу нового среднего класса относят туризм, программирование, мобильные связи, телекоммуникации, образование и пр. В территориальном разрезе социально-профессиональный средний класс формируется неравномерно. В нашем исследовании речь идет о Петербурге, который наряду с Москвой лидирует по его представительству. Особые практики культурного потребления, специфические демографические тренды и развитие рынка социальных услуг также специфичны для этого мегаполиса.

Основную эмпирическую базу исследования составляют биографические глубинные фокусированные интервью, собранные в рамках проекта «Новый быт» (2004—2005 гг., финансовая поддержка Финской АН, проект «Семейные формы и рождаемость в Петербурге», № 208186), а также материалы исследования сексуальности в Санкт-Петербурге 1995 и 2005 гг. В проекте «Новый быт» информанты были представлены двумя социальными слоями; вместе с пилотными интервью массив включает 67 человек. Эти два слоя представляют протагонисты нового быта и представители той группы, которая делает этот быт возможным, продавая услуги по уходу за домом. Протагонисты нового быта — средний и высший средний класс (44 человека). Критериями выборки служили: образование, занятость в негосударственном секторе на позиции профессионалов, менеджеров разного уровня (с некоторыми небольшими исключениями), детность, возраст. Это женщины в возрасте 27—40 лет, 1964—1977 гг. рождения, формативные годы которых приходятся на предперестроечный и перестроечный период. Среди них женщины с детьми до 10 лет и женщины без детей (старше 30—35 лет). Выбор семей осуществлялся по критерию регулярного использования наемного домашнего труда (няни и домработницы, «ремонтники»). Информантки представляли разные типы домохозяйств и гендерных ролей: 1) незамужние карьерно-ориентированные женщины, с детьми и без детей (15 случаев), 2) семьи с двумя занятыми (16 случаев), 3) домохозяйства с разделением ролей домохозяйки и кормильца (13 случаев).

Вторую группу информантов составили те, кто делает возможным строительство нового быта — «профессионалы», «новые бедные» (10 нянь и 9 домработниц). Критериями данной подвыборки являются пол (18 — женщины), возраст (от 25 до 60 лет), занятость, оплачиваемый домашний труд, наличие детей (у 17 информанток).

Второй эмпирический массив данных получен в рамках проекта «Сексуальные и репродуктивные практики в России: свобода и ответственность (Санкт-Петербург, начало XXI в.)», его финансовая поддержка осуществлена Гендерной программой факультета политических наук и социологии ЕУСПб и Фондом Форда в 2005 г. Сексуальные биографии двадцати женщин и десяти мужчин двух возрастных когорт (от 17 до 25 лет, от 30 до 45 лет) были собраны методом глубинных интервью. Из тридцати опрошенных 20 человек принадлежат к среднему классу (12 женщин и 8 мужчин), 10 — к низшему среднему классу. Кроме того, ряд статей опирается на собственные полевые исследования авторов. В каждом случае описание данных приводится в статье.

Данная коллективная монография состоит из трех частей, каждая из которых составляет некоторое содержательное единство. В первой части обсуждаются изменения идентичности и процессы формирования новой женщины с ее автономной стратегией. Исследователи анализируют новые тенденции российского гендерного порядка, которым сопротивляется советская архаика, рыночные структуры, консерватизм и монетаризм политиков, консервативная медицина.

В создании новой приватности артикулируется значимость сексуальности. *Анна Тёмкина* анализирует тенденцию повышения сексуальной активности и ответственности женщин, возрастание значимости партнерских (эгалитарных) отношений. Постсоветское поколение городских женщин проявляет в сексуальной сфере рациональность, компетентность, оно ориентируется на практики сексуального удовольствия. Их сексуальная жизнь выстраивается как проект, в отличие от поколения матерей, сексуальные биографии которых во многом определялись как судьба и результат обстоятельств. Данный проект ориентирован на партнерство. Это аргумент в пользу эгалитарных гендерных изменений. Но есть и контртенденция — гендерная Вандея, где двойной гендерный стандарт и гендерная поляризация не только сохраняются, но и утверждаются как единственная и естественная норма. Двойной гендерный стандарт выражается в различиях предписаний по признаку пола, влекущих за собой структурное неравенство гендерных групп прежде всего центральной дихотомии — мужчин и женщин. В сфере (гетеро)сексуальных отношений двойной стандарт предполагает, что нормы мужской сексуальности являются более либеральными, чем нормы женской. В новом поколении сохра-

няются многие советские практики подчиненной сексуальности женщин, а их рациональное поведение сталкивается с барьерами, которые достаточно сложно преодолеть: женщинам не хватает знаний, они не используют подходящую им контрацепцию; планирование сексуальной жизни и репродуктивных практик срывается из-за внешних обстоятельств, и пр. Сохраняется традиционализм и мужчин, и женщин, воспроизводится гендерная поляризация. Она воплощается и в более широком разделении гендерных миров, где от мужчины ожидается функция кормильца, гаранта безопасности и сексуального эксперта, а от женщины — сексуальное, бытовое и эмоциональное обслуживание. Гендерная сегрегация/поляризация поддерживается традиционалистскими дискурсами и практиками, институциональным обеспечением «работающей матери» и игнорированием мужской роли в приватной сфере (в том числе отцовства).

О новой женщине пишет в своей статье *Ольга Чепурная*. В современной России появляется новая риторика самопрезентации женщин, склонных рационализировать свой жизненный опыт, размышлять о границах своей независимости. Автономные женщины ищут новые пути организации быта, профессиональной и семейной жизни. Они делают образовательные и карьерные выборы, рационально планируют свое время, обретают экономическую независимость, с большой осторожностью подходят к выбору супругов. Эти женщины планируют деторождение и берут на себя ответственность за воспитание детей, выбирают партнеров и сознательно выстраивают отношения. Для них важен баланс самостоятельности и эмоциональной включенности в отношения, баланс свободы и многообразной взаимной зависимости близких людей. Личная автономия предполагает развитие ответственных отношений с другими людьми. В женской стратегии автономии сочетается рациональное управление эмоциональной жизнью и потребность в эмоциональной теплоте любовных отношений. Многие современные женщины готовы к рискам, связанным с вложением эмоционального капитала. Однако невозможно говорить об автономии современной российской женщины как о целостной жизненной стратегии, которая скорее является ситуативной и эпизодической. Стратегии проблематизированы в частной сфере интимных партнерских и родительских отношений. Автономная женщина считается неустроенной, одинокой, несчастной как представителями старшего поколения, так и ровесниками, следующими более традиционным сценариям.

Итак, российские трансформации влекут за собой изменение женской роли и идентичности, смену гендерного порядка. Изменяется институциональная поддержка контракта работающей матери. В статье *Елены Здравомысловой* речь идет о коммерциализации заботы и профессиональных ролях нянь. Исследовательница показывает, что возрастающий спрос на оплачиваемый домашний уход за детьми в значительной степени удовлетворяется неформальным рынком труда. И няни, и молодые мамы проявляют заинтересованность в неформальном контракте. Это связано и с доверительным характером услуги, и со значимостью персонализированных отношений доверия в случае купли-продажи заботы. Неформальный контракт имеет свои преимущества. К ним относится переговорный характер всех условий найма, возможность безоговорочного разрыва устного соглашения, не влекущего за собой никаких санкций. Неформальный характер договора предполагает символическое признание домашнего труда в виде дополнительных выплат, подарков, предоставления услуг социального характера. Именно поэтому няни в основном не воспринимают свою работу как эксплуатацию, хотя структурно она, несомненно, оказывается таковой. Такие отношения рассматриваются няней как эксплуатация в том случае, когда наниматели нарушают негласные нормы уважительного взаимодействия и ведут себя с нянями как помещики с крепостными дворовыми. Мамы и няни своими отношениями воспроизводят женский мир заботы. Но при этом усиливается гендерная стратификация, разделяющая женщин, принадлежащих к разным социальным классам.

Оплачиваемый домашний труд как феномен нового быта находится в центре внимания исследования *Ольги Ткач*. Современные процессы «коммерциализации заботы» существенным образом отличаются от организации бытового обслуживания, принятой в советском обществе. Увеличение спроса на оплачиваемый домашний труд — это общемировой процесс, однако в России он имеет свои особенности. Спрос на такой труд растет за счет резкого социального расслоения российского общества. В отличие от мировой практики рынок оплачиваемого домашнего труда в России развивается в значительной степени благодаря внутренним ресурсам, хотя наблюдается массовое вовлечение мигранток (в основном из стран СНГ) в сферу услуг по уходу за домом. Сегмент теневого рынка домашнего персонала составляют женщины, не обладающие достаточным уровнем квалификации и образования для поиска иных видов занятости.

В современный неформальный рынок услуг по уходу за домом инкорпорирована исторически сложившаяся практика использования социальных сетей в сфере инструментальной и эмоциональной заботы о доме и семье. Гендерное разделение домашнего труда приобретает форму контракта, который задает неформальные правила коммуникации двух женщин — работодательницы и домработницы. Ольга Ткач рассматривает два типа гендерного контракта — «уборщица» и «помощница». Контракт «уборщица» предполагает сценарий профессионализации наемного домашнего труда. Нанимая *уборщицу*, хозяйка покупает рыночную услугу, а с ней — определенную степень освобождения от домашнего труда. Контракт «помощница» основан на концепции псевдородственных отношений. Помимо инструментальной, от *помощницы* ожидается эмоциональная забота о членах домохозяйства. Здесь наряду с благоустроенным бытом хозяйка покупает дополнительный комфорт, эмоциональную поддержку и дружескую помощь. Исследование демонстрирует, что хотя представительницы среднего класса и освобождаются от многих работ, на их ответственности остается поиск и найм помощников, организация быта и эмоциональная работа по установлению и поддержанию отношений с домработницей. Соответственно концепция нового быта включает в себя женский менеджмент домашней сферы и иерархизацию домашней заботы.

Вторая часть монографии включает статьи, посвященные новым практикам потребления, формированию физического домашнего пространства и стратегиям его реконструкции. Исследователи показывают, что в конце XX в. в постсоветской России развивается общество потребления. Оно утверждает себя на фоне выраженной социальной поляризации, с видимыми в публичном пространстве проявлениями нищеты, бедности и стратегиями экономии. *Борис Гладарев* и *Жанна Цишман* исследуют новые потребительские практики среднего класса, которые противопоставляются советским образцам. Средний класс формирует потребительские стратегии, которые имеют перспективный и долгосрочный характер и призваны обеспечить экономическую стабильность бытия. «Средние русские» в первую очередь вкладывают ресурсы в недвижимость, образование (свое и детей) и здоровье. Они ориентируются на (часто мифологизированные) стандарты образа жизни среднего класса богатых западных стран: коттеджи, дорогое образование детей, наемный домашний труд, потребление «культурных ценностей». С другой стороны, прослеживается ориентация

на «потребительское славянофильство». В интервью воспроизводятся референции к стилистическим образцам русской дворянской усадьбы XIX в. (представления о «хорошем образовании», «верные Арины Родионовны» и пр.), которые часто также мифологизированы. Кроме того, при общей направленности среднего класса на приобретение долгосрочных товаров и услуг огромное значение придается комфорту и гедонистической интерпретации потребления.

Новый быт — это новое домашнее пространство. Как показывает *Лариса Шпаковская*, приватное домашнее пространство противопоставлено публичному. Оно ассоциируется с отдыхом, досуговыми практиками и интимным общением. Особый тип «домашнего», естественного поведения отличается от публичного. Пространственная организация современного дома связана с наличием внешней и множества внутренних границ, отражающих ролевые разделения в семье, а также статусы ее членов. Существование современного дома конституируется различными, в том числе противостоящими друг другу, домашними практиками, напряжение между которыми ощущается информантами. Дом предполагает отдых, совместный досуг, общение. Но он становится и местом конфликтов по поводу разделения домашнего труда и домашнего пространства. Дом рассматривается как личное пространство членов семьи, но быт невозможен без присутствия «посторонних людей» — наемных работников (няни, домработницы, рабочие, ремонтные рабочие). С одной стороны, дом является семейным проектом и в этом смысле представляет возможность реализации личных вкусов, пристрастий его обитателей, а с другой — этот проект является примером стандартизированного потребления, навязанного медийными образцами.

Важнейшим средством строительства нового быта является реконструкция жилья. *Татьяна Андреева* рассматривает ремонт как стратегию обустройства домашнего пространства. При строительстве нового быта средний класс ориентируется на так называемый евростандарт. Конвенциональные представления о западных образцах обустройства пространства становятся эталонными, они рассматриваются как символы современности, достойного уровня жизни и успешности. Для их достижения необходимо дистанцировать себя от советского стиля потребления, уйти от обстановки дефицита. Желание продемонстрировать принадлежность к определенной социальной группе, идентифицировать себя с европейским потребителем побуждает многих информантов реорганизовать свою до-

машную сферу. При этом новый стиль сохраняет черты советского наследия, о чем свидетельствует поиск специалистов «по знакомству», осуществление ремонтных работ «своими силами», отсутствие правового оформления сделок. Стратегии привлечения специалистов тяготеют к использованию ресурсов неформальных связей и характеризуются большим количеством рисков и конфликтов. Демонстративность потребления сочетается со стратегией экономии, когда осуществляется попытка достичь желаемого с наименьшими финансовыми затратами. Смещение стилей и эпох, привнесение новых элементов в «старое» пространство отражают противоречивость не до конца сформировавшейся потребительской культуры.

Третья часть монографии посвящена изменениям в сексуальной и репродуктивной сферах.

Изменения повседневности подразумевает трансформацию сферы интимности. Новые проявления сексуальности — рефлексивны, индивидуалистичны и плюралистичны. Они ориентированы на ценность удовольствия. Однако в этой сфере, как и в других, происходит паложение и попытки переговорного согласования старых и новых образцов. Это сфера морализаторства и диктата профессионалов, экспертных оценок и индивидуального выбора, подсчета затрат и выгод, оценки ситуации и выбора оптимальной стратегии.

Наталья Яргомяская показывает, что в среднем классе — авангардном в сексуальных практиках — женщина обретает субъектность, расширяет возможности реализации своих сексуальных потребностей и желаний. Изменяются роли женщины и мужчины в сексуальном дебюте. Дискурс о гименопластике представляет женщину как субъекта, который получает возможность управлять своей сексуальной биографией, приспосабливаясь к культурным контекстам, которые часто оказываются патриархатными и предполагают двойной сексуальный стандарт. Инструкция по «правильной дефлорации» задает рамки поведения партнера в ситуации первого сношения. Сексуальная эмансипация приводит к изменениям мотивации сексуального дебюта. В гендерно асимметричном дебюте женщина выступает либо как альтруистка, приносящая в дар свою девственность, либо как собственница дорогого и редкого в современном обществе товара. Новый сценарий сексуального дебюта оказывается более «культурно теплым», чем традиционный брачный, так как субъективирует женское удовольствие, лишает девственность ценности, вовлеченной в обмен, и востребует эмоциональную работу обоих партнеров. Если

женщина преодолевает отчуждение по отношению к своему телу, то расставание с невинностью перестает быть травматичным опытом смены сексуального статуса, а становится шагом на пути создания ответственных сексуальных отношений.

Мери Лариваара анализирует повседневную работу гинекологов женских консультаций Санкт-Петербурга. Взгляды и практики гинекологов транслируют представления о «правильной» женственности, которые и стары и новы одновременно. Врачи продвигают представление об ответственной и сознательной матери, прилагающей все усилия для поддержания благополучия в семье. Но не все женщины ответственно относятся к репродуктивному здоровью. Гинекологи считают, что корни проблем следует искать в общем неудовлетворительном состоянии здоровья женщин, их невежестве, равнодушии к своему здоровью, в моральных проблемах. Врачи предъявляют моральные требования к современной женщине — ответственное отношение к здоровью и нравственный уровень женщины оказываются в их представлениях неразрывно связаны. Ожидается, что «культурная современная женщина» будет следовать советам экспертов о подходящих способах контрацепции, а прерывание беременности должно иметь причины, легитимные с точки зрения врача. Лишь немногие, преимущественно молодые врачи, ориентируются на индивидуальный опыт женщины. Однако внимание врачей в целом фокусируется именно на женском опыте: прерывание беременности рассматривается с точки зрения женщины, без привлечения, например, мужа, расширенной семьи или интересов нерожденного ребенка. Гинекологи не используют риторику «вымирания нации» или дискурс «в защиту жизни».

Рефлексивная сексуальность предполагает взаимный контроль и безопасность. *Настя Мейлахс* анализирует практики предохранения в зависимости от режима отношений между партнерами. Исследовательница выделяет режим случайных связей и режим привычной сексуальной близости. Контекст случайных связей предполагает иерархию сексуальных статусов партнеров по критерию доверия. В этом случае действуют конкретные механизмы и индикаторы «надежности» партнера, благодаря им индивидам удастся создать иллюзию снижения сексуальных рисков. В режиме привычной близости осознание риска незапланированной беременности значительно снижается, а риски, связанные с заболеваниями, передающимися половым путем (ЗППП), считаются несуществующими. Коммуника-

ция между постоянными партнерами предполагает «понимание без слов», а не ведение открытых переговоров, уместных в публичных ситуациях. При этом «незаметность» переговоров не свидетельствует об отсутствии соглашения или о пренебрежении ответственностью со стороны одного из партнеров. Выбор средств предохранения и воспитание взаимной ответственности формируются во время постепенного приспособления партнеров к физическим и психологическим особенностям друг друга и в процессе разделения гендерных ролей.

Строительство нового быта и новой интимности мы связываем в первую очередь с новым средним классом. Однако изменения происходят и в других социальных слоях, процесс формирования новой приватности оказывается социально стратифицированным. Новому быту среднего класса противопоставлены интимные практики бедных слоев. Как показывает *Светлана Ярошенко*, инерция гендерного разделения обязанностей в домашней сфере, «классовые» ограничения в исполнении роли основного кормильца в слое «новых бедных» повлекли за собой кризис семьи, невозможность компенсировать женские чувства и заботу более высокой заработной платой мужа. Домашняя экономика выживания, с одной стороны, потребовала объединить усилия партнеров в преодолении нужды, а с другой — выявила социальные пределы эмоциональной и чувственной близости. Обменные отношения начали распространяться на сексуальную сферу. В условиях бедности происходит переосмысление любви и секса, которые становятся «прагматически ориентированными». Вынужденное нарушение гендерных норм, сохранившихся с советского времени, обозначило возникшую дистанцию между браком, сексуальностью и любовью. Разрыв между прежними требованиями и условиями выживания становится все более заметным. «Доверие» и «надежность» партнера остаются значимыми для женщины, а женская «внешняя привлекательность» и «домовитость» — для мужчин. Однако прежние основания близости оказались подорванными из-за несостоятельности мужчин в роли кормильцев и в качестве сексуальных партнеров. Женщины проявляют недовольство инерционностью мужей и их неспособностью соответствовать гендерной роли. Такое недовольство не только означает кризис, но и становится стимулом для переосмысления любви в сложных экономических и семейных условиях и гендерного уклада семьи в целом. Если семьи «выживают», то семейные роли начинают меняться в сторону эгалитарности.

В процессе переосмысления и реорганизации приватности как интимности претерпевают изменения репродуктивные практики, институты и дискурсы. Современные женщины изменяют отношение к деторождению и уходу за новорожденным. Мужчины более активно включаются в эмоциональную работу и заботу. Практики становятся более осознанными и вариативными. Однако не существует конвенциональной модели репродуктивного поведения. Стратегии остаются ситуационными, тактическими, их пределы задают институциональные и политические рамки. Медицина остается институтом, диктующим свои правила. Однако и в ней возрастает чувствительность по отношению к потребностям новых, более требовательных, клиентов медицинских услуг.

Тему репродуктивного поведения продолжает статья *Анны Роткирх* и *Кати Кессели*. На материалах демографической статистики и биографических интервью они анализируют решения петербургских женщин по поводу деторождения. Авторы интересуются, как обосновывают женщины свои решения в биографических интервью и как их ответы выглядят в контексте падения рождаемости в России, и в особенности в Петербурге, в 1990-е гг. Особенное внимание уделяется влиянию социальной среды на представление людей о том, сколько детей «можно» и нужно иметь. В современном российском обществе наблюдаются сдвиги в оценках желаемого количества детей и их места в жизненном цикле. Меняется представление о том, что естественно и нормально в репродуктивной сфере, о том, когда рано и когда поздно «заводить детей». Исследование показывает: несмотря на то что отношение к материнству стало более гибким и рефлексивным, рождение первого ребенка практически не планируется и не проблематизируется. Второй ребенок — это дело тщательного планирования и серьезных рациональных калькуляций. Появление ж третьего ребенка воспринимается двойственно: как потенциальная угроза социальному благополучию семьи или как признак ее высокого социального и морального благополучия.

Анна-Мария Исола исследует официальный российский демографический дискурс о семье. Снижение численности населения в России вызвало сильную озабоченность проблемами рождаемости на федеральном уровне, среди представителей неправительственных организаций и в повседневном дискурсе. В 2006–2007 гг. была сформулирована новая национальная программа, направленная на улучшение, семейной политики и повышение семейных пособий.

Исследовательница анализирует политическую риторику проблем рождаемости и семьи. Обсуждая проблемы рождаемости, российские власти придерживаются прагматической точки зрения. Для повышения в будущем репродуктивного потенциала они стремятся, с одной стороны, адресовать большую экономическую поддержку семьям, с другой стороны, расширить спектр социальных возможностей подрастающего поколения. Сконструированные категории, такие как «неблагополучные семьи» и «талантливые дети», и подкатегории, такие как «семьи с одним родителем» и «многодетные семьи», помогают адресовать экономическую и социальную поддержку непосредственно целевым группам. Сравнение дискурса об идеальной двухдетной семье с дискурсом о многодетных семьях показывает, что ассоциации, связанные с многодетными семьями, обычно негативные и стигматизирующие. Вследствие этого риторически идеальная семья — это двухдетная матрифокальная семья, а не семья с большим количеством детей, т. к. именно в ней сконцентрированы экономические трудности, проблемы со здоровьем и низкая культура родительства. Такой идеал позиционируется политиками как прагматически достижимый. В этом смысле прагматическая демографическая политика властей и их риторика не противоречат желаниям российских женщин, которые в большинстве своем ориентированы на материнство.

Материнство конструируется экспертными институтами. Риторика политиков и экспертиза врачей вносят свой вклад в конструирование материнского опыта.

На материалах самоэтнографии *Ольга Бредникова* размышляет о смыслах, приписываемых *молодости* и *старости* в процессе беременности—родов, и рассматривает отношения власти, которые реализуются при использовании этих номинаций. *Старость* проблематизируется через тело, а *молодость* через дефицит опыта субъекта. *Старость* более уязвима, поскольку опыт и компетенция достижимы, а порог *старости* в репродуктивной медицине отодвинуть гораздо сложнее. Возрастные категории позволяют манипулировать статусом беременной, вызывая у нее соответствующие когнитивные и аффективные реакции и направляя на осуществление «правильных» действий. После родов «старородящая» женщина приобретает статус молодой матери, и это превращение делает ее объектом обучения авторитетных врачей и затрудняет осуществление автономных стратегий самоконтроля. Новые тенденции автономной женщины предполагают сознательный контроль своего выбора и действий, а также

контроль над публичными институтами, испытывающими дефицит доверия со стороны граждан.

В России за последние десять лет все большее распространение получили семейные роды. Со второй половины 1990-х гг. появились новые институциональные возможности, позволяющие обеспечивать более активное вовлечение отца в эти процессы. Как показывают *Евгения Ангелова* и *Анна Тёмкина*, существуют разные модели участия отца в родах — активное участие как сознательный гендерный проект и ситуативное (формальное) участие. Для обеих моделей характерно стремление восполнить дефицит институционального доверия, связанный с системой родовспоможения. Однако способы преодоления недоверия различаются. В модели гендерного проекта в дородовой период партнеры занимаются поиском информации, посещают курсы подготовки к родам, устанавливают доверительные отношения с акушеркой. Ко времени наступления родов недоверие уже во многом преодолено. Отец в такой ситуации — это партнер, эксперт, его присутствие означает совместное переживание опыта, который осознается как значимый для дальнейшей жизни семьи. Оно компенсирует недостатки организации ухода в родильном доме. Для модели ситуативного участия характерна стратегия получения формальных гарантий. Проблема недоверия остается актуальной во время родов, присутствие отца в роли контролера или наблюдателя имеет важное функциональное значение обеспечения надзора и достижения безопасности. Меняется структура родительства — роли матери и отца перестают быть жестко заданными. В первом случае для пары характерно отсутствие жесткого гендерного разделения труда, родительские роли выступают предметом постоянных переговоров и сотрудничества между супругами. Для второй модели характерно более традиционное гендерное разделение ролей, поляризация материнства и отцовства.

В сфере репродуктивных практик и практик по уходу за новорожденным существуют малозаметные изменения, оставшиеся за пределами публичного обсуждения. *Дарья Одишцова* в своей статье анализирует отказ от пеленания новорожденных как симптом культурного переосмысления категории новорожденного, изменения логики взаимодействия матери и медицинских институтов, а также перехода к новому стилю потребления, включающего использование широкого ассортимента товаров для грудных детей. Более полувека тому назад М. Мид сформулировала знаменитую «пеленальную гипотезу», утверждая, что необычайно длительный период пеленания младенцев

оказывает существенное влияние на складывание русского национального характера. Такого рода влияние производится этой практикой в том случае, если она вписана в контекст общих культурных стандартов (Mead, 1954: 395, 398). Д. Одинцова рассматривает практики пеленания советского и современного периодов в контексте медицинского знания, институциональных правил медицинских учреждений и бытового обоснования пеленания. Патернализм медицинских институтов и бытовой минимализм, характерные для советского общества, сказались и в практиках ухода за младенцами. Индивидуализация ухода за новорожденным, переход к новому стилю потребления обусловили реконфигурацию практик ухода. Отказ от пеленания предполагает изменение культурной модели младенчества. С первых дней жизни новорожденный мыслится как лицо, наделенное индивидуальными потребностями, схожими с потребностями взрослого человека, и соответствующими правами. Все короче период пеленания, все меньше распространена эта практика. Одевая младенцев в соответствии со своими вкусами и возможностями, родители демонстрируют свой статус и свои представления о надлежащем уходе за младенцем.

В монографии анализируются разные аспекты нового быта — от организации домашнего пространства до пеленания детей. Все они свидетельствуют о формировании буржуазной приватной сферы, существование которой подразумевает личную свободу, развитие рынка социальных услуг, ценность интимности и изменение гендерных ролей. Этот проект захватывает авангардный слой городского среднего класса и развивается на фоне социального расслоения, иерархизации заботы и коммерциализации повседневности. Социальные конфликты будут пронизывать новый быт, но этот проект имеет гораздо больше шансов на реализацию, чем утопия коммунистического нового быта, о котором мечтала Александра Коллонтай. Она могла бы ужаснуться, увидев господство индивидуализма и отсутствие солидарности, жесткую конкуренцию и классовую поляризацию в современной России. В то же время рефлексивные поиски молодых людей, изобретательность женщин нового тысячелетия обрадовали бы и удивили ее.

Елена Здравомыслова, Анна Роткирх, Анна Тёмкина

Литература

- Бек У. (2000). *Общество риска. На пути к другому модерну*. М.: Прогресс-Традиция.
- Волков В. (1997). Общественность: забытая практика гражданского общества, *Pro et Contra*, т. 2, № 3, с. 77–91.
- Гидденс А. (2004). *Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах*. М.; СПб.: Питер.
- Коллонтай А. (1923). Революция быта, в кн.: *Труд женщины в эволюции хозяйства*. М.; Пг. Перепечатано в кн.: *Марксистский феминизм. Коллекция текстов А.М. Коллонтай*. Тверь: ФеминистПресс—Россия, 2003.
- Лотман Ю.М. (1994). *Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века)*. СПб.: Искусство—СПб.
- Малеева Т., ред. (2003). *Средние классы в России: Экономические и социальные стратегии*. Центр Карнеги. М.: Гендальф.
- Радаев В. (2003). Введение, в кн.: *Средние классы в России: Экономические и социальные стратегии*. Центр Карнеги. М.: Гендальф.
- Сеннет Р. (2002). *Падение публичного человека*. М.: Логос.
- Тёмкина А., Роткирх А. (2002). Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России, *Социс*, № 11, с. 4–15.
- Хархордин О. (2002). *Обличать и лицемерить: Генеалогия российской личности*. СПб.; М.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге; Летний сад. (Труды ф-та политических наук и социологии; Вып. 5).
- Яницкий О. (2004). *Социология риска*. М.: LVS.
- Bailey J. (2000). Some Meanings of 'the Private' in Sociological Thought, *Sociology*, N 34, p. 381–401.
- Crompton R. (1999). Discussion and Conclusions, in: R. Crompton, ed., *Restructuring Gender Relations and Employment. The Decline of the Male Breadwinner*. Oxford; New York: Oxford University Press, p. 200–214.
- Hochschild A. (2003). *The Commercialization of Intimate Life. Notes from Home and Work*. Berkeley; London: University of California Press.
- Lan P.-Ch. (2002). Among Women: Migrant Domestic Workers and Their Taiwanese Employers Across Generations, in: B. Ehrenreich, A. Hochschild, eds., *Global Women. Nannies, Maids and Sex Workers in the New Economy*. London: Granta Books, p. 169–189.
- Mead M. (1954). The Swaddling Hypothesis: Its Reception, in: *American Anthropologist. New Series*, vol. 56, N 3 (June), p. 395–409.
- McCarthy Edwards (2001). Illuminating Meanings of «the Private» in Sociological Thought: A Response to Joe, *Sociology*, N 35, p. 765–777.
- Weintraub J. (1997). The Theory and Politics of the Public/Private distinction, in: J. Weintraub, K. Kumar, eds., *Public and private in thought and practice: perspectives on a grand dichotomy*. Chicago: University of Chicago Press, p. 1–42.

Часть 1

**НОВАЯ ЖЕНЩИНА:
ГЕНДЕРНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ
И КОММЕРЦИАЛИЗАЦИЯ
ДОМАШНЕГО ТРУДА**

Анна Тёмкина

НОВЫЙ БЫТ, СЕКСУАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ И ГЕНДЕРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ¹

В данной статье я обращаюсь к проблеме гендерных различий и неравенства в сфере сексуальных отношений в России начала 2000-х гг. На основе анализа биографических интервью осуществляется реконструкция гендерных предписаний, идентичностей, практик и способов взаимодействия.² Эмпирические данные показывают, что в со-

¹ Многие идеи данной статьи обсуждались на проектных семинарах в Европейском университете в Санкт-Петербурге (ЕУСПб) и в Хельсинки, за что я благодарю всех участников. Я особенно признательна Е. Здравомысловой, А. Роткирх и И. Тартаковской за комментарии.

² В данной статье используются материалы, полученные в рамках проекта «Сексуальные и репродуктивные практики в России: свобода и ответственность (Санкт-Петербург, начало XXI в.)», его финансовая поддержка осуществлена Гендерной программой факультета политических наук и социологии ЕУСПб, 2005 год. Сексуальные биографии двадцати женщин и десяти мужчин двух возрастных когорт (от 17 до 25 лет, от 30 до 45 лет) были собраны методом глубинных интервью. Из тридцати опрошенных 20 человек принадлежат к среднему классу (12 женщин и 8 мужчин), 10 – к низшему среднему классу. Дополнительно мной было проведено 4 интервью с молодыми женщинами (20–25 лет) в Челябинске в марте 2005 г., за помощь в организации которых я признательна Ольге Никоновой. В интервью были включены блоки, касающиеся следующих тем: первые сексуальные воспоминания, сексуальный дебют, знания о сексуальности, стабильные и нестабильные отношения, любовь, брак, развод, внебрачные связи, разговоры о сексе с партнером, оргазм, беременность, роды, аборты, деторождение, контрацепция, заболевания и лечение. В интервью был включен также ряд оценочных вопросов (отношение к бездетности, одинокому материнству, многодетности, изменениям в сексуальной сфере и пр.).

временной России наблюдается тенденция повышения активности, ответственности и компетентности женщин, возрастает значимость партнерских (эгалитарных) отношений. Эта тенденция отчетливо прослеживается в сфере сексуальных отношений, столь значимых для организации гендерного порядка. С другой стороны, сохраняется двойной гендерный стандарт и гендерная поляризация (неравенство).

Под двойным гендерным стандартом исследователи понимают различия предписаний по признаку пола, влекущие за собой структурное неравенство групп, выделяемых по гендерным признакам, прежде всего мужчин и женщин. В сфере (гетеро)сексуальных отношений двойной стандарт предполагает, что нормы мужской сексуальности являются более либеральными, чем нормы женской. При патриархальном гендерном устройстве общества женская сексуальность жестко контролируется семьей, сообществом и государством; она нормативно связана преимущественно с репродукцией, от женщин требуются «чистота» и «верность». На мужчин эти нормы распространяются в гораздо меньшей степени. Гендерное неравенство в сексуальной сфере означает иерархию статусов, при которой женские сексуальные потребности считаются вторичными по сравнению с мужскими. В постпатриархальных западных обществах, переживших сексуальную революцию и существенные изменения гендерных ролей, сфера сексуальности становится относительно автономной областью удовольствия и рационального выбора, ответственного отношения к сексу и планирования репродуктивного поведения, выравнивания гендерных стандартов. Происходит «повсеместное резкое уменьшение поведенческих и мотивационных различий между мужчинами и женщинами в возрасте сексуального дебюта, числе сексуальных партнеров, проявлении сексуальной инициативы, отношении к эротике и т. д. Положение в разных странах зависит... от степени социального равенства полов» (Кон, 2002: 28).

Однако социальное равенство полов, продвигаемое в публичной сфере, не уничтожает полностью неравенства и гендерного конфликта в сфере приватной жизни и сексуальности. У. Бек пишет о характерной для Европы «глубокой нестабильности, уязвимости и “воору-

При написании данной статьи были привлечены некоторые материалы из проекта «Новый быт» (2004—2005 годы, финансовая поддержка Финской АН), а также материалы из исследования сексуальности в Санкт-Петербурге в 1995 г. (см.: Здравомыслова, Тёмкина, 2002а).

женной растерянности» мужчин и женщин, противостоящих друг другу в буднях брака и семьи» (Бек, 2000: 148). Это объясняется тем, что приватная сфера, включающая и сферу интимных отношений, является консервативной. Изменения в ней происходят неравномерно и не прямо повторяют тенденции изменения гендерного устройства публичной сферы. В сфере интимных отношений создаются и воспроизводятся натурализованные гендерные различия (т. е. те различия, которые признаются природными и естественными).

Здесь мы обратимся к вопросу о том, как меняются гендерные отношения в сексуальной сфере в современном российском обществе, которое пережило радикальные изменения, обозначаемые метафорой «сексуальная революция».³ В западных обществах сексуальная революция 1960—1970-х гг. была связана с институциональными (в первую очередь с развитием рынка контрацепции) и политическими изменениями (с феминистским и другими политическими движениями), с общественными дебатами (Rotkirch, 2000; Кон, 2002; Гидденс, 2004). В России изменения в повседневности опередили публичную артикуляцию и изменения институтов. Применительно к России исследователи выделяют два этапа радикальных изменений в сфере сексуальности (Rotkirch, 2000: 24). Первый этап, или «*сексуальная революция в повседневности*», пришелся на позднесоветский период и был связан с либерализацией сексуальных практик. Второй этап, или «*дискурсивная сексуальная революция*», начался в период перестройки/гласности и был ознаменован артикуляцией сексуальности в публичных дискурсах и ростом институциональной рефлексивности по отношению к сексуальным практикам.

³ Под «сексуальной революцией» в западных индустриальных обществах понимают радикальные изменения практик и дискурсов, произошедших в 1960—1970-е годы. И. Кон указывает, что тенденции сексуальной либерализации являются сходными для большинства индустриальных обществ. К ним относятся более раннее сексуальное созревание и пробуждение эротических чувств у подростков и начало сексуальной жизни; социальное и моральное принятие добрачной сексуальности и сожителства; сужение сферы запретного в культуре и рост общественного интереса к эротике; рост терпимости по отношению к необычным, вариативным и девиантным формам сексуальности; увеличение разрыва между поколениями в сексуальных установках, ценностях и поведении, а также уменьшение двойных гендерных стандартов (Кон, 1997, 2005).

В позднесоветский период разрыв либеральных практик сексуальной жизни и репрессивной советской идеологии по отношению к сексуальности приобрел системный и рутинный характер, что позволило исследователям назвать такую сексуальность «лицемерной» (Zdravomyslova, 2001). На фоне публичного умолчания сексуальности менялись повседневные практики. Официально декларировалась норма моногамной советской семьи, в повседневности добрый и внебрачный секс был широко распространенным и среди мужчин, и среди женщин. Происходило постепенное изменение норм женской сексуальности, которая теряла эксклюзивно репродуктивный характер, но относительно которой сохранялся двойной стандарт. Наши предыдущие исследования показали, что в позднесоветский период мужчинам и женщинам приписывались разные сексуальные потребности, сексуальность репрезентировалась как гендерно поляризованная и иерархизированная. В повседневности утверждалась сексуальная активность и биологическая полигамность мужчин, относительная пассивность женской сексуальности (Тёмкина, 2001, 2002; Здравомыслова, Тёмкина, 2007). Гендерная поляризация воспроизводилась и в сфере репродуктивного поведения. Аборты и роды считались *исключительно*, а использование контрацепции — преимущественно женскими практиками (как в браке, так и вне брака); устройство социальных институтов и гендерные стереотипы способствовали дистанцированию мужчин от данной сферы жизни (Бараулина, 2002).

Для второго этапа изменений — периода перестройки — характерен рост институциональной рефлексивности в отношении либеральных сексуальных практик, т. е. доступность экспертного знания, масс-медийное и рыночное обеспечение потребностей, возникающих в сексуальной сфере, институциональная поддержка репродуктивного планирования и пр. Сексуальность озвучивается в публичных дискурсах как сфера удовольствия и риска, повышается значимость сексуальной привлекательности, которая становится ресурсом, увеличивающим жизненные шансы индивидов. В повседневности получают распространение гедонистические и рыночные сценарии сексуальности (Тёмкина, 2002). Как и на первом этапе, сохраняется двойной гендерный стандарт (Rotkirch, Naavio-Mannila, 2000; Тёмкина, 2001, 2002; Здравомыслова, Тёмкина, 2007).

Исследования выявляют противоречивые тенденции. Фиксируется рост толерантности в отношении добрых связей как для муж-

чин, так и для женщин, но одновременно сохраняется меньшая терпимость в отношении женских супружеских измен по сравнению с мужскими (Анурин, 2000: 92; Здравомыслова О., 2003: 81–83 и пр.; Анурин, 2004; Кон, 2005: 296). С точки зрения С. Голода, массовые опросы выявляют следующую тенденцию: «С одной стороны, прорисовывается специфика каждого из полов, с другой – их поведение сближается по мужскому традиционному варианту» (Голод, 1996: 95–96). На основе данных опроса в Санкт-Петербурге (1996) Э. Хаавио-Маннилы и А. Роткирх показывают гендерную поляризацию в практиках внебрачных связей и в отношении к ним. Такая поляризация связана с постсоветским акцентированием *различий* полов. Вместе с тем молодые люди по сравнению со старшими более гендерно эгалитарны в оценке женской сексуальной активности и принятии гомосексуальности. Сравнивая процессы либерализации сексуальности в Финляндии, Швеции и России, авторы описывают общую тенденцию к эгалитарности или выравниванию гендерных стандартов (Haavio-Mannila and Rotkirch, 2005).

На этом этапе роста институциональной рефлексивности «сексуальная революция» в России остается незавершенной, поскольку по-прежнему сохраняется двойной гендерный стандарт. По мнению И. Кона и других исследователей, «сексуальная революция» на Западе была прежде всего женской революцией,⁴ в ходе которой значительно изменились интерпретации и практики женской сексуальности и стало ослабевать гендерное неравенство (Кон, 2002). Признание гендерных различий сопровождалось развитием дискурса равных возможностей.

В данном контексте нас интересует, происходит ли в настоящее время в России (начало XXI в.) третий – *гендерный* – этап сексуальной революции, следующий за поведенческим (1970–1980-е гг.) и дискурсивным (1990-е)? Далее мы обращаем внимание в первую очередь на изменения в практиках женской сексуальной жизни, поскольку именно с ее регулированием связано воспроизводство гендерного неравенства в сфере сексуальности. Преодоление двойного гендерного

⁴ Меняются и представления о мужественности, и предписания мужчинам в сфере сексуальных отношений: «Современные молодые женщины ожидают от своих партнеров не только высокой потенции, но и понимания, ласки и нежности, которые в прежний мужской джентльменский набор не входили» (Кон, 2002: 28).

стандарта предполагает в первую очередь либерализацию поведения женщин и открытость общества к новым образцам поведения. Однако гендерные изменения очевидно касаются и мужчин, практики которых соотносятся с изменениями в позиционировании женщин.

Эмпирически о радикальных гендерных изменениях в сфере сексуальности в начале 2000-х гг. свидетельствуют следующие тенденции:

— Рационализация, контроль и планирование женщинами своей сексуальной жизни, повышение активности и компетентности женщин в сфере сексуальных отношений, ответственное отношение женщин к репродуктивному здоровью, позиционирование женщинами себя в качестве субъекта сексуального желания и удовольствия.

— Распространение ответственного отношения мужчин и женщин к сексуальным практикам.

— Ориентация на партнерство в сексуальных отношениях.

Автономизация женской сексуальности, ее отрыв от репродукции и «женской судьбы» окончательно легитимированы в России. В начале 2000-х гг. это признается как женщинами, так и мужчинами.⁵ Происходит выравнивание гендерных стандартов, повышается значимость партнерства. Однако эти тенденции захватывают общество неравномерно. Они отчетливо выражены у образованного городского слоя и проявляются в разных сферах жизни (в сфере межличностных взаимодействий, в разделении домашнего труда, в распоряжении деньгами, в воспитании детей и пр.), в том числе и в сексуальной. Сексуальное взаимодействие и репродуктивные практики описываются партнерами как предмет планирования и переговоров, учитывающих индивидуальные различия и взаимные потребности. Например, совместное принятие решения о рождении ребенка, включенность отца на всех стадиях беременности и участие в родах означает частичное преодоление гендерной поляризации (разрыва между «женским» и «мужским» миром) в репродуктивной сфере, выработку средств постоянной коммуникации между партнерами. Это может приводить

⁵ Разделенность сексуальной жизни и брака отмечалась почти всеми нашими информантами. Однако, разумеется, у молодых людей существуют и другие мнения. Например: *«Все-таки я придерживаюсь того идеала, что не должно быть... сексуальных отношений до брака, потому что это, я считаю, что это отношения, разрушающие личность человека, а не создающие ее»* (Оксана, 25 лет).

к гендерному выравниванию представлений о родительских ролях и практик по уходу за ребенком (Ангелова, 2005).

Однако на фоне рационализации и либерализации сексуального поведения сохраняется гендерная поляризация женского и мужского миров, или гендерные границы. Культурная поло-типизация практик в условиях гендерного неравенства означает, что женские практики и сферы компетентности обладают более низким статусом по сравнению с мужскими. О. Здравомыслова на основе исследований, проведенных в 1990-е гг., анализирует гендерные границы, устанавливающие различия и конфликтные зоны в отношениях мужчин и женщин. Как показывает автор, сущность многих гендерных практик в современной России, несмотря на модернизацию, остается традиционной. Замкнутость границ мужской и женской культур способствует конфликтности отношений и неразвитости партнерства. Существуют практики, по поводу которых идет «борьба полов» за их поддержание и переопределение. Такие практики относятся в том числе к сфере сексуальной свободы (Здравомыслова О., 2003: 80–82). Наш эмпирический материал также показывает, что в настоящее время гендерная поляризация в сфере сексуальности сохраняется. Признается приоритет мужских сексуальных потребностей над женскими; большинство репродуктивных практик (использование контрацепции, практики беременности и деторождения, забота о репродуктивном здоровье) считаются сферами женской ответственности, из которой молодые мужчины самоустраиваются или в которую они не допускаются так же, как и их отцы. От мужчин ожидается выполнение традиционных ролей материального обеспечения (добытчика или спонсора) и обеспечения безопасности. От женщин — материнство и домашнее обслуживание семьи и мужчины.

Далее на материале проведенных исследований мы рассмотрим гендерные изменения, которые связаны с активной и рациональной позицией женщины и формированием партнерства в сексуальных отношениях. Затем мы реконструируем пассивное позиционирование женщины, отношение женщин и мужчин к сексуальной жизни как к судьбе и воспроизводство гендерной поляризации и гендерных границ. Исследования трансформации сексуальной жизни помогут нам понять тенденции изменения гендерного порядка в целом. Сексуальная жизнь для нас — это часть повседневности, признанная, легитимная часть быта. Изменения сексуальности, изменения быта, изменения гендерного порядка — вот понятийная цепочка, которая организует наши рассуждения.

В данном исследовании речь идет о современном этапе сексуальной революции, поэтому в центре внимания — биографии наиболее молодых информантов, собранные весной 2005 г. в Санкт-Петербурге и Челябинске (11 женщин в возрасте 19–26 лет, 7 мужчин в возрасте 17–26 лет). Наши информанты относятся к постсоветскому поколению. Их годы рождения приходятся на начало 1980-х гг., формативные годы сексуальной жизни — на вторую половину 1990-х гг., т. е. на период дискурсивной революции. Как возрастная группа, эти люди находятся в стадии поиска в сфере сексуальных отношений и обретения опыта и знаний. По социальному составу информанты — это студенты, аспиранты, секретари, менеджеры низшего звена, недавно работающие специалисты, безработные. В выборку включены люди с высшим образованием (или обучающиеся в вузах — 14 человек) и без высшего образования (4 человека). Из восемнадцати опрошенных двое недавно женаты, у одной информантки есть ребенок.

Сексуальная жизнь как проект и партнерские отношения

Я сама готова нести за это [сексуальные отношения] ответственность. За этот шаг, за эти последствия.

Из интервью

Это [секс] нужно не только тебе, но и мне.

Из интервью

В биографиях представителей самой молодой возрастной когорты четко очерчиваются рамки новой женской субъектности и рационального⁶ отношения к сексуальной жизни. Как указывает Э. Гидденс,

⁶ «Способность человека действовать рационально, т. е. способность человека в своих повседневных делах рассчитывать, действовать обдуманно; выработать альтернативные планы действий; заранее определять условия, в которых он последует одному или другому плану; при выборе средств отдавать предпочтение наиболее эффективным; придавать значение прогнозируемости событий, предпочитая при этом «некоторый элемент неожиданности»; отдавать предпочтение предварительному анализу альтернатив и последствий перед импровизацией; придавать большое значение вопросу о том, что необходимо сделать и как; осознавать, осуществлять выбор и

характеристикой современных интимных отношений является добровольный выбор из различных возможностей, необходимый для осуществления рефлексивного проекта собственной жизни (Giddens, 1991: 87–88). Современные молодые женщины в России стремятся к контролю над своей жизнью, в том числе сексуальной. Контроль обеспечивается обретением знаний, превентивной заботой о здоровье, планированием сексуального дебюта, выбором партнера (мужа), «работой над оргазмом», информированным использованием контрацепции, планированием и организацией рождения детей и пр. Такие женщины знают, чего они хотят в своей сексуальной жизни и в жизни в целом, и как этого добиться.⁷ Эти женщины обладают экономической и профессиональной независимостью или стремятся к ней.

Современная молодая женщина выстраивает стратегию создания семьи. Она определяет те обстоятельства, которые считает необходимыми и достаточными для семейной жизни. Она имеет представление о собственной позиции и о соотношении ролей в будущей семье. С точки зрения двадцатидвухлетней женщины, прежде чем вступить в супружеские отношения, необходимо обеспечить себе карьерный рост и полную экономическую независимость. Нести ответственность за семью должны оба супруга:

Я бы не сказала, что это [семья] сейчас стоит... на моей повестке дня... хочу достигнуть определенного карьерного роста и какой-то определенной финансовой стабильности, и после чего я бы уже думала о семье, хотя... не считаю, что женщина должна быть тем человеком, который содержит семью, но, собственно... надо быть абсолютно независимой (Людмила, 22 года).

стремиться к нему: настаивать на «детальной» в противовес «обобщенной» характеристике ситуаций, расцениваемой в качестве важной и реалистической информации, и так далее — причем эта способность базируется на способности человека воспринимать как нечто само собой разумеющееся, принимать на веру широкий диапазон характеристик социального порядка» (Гарфинкель, 2007: 179).

⁷ Данный достаточно новый для России феномен с трудом воспринимается средним и старшим поколением, ориентирующимся на патриархальную риторику. Сексуально активная женщина воспринимается в качестве угрозы гендерному устройству общества, и возникают самые разнообразные протесты — от определения женщины как «стервы» и роста области «стервологии» до агрессивной критики феминизма (см., например: Никонов, 2005).

Женщина готова нести ответственность за свою репродуктивную и сексуальную жизнь. Для этого ей необходима соответствующая информация. Она осваивает специальную литературу, планирует репродуктивное поведение, контролирует свое здоровье, регулярно посещает гинеколога, предохраняется от нежелательной беременности и заболеваний. Она становится социально компетентным агентом в поле сексуальных взаимодействий. Наша информантка рассказывает:

Я тщательно проштудировала всю литературу, какую только возможно, по поводу контрацепции. Более того, мне оказалось мало, я пошла к нескольким разным врачам на прием, вот, и все они мне сказали совершенно разные вещи... Я поняла, что я сама, главное, я сама готова нести за это [сексуальные отношения] ответственность. За этот шаг [дебют], за эти последствия (Алёна, 22 года).

Женщина выступает инициатором использования контрацепции, на что соглашается (или не соглашается) мужчина:

Когда было в первый раз, я сразу поставила, что я без презерватива не хочу и ничего делать не буду. Вот. Он, собственно, согласился и все, и сейчас это в порядке вещей (Наташа, 22 года).

Она выступает инициатором контроля сексуального здоровья пары, настаивает на том, чтобы партнер также гарантировал свое здоровье:

Перед тем как, там, заняться со мной сексом, он сдал кучу анализов, что он здоровый... Он не мог мне перечить. ...Он не мог мне сказать — нет. А как? Я так хочу! Я вот, я вся чистая, здоровая, и все, и я хочу быть уверена в тебе. Вот у тебя, там, куча, немерено этих женщин было... (Яна, 19 лет).

Для этих женщин характерно изменение отношения к абортam. Аборты перестают быть травматичными с медицинской точки зрения, но одновременно они утрачивают свойства рутинизированной нормальной практики. К этому средству контроля репродукции прибегают гораздо реже по сравнению с советским временем, отношение к абортam становится более негативным. Проблематизация абортов выражается в разной форме — от вреда здоровью до совершения

убийства (подобная интерпретация практически отсутствовала в советское время). Появляются категории «вины», «стыда», «греха», «некультурности», связанные с прерыванием беременности. Контрацептивная культура перестает быть абортной, хотя нежелательные беременности и аборт все еще остаются распространенным опытом (см.: Здравомыслова, 2005).

Признается (и осознается) наличие у женщины сексуальных потребностей. Женщина стремится испытывать сексуальное удовольствие, оргазм, обсуждает это с партнером, «работает» над достижением удовольствия. Оргазм становится одной из важных целей сексуальных отношений.⁸ В дискурсе появился нарратив об оргазме, который воспроизводится в биографических историях (озвучивается ценность оргазма, способы его достижения, сравнение разных типов, интенсивности, качества и пр.). Истории о женском оргазме в качестве инструкций широко представлены в масс-медийной продукции. Женщина не видит смысла в имитации сексуального удовлетворения и расстается с тем партнером, с которым не достигает оргазма. Она считает, что невозможность достигнуть удовлетворения, обсудить эту проблему с партнером и найти определенный способ ее решения является показателем низкого качества отношений в целом. Это показатель отсутствия заинтересованности друг в друге и недостатка доверия между партнерами. Она отказывается от одностороннего сексуального обслуживания, не приносящего ей удовлетворения. Такие отношения не имеет смысла сохранять. Приведу характерные цитаты.

...Мы с ним начинаем заниматься сексом, проходит пять минут, и я говорю: «Все. Давай. Хватит». Он такой: «Что?» Я такая: «Все, я не хочу. Мне не интересно»... Никаких... ощущений. Я такая:

⁸ Французский социолог А. Бежен пишет о том, что современная сексуальность становится «рационализированной», «финализированной», «технологизированной», «профессионализированной», ее «стали характеризовать по одному из ее результатов, частому, но не строго необходимому, а именно — по удовольствию, которое она может доставить», в ней ведется постоянный учет сексуального удовольствия (Бежен, 1997: 15–16). «Оргазм становится одновременно и почти неизбежным атрибутом и эталоном измерения сексуального удовольствия» (Там же: 17). Учет сексуального удовольствия говорит о распространении целерациональности на сферу сексуальности.

«А чё?» Чтобы он получал удовольствие? Я не готова, чтобы удовлетворять какого-то мужчину. Ты вот не можешь, вот, доставить мне удовольствие? Все, давай, пока. Как бы, мне это не интересно (Яна, 19 лет).

Это глупо, когда женщина начинает симулировать оргазм... Если у вас какие-то близкие отношения, если он не может тебя довести до оргазма, простите, это проблема, это надо решать, надо что-то делать, надо друг о друге заботиться... ты всю жизнь так и будешь ходить неудовлетворенной? Смысл? У вас же и отношения из этого будут строиться совершенно другие, потом это же означает, что вы друг другу как-то не особо доверяете, зачем ты будешь симулировать оргазм? Ты не доверяешь ему, ты не можешь ему сказать, ты знаешь, дорогой, мне это не нравится, а попробуй со мной сделать это, я хочу так вот (Виктория, 24 года).

Допускается проявление женщиной инициативы в сексуальных отношениях. Она выбирает партнера, контролирует время и ситуацию сексуального дебюта. Она ищет подходящего сексуального партнера: любовника/мужа/отца ребенка в перспективе. Она обладает высоким уровнем рефлексии, свободно рассказывает о том, что ее устраивает или не устраивает в конкретных сексуальных отношениях. Сексуально эмансипированная женщина часто является и инициатором разрыва, и в этом она сходна с «поколением матерей» (поколением поведенческой революции). Однако причиной разрыва может быть то, что молодую женщину не устраивают собственно сексуальные отношения. Такая мотивация в поколении матерей встречалась гораздо реже.

Женщины, сознательно выстраивающие свою сексуальную жизнь, ориентируются на **партнерство**. Такие отношения предполагают взаимную заинтересованность, равноправие, наличие обоюдных сексуальных потребностей и переговоры по поводу отношений. Информантка рассказывает:

Я всегда, вступая с кем-либо в половую связь, я, как бы, стараюсь расставлять такие акценты, что это нужно не только тебе, но и мне. И поэтому это как-то: никто здесь не подчиненный, и никто здесь не оплачивает и не оплачиваем, то есть как-то это все на взаимовыгодных каких-то моментах построено (Людмила, 22 года).

Партнеры должны быть одинаково информированы или вместе приобретать необходимые знания. Предохранение, беременность не считаются эксклюзивно «женскими проблемами». Как полагает одна из информанток, в процессе сексуального просвещения нужно особое внимание уделять мальчикам, они должны знать не только, как функционирует их тело, но и особенности женского организма.

Мальчики, например, тоже должны знать, я не считаю, что, если вот девочка залетела... это не только проблема девочки. О том, что, как надо предохраняться, это не только проблема девушки. О том, что у девушки, оказывается, бывает менструация, это не только девушка должна об этом знать (Виктория, 24 года).

Для партнерских пар характерен коммуникативный сценарий сексуальных отношений, в нем сохраняются те основные характеристики, которые были описаны для старшего поколения (а именно — значимость взаимопонимания, дружбы, общения, взаимных интересов, общего круга, нацеленность на совместные действия и эмоциональный контакт — Тёмкина, 2002). Однако по сравнению со старшими поколениями отношения становятся более рефлексивными, а сексуальная сфера — более артикулированной. Коммуникативный сценарий молодых людей и девушек включает обсуждение вопросов сексуальной сферы и взаимодействий, знание сексуальных потребностей друг друга, признание значимости сексуального удовольствия в равной степени для обоих партнеров. В целом партнерские отношения противостоят двойному стандарту.

Молодые мужчины в этом случае так же, как и женщины, стремятся учесть индивидуальные и взаимные потребности в сексуальных отношениях, заботятся о безопасном сексе и предохранении от беременности, планируют семью и воспитание детей и пр. От них ждут ответственности за разные стороны интимной жизни, в том числе заботы о сексуальном удовлетворении партнера, использования контрацепции и ориентации на безопасность в сексуальных отношениях. Такой мужчина знает сексуальные потребности подруги, заботится о ее самочувствии, «работает» над ее оргазмом и пр. Для мужчин становятся нормальными переговоры по поводу сексуальных чувств и практик, использование эффективной контрацепции, забота друг о друге. Эмпирические данные показывают, что часто

молодые мужчины ответственно относятся к сексу и пересматривают взаимоотношения под влиянием или давлением девушек, а не по собственному выбору.

Рассмотрим, каким образом в партнерских отношениях выстраиваются контрацептивные практики и практики репродуктивного поведения, как происходит накопление знаний и опыта, как осуществляется сексуальное взаимодействие между женщиной и женщиной, какое место во взаимодействиях занимает сексуальное удовольствие и удовлетворение.

Пара обсуждает сексуальный дебют или начало интимной жизни, при этом важным считается мнение женщины. Информантка рассказывает: «*[Я] ему объяснила, что должно пройти какое-то время, что не сразу все. Он, как бы, понял все и сказал: "...когда скажешь сама, тогда и будет"*» (Ирина, 20 лет). Ирина и ее партнер совместно приняли решение о том, чтобы проверить свое здоровье перед началом половой жизни и осуществили этот план. Аналогичную историю о начале сексуальной жизни рассказали нам и некоторые другие женщины. Ирина продолжает рассказ об освоении сексуальных знаний со своим гражданским мужем, о превращении этого процесса в игру, доставляющую удовольствие им обоим.

— *Кино? Ну, изредка. Так... книжки мы читаем, вместе [смеется].*

Вслух.

— *Вслух, да? Какого типа?*

— *...«Эммануэль» мы читали. А так — мы читаем обычно вслух «Как побить сексуальную скуку», допустим, пособия различные, такого содержания.*

Эта пара обсуждала начало интимных отношений, предохранение, они вместе посетили врача, приняли решение об использовании гормональной контрацепции, которое устроило их обоих. Регистрацию брака и рождение ребенка они откладывают до окончания учебы и собираются предпринять меры по улучшению здоровья перед зачатием. В совместном быте у них нет гендерно маркированного разделения труда, Ирина говорит о совместности всех интересов и действий. Она не понимает, как партнер мог бы сделать что-то, не поставив ее в известность: «*Я не представляю, как так, что мой муж не обсудил со мной даже покупку каких-то элементарных джинсов... это все у нас обсуждается в семье*». Однако инициатором равноправия выступает

она, и иногда ей приходится преодолевать сопротивление партнера: *«Я приветствую равноправие. Ну, мне очень нравится, что я... я не считаю, что я должна быть беременная, босая, в кухне, он мне очень помогает»*. Заметим, что логика развития партнерских отношений предполагает, что мужчина ориентируется на участие в родах, однако в данном случае этого не происходит. Ирина сама не хочет присутствия мужа, опасаясь, что он потеряет к ней сексуальный интерес. Для нее роды остаются эксклюзивной женской практикой. Мы делаем вывод, что эгалитарные сценарии отношений не являются когерентными, хотя во многих историях присутствуют фрагменты партнерских отношений.

Приведем еще один пример. Молодой мужчина, Дмитрий (22 года), рассказывает о том, как со своей постоянной девушкой они экспериментировали в технике секса, обсуждали взаимные ощущения и предпочтения. При подозрении на беременность партнеры принимают ряд совместных шагов: *«мы купили тест в аптеке», «мы решили, что не готовы еще иметь детей», «мы прошли курс лечения... и сделали аборт»*. Частную клинику нашел сам Дмитрий, а для оплаты аборта продал свою дорогую куртку. После этого, пережив разные трудности, они стали использовать более надежную контрацепцию, в том числе гормональную. После распада гражданского брака у Дмитрия бывают случайные партнерши, в отношениях с которыми он всегда пользуется презервативами. По его словам, к предохранению он относится серьезно: *«Я не буду рисковать и все равно одену презерватив»*. В его суждениях выражена установка на эгалитарные отношения. Дмитрий считает, что женщине необходим секс как удовольствие, в частности, если она развелась, то *«имеет право жить с другим мужчиной, получать кучу удовольствия»*.

Молодые мужчины говорят о значимости удовольствия для женщины. Информанты убеждены, что *«и мужчины, и женщины обязаны работать... над тем, чтобы оргазм был гораздо выше»* (Пётр, 20 лет). Пётр говорит также и о том, что считает себя обязанным помогать девушке в ситуации нежелательной беременности. Другой молодой человек, имея в виду женский оргазм, говорит: *«Надо бороться за качество... тем или иным способом, но этой кульминации добиться надо»* (Владимир, 26 лет).

Ориентация на партнерство присутствует в рассказах многих молодых женщин и мужчин 1980-х гг. рождения, которые существенно отличаются от поколения матерей и отцов. Тенденция к партнерству

в сексуальной сфере, отношение к сексуальной жизни как к совместному рефлексивному эгалитарному проекту свидетельствуют о том, что в сфере сексуальности происходят существенные изменения. Эти изменения отчасти обеспечены институциональной поддержкой — доступом к экспертным знаниям, насыщенным рынком контрацепции, медицинским обслуживанием. Они связаны также с повышением ценности экономической и профессиональной независимости для многих молодых женщин. Однако трудно сказать, обладают ли эти тенденции устойчивостью. Партнерские отношения являются достаточно хрупкими в гендерной культуре современной России. Росту активности и инициативности женщин противостоит дискурсивный поток, прославляющий традиционную поляризацию женственности и мужественности⁹ и советское наследие разделенных гендерных миров.

⁹ В результате гендерные «идеалы» включают как традиционные, так и эгалитарные качества. «Идеальный мужчина», в соответствии с описаниями в интервью, выполняет одновременно две функции — инструментальную и эмоциональную. Он зарабатывает деньги, обеспечивает безопасность и одновременно оказывает эмоциональную поддержку жене/партнерше, не предъявляя к ней тех требований, которым она не хочет или не может соответствовать. Женщине предоставляются широкие возможности выбора. Она может работать и быть активной в публичной жизни (при этом статус ее работы и доход ниже, чем у мужчины). Однако она может себе позволить не работать, т. е. ее занятость мотивирована ее потребностями и выбором, а не экономической необходимостью при наличии богатого мужа / партнера. Этот идеальный тип отношений предполагает, что компетенция в сексуальной жизни разделяется обоими партнерами, мужчина заботится о сексуальном благополучии женщины, он имеет соответствующие знания и намерения. Такой мужчина обладает большими ресурсами и более высоким экономическим статусом, чем его партнерша, его социальная позиция позволяет эффективно осуществлять материальную поддержку. Одновременно, как субъект сексуальных отношений, он активен, заинтересован и компетентен. В советские времена женщины описывали такого партнера как «редкий счастливый случай» и «несобыкновенное везение» (Тёмкина, 2001, 2002). Сейчас отношения такого типа дискурсивно выступают идеалом для многих женщин, хотя в практической жизни они остаются достаточно редкими и фрагментированными.

Сексуальная жизнь как судьба и гендерная поляризация

Женщинам лучше об этом знать...
им же рожать.

Из интервью

Они [мужчины], сволочи, как бы,
думают только о себе.

Из интервью

Другая модель сексуальной жизни современной молодой женщины имеет гораздо большую преемственность по отношению к советскому периоду. Напомню некоторые особенности биографий поколения «матерей» наших информанток (женщин 40–50 лет, 1960-е гг. рождения) — поколения поведенческой сексуальной революции, которые были описаны нами в предыдущих исследованиях (Тёмкина, 2001, 2002; Здравомыслова, Тёмкина, 2002а).

Во-первых, женщины этого поколения (так же, как и предшествующих) позиционируют себя в сексуальных отношениях как реципиенты. В нарративах они описывают себя как пассивных, не обладающих изначально сексуальным желанием, а лишь отвечающих на него. Многие из них испытывали сложности и дискомфорт в сексуальных отношениях. Ситуацию мог изменить только «счастливый случай» — опытный и заинтересованный возлюбленный, который обучает женщину, с помощью него она познает свое тело. Такая женщина не проявляла выраженной инициативы, сексуальные отношения в ее жизни либо складываются «сами собой», либо иницируются партнером.

Во-вторых, эти женщины не имели достаточных знаний и компетенции в сфере сексуальных отношений и не выстраивали специальной стратегии их обретения; знания приобретались спонтанно и ситуативно. Женщины часто пользовались недостаточно надежными народными средствами предохранения, модальный репродуктивный сценарий предполагал опыт аборт.

В-третьих, стратегия сексуального/репродуктивного поведения женщин старшего поколения чаще всего является спонтанной и «естественной». Цели не эксплицированы, способы достижения не являлись предметом рефлексии. Отношения складывались «сами собой», они не подлежали расчету, воспринимались как судьба или стечение

обстоятельств. Влюбленной романтической женщине претили рациональные расчеты в сексуальном поведении. В отношении контрацепции и заболеваний она часто полагалась либо на партнера, либо на «случай» и «судьбу», либо на «народные знания» и опыт подруг. Не были распространены практики превентивных проверок сексуального и репродуктивного здоровья, к врачу чаще всего обращались, когда уже наступила беременность или возникла проблема со здоровьем. Женщины часто испытывали трудности с оргазмом и имитировали его в сексуальных отношениях. Тема сексуального удовлетворения редко подлежала обсуждению между партнерами.

Такое позиционирование характерно и для женщин 1970-х гг. рождения, несмотря на то, что их формативные годы пришлись на период дискурсивной революции, когда получили распространение рыночные, гедонистические и коммуникативные сценарии сексуальности. Женщины либо оставались объектом сексуальной инициативы мужчин, либо их активная позиция в сфере сексуальности не имела достаточной легитимности. Гендерная идентичность «сексуально раскрепощенной» женщины находилась под угрозой как не соответствующая массовым общественным ожиданиям. Про себя одна из таких женщин говорила, что ее считают «феминисткой», «дрянной бабой», «дьяволом в женской юбке» (Здравомыслова, Тёмкина 2002б: 557). И в настоящее время не всегда и не везде сексуальная эмансипация женщин обладает легитимностью. В интервью некоторые молодые женщины, имеющие многочисленных партнеров и проявляющие активность, пытаются убедить слушателя в том, что они не являются «шлюхами» («я никакая там не шлюха» — Яна, 19 лет).

Сексуальная жизнь многих советских женщин может быть охарактеризована как «судьба», когда женщины мало что выбирают и от них немного зависит.¹⁰ Альтернатива нежелательной беременности сводилась к абортам, при этом в условиях патриархата и карательной медицины женщинам приходилось «дорого платить» за сексуальную свободу, не подкрепленную знаниями и доступными средствами пре-

¹⁰ Сходную интерпретацию предлагает Л. Мягкая при анализе автобиографических устных историй русскоязычных женщин Таджикистана старшего поколения. Автор показывает, что у многих пожилых женщин звучит «тема “судьбы” как их горькой доли, которую нельзя изменить, которая каким-то образом была предопределена им “свыше”» (Мягкая, 2005: 139).

дохранения (Здравомыслова, 2005). Женщины полагаются либо на мужчину, либо на природу, либо на поддержку социальных сетей (блатные врачи, опыт подруг и пр.). Во многом сходные ориентиры представлены и в биографиях некоторых молодых женщин и мужчин 1980-х гг. рождения. Женщинам не удастся взять свою сексуальную жизнь под полный контроль. Поиск подходящей контрацепции не всегда приводит к результату, им не удастся контролировать здоровье, не хватает знаний, планирование репродуктивных практик оценивается как неэффективное и бессмысленное. Ситуация осложняется и тем, что эмоциональную сферу и управление чувствами трудно взять под полный контроль, хотя эмоции и регулируются определенными правилами (Hochschild, 1983). Контроль над сферой чувств и сексуальности становится особенно значимым в связи с осмыслением новых рисков (СПИД, ЗППП, пр.) и с расширением рамок свободы и ответственности. В отличие от поколения матерей эти девушки не находятся в ситуации информационного дефицита и недостатка институциональной поддержки, однако их сексуальная жизнь во многом определяется внешними обстоятельствами. Такие траектории присутствуют во всех классах, и мы можем предположить, что различие в отношении к сексуальной жизни соответствует двум типам биографических нарративов. Сексуальная жизнь как проект вписывается в стратегически ориентированный, рациональный жизненный проект. Сексуальная жизнь как судьба — в жизнь, которая стратегически не планируется, а контроль над обстоятельствами имеет ситуационный характер.

С точки зрения некоторых молодых информантов, деторождение планировать бессмысленно: *«дети — это богово дело. И их не обманешь ни противозачаточными, ни презервативами»*.¹¹ Столь же бессмысленно контролировать здоровье: *«врач — это лотерея»* (Анна, 26 лет). Секс не столько приносит удовольствие, сколько создает проблемы (сложности в предохранении и в коммуникации с партнером, отсутствие необходимой информации, нежелательные беременности, заболевания, неудовлетворенность сексуальными и личными отношениями и пр.).

Большие сложности вызывает предохранение от нежелательной беременности. В использовании контрацепции зачастую сохраняют-

¹¹ Здесь речь не идет о религиозных семьях, где отказ от предохранения является целенаправленным действием.

ся «народные» практики и предубеждения против современной гормональной контрацепции. Оральные (гормональные) контрацептивы пугают информанток вредом для здоровья, рисками для внешности (оволосение, прибавка в весе), невозможностью забеременеть в дальнейшем. Некоторые из молодых женщин прибегают к народным средствам — мылу, лимонной кислоте, аспирину, апельсиновым долькам и пр. Приведем пример подобного отношения:

Интуитивно, само собой. Вот. Тогда же я получила опыт этого предохранения, и в итоге просто, не было предохранения в принципе, это когда я засунула внутрь, по-моему, две таблетки аспирина и дольку апельсина, потом три дня не могла ходить, потому что слизистую пережгло напроць просто (Анна, 26 лет).

Лимонная кислота, что-то там. Я не помню, но как бы щепотка просто разводится, и спринцевание. Либо можно заменить таблеткой аспирина, тоже, как бы, ее разболтать в водичке... нужно кислую, вот, щелочную среду, чтобы кислое такое (Валерия, 25 лет).

На фоне доступного многообразного знания о сексуальности сохраняется дефицит необходимой персонализированной информации. О поиске контрацепции и нехватке информации рассказывает молодая женщина:

Где-то в Интернете час, несколько часов, полдня точно просидела в Интернете, что смогла, то нашла, но там ужасно все написано. То есть я уже, там, я заволновалась, какой там период, какая там [овуляция], что это такое... Я постоянно ощущаю какой-то недостаток знаний, недостаток информации, то есть смешно, хотя не знаю, насколько это смешно... (Виктория, 24 года).

Нехватка информации, отсутствие подходящей контрацепции, как и в советское время, приводят к тому, что безопасность может быть обеспечена лишь при доверии к партнеру и наличии знаний о нем и о его образе жизни:

Но простите, это не совсем люди с улицы, и у тебя есть на каком-то достаточно простом уровне доверие такое, что ты понимаешь, что эти люди, они тоже не совсем беспорядочную половую жизнь ведут (Виктория, 24 года).

Контроль сексуального и репродуктивного здоровья сталкивается с недоверием к врачам, которые, с точки зрения пациентов, реализуя коммерческие интересы, ставят гипердиагнозы относительно генитальных инфекций. Информантки не всегда понимают, были ли у них заболевания и от чего их лечили. При такой позиции оправданным становится как отсутствие предохранения от ЗППП, так и бессмысленность их диагностики и лечения. В дискурсе циркулирует коллективный нарратив о недобросовестных врачах, обращение к которым лишено практического смысла. Истории, аналогичные цитируемой ниже, рассказывают и другие женщины.

Уроды — врачи, негодяи... существует вероятность того, что я, в принципе, ничем и не болела таким страшным. То есть никакими там заболеваниями, передающимися половым путем. А просто люди разводят на деньги, чтобы там дольше лечиться... Ну вот, хотя бы за ежедневное, ну, вот, как бы, за прием. Я же тоже плачу деньги, там, за анализы какие-то. То есть я понимаю, что все эти, там, хламидиоз, там, трихомонады очень сложно обнаружить их, поэтому нужно проводить несколько анализов. Но, там, я не знаю, когда три-четыре анализа делают — у тебя ничего нет, а вот на пятый раз — о! вот оно! Вы больны, любимая. Там все. То есть такие были тоже ситуации не очень приятные. Поэтому сейчас я не уверена, была ли я чем-либо больна или нет (Аня, 25 лет).

В условиях недоверия к экспертам и недостатка экспертной информации попытки найти и использовать эффективную контрацепцию не приводят к желаемому результату. В результате молодые люди либо полагаются на случай, либо ориентируются на *персонифицированное доверие* к знакомым людям (как к партнерам, так и к медикам), действия которых могут подлежать мониторингу и контролю. В результате ни предохранение от беременности, ни предохранение от ЗППП не могут быть гарантированы — всегда остается широкое пространство для случайности и действия внешних неподконтрольных обстоятельств. Аборты, случайные беременности и деторождение, вынужденные браки соединяют в себе наследие советского времени, недостаточность современной институциональной рефлексивности (в частности, недоверие к экспертным системам). Двадцатидвухлетняя Алёна замечает:

В России, на мой взгляд, вот в этом планировании все-таки присутствует какое-то идилическое восприятие, идеализация и хаотичность. Нет логики в этом планировании. Потому что планирование в России, насколько я понимаю, оно отличается от непланирования только фразой: «Давай заведем ребенка» (Алёна, 22 года).

Планирование и организация родов также зачастую срываются из-за внешних обстоятельств, систематически возникают непредвиденные ситуации (например, роддом закрывается раньше срока, врач не выходит на работу, оплачивается один вид услуг, а востребованы оказываются другие, и пр.).

Получение удовольствия от сексуальных отношений является для женщин проблемой. Не всегда партнер является заинтересованным в качестве сексуальных отношений, хотя в большинстве случаев и мужчины, и женщины говорят о необходимости удовлетворения и взаимном удовольствии. Имитация оргазма продолжает оставаться распространенной женской практикой. Между женским и мужским миром существует также проблема «эмоционального обмена», когда и мужчина, и женщина устраниваются от эмоциональной поддержки и заботы друг о друге. Мужчины исключаются из эмоциональной работы как не соответствующей мужской роли, они не обладают достаточными навыками и компетенцией. Женщины отстраняются от эмоциональной поддержки партнера в процессе индивидуализации и субъективации (ср.: «похолодание отношений» и утрата навыков заботы в описании Арли Хохшильд — Hochschild, 2003). Информанты в своих рассказах описывают **поляризацию/сегрегацию гендерных миров** и систематически воспроизводимые сложности коммуникации между этими мирами.

У многих молодых мужчин (так же, как и у некоторых девушек) сексуальная жизнь на стадии формирования является спонтанной и ситуативной. Фатализм и отсутствие контроля над жизнью — характерные особенности многих мужских нарративов. «Свою интимную жизнь я *пустил на самотек*», — говорит Николай (24 года). Юноши проявляют меньшую социальную компетентность и информированность по сравнению с девушками данной возрастной группы. Приватная сфера для мужчин вторична по сравнению с публичной сферой, поэтому личная жизнь не рассматривается как предмет постоянного контроля и просчета, в ней допускается фатальность. Недостаток компетенции в интимных отношениях зачастую не проблематизиру-

ются. Некоторые мужчины затруднялись говорить о сексе с партнершей, знания о сексе кажутся им избыточными и навязчивыми (таких случаев не встречалось при интервьюировании женщин). В сексуальных биографиях молодых мужчин субъектность («я» — субъект желания и действия) сочетается с ориентацией на судьбу, обстоятельства, природу.

Репродуктивные и семейные планы молодых мужчин и девушек, ориентирующихся «на судьбу», имеют достаточно расплывчатый и генерализованный вид, сводясь к тому, что в будущем они хотели бы иметь постоянную подругу/друга, жениться, завести детей. Реальное сожитительство складывается случайно: *«Мы приняли решение жить вместе, это было абсолютно случайно»* (Дмитрий, 22 года). Намерение «завести ребенка» также описывается как ситуативное. Оно связано со стечением обстоятельств или с внезапно вспыхнувшей страстью. И первое и второе плохо поддается контролю: *«Планирование — это хорошо. Но я считаю, что гораздо лучше, когда ребенок появляется в период горячей любви, в период страсти»* (Николай, 24 года). И в этом мужчины сходны в ориентирах с поколением позднесоветских отцов, а отчасти — и матерей. Однако в отличие от них к молодым мужчинам информация о сексуальной сфере «сама попадает в руки» (часто из порнопродукции), поэтому они не испытывают потребности в специальном поиске. Молодые мужчины редко следуют специальной стратегии предохранения (так же, как у их отцов, исключение составляет предохранение от заболеваний при контактах со случайными партнершами), не знают о различных видах контрацепции, часто избегают пользоваться презервативами, если не настаивает женщина. Превентивный контроль сексуального здоровья они осуществляют преимущественно по настоянию девушек. Молодые мужчины не всегда осведомлены о том, какими средствами предохранения пользуются их партнерши, делали ли они аборты, каковы их чувства и потребности, а также каковы их проблемы и интересы за пределами сексуальной сферы. Для рассказов о сексуальном опыте молодого мужчины характерно «(само)устранение» из многих сфер отношений.

Далее рассмотрим более подробно поляризацию гендерных миров в сфере сексуальности, связанную с «(само)устранением» мужчин из организации сексуально-интимных отношений, со сложностями женской субъективации и с проблемами коммуникации между партнерами. Подчеркнем еще раз, что эта конструкция является одной из

возможных в поведении молодых людей, находящихся в процессе самоопределения сексуально/маритального статуса и социального статуса в целом. Гендерная поляризация особенно заметна в нестабильных или конфликтных отношениях; в стабильных отношениях ее зоны сужаются, а границы между мирами становятся предметом переговоров и изменений. В таком случае, например, контрацепция является предметом согласования, а деторождение остается «делом женщины», в котором мужчина не принимает прямого участия.

Гендерная поляризация (сегрегация) в рассказах молодых людей выражена следующим образом. Различия в ожиданиях и предписаниях мужчинам и женщинам в сфере сексуальных отношений, особенно в сфере репродукции и здоровья, касаются сексуальных потребностей, использования контрацепции, предохранения и лечения от ЗППП, отношения к абортam, планированию деторождения и принятию решения в случае беременности. Гендерные миры разделены границами ролей и предписаний по признаку пола, которые воспроизводят гендерное неравенство. Отстранение мужчин от интимной сферы может приводить к женским депривациям, в результате чего женщины чувствуют себя жертвами обстоятельств и действий мужчин. Мужчины при этом остаются мало компетентными в области репродукции и здоровья и полагают, что могут стать объектом обмана или манипуляции со стороны женщин.

В сфере сексуальных отношений признается, что сексуальные потребности мужчины и женщины различаются, при приоритете мужских и допустимости мужского промискуитета. Более выраженными сексуальными потребностями, с точки зрения информантов обоего пола, обладает именно мужчина. Такая интерпретация предполагает развитие женской стратегии, направленной на удовлетворение мужских потребностей:

Я вообще считаю, что мужчине в сексе отказывать нельзя. Никогда. Э... потому что мужчине это нужно больше, чем женщине... [женщина] больше все-таки эмоции выносит из секса... мужчине необходима именно конкретная физическая разрядка (Анна, 26 лет).

Мужчины выстраивают систему историко-социальных, натурализованных объяснений гендерных различий в сексуальных потребностях и, как их следствие, — различий в интерпретации супружеской неверности. Рассуждает двадцатшестилетний мужчина:

Можешь меня как угодно называть: шовинистом, кем угодно, но скорее — нет, чем — да, и все-таки я объясню, почему, с моей точки зрения, это так... Так сложилось, наверно, в человеческом обществе, что женщина — это... хранительница очага... вокруг нее в большей степени семья и сосредоточена. Мужчина... бегаёт мамонта убивать, а именно женщина поддерживает огонь в очаге, проводит больше времени с потомством... Мужская особь природой и запрограммирована на то, чтобы свои гены распространять как можно шире, и ничего с этим по большому счету не поделаешь... Если рассуждать о природе неверности, скажем супружеской со стороны мужа и со стороны жены, то мы говорим все-таки о разных явлениях. Если имеет место неверность со стороны мужа, то здесь он попросту в какой-то мере находится в плену у своей природы охотника... Когда муж где-то на стороне гуляет, то он все равно возвращается к жене. В большинстве случаев неверные мужья, они своих жен так или иначе все равно любят, и они к ним возвращаются и чаще стараются сохранить отношения, но, конечно бывают разные случаи (Владимир, 26 лет).

Заметим, что Владимир не хочет выглядеть откровенным сексистом, поэтому ему нужна аргументация, которая призвана показать естественность и неизбежность гендерной поляризации. Такую аргументацию принимают и женщины. Наташа пересказывает убедительные для нее объяснения мужа, оправдывающего свою измену: «Я же мужчина, я ничего к ней, ну в общем, ничего не испытываю. Я тебя люблю» (Наташа, 22 года).

Сексуальные потребности мужчины признаются первичными, потребности женщины — не настолько выраженными и значимыми для нее. Сексуальное удовлетворение женщины, хотя и считается важным, достигается не всегда. Иногда мужчины не интересуются этим, иногда женщины имитируют оргазм. Они не хотят «портить отношения», «обижать партнера». Отсутствие оргазма женщина оценивает как «свою проблему»:

Я ему внушила, что я получаю удовольствие от него. Я внушила, что вот каждый раз... и он уже настолько старается... но я не могу. Может быть, я не могу расслабиться до конца? Может, я сама там делаю что-то, а, может быть, надо расслабиться. Я не могу еще пока (Яна, 19 лет).

С точки зрения мужчины, имитация оргазма — это проблема женщины и ее сознательный выбор.

— *А может такое быть, что они имитируют?*

— *Имитируют? Абсолютно может быть, но это уже не моя проблема... если им так нравится или если они хотят (Пётр, 20 лет).*

Пётр считает, что девушки имитируют оргазм, если им что-то не нравится, или они хотят сократить продолжительность полового акта. Они также могут ориентироваться на удовлетворение самолюбия партнера и поэтому «играют». Подобное поведение не является «проблемой» мужчины. Это «проблема женщины». Хотя многие мужчины признают значимость оргазма у партнерши, существующие сложности переговорного процесса по поводу сексуальных отношений препятствуют достижению женщинами сексуального удовлетворения. По сравнению с предшествующими поколениями, для которых также характерны подобные практики, современная ситуация отличается резким возрастанием дискурсивной и практической ценности сексуальной жизни и связанных с ней удовольствий, соответствующим возрастанием ценности оргазмического удовольствия для женщин, а также нежеланием все большего числа женщин мириться с его отсутствием.

Использование контрацепции также описывается многими как «женское дело», поскольку считается, что именно женщина заинтересована в предохранении от нежелательной беременности. Она должна отвечать за обеспечение пары контрацептивными средствами и в случае использования презервативов:

Когда... мы предохранялись вот этими таблетками, то их покупала я... для меня вот это было не в напряг. Потому что... это же женские контрацептивы. Значит, ну, я могу их купить. А когда потом, ну, во-первых, там какие-то не подходили, потому что они там неприятные ощущения вызывали... могли вызвать вот молочницу... От них пришлось отказаться. Ну, нужно было покупать там презервативы. И обязанность покупать их повесили на меня... То есть я взяла первые, какие там были в аптеке... А потом, когда я их принесла, мне сказали: ой, классические, а надо было купить там, я не знаю, какие-то, ну, там элитные или там комфорт... И потом никак я не могла с себя вот эту

обязанность, как бы, стихнуть, потому что мне постоянно тыкали: вот я же там, я же тебя там кормлю, а вот почему ты не можешь их купить (Аня, 25 лет).

Аня берет на себя ответственность за предохранение, поскольку ее партнер не проявляет в этом заинтересованности. Он считает, что о контрацепции должна заботиться женщина, поскольку именно она является потенциальной матерью. Данной проблеме посвящен большой фрагмент интервью, показывающий, что Аня не удовлетворена таким распределением обязанностей и испытывает из-за этого фрустрацию. Другая информантка не ставит под сомнение выполнение таких обязанностей. Она полагает, что женщина должна заботиться о контрацепции, поскольку мужчина не всегда может себя контролировать в сексе, а беременность, в конечном счете — «это ее проблемы»:

Я считаю, что мужчины больше отдаются в сексе, чем женщина, всегда. Женщина может себя контролировать... в конце концов, это [контрацепция] твои в первую очередь проблемы. Даже в браке. Это твои проблемы, и ты должна, как бы, в первую очередь об этом заботиться (Юля, 20 лет).

Такую позицию разделяют и многие мужчины. Женщины обретают знания и навыки в области контрацептивного поведения, однако часто они не могут согласовать его с партнером, продолжая ожидать от него инициативы в том, в чем он не является компетентным и не хочет быть инициатором.

Принятие решения о деторождении, с точки зрения многих информанток и информантов, — это также в конечном счете «дело женщины». Приведем пример. Девятнадцатилетний Николай считает женщин более компетентными и заинтересованными в этом вопросе; со своей подругой он не обсуждает возможное рождение ребенка. От мужчины компетентности не требуется, поскольку «им же [женщинам] рожать». Он полагает, что решение родить ребенка его постоянная партнерша примет самостоятельно. Он не считает себя вправе что-то советовать ей, и в любом случае оставляет последнее слово за женщиной. На этом примере видно, насколько тонкая грань разделяет отношение мужчины, не считающего себя вправе оказывать давление на женщину, и его отчуждение/отстранение от мира «женских проблем», в котором совсем молодой мужчина не хочет или не может

принимать участие из-за недостатка компетенции. (Возможно, этот молодой человек пока не мыслит себя потенциальным отцом, в будущем его позиция может быть переопределена и он будет говорить о том, что женщина должна советоваться с ним.)

Аналогичную позицию по поводу использования контрацепции высказывает другой молодой мужчина. Женщина, с его точки зрения, должна сама принимать решение.

Я не стану же навязывать что-то, потому что мне в голову вот так вот взбрело... что таблетки это круто, нет, просто она же в любом случае свой организм знает лучше, чем ее знакомый... У каждого организма могут быть свои особенности, кому-то больше подходит один способ, кому-то другой (Вова, 26 лет).

Мужчина не хочет оказывать давление на женщину, но, как следует из дальнейшего рассказа, он не предполагает переговоров и участия в принятии совместного решения. С точки зрения многих женщин и мужчин, существуют сферы, которые являются эксклюзивно женскими (и эксклюзивно мужскими). Наиболее четко такая позиция выражена по поводу родов и возможного участия в них отца ребенка. Наши информантки комментируют:

Во-первых, мужчины очень стрессонеустойчивые... Во-вторых, есть моменты, которые все-таки... таинство; мужчина не должен об этом знать (Анна, 26 лет).

У многих мужчин потом пропадает сексуальное желание к женщине, после того как они наблюдают жену в родах (Ирина, 20 лет).

Мужчины в этом случае не рассматриваются как желаемые участники «женского мира» и осуществления «женского таинства». Пересечение границы гендерных миров, вхождение мужчины в «женский мир» чревато утратой мужественности, т. е. психофизических сил и потенции. Другой вариант — женщина хочет, чтобы муж присутствовал при родах, оценил ее «испытание», однако мужчина наотрез отказывается принять в них участие. В результате он не может информированно оценить значимость «женской работы»:

— *А муж хотел присутствовать при родах?*

— *Нет, нет. Я очень хотела, чтобы он присутствовал.*

— Он сказал «нет»...

— Нет. Он сказал «извините» [смеется]. «Такое счастье мне не надо». Я очень хотела... «Видел бы ты это, испытал бы ты это, что я испытала!» (Юля, 20 лет).

Проблемы коммуникации и разделение миров прослеживаются и в рассказах о заболеваниях, передающихся половым путем, и их лечении, когда партнеры не вполне информированы, какое лечение назначено другому, как оно осуществляется и какие приносит результаты. Молодая женщина, которая крайне недоверчиво относится к врачам и подозревает их в гипердиагностике (цитата приведена выше), рассказывает о лечении своего партнера:

Я не знаю, куда он ходил, к кому обращался... Было очень обидно, когда я приходила в больницу, а там люди, девочки приходили со своими мальчиками, они их там ждали или еще чего-то. У меня даже в мыслях не было такого, чтобы его позвать с собой. Потому что я знала его реакцию на это, он бы со мной не пошел однозначно (Аня, 25 лет).

Разделение женского и мужского миров в сфере сексуального и репродуктивного поведения поддерживается и женщинами, и мужчинами. Конечно, это не абсолютное правило, но, на наш взгляд, все еще доминирующее. В рассказах встречаются ситуации, когда женщины проявляют инициативу по вовлечению мужчин в мир «женских проблем», но они не достигают результата (примеры, когда муж отказывается принимать участие в родах или когда женщина не получает от партнера эмоциональной поддержки при аборте) и вынуждены сами заботиться о себе (пример, когда использование контрацепции является исключительно женской ответственностью). Из этого часто следуют нарушения коммуникации и конфликты. В результате более «эффективной» оказывается стратегия автономизации миров, которая позволяет женщинам иметь свой мир, сохранять в нем компетентность и авторитет. Однако разделение миров и ролей по признаку пола может приводить к недоверию с обеих сторон, когда и женщины, и мужчины чувствуют себя исключенными.

Коммуникация между жестко разделенными «женским» и «мужским» мирами при возрастании активности женщин может вызывать проблемы и конфликты, которые описываются в терминах безразли-

чия к потребностям и использованию друг друга.¹² Женщины не удовлетворены сексуальной жизнью, которой они не могут управлять на равных и которая зависит от обстоятельств или от мужчины. Однако в традиционалистской гендерной культуре у них часто не хватает ресурсов для изменения ситуации. В радикальном варианте сексуальные партнеры дискурсивно репрезентируются как сексуальные эксплуататоры и манипуляторы; при этом информанты используют обценную лексику.

Они [мужчины], сволочи, как бы, думают только о себе. Практически. Половина из них (Валерия, 25 лет).

И в любом случае мне поднимается вот этот вопрос. Что вот женщины — они потребляют мужчин. И вообще ты со мной встречалась, чтобы только потреблять и ничего больше, и все. И короче, я, там, последняя сволочь и последняя сука, потому что не могла принести ему пачку котлет и вообще на нем сэкономила (Аня, 25 лет).

Мужчине не только приписываются естественные сексуальные потребности, которые должна удовлетворять женщина (ему «нельзя отказывать в сексе»). От него ожидается выполнение традиционной инструментальной роли — добытчика, кормильца. Женщина, соответственно должна выполнять функции обслуживания (в том числе сексуального) и заботы. Такие ориентиры являются престижными среди определенных слоев молодежи (и не только молодежи). Наша информантка замечает:

¹² Один из агрессивных вариантов гендерного конфликта — оскорбление женщины, принуждение и насилие. В этом случае предполагается, что женщина должна удовлетворить сексуальные потребности мужчины абсолютно без всякого желания со своей стороны. Если она не согласна, ее могут принудить к сексуальным действиям против ее воли. Рассказывает молодая женщина: «Один из сотрудников, он стал ко мне приставать, причем было очень страшно, потому что, ну, во-первых, он меня обзывал. Ну, считай, девушке, когда ее называют: давай жирная, давай толстая, делай, чего ты выделяешься... Я, конечно, понимаю, что там было несколько девушек, которые, ну, реально там ни капли жира, очень тоненькие, стройненькие, все, я по сравнению была пухленькая, но это не повод, чтоб меня так обзывать... Он хотел, чтобы я ему минет сделала, вот. Силой, то есть силой реально заставлял меня что-то делать, пытался, меня просто охранник оттуда вытащил» (Лина, 23 года).

Мне известны девушки, которые начиная с восемнадцати лет инвестируют только в свою внешность с целью удачно выйти замуж, и, в общем-то, то есть это вот программа-максимум для нее, и соответственно после выполнения которой она может ни о чем не думать, не заботиться и сидеть дома и вышивать крестиком (Алёна, 22 года).

Иными словами, девушки могут сознательно выбирать «традиционную судьбу» и относиться к ней как к жизненному проекту, который требует инвестирования и определенных ресурсов. Однако осуществление подобных намерений в конкретных случаях вызывает у современных молодых женщин затруднения и проблемы. *«Он немножко убил во мне личность, — говорит двадцатилетняя Юлия, — на самом деле. Мою, вот. Я, может быть, с одной стороны, я жалею об этом, но, с другой стороны, я благодарна, что он поставил меня за плиту, сделал, как бы... он».* Женщины в этом случае ориентируются на жесткое разделение семейных ролей по признаку пола:

Источник дохода — муж. Для этого есть мужчина... Женщина в первую очередь должна очаг делать, и семью создавать, и растить детей... у меня вот ребенок [будет] и семья — это на первом плане, а работа... либо это нравится, либо это, может быть, из-за денег... Карьера, если она получится не в ущерб семье, я буду очень рада. Но пожертвовать карьерой ради ребенка я готова (Наташа, 22 года).

Итак, два гендерных мира в сфере сексуальности сопряжены с традиционными предписаниями для мужчин и женщин. От мужчины ожидается экономическая поддержка, в обмен на которую он получает от женщины сексуальное и иное обслуживание. Однако такая система традиционного гендерного разделения, которая в определенных обстоятельствах может устраивать представителей обоих полов, уже во многом сломана. Ее правила перестали быть безусловными, а поломки приводят к тому, что гендерные границы становятся договорными и подвижными.

Заключение

Подведем итоги. *Гендерный этап* сексуальной революции в России может быть охарактеризован следующим образом. Постсоветское поколение городских женщин проявляет в сексуальной сфере активность, рациональность, компетентность, ответственность и ориентируется на практики сексуального удовольствия. Сексуальная жизнь этих женщин выстраивается как проект, в отличие от поколения матерей, сексуальная биография которых во многом определялась судьбой и обстоятельствами. Данный проект ориентирован на партнерство. Это аргумент в пользу эгалитарных гендерных изменений. Однако и в этом поколении во многом сохраняются советские практики подчиненной сексуальности женщин, а их рациональное поведение сталкивается с барьерами, которые достаточно сложно преодолеть: женщинам не хватает знаний, они не доверяют врачам-гинекологам, не используют подходящую им контрацепцию; планирование сексуальной жизни и репродуктивных практик срывается из-за внешних обстоятельств, и пр. Сохраняется традиционализм и мужчин, и женщин, воспроизводится гендерная поляризация, а сексуальная жизнь оценивается как зависящая от судьбы и обстоятельств. В таких условиях практики безопасного секса и ответственного отношения к деторождению становятся проблемными. Поляризация воплощается в разделении гендерных миров, когда от мужчины ожидается функция кормильца, а от женщины — сексуальное и иное обслуживание. Гендерная сегрегация/поляризация поддерживается традиционалистскими дискурсами и практиками, институциональным обеспечением «работающей матери» и игнорированием мужской роли в приватной сфере (в том числе отцовства). Пример такой противоречивой гендерной идеологии представлен в ежегодном послании Президента Федеральному Собранию 2006 г., в котором определены приоритеты государственной демографической политики, направленные преимущественно на поддержку женщины-матери и лишь отчасти — молодых семей (Путин, 2006). Данная политика релевантна растущей независимости и активности молодых женщин, однако она не обеспечивает поддержку равноправного партнерства, а скорее будет и далее способствовать воспроизводству гендерных границ, отчуждению отцов от приватной сферы и росту этакратического (государственно-ориентированного) традиционализма в приватной сфере. Учитывая крайнюю непоследовательность в отношении сексуального образования в современной

России, следует отметить, что институциональная рефлексивность остается недостаточной для сознательного планирования деторождения и ответственного родительства. На фоне снижения возраста вступления в сексуальные отношения, распространения СПИДа и ЗППП усиливается лицемерие общества и государства, ограничивающих сексуальное образование как способствующее «моральному разложению», не замечающих нехватку знаний и безответственного отношения молодых мужчин и женщин к сексуальной жизни, интерпретирующих ее как свою неизбежную «судьбу».

Литература

- Ангелова Е. (2005). *Участие отца в репродуктивном процессе: новые практики и институциональное обеспечение*. Магистерская диссертация. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге.
- Анурин В. (2000). Сексуальная революция: двойной стандарт, *Социс*, № 9, с. 88–95.
- Анурин В. (2004). Сексуальная революция на марше (предисловие переводчика), в кн.: А. Гидденс, *Трансформация интимности: Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах*. М.; СПб.: Питер, с. 7–28.
- Бараулина Т. (2002). Моральное материнство и воспроизводство женского опыта в кн.: Е. Здравомыслова, А. Тёмкина, ред., *В поисках сексуальности: Сборник статей*. СПб.: Дмитрий Буланин, с. 366–405.
- Бек У. (2000). *Общество риска: На пути к другому модерну*. М.: Прогресс-Традиция.
- Бежен А. (1997). Рационализация и демократизация сексуальности, в кн.: С. Голод, науч. ред., *Социология сексуальности: Антология*. СПб.: Филлиал Института социологии РАН.
- Гарфинкель Г. (2007). *Исследования по этнометодологии*. СПб.: Питер.
- Голод С. (1996). *XX век и тенденции сексуальных отношений в России*. СПб.: Алетейя.
- Гидденс А. (2004). *Трансформация интимности: Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах*. М.; СПб.: Питер.
- Здравомыслова Е. (2005). Гендерное гражданство в Советской России: практики аборт, в кн.: И. Григорьева, Н. Килдал, С. Кюнле, В. Минина, ред., *Развитие государства благосостояния в странах Северной Европы и России: Сравнительная перспектива*. СПб.: Скифия-Принт, с. 179–196.
- Здравомыслова О. (2003). *Семья и общество: Гендерное измерение российской трансформации*. М.: Едиториал УРСС.

- Здравомыслова Е., Тёмкина А., ред. (2002а). *В поисках сексуальности: Сборник статей*. СПб.: Дмитрий Буланин.
- Здравомыслова Е., Тёмкина А. (2002б). Анализ нарратива: возможности реконструкции сексуальной идентичности в кн.: Е. Здравомыслова, А. Тёмкина, ред., *В поисках сексуальности: Сборник статей*. СПб.: Дмитрий Буланин, с. 549–558.
- Здравомыслова Е., Тёмкина А. (2007). От лицемерия к рационализации: трансформация дискурсивного режима сексуальности, в кн.: Е. Здравомыслова, А. Тёмкина, *Российский гендерный порядок: Социологический подход*. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, с. 213–226.
- Кон И. (1997). *Сексуальная культура в России: Клубничка на березке*. М.: ОГИ.
- Кон И. (2002). Человеческие сексуальности на рубеже XXI в., в кн.: Е. Здравомыслова, А. Тёмкина, ред., *В поисках сексуальности: Сборник статей*. СПб.: Дмитрий Буланин, с. 24–26.
- Кон И. (2005). *Сексуальная культура в России: Клубничка на березке*. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Айрис-пресс.
- Мягкая Л. (2005). Феномен судьбы в женском представлении, в кн.: Э. Шинкарёва, отв. ред., *Женская устная история: Гендерные исследования*. Ч. 2. Бишкек: ОФ «Центр издательского развития», с. 128–189.
- Никонов А. (2005). *Конец феминизма: Чем женщина отличается от человека*. М.: Изд-во НЦ ЭНАС.
- Путин В. (2006). *Послание Федеральному Собранию Российской Федерации* [электронный ресурс]. М.: Президент России, официальный сайт, 10.05.2006. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/text/appears/2006/05/105546.shtml>, свободный.
- Тёмкина А. (2001). К вопросу о женском удовольствии: сексуальность и идентичность, в кн.: О. Хархордин, ред., *Мишель Фуко и Россия: Сборник статей*. СПб.; М.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге; Летний сад, с. 316–347.
- Тёмкина А. (2002). Сценарии сексуальности и гендерные различия, в кн.: Е. Здравомыслова, А. Тёмкина, ред., *В поисках сексуальности: Сборник статей*. СПб.: Дмитрий Буланин, с. 247–286.
- Haavio-Mannila E., Rotkirch A. (2005). *Sexual Patterns and Social Stratification Among Young Men in Petersburg and Finland*. Paper presented at the 7th conference of the European Sociological Association, working group Sexualities, Turun, 9–11.09.2005.
- Hochschild A. (1983). *The Managed Heart. Commercialization of Human Feeling*. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press.

- Hochschild A. (2003). *The Commercialization of Intimate Life. Notes from Home and Work*. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press.
- Giddens A. (1991). The Trajectory of Self, in: A. Giddens. *Modernity and Self-Identity*. Polity Press.
- Rotkirch A. (2000). *The Man Question: Loves and Lives in Late Twentieth Century Russia*. Helsinki: University of Helsinki.
- Rotkirch A., Haavio-Mannila E. (2000). Gender Liberalisation and Polarisation: Comparing sexuality in St. Petersburg, Finland and Sweden, *Idäntutkimus – The Finnish Review of East European Studies*, N 3–4, p. 4–25.
- Zdravomyslova E. (2001). Hypocritical Sexuality of the Late Soviet Period: Sexual Knowledge and Sexual Ignorance, in: S. Webber, I. Liikanen, eds., *Education and Civic Culture in Post-Communist Countries*. Palgrave, p. 151–167.

Ольга Чепурная

АВТОНОМНАЯ ЖЕНЩИНА: ЖИЗНЕННАЯ СТРАТЕГИЯ И ЕЕ ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ ИЗДЕРЖКИ

В современной России появляется новая риторика самопрезентации женщин, склонных критически переосмысливать и рационализировать свой жизненный опыт, размышлять о границах своей независимости. В собранных нами интервью женщины описывают поиски нового пути организации быта, профессиональной и семейной жизни, который не приводил бы ни к зависимости от семьи и внешних социально-экономических условий, ни к изоляции от близких и общества. Для описания такого типа женской идентичности мы используем термин «автономная женщина». Такая идентичность предполагает особую жизненную стратегию и особый вариант презентации себя. Для автономной женщины характерны стратегии баланса самостоятельности и эмоциональной включенности в отношения.

Автономная женщина в современной России — какая она? Каких жизненных ценностей придерживается, какие планы строит, о чем мечтает, как налаживает отношения с близкими людьми? Каковы истоки ее независимости: экономическая самостоятельность, воспитание, жизненный опыт, критический анализ опыта окружающих?

Статья посвящена анализу оснований идентичности автономной женщины, влиянию автономизации на отношения с партнерами.

Теоретические основания

Понятие автономного субъекта имеет давнюю и сложную философскую традицию. Сам термин «автономия», греческого происхождения, означает самоуправление, самоопределение. В последние десятиле-

тия тема женской автономии становится полем для дискуссий среди представителей феминистских движений и исследователей гендерных проблем.

В 1970-е гг. в рамках гендерных исследований социологи начинают использовать понятие женской автономии, которое понимается как самоуправление и операционализируется через «уровни доступа к материальным и социальным ресурсам в рамках семьи, сообщества и общества в целом». Иными словами, автономия — это свобода от контроля. Автономизация рассматривается как механизм преодоления гендерного неравенства, процесс обретения независимости женщинами (Dixon-Mueller, 1978; Connell, 1987). Гендерная модернизация приводит к уменьшению гендерных дисбалансов, увеличивая спектр выборов для женщин в образовании, трудоустройстве и репродуктивном поведении. Автономизация женщины предполагает, что она сама контролирует свою жизнь и сознательно делает выборы в публичной и приватной сфере.

В 1980-е гг. понятие стало включать в себя возможность влиять и контролировать свое личное пространство и окружение, а также возможность получать информацию, принимать решения о своей собственной жизни и участвовать в решениях, касающихся близких людей (Safilios-Rothschild, 1982). Новое поколение исследователей отмечало существенную роль, которую играет женская автономия в увеличении возможностей выборов и их доступности для женщин (Fernandez-Kelly, 1994; Nussbaum, 2000). В середине 1980-х исследователи начинают анализировать социальные последствия женской автономии, проводя эмпирические исследования в развивающихся странах. Проведенные ими статистические исследования показали, что автономия женщин коррелирует со снижением рождаемости, усовершенствованием детского питания и образования, улучшением жизненных стандартов для женщин. Декларация Организации Объединенных Наций утверждает, что женская автономия является основой человеческого достоинства и должна рассматриваться в рамках основных прав человека (UNDP, 1995).

Применительно к анализу гендерной проблематики понятие автономии используют такие современные авторы, как У. Бек и Э. Бек-Герншейм, Э. Гидденс, А. Хохшильд, Т. Д. Мейерс, М. Фридман и многие другие. Многие феминистские проекты женской автономии были основаны на философии либерализма, позже самими феминистками они были подвергнуты критике, в дальнейшем защитники

ценности автономии старались смягчить неолиберальное видение и адаптировать его к левой критике. Некоторые критики, как например М. Файнмен, предлагают отказаться от мифологизированного понятия автономии как предельной независимости и вместо него развивают концепцию обоюдной зависимости (codependency) (Fineman, 2004).

Феминистская исследовательница А. Хохшильд рассматривает автономию как коррелят индивидуализма. Она обращает внимание на такие социальные последствия индивидуализма, как ослабление эмоциональных связей и взаимных обязательств между людьми. По мнению Хохшильд, стратегия женской автономии предполагает следование мужскому сценарию в интимных отношениях, что приводит к охлаждению этих отношений и подчинению их логике «эмоциональной экономики» (Hochschild, 1974, 2003).

Эта критика идеи автономии была учтена такими авторами, как П. Бенсон, Д. Мейерс, М. Фридман, в их поздних теоретических и эмпирических работах. Д. Мейерс, как и Хохшильд, рассматривает влияние автономии женщины на ее эмоциональную жизнь, отношения с близкими и включенность в социальные сети, при этом она говорит о позитивных моментах этого феномена. Мейерс определяет автономию как совокупность социальных практик. Она противопоставляет два возможных жизненных пути: автономный, для которого характерно самоуправление, и гетерономный, предполагающий приспособление к ожиданиям социума. Автономия в данном случае предполагает компетентность действующего лица. Компетентность, в свою очередь, состоит из репертуара согласованных способностей, таких как интроспективные (рефлексивные), коммуникативные, аргументативные, творческие и волевые. Эти способности наиболее эффективно вырабатываются в контексте взаимоподдерживающих интимных отношений. Автономия возможна как самопонимание и самоуправление личности. Автономная личность в состоянии понять, что для нее важно, составить проект самоизменения, выявить ограничения и возможности развития, а также создать представление о наилучшем варианте выражения своих желаний, верований, аффектов, ценностей и предпочтений (Meeyers, 1992, 1998; Benson, 2000). Личная автономия предполагает развитие ответственных отношений с другими людьми; она сочетается с эмоциональными обязательствами перед семьей и друзьями. Исследовательница предлагает различать уровни, практики и эпизоды автономии. Таким образом, автоно-

мия не рассматривается как непрерывный цельный феномен, а может распадаться на отдельные эпизоды, которым соответствуют различные наборы практик.

М. Фридман также пишет о том, что автономия не может пониматься как достигаемое вследствие определенных практик состояние, которое остается стабильным. Исследовательница отмечает, что автономные практики, формируясь в рамках социального контекста, являются результатом роста рефлексивности общества. Она соглашается с суждением, что автономия как аспект процесса рационализации может вести к «охлаждению» интимной сферы, и предвидит развитие процесса согласования идеалов автономии и эмоциональности межличностных отношений и взаимных обязательств (Friedman, 2003).

Обсуждая тенденции развития интимных отношений в современном рефлексивном обществе, Э. Гидденс приходит к выводу, что современные семейные союзы все в большей мере основываются на взаимном эмоциональном удовлетворении от близкого контакта с супругой/супругом. Все реже браки заключаются из соображений экономической безопасности или на основе локальных культурных традиций. Новый идеальный тип интимности исследователь называет «чистыми отношениями». «Чистые отношения» — рефлексивно организованы, предполагают открытое обсуждение длительного устойчивого взаимодействия партнеров. Чем более рефлексивны отношения, тем чаще возникает вопрос «все ли у нас в порядке?». Интимные отношения требуют постоянных психологических инвестиций, эмоциональной работы сторон.

В основе «чистых отношений» лежит взаимное доверие. Доверие при этом является не чем-то само собой разумеющимся, оно представляется как достигаемый уровень отношений, над которым надо работать. Если традиционно доверие к человеку было производно от его социальной позиции, то рефлексивная модернизация предполагает рефлексивное персонализированное доверие. Любовные партнеры должны уметь доверять и внушать доверие. Тенденции индивидуализации приводят к тому, что доверие строится на балансе автономии партнеров и их взаимной потребности в любовных отношениях. Новые тенденции интимных отношений приводят к новым проблемам во взаимоотношениях людей, которые оказываются не готовыми к изменениям. Гидденс пишет о том, что люди, вступившие в «чистые любовные отношения», более склонны к тревожности и различным видам зависимости (алкогольной, сексуальной и т. п.),

чем те, которые поддерживают более традиционные отношения романтической любви. Некоторые стараются удержать традиционные устои и оказываются в ситуации зависимости от близких и от внешних условий (Гидденс, 2004). По мнению Гидденса, Бека и других, рефлексивность помогает преодолевать многие проблемы межличностных отношений.

* * *

Приведенные выше рассуждения важны для анализа данных, собранных в рамках проекта «Новый быт». Понятие «автономия», основной аналитический концепт статьи, определяется как жизненная стратегия, которая основана на рефлексивности, самоуправлении и самоопределении. Эта стратегия, в свою очередь, распадается на отдельные практики и эпизоды и может прерываться в зависимости от тех или иных обстоятельств (семейных, профессиональных и т. п.).

На основе материалов интервью в статье рассмотрена проблема сочетания растущей рефлексивности представительниц российского среднего класса и практик автономии в контексте интимной сферы. Приводит ли рефлексивное рассмотрение собственной идентичности к эмоциональному охлаждению семейных и интимных отношений? Можно ли найти примеры сочетания стратегии автономной женщины и интенсивных эмоциональных отношений, основанных на взаимных обязательствах, заботе и взаимопомощи? Во многих собранных интервью встречаются нарративы об эпизодах автономии, о рефлексивном отношении к собственному жизненному опыту и своим возможностям/потребностям. Основным материалом для статьи стало интервью, которое мы считаем чрезвычайно показательным в отношении уровня рефлексивности рассказчицы. Основным критерием выбора именно этого интервью послужило присутствие в нем насыщенных нарративов об эпизодах и практиках автономии в жизни респондентки и проявленная рефлексивность по поводу отношений с партнером. В статье будут также использоваться примеры из других интервью, подтверждающие данный случай.

Назовем нашу героиню Татьяной. Ей 29 лет, пять лет назад она переехала в Санкт-Петербург из Башкирии. Она трижды была замужем, первые два раза разведена, в третий раз овдовела, имеет ребенка от последнего брака. За два месяца до интервью она повстречала нового партнера. Ее профессиональная карьера началась в студенческие

годы в Башкирии, после переезда в Санкт-Петербург она работает юристом, последние три года — в крупной компании, параллельно во время декретного отпуска занималась собственным бизнесом, связанным с мобильными технологиями. В интервью она достаточно охотно и подробно рассказывает о своей карьере; о том, как организована ее повседневная жизнь, об отношениях с сыном. Предметом рефлексии для нее являются особенности ее личности, многократный опыт замужества, деторождение, собственные потребности, мечты, планы на будущее. Менее подробны рассказы о ее отношениях с мужчинами. Но рассуждения об отношениях с последним мужем, с ребенком, с новым партнером носят экспрессивный характер, что важно для поставленной задачи нарративного анализа.

Пути к автономии

Рассказывая о себе, Татьяна достаточно часто акцентирует те эпизоды своей жизни, когда она самостоятельно принимала те или иные решения, описывает ситуации, в которых она делала те или иные выборы. Первый в ходе ее жизненного пути эпизод автономного самостоятельного решения — это выбор вуза.

Я поступила сразу в четыре университета, закончила школу с золотой медалью. Да. И я жила с родителями в маленьком городке, не в столице, сто километров. Мои родители были вообще против, чтобы я уезжала из городка. В городе был филиал какого-то института, заочный. Вот, пойдешь туда. Я: нет, не пойду. Не знаю, с детства я была немного таким конфликтным ребенком. Вот. Я закончила школу с золотой медалью, без помощи родителей. Помощь мне была не нужна. Сама еще весной, до окончания школы поступила в четыре университета в столице [Башкирии]. Просто поехала, сдала экзамены. Поступила на аудитора, в этом же авиационном поступила сразу на факультет коммерции, там же поступила на физмат. Не знаю, зачем... Потому что, наверное, математику все время любила, хотя знала, что мне это не надо совершенно. И поступила на новый факультет, который открылся, назывался факультет гуманитарного образования, на социолога. Тогда специальность была «Управление государственной службой». «Управление государственной службой» — в большей степени экономический факультет из гуманитарных, по-любому.

И осталась там... Приняла решение для себя, что останусь там. И не пожалела никогда... Хотя родители очень не поддерживали мое начинание. Папа мне поставил условие, что не будет мне помогать никак. Потому что мне родители не помогли никак абсолютно, из принципа, что я уехала вообще из города...

Я и во время вуза еще пошла работать. Сначала я два года работала манекенщицей, потому что родители не помогли. Работала манекенщицей, зарабатывала себе. А потом с третьего курса я устроилась уже в фирму, работала уже менеджером по продажам, помощником, экономистом. И так продвигалась, продвигалась. А потом, как закончила учиться, сразу ушла в «Г...» работать...

А параллельно я еще получала и юридическое образование. Потому что всегда хотела получить еще юридическое. Потому что когда училась на экономиста, поняла, что очень интересно в юридической части. У нас был экономист-социолог, который меня выделил и сказал, что быть юристом и экономистом — очень интересно. Пошла реализовывать свою идею.

Татьяна самостоятельно принимает решения, основываясь на своих собственных желаниях, интересах и потребностях. При этом она дистанцируется от мнения семьи, представляет себя как стратегически действующего рационального субъекта. Исследования 1980-х гг. показали, что образование (наряду с трудоустройством и репродуктивным поведением) является одной из важных сфер, где доступ и наличие свободы выбора важны для автономии индивида. В данном случае Татьяна претендовала на большую степень свободы и большее количество выборов, чем было ей предоставлено изначально. Совмещая учебу с работой, Татьяна пришла к выводу о том, что ей было бы интересно получить второе высшее образование, и осуществила свое решение. Для реализации этого выбора Татьяне пришлось преодолевать сопротивление родителей, которые имели другое представление о возможностях и потребностях дочери. Кроме того, этот эпизод — пример достижения таких важных параметров автономии, как свобода передвижения, расширение возможных вариантов образовательных ресурсов, а вслед за этим и вариантов трудоустройства.

Описание эпизодов самостоятельного, независимого действия позволяет выделить две модели формирования идентичности автономной женщины. Первая модель, условно называемая нами «вопреки социализации», предполагает преодоление представлений и контроля

окужающих (в основном представителей старшего поколения или партнеров/мужей). Информантки часто рассказывают о том, что родители старались воспитать их в духе традиционной женственности или, по крайней мере, привить им традиционалистские представления о разделении гендерных ролей. Формирование самоидентичности, основанное на ценности автономии, проходило в контексте разрыва с усвоенной в детстве системой ценностей и практик. Оно предполагало преодоление сопротивления родителей, которые продолжали настаивать на том, что предложенная ими картина мира правильна. Именно через разрешение конфликтов с родительской семьей или с мужем женщины приходили к переосмыслению своей социализации и к идее автономии. Иногда конфликты приводили к разрыву отношений с родителями или к разводу.

Вторая модель — автономизация «благодаря социализации». Процесс осознания себя автономным субъектом связан с возможностью усвоить практики автономии, имея перед глазами пример «независимой женщины» в лице матери или бабушки. Здесь важно наличие возможности критически соотносить традиционный гендерный порядок с различными вариантами отхода от него. Представления об организации отношений с партнером и организации собственной жизни, полученные в результате такого критического осмысления, и формируют основу стремления к автономии (Clement, 1996). Надо отметить, что часто в одной биографии встречаются нарративы, повествующие об обоих вариантах обретения автономии. Татьяна, однако, делает упор на обретении независимости вопреки давлению других.

Карьера, профессиональная жизнь

Напомним, что в настоящее время Татьяна работает юрисконсультom крупной сетевой компании, имеющей филиалы во многих городах страны. Из биографии Татьяны видно, что она серьезно подошла к выбору профессии, получению образования, взяв на себя ответственность за этот выбор. Одновременно с учебой она начала работать, сразу по ее окончании устроилась на работу в солидную фирму. После третьего замужества переехала в Санкт-Петербург и снова занялась своей карьерой. Из интервью понятно, что очень многие аспекты жизни респондентки связаны с ее профессиональной деятельностью: она определяет место жительства, распорядок жизни ребенка, планы

на будущее. В современных обществах профессиональная успешность и финансовая независимость являются главными ресурсами женской автономии. Экономическая самостоятельность может стать залогом эгалитарных отношений с партнером, исключить проблему финансовой зависимости женщины. Со слов многих информанток, рефлексивно относящихся к своей идентичности, становится понятно, что для них важно сначала реализоваться в профессиональной сфере и стать финансово независимой, а затем реализовываться в сфере интимной и устанавливать постоянные отношения, вступать в брак и рожать детей.

Рождение ребенка также переплетено в рассказе Татьяны с профессиональной деятельностью и карьерой:

Муж меня уговорил. Я же не собиралась, даже близко не собиралась. Может, меня даже в чем-то обманул, так чтобы я ребенка ему родила. Да, была в этом его вина. Уж очень он хотел ребенка и приложил все усилия. Я бы точно сама — нет, я планировала в тридцать лет, самое раннее.

— Почему, кстати?

— *...Карьера. Только все начиналось. Я поменяла здесь город, только-только. Новый город, я хотела нормально тоже чего-то добиться, прежде чем иметь ребенка, может быть, чего большего. Быть поуверенней, понезависимей.*

По словам Татьяны, двойственное отношение к деторождению присуще также ее подругам; встречаются подобные рассуждения и в других интервью. С одной стороны, культурный контекст формирует в женщине потребность в материнстве; с другой стороны, стремление к финансовой независимости и карьерному росту входит в противоречие с этим желанием. Женщины планируют рождение ребенка не только с учетом таких параметров, как возраст, состояние здоровья, наличие постоянного партнера, экономическое положение и пр., но и принимая во внимание то, как рождение ребенка может сказаться на их профессиональном продвижении. Например, подруги Татьяны постоянно откладывают материнство, но при этом часто говорят о том, что, родив сына, она поступила правильно, потому что ее ребенок уже подросток и скоро она будет достаточно независима от него.

Для самой Татьяны беременность и отпуск по уходу за ребенком не явились препятствием для того, чтобы реализовать собственные

идеи по организации бизнеса. Находясь в декретном отпуске, она организовала собственную фирму:

У меня была своя компания. Вот... Я была генеральным директором в компании новых информационных технологий... Всевозможные развлекательные... развлекательная индустрия, связанная с сотовыми, с сотовыми мобильными операторами, Мегафоном, с МТСом... У нас было много разных проектов, всяких. Разругались со своим генеральным учредителем, вот... разбежались [смех].

Неудача с организацией собственного бизнеса привела к принятию рационального решения — вернуться на ту должность, которую Татьяна занимала до рождения ребенка и которая по многим показателям ее устраивала.

Работа Татьяны определяет ее быт — место жительства, распорядок жизни ребенка, отношения с родственниками. Она отмечает, что непостоянство быта связано с тем, что и в работе она «еще не определилась»:

Я всегда снимаю квартиры. Очень хорошие, всегда с готовым евро-ремонтom. Мне так удобнее. Все зависит от того, где место работы: если меняется, тут же меняю квартиру. У меня есть своя квартира в Башкирии, так и стоит там — недвижимость. А здесь я еще не определилась. То, что я хочу, мне это сейчас недоступно... Меня этот вариант, честно, больше устраивает. Во-первых, я не определилась с местом проживания страны, не то, что иметь какую-то ненужную квартиру... мне проще платить и менять. Если не понравились соседи — поменяю, и нет проблем. Сейчас у нас хорошая квартира, с консьержем, все очень устраивает: квартира, мебель, хозяйка. Вообще, нет проблем с этим... Это очень удобно в моей ситуации, когда нет никакой определенности. Даже не знаю, какой части города отдать предпочтение... Всегда есть проблемы какие-то... с добиранием до работы.

Профессиональная жизнь определяет и то, как Татьяна организует заботу о ребенке. Она пользуется услугами двух нянь (дневной и ночной), а также прибегает к помощи бабушек, когда уезжает в командировки, являющиеся обязательной частью ее профессиональных обязанностей.

При этом Татьяна не исключает для себя возможности уйти с работы, посвятить себя дому и ребенку в том случае, если найдется человек, который будет ее обеспечивать:

— *Работа сейчас для Вас очень важна? Вы могли бы вернуться в «дом»?*

— *Конечно, абсолютно, без вопросов. Я не считаю себя домохозяйкой в полном смысле этого слова, чтобы там сидеть... Я бы нашла просто такую сферу деятельности, где можно с ребенком, пусть это не приносит больших денег, просто чтобы не чувствовать себя там изгоем... Кучу всякой литературы, которую хочется давно прочитать, проштудировать. Книжки там по маркетингу стопками стоят, литературу, журналы, новые методики по развитию, воспитанию детей и просто общению с друзьями, подругами. Поэтому... с удовольствием. Легко могу и уйти... и все заново с нуля начать. Совершенно не пугает. При чем в другом городе, в другой стране...*

До сих пор себя не нашла. Не нашла, в поиске я. Точно знаю, что в поиске, потому что у меня все получается. И это хочу, и то, и все получается. В итоге все нахватываю, и так не определилась. И домохозяйкой мне хочется быть, и бизнес-леди хочется быть, и просто любимой женщиной хочется быть. Все, все вместе, а получается не так очень хорошо...

Постоянная рефлексия собственных желаний и жизненных планов также является проявлением автономии. Исследователи отмечают, что рефлексивная модернизация способствует развитию личности, постоянно сомневающейся в правильности того или иного выбора (Hochschild, 2003; Гидденс, 2004). Как видно из рассказа Татьяны, такие сомнения касаются не только выбора партнера, но и места жительства или работы. Интересно, что в интервью с информантками, представляющими традиционные сценарии, описания подобной рефлексии и сомнений встречаются гораздо реже. В эмоциональном плане постоянные сомнения в собственном выборе могут приводить к состояниям тревожности, стресса и т. п. Но рефлексивность Татьяны позволяет ей интегрировать эти сомнения в представления о себе и своей жизни. Татьяна подчеркивает свою готовность к переменам, к неожиданным поворотам жизни, объясняя это своим жизненным опытом и контекстом случайностей, с которыми она сталкивается:

Я живу только сегодняшним днем, не планирую, ничего. Потому что как только начинаешь планировать, все рушится. В моей жизни, по крайней мере, так. Даже во Францию вот запланировала, даже началось реализовываться, и тут же что-то обязательно случается...

Она очень много говорит о том, что стремится позитивно относиться к любым неожиданностям в жизни, не хочет ни к чему привыкать и в любой момент готова сама инициировать радикальные изменения своих стратегий. Автономная женщина представляет себя человеком, открытым изменениям, готовым к случайностям, которыми чревата сегодняшняя жизнь. Эти случайности препятствуют рациональным стратегиям действия.

Выбор партнера

Некоторые интервью показывают, что женщины действительно рефлексивно подходят к проблеме выбора партнера. Последовательная моногамия выступает здесь тем методом проб и ошибок, который помогает каждой женщине определиться с критериями выбора. Татьяна в интервью рассказывает о своих замужествах в ответ на вопрос, почему она родила ребенка только в третьем браке:¹

Я вообще не хотела замуж, выходила за него замуж из чувства жалости. Встречались долго вот, и была такая ситуация, что надо было либо замуж выходить, либо ждать. А человек очень сильно переживал. Он просто другого не мыслил. Поженились, прожили еще два года, и я поняла, что с жалостью долго не проживешь. Он сильно меня любил, делал для меня все, просто не хотела от него ребенка. Ну, не было у меня к нему чувства.

А второй брак — я в мужчине была не уверена. Он то туда, то сюда. И я не понимала зачастую его поведения. Он был очень состоятельный, но совершенно непредсказуемый характер. Я считаю, что мы с ним обо-

¹ Надо отметить, что такой нарратив может быть интерпретирован как ретроспективная биографическая иллюзия, рационализирующая чувства и действия, ставшие предметом воспоминания. — *Примеч. ред.*

юдно разошлись. Не с первого раза... У нас был очень тяжелый развод. Это было моей инициативой. Мы были вместе лет шесть.

Ну а третий муж... Все абсолютно устраивало и мужа, и меня. Все мне нравилось, но тут уже судьба нас разлучила...²

Респондентка выстраивает рассказ о своей матримониальной истории в эволюционном ключе — первый брак рассматривается ею как ошибка. Но ошибку совершает она сама и сама несет за нее ответственность. В этом случае она говорит об отсутствии у нее чувства любви к супругу. Для ее представления о браке оказалось недостаточно заботы и любви со стороны мужа; отсутствие взаимности с ее стороны в конце концов привело ее к пониманию невозможности построения долгосрочных отношений. Во втором браке не было уверенности в мужчине, понимания, доверия. Упоминание «тяжелого развода» говорит о большей эмоциональной окрашенности отношения самой Татьяны ко второму мужу и их браку. Третье замужество описывается как полностью удовлетворительный опыт построения супружеских отношений.

Предоставляя такие скудные сведения о своем опыте супружеской жизни, Татьяна обобщает его, используя рефлексию предыдущего жизненного опыта для анализа своих сегодняшних представлений о принципах выбора партнера.

Поэтому, я говорю, какое-то невезение... Поэтому теперь я очень аккуратна. Даже просто начать отношения с мужчиной сейчас очень проблематично. Присматриваюсь к мужчине и очень часто отвергаю мужчин, практически всегда. ...Потому что после смерти мужа, первого мужчины, с которым у меня что-то серьезное, хоть как-то открыть свою душу — трудно. Уж лучше на работу, на работу... Бегать и искать того, кто более или менее готов ответить взаимностью? Уже обо всем думаешь. Нет уже того, чтоб так безрассудно: все, влюбилась! Нет, уже нет, все осознанно.

Интерпретировать этот фрагмент интервью помогают рассуждения Хохшильд о связи капиталистических отношений с миром чувств. Она пишет, что важная современная стратегия управления эмоциями — это развитие способности ограничения эмоциональных связей,

² Третий муж Татьяны умер примерно за год до интервью.

которая позволяет приспособиться к нестабильной капиталистической культуре и экономить эмоциональный капитал. Традиционные представления о романтической любви как о насыщенном эмоциональном союзе сталкиваются с опытом недолговечности интимных отношений, сложностями включения романтических чувств в повседневность. Вследствие этого возникает стремление минимизировать риски, связанные с инвестированием эмоционального капитала. Такое рациональное отношение к миру чувств характеризует «глобальное эмоциональное охлаждение», о котором пишет исследовательница (Hochschild, 2003: 124–126).

В другой части интервью Татьяна более подробно рассказывает о том, какие критерии выбора партнера она на сегодняшний день для себя сформулировала:

...играет роль не столько размер его дохода, сколько то, что от дохода зависит стиль жизни. Общение, опять-таки, уровень образованности, чтобы было о чем поговорить, ну и его отношение ко мне. Он же будет постоянно ревновать и злиться, если будет что-то не так в отношении моей работы. Постоянные поездки, я постоянно задерживаюсь на работе, что-то еще. Мужчина несостоятельный не выдержит такой жизни. Я понимаю, у людей должен быть одинаковый круг общения. Даже просто появиться с человеком в каком-то общественном месте, даже если как-то по-разному с ним будете одеты — не очень приятно, и ему, и мне. Было такое, одно время я общалась так с парнем, и с первых дней, она разрасталась с каждым днем, взаимная неприязнь... Ни к чему хорошему это не приведет. Поэтому только из примерно своего круга общения можно заводить серьезные отношения. Ну, мужчинам, может, в чем-то и проще. Если девушку можно до своего уровня поднять. А мужчину очень тяжело тащить с собой. Женщина в любом случае видит эти недостатки. Хотя, я опять говорю, может быть, есть и другие парни достойные, но уже другая проблема — не мой возраст. С этим как-то все не просто... Столько у меня подруг с теми же самыми проблемами...

В подобных рассуждениях мы видим рефлексию респондентки по поводу гендерных ролей, различий между тем, что легче или тяжелее в моральной, эмоциональной и материальной перспективе дается женщинам и мужчинам. В результате таких рассуждений формируется мнение о том, какие отношения могут рассматриваться как

перспективные, а какие — нет. Это высказывание Татьяны дает нам представление о ее стратегии управления эмоциями: эмоциональных инвестиций заслуживает такой партнер, который, с одной стороны, происходит из той же социальной среды и разделяет ее стиль жизни, а с другой стороны, может на равных участвовать в отношениях, который ответит взаимностью, окажется способен «открыть душу». Не только в истории Татьяны, но и в других интервью встречается подобное сочетание рационального управления эмоциями и потребности в душевной и эмоциональной теплоте.

Очень часто рефлексивность по отношению к собственному жизненному опыту, общепринятым нормам взаимоотношений партнеров и гендерным ролям приводит к формированию представления об идеальном партнере и идеальных отношениях с ним, которые помогают самостоятельно ориентироваться в окружающей реальности и следовать стратегии экономного управления эмоциями. Причем эти идеальные представления нельзя назвать полностью эмоционально холодными.

Рассказ о встрече с нынешним партнером возникает в связи с распросами о карьере, работе и планах на будущее:

У меня тут даже идея была переехать во Францию. Всегда было желание жить во Франции. И вот загорелась этой идеей. Пожила в Германии, во Франции. Италию я уже давно отmelda, Германию тоже. Франция теперь осталась, да, была у меня идея переехать во Францию. Уже практически я начала ее реализовывать, ну, вот встретила молодого человека здесь, в России. Полюбила, и теперь меня это немножко сдерживает, потому что понятно, что у него есть бизнес, во Францию точно не поедет [смех]. Его здесь все устраивает. И конечно, это очень сильно тормозит. И мои планы, может, уже в чем-то... может быть, я даже рада в чем-то наоборот... Это все сильно значит. Ребенок, работа — да, но нет полной гармонии без чего-то душевного.

В данном случае попытка самостоятельно, рационально спланировать свое ближайшее будущее (профессионально и территориально) вошла в противоречие с личной, эмоциональной жизнью рассказчицы. Любовь, желание строить отношения с партнером оказываются сильнее мечты о коттедже на Средиземном море. Встреча с партнером интерпретируется Татьяной в эмоциональных терминах —

любовь, радость, душевность. Даже если в таких отношениях никогда нет уверенности и они являются наименее стабильной частью ее жизни, Татьяна не готова отказываться от этого важного элемента своей жизни.

Развитие отношений с партнерами

Оценивая опыты своих трех браков, Татьяна довольно осторожно относится к отношениям с новым партнером.

Меня всегда тянули замуж, но это обязанности, паспортные дела... Я считаю, что это имеет смысл, когда появляются дети, я считаю, что уже нужно определяться. Как юрист, я знаю, в этом случае штамп в паспорте уже много значит, во многих вещах: тут идет и совместная собственность... Потому что любовь любовью, а если собственность какая-то остается, идут проблемы. Пока легкие отношения, то лучше, конечно, не торопиться, получше узнать друг друга. Хотя и это часто становится причиной развода, что люди долго вместе, а не могут определиться... есть и свои плюсы, и свои минусы. Я всегда не хотела, очень не хотела замужества. Так заставляли, просто уговаривали, настаивали, ставили какие-то свои причины веские, весомые. Сейчас, естественно, не хочу такие официальные отношения.

Татьяна использует свой профессиональный и жизненный опыт, чтобы определить свои ожидания от новых отношений и представить желательное для нее дальнейшее развитие этих отношений. Отсутствие контроля над собственным выбором в описании предыдущих браков Татьяна оценивает сейчас как негативный опыт. Интересно, что подобный опыт замужества по причине того, что партнер «уговорил», «все подружки уже вышли, и я решила» и т. п., нередко встречается в других интервью. В случаях, когда этот опыт подвергается рефлексии, респондентки оказываются склонны более внимательно относиться к своим собственным желаниям и потребностям. Рефлексивность и стратегии управления эмоциональным капиталом не ограничиваются проблемой выбора партнера — решение о совместном проживании, браке, детях также принимаются в контексте не только материальных, но и эмоциональных инвестиций.

Ребенок как совместный проект

Вопрос о планировании детей является очень важным для Татьяны не только в свете рассуждений о карьере и профессиональной деятельности, но и в связи с отношениями с партнером и собственными представлениями и желаниями.

— *Сколько Вы хотели бы завести детей?*

— *Планирую, конечно, по крайней мере, еще одного. Причем совершенно не важно: мальчика, девочку... Первого мне очень хотелось девочку. Теперь абсолютно все равно, я не знаю, потому что все равно... Когда ему был годик, мне очень хотелось еще. Но когда становятся постарше, уже меньше хочется. Наконец-то как-то более свободным становишься, и ребенок более разумным становится. Теперь уже стоит подождать, когда он совсем повзрослеет, и был в чем-то даже помощником. Не знаю, как там получится, потому что даже в этом не могу планировать. Потому что у меня нет желания родить ребенка. Ребенка хочется, когда есть любимый мужчина. Если получится, что от этого мужчины захочется ребенка и будет возможность, то тут уже отключаются мозги и разум. Но четырех детей рожать уже не хочется [смеется]. Потому что с одним уже куча проблем. Ну нет, конечно, теперь об этом даже не думаю. Времени еще предостаточно.*

Но сейчас мы как-то не пришли к тому, чтобы думать о совместных детях, мы только два месяца вместе. Поэтому... У нас, конечно, очень быстро отношения развиваются, но, тем не менее, еще рано. Это все серьезно, но не известно, как повернется.

Первого ребенка, по словам Татьяны, ее уговорил родить муж, так как сама она планировала сделать это позже. Второго ребенка она тоже планирует, но для этого есть два условия — наличие любимого мужчины, от которого захочется родить, и достижение возраста минимальной самостоятельности первым ребенком. При этом все размышления о втором ребенке носят проективный характер.

— *Ну да, вот если представить себе идеальную для Вас семью, сколько детей должно быть?*

— *...Я считаю трое, но вряд ли мне захочется троих [смеется]. Меня бы устроил вариант, где ребенок уже есть у мужчины, даже*

пусть от другого брака. Потому что если будет у мужчины свой дом, он уже будет понимать меня и уважать мое состояние [наличие у Татьяны сына]. В этом случае, в моей ситуации — это будет идеально. И один ребенок — наш общий. Все, вполне устраивает, все поровну... всем поровну [смех]. Вот такой я вижу идеальную картину, хотя идеал во многом меняется. Каждый месяц, все меняется, и представления тоже.

Это описание идеальной семьи представляет немалый интерес для интерпретации. Татьяна, сама имея опыт материнства, считает, что ее партнеру тоже желательно было бы иметь опыт отцовства. Ситуация равенства, когда «все поровну, всем поровну», представляется респондентке наиболее привлекательной. Вообще фигура партнера, предполагаемого отца ребенка, часто выходит на первый план в представлениях многих респонденток. Вот как другая респондентка рассуждает о материнстве:

Если будет у меня такая любовь, такие хорошие отношения с мужем, взаимопонимание, и когда будет действительно очень хорошая семья, тогда, возможно, у меня это желание придет, или я рожу ребенка просто потому, что у меня уже все очень хорошо устроено... (Кира, 36 лет, разведена).

Анализ других интервью также показывает, что если о ребенке рассказывают как об осуществленном совместном проекте, чаще всего это история позднего брака и позднего ребенка, история отношений двух автономных субъектов. В ситуации отношений зависимости ребенок часто выступает как средство упрочения этой зависимости (инициатива мужчины) или способ манипуляции (инициатива со стороны зависимой женщины).

Организация досуга

Как показал анализ интервью, завязывание и развитие любовных отношений неотделимо от досуга. Именно в пространстве свободного времени, собственно, эти отношения и протекают. Для развития отношений важно вместе проводить время, а если оба участника взаимодействия заняты на работе, то отношения развиваются в рамках до-

суга. Три разных типа свободного времени — вечера после работы, выходные дни и отпуска — являются теми ключевыми отрезками времени, когда отношения можно событийно наполнить, совместно пережить положительные эмоции, развить отношения на основе партнерства.

Татьяна описывает свой досуг как насыщенный, наполненный разнообразными практиками. Причем эти практики меняются в зависимости от изменений в ее жизни. Вот что она рассказывает о том времени, когда ждала ребенка:

Я никогда не завидовала, даже когда беременность была, что ходят там все, жизнь у них бурлит. У меня, естественно, все отошло это на задний план. Но я была счастлива в своем этом положении. Я нашла кучу других занятий — театры, книги, меня это все радовало гораздо больше, чем клубы, там, светские тусовки. Уже больше хотелось провести выходной день, выходные дни где-то за городом, с семьей, с ребенком, с любимым мужчиной. Даже приготовить самой обед, просто тихо и уютно посмотреть какой-нибудь семейный фильм дома, а не пойти даже в кино. Или в кино всей семьей пойти. То есть уже какие-то другие это ценности, ценности-то меняются.

После рождения ребенка и смерти мужа эти практики изменились. Так, например, необходимость пользоваться услугами ночной няни объясняется потребностью в организации «личной жизни», которая включает в себя как самостоятельное проведение свободного после работы времени, так и встречи с друзьями и партнером:

Рабочий день очень насыщенный. Постоянные поездки, разъезды по городу. Ну а вечером, естественно, действую в своих интересах, увлечениях — спорт. Я хожу в спортивный клуб... Могу просто слушать музыку. Ну, встречаюсь с друзьями, подругами, которых великое множество. Ребенку внимание уделяю, когда получается [смеется]... Когда не получается — он с бабушкой. Бабушка тоже здесь. Бабушка, няня... У нас две няни: дневная, ночная. Так что ребенок пристроен. С ребенком очень просто. Ребенок все прекрасно понимает.

Такая деятельность, как совместные поездки, посещения друзей, кино, общие увлечения, всегда оказывается эмоционально наполнен-

ной и, кроме того, дает возможность совместного планирования общих действий, где оба партнера эмоционально вовлекаются в отношения, проявляют себя. Такую деятельность можно рассматривать как совместное творчество, которое иногда превращается в долговременные проекты и вокруг которого нередко строятся отношения.

Выходные Татьяны также наполнены практиками проведения досуга с ребенком, друзьями и партнером. Один из таких опытов совместного проведения выходных с партнером Татьяна описывает достаточно подробно, так как эта поездка оказалась проблематичной.

Поехали отдохнуть и заказали отель сначала, он социального типа, поэтому там есть выходные дни. Ну, получилось второпях, снимал мой друг, совершенно не спросил, что он заказывает. Ему сказали, что все будет хорошо. Получилось так, что он поручил это своему помощнику. Он ему сказал: «Вы едите, если вы в двенадцать не приедете, все, вас туда никто не пустит». Мы летим, как сумасшедшие, ребенка я пристроила, как всегда. Это же все-таки у меня личная жизнь. Летим, опаздываем, прилетаем туда. Девятый этаж, лифты не работают. Началось уже с этого. Отель ужасный, просто отвратительный. Люкс-номер тоже. Ну, ладно, мы все это пережили. Все прекрасно, мы же отдохнуть приехали. Воздух, природа, окна на Финский залив, все супер. Бассейн там с утра наливают чистой водой, все услуги... Приходим: бассейн не работает, массажист — выходной, тоже не работает. К косметологу — запись за две недели вперед. И все на нас плюют почему-то. Потому что видят, что вот приехали... А там все убогие, туда вообще только автобусы ходят. Пенсионеры, инвалиды, и мы тут... приехали. Нас уже заранее ненавидели. Заранее ненавидели, потому что видят, что машина дорогая, они же видят, мы ее поставили под окнами. Нам на нее что-то скинули сверху. Куда вы ее ставите? Там машины нельзя ставить! Да, вообще... Все кругом орут, наезжают. Просто и обслуживающий персонал, и все. Это вообще... это просто шок... Я еще сдерживалась какое-то время, а он, конечно, в первые пять минут начал конфликтовать. Я ему еще говорю: «Не расстраивайся, еще два дня, ты чего... ну, я же понимаю, ты хотел как лучше. Ну, ничего страшного, все будет хорошо...» Ну, мы так взаимно поговаривали друг друга, поговаривали. «Поехали пообедать?» Быстро поехали пообедать. «В этот отель давай заедем?» В общем, в этом отеле так и остались [смех]. Решили себе праздник устроить: там все, ну, все по-другому. Все на нормальном уровне. Люди уже на-

чали обслуживать, любое желание — закон. Все, что хочешь. Скажешь прийти, он пришел. Вот... Все стало на свои места. Прекрасно отдохнули. Казалось бы, были даже настроены потерпеть, старались не конфликтовать.

Из этой цитаты видна стратегия организации досуга, которой придерживается Татьяна. Так же, как и в вопросе выбора партнера, для нее важно соответствие уровня досуговых услуг ее образу жизни, социальной принадлежности. Для нее это не просто возможность провести время со своим партнером, но также и выбор потребительской стратегии. Отлажено работающий сервис, социально гомогенное окружение — вот условия отдыха, которые она считает приемлемыми. Автономная женщина рационально относится ко времени. Она разграничивает его на сегменты в зависимости от социального наполнения — время на работу, время на ребенка и обязательно личное время (на себя и на интимные отношения). Личное время описывается ею как время ухода за собой и общения с партнером. Чтобы высвободить его, она организует оплачиваемый уход за ребенком и планирует, где и как провести выходные вдвоем со своим партнером. Татьяна готова выбирать и может материально обеспечить себе выбор времени, места и условий отдыха. В данном случае ее автономия проявляется в регламентации социально наполненного времени и в экономическом обеспечении собственной досуговой стратегии.

Для интерпретации данного эпизода автономии обратимся к исследованиям Эвы Иллуз, изучавшей механизмы взаимного обусловливания культурных паттернов, экономических стратегий и любовных отношений в потребительском обществе. По ее мнению, современная концепция и практика любви сложилась под большим влиянием капиталистической сферы досуга. В современном обществе романтическая любовь инкорпорирована в сферу досуга и полностью подчинена закономерностям потребительского общества. При этом сосуществуют два типа репрезентаций партнерства и супружества: рациональный союз, построенный на ценностях стабильности, безопасности и кооперации, и гедонистический союз, основанный на совместных интересах, удовольствиях, понимании. Независимо от того, ориентированы ли романтические отношения на долгосрочность или носят временный характер, сфера потребления предоставляет рамки, в которых эти отношения постулируются и репрезентируются посредством циклического потребления ритуалов досуга (Illouz, 1997: 289).

Современная инфраструктура досуга предлагает услуги различного уровня для разных потребителей. Потребление досуговых услуг служит одним из показателей принадлежности Татьяны и ее партнера к одному социальному слою. В сфере досуга проявляется и утверждается не только их эмоциональная близость, но и общность социально-экономической принадлежности.

Восприятие себя

Отношение к себе как к автономному субъекту у Татьяны носит неустойчивый характер. Как говорилось выше, автономия не является целостным феноменом, она складывается из отдельных эпизодов. Автономия, личная независимость не проблематизируются в профессиональной сфере. Там Татьяна легитимно делает самостоятельные выборы и несет ответственность за них. Другое дело частная жизнь. В тексте интервью стратегия автономии проблематизируется, особенно в контексте отношений с ребенком, партнером, родителями.

Улыбаюсь, улыбаюсь. Настраиваю себя. И не считаю свою жизнь какой-то несчастной. ...даже вот моя мама считает меня какой-то в чем-то обделенной, может, несчастной... Ужасно, что ребенок один брошен. Я вечно в каких-то разъездах... Все меняется. Она считает, что вот старшая сестра вышла замуж, она живет с мужем, ребенком и все. ...Я их прекрасно понимаю. Но у них свое счастье, у меня — свое. Почему-то моя мама считает, что я в чем-то обделенная. Я считаю, что как раз наоборот. Моя жизнь более насыщенная, более интересная, более полная жизнь. Это с моих позиций, потому что у всех свои представления.

Все люди разные и по-своему судят о настоящем. Одни счастливы своим, я своим.

— То есть Вы всегда решаете все сами?

— Да.

— Не зависите ни от родителей, ни от друзей?

— Ну, конечно, нельзя сказать, что совершенно не зависима. В любом случае, мнение общественности оказывает свое влияние, потому что как ни крути... Даже если мама что-то скажет, и я категорически откажусь, то пройдет какое-то время, и через какое-то время

я все равно это обдумую и в чем-то переосмыслю. Я тоже эгоистична, и в чем-то могу сказать «нет» по-детски до сих пор. Но подумать, в чем-то даже, может быть, принять. Мнение окружающих все равно в любом случае интересует, и близких людей тоже. Конечно, полностью независима — нереально. Все равно от кого-то... даже от тех же нянь я завишу. От тех же бабушек, от сына. Невозможно быть полностью независимой. Нет, я не стремлюсь быть такой. Наоборот, жизнь ставит в такие рамки, а я не хочу быть независимой, самостоятельной. Никогда к этому не стремилась.

И до сих пор мне очень нравится, когда, мой друг меня всегда очень за это упрекает, когда мы с ним вместе, а я пытаюсь сделать что-то сама, там, открыть сок. Он: «С тобой же мужчина!» Но я не могу к этому привыкнуть, я привыкла [быть] одной, и мне уже тяжело перестраиваться. И мало того, тяжело привыкать к этому. Я боюсь, что я привыкну, что произойдет что-нибудь... Потому что мой последний брак был уже третьим браком. Так случилось, что фатальное невезение... Я уже боюсь, может быть, потерь, боюсь привыкать...

Из этой цитаты видно, что Татьяна считает, что ее независимость и автономия относительны. Она является продуктом тех жизненных условий, в которых она оказалась. С одной стороны, она четко отвечает на поставленный вопрос: она все решает сама, но к определению себя как полностью независимого человека относится скептически. Она осознает сложности реализации стратегии автономии. Поскольку автономия складывается в контексте наших социальных связей, особенно в близких отношениях, само это понятие подразумевает влияние на автономного субъекта со стороны друзей, родственников, партнеров.

Автономная женщина испытывает сложности в отношениях с партнером. Как видно, она не готова к роли «слабой женщины» рядом с «сильным мужчиной»; она критикует некоторые его выборы и решения (как в случае с тем, как он организовал поездку за город, см. выше). Рассказчица опасается близких взаимозависимых отношений, думая, что они могут быть ненадежными. Предшествующий опыт заставляет ее быть осторожной и расчетливой в интимных отношениях. Она выказывает неготовность к полному доверию и близости и тем самым проявляет то самое эмоциональное охлаждение, о котором пишет Хохшильд. Ей представляется более надежным самостоятельное решение всех проблем, она готова во всем полагаться только на себя,

нежели инвестировать эмоциональный капитал, не имея гарантий его приращения или сохранения. Эту стратегию управления эмоциями Татьяна применяет осознанно и считает ее вполне оправданной:

Хотя я эгоистка. Забота моих близких меня трогает, моих друзей, а то, что вокруг меня, — я как-то зачастую индифферентно к этому отношусь. Я знаю эту сторону своего характера, и она мне не мешает жить, совершенно. На работе очень часто не участвую даже, даже очень часто, в какой-то активной общественной жизни. А то, что происходит между сотрудниками, не вижу. Как? Вы этого не видите? Я говорю: мне просто неинтересно.

Итак, анализ интервью показал, что в данном случае (как и на примере других интервью) мы не можем говорить об автономии современной российской женщины как о целостной жизненной стратегии. Автономия скорее определяется как ситуативная и эпизодическая. В биографии респондентки представлены разнообразные эпизоды самостоятельных, независимых решений. Ее склонность к рефлексии в отношении собственной социализации, жизненного опыта, опытов друзей и родственников также не оставляет сомнений в том, что эта женщина идентифицирует себя как автономная, т. е. самостоятельная и независимая. Она совершает образовательные и профессиональные выборы, рационально планирует свое время, является экономически независимой, планирует деторождение, одна воспитывает ребенка, выбирает партнера и строит отношения с ним. Она представляет себя как рационального субъекта, управляющего своими эмоциями, взвешивающего риски и выгоды своих поступков и целеустремленно выстраивающего жизненную стратегию женщины-профессионала. Стратегия автономной женщины проблематизирована в частной сфере — сфере интимных партнерских и родительских отношений. Автономия, предполагающая экономию эмоционального капитала, сочетается у Татьяны с потребностью в эмоциональной теплоте, заботе, дружеском участии, любовных переживаниях. Стремление соотносить свои потребности с обязанностями также зачастую приводят к сочетанию холодной рациональности с эмоциональностью (как в отношениях с партнером, так и родственниками и ребенком). В то же время недостаток эмпатии, заботы по отношению к окружающим не всегда оцениваются информанткой как проблема. Например, отношения с ребенком описываются в более инструментальном ключе, чем отношения

с партнером, описание которых более эмоционально окрашено. Информантка противопоставляет самооценку и оценку ее жизни окружающими. Автономная женщина воспринимается зачастую как неустроенная, одинокая, несчастная как представителями старшего поколения, так и ровесниками, следующими более традиционным сценариям.

Анализ данного интервью показывает, как в женской стратегии автономии сочетается рациональное управление эмоциональной жизнью с потребностью в эмоциональной теплоте любовных отношений. Ради этой теплоты многие современные женщины готовы к рискам, связанным с вложением эмоционального капитала.

Литература

Гидденс Э. (2004). *Трансформация интимности: Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах*. М.; СПб.: Питер.

О'Нил О. (1995). Автономия: зависимость и независимость, в кн.: Р. Г. Апресян, отв. ред., *Мораль и рациональность*. М.: Институт философии РАН, с. 119–135.

Benson P. (2000). Feeling crazy: Self-worth and the social character of responsibility, in: C. Mackenzie, N. Stoljar, eds., *Relational Autonomy: Feminist Perspectives on Autonomy, Agency, and the Social Self*. New York: Oxford University Press, p. 79–93.

Clement Gr. (1996). *Care, autonomy and justice*. Westview Press.

Connell R.W. (1987). *Gender and power*. Stanford University.

Croom H., Dyson T., Moor M. (1983). On family structure, female autonomy, and demographic behavior in India, *Population and development review*, N 9, p. 35–60.

Dixon-Mueller R. (1978). *Rural women at work: strategies for development in South Asia*. Baltimore: Johns Hopkins Press.

Fernandez-Kelly Patricia M. (1994). Broadening the Scope: Gender and the Study of International Development, in: D. Kincaid, A. Portes, eds., *Comparative National Development: Society and Economy in the New Global Order*. University of North Carolina Press, p. 143–168.

Fineman M.A. (2004). *The Autonomy Myth: A Theory of Dependency*. The New Press.

Friedman M. (2003). *Autonomy, Gender, Politics*. Oxford: Oxford University Press.

Hochschild A. (1974). The Sociology of Feeling and Emotion: Selected Possibilities, *Sociological Inquiry*, vol. 45, p. 2–3.

- Hochschild A. (2003). *The Commercialization of Intimate Life and Other Essays*. San Francisco; Los Angeles: University of California Press.
- Illouz E. (1997). *Consuming the Romantic Utopia: Love and the Cultural Contradictions of Capitalism*. University of California Press.
- Meyers T.D. (1992). Personal autonomy or the deconstructed Subject? A reply to Hekman, *Hipatia*, vol. 7, N 1 (Winter), p. 619–629.
- Meyers T.D. (1998). *Self, Society, and Personal Choice*. New York: Columbia University Press.
- Nussbaum M. (2000). *Women and Human Development: The Capabilities Approach*. Cambridge University Press.
- Rubin Z. (1970). Measurement in romantic love, *Journal of Personality and Social Psychology*, N 6, p. 265–273.
- Safilios-Rothschild C. (1982). Female Power, Autonomy, and Demographic Change in the Third World, in: R. Anker et al., eds., *Women's Roles and Population Trends in the Third World*. London: International Labor Office, p. 117–132.
- UNDP (1995). *UNDP. 1995. The Human Development Report: Gender and Development*. Oxford: Oxford University Press.

Елена Здравомыслова

НЯНИ: КОММЕРЦИАЛИЗАЦИЯ ЗАБОТЫ¹

Посмотрите на буржуазное общество! В каком классе мы находим самых здоровых цветущих детей? В классе обеспеченном, но ни в коем случае не среди бедноты. Чем это вызвано? Тем, что буржуазные матери целиком отдавали себя воспитанию детей? Ничего подобного! Буржуазные маменьки очень охотно перекладывали уход за детьми на наемную трудовую силу: нянек, мамок, гувернанток. Только в не-обеспеченных семьях матери несут на себе все бремя материнства, но тогда обычно дети запускались и их воспитывал случай, улица.

Александра Коллонтай. Революция быта

Перемены в гендерном порядке включают прежде всего иерархизацию и коммерциализацию заботы. Выстраиваются границы между бесплатным и оплачиваемым домашним трудом. Забота стратифицируется: в домохозяйствах среднего и высшего класса значительная часть домашней работы обеспечивается наемным трудом. Спрос на услуги по уходу за домашним пространством и его обитателями предполагает развитие женского сегмента неформального рынка занятости. В данной статье анализируются правила, по которым воспроизводится неформальный сегмент гендерно маркированного рынка домашнего труда по уходу за ребенком.

В теоретическом плане нас интересует изменение гендерного порядка в современном российском обществе. Формирование новых моделей организации частной жизни — неотъемлемая часть гендерного

¹ Статья написана на основании данных проекта «Новый быт» (2004–2005 годы, финансовая поддержка Финской АН). Многие идеи данной статьи обсуждались на проектных семинарах в ЕУСПб и в Хельсинки, за что я благодарю всех участников. Я особенно признательна Тане Барчуновой, Тамар Раппопорт, Ане Роткирх, Ане Тёмкиной и Нонне Шахназарян за комментарии и обсуждение. Ранняя версия этого текста опубликована в: П. Романов, Е. Ярская-Смирнова, ред., *Социальная политика в современной России: реформы и повседневность*. М.: ООО «Вариант», 2007, с. 320–348.

порядка. Строительство нового быта рассматривается в данном эмпирическом исследовании на примере организации семейной жизни представителей среднего класса. Информантами являются в подавляющем большинстве женщины, потому что до сих пор в российском обществе воспроизводится гендерное разделение ролей, при котором женщины признаются экспертами в сфере быта. В данной статье мы остановимся только на одном сегменте этого диверсифицированного слоя, а именно на образованных работающих матерях, нуждающихся в оплачиваемых услугах нянь.² Основная тема — организация домашнего оплачиваемого труда нянь. Ключевой вопрос: на каких условиях воспроизводится неформальный контракт и почему в нем заинтересованы как работодатели, так и наемные работницы? Ответ на этот вопрос поможет понять, каким образом коммерциализация заботы сказывается на гендерном порядке.

Материалы исследования — глубинные биографические интервью с нянями (11) и нанимательницами (41), проведенные с жительницами Петербурга. Выборка — целевая, теоретическая. Способы поиска информантов — метод снежного кома, контакты на интернет-форумах. Среди нанимательниц были выделены группы, соответствующие трем разным типам семейной организации: одинокие матери с детьми, матери в полной нуклеарной семье, семейные женщины — домашние работницы. Все нанимательницы (исключение составляет один мужчина) — представительницы среднего класса: высшее образование (иногда два, плюс дополнительные профессиональные курсы), уровень доходов более 300 долларов на человека в домохозяйстве с ребенком, занятость в частном секторе экономики на позиции квалифицированного труда. Возраст от 28 до 40 лет (2 исключения); число детей 1–2, возраст детей до 13 лет. В работе используются материалы радиопередачи «Мамочки-мамаши» (радиостанция «Эхо Москвы», эфир 12.03.2006).

Развитие капитализма в России приводит к изменениям гендерных отношений, основных параметров гендерного контракта. Основной вопрос гендерного контракта — это вопрос о том, кто отвечает за

² Заметим, что контракт домашней хозяйки также предполагает использование наемного домашнего труда, но в данном случае мы оставляем этот вариант социальной организации семейного быта за пределами анализа, хотя интервью с домохозяйками использованы и при реконструкции отношений с нянями.

организацию быта (Crompton, 1999; Роткирх, Тёмкина, 2002). В современной России наблюдается устойчивый рост рынка социальных услуг, хотя спрос в этой сфере еще не удовлетворяется предложением (см.: Малева, 2003). Если советский гендерный контракт опирался на систему государственных учреждений, помощь старшего поколения родственников и социальные сети членов семьи, то в настоящее время все большее распространение получает оплачиваемый домашний труд. Он включает в себя различные виды занятости; основные из них: забота о чистоте и уюте домашнего пространства (о вещах) и забота о детях и других домочадцах. Мы остановимся здесь только на работе нянь. Коммерциализации заботы о вещах — труду домашних работниц — посвящена в этом сборнике статья Ольги Ткач.

Няни — это наемные домашние работницы, осуществляющие заботу о детях на постоянной основе (в отличие от бебиситтеров). Возраст детей варьируется от грудного до среднего школьного (иногда старше), количество детей — от одного до двух. Рынок нянь диверсифицирован. Значительная его часть погружена в сферу неформальной экономики. До сих пор не существует надежных данных, позволяющих оценить рынок нянь. Журнал «Русский Newsweek» оценивает число московских агентств по подбору домашнего персонала (включающего разнообразные услуги) в две сотни (Черненко, 2007). В отношении Петербурга мы можем предполагать близкую цифру. Отмечается рост спроса на эти услуги. В официальных источниках Госкомстата есть одна строка о «предоставлении услуг по ведению домашнего хозяйства». До 2005 г. там всегда стояло 0,0% от всех экономически активных, в 2005 г. появилась цифра 0,1% — доля от числа занятых женщин. Всего экономически активных женщин зарегистрировано около 34 миллионов. Это означает, что такими услугами занято, если доверять статистике, 30—40 тысяч женщин и гораздо меньше мужчин. Данные исследования «Репродуктивное здоровье и фертильность — сравнительный анализ», проведенного РЕФЕР-группой,³ позволяют предположить, что к поискам нянь обращалось 20% матерей, имеющих детей в возрасте до 15 лет. Это нижняя граница. При этом наибольший спрос на услуги нянь предъявляют женщины в возрасте 25—34 года, которые находятся в фазе жизненного цикла, соответствующую

³ РЕФЕР-группа — ассоциация исследователей, ведущих проект «Репродуктивное здоровье и фертильность — сравнительный анализ» Академии наук Финляндии (в рамках проекта «Россия в состоянии изменений»).

щей модальным показателям сочетания занятости и наличия детей дошкольного возраста. В этой возрастной группе около 30% женщин пользовались услугами нянь. Большинство из них в поисках информации о нянях обращались к друзьям и знакомым. К услугам агентств обращалось 0,9% опрошенных (Кессели и др., 2005: 73).

В условиях недостатка социализма, т. е. государственной помощи семье и женщине, эмансипация женщин среднего класса от домашних обязанностей осуществляется благодаря рынку домашнего персонала. Для российского гендерного порядка это явление имеет серьезные последствия. Во-первых, общество сталкивается с эффектами коммерциализации заботы и социальной стратификации среди женщин. Во-вторых, неформальный рынок домашних услуг воспроизводит традиционные гендерные разделения. Трансформация гендерного порядка, в свою очередь, предполагает укрепление неформального рынка занятости.

Гендерный контракт неразрывно связан с социальной политикой. Более того, социальная политика определяет *гегемонный* гендерный контракт. Советский гендерный контракт «работающая мать» предполагал институциональную поддержку предписанной государством и обществом женской роли. Среди институтов, обеспечивающих такую поддержку, были государственные детские учреждения (ясли, детские сады, организация продленного дня в школах, клубы и дома пионеров и школьников, детские, в т. ч. и пионерские, лагеря отдыха). По возможности родители прибегали к помощи родственников старшего поколения, которые, как и положено членам расширенной семьи, вносили свой вклад в воспитание ребенка. При этом воспроизводилась гендерная типизация заботы.

Существенный вклад в заботу о ребенке вносила бабушка — именно в заботе о внуках заключается ее основная функция, что видно из самого наименования статуса. В России с введения пенсии по возрасту в 1956 г. и до сих пор законодательно утверждены различия между полами в пенсионном возрасте. Пенсионный возраст женщин (55 лет в большинстве профессий) на 5 лет ниже мужского. Кроме того, женщины более ревностно относятся к возрастным семейным ролям, принимая их как часть своей идентичности (см., например: Семёнова, 1996). Дружеские и соседские сети также были задействованы в воспитании детей. Это, как показывают эмпирические исследования, как правило, женские матрифокальные сети, которые поддерживают гендерные различия в обществе.

В привилегированных социальных слоях практиковалось использование наемного домашнего труда — в основном по уходу за ребенком и по ведению хозяйства (приходящие или живущие в семьях няни и домработницы, часто родственницы, приезжавшие из деревни, или другие категории мигрантов — ссыльные, не имевшие возможности найти другую работу).

Как замечает одна из информанток: *«Были еще “политические” няни, из репрессированных семей в статусе приживалок, как рассказы-вала моя бабушка»* (ж., 34 года, замужем, дочь 5 лет).

Тем не менее по ряду причин экономического и идеологического характера в советское время институт оплачиваемого домашнего труда был развит фрагментарно и не имел общего распространения. Рынок нянь был исключительно теневым. Труд няни использовался и в советском обществе. Однако, по словам одной из наших информанток, которая сама многие годы подрабатывала няней, совмещая эту работу со статусом научного сотрудника:

...няни при советской власти и няни сейчас — это два разных статуса. При советской власти няни — традиционные все Арины Родионовны. Все деревенские. Все жили в доме и были членами семьи. Были и маленькие, и старенькие, но до того, как устраивался их быт, — жили в семьях (ж., 56 лет, не замужем).

Описанная выше модель гендерного контракта была частью повседневного опыта советских граждан и кристаллизовалась как поколенческая память — тот смысловой горизонт, который создает рамку понимания происходящих перемен, обеспечивает сравнительную перспективу. Вспоминая о том, кто ухаживал за ними в детстве, кроме родителей, наши информантки называют: бабушек и дедушек, изредка старших сестер, почти всегда упоминают детские сады и ясли, иногда вспоминаются няни. Такую организацию заботы подтверждают данные проекта «Репродуктивное здоровье и фертильность — сравнительный анализ» Академии наук Финляндии (в рамках проекта «Россия в состоянии изменений»). Эти данные показывают, что уход за ребенком осуществляется тремя основными субъектами (приводятся в порядке частоты упоминания респондентами): матерями (37,8%), прямыми родственниками старшего поколения (35,1), в государственном детском саду (57,0). Отец назван на четвертом месте после упомянутых выше структур (7,3%) (Кессели и др., 2005: 73).

Ретроспективный культурный горизонт сравнения: где вы, бабушки и ясли?

Сегодня, описывая свою семейную жизнь, молодые женщины постоянно противопоставляют свой собственный детский опыт и контекст воспитания своих детей. В их воспоминаниях сочетаются ностальгические ноты — в основном при обращении к памяти о безоблачных отношениях с бабушками и дедушками — и реалистическая оценка новых перспектив в уходе за детьми. Эти противопоставления настоящего и прошлого свидетельствуют о существенном изменении гендерного контракта в постсоветском обществе. Мы имеем в виду не столько резкую смену институтов, поддерживающих совмещение занятости и родительства (ведь детские сады работают до сих пор, и сеть коммерческих профильных дошкольных воспитательных учреждений развивается), сколько изменение значимости и переустройство каждого из институтов, изменение правил игры, по которым строятся практики организации быта и ухода за детьми.

Двадцатипятилетняя женщина вспоминает о своем детстве:

Нет, няни не было. У меня были мама, папа, садик с года, ясельки. В то время садик нормально посещали, в семь вечера родители забирали. ...И все. Ну, конечно, там, в магазин если надо было, то бабушки. В выходной день тоже у бабушки. Летом были лагеря... Конечно, не было как-то раньше таких проблем ни у кого. Раньше жизнь другая была, чем теперь. Не было такой работы, чтобы до ночи, допоздна. Четкий график — в шесть, семь часов все дома, спокойненько сидят [смеется] (ж., 25 лет, замужем, сын 4 года).

Ее описание дополняет женщина, имеющая опыт проживания в коммунальной квартире:

...я ходила в... большое количество детских садов разных. Потом я пошла в школу. Летом меня, как правило, сдавали бабушкам. А так, ну, в основном, родители сами меня забирали. Ну, и соседи по коммунальной квартире еще так... довольно активно так участвовали в моем воспитании, вот, в какие-то самые такие первые годы школы. Ну, там, забрать из музыкальной школы, там, где-то подождать у бассейна, встретить, там, накормить супом дома. Ну, то есть, такие маленькие перехватные (ж., 35 лет, замужем, дочь 4 года).

Современные изменения гендерного порядка связаны и с **кризисом роли бабушки**. Этому явлению сопутствует несколько обстоятельств. Во-первых, продолжается нуклеаризация городских семей среднего класса. Межпоколенческие контакты ослабевают, молодые семьи предпочитают автономную организацию быта, живут отдельно, стараются обеспечить материальную и эмоциональную независимость от старших. Иногда представители молодого поколения ставят под сомнение легитимность роли бабушек, поскольку она способствует усилению власти старшего поколения в семье. Многие наши информанты предпочитают пользоваться услугами нянь, поскольку домашняя работа бабушек предполагает (материальное и символическое) признание их авторитета, а именно этого стремятся избежать молодые семьи, ориентированные на свободу от власти старших:

Да ну и опять же, с бабушками все-таки сложнее, а с нянями проще. Да? Я ей плачу деньги, я ей говорю, что, как бы, это делайте, это не делайте. Да? А бабушки, они же считают, что они должны учить жизни, вот поэтому, мне даже с моей мамой в этом отношении было бы тяжело. Вот. Опять же бабушки, они баловать еще любят, идти, там, на поводу [у мальшей]... (ж., 32 года, замужем, сын 4 года).

В свою очередь, в среднем классе представители старшего поколения тоже переосмысливают свой социальный возраст. Они не мыслят себя в категориях производного статуса, они еще полны сил и имеют собственные интересы, отличные от интересов детей и внуков. С другой стороны, в российском обществе все еще сохраняется сравнительно ранний возраст материнства. Это означает, что родительское поколение еще работает, когда у младшего поколения рождаются дети. Работающая бабушка не может выполнять функции по уходу за ребенком в полной мере, даже если на этом настаивают ее дети. Наша респондентка отдает себе в этом отчет:

У бабушки оказалась своя бурная, как бы, трудовая биография, которой она совершенно не собиралась ни в один момент жертвовать, я всегда (ха-ха-ха-ха-ха) как мать-героиня со своим этим младенцем в полотенце, когда мне там надо было что-то (ж., 40 лет, замужем, дочь 6 лет).

...Бабушки-дедушки у нас суперзанятые все люди... Но поскольку они обе работающие бабушки, то единственное время, когда у них

есть, — это выходные дни, вот выходные дни или какие-нибудь там форс-мажорные обстоятельства, например няня у нас не сидит вечером, если нам с мужем нужно куда-нибудь сходить: в кино, в театр (ж., 24 года, замужем, дочь 1 год 8 мес.).

Экономическая трансформация и изменения в системе пенсионного обеспечения приводят к тому, что бабушки вынуждены работать, чтобы обеспечивать себе экономически приемлемое существование. Иными словами, утверждается ролевая модель и жизненная стратегия «работающей бабушки», которая приходит на смену советским практикам «бабушки, воспитывающей внука». Такие стратегии становятся устойчивыми характеристиками гендерного контракта. Изменение гендерного устройства воспитания детей является структурным фактором, способствующим развитию спроса на оплачиваемый труд по уходу за ребенком, и прежде всего — труд нянь. Среди наших нянь значимый сегмент составляют социальные мигранты — новые бедные, чья социально-экономическая позиция существенно понизилась в результате развития капитализма в России. Чьи-то мамы и бабушки продают свою заботу чужим детям и внукам, потому что прожить на пенсию невозможно или потому что бюджетные сокращения вытолкнули их в сферу вторичной теневой занятости. На смену бесплатного труда бабушки приходит оплачиваемый труд няни, которая тоже может быть чьей-то бабушкой.⁴

Новый гендерный контракт формируется также в контексте изменения функционирования социальных сетей и детских учреждений в условиях капиталистического развития. В новых условиях дружеские контакты уже в гораздо меньшей степени предполагают безвозмездную помощь и обмен услугами. Коммерциализация повседневности сказывается и на структуре отношений взаимопомощи. Что касается дошкольных учреждений, то тут очевидно одно. Практически полностью исчезли из нового быта среднего класса детские ясли. Психологи и медики обосновывают их дисфункциональность (не равноразно ли?). Детские сады сохраняются, но их услуги не покрываются государственным бюджетом, а требуют значительных родительских выплат. Появились также разнообразные профильные платные детские учреждения.

⁴ Иногда бабушки получают оплату от своих детей за воспитание собственных внуков.

Одним словом, социальные институты, в советском обществе обеспечивавшие совмещение ролей матери и работающей женщины, не вполне выполняют свои функции. Кроме того, наблюдается рост ожиданий представителей среднего класса, рост требований в отношении социального сервиса, появляются возможности выбора услуг по уходу за детьми и воспитанию, желание «отделиться от масс», утвердить позиции нового класса, в том числе и с помощью организации домашнего труда, формируются новые стратегии воспитания детей, характерные для средних слоев. Рыночные отношения воздействуют на гендерный контракт противоречивым образом. С одной стороны, жесткие условия конкуренции в частном секторе экономики затрудняют для квалифицированной женщины совмещение ролей на условиях полной занятости в обеих сферах, что повышает спрос на оплачиваемый домашний труд. С другой стороны, формируется предложение — отряд безработных женщин, ищущих заработка студенток, работоспособных пенсионерок, квалифицированных работников бюджетного сектора, нуждающихся в дополнительных заработках, предлагает свои дешевые и не очень услуги семьям, воспитывающим детей. Рассмотрим, как формируется спрос на коммерциализованную заботу.

Интенсификация занятости работающей матери в рыночной экономике

Прессинг развивающегося рынка затрудняет совмещение гендерных ролей. Дефицит времени, интенсификация занятости, необходимость повышения квалификации и забота о себе — существенные барьеры совмещения ролей матери и работающей женщины. Вот как описывают наши информантки — молодые мамы, занятые в частном секторе экономики, свою «бешеную неожиданную жизнь»:

Я ложусь спать полвторого, так обычно. Бывает позже. Редко, правда. Я не успеваю ничего сделать по дому, поэтому... А когда уже все сделаешь с Машей, когда уже уложишь, гладить там или стирать, починаешь, не получается. Но надо. Поэтому вот так, полузакрыв глаза (ж., 42 года, замужем, менеджер, дочь 8 лет).

Квалифицированные работающие женщины отмечают интенсивную занятость, ненормированные часы работы, частые командировки, необходимые для успешного функционирования бизнеса. Дефицит времени, снешка — лейтмотив их рассказа об этом «безумном мире». Это касается как одиноких матерей, так и полных семей. Из интервью с замужней работающей мамой четырехлетнего мальчика:

Последнее время вот мы ничего оба не успеваем, совершенно. И уже такие — у нас нет ни сил, ни времени ни на какие выезды, потому что все свободное время, которое есть, мы проводим и пытаемся организовать досуг. Свекровь наша не участвует нисколько в нашем быте, совершенно... (ж., 25 лет, замужем, сын 4,5 года).

Конечно, сложности совмещения работы и быта характерны и для советского периода. Дефицит времени, постоянная неудовлетворенность совмещения ролей в позднесоветское время превосходно описаны в повести Н. Баранской «Неделя как неделя» (Баранская, 1969). В настоящее время изменилась структура распределения времени работающей женщины, принадлежащей к среднему классу, но сохраняется его систематический дефицит. Наши информанты связывают это с тем, что мир рыночных отношений оказывается требовательным, жесткая конкуренция не позволяет квалифицированным работающим женщинам воспользоваться даже предоставляемыми льготами декретного отпуска. И этот прессинг рынка тем сильнее, чем ответственнее должность и интереснее работа.⁵ Мягкое непротиворечивое совмещение ролей невозможно в случае карьерной ориентации. Молодой семье нужны помощники, особенно в случае если речь идет о матери, которая одна воспитывает ребенка. Правила игры навязывает наш особенный российский рынок, который нельзя назвать социально-ориентированным, несмотря на все декларации новой демографической политики (НДП):

Потому что... ну, на работе у нас... частная лавочка. Сидение с детьми никем не приветствуется, никому не нравится. В государственных-то организациях не очень. А в частном предприятии, тем более на должности заведующего — это вообще... (ж., 32 года, менеджер, не замужем, сын 3,5 года).

⁵ Об аналогичных процессах в американском обществе писала Арли Хохшильд (Hochschild, 1997).

Государственная социальная поддержка обесценивается требованиями «дикой» развивающейся рыночной экономики:

Нет, больничных у нас нет. Понимаете, когда речь идет о собственном бизнесе, больничных не бывает. То есть да у меня их никогда и не было, я, в общем-то, не болею. То есть я болею на работе, но я могу болеть два дня максимум. Больше не могу (ж., 29 лет, менеджер, замужем, дочь 2,5 года).

Не только ориентация на карьеру и потребность в зарработке заставляют представительниц среднего класса искать няню и выходить на работу. Им все сложнее ограничить себя домашним кругом, отдать предпочтение роли матери и домашней хозяйки — ведь у них за плечами и опыт экономической самостоятельности, и вкус к самостоятельной работе. Обсуждая возможности выбора между материнством и карьерой, информантка говорит:

... вполне допустимо сидеть с ребенком до школы, отправить его в школу, потом завести второго ребенка, опять сидеть с ребенком до школы, и так далее. Меня это не очень устраивает. Меня это все время нервирует! Хочется полагаться на себя... Поэтому, когда три года уже я... три года прошло, а высшее образование — оно все равно такой отпечаток своеобразный, что со временем кажется, что мозги киснут. За три года они действительно киснут. Не хотелось! Очень захотелось работать (ж., 28 лет, менеджер, замужем, сын 4 года).

Молодые матери делают выбор в пользу няни еще и потому, что чувствуют себя ограниченными в свободе, замкнутыми в домашнем пространстве. Они страдают от необходимости «сидеть с ребенком». Суммируя свои ощущения, мама рассказывает: «...Во-первых, я уже начала готовиться к выходу на работу, во-вторых, уже просто не было сил сидеть дома» (ж., 31 год, замужем, дочь 5 лет). Все женские голоса звучат в унисон: «На самом деле, мне без няни вообще никак», «А работа не ждет», «[смех] няня — это наше все!».

В среднем классе у молодых, образованных, ориентированных на профессиональную занятость мам очень рано возникает потребность в оплачиваемом труде по уходу за ребенком. Эта потребность осознается, когда ребенку 5 месяцев, 7–8 месяцев, 1 год. Такие дети еще слишком малы для дошкольных учреждений (как частных, так и го-

сударственных), и потому уход за ними должен осуществляться в домашнем пространстве. Это также связано с кризисом института яслей в российском обществе.

Незамужние мамы гораздо раньше, чем состоящие в браке, ощущают потребность в помощи нянь. В случае полной семьи отцы, как правило, оставляют вопрос о наемном домашнем труде на усмотрение матерей. Наши материалы показывают, что мужья и партнеры не сопротивляются стратегиям работающих женщин или домашних хозяек разделить заботу о детях с нянями. Однако они редко непосредственно участвуют в выборе нянь, отделяя себя таким образом от «женского мира». В нашем массиве интервью есть исключение — отец, активно вовлеченный в поиски няни, — назовем его Алексеем. Его семейную роль характеризует несколько особенностей. Ему 38 лет, ребенку полтора года. Он работает в крупной торговой компании менеджером по кадрам. «Я персональщик», — говорит он. Желанный ребенок — центр семейной жизни супругов. Жена работает представителем крупной фармацевтической фирмы. Отвечая на вопрос «Какие требования Вы предъявляете к няне?», Алексей отмечает:

Вы знаете, у меня астрономические требования к няням. Наверное, это некий максимализм. Чем лучше, тем лучше. Больше, лучше. Ребенок единственный, мальчик, ему развиваться нужно, гармонично.

Молодой отец отдает себе отчет в том, что активное отцовство (как и материнство) может служить помехой успешной работе в коммерческом секторе:

Сейчас такой период, когда я тоже начинаю оглядываться на него [сына]. Это, конечно, вызывает определенную проблему на работе, потому как... он вот этим летом переболел у нас краснухой, я очень переживал, как раз отвлекался.

Алексей поддерживает ориентацию жены на карьеру и понимает, что full-time-материнство несовместимо с серьезным заработком и квалификационным ростом женщины:

Нянька у нас с ребенком где-то с 8 месяцев, жена сидела до полугода, учитывая то, что я все время стимулирую ее на то, чтобы она делала карьеру.

При этом оплата труда няни является ответственностью жены:

У нас так поделен бюджет, что услуги няньки... оплачивает жена. Почему? Потому что у каждого человека есть право выбора. Жене было сказано: либо ты сидишь с ребенком, либо ты делаешь карьеру — варианты, пожалуйста. Ну, вся семья была за то, чтобы она сидела с ребенком, но характер жены таков, что я знаю, если она посидит три года, потом она уже никому в деловой сфере не будет нужна. Пришлось вот такое решение принять. Наверное, мое профессиональное редкое чутье сработало, пришлось ей сразу поменять работу, потому как, пока она полгода сидела с ребенком, на ее место (она была начальником отдела, не в этой компании, в другой) уже нашли другого человека. Несмотря на всевозможные наши законы, Вы знаете, что в России законы не действуют (м., 38 лет, женат, сын 1,5 года).

Оплачиваемая забота о ребенке как доверительная услуга

Коммерциализация домашних услуг в значительной степени происходит в рамках неформальной экономики (хотя и не только там). Быстро развивающаяся сеть агентств домашнего сервиса не удовлетворяет растущий спрос.⁶ На наш взгляд, сама структура домашнего труда выталкивает его в сферу неформальной занятости, где рынок погружен в сетевые персонализированные отношения. Однако степень персонализации и неформализации отношений может быть различной. Один вариант — установление близких отношений в условиях формального контракта, когда наниматели платят налоги и няня получает все необходимые страховки официальной занятости. Другой вариант — сочетание неформального контракта с неформальными отношениями.

Неформализация работы нянь связана с тем, что забота (работа по уходу) с большим трудом поддается жесткой регламентации и ее результаты трудно оценивать. Нас интересуют причины неформализации домашнего труда, которые покоятся на многих, в том числе эк-

⁶ Женская ниша на рынке труда на примере агентства домашнего сервиса проанализирована в работе Елены Евдокимовой (Евдокимова, 2004).

зистенциальных и культурных, основаниях.⁷ Неформальный тип коммерциализации заботы ставит нянь и родителей (матерей) в зависимость от динамики межличностных отношений. Среди оснований, выталкивающих гендерный контракт работающей матери в сферу неформальной экономки, мы отметим два, которые нам представляются наиболее важными: доверительный характер услуг, предоставляемых домашним трудом, и взаимные выгоды неформальной занятости — для работника и нанимателя. Проиллюстрируем эту позицию словами молодой мамы:

Я не оформляла с ними [нянями] никаких договоров, потому что это мой ребенок. Если они будут как-то безответственно к ребенку относиться, это будет сказываться как-то на ребенке, мне плевать как-то на договора. Вот эту бумажку потом ни к чему не пришьешь. Мне важнее какие-то личные вещи, взаимоотношения. Вот личные — я оставляю себе копию паспорта... (ж., 32 года, сын 1 год 2 мес.).

Сначала рассмотрим, как обеспечивается доверие в отношениях между няней и семьей. Затем посмотрим, как оцениваются выгоды неформальной занятости обеими сторонами неформального трудового договора. Этот трудовой договор рассматривается и как элемент гендерного контракта, организующего отношения между матерью (родителями) и няней. При этом мы будем условно различать две фазы реализации неформального трудового контракта: латентную и актуальную.

Работа няни — это доверительная услуга, особенность которой такова, что ее результаты видны не сразу и их оценка затруднена. Доверительные услуги оказывают врачи (не сразу становится очевидным, как их предписания влияют на здоровье пациентов), педагоги (неясно, насколько полезны полученные в ходе обучения знания) и, конечно, няни (трудно осуществить контроль их повседневных действий). Доверительная услуга предполагает невозможность полного контроля качества исполнения. Необходимо полагаться на компетентность и добросовестность работника, предоставляющего такую услугу. Что делают няни с ребенком, пока родители отсутствуют?

⁷ Сходные процессы наблюдаются и в западных обществах (см.: Ehrenreich, Hochschild, 2003).

Как гарантировать, что они выполняют свои обязанности хорошо или хотя бы удовлетворительно? Доверие необходимо, чтобы верить ребенка не родным, а посторонним людям.

Второе обстоятельство, способствующее неформализации рынка нянь, связано с особенностями эмоциональной работы, которую выполняет няня. Услуги няни предполагают управление эмоциями, проявление заботы («управляемое сердце», по словам Арли Хохшильд). Работа няни чрезвычайно значима для семьи. Дети — часто центр семейного мира, предмет любви и родительской заботы. Ребенка доверяют няне — именно ей делегируют родители свою ответственность, зачастую ревниво относясь к возникающей и крепнущей взаимной привязанности няни и ребенка. От няни и бебиситтера (различия мы рассмотрим ниже) требуется выполнение особенного типа работы, которую трудно адекватно оценить, трудно отличить от заботливого ухода, проявлений любви и нежности.

Сами няни отдают отчет в специфике своего труда. Они становятся свидетелями и участниками частной жизни семьи, свою работу они описывают как «энергообмен, душевный обмен, эмоциональный какой-то обмен». Такую работу трудно конвертировать в деньги. Не случайно наши няни «стесняются» этой темы, а мамы понимают, что они должны компенсировать низкую оплату эмоциональной заботы немонетарным вознаграждением и символическим признанием. По условиям рынка, работа няни оплачивается аналогично труду домработницы и гораздо дешевле труда строителей, выполняющих ремонтные работы в доме. Парадокс в том, что рынок не в состоянии оценить труд по уходу за ребенком в соответствии с его значимостью для семьи. Оплата идет с учетом знаний, навыков и умений... Но без учета эмоциональной работы и доверительного допуска в частную жизнь.

Значимость личного доверия усиливается в ситуациях риска и ограниченности контроля. Наши респонденты особенно чувствительны к вопросам безопасности своих детей. Заботы няни сегодня нужны гораздо дольше, чем в советское время (до подросткового возраста детей — 12–13 лет). Няни выполняют функцию сопровождения и охраны детей. Наши информантки отчетливо артикулируют свои страхи:

Я очень сейчас боюсь, Маша никогда не выходила одна из дома вообще до сих пор. Никогда не ходила в булочную, что я делала в ее возрасте

уже «за драсте». В какой-то момент мама, не созвонившись с головой, ребенку сказала: «Ты что вообще? Тебя, как зайца, в мешок, схватят...» (ж., 42 года, менеджер, замужем, дочь 8 лет).

Особенности работы няни в современном российском мегаполисе обуславливаются и практиками внешкольного образования детей, которые предполагают их перемещение в большом городе, которое видится родителями как насыщенное многочисленными опасностями для ребенка:

Ну вот, сейчас, как бы, ну там, предподготовка школьная, для развития, вот почему мы няню взяли — школа находится на Петроградке, а мы живем на юго-западе, это другая часть города, и школа начинается с девяти часов и заканчивается в час. И так как я работаю, у меня нет возможности два раза в неделю с ребенком проводить в школе. И получается, что я ее туда отвожу, провожу с ней там, ну, часть занятий, потому что школа... Она приветствует, чтобы родители были хотя бы на паре... (ж., 29 лет, руководитель фирмы, не замужем, дочь 5 лет).

Безопасность детей — один из приоритетов родительской заботы. Именно поэтому оплачиваемый уход за ребенком предполагает особую значимость доверия в отношениях между нанимателями и работниками. Этот вопрос рефлексруется обеими сторонами контракта. Наниматели выстраивают особые стратегии установления доверия.

Гарантии доверия и требования, предъявляемые к няне

Самое главное в поисках няни — найти человека, которому доверяешь доступ в свой дом, доверяешь своего ребенка. Значимость доверия в отношениях «няня—семья» подчеркивается фольклором об опасностях, связанных с работой неблагонадежных нянь и домработниц. Все наши информантки упоминали *страхи, связанные с возможной недобросовестностью нянь*. Страшилки про нянь — общее место собранных нарративов. Они демонстрируют, что родители стремятся обеспечить доверие в условиях его дефицита. Няня, нарушающая

правила, рассматривается как угроза благополучию ребенка, благополучию семьи. *Страшные истории* указывают на символическую значимость ребенка для семьи и на угрозы безопасности. Родители опасаются, что няня будет злоупотреблять своей властью, своим доступом к домашнему миру. Страшилки циркулируют в материнском сообществе, становятся частью фольклора. Они призывают к осторожности, тщательному подбору персонала, указывают на хрупкость доверия, настаивают на необходимости организованного контроля работы няни. Молодые мамы рассказывают:

Подружки мои, которые тоже нарожали детей, они тоже рассказывали про нянь всякие ужасные истории, как они ставили диктофоны няням. Как няни смотрели телевизор и орали на детей, пока их не было дома. То есть я уже была напугана этой проблемой. Поэтому мне сразу хотелось, чтобы няня была хорошая. Что не надо нам никаких диктофонов, и все такое, чтобы сразу, ну, доверять (ж., 31 год, замужем, дочь 4 года).

...Мне было все равно страшно отдать ребенка чужому человеку, а своих никого не было... Потому что вот послушав еще разные рассказы о том, что там, не знаю, приходит няня, дает ребенку, там, снотворное и весь день смотрит телевизор, а ребенок спит целый день, потом приходит мама, она довольная говорит: «Ой, мы, там, покушали, погуляли, тра-та-та», — а этого ничего не было. И это на самом деле, то есть такое бывает (ж., 24 года, замужем, дочь 6 лет).

Вопрос о доверии к работникам домашнего сервиса не специфически российский. Но, на наш взгляд, в российском контексте он усиливается общим кризисом доверия к социальным институтам, новизной и сложностью контроля коммерческих домашних услуг, ростом преступности и растущим социальным расслоением. Одной из причин дефицита доверия к наемным домашним работникам является также нетерпимость к другому — мигранту, человеку другого социального слоя, принадлежащему к другой культуре. В программе «Мамочки-мамаши» (радиостанция «Эхо Москвы», эфир 12.03.2006) телеведущая Елена Ханга говорит:

Поэтому я считаю, что надо искать среди знакомых... потому что ты ищешь среди своего круга знакомых... Здесь хотя бы вы гарантированы от каких-то элементарных вещей, которые ты не можешь...

получить от человека, который приходит со стороны из агентства. Действительно, колоссальное у нас сейчас расслоение в обществе. И если особенно привозят няню из какой-то далекой глубинки или тем более с Украины или из Молдавии, действительно, у них свои представления о том, сколько можно потратить на ребенка.

Преодолевая тревожность и страхи, мамы, выталкиваемые за пределы дома обстоятельствами и потребностью в личной свободе, принимают поиски надежной няни. Этот поиск оказывается далеко не простым. Найти хорошую няню — надежную и недорогую — еще сложнее, чем найти хорошую домашнюю работницу.

Как показало наше исследование, в процессе поисков мамы актуализируют идеальный образ няни. Они различают два типа: собственно нянь и бебиситтеров. Отдельную группу составляют работники, предоставляющие образовательно-воспитательные услуги — гувернантки, гувернеры, домашние учителя. Среди нянь качественно различаются живущие в доме и приходящие. Прежде всего, мамы выбирают между собственно няней и бебиситтером. Отличие этих двух типов работ чрезвычайно существенное. Если няня проводит с ребенком целый день (до 12 часов), иногда даже живет в семье (круглосуточно), становится частью семейного обихода, то работа бебиситтера строго определена и фрагментирована, она не предполагает включения в быт и в гораздо меньшей степени предполагает эмоциональные затраты. Образ няни, который воспроизводят наши информантки, — это очень часто часть культурной памяти, впитавшей в себя разнообразные паттерны — от Арины Родионовны⁸ до Мэри Поппинс. Информантка рассказывает:

...на самом деле у меня образ был... Мне хотелось найти бабушку [смеется]. Бабушку не в том смысле старенькую тетеньку, а замену моей мамы или свекрови, которых мы оставили в С. Мне казалось, что вот для этого возраста это идеальный вариант. Не надо особо развивать ребенка, я и сама могу этой ерундой заниматься, мне нужно, чтобы ее любили, чтоб ее, там, баловали, не надо ее воспитывать никак, главное, чтобы ее покормили, с ней поиграли. Это было у меня главной целью... до трех лет (ж., 31 год, замужем, дочь 4 года).

⁸ Сравнительный анализ культурных образов няни представлен в статье Элизабет Мур и Александра Эткинга (Мур, Эткинд, 2004).

Но это, конечно, не единственный вариант. Есть мамы, которые считают, что ребенку нужна молодая энергичная веселая няня, няня-подружка, похожая на саму маму.

Мне кажется, что человек должен выглядеть вот так как-то... Девушка, которая из благополучной семьи, она со светлыми волосами, чем-то похожа на меня, и у меня какое-то внутреннее интуитивное чувство, что ребенку будет легче общаться, если человек похож на маму, ну, хотя бы чем-то, я не знаю, настроением там, светлые волосы (ж., 31 год, не замужем, дочь 4 года).

Требования, предъявляемые к няням, варьируются в зависимости от многих обстоятельств. Однако во всех случаях требуется любовь к детям, надежность и хорошее состояние здоровья. Среди других требований наши информантки называли: чистоплотность, аккуратность, опыт воспитания детей, доброту, терпение, контактность, честность, энергичность, ответственность. Предъявлялись требования к телесным признакам — «няня должна выглядеть благополучной», не вызывать жалости. Личностные черты в особой цене: няней независимо от возраста должен быть «бодрый и веселый человек». В общем, список требований обширен, практически все они касаются личностных черт нянь; характеристики квалификации отступают на второе место:

Конечно, [няня] должна быть порядочная, добрая, интеллектуальная, грамотная, безусловно, чистоплотная, да, хотя... еду готовлю в основном я для ребенка, пюре варю, она потом это уже только все употребляет. Ну, в общем, она должна быть хозяйственной в этом смысле. Потому как у нас в квартире больше никого нет, кроме нее и ребенка, и ее задача не то чтобы это поддерживать, никто этого не требует, но чтоб не было бардака покамест. Мы приезжаем с работы усталые, ребенку нужно уже купаться, есть и бай-бай, вот такие вот варианты (ж., 28 лет, менеджер, замужем, сын 4 года).

Ключевой характеристикой няни является, если пользоваться эмической категорией, «общность энергетики» няни и ребенка. Некая душевная бодрость, «психологический позитив» (по словам информантки) — необходимая черта няни. Образование, культурная речь также входят в набор дополнительных требований.

Для меня была одна задача, единственное — чтобы, когда я возвращалась, ребенок не рыдал там... чтобы ребенок был счастлив. Она очень маленькая, Машка, была. То есть каждый раз, когда я уходила, ребенок рыдал. ...Для меня было самое главное, чтобы... она [няня] была полностью сосредоточена на ребенке, вот. Телевизор она не включала... (ж., 42 года, научный сотрудник, замужем, дочь 8 лет).

Отвечая на вопрос, на что следует обращать внимание при выборе няни, женщина рассказывает:

Требования к няне, ну первое — это, конечно, чтобы она понравилась ребенку, да, чтобы ребенок нормально с ней контактировал. Ну вот, второе требование — это справка флюорографии, вот. Причем я, как бы, я советовалась, у нас есть наш вот педиатр, и вот я, как бы, я ей сказала что вот, вот я хочу няню. У нас хорошие отношения с педиатром, такие, можно даже сказать, неформальные, ну вот. Значит, я сказала, что как насчет няни, вот, с точки зрения, с Вашей как педиатра. Она говорит... единственное, что я могу порекомендовать, — спросить справку флюорографии, чтобы она была. Потому что есть такие случаи, когда ребенок сидит с няней, и там потом у него что-то обнаруживается такое нехорошее, и вот источник этого вот человек, который рядом находится (ж., 24 года, замужем, дочь 1,5 года).

Таким образом, мы видим, что покупается особая квалификация, связанная с личностными чертами человека, покупается его способность заботиться о ребенке, любить его, вызывать симпатию, а вовсе не труд в индустриальном понимании этого термина.

Некоторые из требуемых качеств при собеседовании подтверждаются документально. Проверяются условия жизни и здоровья няни. Требовательные родители делают копии с паспортов, просят справку о прохождении флюорографии, просят предоставить рекомендации. Но наши информанты знают, что официальные документы легко фальсифицировать и не считают их достаточной гарантией надежности выбора. Е. Ханга в передаче «Мамочки-мамаши» отмечает: «Зная нашу страну, документы вы можете приобрести любые, и это просто вопрос времени и ста долларов». С нею согласен представитель агентства по найму персонала М. Фёдоров: «Спорить не буду, к сожалению, да, страна такова!» (радиостанция «Эхо Москвы», эфир 12.03.2006).

Многие нанимательницы опираются на собственную интуицию, на устные рекомендации друзей и знакомых, дают няням испытательный срок, устанавливают контролирующие приборы. В тенденции, очевидно, получит распространение более инструментальный подход, однако в настоящее время в большинстве случаев преобладают традиционные способы оценки пригодности — метод проб и ошибок, персонализированное доверие, подкрепленное устными рекомендациями ближнего круга и личными наблюдениями.

Каковы же обязанности няни? С одной стороны, они просты — это обязанности по уходу за маленьким ребенком, которые может выполнять каждый взрослый (и не совсем взрослый) человек. Российская социализация устроена таким образом, что научаются уходу и заботе и в дальнейшем осуществляют их в основном женщины. В этом проявляется гендерная поляризация, т. е. сохраняющийся культурный разрыв мужского и женского жизненных миров.

Список обязанностей няни зависит и от возраста ребенка, и от требований родителей. Обязанности няни могут ограничиваться стандартными услугами (такие навыки не считаются предметом особого обучения) или предполагаются другие функции, когда требуется особая квалификация — знание языков, медицинская, психологическая или музыкальная подготовка. В этих случаях няни выполняют функции педагогов и гувернанток (гувернеров, репетиторов). Случаи совмещения встречаются довольно часто, но статистику мы представить не можем.

Мама рассказывает, воспроизводя гигиенический дискурс воспитания:

Маленького ребенка нужно помыть, подмыть, переодеть (поменять ему памперсы), покормить, зубы почистить, с ним нужно поиграть, с ним нужно обязательно погулять, его надо развлечь. Няня также должна убрать за ребенком после еды или игры. В зависимости от возраста ребенка она может это сделать сама или вместе с ребенком, тем самым приобщая его к чистоте и порядку. При этом ребенок должен быть доволен и здоров (ж., 32 года, замужем, сын 1 год 8 мес.).

В неформальном контракте список обязанностей не определен: он зависит от культурных образцов, которым следуют родители, и может меняться. Список обязанностей няни имеет тенденцию со

временем возрастать, если работницы не контролируют их объем. Главное, что требуется от няни, — осуществить элементарный уход за ребенком и «любить его». Разные родители и разные няни могут иметь разное представление об обязанностях, и поэтому их номенклатура оговаривается и постепенно формируется в ходе взаимодействия клиентов (аналогично тому, как формируется фронт работ уборщиц, — см. статью Ольги Ткач в этом сборнике).

М. Фёдоров, директор агентства по найму, рассказывает:

У каждого родителя есть свое видение того, что должна делать няня в его доме, как она должна заниматься ребенком. Кто-то ищет няню, задача которой будет готовить, следить, безопасность, то есть просто как за животным, извините за сравнение, ухаживать, потому что родители хотят дать ребенку самостоятельно образование, ни в коем случае чтобы он не перенимал культурный уровень, манеру общения, манеру поведения другого человека, поэтому они просят няню обеспечить, скажем так, здоровье ребенка. И ее задача — исключительно режим дня. Кто-то, наоборот, ищет няню с определенными навыками, со знанием методик развития детей, и они хотят, чтобы няня для них была не только няней, но и в некоторой степени образование давала их ребенку, то есть чтобы она способствовала его развитию. Третьи хотят не просто развития, а какого-то узконаправленного, либо физического, либо математики, либо изобразительных искусств. Но они ищут няню, у которой бы был особый навык, особые умения, которая бы владела специальными методиками, нужными в их семье. Поэтому правильный подбор такой няни не всегда возможен через друзей («Мамочки-мамаши», радиостанция «Эхо Москвы», эфир 12.03.2006).

Обязанности неформальной няни чаще ограничиваются стандартным набором. Однако конкретные задания уточняются каждый день и обуславливаются изменениями режима дня членов семьи и няни, состоянием здоровья, погоды, настроением ребенка.

Каналы поисков няни разнообразны: среди них и традиционные с использованием персонализированных сетей, и мобилизующие новые технологии. Нянь ищут через друзей и знакомых, через агентства, через личные объявления в газетах, через сеть Интернет. Задействуются дружеские связи и детско-ориентированные знакомства — в детских садах, поликлиниках, через персональные материнские сети.

Нанимателем, как правило, оказывается женщина (хотя есть и исключения). В дальнейшем именно она осуществляет контакты, контроль няни. Именно мать оказывается экспертом, принимающим окончательное решение по поводу ухода за ребенком. Таким образом, при коммерциализации заботы воспроизводится неравенство между женщинами, принадлежащими к разным социально-экономическим группам. Домашняя эмансипация женщин среднего класса осуществляется за счет женщин, принадлежащих к относительно более низким социальным слоям. Оплачиваемый рынок домашних услуг воспроизводит гендерные разделения и способствует гендерной иерархии. Нянями при этом не обязательно являются представители низших экономических классов. Их отбирают среди людей с достаточным уровнем общей культуры, предпочитают людей с высшим или средним специальным образованием (педагогическим или медицинским) или студентов. Именно ориентируя спрос на тех нянь, которые соответствуют их представлениям о желаемой культуре ухода за ребенком (хотя и отделенные от них социальной дистанцией по другим, прежде всего экономическим параметрам), матери сокращают дефицит доверия.

Почему не агентства?

Значительное количество наших информантов, нанимая нянь, отказываются от услуг агентств, предпочитая поиск в рамках неформального рынка занятости. Несомненно, это особенность целевой выборки. В агентства обращаются, как правило, более богатые люди, которые ищут гувернеров или воспитателей, у которых специализированный набор требований к няням, а также те, кто ищет не столько нянь, сколько бебиситтеров. Именно агентства предлагают гарантии надежности домашнего сервиса. Они дают рекомендации контроля за нянями, устанавливают аппаратуру, позволяющую следить за их работой.

Нас интересует, почему формальный рынок социальных услуг вызывает подозрение у ряда женщин. Информанты указывают на три основные причины: относительную дороговизну, невозможность осуществить контроль предшествующей личной трудовой биографии няни, ее квалификации и уровня культуры, а также отсутствие доверия к чужому человеку. Скептическое отношение к возможностям легального рынка социальных услуг является частью общего недоверия к рыночным институтам. Однако этот скепсис усугубляется и пред-

ставлениями об особом доверительном и эмоционально насыщенном характере услуг по уходу за ребенком. Приведем аргументы наших информантов. Первый аргумент — завышенные цены на услугу, не соответствующие квалификации нянь, которых присылают агентства.

Суть деятельности этих агентств такова, чтобы выжать как можно больше денег, продавая, как им кажется, более дорогих, квалифицированных специалистов. По сути своей, это все, к сожалению, не так, они не квалифицированные специалисты, а умеющие себя продать (м., 38 лет, женат, сын 1,5 года).

Агентства, естественно, берут себе часть денег. Получается двойная оплата — и агентству, и няньке, что совершенно нас не устраивало (ж., 25 лет, замужем, сын 4,5 года).

Второй аргумент — недостаточность формальных гарантий контроля наемного работника, необходимых для обеспечения личностного доверия.

Я на сайт ходила... «Няни Петербурга» или что-то в этом духе, не помню. И там были какие-то предложения, я что-то там выписывала, телефоны. Но потом сразу как-то: от 100 долларов. Я тогда еще не понимала, что я плачу [своей няне] больше. Нет, ну для меня важно было, чтобы человек был знакомый, чтобы с него можно было спросить что-то. Чтобы незнакомый — неправильно! А [нужно,] чтобы он был рекомендован кем-то! (ж., 29 лет, не замужем, дочь 5 лет).

Третий аргумент — общее недоверие к частным фирмам:

Я бы никогда в жизни не взяла няню из... никакого учреждения. По общей подозрительности к учреждениям — во-первых, во-вторых, потому что я знаю, как эта система работает в том, что касается домработниц, и если я могу экспериментировать с собственной квартирой, то экспериментировать с ребенком — это... И просто ты никогда не знаешь, что тебе присылают, и когда ты находишь людей через знакомых, у тебя есть какая-то гарантия, что кому-то позвонишь и скажешь: «Да вы что!» или там: «Это родственница моя, это человек, которого я знаю сто пятьдесят лет. Я с ней вместе проработала всю жизнь». Вот это рекомендация, правда? (ж., 42 года, замужем, дочь 9 лет).

Четвертый аргумент — невозможность по формальным каналам гарантировать эмоциональную привязанность к ребенку:

Через агентство вообще, очень часто, как сказать... Я не говорю, что они там не проверенные, но они какие-то корыстные всегда очень. Ну, настолько, я не знаю, прямо неприятно мне. Такое чувство у меня, что они готовы, не знаю, просто за копейки удушиться. Не знаю, сколько раз искала через агентство, так и отклоняла эти предложения. Сколько раз вызывала... Ну не по душе, и все (ж., 29 лет, не замужем, сын 2 года).

Итак, отказ от формальных каналов подбора нянь представляется нам частью недоверия к рыночным услугам. Это недоверие возрастает, когда речь идет о коммерциализации заботы, о покупке услуги, предполагающей эмоциональную работу в отношении самого ценного — своего ребенка. Молодая мама, нанимая няню, делегирует ей часть своих обязанностей, сопряженных с миром родительских чувств. Напротив, потенциальные работодатели активно пользуются агентствами при найме домработниц и бебиситтеров, которые выполняют конкретный объем работ, не предполагающий целостной эмоциональной вовлеченности, а лишь фрагментированный доступ в частную жизнь семьи.

Выбор в пользу неформального договора имеет далеко идущие последствия как для нянь, так и для мам, не говоря уже об обществе в целом. Сегодняшний гендерный контракт востребует развитие неформального рынка социальных услуг, т. е. стимулирует развитие неформальной экономики.

Поиски «теневого» няни

Как же происходит поиск нянь в тех случаях, когда молодые матери отказываются от услуг агентств? В этой ситуации они мобилизуют свои социальные сети. Мы выделили несколько вариантов таких поисков. В первом случае информационный поиск подходящей кандидатуры осуществляется через социальную сеть, объединяющую молодых мам. Таких сетей два типа. Один тип — традиционный, это сообщество молодых мам, которые непосредственно общаются друг с другом:

Ну, там же, в принципе, всегда есть такая тусовка мамаш, которые в районе вместе сначала с колясками ходят, потом гуляют с детьми. ...То есть это не подружки. Ну и обычно в этой же среде ищутся эти няни (м., 38 лет, женат, сын 1,5 года).

Второй тип — инновационный информационный обмен, осуществляемый в сети Интернет классово близкими мамами. По словам одной из информанток, «в Интернете можно найти все, лишь бы время было»:

...www.littleone.ru. Там есть система форума, это как раз, когда родители среднего класса, которые могут себе позволить провести энное время в Интернете, и вот там это обсуждается, то есть тема выбора нянь. Ну, там обсуждаются все темы от планирования беременности, заканчивая детьми переходного возраста, но вот в том числе тема нянь. ...Мы там общаемся. И там средний и высший уровень, по крайней мере, люди, имеющие доступ в Интернет, имеющие детей и озадаченные проблемой поиска няни (ж., 29 лет, не замужем, сын 2 года).

Во втором случае задействуются сильные и слабые сети родственников, соседей, знакомых и коллег по работе. Особое место занимает поиск через специализированные детские учреждения, которые являются своеобразной неформальной биржей труда, поскольку их персонал нуждается во вторичной занятости в связи с недостаточным заработком в бюджетной сфере. Детские сады, школы, поликлиники поставляют профессионально подготовленных работников домашней сферы.

Средствами обмена информацией оказываются контакты лицом к лицу, теле- и электронные коммуникации. Мама рассказывает об успешном поиске:

...в какой-то момент я бросила объявление в рассылку нашу рабочую, которая по некоммерческим организациям. Мне позвонило 4 человека, из которых я выбрала женщину, мы с ней встретились, и вот с тех пор счастливы вполне (ж., 29 лет, замужем, дочь 2,5 года).

Третий вариант — поиск «опубликованного предложения услуг». Информантка рассказывает, прибегая к метафорам:

Няни «висят на столбах»! «В газетах». Мы звонили, и все нам попадались какие-то неподходящие няни. И мы свою няню нашли совершенно каким-то странным способом. То есть мы нашли объявление о школе для воспитателей, нянь и родителей. И я говорю: «Позвоним туда, может быть, там есть няня». Прекрасно. И я позвонила, и у этой тетеньки просто оказалась знакомая няня (ж., 25 лет, замужем, сын 2 года).

Хотя в этом случае поиск происходит без опоры на персонализированные сети, информантка прибегает к личному поиску без посреднических услуг агентства. Тем самым она выражает доверие профессионализму женщин, работающих в системе дошкольного воспитания (педагогам, детским медицинским работникам), и предполагает при этом, что они нуждаются в дополнительном заработке.

Неудивительно, что эффективными для поиска нянь оказываются «близкие сети». Огромное число женщин нуждается в дополнительном заработке — это и служащие бюджетной сферы, и пенсионерки, и женщины-мигрантки. Процессы стратификации вытесняют их в этот периферийный рынок труда. Другая категория — студентки, которые чаще предлагают себя в качестве бебиситтеров или домашних работниц, но бывает, что они работают и нянями. Гендерная социализация делает женщин пригодными для данной работы.

Рекрутинг нянь в настоящее время все более стандартизируется. Процесс подбора домашней рабочей силы предполагает кастинг кандидатов, типичный для рынка доверительных слуг. В этом случае нанимательницы зачастую действуют как настоящие бизнес-леди, подбирающие квалифицированный персонал для своего домашнего предприятия. Они оценивают кандидаток по множеству критериев, обеспечивают контроль и определяют испытательный срок:

...назначаю встречу в офисе — предварительная беседа сначала. Потом уже еду к ним домой с ребенком, посмотреть, как они живут. Что у них в доме, насколько у них чисто, что они сами из себя представляют. Ну, и чтобы убедиться, что они проживают по этому адресу. Ну конечно, естественно. Первое время ставим обязательно скрытые камеры, чтобы проверить, как они с ребенком общаются. Ну, потом все нормально, уже все знаем. Все в порядке ли, знаем. Вдруг она там обидела его... Я тоже не могу просто так ребенка кому попало отдать (ж., 29 лет, не замужем, сын 2 года).

Основное испытание — взаимодействие ребенка и потенциальной няни. Рассказывает отец:

Мы ее вызвали к нам [домой], соответственно, целый день с ней провели. Она сидела у нас на диване. Причем видно было, что она при-выкла к этой процедуре, сидела, задавала вопросы, что да как. Сразу: «ну, наверное, уровень образования вас не очень устраивает». Ну, я так тактично промолчал. Конечно, мы посмотрели документы. Самое главное, на что мы обращали внимание, приоритет важнейший, это как она относится к ребенку и как воспринимает ее ребенок. Вот коммуникация — самое важное. Если он идет на ручки, если поет песни, просит почитать книжку, то, в общем, все нормально (м., 32 года, женат, сын 1,5 года).

В целом опыт исследований показывает, что процесс поиска няни не прост и затратен по времени. На поиск человека, который способен продать заботу о детях в частном доме, у наших информанток, большинство из которых достаточно хорошо встроены в питерскую жизнь, уходило до пяти месяцев. Очень редко с первого попадания мамы находили «нужную» няню. Они проводили масштабный кастинг, включающий интервью по телефону и смотрины. Найти няню нелегко: одна выглядит совершенно неподходящим образом, другая грубит и опаздывает, третья говорит неправильно, к четвертой ребенок не идет, пятая не может справиться с энергичным и подвижным малышом. Собранные нами нарративы полны эпизодами, напоминающими «Сказку о глупом мышонке» Маршака или разборчивую невесту Агафью Тихоновну из гоголевской «Женитьбы». В результате после нескольких неудач и сбоев — задача выполнена. Если работодатели довольны и нашли, наконец, ту, кого искали, то мы услышим, что у их ребенка «очень хорошая няня», «это редкая удача» и ею очень дорожат:

Она оказалась очень эмпатийная женщина. Очень заботливая, очень внимательная, очень-очень переживающая, такая сочувствующая, такая все близко к сердцу воспринимающая, вообще такая... Ну, к детям, соответственно, очень позитивно относящаяся. Ну, она... По ней сразу было видно, что она опытная. С ней у меня целый год не было проблем — я спокойно работала. В общем, все было прекрасно (ж., 32 года, не замужем, сын 3,5 года).

Контракт, заключенный между молодыми родителями и няней, носит неформальный характер. На основании данных проведенного исследования рассмотрим, почему он выгоден обеим сторонам, заключившим устное соглашение.

Преимущества и ловушки неформального контракта

Не все няни выбирают неформальный контракт. Есть профессиональные квалифицированные няни, обзаведшиеся сертификатами, подтверждающими их профессиональную пригодность: справками и рекомендательными письмами с прежних мест работы, заверенными печатями и подписями. Многие из них считают, что формальный контракт защищает их от произвола работодателей, но далеко не все разделяют это мнение.

Значительный сегмент российского рынка заботы составляют няни традиционного типа. Количественную оценку дать затруднительно, так как речь идет о теневой занятости. Традиционная няня — это квази-бабушка, от которой не требуется особых воспитательных и образовательных квалификаций, ее главным ресурсом является умение заботиться о ребенке и любить его. Именно такая няня предлагает свои услуги в неформальном секторе занятости. Есть много причин, по которым няня может предпочесть неформальный контракт.

Это происходит, когда она рассматривает свою занятость как краткосрочную, дополнительную подработку — к пенсии, стипендии или основной работе. Иногда неформальный контракт — единственный способ заработка для женщин-мигранток, которые сталкиваются со сложностью оформления гражданского статуса в России. Русскоговорящие мигрантки из стран ближнего зарубежья составляют все более видимый сегмент неформального рынка домашнего труда. Их гораздо больше среди уборщиц, но и среди нянь их число возрастает.

Если няня находится в ситуации, когда личные обстоятельства — состояние здоровья или семейные условия, например забота о собственных внуках, — могут заставить ее срочно отказаться от работы, она также предпочтет неформальный договор. В нашем массиве данных есть рассказ о том, как любимая четырехлетней Сашей няня, которую девочка называла бабушкой, ушла из семьи нанимателей, оповестив только накануне, что она не будет больше работать: у нее

заболел сын и домашним срочно понадобилась ее забота. Расторгнув устное соглашение, няня в таких случаях ничего не теряет. Все издержки неформального договора несет семья. Подобные случаи форсированного одностороннего разрыва неоднократно зафиксированы в рассказах наших информантов — они создают огромные трудности для нанимателей.

Условия неформального контракта отличаются выраженными особенностями. Они являются гибкими, постоянно корректируются с учетом меняющихся обстоятельств, легко пересматриваются, изначально предполагают возможность взаимных уступок, особенно в отношении пространства и времени заботы о ребенке. Предметом переговоров, как правило, являются часы и режим работы, конкретное содержание, а также объем и способ выплат (почасовое, ежедневное, «оклад» и др.). Спрашиваем молодую маму:

— Как Вы рассчитываетесь с няней?

— Два раза в месяц. Она сама установила этот режим. То есть она сказала, что удобно ей, чтобы она получала деньги каждые две недели, и она сама пишет расчет часов. Я ни разу не проверяла. Во-первых, отчасти из-за своей рассеянности, а во-вторых, вроде как знакомая, и я буду ее, там, контролировать по часам? И как-то действительно не было такого, чтобы она... то есть, она очень такая... очень порядочная. Она записывает каждые пять минут. То есть она складывает даже пять минут. Но, тем не менее, даже пять минут в часы она себе приписывает. Даже, честно говоря, [нрзб] то, как она говорит: «Я чужого не возьму, но и свои пять минут не отдам» (ж., 25 лет, замужем, сын 4 года).

Переговорный характер оплаты труда в сфере неформальной занятости выгоден и няне, и нанимательнице. «Неформальной» няне нанимательница платит меньше, чем в случае официального контракта, заключенного через агентство. Форма оплаты может быть разной. Размер ориентирован формальным рынком домашнего сервиса. В некоторых случаях няням предлагают условные премиальные (подобно чаевым) или отпускные.

Ну, у нас есть договоренность на определенную сумму почасовую, но мы платим деньги раз в неделю и стараемся немножко накопить, поскольку мы платим довольно мало, по минимальному тарифу. Так...

ну, так договорились. Столько мы могли, так она согласилась. В принципе, мы можем платить и побольше. То есть мы платили, условно говоря, отпускные, пока ребенка на месяц отдавали свекрам. Вот. И я накидываю 100–150 рублей. Ну, то есть, опять же, по нашему текущему бюджету (ж., 29 лет, замужем, дочь 2,5 года).

Бывают случаи, когда наниматели задерживают оплату труда из-за задержки своей собственной зарплаты. В таких случаях персонализированный квазисемейный характер отношений позволяет избежать конфликта. Работодательница рассказывает:

[Мне] нерегулярно платят зарплату... Вот, кстати, Оля [няня] как-то более-менее нормально к этому относится. То есть иногда можно сказать: «Вы знаете, вот денег нет, подождите, пожалуйста»... Но я, опять же, пытаюсь за этим следить, чтобы этого не было. Но она: «Да, я все понимаю, я должна подождать» (ж., 32 года, замужем, дочь 3,5 года).

Практически все наши информанты отмечают, что работа неформальной няни — это дешевый труд. Постоянно встречаются реплики, подобные следующим: «я ей платила немного», «это крайне дешево по городу», «мы платим минимально».⁹ Тон при этом у наших мам извиняющийся, оправдывающийся. Парадоксальным образом они высоко ценят труд няни, но низко оценивают его. Они пытаются компенсировать низкую оплату разовыми дополнительными выплатами:

Я платила по тем расценкам, которые существуют на сегодняшний момент. Но ведь смотря за что платишь, да? В принципе, я ей платила 40 рублей в час. То есть за восьмичасовой рабочий день это получается 320 рублей. Это за 10 дней три тысячи двести, за 20 дней соответственно где-то шесть с половиной тысяч. Плюс я знаю, что ей доплачивала мама. Втихаря от меня что-то ей еще давала, в среднем у нее получилось что-то вроде восемь с половиной тысяч. Плюс еще не входило в эту сумму, я ей еще оплачивала транспорт. Плюс я кормила, я не готовила специально для нее, но в холодильнике вечно были сосис-

⁹ На время полевой работы (2006 год) в Петербурге труд дешевой неформальной няни без специальной квалификации оценивался в 40–60 рублей в час.

ски, колбаса, йогурт — то, что она любила. Это где-то еще мне вышло где-то в полторы тысячи. Полторы тысячи в месяц (ж., 28 лет, замужем, сын 5 лет).

Низкая оплата труда связана с несколькими обстоятельствами: низкой оценкой коммерциализированной заботы в целом, неформальным характером договора, а также с тем, что многие наши информантки сами представляют группу среднего достатка:

Последнее, что мне зарядили, — это мне отдать всю свою зарплату, плюс еще приплатить... Спасибо, я как-нибудь — ...по телефону, было девяносто рублей в час. Платить девяносто рублей в час. Я не буду отдавать всю зарплату (ж., 31 год, не замужем, сын 4 года).

Мама подтверждают символическую значимость услуг регулярными подарками. На праздники и дни рождения родители не забывают поздравить тех, от кого зависит благополучие их детей и всей семьи. Бывает, что они накрывают стол, чтобы отпраздновать день рождения любимой няни.

— Ну, там, не знаю, вот, например, когда вот у нее был день рождения, мы с Машей накрывали стол и устраивали ей, значит.

— А что вы ей дарили?

— Ну я не помню там, духи какие-то... Ну, что обычно. Я не помню. Духи, по-моему, духи. Вот последний раз точно. Ну, мы никого не приглашали, но просто для нее... Я понимала, что она ценит, и поскольку Машка была к ней привязана, я была готова устроить все что угодно, еще спеть и станцевать, если понадобится (ж., 42 года, замужем, дочь 9 лет).

Зачастую работодатели предоставляют няням услуги неформального характера, используя свои собственные ресурсы. Так работает механизм неформального обмена (Ledeneva, 2002). Няни могут получить годовую прописку, «совсем почти новые» вещи, помощь в оформлении юридических документов, доступ к надежному врачу, учителей для своих внуков и детей, и пр. Все это учитывается как проявление ответственного отношения работодателей к наемным работникам, лишенным социальных гарантий. Работодательница рассказывает:

У меня ощущение, что... для нее, няни, это фактически единственный источник дохода, довольно важная такая часть доходов ее семьи. У меня просто есть ответственность как у работодателя за человека... то есть, например, если я, там, месяц не пользуюсь ее услугами, я понимаю, что должна что-то компенсировать. Ну и если у нее какие-то проблемы, там... Случались несколько раз случаи, что у нее там родственники заболели, или она очень хотела куда-то поехать... Я стараюсь с этим согласовать, потому что у меня есть чувство, что она от меня зависит (ж., 42 года, замужем, дочь 9 лет).

При нынешнем состоянии российской социальной политики выгоды для нянь от неформальной поддержки нанимателей могут быть чрезвычайно весомыми.

Диалектика контроля: социальная дистанция и вопрос эксплуатации

Отношения между няней и матерью — это отношения диалектики контроля (Гидденс, 2003: 498), при которых властные преимущества оказываются на стороне матери, но няня, со своей стороны, обладает ресурсами, позволяющими ей оказывать влияние на условия договора и правила взаимодействия. В некоторых случаях няня явно улучшает свои социальные позиции благодаря работе в домохозяйстве. Если доминирование работодателя в отношении наемного домашнего работника очевидно, то влияние няни нужно пояснить. Забота как труд и модус отношения к другому человеку сама по себе подразумевает контроль над объектом заботы (Здравомыслова, Тёмкина, 2007). Кроме того, возможности влияния няни (ее авторитативные ресурсы, если пользоваться терминологией Гидденса) усиливаются ее доступом в домашнее пространство, знанием частных сторон жизни семьи и самим фактом ухода за ребенком, ценность которого в современной детоцентричной семье трудно переоценить.

Наниматели не только определяют условия договора, но на первом тестовом этапе осуществляют прямой, зачастую технически оснащенный контроль за исполнением домашней работы. Наши информантки (не все, конечно, но многие) ставят скрытые камеры и диктофоны, фиксирующие взаимодействия няни и ребенка. Контроль осуществляется также по телефону в течение рабочего дня. Особенно значим

контроль на первом этапе работы, когда персонализированное доверие — для которого требуется время — не установлено, и няня еще не стала квазичленом семьи.

Вот как описывают тактики контроля няни наши работодательницы:

Сначала проверяла, сначала проверяла. Вот когда мы только начали няню брать, ну, когда взяли, я звонила просто каждые пять минут: все ли в порядке, как они доехали, как она поспала, там, не плакала ли она в метро... (ж., 29 лет, не замужем, дочь 5 лет).

Ну, пытались в начале, как бы вот, ставить диктофон и слушать... Но потом они очень быстро ушли на прогулку и ничего такого не было в наше отсутствие, такого уж криминального, наоборот, она как-то очень ласково всегда с ней. А потом мы перестали, как бы... Ну а что, мы, как бы, ей доверяем, если честно. Это в самом начале было, мы очень боялись, я боялась, например, что что-то будет не так, как-то не так будет с моим ребенком, а теперь, в общем-то... (ж., 32 года, замужем, сын 3,5 года).

Социальная дистанция отчетливо ощущается как наемными работницами, так и работодателями. Для обеих сторон оказывается чрезвычайно значимым то, как являет себя это неравенство на уровне повседневного взаимодействия лицом к лицу. Грубость или вежливость, феодальные отношения между домашней прислугой и совершенно обнаглевшими господами или дружеские и почти родственные отношения между работниками и нанимателями, принадлежащими к одному культурному кругу, — в таком диапазоне описываются информантами отношения неравенства. Сам характер домашней работы не позволяет сохранять отчужденные отношения между нанимателем и работником, характерные для других — внедомашних — видов труда. Это связано с тем, что забота о ребенке структурирована иначе, чем забота о вещах, т. е. труд домашних работниц.

Наши информанты рассматривают социальное неравенство через призму культуры отношений. Многие мамы впервые нанимают домашних помощников. Часто они поражены различиями между своими представлениями об уходе за ребенком и теми, которых придерживаются няни. С другой стороны, многие нынешние няни никогда не работали «в людях»:

Проблемы... вот, я знаю, что сейчас очень много проблем... когда людей нанимают на работу, то держат дистанцию. То есть, с одной

*стороны, надо человека не обидеть, а с другой стороны — держать дистанцию и близко не подходить. Это очень трудно, это можно сделать только интуитивно. В свое время в дворянских семьях воспитывали это с детства. ...Вот, и там же, кстати, была манера воспитания детей: вот гувернантка, няня, мама — отец где-то рядом, и большая-большая дистанция. ...Вот, по-настоящему, здесь очень большой клубок проблем... **На самом деле, все сводится к этому умению держать дистанцию.** Вот, насколько я знаю, в перерывах между нами наша няня работала тоже няней у трех детей. Там было три мальчика, и их мама — владелица салона косметического какого-то. И там не очень получились взаимоотношения, я так поняла. То есть сначала они были слишком... ну, как обычно бывает: сначала слишком дружеские отношения, а потом обязательно расходятся, потому что когда ты захочешь высказать какое-то замечание, человек обидится, потому что ты уже допустил... Это в принципе... в принципе, эта проблема, она... ее нельзя вывести на проблемы няни и того человека, которого ты нанимаешь на уборку, не важно, экономки, и так далее. Это проблема руководителя (ж., 40 лет, не замужем, сын 9 лет).*

Мамы-нанимательницы отмечают сложности формирования и освоения правил общения с наемными работниками — женщинами, находящимися от них в экономической и психологической зависимости и допущенными ими в домашний мир. Они видят в этом структурно-нормативный вопрос. Гендерный аспект — неравенство между женщинами, вовлеченными в заботу о доме (бесплатную и оплачиваемую), — делает участниц взаимодействия особенно чувствительными к проявлению неравенства. В ряде случаев ситуация усугубляется еще и тем, что няней является женщина, по возрасту годящаяся нанимательнице в матери. Неравенство иначе ощущается в домашнем мире взаимодействия, который предполагает эмоциональную вовлеченность и неформальные отношения. Мы видим, что в случае неформального домашнего труда грань между конвенциональным признанием неравенства и эксплуатацией размыта. Неформальный контракт зачастую провоцирует эксплуатацию как объективную, так и субъективно ощущаемую работниками. Нанимателей контролирует только собственная совесть и до некоторой степени сам работник. Других сдержек и противовесов — законодательных, общественных — не существует. Взаимодействие происходит в домашнем пространстве — фактически без свидетелей, которые могли бы в случае злоупотребе-

ний защитить работника или представлять его интересы. Однако от злоупотреблений спасает доверительный характер заботы о ребенке. Матери отдают себе отчет в том, что конфликт с няней может отразиться на ее отношении к ребенку:

Тем более когда речь идет о твоём ребенке, можно достаточно серьезно шантажировать, потому что я не откажу в этой ситуации, не откажу. Этот момент был, но это внутренний скорее конфликт, внешне он, конечно, никак не выразался. То есть... я все равно немножко больше всегда платила. Потому что она сидит с моим ребенком, исходя из этих соображений, но, в принципе, это тяжело, все равно тяжело (ж., 29 лет, замужем, дочь 2,5 года).

Фактически конфликтные отношения не развиваются и не преодолеваются: в таких случаях неформальный трудовой договор немедленно расторгается — и в этом его преимущество перед формальным контрактом. В ответ на вопрос о том, были ли у нее конфликты с няней, нанимательница отвечает:

Да нет, практически нет. Единственное, что тяжелый достаточно момент, когда ты понимаешь, что человек на совершенно другой финансовой ступеньке... ..Понимаете, у любого человека, который работает на кого-то, есть такой комплекс, что вот они богатые, а я бедный, и они должны мне больше платить. Поэтому, несмотря на все договоренности, конечно, иногда был такой момент, я всегда переплачивала, я просто не люблю, когда у меня просят деньги, — неудобно, мне просто неудобно (ж., 32 года, не замужем, сын 3 года).

Няни также очень чувствительны к проявлениям неравенства. Именно проявление неуважения, а не только нарушение правил устного договора они рассматривают как злоупотребление или эксплуатацию. В ответ на вопрос, в какой семье они ни в коем случае не стали бы работать, они среди прочего описывают семьи, где родители конфликтуют, ругаются между собой, невежливо обращаются с наемными работниками — «считают прислугой».

Структурно теневая занятость может быть описана через категорию эксплуатации, но при этом субъектом эксплуатации является не обязательно сам наниматель, а система. Работники этой сферы не платят социального налога, стаж их работы нигде не учитывается,

а значит, не оказывает влияния на пенсионные отчисления; они не могут рассчитывать на официально определенные отпуска с вознаграждением и на оплату больничных листов через фонды социального страхования.

Кроме того, существуют культурные предпосылки эксплуатации — отсутствие устойчивых норм отношений найма в сфере домашнего труда, усугубленные неформальным характером договора.

Рефлексивная работодательница отмечает:

Дело в том, что у нас в течение многих поколений... потеряна культура взаимоотношений между получением услуг и получателем... и приемом услуг. И когда у меня появились, вот, эти две женщины, я сразу поняла, что есть две страшные проблемы: это не впасть в дружеские отношения с людьми, которые у тебя работают, и не... ну, условно говоря, не поставить себя в ряд такой: богатый-распальцованный, а вы здесь у меня тля болотная, и так далее. И вот соблюсти эту грань очень сложно... (ж., 40 лет, не замужем, сын 9 лет).

Стороны осознают хрупкость доверия в условиях диалектики контроля. Но няни все равно продолжают работать — потому что для них работа в неформальном секторе экономики является единственно возможным заработком; потому что этот труд является дополнительным заработком, обеспечивающим финансовую независимость и достойный уровень жизни; потому что для них вхождение в этот социальный слой дает возможность получить дополнительные блага и решить семейные проблемы. У некоторых нянь семейный престиж возрастает в связи с заработком и приближенностью к более высокому социальному слою. Часто работодатели компенсируют структурную эксплуатацию немонетарными формами вознаграждения, о чем мы уже писали. В таких случаях работники не признают того, что являются объектами эксплуатации.

Однако есть ситуации, когда няни чувствуют себя пролетариатом, которому нечего терять при разрыве устного трудового договора. По нашим данным, субъективное признание эксплуатации чаще наблюдается в тех случаях, когда няня живет в семье, а не является приходящей. Именно в этом случае нельзя провести отчетливой границы между рабочим временем и досугом няни. Няня работает практически все время, когда находится в доме, часто она поневоле совмещает функции ухода за ребенком, компаньонки хозяйки дома и уборщицы,

часы работы ее не определены, и она практически лишена частной жизни, а ее приватное пространство сведено к минимуму (см. также: Anderson, 2000).

Другой вариант признания эксплуатации связан с тем, что наниматели не выказывают надлежащего уважения и благодарности, которую подразумевает забота. Рынок оценивает труд няни относительно низко, несмотря на его символическую значимость. И потому в качестве компенсации этот труд требует символического признания в виде благодарностей, подарков, квазисемейного отношения. Если символическое признание не обеспечивается, няня склонна считать, что ее эксплуатируют.

Если няня ощущает на себе постоянный и мелочный жесткий контроль нанимателей, осуществляемый в домашнем пространстве, сталкивается с признаками недоверия, она также считает себя эксплуатируемой. С удивительным постоянством наши няни-информантки подчеркивают, что им нравится работать в тех семьях, где они *«чувствуют себя комфортно и уютно»* (sic! то есть *«как дома»*), где они чувствуют себя *«свободно»*, где их действия и передвижения не ограничиваются мелочным демонстративным контролем хозяев. Особенно чувствительны к отношениям эксплуатации няни, которые раньше были заняты в профессиях квалифицированного труда. Они ощущают себя депривированными не только по сравнению с нанимателями, но и структурно. Они уверены, что *«если бы общество было справедливым»*, им, постсоветским пенсионеркам, женщинам высокого уровня квалификации, имеющим большой трудовой стаж в бюджетной сфере экономики, не пришлось бы работать *«в людях»*.

В качестве других моментов эксплуатации няни называют прежде всего нарушение устного трудового договора: не соблюдение мамами временных условий устного договора (опоздание, неурочные задержки выплат), интенсификацию занятости. Далее няня перечисляет случаи недобросовестности работодателей:

И когда вдруг слышишь такие несурзные вещи, думаешь: как же так можно? Такие вещи! ...ну, то есть, ну, масса... Ну какие, там, допустим... Ну, пришла отработать пять часов, а ушла — сутки прошли. Ну как вот так можно? И, плюс, тоже очень отношения плохие, допустим, хамские. Человек, там, работает, а ему, там, не платят зарплату... Или, там, накричал кто-то, или там сказал, помой, допустим, сегодня полы, а завтра окна. Тебе же делать нечего, вот, ребенок спит!

У меня знакомая работала сама няней. Мы ровесницы. И она, кстати, прекрасная тоже, я думаю, была няня. Она, знаешь, такой бодрый и веселый человек. Но ее хозяйева сами... вытеснили. Они стали на нее много навешивать: еще заодно и пол помой, заодно еду приготовь. Ну это же нереально быть няней! Ну тогда это надо больше денег платить (няня, 57 лет, замужем, взрослые дети).

Итак, хотя по экономическим критериям домашний труд неформальной няни попадает под категорию эксплуатации, однако няни и панимательницы далеко не всегда признают это. Такое «непризнание» связано с рядом обстоятельств. Во-первых, в большинстве случаев няни не переживают синдрома относительной депривации. Зачастую это их единственный заработок, который гораздо выше, чем их прежний оклад, и выше, чем их пенсия. Мы усматриваем в этом одно из противоречий социальной мобильности — статусный кризис, характерный для современных российских условий. Понижая профессиональный статус по сравнению с основной или предшествующей работой, многие няни повышают экономический статус.¹⁰

Во-вторых, характер домашнего труда таков, что затрудняет осознание эксплуатации. Этот труд включает эмоциональную составляющую, заботу о другом, которая предполагает высокую степень эмоциональной привязанности и возможность осуществления контроля. Няни любят тех, о ком заботятся. Труд, который наделен таким смыслом, такой ценностью для них самих и для родителей-наимателей, затрудняет признание эксплуатации. Няни часто признаются: *«Я люблю этого ребенка, как родного. Конечно, денег я получаю немного за него, но они больше не могут платить»*. Любовь и доверительные отношения переосмысливаются как эксплуатация только при явном нарушении неформальных правил взаимодействия.

В-третьих, препятствует осознанию эксплуатации то, что оплата труда не сводится к финансовым выплатам. Няни получают символи-

¹⁰ Феномен статусного несоответствия описывается как эффект транснациональных миграций, когда филиппинские женщины, работающие в Гонконге или в США, по образованию и профессиональному статусу равны наемателям, но в случае найма в домашние работники свой статус понижают, зарабатывая при этом гораздо больше, чем получали бы на родине, работая в соответствии с профессиональной подготовкой (см.: Ehrenreich, Hochschild, 2003).

ческое признание, которое приручает их к семье. Так, например, няне покупается отрез, ей оплачивается пребывание в больнице, ей оформляется инвалидность по «знакомству».

Все эти меры компенсации имеют двойственный смысл. С одной стороны, их можно рассматривать как немонетарную часть заработка. С другой стороны, в них воспроизводится логика дара (Мосс, 1996), поддерживающего неформальные отношения взаимных обязательств, *квазиродственные* отношения сторон, не сводимые к инструментальным (Gregson, Lowe, 1994; Anderson, 2000). Няни становятся как бы членами семьи. Но это именно «как бы». Они на положении «бедных родственников» или, как говорит одна из информанток, «младших подруг»:

Уже няня у нас, как подруга. То есть она может так позвонить, узнать, как дела, там, на праздники, у нее родился ребенок, там, я ее, допустим, веду куда-нибудь в ресторанчик, или там что-то. Ну, уже какие-то такие, более такие дружеские отношения уже; няня у нас, как подруга (ж., 29 лет, замужем, дочь 5 лет).

В-четвертых, нянин труд характеризуется высокой степенью автономии; неформальный характер занятости предполагает возможности изменения часов работы, незапланированных отпусков, иными словами, гибкий режим занятости, построенный на договорной основе. При этом няня вправе в любой момент расторгнуть договорные отношения и не имеет никаких формальных обязательств перед нанимателями. «Повернулась и ушла», «Это дело совести» — вот на такое отношение в ряде случаев и жалуются наши информанты-работодатели. Семья в большой степени зависит от няни. Хорошей няней дорожат, стараются сильнее привязать ее к семье, опутать взаимными обязательствами квазиродственного характера. Поскольку у няни есть власть расторгнуть отношения в любой момент, манипулировать ребенком, давить на родителей, она не чувствует себя в положении эксплуатируемой. Кроме того, сами наниматели при современной бизнес-интенсивности тоже могут позволить себе няню лишь на условиях гибкого неформального договора, когда можно лавировать в случае непредсказуемого изменения условий найма. Итак, в работе няни воспроизводится дилемма члена семьи и наемного работника.

Хрупкость неформального договора в сфере домашнего труда по уходу за ребенком связана с персонализированным доверием. Многие

в этих отношениях зависит от доброй воли нанимателей и работников, от уровня их общей культуры и воспитания, является «делом совести» сторон. Няня не осознает свое положение как эксплуатацию, потому что если она выйдет из этих отношений, то материально жизнь ее будет гораздо хуже, чем прежде, а условия неформального контракта и типа работы дают ей власть распоряжаться собой и влиять на условия игры.

Заключение

Наше исследование показывает, что структурные трансформации российского общества влекут за собой изменения гендерного контракта. В современных условиях гендерный контракт «работающая мать» держится на многих институтах. Одной из его особенностей является иерархия и коммерциализация заботы. Домашний труд по уходу за детьми — труд няни — чрезвычайно востребован. В значительной степени этот спрос удовлетворяется неформальным рынком труда. И няни, и молодые мамы проявляют заинтересованность в неформальном контракте. Это связано и с доверительным характером услуги, и со значимостью персонализированных отношений в случае купли-продажи заботы. Неформальный контракт имеет свои преимущества. К ним относится переговорный характер всех условий найма, возможность безоговорочного разрыва устного соглашения, не влекущего за собой никаких санкций. Оплачиваемый уход за ребенком предполагает символическое признание значимости домашнего труда в виде дополнительных выплат, подарков, предоставления услуг социального характера. Именно поэтому «теневые няни» в основном не воспринимают свою работу как эксплуатацию, хотя структурно она, несомненно, оказывается таковой из-за отсутствия социальных гарантий. Структурно отношения няни и мамы — это отношения диалектики контроля, основанные на хрупком взаимном доверии. Такие отношения рассматриваются няней как эксплуатация в том случае, когда наниматели нарушают негласные нормы уважительного взаимодействия и ведут себя с нянями, как помещики с крепостными дворовыми (феодалный тип отношений). Мамы и няни своими отношениями воспроизводят женский мир заботы. Но при этом обостряется гендерная стратификация, разделяющая женщин, принадлежащих к разным социальным классам. В условиях неразвитого социального государства и культурной типизации гендерных ролей

эмансипация от домашней работы женщин среднего класса возможна лишь за счет воспроизведения гендерного неравенства. Можно только надеяться, что постепенно стабилизация правил рыночного обмена, формирование культуры взаимодействия в системе оплачиваемого домашнего труда и гарантии социальной политики приведут к большей формализации рынка услуг по уходу за детьми. Но до сих пор бебиситтеры не вытеснили традиционных нянь, спрос на которых обусловлен изменяющимся гендерным порядком.

Традиционными нянями оказываются социальные мигранты, которые никогда бы не стали работать «в людях», если бы не разрушение пенсионной системы, убогие заработки работников бюджетной сферы, ущербный статус мигрантов.

Няни не только эксплуатируются, они становятся сильными, обеспеченными, осваивают культурные практики среднего класса и молодого поколения. Они становятся экономически независимыми от своей семьи, даже, наоборот, приобретают в ней авторитет благодаря тому, что могут поддерживать детей и в состоянии обходиться без их помощи. Тезис об эксплуатации нянь нуждается в переосмыслении. Это противоречивая ситуация, при которой эксплуатация может сопровождаться ростом социального, культурного и экономического капитала и возможностями контроля напимателя. При этом речь идет о денежном измерении заботы, что становится законом капиталистического общества, склонного низко оценивать то, что люди ценят очень высоко — практическую любовь к ближнему.

Литература

- Баранская Н. (1969). Неделя как неделя, *Новый мир*, № 11.
- Гидденс Э. (2003). Глоссарий, в кн.: Э. Гидденс. *Устроение общества: Очерки теории структуризации*. М.: Академический проект.
- Евдокимова Е. (2004). *Женская ниша на рынке труда Санкт-Петербурга*. СПб.: Изд-во Политехнического университета.
- Здравомыслова Е., Тёмкина А. (2007). Патриархат и женская власть, в кн.: Е. Здравомыслова, А. Тёмкина, ред. *Российский гендерный порядок: Социологический подход*. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, с. 69–95.
- Кесссли К., Регуневская Е.В., Дубикайтис Т.А., Кириченко С.И., Рогкирх А., Хаавио-Машпила Э., Кузнецова О.Ю., Хемминки Э. и РЕФЕР-группа (2005). *Репродуктивное здоровье и фертильность в Санкт-*

- Петербурге. Отчет по результатам опроса, проведенного среди женщин от 18 до 44 лет в 2004 г.* Department of Sociology, University of Helsinki and STAKES. Working papers N 60.
- Коллонтай А. (1923). Революция быта, в кн.: *Труд женщины в эволюции хозяйства*. М.; Пг. Перенечтано в кн.: *Марксистский феминизм. Коллекция текстов А.М. Коллонтай*. Тверь: ФеминистПресс—Россия, 2003.
- Малсва Т., ред. (2003). *Средние классы в России: экономические и социальные стратегии*. М.: Гендальф.
- Мосс М. (1996). Очерк о даре, в кн.: Мосс М. *Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии*. М.: «Восточная литература», с. 140—141.
- Мур Э., Эткин А. (2004). Утомленные солнцем, упесенные ветром: суррогатное материнство в двух культурах, в кн.: С. Ушакин, ред., *Семейные узы: модели для сборки*. Кн. 2. М.: НЛО.
- Роткирх А., Тёмкина А. (2002). Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России, *Социс*, № 11, с. 4—15. Полная версия напечатана в кн.: И. Новикова, ред., *Гендер. Культура. Общество*. Рига: Проект «Женщины Балтии», 2003, с. 58—97.
- Семёнова В. (1996). Бабушки: семейные и социальные функции прародительского поколения, в кн.: *Судьбы людей, Россия. XX век*. М.: Институт социологии РАН, с. 144—179.
- Черненко Е. (2007). Хозяйка мятой горы, *Русский Newsweek*, 16—22 апреля, № 16 (142).
- Anderson B. (2000). Why Madam Has so Many Bathrobes: Demand for Migrant Domestic Workers in the EU, *Economic and Social Geography*, N 92 (1), p. 18—26.
- Crompton R. (1999). Discussion and Conclusions, in: R. Crompton, ed. *Restructuring Gender Relations an Employment. The Decline of the Male Breadwinner*. Oxford; New York: Oxford University Press, p. 200—214.
- Ehrenreich B., Hochschild Arlie R., eds. (2003). *Global Woman: Nannies, Maids, and Sex Workers in the New Economy*. Metropolitan Books.
- Gregson N., Lowe M. (1994). *Servicing the Middle Classes*. London: Routledge.
- Hochschild A. (1983). *The Managed Heart. Commercialization of Human Feeling*. London: University of California Press.
- Hochschild A. (1997). *Time Bind*. Metropolitan Books.
- Ledeneva A. (2001). *Unwritten Rules: How Russia Really Works*. London: Centre for European Reform.

Ольга Ткач

УБОРЩИЦА ИЛИ ПОМОЩНИЦА? ВАРИАНТЫ ГЕНДЕРНОГО КОНТРАКТА В УСЛОВИЯХ КОММЕРЦИАЛИЗАЦИИ БЫТА¹

Домработница — это что-то новое для нашей страны, для нашего времени.

Из интервью

У нас же «вышли мы все из парода». ...Все приходится... с нуля постигать. Мне самой приходится учиться, как правильно быт организовать и как с людьми контактировать, которые на меня работают. И им тоже.

Из интервью

Повседневный рутинный домашний труд — нестандартизированная сфера человеческой деятельности, которой достаточно сложно дать исчерпывающее определение. Не всегда очевидно, что именно считается домашней работой. Например, относится ли к ней шопинг? Или выгуливание собаки? А обдумывание меню для семейного завтрака? Чтение ребенку сказок перед сном? В современных социальных исследованиях домашний труд понимается гораздо шире, чем сумма взаимосвязанных технических операций. Каждое из этих действий, даже самое незначительное, включает в себя не только физическую, но также умственную и эмоциональную работу (Anderson, 2000: 12). Еще сложнее ответить на вопрос, на каких условиях происходит делегирование столь лично значимой деятельности наемным работникам.

Обращаясь в данной статье к изучению труда домработниц, занятых в современных городских домохозяйствах, позволю себе начать с краткого терминологического разъяснения. Домашние работники² — это наемные работники, труд которых по обеспечению заботы о престарелых, детях и/или уборке дома оплачивается частными лицами (Parreñas, 2001: 1). В мировой практике принято устоявшееся разде-

¹ Автор благодарит Елену Здравомыслову за участие в обсуждении основных идей статьи и ценные замечания.

² Английские аналоги: domestic workers, domestic servants, maids.

ление домашних работников на две условные категории: работающие преимущественно с людьми (няни, сиделки, гувернантки и пр.) и работающие преимущественно с вещами (уборщицы, горничные, повара, садовники, сторожа и пр.).³ В российской традиции рыночной категории «домашние работники» эквивалентен скорее дореволюционный собирательный термин «домашняя прислуга». Ее составляли кухарки, горничные, дворецкие, няни, гувернантки — все те, кто проживал в хозяйском доме, обслуживая его и прислуживая домочадцам. «В новых (послереволюционных. — О.Т.) условиях люди, выполняющие функции работы по дому на основе найма, получили название домашних работниц» (Лебина, 2006: 139).⁴

В советском обществе массовым явлением было бытовое самообслуживание, опирающееся на недостаточно развитую, но все же существующую сферу коммунальных услуг (муниципальные прачечные, общепит, детские дошкольные и школьные учреждения, дома отдыха и пионерские лагеря, санатории и пр.) и на женский домашний труд. Социальная категория домработниц на протяжении всего советского периода существовала скорее виртуально, нежели как привычный сегмент наемного труда, связанный с уборкой дома. Лишь в начале 1990-х гг. в российских городах начал открыто и интенсивно развиваться рынок домашнего труда. Иллюстрация к этому — отрывки из интервью, выбранные в качестве эпиграфов к данной статье. Авторы этих высказываний социализировались в обществе, где преимущественной формой домашнего труда был и остается неоплачиваемый женский труд членов домохозяйства. Они указывают на то, что современные процессы «коммерциализации заботы» (Nochschild, 2003) существенным образом отличаются от организации бытового обслуживания, принятой в советском обществе. Так ли это? В данной статье идет речь о том, каким образом устроен быт совре-

³ Помимо указанных, в литературе упоминается множество типов домашних работников, выделяющихся по разным основаниям, в том числе: временные (short-term); постоянные (long-term); с полной занятостью (full-time), с частичной занятостью (part-time); няни, приходящие ежедневно (dailies); секретари и супружеские пары, помогающие по дому (domestic help couples) (Gregson, Lowe, 1994: 62). Большинство из этих форм занятости имеет юридический статус и включено в трудовые законодательства европейских стран.

⁴ Краткий очерк о домработницах в послереволюционном и советском обществе см.: Лебина, 2006: 139–140.

менных городских домохозяйств так называемого нового среднего класса, организованный с помощью привлечения труда оплачиваемых домработниц.

Предметом моего интереса является *неформальный рынок наемного домашнего труда, связанный с уборкой квартир*, основанный на рекрутировании работников из среды знакомых и не предполагающий заключения официальных контрактов (а значит, и выплаты налогов). Рассматривая повседневные взаимодействия домработниц и работодателей, я анализирую процесс выработки рыночных и вне рыночных правил, по которым выстраиваются отношения при отсутствии жестких, предзаданных экспертных схем. Иными словами, я исследую вопрос, каким образом происходит профессионализация домашнего труда и происходит ли формирование единой, конвенциональной модели профессионализма.

Даная работа основана на материалах восьми лейтмотивных биографических интервью с оплачиваемыми уборщицами и двадцати интервью с женщинами, имевшими опыт найма домработниц. Таким образом, проанализированы обе стороны трудового договора. В выборку вошли домработницы — жительницы Петербурга, 40–50 лет, имеющие среднее или среднее специальное образование и стаж работы в профессии от 5 до 10 лет; а также работодатели: средний возраст — 31 год, высокообразованные, замужние и незамужние карьерно-ориентированные женщины с детьми и без детей.

В первом разделе статьи рассмотрена специфика современного рынка оплачиваемого домашнего труда в контексте глобализации. Далее описан процесс становления российского неформального рынка услуг по уходу за домом, его связь с практикой родственной взаимопомощи, принятой в российских семьях. Затем я обращаюсь к концепции гендерного контракта, развивая ее и применяя для анализа отношений домработниц и работодателей. В заключение представлены размышления о том, что дает исследование наемного домашнего труда для понимания «нового быта».

Исследования оплачиваемого домашнего труда в контексте глобализации: краткий обзор

Наемный домашний труд — один из древнейших видов человеческой деятельности, его корни находят в эпохе рабства и колониализма

(Anderson, 2000).⁵ «Профессиональная» модель бытового обслуживания сформировалась в феодальной Европе и просуществовала до 1960-х гг., когда наличие прислуги в доме было частью образа жизни высшего и среднего классов. С конца 1980-х — начала 1990-х гг. наблюдается общемировая тенденция увеличения спроса на оплачиваемый домашний труд (Gregson, Lowe, 1994), особенно востребованного двухкарьерными семьями. Формирование современной модели наемного домашнего труда происходит в контексте глобализации и зависит от характерных для него социально-экономических, политических и культурных трансформаций.

С конца XX в. процесс феминизации рабочей силы в странах с рыночной экономикой интенсифицируется из-за более жестких требований в сфере занятости, роста уровня разводов, сокращения числа расширенных семей, старения населения и пр. (Anderson, 2002: 104–105). Попытки индивидов и семей справиться с нехваткой времени на бытовое обслуживание и возникающим дефицитом эмоциональной заботы приводят к тому, что по возможности все большее число домашних обязанностей делегируются рынку социальных услуг. Современные европейские обеспеченные домохозяйства имеют возможность покупать обустроенный быт «напрямую, как товар и услугу, или опосредованно через наемный труд» (Sassen, 2002: 259).

Растущий спрос на услуги так называемого нового обслуживающего класса (*servicing class*) домашних работников переопределяет мировой стратификационный порядок. Международное разделение репродуктивного труда порождает процессы транснациональной мобильности и феминизации рабочей силы и миграции.⁶ В западных обществах рынок домашнего труда в значительной мере составляют мигрантки из стран Южной и Юго-Восточной Азии, Африки, Латинской Америки и Восточной Европы (Parreñas, 2001: 20, 69–76). Новый мировой порядок домашней сферы (*new domestic world order*) поддерживается за счет женской трудовой иммиграции и захватывает не

⁵ Обширная литература посвящена исследованиям домашнего труда в викторианской Англии в сравнении с современными условиями (см. обзор: Anderson, 2000: 18–21).

⁶ Под феминизацией миграции подразумевается не только рост числа женщин среди мигрантов, но и увеличение специфичных «женских» форм и каналов миграции, таких как рынок домашнего труда, секс-индустрия, брачный рынок.

только постиндустриальные общества, но и страны Центральной Европы и «новые индустриальные страны» Азии (Lan, 2002: 172). Его смысл заключается в том, что женщины из слаборазвитых стран специализируются на выполнении относительно дешевых услуг по уходу за домом и детьми, давая возможность членам семей (в основном женщинам) из развитых стран заниматься высокооплачиваемой работой и карьерой (Phizacklea, 2003: 89). Вместе с тем локальные различия в организации наемного домашнего труда препятствуют формированию универсальной «мировой», или «европейской», модели коммерческих услуг по уходу за домом. Различия связаны в том числе и с тем обстоятельством, что рынок домашних работников не исчерпывается транснациональными трудовыми мигрантами. Значительный его сегмент составляет «местная» рабочая сила.⁷

В конце XX в. феномен женской миграции становится основным предметом дискуссии о мировом рынке домашних услуг. В дебатах о наемном домашнем труде участвуют исследователи, придерживающиеся феминистских позиций, специалисты по изучению транснациональных миграций, неформальной/теневой экономики, институтов гражданского общества. Так или иначе, все исследования касаются

⁷ Исследователи выделяют два основных типа домашних работников: проживающие совместно с работодателями (live-in) и приходящие, имеющие собственное жилье (live-out) (Anderson 2000: 28). Последние могут быть заняты в одном или в нескольких домохозяйствах (Gregson, Lowe, 1994: 207). Как правило, работники, живущие в семьях, совмещают функции няни/сиделки и домработницы. Преобладание той или иной формы занятости в различных странах Европейского союза связано с их историями миграций, культурными традициями в отношении организации домашнего труда, состоянием данного сегмента рынка рабочей силы и развитием гражданского общества, жилищной политикой и пр. Например, в настоящее время в городских домохозяйствах Южной Европы (см.: Anthias, Lazaridis, 2000) и постколониальных странах (Англия, Франция и др.) распространена пришедшая еще из традиционного общества практика проживания иностранцев в качестве прислуги. В Германии до недавнего времени большее развитие имел внутренний рынок домашних работников и более распространен наем приходящих работников (Hess, Puckhaber, 2004: 71). Практика пайма мигранток в качестве домашних уборщиц начала распространяться в Германии лишь после Второй мировой войны, особенно начиная с 1990-х гг., в связи с ростом миграционных потоков из стран Восточной Европы.

проблемы эксплуатации мигранток-домашних работниц, *проживающих в обслуживаемых домохозяйствах*, и нарушения их трудовых, политических и социальных прав в принимающих сообществах. Авторы анализируют несколько уровней социальных отношений, конструирующих маргинальное положение наемных работниц: отношения с работодателями, отношения с государством и принимающим сообществом, отношения с отправляющим сообществом.

Анализируя *взаимодействия домашних работников с работодателями*, исследователи рассматривают механизмы воспроизводства социального неравенства и уровень автономии работниц. Например, Бриджит Андерсон показывает, каким образом статус нелегальных иммигранток обуславливает организацию повседневной жизни и работы проживающей в семье домашней прислуги (*live-in*) в пяти европейских городах (Афинах, Барселоне, Болонье, Берлине и Париже) (Anderson, 2000). С одной стороны, поселяясь в доме нанимателей, домработницы одновременно решают проблемы жилья и заработка, снижая тем самым экономические издержки, находя надежное укрытие от полиции, быстрее овладевая иностранным языком и осваивая незнакомую культуру. С другой стороны, женщины попадают в зависимость от своих «хозяев», регулирующих уровень оплаты и условия труда (Anderson, 2002: 106–107). Подобное наблюдение сделала и Р. Парреньяс, изучавшая жизнь филиппинских домработниц в городах Европы и США. По ее словам, мигрантки, проживающие в семьях, «в отличие от приходящих (временных) работников, оказываются практически в социальной изоляции, полностью концентрируясь на частной жизни нанимающей их семьи» (Parreñas, 2001: 160–163).

Несмотря на большие потоки нелегальной миграции, западные государства осуществляют попытки формализации рынка домашних работников. Сабина Хесс обращает внимание на такую получившую распространение в последнее десятилетие форму домашнего труда, как *au pair*, что в буквальном переводе означает «на равных». *Au pair* рассматривается как форма культурного обмена и осуществляется при поддержке некоммерческих организаций.⁸ Связанные с этим контрак-

⁸ В Европе статус *au pair* был закреплен в 1969 г. в Страсбурге «Европейским соглашением Совета Европы о занятости *au pairs*». Документ гласит, что приехавшие по данной программе иностранцы «в обмен на определенные услуги временно проживают в семьях, изучая язык принимающей страны и развивая свои профессиональные знания и представления о

том трудовые права и обязанности минимально регулируются законодательством и в значительной степени переходят в зону властных полномочий работодателя. На уровне повседневности отношения, связанные с выполнением домашних обязанностей, регулируются логикой и правилами «моральной экономики», когда домашняя работа рассматривается не как труд, а как разновидность помощи за возможность получения визы, проживания и работы в западноевропейской стране. Таким образом, в отношениях с *au pair* принимающая сторона опирается на концепцию семьи, согласно которой родные обязаны помогать друг другу безвозмездно. В свою очередь приезжие, находящиеся в информационном вакууме относительно своих прав и обязанностей, ведут постоянную работу по установлению границы между рабочим местом и домом, рабочим и свободным временем, оплачиваемой работой и помощью в качестве члена семьи (Hess, Puckhaber, 2004: 73).

Николь Констебль анализирует другой сегмент мирового рынка домашнего труда: отношения работодателей и филиппинских домработниц в Гонконге (Constable, 2002).⁹ Ее исследование показало, что живущая при домохозяйстве прислуга становится «членом семьи», но на особых правах. Фактически она постоянно находится под контролем работодателей, жестко регламентирующих не только ее работу,

культуре» (Hess, Puckhaber, 2004: 69). Иными словами, практика *au pair* — это нечто среднее между образовательным туризмом и трудовой миграцией. Домашние работники получают возможность изучать язык принимающей страны и постигать ее культурные особенности, проживая в семье, получая страховку и небольшие карманные деньги. Взамен на «гостеприимство» принимающей стороны от мигранток ожидается выполнение домашней работы, уход за детьми и т. д. Недостаточно четко сформулированный в Соглашении набор «определенных услуг» уточняется и стандартизируется на национальном уровне. Подробно о ситуации в Германии см.: Hess, Puckhaber, 2004; Hess, 2005; в других европейских странах см.: Anderson, 2002: 23–25.

⁹ Н. Констебль фокусирует внимание на обучающих и рекрутинговых агентствах. Их деятельность нацелена на стандартизацию и технологизацию процесса домашнего труда, а также формализацию отношений домашних работниц и работодателей. Попытки определить профессиональные рамки домашнего труда предпринимаются не только исследователями, но и экспертами международных организаций. В 1990 г. Международной организацией труда (МОТ) был разработан детальный список универсальных обязанностей наемных домашних работников (уборщиков) (см.: Anderson, 2000: 15).

но и телесные практики (сексуальность, выбор одежды, еды, гигиенических процедур и пр.), эмоциональные проявления и социальные связи, а также свободу распоряжаться личным временем и пространством. Тем самым исследовательница доказывает, что даже наличие официального контракта не гарантирует мигрантке личной независимости от работодателя. Другие исследователи также подтверждают, что уборщицы оказываются в двойном подчинении, находясь одновременно в позиции наемного работника и в позиции младшего «члена семьи» (Parreñas, 2001: 179–185), сопоставимой со статусом ребенка (Gregson, Lowe, 1994: 56).

Проблема маргинального статуса домашних работниц-мигранток и дефицита их прав воспроизводится и на уровне *взаимоотношений с обществом-реципиентом*. Эти отношения исследуются из перспективы социалистического феминизма, сторонники которого ставят вопрос о низкой социальной ценности оплачиваемого домашнего труда в принимающем сообществе и соответственно низком статусе домработниц. Как отмечает исследовательница Грейс Чанг, в американском обществе к женщинам-мигранткам, восполняющим дефицит заботы, «публично относятся, как к невидимым или, в лучшем случае, как к “предметам одноразового использования”» (Chang, 2000: 219). Чанг и ее коллег интересует, каким образом дискурсивно, институционально и практически формируются, воспроизводятся и разрушаются подобные представления.

Критический анализ национальных миграционных политик и трудовых законодательств свидетельствует о маргинальном гражданском статусе иммигранток-домработниц в стране пребывания. Исследователи уделяют внимание проблемам нарушения прав мигранток-уборщиц, (сексуального) насилия со стороны работодателей, эксплуатации, расизма и торговли людьми (Phizacklea, 1998; Anderson, 2000; Chang, 2000; Parreñas, 2001; Anderson, 2002; Lutz, 2002; Zarembka, 2002).

Отвечая на подобные «вызовы» принимающей стороны, мигрантки разрабатывают политические стратегии сопротивления насилию, нарушению прав, стремясь преодолеть слабость государственных программ. В частности, они осуществляют попытки создания общественных движений, негосударственных иммигрантских организаций и профсоюзов работников, выполняющих услуги по уходу за домом (home-care workers). Установление диалога с государством повышает жизненные шансы домработниц-мигранток в стране пребывания, как например в случае Италии и США, избравших политику интегра-

ции иммигранток из Филиппин, Латинской Америки и Азии в принимающие сообщества (Parreñas, 2001).

Третий аспект изучения наемного домашнего труда связан с темой *транснационализма*. В современных социальных исследованиях транснациональная домашняя работа описывается с помощью таких конвенциональных терминов, как «новое международное разделение репродуктивного труда» (Parreñas, 2001) или «расовое разделение репродуктивного труда» (Anderson, 2002). В рамках данного подхода женщины-мигрантки из беднейших регионов мира рассматриваются не просто как домашняя прислуга, обеспечивающая быт европейских домохозяйств, но как добытчики, продолжающие поддерживать свои собственные семьи, матери, обеспечивающие своих детей, которых они оставляют на родине на своих родственниц или оплачиваемых работниц, возможно, также мигранток. Этот феномен получил название «глобальной цепочки заботы» (the global care chain) (Ehrenreich, Hochschild, 2002). Таким образом, повседневная жизнь мигранток включена в пространство множественных, устойчивых, пересекающих национальные границы социальных связей, которые существуют в виде транснациональных сетей. Исследователей занимает вопрос о том, каким образом осуществляется «транслокализация заботы», конструируется концепция дома в ситуации дистанционного взаимодействия трансмигранток с покинутыми семьями, а также их собственная транслокальная идентичность (Chang, 2000; Parreñas, 2001).

Итак, исследования домашних работников в современном мире демонстрируют сложную динамику отношений между «обслуживающим классом» мигрантов и представителями среднего и высшего классов, покупающими их труд. Как правило, последние, основываясь на разнице гражданских статусов и прав, занимают доминирующее положение в отношениях, устанавливая границы контроля прислуги, степень ее уязвимости, баланс между ее работой и личной жизнью и т. д. Транснационализация домашнего труда воспроизводит мировой гендерный порядок. Грязную работу, заботу о доме и уход за слабыми и зависимыми в семьях обеспеченных классов выполняют женщины, принадлежащие к низшим социальным слоям, находящиеся на периферии рынка занятости, обладающие уязвимым гражданским статусом.

Я уже упоминала о локальных — национальных — различиях в организации оплачиваемого домашнего труда. Российский случай

также требует внимательного изучения. Особенности формирования рассматриваемого сегмента занятости в российском обществе связаны с его геополитическим постколониальным контекстом, со спецификой развития рынка социальных услуг и с его культурными традициями. Однако гендерная типизация домашнего труда — его «женский характер» — воспроизводится и в российском обществе. Ниже я представляю анализ отношений домработниц и работодателей в современном российском обществе в гендерной перспективе.

Коммерциализация домашнего труда в российском контексте: от семейной взаимопомощи к неформальному рынку домработниц

Прежде чем описывать современные процессы коммерциализации домашнего труда, необходимо кратко остановиться на советских практиках организации быта. Они составляют тот культурно-исторический фон, который по-прежнему формирует представления об оплачиваемом домашнем труде в российском обществе.

Прислуга, будучи до 1917 г. традиционным элементом буржуазного и поместного быта в России, не была упразднена в новых условиях (Лебина, 2006: 139). Тем не менее основной целью послереволюционной социальной и идеологической политики в сфере домашнего труда стала борьба за новый быт трудовой республики, отрицавшая повседневные практики патриархальной буржуазной семьи и ориентированная на «освобождение женщин от кухонного рабства» (см.: Коллонтай, 1923). В 1920-е гг. гендерная политика государства активно поддерживалась проектами «домов-коммун» и других форм «коллективного жилья», ставшими архитектурным воплощением идеи разрушения границ коллективного и индивидуального, приватности и публичности, домашнего и общественного потребления в советском обществе (см.: Паперный, 2006: гл. 2). Большевистский эксперимент по обобществлению быта оказался несостоятельным по многим причинам. Сталинская индустриализация, основанная на приоритетном развитии тяжелой промышленности и военно-промышленного комплекса в целом, сказалась на существенном отставании сферы услуг и производства товаров повседневного потребления на всем протяжении советского периода. Практика также показала, что работа по обеспечению быта не может быть полностью делегиро-

вана сфере обслуживания, исключаящей чувства причастности, вовлеченности в дела домохозяйства. Традиционалистские элементы советского гендерного порядка также препятствовали обобществлению быта.

Советский гендерный контракт «работающая мать» предполагал двойную занятость женщины, причем в рамках советской гендерной политики забота о быте и семье провозглашалась не менее значимой сферой приложения ее сил, чем общественное производство (Роткирх, Тёмкина, 2002). «Формула двойной нагрузки становится частью нормализованного властью стереотипа женственности, который усвоили многие поколения советских гражданок» (Здравомыслова, Тёмкина, 2004: 312). Исследователи советского гендерного порядка отмечают, что повседневные стратегии, которые избирались женщинами за рамками официального сценария, предполагали поддержку старших родственников. Семейная/женская солидарность компенсировала неразвитость социальной инфраструктуры, в том числе бытового обслуживания, и способствовала выполнению роли «работающей матери» (Там же: 318). Межпоколенческая, и прежде всего матрифокальная, а также дружеская/соседская/коллегальная взаимопомощь оказывалась практически единственным механизмом перераспределения домашних обязанностей.¹⁰ Институт бабушек стал одним из социальных институтов, прочно занявших нишу семейного воспроизводства и бытового обслуживания. Исследования российских социологов демонстрируют, что в позднесоветских семьях бабушки, в зависимости от социального происхождения и объема культурного капитала, выполняли функции либо нянь и домработниц, либо домоправительниц и домашних воспитательниц (см.: Ссмёнова, 1996). Так или иначе, неоплачиваемый домашний труд, в который включались бабушки, свидетельствует о достаточно прочной межпоколенческой взаимозависимости в советских семьях. Как отмечают Е. Здравомыслова и А. Тёмкина, в семье, «где, как правило, работают оба родителя... бабушка — это... определенная функция, которую могут выполнять различные родственники, близкие люди или оплачиваемые няни» (Здравомыслова, Тёмкина, 1999: 86).

¹⁰ Двойная занятость женщин и их межпоколенная взаимопомощь восполняет практическую исключительность мужчин из приватной сферы. Об «отчуждении» мужественности и кризисе маскулинности в советском обществе см.: Kukhterin, 2000; Здравомыслова, Тёмкина, 2002.

В позднесоветском обществе возможность найма оплачиваемых домашних работников была одним из атрибутов статусной принадлежности семьи. Если в среде партийной номенклатуры и культурной элиты наличие прислуги получало официальное одобрение,¹¹ то среди «простых людей» практика оплачиваемого домашнего труда оставалась в сфере неформальных, теневых экономических отношений, была спорадической. В большинстве и городских, и сельских домохозяйств трудности работы по дому и заботы о родственниках преодолевались и по-прежнему преодолеваются благодаря семейной взаимопомощи и поддержке, основанной на принципах домашней (моральной) экономии (см.: Фадеева, 1999; Штейнберг, 1999). Почти во всех наших интервью встречались нарративы, свидетельствующие о том, что помощь старших родственниц по дому и в воспитании детей сопровождает информанток на протяжении всей жизни.

В начале 1990-х гг. с появлением рынка домашних работников модель семейной взаимопомощи начинает постепенно дополняться коммерциализованной заботой, а практика оплаты труда по уборке дома перестает умалчиваться в общественном дискурсе. В размышлениях наших информанток отражен этот сложный процесс трансформации быта. С одной стороны, в них прочитывается культурная преемственность советского бытового уклада. *«В нашем кругу это не принято»; «мы не так воспитаны»,* — говорят информанты, принципиально отказывающиеся от найма прислуги. Кроме того, в повседневном дискурсе сохраняется представление о том, что «правильная», «настоящая» женщина сама должна выполнять работу по дому, всегда находить для этого время. Домашний труд — это проявление заботы о семье, и делегирование его наемному работнику может рассматриваться как дисквалификация женственности. Одна из информанток, которая могла бы позволить себе наем домработницы, но не намерена этого делать, мотивировала свое решение следующим образом: *«неудобно, вроде, взрослая баба».*

Не менее значимое сопротивление коммерциализации домашнего труда оказывают представители старших поколений. Рассказывая свою историю найма домработниц, одна из женщин вспоминала, что ее мать изначально противилась этому:

¹¹ См. упоминание об этом: Козлова, 2005, главы «Охота к игре» и «Реконверсия».

...моя мама, когда она узнала, что я собираюсь нанять домработницу, она мне сказала: «Да ты что! Да я тебе сама приду полы помою! Что это ты куда-то там деньги будешь платить?» (нанимательница, 39 лет, замужем, трое детей).

В данном отрывке прочитывается не только мотивация экономной хозяйки — матери информантки, но также ее опасения оказаться ненужной, вытесненной из семьи, страх потерять кажущуюся зависимость детей от ее помощи, а следовательно, их уважение и признание.

С другой стороны, материалы интервью свидетельствуют о том, что автономия семьи, самостоятельность в организации быта оцениваются молодыми женщинами среднего класса гораздо выше возможностей, которые предоставляет им патернализм старших (матерей). Очевидно, что сознательный отказ от их помощи имеет под собой экономические основания, в частности наличие отдельного жилья и достаточный уровень доходов для найма домашней работницы. Однако предпочтение коммерциализованной заботе отдается еще и потому, что ее выбор меняет статус женщины в доме: она становится независимым субъектом, хозяйкой, отвечающей за организацию быта, полноправно распоряжающейся в своем доме. Следующая цитата показывает, что рассказницу тяготит помощь, навязываемая старшими родственницами. Она отвергает отношения моральной зависимости от матери и свекрови, выбирая рыночные услуги по уходу за домом и, тем самым, стратегию «самоуправления» в бытовой сфере:

Я категорически не разрешала [убираться в нашей квартире] ни... родителям [мужа], ни моей маме. Максимум, на что я могу пойти, что они могут сделать в нашей квартире, — это помыть посуду, да и то периодически меня это все очень раздражает. ...Не люблю я, когда кто-то что-то у меня тут делает! Сама командую, это моя квартира [здесь и далее выделено мной. — О.Т.], и что-то грязно, и все что угодно, — меня это все устраивает совершенно! ...Маму я давно приучила, а тут свекровь тоже начала что-то делать. Я сказала: «Еще раз — и все! Будет скандал большой». Это наша квартира, и нечего кому-либо здесь хозяйничать! ...Человеку ты сказал, и он делает то, что тебе надо, а родители — они из тех людей, которые не спрашивая делают. Вот это, в общем-то, и раздражает (нанимательница, 41 год, замужем, трое детей).

Современная представительница среднего класса стремится переосмотреть концепцию хозяйки дома, постоянно стоящей у плиты, готовящей обеды из нескольких блюд, устраивающей генеральные уборки по выходным дням. Заботливая жена/мать не обременена рутинной домашней работой, она предпочитает делегировать ее оплачиваемым уборщицам. Подобные идеи женской эмансипации, однако, не исключают ответственности за дом, эмоциональной вовлеченности в дела членов семьи и стремления к созданию уюта. Наем уборщицы позволяет хозяйке сохранять за собой женскую роль моральной и духовной поддержки семьи, при этом освобождаясь от роли «обслуги, выполняющей грязную работу» (Anderson, 2000: 105–106):

Я бы не отказалась приглашать какую-нибудь знакомую тетеньку по выходным, потому что на выходные мне эти скандалы с мужем... Я уже готова платить за уборщицу. Потому что, даже если он [муж] мне помогает в этом, то все равно это занимает довольно много времени. Элементарно вытереть пыль, пропылесосить, вымыть полы... Времени занимает прилично... То есть уже все вместе мы не погуляем. Это либо я их выставляю вдвоем, и они идут гулять. Тогда они говорят: «Нам без тебя скучно» (нанимательница, 28 лет, замужем, сын 4 года).

Итак, современные женщины среднего класса отвергают помощь по дому, предлагаемую старшими родственницами, но не готовы отказаться от привлечения родных, знакомых, в широком смысле «своих», в качестве домашних работников. Соответственно неформальный сегмент услуг по уходу за домом формируется как преемник прежней системы бытового самообслуживания.

Становление современного рынка домработниц в России началось в период социально-экономических трансформаций, сопровождавшийся резким всплеском безработицы, в том числе женской. Наши информантки, выполняющие сегодня услуги по уходу за домом, также оказались в числе потерявших работу и занявшихся поисками альтернативных экономических ниш. В ситуации дефицита вакансий и возрастной дискриминации будущие домработницы вытеснялись в сегменты вторичного и неформального рынков рабочей силы. Соискательницы оценивали свои навыки домашней уборки как «естественные» для женщины и нередко как единственный ресурс при выборе дальнейшей трудовой деятельности в критической ситуации.

Ни одна из информанток-домработниц в период поиска места работы не имела высшего образования и не обладала достаточно высокой квалификацией; некоторые находились в (пред)пенсионном возрасте. Наличие навыков уборки помещений освобождало их от необходимости обучаться другой профессии и давало шанс избежать вынужденного выбора других форм неквалифицированного физического труда. Домработницы так вспоминают о поворотном пункте своей трудовой биографии:

...и плюс наша перестройка, все эти обстоятельства, уже от меня не зависящие, в общем, поставили меня в такое положение, что я осталась без работы. Специальности у меня не было как таковой, предложить я ничего не могла, кроме того, что умеет, в общем, каждая женщина (Вера, 46 лет, домработница).

И тогда я сказала: «Ну, у меня есть руки, что они умеют делать?» Конечно, не хотела возвращаться опять в маляры, потому что уже работала на такой работе, и статус работы был совсем другой. И тогда я стала исходить из того, что женщина может. Она может мыть посуду, может мыть полы, убирать квартиру. И тогда мне даже моя двоюродная сестра, которая позвонила и узнала, что я нахожусь в таком положении, она говорит: «Лена, ну что ты ломаешься, ну иди ты в обслугу, ну, в обслуживающие сферы». Это — уборщица, это — домработница (Лена, 40 лет, домработница).

Институционализация рынка домашних работников (специализированных агентств по подбору персонала, клининговых компаний и т. д.) позволила некоторым женщинам, потерявшим работу в период экономических преобразований, достаточно успешно адаптироваться к рыночным условиям (см. подробно: Евдокимова, 2004).¹² Однако наши информантки воспользовались другим, не менее важным каналом трудоустройства — своими социальными связями и сетями. В качестве иллюстрации приведу следующий диалог с домработницей:

¹² На сегодняшний день монография петербургского социолога Елены Евдокимовой «Женская ниша на рынке труда Санкт-Петербурга» является, пожалуй, единственной работой, посвященной процессу формирования профессиональной группы домработниц в российском контексте.

— ...Я просто всех поставила на ноги, говорю: «Ребята, найдите мне работу какую-нибудь!» ...И вот одна подружка мне помогла. Ну, она долго, конечно, уговаривала меня... ..потому что, в общем, мне никак, я не могла пересилить себя в этом, не могла.

— Ну а какие проблемы, почему не могла?

— Ну, стеснялась я, вот проблема!

— А как она тебе предложила? Она у себя предложила или у кого-то?

— Она у знакомых своих предложила. Потому что в чужую семью я бы вообще не пошла! (Елена, 50 лет, домработница).

Проработав всю жизнь в государственных учреждениях и позже в коммерческих фирмах (секретарем-машинисткой, кулинаром в пещечной), женщина болезненно воспринимает изменение своего социального статуса. В отличие от работы в организации, трудоустройство в домохозяйстве рассматривается принципиально иначе. Одно дело — убирать учреждение, и совсем другое — быть, а главное, чувствовать себя домашней прислугой. На мой взгляд, трудоустройство к знакомым или знакомым знакомых позволяет информантке нивелировать усвоенные в советское время негативные коннотации, связанные с подчиненной, зависимой позицией «прислуги». В среде «своих» (но не родных) нисходящая мобильность переживается не столь драматично. Риторика трудоустройства уборщицей в квартиру здесь скорее похожа на просьбы о помощи в трудной ситуации потери работы. Однако домработницы-новички, не имевшие прежде опыта работы «на хозяев», даже нанимаясь к знакомым, воспринимают себя скорее как «незваных гостей», вторгшихся в приватное пространство, нежели профессионалов:

У меня было желание быстро-быстро сделать и уйти. Потому что я знаю, что люди хотят отдохнуть. И вот как бы я там ни пыталась быть незаметной, все равно... Но это, может быть, надуманное, может быть, они привыкли к этому и я... не мешала им. Но мне вот самой было некомфортно в этом (Вера, 46 лет, домработница).

Работодатели, со своей стороны, осуществляют поиск домработницы, также прибегая к ресурсам социальных сетей, опираясь на личные рекомендации: «последняя, Катя, пришла ко мне от близкой приятельницы»; «рекомендовала моя подружка, она питерская»; «моя

знакомая посоветовала подругу ее домработницы»; «я знаю ее [домработницы] детей». Уборщица может переходить из дома в дом по цепочке знакомых, становясь «своей» в определенном кругу. Для работодателей репутация домработницы как «хорошо знакомого человека» — своего рода гарантия безопасности жилища и семьи. Приведенные ниже цитаты демонстрируют, каким образом доверительные отношения между нанимателем и его окружением, в которое вовлекается будущая прислуга, конвертируются в соответствующее отношение и к ней:

— А когда он тебя нанимал, он же знал, что ты не местная, он у тебя не спросил ни телефона, ни документов?

— Ну, по знакомству! Так как он доверял тому человеку, тот, что устраивал меня на работу, так он поверил (Маргарита, 27 лет, домработница, мигрантка из Армении).

...Подруга [работодательницы] сказала, что я тоже у нее убираю, проверенный человек. Потому что не каждый возьмет с улицы просто людей (Елена, 50 лет, домработница).

Вместе с тем и при трудоустройстве знакомых наниматели испытывали трудности, связанные с переходом от отношений знакомства/дружбы/приятельства к отношениям «начальник—подчиненный», «эксплуататор—эксплуатируемый». Многие из них задавались вопросом: «Как нанимать людей для работы по дому?» Ответом на него становился все тот же риторический прием, маскирующий ситуацию рыночного найма домашнего работника: в рассказах используются такие обороты, как «найти человека, который помогал бы по дому»; «договориться со знакомой, которая бы вошла в положение», и т. д. Выбор подобных категорий не случаен, ибо они указывают на атмосферу близости, доверительности в отношениях с домработницей, которые практически исключаются в случаях сотрудничества с коммерческими фирмами. Анонимность официального найма домработниц, по мысли хозяек, прямо или косвенно имевших дело с агентствами, несет в себе множество непредвиденных опасностей, главная из которых — отсутствие поручителя, отвечающего за поступки работника:

Истории бывают всякие разные, особенно через бюро. Я знаю историю, когда в дом пригласили через бюро горничную, а месяца через два

выяснилось только, что она абсолютная шизофреничка. Со справкой и с обострениями в определенные периоды (нанимательница, 40 лет, замужем, детей нет).

Фирма ни за что не отвечает, она только берет деньги и набирает абсолютно не пойми кого. Их, по-моему, единственное, что волнует, это то, чтобы человек не обокрал, не воровал, что, конечно, хорошо, хотя гарантий они тоже никаких не дают, естественно (нанимательница, 42 года, замужем, дочь 9 лет).

Данные интервью демонстрируют, что многие женщины, зарабатывающие домашним трудом, все еще обходят, рассказывая о работе, название своей профессии, оперируя в рассказах глаголами-эвфемизмами «устроилась», «работала», «убиралась» и пр. Терминологической определенности в описании этого вида занятости по-прежнему не существует. Некоторые информантки, обслуживающие несколько домохозяйств, начали называть себя домработницами лишь в последние годы, в связи с институционализацией профессии. Другие, работая в том же режиме, таковыми себя не считают, полагая, что домработница — это скорее подобие экономки, живущей в семье работодателей. Кроме того, информантки могут номинировать как домработниц лишь тех, кто устраивается через агентство, считая именно их профессионалами. Таким образом, становясь важным элементом социальной структуры общества, профессия домработницы достаточно сложно встраивается в индивидуальную идентичность уборщиц.

Итак, из рассказов домработниц и их нанимателей следует, что наемный домашний труд изначально воспринимается сторонами не только как экономический, трудовой контракт, но и как взаимопомощь. Неформальный рынок домашних работников создается и функционирует как *социальная сеть знакомых*. Наниматели и домработницы применяют персонифицированный подход и репутационный метод не только для нахождения места работы, с одной стороны, и работника, профессионала — с другой, а для поиска людей, обладающих необходимыми личностными, моральными качествами. Подобная модель отношений складывается, на мой взгляд, под влиянием распространенного в советское время института межпоколенческой родственной и дружеской (бескорыстной) взаимопомощи.

Гендерный контракт и миры взаимодействия домработниц и работодателей

Неформальные отношения домработниц и их работодателей вовсе не исключают определенных правил взаимодействия, которые формулируются в рамках *гендерного контракта*. Как правило, женщина выполняет обязанности поиска (по личным, преимущественно женским, сетям) и найма домработницы, а также дальнейшей коммуникации с ней.¹³ Бытовые проблемы являются по-прежнему сферой женской ответственности и менеджмента.¹⁴ Рассказывают хозяйки, имеющие опыт найма домработниц:

Он [муж] их [домработниц] никогда не видит. Вообще. Они для него как гномы в «Белоснежке», виртуальные (нанимательница, 42 года, замужем, дочь 9 лет).

Я сказала Славе [мужу], что есть человек, которого можно попросить [наять как домработницу]. Он сказал: «Делай!» То есть ему, по большому счету... Как-то не то, что ему все равно, но он прекрасно знает, что я этого не люблю. ...обычно его не бывает дома, когда они убирается. Максимум — она [домработница] с утра приходит, а он в

¹³ В семьях гетеросексуальных партнеров домработница напрямую взаимодействует исключительно с женщиной, которая также выполняет роль посредника, если необходимо привлечь мужа к домашним делам. Например, одна из домработниц рассказывала, что «должна была придумать меню, написать список тех продуктов, которые мне нужны или которых не хватает... чтобы я могла сказать хозяйке, хозяйка могла позвонить на мобильник мужу, чтобы тот заехал, закутил все и все привез» (Лёпа, 40 лет, домработница).

¹⁴ Гендерное разделение домашнего труда воспроизводит устойчивый российский гендерный уклад. Несмотря на рост популярности представлений об эгалитарном, или «симметричном», браке, распределение домашних обязанностей остается наиболее консервативной областью семейных отношений, которые предполагают большую вовлеченность и ответственность женщины, ее двойную нагрузку (см.: Барсукова, Радаев, 2000; Тартаковская, 2005). По данным исследования Э. Панеях, такая нормативная система может постепенно размываться в семьях, где значительный источник дохода составляет занятость в неформальной экономике. Домашняя работа перестает быть явно «женской» сферой, так как становится неотъемлемой частью общего экономического проекта выживания, осуществляемого двумя супругами, что принуждает мужчину к большей гендерной гибкости (Панеях, 2005: 146, 147).

это время на работу уходит, вот они там встретятся (нанимательница, 36 лет, замужем, трое детей).

Он [муж] никогда не хотел этого, он этого всегда избегал. И все время мне говорил: «Ну, зачем нам, может, мы как-то без этого обойдемся, может, этого не надо, чужие люди в доме...» Всегда это его раздражало, если мы приходим, а там еще кто-то есть, и он вынужден общаться с персоналом (нанимательница, 34 года, замужем, двое детей).

Итак, наем домработницы воспроизводит существующее гендерное неравенство и гендерно маркирует домашний труд как «женскую работу» (Gregson, Lowe, 1994: 58), в которую отныне вовлечены две женщины, одна из которых становится собственником и организатором, вторая — исполнителем. Однако необходимость выполнения домашней работы не в полной мере объясняет те правила, по которым строится взаимодействие сторон. По мысли Б. Андерсон, «домработница — это не просто человек, выполняющий определенную работу... она выполняет определенную *семейную роль* (курсив мой. — О.Т.)» (Anderson, 2000: 21). По ее мнению, роль домработницы заключена в подтверждении статуса домохозяйства и женщины-нанимательницы.

Ролевая концепция позволяет расширить диапазон понимания отношений между домашними работницами и нанимательницами, не ограничивая их лишь отношениями занятости. Тем не менее она представляется мне недостаточно эвристичной для исследования российского рынка неформальных услуг по уходу за домом. Данный подход, разработанный на материале исследований женщин-мигранток, проживающих в домах своих работодателей, носит нормативный характер и предполагает, что существуют некие устоявшиеся конвенциональные образцы отношений между оплачиваемыми уборщицами и представительницами среднего класса.

На мой взгляд, более плодотворной является концепция гендерного контракта¹⁵ — в данном случае тот ее аспект, который позволяет

¹⁵ Гендерные контракты регулируют отношения между мужчинами и женщинами на уровне представлений, а также формальных и неформальных правил. Гендерные контракты представляют собой доминирующие в обществе типы гендерных практик и репрезентаций, например предписывают стереотипы женственности/мужественности. В современном обществе гендерные контракты зависят от разделения труда в публичной и приват-

проанализировать повседневные взаимодействия домработниц и их нанимательниц в конкретных ситуациях и те подвижные значения (смысловые миры), которые организуют эти взаимодействия. Гендерный контракт задает правила повседневных взаимодействий женщин, в соответствии с которыми выстраиваются отношения неравенства между ними, происходит разделение домашнего труда, устанавливаются права и обязанности сторон в сфере инструментальной и эмоциональной заботы о доме и членах семьи работодательницы.

Британские исследовательницы Н. Грегсон и М. Лоу анализируют организацию оплачиваемого домашнего труда с учетом нескольких его особенностей. Они принимают во внимание эмоциональную работу по проявлению заботы, связанную с конкретным местом (домом), экономику трудовых отношений по обслуживанию частного пространства и отношения (псевдо)родства (Gregson, Lowe, 1994: 167). Проявляя инструментальную и эмоциональную заботу о домохозяйстве, домработница находится в пространстве пересечения двух миров — публичного (рынка/работы) и частного (дома/семьи). По мысли Андерсон, перемещения между этими двумя пространствами руководит работодатель, воспринимая домработницу то как «члена семьи», когда он руководствуется обычным правом, то как наемную рабочую силу, применяя юридические законы (Anderson, 2000: 5).

На мой взгляд, в отсутствие формальных правил трудового контракта домработница является не менее активным, стратегически действующим индивидом, поэтому, анализируя многомерный порядок взаимодействий оплачиваемых уборщиц и работодателей, я отталкиваюсь от концепции Л. Болтански и Л. Тевено.¹⁶ По их мнению,

ной сфере. В соответствии с гендерным контрактом определяется, в частности, кто и за счет каких ресурсов осуществляет организацию домашнего хозяйства, уход за детьми и престарелыми в семье и за ее пределами (неработающая мать, обеспечиваемая мужем; наемные работники, оплачиваемые из доходов обоих супругов; старшие родственники; государство через систему детских учреждений и социальных пособий, и пр.) (Здравомыслова, Тёмкина, 2003: 16).

¹⁶ Подход был разработан для анализа разрешения спорных ситуаций и формирования понятия «справедливости» в социальных взаимодействиях. Французские исследователи доказывают, что основанием для межличностных взаимодействий является некая конвенция (принцип эквивалентности), которая реализуется в объективированных правилах (Болтански, Тевено, 2000: 68).

повседневное взаимодействие осуществляется в рамках различных миров, каждому из которых соответствует конвенциональный, несовместимый с другими набор правил для оценивания спорных ситуаций. Чтобы достигнуть соглашения, люди используют различные устойчивые референты, ценности, релевантные ситуациям спора. Привнесение ценности, соответствующей одному миру, в другом понимается как смещение ценности (Болтански, Тевено, 2000: 72–74). Я предполагаю, что сложный, многоаспектный характер оплачиваемого домашнего труда допускает совмещение и пересечение логик и правил нескольких миров, а именно — домашнего, рыночного и индустриального (профессионального).¹⁷ Кроме того, наложение миров друг на друга изменяет их, и они начинают строиться на новых основаниях. Например, появление домработницы определенным образом отражается на устройстве домашнего мира, правилах, которые в нем соблюдаются, и на восприятии вещной среды у обеих сторон. В то время как мир рынка будет активно вовлекать эмоции и чувства участников взаимодействия (см.: Hochschild, 1979, 2003).

Применение в данном исследовании идеи множественности миров взаимодействия дает возможность увидеть процесс выработки, «изобретения» правил в ситуации трудоустройства человека в частное домохозяйство в качестве оплачиваемого домашнего работника. Концепция поиска консенсуса при столкновении логики разных миров позволяет продемонстрировать, каким образом и почему на различных этапах взаимодействия домработницы и нанимательни-

¹⁷ В домашнем мире «ценность людей зависит от иерархии доверия, основанной на цепочке личных зависимостей», ценные основные качества — честность и преданность (Болтански, Тевено, 2000: 77). Основными субъектами мира рынка являются покупатели и продавцы, основные качества которых — необремененность какими бы то ни было личными узами и эмоциональная сдержанность. Наконец, ценность индустриального мира основывается на эффективности, производной от профессиональных способностей. Значимыми лицами этого мира являются эффективные и продуктивные профессионалы, между которыми строятся организованные, измеримые, функциональные, стандартизированные отношения (Болтански, Тевено, 2000: 79–80). В данном исследовании я применяю антропологический подход, где под профессией понимается любая деятельность, приносящая доход и требующая особых знаний и способов их передачи, а также навыков, правил поведения (Романов, Ярская-Смирнова, 2005: 13).

цы происходит переформулирование и объединение, казалось бы, несовместимых ценностей (системы референций) и находится компромисс между несколькими мирами и их правилами.

Итак, гендерный контракт выстраивается в разных логиках, в зависимости от «веера» правил, регулирующих отношения заботы, с одной стороны, и отношений найма — с другой. В зависимости от того, какая система правил доминирует в отношениях, формируется один из двух типов гендерного контракта, условно названных здесь «уборщица» и «помощница». В двух последующих параграфах анализируются такие составляющие контракта, как трудовые и статусные отношения, специфика неформальных взаимодействий (квазисемейных отношений), а также концепция «дома». Необходимо отметить, что две указанные модели выделяются аналитически и представляют собой скорее идеальные типы. Эмпирический материал демонстрирует, чаще всего, отсутствие четкой дихотомии, пересечение различных элементов контрактов и их переключение в зависимости от ситуации взаимодействия.

**«Я приходила, выполняла работу,
и сразу со мной рассчитывались»:
контракт «уборщица»**

Наем, реестр работ и оплата труда

Уборщица — это временная или достаточно постоянная домашняя работница, занятая в одном или нескольких (до четырех-пяти) домохозяйств. Как правило, она трудоустраивается на основе достаточно условного *устного* договора с хозяйкой, который включает соглашение о содержании выполняемых работ и оплате труда; иногда после инструктажа работодательница назначает испытательный срок. Обычно история взаимоотношений сторон начинается примерно так, как в следующем случае:

Изначально я дала ей [домработнице]... инструкции, что пол должен мыться так, столько-то раз, каждый раз пылесосить диваны, каждый раз делать это, это, это и это. Такой список. Но я его не написала, я его только сказала (наимательница, 34 года, замужем, двое детей).

Материалы интервью позволяют суммировать реестр работ, артикулируемых работодателями и выполняемых уборщицами (см. табл. 1).

Таблица 1
Виды работ, выполняемых оплачиваемой уборщицей

Основные (постоянные) задания	Второстепенные и сезонные задания	Авральные задания
Уборка квартиры и кухни; мытье посуды, туалета и сантехники; стирка и глажение белья; смена постельного белья; уборка в гардеробе; уборка игрушек за детьми	Генеральная уборка квартиры; мытье и оклеивание окон; покунка продуктов; приготовление еды, уборка до или после праздников (Нового года и пр.)	Уборка до или послезастолья, вечеринок; небольшая помощь в ремонтных работах и т. д.

График работы определяется достаточно жестко: от ежедневных до еженедельных уборок, в зависимости от потребностей работодателей. В интервью информантки упоминают о двух типах оплаты труда: повременной (приоритетной для домработниц) и сдельной (приоритетной для работодателей). Второй тип оплаты наиболее распространен, так как он исключает возможность манипулирования хозяевами со стороны уборщицы. Дополнительные виды работ, не входящие в первоначальный договор, например экстренные вызовы, оплачиваются отдельно. Возможность увеличения оплаты зависит от предварительной договоренности, от роста доходов работодателя и т. д. В настоящее время институционализация рынка домашних работников стабилизирует оплату их труда, становится ориентиром ценообразования и на неформальном рынке. В середине 1990-х домработницы и их работодатели самостоятельно определяли не только номенклатуру домашних дел, но и их стоимость. Поиск экономического эквивалента работы по уборке дома иллюстрирует характерный разговор, в котором участвуют обе стороны:

Интервьюер: *А откуда взялась эта сумма — 500 рублей¹⁸ [оплата за одну уборку]?*

¹⁸ Размер оплаты указан на момент проведения интервью (2005 год).

Домработница: Ну, примерно мы знаем, сколько уборка влажная, сколько пыль [стоит]... Я еще сама предложила, что посуду помою, говорю: «Ребята, вы там бросьте все, я все помою!»

И.: А откуда вы знаете? Из газет?

Работодательница: Изначальную сумму назвала Ольга [соседка] нам. Она сказала, что однокомнатная — столько-то, двухкомнатная — столько-то, трехкомнатная — столько-то. Вот как-то мы из этого исходили...

И.: А она откуда знает?

Р.: Ольга наша... а она все знает. Откуда она знает, я не знаю.

Д.: И когда я прочитала на самом деле газету, я посмотрела: «Нет, — я думаю, — лучше я буду меньше [просить]...» И вообще, такие цены, просто неудобно даже, знаешь (Елена, 50 лет, домработница).

При возникновении конфликтов по поводу оплаты труда работодателя и уборщицы балансируют между личными обязательствами — «неудобно брать со своих знакомых много денег» и апелляцией к рыночной стоимости услуг. Учитывая последнее обстоятельство, диапазон вознаграждений достаточно мал: от 500 до 700 рублей за одну уборку; от 60 до 100 рублей в час.¹⁹ Разброс цен зависит от объема и сложности выполняемых работ, площади помещения, колебаний рынка и т. д. Кроме того, усреднение цен за домашнюю работу обусловлено сетевым устройством неформального рынка домашних работников, когда обе стороны осведомлены об оплате аналогичных услуг в других домах. Первоначальный договор о социальном пакете уборщицы (выходные, оплата отпуска и «больничных») в дальнейшем, как правило, корректируется в зависимости от жизненных ситуаций сторон.

**«Я должна делать все, как дома»:
стратегии профессионализации домашней уборки**

Приступая к работе, уборщицы оказываются в ситуации, которую можно охарактеризовать как дефицит правил взаимодействия. Работодательницы, не имевшие прежде опыта найма обслуживающего персонала, нередко опускают стадию устного договора с уборщицей, ожидая, что работа будет выполняться квалифицированно по умолчанию: «Сначала я ничего не говорила... я надеялась, что она сама понимает,

¹⁹ Данные по Санкт-Петербургу на конец 2006 — начало 2007 г.

что такое порядок». Если на официальном рынке услуг по уходу за домом сотрудники агентств берут на себя обязанность алгоритмизации домашнего труда, понимая его как универсальный процесс, то в случае неформальных отношений апелляция к общим представлениям о способах уборки оказывается проигрышной. Обе стороны признают, что любое приватное пространство имеет свои специфические черты, а работа по дому — это не безличное производство, допускающее жесткое фордистское расчленение на задачи, систематизацию и регламентацию операций. Оказывается, что уборка предполагает выполнение множества нерелексируемых, рутинных, повторяемых действий, которые связаны с правилами, принятыми в конкретном домохозяйстве. Профессионализация домработницы предполагает несколько вариантов их освоения.

Во-первых, для того чтобы увязать собственные навыки ведения домашнего хозяйства с пространством нового дома и его вещной средой, уборщица пытается сделать дом «своим», обжить его, приручить. В ситуации дефицита правил формула «делаю все, как дома (или сверх того)» — результат интуитивного поиска критерия правильного выполнения договора, условия которого еще не сформулированы, «когда не знаешь, как надо». Следующие отрывки из интервью с домработницей и работодательницей демонстрируют, что уборщицы вынуждены самостоятельно осваивать правила обслуживания чужого дома, моделируя их на основе практических навыков уборки собственных квартир:

[Ничего не объясняли,] я все сама увидела. Я начала как дома у себя, вот как дома. Пришла, ну, главное, чтоб она [хозяйка] мне показала, куда всю посуду убирать... Ничего мы не обсуждали. Я пришла, посмотрела и как дома у себя начала убираться (Елена, 50 лет, домработница).

Она [домработница] все сама делала больше, чем я могла бы дать заданий, придумать. Каждый раз она мыла люстру, что вообще я не знала, что нужно делать. Или какие-то такие фантастические вещи, какие-то флакончики из-под духов... каждый... [протирала]. Ну, что-то безумное совершенно (нанимательница, 34 года, замужем, двое детей).

Проблема несовпадения навыков уборки нередко решается на невербальном уровне, когда нанимательница просто сама убирает там,

где не доглядела уборщица, словно придерживаясь негласного правила: «Каждый убирает, как привык, и хорошо можешь убрать только сама». Между тем сценарий, когда одну хозяйку просто заменяет другая, оплачиваемая, не всегда реализуем. В следующем отрывке из интервью рассказывается о неудавшейся попытке одной из домработниц применить свои навыки домашней работы в обслуживаемом жилище:

...у Светы [работодательницы] были недовольства. ...У них в прихожей диванчик стоял, и она говорит, что надо выбить диван. Их предвещающая домработница... выбивала пыль из этого дивана, то есть выполняла еще такие работы, которые я, например, не делаю не потому, что я не хотела, а просто я даже о них и понятия не имела. То есть если... понимаете, я делаю то, что обычно я делаю дома. ...Я просто сказала: «Вы знаете, я просто никогда этого не делала и не знала, что это надо делать, но если Вы хотите, чтоб я это сделала, я — не против. Только Вы просто мне скажите...» ...То есть я думаю, что если бы заранее это было все оговорено, какие услуги она от меня требует и что она хочет, чтобы я выполняла, тогда бы, может быть, этого конфликта и не было (Лена, 40 лет, домработница).

Интересно, что, оправдываясь, женщина апеллирует к правилам уборки, принятым в ее собственном доме, а не к, казалось бы, ожидаемым качествам специалиста. Для хозяйки же домашние дела — столь рутинизированная, фоновая практика, что поначалу она затрудняется артикулировать все нюансы процесса уборки. Практика ухода за домом связана с новой технической оснащенностью квартиры и основана на представлениях самой женщины о чистоте, ее умениях, навыках, в частности «унаследованных» от родительской семьи.

Итак, второй способ профессионализации труда уборщицы предполагает подстраивание ее представлений о домашней работе и чистоте под требования заказчицы, основанные на ценностях индустриального мира: производительности и эффективности труда. Напимательница актуализирует свой властный ресурс, демонстрируя некоторые особенности уборки или проводя подробный инструктаж. Важные личностные качества, ожидаемые в данном случае от домработницы, помимо порядочности и честности, — это наблюдательность и сговорчивость.

Прежде всего уборщица должна усвоить новые представления о чистоте и порядке. Как заметила одна из работодательниц, «надо,

чтобы мое “чистое” совпадало с их “чистым”, т. е. с канонами чистоты, принятыми в убираемом жилище. Период «обучения» чистой уборке становится наиболее напряженным, в том числе и эмоционально. Об этом свидетельствуют и уборщицы, и хозяйки:

Вот если она [домработница] считает, что что-то должно стоять, вот хоть убей, вот как ее не проси, это будет стоять, ну и т. д. Последняя заклевала (нанимательница, 31 год, не замужем, дочь 4 года).

Когда квартира чистая, вот сама по себе, то ты иногда не замечаешь грязи. А грязь, она может быть просто под тумбочкой, в углу осталась пыль, которую, может быть, не заметила, когда пылесосила, или просто я ее не увидела. А когда хозяйка приходит, она, может, замечает, что там что-то не то. И потом она начала, как бы: «Леночка, вот там вот, как бы, так, вон там вот не убрали или еще не убрали там где-то». Я ей смиренно говорю: «Хорошо, я буду внимательней, хорошо, я буду внимательней» (Лена, 40 лет, домработница).

Приведенные цитаты, отражающие позиции обеих сторон, демонстрируют, насколько трудоемок процесс изменения воплощенных (embodied) представлений женщин о чистоте жилища, имплицитных ощущений и практик, связанных с ней. Следовательно, процесс научения «правильному» пониманию чистоты — самый сложный и не всегда успешный этап профессионализации уборщицы, нередко заканчивающийся ее увольнением.

Вторым компонентом профессионализации уборки является освоение дорогостоящей и поначалу сложной в обращении бытовой техники и незнакомых марок бытовой химии. Для хозяек отсутствие технической подготовки персонала оборачивается серьезными временными и материальными издержками. Например, одна из них пожаловалась:

Мне испортили пылесос! Уборщица. Мне испортили вытяжку, потому что чем-то не тем помыли. У меня очень всего много... Пылесос... фильтр испортили, не так помыли. Вместе с фильтром. Я купила новый за двести долларов, мне его испортили. Ну вот, непредсказуемо... (нанимательница, 30 лет, замужем, дочь 7 лет).

Непредсказуемость, о которой говорит рассказчица, — слабая сторона неформального договора, когда риски сторон почти ничем не застрахованы. Пытаясь нанять подготовленных работников, работо-

дательницы вновь и вновь сталкиваются с подобными ситуациями, которые объясняются классовыми различиями.²⁰ Уборщицы испытывают страх при обращении с незнакомой техникой. Зачастую эта проблема решается методом проб и ошибок, пример тому можно увидеть в следующем отрывке из интервью:

У меня был случай из-за стиральной машинки «Bosch»... Пошла вода вот прямо на меня, по косточки было. ...Оказывается там вода была, и вот этот люк открылся... Представьте состояние — это же эмоциональное, физическое, это ужасно... Ну, а так, конечно, я считаю, что надо следить там, если ты кушать готовишь, ну, за утюгом... Печка вот, чтобы не подгорело. Это хорошо, во всяких там «Tefal» сковородки, но все равно, надо следить все время, помнить, что ты делаешь (Оксана, 40 лет, домработница).

Другая домработница рассказывает о том, как банальная процедура глажения белья потребовала от нее определенных усилий по «ликвидации технической неграмотности»:

Тем более я приобретала такой опыт, вот просто я говорю, это сейчас я поражаюсь. Во-первых, я никогда не знала, что белье гладится по-разному. Наше советское белье, оно не имело тогда бирочки, где обозначена температура глажения утюгом. На импортной одежде везде стоит эта метка. То есть, одна точка, две точки и три точки. И на импортных утюгах стоят точно такие же три точки. Вы выставляете уровень нагревания утюга и белье гладите только той температурой, которой надо (Лена, 40 лет, домработница).

²⁰ В интервью с работодательницами отражены некоторые практики воспроизводства классовой дистанции. Например, хозяйки сами закупают привычный набор продуктов, дабы не есть дешевые, выбранные домработницами. Нередки случаи, когда работодательницы отдают уборщицам, как «бедным», попошенные старые вещи. В одном из интервью встречается эпизод, рассказывающий о том, что хозяева по договоренности оставляли для работницы пустые пивные бутылки. Принимая статус подчиненных, некоторые домработницы намеренно придерживаются в одежде стиля *униформы*. Вместе с тем, используя такой способ самопрезентации, уборщица позиционирует себя как самостоятельного профессионала, отделяя себя от семьи работодателей.

Лена и Оксана, авторы приведенных выше высказываний, стремятся не просто повысить свой профессиональный уровень, но и освоить новые потребительские практики, свойственные среднему классу. С удовольствием перечисляя современные фирменные марки бытовой техники и посуды, с которыми они работают, уборщицы словно приобщаются к «хорошей жизни», новым, лучшим бытовым условиям, не характерным для их собственной среды. *«Хороший пылесос, у меня такого дома нет»*, — с сожалением заметила одна из них.

Приведенные высказывания отражают процессы формирования не только потребительских классов, но и «нового обслуживающего класса» в российском контексте и соответствующих культурных различий в практиках заботы о доме, представлениях об устройстве жилища, роскоши, комфорте, удобстве, о статусе оплачиваемых наемных работников в семье. Именно эти различия представлены в нарративах, противопоставляющих старое/отживающее/советское убранство квартир и новый/постсоветский/дорогой «евростиль». Для иллюстрации данного тезиса рассмотрим пример несостоявшихся личных и трудовых отношений. Позволю себе привести довольно длинный, но очень выразительный отрывок из интервью с домработницей, который, на мой взгляд, демонстрирует сложности переключения дискурсов и моделей «нового» и «старого» быта:

Мне надо было научиться пользоваться пылесосом, как его включать, как насадки одевать. ...Такого пылесоса я тоже не видела, его дома у меня не было, и родители им не пользовались... Я всегда белье гладила обыкновенным нашим советским утюгом... И поэтому когда мне сказали, что я буду гладить, мне дали этот импортный утюг. ...Конечно, у нас дома не было такого утюга. Я первый раз его видела. Я видела в рекламе по телевидению. Конечно, я видела такие утюги, но пользоваться ими я никогда не пользовалась... Там швабры были другие, не наша советская швабра с тряпкой, а там уже были вот такие швабры с мочалкой, где они сами отжимаются. И Вы знаете, еще надо было мне учиться этим всем пользоваться. И притом сделать вид, что как будто я этим пользовалась все время. И когда она [хозяйка] мне показывала весь инвентарь, она говорит: «Ну, вот у меня вот это ведро, вот эта швабра, вот это вот здесь вся химия». А ведь опять же я же дома у себя химией не пользовалась никакой, кроме порошка или, там, какого-нибудь «Пемлокса». И когда я приходила к жене директора, наш директор тоже

совершенно **простой человек**, без всяких там прибабасов, поэтому мне тоже у него было очень легко, все знакомое было. Это аналогично, чтобы я убирала в своей квартире... Тут я попала как раз в ситуацию, когда мне надо было учиться убирать такими вещами, которые только-только входили... Помните сериал мексиканский? Ну, вот я из нашей... **совдена** попала вдруг в этот сериал, в эту квартиру, которую постоянно смотрела по телевизору... То есть обстановка была совершенно чужая. Я не знала, где стоять, я не знала, как двигаться, потому что в нишах были шкафы, где надо было вешать на вешалку пальто, а не как у нас на вешалку просто надо... Ну, вот представьте, я, **обыкновенная советская женщина**, живу в коммуналке, в малюханькой комнатке, и я попадаю в квартиру, где в прихожей отдельный туалет, отделанный кафелем... И притом джакузи... Если у нас ванна, в нее, по крайней мере, можно как-то подойти и наклониться в ванну, то там ванна, она прямо две ступенечки низенькие, и сразу ванна идет, почти даже в пол, я не понимаю, как они там это делают... Вы знаете, я смотрела на эту ванну и думаю: «Боже, как ее мыть-то?» ...И вот это все привело меня просто в ужас! И ужас не оттого, что красивая была квартира, приятно было в ней работать, а оттого, что я не знала, как это делать **чисто практически**... То есть вот я могу наши **советские квартиры** убирать, я могу нашу **советскую сантехнику**, потому что она мне ближе, она мне роднее, я ее знаю (Лена, 40 лет, домработница).

В своем рассказе Лена сравнивает две квартиры: «простую», «обыкновенную», «советскую», но «нашу», «родную», «привычную» и красивую, загранично-киношную, но «чужую», пугающую «бывшего» советского человека своей роскошью. Примечательно, что в первую она попала через знакомых, во вторую — воспользовавшись услугами агентства. Скрупулезно описывая убранство «дорогой» квартиры, она словно разбирает ее на части, пытаясь показать морфологию чужого быта, в который ей не удастся вписаться (Лена быстро уволилась с этой работы). Убирая «чужую» квартиру, домработница ощущает себя прислугой, остро ощущает «классовую дистанцию», в то время как в «своем» доме, со «своими» людьми — скорее помощницей. Данный пример еще раз демонстрирует, что неформальный рынок наемного домашнего труда успешно развивается на основе личных отношений оплачиваемых работников и работодателей, на их общих представлениях об организации быта и практиках потребления.

Стороны находятся в постоянном поиске правил иерархического взаимодействия, в равной степени избегая и отношений эксплуатации, и слабо формализованных вне рыночных связей. У информантов вызывает опасение закрепление социального неравенства в отношениях зависимого, незащищенного работника, с одной стороны, и властного, доминирующего работодателя — с другой. Особенно ярко сопротивление институционализации классовых отношений отражено в рассказах о детях работодателей. Если наниматели сами работают над созданием правил взаимодействия с наемными работницами, то их дети, социализируясь в их окружении, воспринимают эти правила нерезко и привыкают к положению «хозяев». Следующая цитата из интервью показывает, какую внутреннюю эмоциональную работу ведет уборщица, пытаясь объяснить и оправдать амбивалентность своего статуса и вписаться в сложившуюся ситуацию:

...иногда бывает чисто психологическое такое состояние, когда ты понимаешь, что ты приходишь, а ребенок, для которого нормально, что приходит домработница, и домработница для него — никто. Она [маленькая дочка хозяев] может тыкать, она может тут же что-то бросать, она может еще чего-то делать... У них внизу белье было постельное сложено. Она могла туда залезть с ногами. Я не могла ей сделать замечание. То есть я выполняла только свою работу (Лена, 40 лет, домработница).

Лена чувствует себя «своей», постоянной оплачиваемой работницей, вхожей в семью и имеющей свой круг прав и обязанностей, и одновременно «чужой», дискриминируемой, отчужденной. В связи с этим «чувство дома» по отношению к обслуживаемому жилищу оказывается наиболее значимым критерием профессиональной успешности, удовлетворенности работой. На вопрос о том, что ей больше всего нравится в ее деле, одна из домработниц ответила:

Потому что как будто бы дома нахожусь, понимаешь?! Я не знаю даже, как объяснить... Ну, как дома! Хожу и хожу, все по плану у меня. Все по плану, что делать... (Елена, 50 лет, домработница).

Итак, домработницы в процессе профессионализации корректируют индивидуальные навыки уборки, постепенно овладевая новыми в соответствии с требованиями другого домохозяйства. Отно-

шения подчинения, связанные с освоением нового пространства и вещной среды, воспринимаются сторонами как необходимая кратковременная издержка начальной коммуникации. Каким же образом в дальнейшем выстраиваются трудовые отношения в домашнем пространстве?

**Работая дома:
метаморфозы восприятия домашнего пространства
и трудовых отношений**

Любая работодательница, нанимая уборщицу, стремится к тому, чтобы та стала постоянной, ибо частая смена персонала требует временных, эмоциональных и материальных издержек. В результате переговоров сторон, поиска компромиссов, постоянного регулирования уровня близости наступает ожидаемая стадия отношений — их опривычивание, определенная формализация. На этом этапе и уборщица, и работодательница чаще всего стремятся нивелировать свои контакты до деловых, намеренно дистанцируясь друг от друга, избегая вне-рабочих связей приятельства, дружбы и пр. Вот каким образом одна из информанток описывает идеальную домработницу:

Мне нужна просто чистая квартира, желательно, когда она становится чистой, меня нет дома. Я прихожу, плачу деньги, и мы расстаемся (нанимательница, 42 года, замужем, дочь 9 лет).

Покидая квартиру/комнату на время работы уборщицы, хозяева, таким образом, «изымают» семейные отношения из домашнего пространства, временно обезличивая его. Хозяйки платят за то, чтобы уборка оставалась «черным ящиком», а домашняя работа не проблематизировалась и «вымарывалась» из повседневности. В интервью работодательницы говорят об этом так:

Я никогда в это не вмешиваюсь, знаешь, там, «вот возьмите эту тряпку, переставьте сюда ведро». Мне плевать, как она [домработница] это делает, главное, чтобы это было все быстро... Раньше, когда у меня была Вера, с которой мы были взаимно счастливы, просто у нее были ключи от квартиры, мы могли с ней не встречаться... платил ей кто-нибудь, там кто приходил, кто первый (нанимательница, 42 года, замужем, дочь 9 лет).

Она [домработница] справляется где-то за три часа, даже меньше, то есть, если меня нет дома, через три часа уже ее точно здесь нет (нанимательница, 39 лет, замужем, трое детей).

Приведенные цитаты демонстрируют, что роль уборщицы предполагает минимальное влияние на стиль жизни и домашний режим семьи. Приоритет индустриального мира для обеих сторон превращает жилое пространство квартиры в площадку для работы и редуцирует коммуникацию до формальных процедур передачи ключей, выполнения работ, контроля исполнения и получения вознаграждения.

Мы договорились [с хозяйкой]... у нас был такой уговор, что она мне квартиру оставляла. То есть она не находилась в тот момент в квартире. И тем более, мы выбирали такой день, когда она ребенка отвозила к маме, и вот это время, пока она отвозит и приезжает... было для моей уборки, чтобы мне никто не мешал и никто меня не стеснял (Лена, 40 лет, домработница).

Минимизацию вне рабочего общения хозяйки рассматривают с точки зрения экономической рациональности. Уборщица нанимается ими с целью «купить», выиграть время, которое нерентабельно было бы тратить на отвлеченные беседы:

Это [вне рабочие разговоры] пожирает мое время... Даже если домработница пытается... чем-то там поделиться... я пытаюсь ограничить время, потому что это можно без конца сидеть на кухне, пить чай, трендеть там о своем, о проблемах (нанимательница, 34 года, замужем, двое детей).

Мне не очень, допустим, интересны... какие-нибудь ее рассказы, поскольку я понимаю, что она скучает, ну, я выслушиваю, там, про ее внука чего-нибудь такое. Конечно, мне это не очень интересно, но поддерживаю просто из вежливости... (нанимательница, 39 лет, замужем, трое детей).

Уборщице также экономически выгодно поддерживать с работодателями деловые отношения,²¹ не переходя в «пространство семьи», особенно если она занята в нескольких домохозяйствах:

²¹ Некоторые домработницы, рассказывая о своих работодателях, активно употребляют термин «клиент».

*Без перерыва, без сиденья, чаев. Я ей сразу сказала: «Я прихожу сюда не чай пить, спасибо, а **работать**». В моих интересах и в ее же интересах, чтобы я все время не болталась у нее... Ну, мы очень хорошо так с ней. Но я особо не вникаю в их проблемы и вообще... Я же сразу сказала, как пришла: «**Нет, я прихожу на работу!** Я дома позавтракала, если я победаю, то какая у меня будет работа?! А вдруг мне спать захочется?» (Елена, 50 лет, домработница).*

Мы очень часто с хозяйкой разговаривали ну вот на такие темы, как подружки, можно даже сказать. Но все равно я старалась держать дистанцию. Но если бы я была с ней в кафе где-то, возможно, я бы себе что-то позволила. А у нее дома я, в общем, работник (Вера, 46 лет, домработница).

Упомянутая выше Н. Констебль, со ссылкой на свою коллегу Джудит Роллинз, рассматривает стремление нанимательницы к близкому общению с прислужгой, попытки поведать ей свои секреты и выведать ее собственные как один из индикаторов классовой дистанции, когда наемная работница воспринимается как «чужая» (Constable, 2002: 137–138). Пытаясь избежать подобной навязанной «близости», домработницы противостоят «эмоциональной эксплуатации», позиционируют себя как исключительно экономических субъектов, самостоятельно избирающих концепцию рабочих отношений.²² Уборщицы, с которыми нам удалось побеседовать, активно сопротивляются превращению их личных чувств в товар (commoditization of feelings), когда «эмоции покупаются как одна из составляющих рабочей силы» (Hochschild, 1979: 569). В следующем отрывке домработница четко разграничивает неприемлемые практики вовлечения эмоций в работу и собственный опыт выпеснения личных чувств за рамки трудовых отношений. Вероятно, в хозяйском доме она не хочет «торговать» эмоциями, предназначенными ее близким:

Здесь, возможно, еще знаете, в зависимости от того, как ты войдешь в семью. Я думаю, что та домработница [предыдущая], она была пожилой женщиной, и у нее не было семьи, она была одинока, и поэтому эта семья, она для нее была даже больше, как

²² Определяя уборку как работу, домработницы повышают ее символическую значимость, тем самым пытаются компенсировать статус «рутинной», «бесконечной», «неблагодарной» неоплачиваемой домашней работы.

семья, и она там была, как член семьи. И поэтому, конечно, она дома находилась, как дома... Потому что это доставляет ей удовольствие. А я зарабатывала деньги, и поэтому я приходила сюда, как на работу, и четко выполняла ту работу, о которой мы договаривались (Лена, 40 лет, домработница).

В свою очередь, переход от гибких неформализованных отношений личного доверия к рационализированным, экономическим предоставляет работодательнице возможность использовать более жесткие рычаги контроля за работой уборщицы. В том случае, если стороны, не договорившись, используют системы референций, относящихся к разным мирам, возникает конфликт. Об одном из таких случаев, связанных с расхождениями в ожиданиях прислуги и нанимательницы, рассказала одна из хозяек:

Бывали ситуации, когда я, договорившись о том, что я приду и квартира будет убрана, приходила и обнаруживала, например, половину убранной квартиры или, там, что-нибудь не сделано. И мне домработница говорила: «...Ой, у Вас так много работы, я не успела». Я говорю: «А я соответственно не успеваю Вам заплатить. И вот, плачу Вам часть...» А она выскочила с воплем, страшно хлопнула дверью, еще была знакомой, умный человек опять же (нанимательница, 42 года, замужем, дочь 9 лет).

В данном эпизоде уборщица строит свою систему оправдания, исходя из личных отношений с нанимательницей, которая, в свою очередь, обращается к экономической составляющей контракта, не найдя других ресурсов для контроля качества уборки. Показательно, что уборщица позиционируется и как знакомая (и тогда ее поведение расценивается как злоупотребление личным доверием), и как работница (нерадиво нарушившая неформальный трудовой договор). И хотя работодательница выбирает рыночный механизм для разрешения проблемной ситуации, в системах референций, которые при этом используют обе стороны, достаточно сложно дифференцировать рыночные или внерыночные основания, они прочно взаимосвязаны. Вместе с тем увольнение — вовсе не единственный способ разрешения подобных конфликтов. Нередко работодательницы в надежде сохранить работницу прибегают к беседам и разъяснениям на уровне родственных разговоров. Отчасти такой выбор объясняется острым дефици-

том на рынке домашних работников, ограниченными ресурсами сетей нанимателей и высокой степенью текучести домашней рабочей силы.

Итак, с одной стороны, развиваясь, отношения с постоянной уборщицей становятся более анонимными, рутинными, инструментальными, деловыми. С другой стороны, их диалектика такова, что при определенных обстоятельствах рыночные механизмы сменяются принципами моральной экономики: доверительностью, немонетарностью, реципрокностью, актуальными для обеих сторон. Для домработниц этот этап в развитии отношений особенно ценен, ибо речь идет об их социальном признании, когда уже достаточно сложно разделить оценку их профессиональных и личностных качеств:

...доверие было и с их [работодателей] стороны, и с моей, потому что они мне сразу не смогли заплатить, ну, какой-то момент у них был, что я... и, в общем, она [работодательница] мне позвонила через определенный момент, я пришла без всяких... (Вера, 46 лет, домработница).

Они [работодатели] и так меня уважают, и я их уважаю тоже, им никогда не отказываю (Алла, 40 лет, домработница).

Ценность уважения и доверия, о которых идет речь в приведенных отрывках, состоит в том, что они приобретены в процессе взаимодействия с нанимателями, в буквальном смысле заработаны, в отличие от кредита доверия, полученного по умолчанию при трудоустройстве. Приобретенный капитал — символическое признание профессионализма домработниц. Наниматели, со своей стороны, начинают предоставлять больше социальных гарантий работницам в качестве дивидендов. Работодательницы описывают случаи поддержки уборщиц, оказавшихся в сложных жизненных ситуациях, с помощью категории «войти в положение», тем самым позиционируя работника как человека, которого можно понять и которому нужно помочь. В таких случаях речь идет о помощницах, с которыми хозяйки делят семейный домашний труд, а не безличных домашних работников. Так индустриальный мир строится в соответствии с референциями мира домашнего. Пожалуй, именно в сюжетах, повествующих о помощи домработницам, работодатели впервые фигурируют как семья, во множественном числе:

У нее [домработницы] было очень тяжелое финансовое положение, у нее заболел муж, она была единственным кормильцем в семье, и я ей

сказала, что я ей просто *одолжу какую-то сумму*... Это не оплата летнего отпуска, я просто дам в долг... Вот эта дама, которая психолог [бывшая домработница информанки], она звонила уже, когда она пыталась вернуться, у нее заболел папа раком. И мы ей нашли... она просила организовать специалистов, и мы занимались поисками... (нанимательница, 34 года, замужем, двое детей).

Ну... на операцию мы, вот, мужу собирали деньги, и они [работодатели]... мне в долг давали, и я их потом отработывала. ...Они сами говорили: «Вика, вот, тебе нужно будет... всегда обращайся...», то есть они даже, как бы, так, безвозмездно давали, я говорю: «Нет, я отработаю» (Вика, 40 лет, домработница).

Помимо непосредственной материальной поддержки (деньгами, вещами), наиболее значимой и ценной для постоянных уборщиц становится помощь с привлечением социального капитала работодателей, дефицит которого испытывают работницы (например, предоставление возможности подработать у друзей). Концепция взаимовыручки, инкорпорированная в систему трудовых отношений уборщицы и работодательницы, исключает четкую контрастность двух типов гендерных контрактов, которые я выделяю. Тем не менее представление о наемном домашнем труде преимущественно как о помощи формируется скорее во втором типе взаимоотношений, именуемых в данном случае контрактом «помощница».

«Мы просто стали друзьями»: контракт «помощница»

Варианты трудоустройства

Данный вариант контракта основывается на практиках взаимопомощи оплачиваемой домашней работницы и работодательницы, которые нередко сформировались задолго до трудоустройства. В некоторых случаях этот контракт возникает как продолжение дружеской/соседской поддержки, временная «халтура» у «своих». «Меня просто попросила женщина, подружка моя, я не смогла отказать»; «Мне проще помочь человеку просто так»; «даже просто по-соседски помочь могла, когда меня просили», — именно так обычно начинают помощницы рассказ о начале своей карьеры домработницы.

В нашем массиве интервью встретилось лишь два случая, наиболее ярко иллюстрирующих тип «помощницы»: пример домработницы-мигрантки, проживающей совместно со своим работодателем, и пример владелицы загородного дома, имеющей штат помощников. Тем не менее я буду обращаться и к другим рассказам, которые содержат элементы рассматриваемого контракта.

Для приглашения помощницы необходимо не просто наличие у нее умений и навыков домашней работы и (опосредованное) знакомство с работодательницей, но доверительные отношения, которые возможны в случае трудоустройства, например, знакомой, подруги или коллеги. В ситуации совместного проживания проверку проходит именно способность работницы сосуществовать в одном доме с нанимательницей, играть роль близкого человека. Ситуация найма, описанная в следующем отрывке, включает в себя не столько тестирование профессиональных навыков уборщицы, сколько «апробацию» психологической совместимости и взаимной симпатии сторон. Умение обращаться с дорогостоящим моющим пылесосом, конечно, важно, но гораздо важнее — способность помощницы найти общий язык с хозяйкой дома.

Происходило как? ...Человек рассказывает вообще, что он умеет, как он умеет. Потом мы договариваемся об испытательном сроке — месяц. Ну, я этот месяц стараюсь вот, как бы, провести как можно больше дома, чтобы, ну, при... присмотреться к человеку. И... чтоб приноровились мы друг к другу. Ну, как правило, в общем-то... все складывалось... (нанимательница, 40 лет, замужем, детей нет).

От помощницы ожидается не только инструментальная, но и эмоциональная забота о домочадцах, создание комфортных условий для их жизни. Та же информантка перечисляет виды работ, которые выполняет ее помощница:

Один человек пять дней в неделю приходит, убирает. ...Следит за домом, за мной, за вещами. ...Иногда я могу попросить, чтобы она там что-нибудь там сготовила... (нанимательница, 40 лет, замужем, детей нет).

Контракт «помощница» предполагает широкий диапазон поручений, включая работу уборщицы, кухарки, портнихи, экономки, домоправительницы, няни и т. д. Более того, распространены случаи, когда

работница, достаточно длительное время выполнявшая функции няни²³ и хорошо освоившая вещную среду и пространство дома, становится еще и уборщицей. Это позволяет работодателям не просто минимизировать временные издержки на поиск домработницы и ее обучение, но главное — избежать риска найма незнакомого, непроверенного человека. Вот как рассказывает об этом одна из мам маленького сына:

[В домработнице] совсем нет необходимости. Чужой человек в доме, который будет тебе мешаться просто? Лучше платить няне, чтобы она сделала уборку в то время, пока он спит. Ребенок спит четыре часа. Что ей делать эти четыре часа? Просто читать книжки, когда за это время можно деньги заработать? (нанимательница, 29 лет, замужем, сын 2 года).

В данном случае договор «помощница» выгоден обеим сторонам: няня получает возможность дополнительного заработка, нанимательница без усилий находит квалифицированного работника, особенно ценного в условиях дефицита на рынке услуг по уходу за домом. Отношения взаимного доверия и эмоциональной близости позволяют нанимательницам рассчитывать на то, что няня «войдет в положение» семьи, с ней всегда можно будет договориться:

Поскольку няня у нас такая... универсальная, она не только сидит с ребенком, но она и убирается, то есть когда я поняла, что она не может сидеть вот так вот без дела, что она обязательно все перемоеет, я ей предложила, что я буду ей платить больше в час, вот это будет, как бы, еще за то, что она убирается (нанимательница, 24 года, замужем, дочь 1 год 8 мес.).

У нас есть коварный план — когда лето закончится и Катя [дочь] пойдет в садик, опять же, нам очень не хочется терять эту няню, поскольку она хорошая и нам нравится, она нас устраивает. Мы пытаемся с ней договориться... Чтобы... до пяти часов вечера ребенок был в садике, а где-то часов в пять-шесть няня будет ее забирать. То есть она будет получать где-то за четыре часа работы няней... мы договоримся как-то с ней, за уборку, за глажку, за стирку, за приго-

²³ Подробно о работе оплачиваемых нянь см. статью Е. Здравомысловой в данном сборнике.

товление еды тоже, детские вещи какие-то. То есть именно компенсировать ей недостаток вот этих часов няней, часами домработницы (нанимательница, 30 лет, замужем, дочь 4 года).

Дефицит помощниц и домоправительниц на рынке гораздо более ощутим, чем нехватка уборщиц. Во многом эта ситуация связана с тем, что требования к моральной репутации помощниц, почти круглосуточно находящихся в доме своих нанимателей и наблюдающих их повседневно, чрезвычайно высоки, и немногие готовы пойти на подобную работу. От работниц ожидаются такие качества, как «профессиональный универсализм», отсутствие зависти («чтобы человек не считал деньги в моем кармане»), классовая терпимость, лояльность семье и готовность хранить семейные тайны, не демонстрировать окружающим свою осведомленность о жизни дома. Требования, предъявляемые домашней работнице, соответствуют представлениям о доме и работе, которых придерживаются наши информантки.

Дом—семья—работа: пересекающиеся миры

Если для уборщицы хозяйский дом — это зачастую лишь чужая квартира, которую нужно убрать, то в случае помощницы он включает не только вещную среду, но и пространство близких, квазисемейных отношений. Ценности домашнего мира образуют систему референций для объяснения отношений работодателя и помощницы, которые сложно назвать лишь деловыми. Семантика родства наиболее востребована информантками для описания трудовых отношений:

Я у них жила 97—98-й год... вот так, знаете, семья... А он, мужчина, тогда он вообще был на службе, при власти, можно сказать. Вообще очень занят был, поэтому я жила, двухкомнатная квартира, комнаты раздельные, ничего... Мы просто стали друзьями, чуть ли ни родственниками, я просто не могла... взять с него деньги. Тем более подарки мне дарил, как раз у меня юбилей был, очень дорогой парфюм, там, набор, все... Во-первых, я уже с ними кушала, ужинала постоянно... Ну, в общем, перешли вот в такие дружеские, такие родственные отношения... и в принципе, я в начале-то шла не за деньги, а чисто вот помочь по-дружески (Оксана, 40 лет, домработница).

Ну, у нас получается вот практически уже какие-то или — скажем так — пусть не дружеские, но хорошие приятельские отношения. Или же... ну прямо вот как с Наташей [домработницей] сложились почти родственные. То есть она, конечно... для меня стала человеком, который... ну, со мной пуд соли съел (нанимательница, 40 лет, замужем, детей нет).

Информантки демонстрируют, что за их трудовыми отношениями с хозяевами дома стоит личная вовлеченность. Помощь — это гораздо больше, чем уборка. Зачастую домработница становится компаньонкой или подругой, которая сопровождает хозяйку в ее повседневных делах и развлечениях, разделяя с ней личные, интимные проблемы и переживания. Еще один признак данного контракта — отсутствие жесткого графика работы или ситуативный, скользящий график, включающий приходы помощницы «по требованию». В рамках таких отношений домработница как бы «привязана» к дому, включена в его жизнь, подчинена его расписанию. Известны случаи, когда переезд семьи в другую квартиру сопровождался «переездом» домработницы, наличие которой мыслится работодателями как часть концепции дома и семьи. Ожидается, что помощница не останется незаметной, как уборщица, и даже не просто «впишется в атмосферу дома», не оказывая заметного влияния на установившиеся порядки, а, напротив, будет до определенной степени участвовать в организации приватного пространства как член семьи. Например, в одном из интервью рассказывается о том, как уборщица помогала хозяйке подготовить квартиру к рождению ребенка (занималась закупкой необходимых вещей, перестановкой мебели и пр.), что позволило ей поменять свой статус в домохозяйстве, став «близким» человеком, вписанным в историю семьи.

В свою очередь, работодательницы создают дополнительные условия для комфорта помощницы, в частности за счет расширения пространства переговоров, например по поводу графика, материальной поддержки и т. д. В данном случае реципрокные отношения включают не просто формальное вручение подарков в праздничные дни, но серьезную, достаточно трудоемкую помощь со стороны нанимательницы (например, хозяйка-юрист помогает помощнице оформить инвалидность).

Поскольку до трудоустройства помощница в качестве гостыи, знакомой, подруги не раз бывала в доме будущей нанимательницы, у нее

нет болезненного привыкания к домашнему пространству, оно не проблематизируется в нарративах. В этих интервью мне не встретились эпизоды, в которых описывались бы проблемы освоения вещной среды, корректировки навыков домашней работы. Возникающие конфликты, которые касаются скорее личных отношений, нежели трудовых обязательств, как правило, разрешаются на уровне отношений интимности: *«Мы обе поревели и все забыли»*. Нанимательница постоянно испытывает страх превращения уютного частного пространства в стандартизированное рабочее, что заставляет ее маскировать иерархию, выбирать либеральные, недоминантные стратегии взаимодействия с помощницей. Например, в следующем фрагменте рассказчица пытается «заретушировать» отношения неравенства с помощью апелляции к ценностям домашнего мира:

В фирме — это одно. Я могу быть жесткой, строгой... и контролировать постоянно кого-то, если это нужно. А дома я хочу отдыхать. Я хочу душевно отдохнуть. И еще чтобы я дома тут кого-то ходила, строила — мне это триста лет не надо. Мне бы хотелось, чтобы у меня дома люди сами по себе прекрасно понимали, какие у них функции, и выполняли их. В общем, не досаждали мне (нанимательница, 40 лет, замужем, детей нет).

Если уборщицу можно научить надлежащим образом вытирать пыль или пользоваться автоматической стиральной машиной, то от помощницы требуется своего рода внутреннее чутье, интуиция, которые позволяют вжиться в частное пространство компаньонки. Вербализовать это требование и предъявить в виде списка рекомендаций достаточно сложно. Однако случаи нарушений этих воображаемых «инструкций» нередки и переживаются нанимательницами чрезвычайно болезненно, как в следующем эпизоде:

У меня был случай — ко мне приходила домой... следить за домом... одна девочка, которая... скажем так — приворовывала по мелочи... Я просто когда поняла, почему она это делает... у нее... мама торговый работник была. Папа в баре работал. И вот эта система, где работаю — оттуда несу, она, что называется, в крови. То есть... ей не приходило в голову, что она обворовывает меня как человека. Или вот она пришла в дом к кому-то, ведь... ведь она же ходила, там, в гости в какие-то дома, состоятельные вполне, и она

там не... оттуда она не несла ничего. А здесь — вот она не считала, что в этот раз... обворовывание персонально меня. Она просто несла с работы (нанимательница, 40 лет, замужем, детей нет).

Работодательницу в данном случае удручает именно то, что помощница позиционировала себя как наемного работника, для которого практика воровства на работе воспринимается почти как общее место, в то время как из перспективы домашнего мира ее поведение оценивается как неприемлемое для близкого человека. Нанимая помощницу, работодатели пытаются приобрести не только чистую квартиру, но и приятельские отношения, человеческое расположение. Бытовые проблемы затушевываются во многом благодаря эмоциональной работе, которую выполняет помощница.

Итак, обе стороны вовлечены в отношения занятости, которые замаскированы реципрокными связями (псевдо)приятельства или (квази)родства. Здесь мы наблюдаем процесс коммерциализации эмоций. В отличие от отношений с уборщицей, где дихотомия публичного (рабочего, рыночного) и приватного (семейного) проявляется более отчетливо, контракт «помощница» предполагает больше оттенков приватности и публичности, грань между которыми размыта. В таком случае актуализация рыночной составляющей контракта способствует сохранению определенной эмоциональной дистанции между сторонами. Какими бы теплыми и близкими ни были отношения, управление чувствами — необходимое условие продолжения трудового соглашения. Это подтверждает нанимательница, уже знакомая нам по прежним отрывкам:

...у меня статус хозяйки, работодательницы, как бы там ни было. И какая-то дистанция, в общем-то, соблюдается. И зачастую я просто иногда сама себя... встряхиваю определенным образом, чтобы удерживать вот эту дистанцию. Потому что мне иногда самой хочется просто ближе с людьми контактировать. Но я понимаю, что... все-таки работа есть работа. Я работодатель. И есть человек, который выполняет функцию наемного работника. И вот эта дистанция, она все-таки должна держаться (нанимательница, 40 лет, замужем, детей нет).

В данном высказывании прочитывается внутренний конфликт информантки, которая находится перед выбором правил домашнего, индустриального и рыночного миров. В зависимости от ситуации она

оперирует системой референций каждого из них, учитывая ответную реакцию помощницы. Последняя, со своей стороны, тоже старается выдерживать дистанцию, позволяющую избежать той степени эмоционального вовлечения, за которой стирается грань между работой и личными отношениями. Например, она может приготовить «шикарный» праздничный ужин по случаю дня рождения хозяйки, убрать квартиру, обсудить сценарий вечера, но уйти с самого праздника, считая его семейным.

Несмотря на эмоциональную близость отношений, нанимательнице удается сохранять интимное пространство, которое остается недоступным для помощницы. Исходя из материалов интервью, можно предположить, что приватное пространство дома определенным образом зонировано. Как бы то ни было, основная уборка проводится в местах общего пользования семьи. Однако в доме существует некое «ядро» приватности, в которое домработница не допускается (любимый комодик; письменный стол; личные вещи; стирка и глажка нижнего белья или любимые виды домашней работы; закупка продуктов и пр.). Появление нового «члена семьи» проблематизирует прежде рутинные практики, привычную картину приватного пространства. Присутствие домработницы постоянно напоминает работодателю, что ее дом уже не только место ее проживания, но и рабочее место «постороннего» человека. Соответственно домашний, халатно-тапочный стиль в одежде нанимательницы уступает место более строгому, дабы на время создать пространство для «деловых» отношений:

В какой-то степени [домработница] даже стимулирует в хорошем смысле этого слова. Я лишний раз не хожу по дому расхристанной, неухоженной, развинченной (нанимательница, 40 лет, замужем, детей нет).

Вопреки желанию нанимательницы видеть в помощнице «своего» человека, она чувствует себя объектом постороннего взгляда, требующего от нее постоянной самодисциплины, внутренней эмоциональной работы.

Таким образом, контракт «помощница», основанный на дружеских/псевдородственных связях, не исключает рациональных, формализованных, деловых отношений. Однако в отличие от рассмотренного прежде контракта, он значительно нивелирует иерархию управляющего—подчиненного, скорее принимая форму взаимовыгодного симбиоза помощницы и хозяйки.

Заключение

В современной «глобальной цепочке заботы», системе международного разделения репродуктивного и домашнего труда Россия позиционируется в качестве страны-донора, поставщика мигранток в городские домохозяйства Западной Европы и Северной Америки. Между тем общемировые процессы трансформации гендерных порядков, изменения культуры приватной сферы, коммерциализации интимности и заботы и институционализации рынка домашних работников происходят и в российском контексте.

Спрос на оплачиваемый домашний труд растет за счет резкого социального расслоения российского общества, в связи с нуклеаризацией семей, изменением социальной политики, а также в связи с формированием новой концепции приватности и быта в среде среднего класса. Суть этой концепции состоит в эмансипации женщин среднего класса от домашнего труда за счет формирующегося «нового обслуживающего класса». В отличие от мировой практики массового вовлечения мигранток в сферу услуг по уходу за домом, рынок оплачиваемого домашнего труда в России развивается в значительной степени благодаря внутренним ресурсам. Его составляют женщины, не обладающие достаточным уровнем квалификации и образования для поиска иных видов занятости.

Существует несколько социальных источников формирования современного неформального рынка услуг по уходу за домом.

Во-первых, в него инкорпорирована исторически сложившаяся практика использования социальных сетей в сфере инструментальной и эмоциональной заботы о доме и семье. Во-вторых, «сетевой» рынок домашних работников компенсирует недоверие государственным, а теперь и рыночным институтам, предлагающим способы восполнения дефицита бытового обслуживания. Интересно, что, стремясь оставаться автономными, избежать зависимости от поддержки родственников, женщины, тем не менее, сохраняют или (вос)создают круг «своих», близких дому и семье, а отсутствие официального договора наделяет оплачиваемый домашний труд скорее смыслом помощи, нежели формальной рыночной услуги. Найм домработниц из среды знакомых, приятельниц и родственниц позволяет до определенной степени элиминировать у обеих сторон ощущение эксплуатации, несмотря на то, что она структурно встроена в их отношения.

Институт домашних работников развивается за счет того, что в семье женщины сохраняют за собой функции организаторов бытового обслуживания, менеджеров домашней сферы. Гендерное разделение домашнего труда приобретает форму контракта, который задает неформальные правила коммуникации двух женщин — работодательницы и домработницы, имеющих различные социальные позиции, разное восприятие домашнего пространства, разные представления о чистоте и порядке. Два типа гендерных контрактов — «уборщица» и «помощница» — задают различия в правилах взаимодействия сторон. Эти различия поддерживаются за счет нескольких систем референций, образованных миром дома, миром рынка и индустриальным миром.

Контракт «уборщица» предполагает сценарий профессионализации наемного домашнего труда. Выработка правил взаимодействия позволяет хозяйке выносить проблемы уборки и соблюдения чистоты в доме за пределы семейных отношений и решать их в рамках трудового договора. В дальнейшем трудовые отношения рутинизируются, в них включаются принципы моральной экономики, немонетарных форм взаимодействия, основанных на личном доверии. Для *уборщицы* обслуживаемая квартира представляет собой обезличенное рабочее пространство, заполненное мебелью и бытовой техникой. Рекрутируя *уборщицу*, хозяйка покупает рыночную услугу, а с ней определенную степень автономии от домашнего труда, свободное время и убранный жилище.

Контракт «помощница» основан на концепции псевдородственных отношений. Иными словами, нанимательница разрешает проблемы бытового обслуживания за счет временного или долгосрочного расширения рамок своей семьи. Помимо инструментальной, от *помощницы* ожидается эмоциональная забота о членах домохозяйства. Концепция дома в рамках данного контракта включает доверительные, близкие отношения с членами семьи нанимателей. Профессионализм *помощницы* заключается в умении «вписаться в атмосферу дома», при этом сохраняя, хотя и зыбкую, границу между принимающей и собственной семьей. Здесь, наряду с благоустроенным бытом, хозяйка покупает эмоциональную поддержку и дружескую помощь.

Несмотря на различия в правилах двух контрактов, обе модели характеризует перманентный поиск компромиссов и гибкое переключение систем референций, лавирование между ними в затруднительных случаях коммуникации. В зависимости от ситуации и этапа отношений домработница и работодательница то сближаются, основываясь

на правилах приятельского общения, то эмоционально отдаляются, актуализируя экономическое и статусное измерение договора.

Проведенное исследование показывает, что хотя представительницы среднего класса и освобождаются от самых тяжелых и скучных работ, на их ответственности остается поиск и наем помощников, организация быта и эмоциональная работа по установлению и поддержанию отношений с домработницей. Соответственно концепция пового быта включает в себя женский менеджмент домашней сферы; ответственность за наемного работника, нередко требующего от работодателя серьезной моральной и материальной поддержки; а также обучение навыкам тьюторства, ибо домашняя работа может быть сделана качественно только при непосредственном участии хозяйки в процессе или постоянном мониторинге с ее стороны.

Литература

- Барсукова С., Радаев В. (2000). Легенда о гендере. Принципы распределения труда между супругами в современной городской семье, *Мир России*, № 4, с. 65–102.
- Болтански Л., Тевено Л. (2000). Социология критической способности, *Журнал социологии и социальной антропологии*, т. 3, № 3, с. 66–83.
- Евдокимова Е. (2004). *Женская ниша на рынке труда Санкт-Петербурга*. СПб.: Изд-во Политехнического университета.
- Здравомыслова Е., Тёмкина А. (1999). Социальная конструкция гендера и гендерная система в России, в кн.: В. Успенская, общ. ред., *Феминизм и гендерные исследования. Хрестоматия*. Тверь: Тверской центр женской истории и гендерных исследований, с. 83–90.
- Здравомыслова Е., Тёмкина А. (2002). Кризис маскулинности в позднесоветском дискурсе, в кн.: С. Ушакин, сост., *О муже(Н)ственности*. М.: НЛО, с. 432–451.
- Здравомыслова Е., Тёмкина А. (2003). Объединительный (социально-конструктивистский) подход в гендерных исследованиях, в кн.: Л. Попкова, И. Тартаковская, ред., *Трансформация гендерных отношений: западные теории и российские практики*. Самара: Самарский университет, с. 6–26.
- Здравомыслова Е., Тёмкина А. (2004). Государственное конструирование гендера в советском обществе, *Журнал исследований социальной политики*, т. 1, № 3/4, с. 299–321.

- Козлова Н. (2005). *Советские люди: Сцены из истории*. М.: Европа.
- Коллонтай А. (1923). Революция быта, в кн.: *Труд женщины в эволюции хозяйства*. М.; Пг. Перепечатано в кн.: *Марксистский феминизм. Коллекция текстов А.М. Коллонтай*. Тверь: ФеминистПресс—Россия, 2003.
- Лебина Н. (2006). *Энциклопедия банальностей: Советская повседневность: Контуры, символы, знаки*. СПб.: Дмитрий Буланин.
- Панеях Э. (2005). Неформальная экономика и структуризация гендерного порядка в семье, в кн.: Ж. Чернова, ред., *Гендерное устройство: социальные институты и практики. Сб. статей*. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, с. 137—148.
- Паперный В. (2006). *Культура Два*. 2-е изд. М.: НЛО.
- Романов П., Ярская-Смирнова Е. (2005). Антропологические исследования профессий, в кн.: П.В. Романов, Е.Р. Ярская-Смирнова, ред., *Антропология профессий*. Саратов: Центр социальной политики и гендерных исследований; Научная книга, с. 13—49.
- Роткирх А., Тёмкина А. (2002). Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России, *Социологические исследования*, № 11.
- Anderson B. (2000). *Doing the Dirty Work? The Global Politics of Domestic Labour*. London; New York: Zed Books.
- Anderson B. (2002). Just Another Job? The Commodification of Domestic Labour, in: B. Ehrenreich, A. Hochschild, eds., *Global Women. Nannies, Maids, and Sex Workers in the New Economy*. London: Granta Books, p. 104—114.
- Anthias F., Lazaridis G., eds. (2000). *Gender and Migration in Southern Europe. Women on Move*. Oxford; New York, Berg.
- Chang G. (2000). *Disposable Domesticity: Immigrant Women Workers in the Global Economy*. Cambridge, Massachusetts: South End Press.
- Gregson N., Lowe M. (1994). *Servicing the Middle Classes. Class, Gender and Waged Labour in Contemporary Britain*. London; New York: Routledge.
- Constable N. (2002). Filipina Workers in Hong Kong Homes: Household Rules and Relations, in: B. Ehrenreich, A. Hochschild, eds., *Global Women. Nannies, Maids, and Sex Workers in the New Economy*. London: Granta Books, p. 115—141.
- Ehrenreich B., Hochschild A. (2002). Introduction, in: B. Ehrenreich, A. Hochschild, eds., *Global Women. Nannies, Maids, and Sex Workers in the New Economy*. London: Granta Books, p. 1—13.
- Hess S. (2005). Feminized Transnational Spaces — Or the Interplay of Gender and Nation, in: K. Kaser, E. Katschnig-Fasch, eds., *Gender and Nation in South Eastern Europe. Anthropological Yearbook of European Cultures*, vol. 14, p. 227—246.

- Hess S., Puckhaber A. (2004). 'Big Sisters' are Better Domestic Servants?! Comments on the Booming Au Pair Business, in: E. Kofman et. al., eds., *Labour Migrations: Women on the Move. Feminist Review*, vol. 77, p. 65–78.
- Hochschild A. (1979). Emotion Work, Feeling Rules, and Social Structure, *The American Journal of Sociology*, vol. 85, N 3, p. 551–575.
- Hochschild A. (2003). *The Commercialization of Intimate Life. Notes from Home and Work*. Berkeley; London: University of California Press.
- Kukhterin S. (2000). Fathers and Patriarchs in Communist and Post-Communist Russia, in: S. Ashwin, ed. *Gender, State and Society in Soviet and Post-Soviet Russia*. London: Routledge, p. 71–90.
- Lan P.-Ch. (2002). Among Women: Migrant Domestic Workers and Their Taiwanese Employers Across, in: B. Ehrenreich, A. Hochschild, eds., *Global Women. Nannies, Maids, and Sex Workers in the New Economy*. London: Granta Books, p. 169–189.
- Lutz H. (2002). «At Your Service Madam!» The Globalization of Domestic Service, *Feminist Review*, vol. 70, p. 89–104.
- Parreñas R.S. (2001). *Servants of Globalization. Women, Migration, and Domestic Work*. Stanford; California: Stanford University Press.
- Phizacklea A. (2003). Transnationalism, Gender, and Global Workers, in: M. Morokvasic et al., eds. *Crossing Borders and Shifting Boundaries. Gender on Move*. Vol. 1. Opladen: Leske+Budrich, p. 79–100.
- Sassen S. (2000). Global Cities and Survival Circuits, in: B. Ehrenreich, A. Hochschild, eds., *Global Women. Nannies, Maids, and Sex Workers in the New Economy*. London: Granta Books, p. 254–274.
- Zarembka M. (2002). America's Dirty Work: Migrant Maids and Modern-Day, in: B. Ehrenreich, A. Hochschild, eds., *Global Women. Nannies, Maids, and Sex Workers in the New Economy*. London: Granta Books, p. 142–153.

Часть 2

**ОРГАНИЗАЦИЯ
ДОМАШНЕГО ПРОСТРАНСТВА:
ПОТРЕБЛЕНИЕ, ЕВРОСТАНДАРТ
И ГЕНДЕРНЫЕ РОЛИ**

Борис Гладарев, Жанна Цинман
**ДОМ, ШКОЛА, ВРАЧИ И МУЗЕИ:
ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЕ ПРАКТИКИ
СРЕДНЕГО КЛАССА**

Покупатели всех стран, объединяйтесь
на рынке «Славянский»!

Реклама на торговых рядах в Саратове

Кто принадлежит к среднему классу?

История российского общества в последние 15 лет — это не только павловская реформа, Ельцин, расстрел Белого дома, силовое предпринимательство, Путин и суд над Ходорковским. Это еще и мобильные телефоны, подержанные иномарки, евроремонт, телевизоры с игровыми приставками, пластиковые карты, офисы в бизнес-центрах и даже, пожалуй, полиэтиленовые мешки для мусора, женские гигиенические прокладки и детские памперсы (Александров и др., 2005). Наш жизненный мир за 15 лет существенным образом изменился, и дело не только в том, что рыночные механизмы сделали жизнь проще и удобнее. Они сделали ее другой, преобразовав множество социальных практик и реорганизовав быт подавляющего числа российских граждан. Изменились отношения в семье и с друзьями, изменился досуг и рацион питания, изменились средства гигиены и отношение к здоровью, то есть трансформации подверглось множество рутинных практик, которые в совокупности составляют нашу повседневную жизнь. Быт россиянина в начале XXI в. настолько отличается от повседневного уклада советского человека, что современная молодежь может узнать о «прошлой жизни» лишь из рассказов старших или из специализированных словарей.¹

¹ Например, Наталья Лебина, объясняя необходимость создания «Энциклопедии банальностей» советской повседневности, писала о том, что «за последние пятнадцать лет стилистика повседневной жизни настолько изменилась, что уже сегодня 15–17-летние россияне не могут объяснить, что такое *коммуналка, пионерский лагерь, дефицит*» (Лебина, 2006: 7).

Альфред Шюц, анализируя повседневное мышление, подчеркивал, что в спокойно развивающихся обществах различия перспектив, порождаемые уникальными биографическими ситуациями каждого из участников социального взаимодействия, не существенны, поскольку опираются на общность разделенного исторического опыта: «как правило, “мы” полагаем, что выбрали и интерпретировали актуально и потенциально общие объекты и их характеристики тем же самым или... с точки зрения наших практических целей, схожим образом» (Шюц, 1988: 131). Можно предположить, что в обществах, которые переживают крупные исторические сдвиги и резкие институциональные изменения, между поколениями, сформировавшимися до, во время и после революционных событий, происходит разрыв перспектив восприятия многих явлений и фактов, а значит, и разрыв на уровне обыденных практик. На примере петербургского среднего класса мы рассмотрим изменения в сфере потребления, которые произошли в ходе социально-экономических реформ 1990-х гг., а также выделим потребительские практики, новые по отношению к советскому периоду.

Для того чтобы обеспечить сравнительную перспективу до и после трансформации, в статье используется два массива интервью. Кроме массива, собранного в рамках проекта «Новый быт», мы использовали данные проекта Центра Независимых социологических исследований (ЦНСИ) «Организация повседневности и воспроизводство социальной структуры в России (на примере Санкт-Петербурга, 1999–2000)», в котором проводились интервью с представителями «советского среднего класса»² (подробнее см.: Oswald et al., 2002; Гладарев, 2004).

Под «советским средним классом» авторы понимают социальный слой, который в дореформенный период описывался как «советская интеллигенция» или «советские специалисты». Эти люди, получившие высшее образование и работу по специальности, составляли особую социальную группу, с характерным для нее образом жизни, материальными и культурными потребностями (см., например: Левада, 1993). К материальным атрибутам семьи советского среднего класса исследователи относят «квартиру, дачу с небольшим участком земли, иногда машину и кое-что из домашней техники» (см., например: Порецкина, 2001: 46). Но кто же сегодня принадлежит к среднему классу?

² Массив состоит из 90 глубинных интервью.

Споры о способах определения постсоветского среднего класса занимают значительное место в современной социологической дискуссии.³ Резкая экономическая поляризация населения в смутные, окрашенные «силовым предпринимательством» (Волков, 2002) 1990-е гг. начала несколько смягчаться в начале нового столетия (Бавин, 2006: 8). Помимо удачной макроэкономической конъюнктуры, процессы относительного выравнивания социально-экономического положения социальных групп российского общества определялись адаптивными механизмами приспособления значительной массы населения к жизни по правилам рынка. Люди постепенно стали осваивать принципы постсоциалистической экономики. Начал зарождаться социальный класс, который одинаково удален как от «старых», так и от «новых русских». Постсоветское классовобразование дополнительно осложнялось влиянием глобализационных процессов, которые размывают локальные социальные группы и общности. Учитывая «молодость» и расплывчатые границы постсоветского среднего класса, мы вслед за Ириной Поповой выделяем три базовых критерия, его определяющих: доход, уровень образования и самоидентификация (Попова, 2005: 67). Рассмотрим их подробнее.

Доход является наиболее сложной для изучения характеристикой социального положения. Анализ интервью показывает, что люди, как правило, с неохотой рассказывают о размерах своих заработков. Это часто вызвано тем фактом, что значительную часть доходов информанты получают по «серым схемам» (Красильникова, 2005). Исследователи российского среднего класса отмечают, что обычно уровень доходов, заявляемых респондентами, носит заниженный характер и не учитывает теневые источники, связанные со вторичной занятостью и рентой (см., например: Беляева, 2005). Его уровень варьируется от 5000 рублей на каждого члена домохозяйства в месяц (Российский средний класс..., 2003: 15–16) до 3700 рублей среднедушевого дохода (Малева, 2003: 228). Но это общероссийские данные, и по отношению к доходам представителей среднего класса в крупнейших городах они несколько занижены. Например, Евгения Порецкина, описывая изменения потребительских стилей петербургских семей в конце 1990-х гг., указывала на другой порядок среднедушевого дохода —

³ См., например: Беляева, 1999а, 1999б, 2005; Александрова, 2002; Российский средний класс..., 2003; Средние классы..., 2003; Шанкина, 2003; Кивинен, 2004; Герасимова и др., 2005; Попова, 2005; Бавин, 2006, и др.

около 12 000 рублей (Порецкина, 2001: 47–48). Мы будем ориентироваться на верхний порог дохода (12 000 рублей на каждого члена семьи в месяц), поскольку он нивелирует замалчиваемые теневые поступления в семейный бюджет.

Материалы интервью 2004–2005 гг. говорят о том, что для людей важен не только размер доходов, но также их стабильность:

И поэтому вот я сейчас довольна... У нас стабильные социальные гарантии. Страховки медицинские, социальные, белая зарплата. Не столько, сколько там... а именно столько, сколько получает. То есть какие-то отчисления. Смешно, конечно, в пенсионный фонд, но все равно. Да... Уровень и стабильность доходов — это важно (ж., 31 год, домохозяйка).

Российские «средние» — это люди, считающие деньги, но не придерживающиеся стратегии мелочной экономии. Ради освобождения свободного времени они готовы платить чуть больше, чем товар или услуга в среднем стоят. Так, например, описывается процесс ремонта дачи:

Ну а что касается с ценами и, как бы, стоимостью тех или иных там работ, то я пока (сейчас, то есть), если раньше я в это вникала, у меня сейчас просто на это нет времени, где там подешевле. Но, по крайней мере, может быть, у них цены, я бы сказала, не низкие — может быть, средние, но они, как бы, оправдывают себя. У меня освобождается время для себя (ж., 40 лет, домохозяйка).

Люди, образующие среднюю социальную страту российского общества, уже ушли от практик экономики выживания, когда считается каждый рубль, вещи многократно используются и ремонтируются, а расходы планируются только на ближайший период. Принцип «дешевого потребления» постепенно вытесняется из их практик. Стабильный, а часто и растущий уровень доходов приводит к тому, что бремя забот, связанное с удовлетворением элементарных физических потребностей, перестает давить, а потребительское поведение становится более гибким и гедонистическим. Российские «средние» переключают свое внимание на деятельность по комфортизации быта и развлечения. Одной из основных ценностей становится свободное время: «У меня освобождается время для себя». Досуг получает боль-

шее значение и превращается в «рабочий материал» для строительства идентичности.

Уровень образования — второй отличительный признак постсоветского среднего класса. Представители среднего класса — это люди с высшим образованием, ориентированные на вложение средств в собственное качественное образование и особенно в образование детей, потому что «без хорошего, качественного образования работу достойную нельзя получить. Без образования нельзя самореализовываться... быть интересным себе и другим» (ж., 39 лет, два высших образования). То есть качественное высшее образование по востребованной специальности воспринимается как залог профессионального и экономического успеха, а также как условие для саморазвития.

Советская образовательная система оценивается информантами в целом достаточно критично. Она не давала тех знаний и навыков, которые требуются для работы в рыночной экономике, поэтому представители постсоветского среднего класса активно инвестируют в свое дополнительное образование, поэтому они не жалеют денег на образование детей:

Когда-то очень хорошо решили, что хорошо бы знать ребенку языки неплохо, то есть это вот — сами мы [языков] не знаем, от этого сильно страдаем, решили, что дети должны, — ну и вот, начали этим заниматься достаточно рано (ж., 40 лет, домохозяйка).

Самоидентификация со средним социальным слоем — третий отличительный признак исследуемой группы. Этот субъективный фактор соотношения себя с классом обычно формулировался информантами в сравнительной перспективе:

Ну, я себя отношу к среднему, потому что однозначно... что касается той массы населения, достаточно большой, которая просто практически бедствует, на фоне их мы живем хорошо просто. Поэтому... вот только поэтому сейчас я отношу себя к среднему. То есть мы можем, в принципе, можем позволить себе любую, там, еду-одежду, ну, при желании... (ж., 25 лет, маркетолог).

Дистанцирование себя как от высших, так и от низших социальных слоев — важный маркер представителей среднего класса. Позиционирование в отношении к малоимущим часто выстраивается с по-

мощью культурных, а не экономических границ. Приведенный ниже пример демонстрирует нарративную форму такой границы:

— А у тебя какие требования к няням?

— Да практически никаких... Ни к возрасту, ни ко внешнему виду... Но главное, чтобы была... ну, не знаю... не нервной... И чтобы был какой-то уровень... Какая-то интеллектуальная... содержание интеллектуальное было. Бывает, приходят такие из деревни, знаешь, я не могу ее просто выносить. Была у нас такая. «Тубаретка». Вот, когда она говорила «тубаретка», как Катя из деревни с косой, и еще она что-то говорила... Такие вещи... Как раз, когда ребенок только начинает говорить, года в два... Еще она сильно пахла потом. Вот, она заходит, вокруг от нее облако на метр запаха пота. Ну как можно такое терпеть? Ну, можно выносить какое-то время, если некуда деваться. Ну куда деваться? (ж., 30 лет, искусствовед).

Домашняя прислуга воспринимается как принадлежащая к другому, более низкому социальному слою, отчетливо стигматизируется по культурному принципу: «Катя из деревни с косой», которая неправильно говорит и неприятно, «нецивилизованно» пахнет.

Самопозиционирование в отношении высшего класса обычно осуществляется через проведение в первую очередь экономических границ:

Мы не новые русские. Мы не можем обеспечить занятость няни двенадцать часов в день и платить ей от трехсот долларов в месяц или четыреста-пятьсот, да (ж., 30 лет, искусствовед).

Мы не новые русские, ха! ...Средний — с какого-то определенного высокого уровня дохода. Но я бы так сказала, что мы к нему только приближаемся. Потому что дальше слой, который называется богатым, он какой-то запредельно зашкальный, и я, как бы, таких даже и не видела (ж., 40 лет, домохозяйка).

Люди располагают себя на стратификационной лестнице, опираясь на экономические (уровень и стабильность дохода) и культурные (уровень образования) признаки.

Таким образом, здесь мы определяем средний класс через уровень доходов и образования, а также посредством самоидентификации себя со своим классом. Еще одним значимым признаком этой группы

являются специфические для среднего класса практики потребления, поскольку потребительское поведение постепенно становится одним из важнейших маркеров классовой принадлежности. Как писал Жан Бодрийяр, потребление не является частной сферой — это активная и коллективная деятельность. Оно подвержено влиянию морали и норм и представляет собой социальный институт. Оно представляет собой систему ценностей, систему групповой интеграции и социального контроля (Бодрийяр, 1999: 213).

Потребительские практики «экономики дефицита»

Дефицит был родовым признаком распределительной плановой экономики (Николаев, 2005), обыденным контекстом жизни советского человека. Но именно начиная с 1970-х гг. нехватка товаров и услуг стала ощущаться особенно болезненно. С одной стороны, потребительский дефицит не получил историко-идеологического обоснования. Сложно было оправдать отсутствие на полках магазинов стирального порошка или сахара. Этот дефицит не мог быть объяснен как следствие ускоренной индустриализации, как в 1930-х, или результат послевоенной разрухи, как в 1950-х. С другой стороны, значительно расширился спектр потребностей и желаний населения, которое сквозь щели «железного занавеса» (кинофильмы, фарцовка, поездки за рубеж) разглядело отблески капиталистического изобилия.

Материалы позднесоветской эпохи (личные документы повседневности — дневники, письма, открытки)⁴ свидетельствуют, что «при-

⁴ Независимая общественная организация Центр документации «Народный архив» была образована в 1988 г. по инициативе группы преподавателей и студентов Московского государственного историко-архивного института. Структура архива в настоящий момент включает в себя: отдел личных фондов, собирающий личные и семейные архивы, отдел неформальных организаций, собирающий с 1989 г. документы по политической истории СССР, отдел устных мемуаров и свидетельств, создание которого было продиктовано желанием сохранить живые голоса эпохи, отдел массовых источников, объектом сбора и исследования которого стали ранее уничтожавшиеся письма граждан в редакции периодических изданий, представляющие безусловную социологическую и историческую ценность.

мета того времени № 1 — это дефицит. О дефиците желанного и остро необходимого пишут в эпическом тоне. Это что-то вроде природных сил, к которым человеку остается только приспособиться. Желать постоянного ассортимента продуктов в магазинах — это вроде как желать хорошей погоды. <...> Походы за едой, поиск одежды — что-то вроде похода за грибами — то ли найдешь, то ли не найдешь» (Козлова, 2005: 412–413).

Анализ интервью с советскими специалистами подтверждает значение дефицита в организации быта «простого советского человека». Нарративы информантов указывают на то, что многие люди, составляющие советский средний класс, испытывали растущую нехватку в удовлетворении потребительских желаний:

Страшно вспомнить, какие трудности были тогда [начало 1980-х] с обеспечением. Не во что было одеть семью. Не было банальных макарон или, там, яиц... (ж., 54 года, инженер).

Советская власть пыталась как-то снизить остроту потребительского кризиса. Принятая Советом министров СССР в мае 1982 г. Продовольственная программа должна была решить проблему бесперебойного снабжения населения продуктами к 1990 г. Но плановая экономика уже не выдерживала системных нагрузок.⁵ Перестроечное время, когда началась более свободная кооперативная и рыночная деятельность, ознаменовалось табачными, сахарными и чайными кризисами. Даже в столичных городах была введена талонная система, включающая широкий спектр товаров первой необходимости. К 1985 г. перечень остродефицитных товаров составлял почти 250 наименований, а к началу 1989 г. он вырос больше чем в два раза. Весной 1989 г. в крупных городах СССР мыло, табачные изделия, масло, сахар и алкоголь продавались только по талонам (Лебина, 2006: 340–341).

Дефицит рождал специфические практики потребления, которые отличались значительными затратами времени и сложной системой отношений между социальными агентами. Очереди,⁶ охота за «выбра-

⁵ Валерий Голофаст в этой связи указывает, что «к середине 80-х гг. советское общество подошло со сложившимися стереотипами массового потребления и кризисной, дефицитной и отсталой системой массового производства» (Голофаст, 2000: 63).

⁶ Подробнее см.: Николаев, 2005; Осокина, 2005.

сываемым» в розничную торговлю товаром, «колбасные поезда» и закупки впрок, блат, сложные бартерные операции⁷ — лишь немногие общие приметы потребительского поведения в условиях дефицита.

Мы вслед за Вадимом Радаевым (Радаев, 2005: 6) понимаем потребление «как совокупность хозяйственных отношений людей к объектам их желания, а также отношений между самими людьми». Экономическая социология традиционно различает три типа потребления: потребление с целью удовлетворения базовых потребностей, потребление, направленное на удовлетворение желаний, и статусное/символическое потребление (см., например: Шрадер, 1999). Неспособность советской распределительной экономики обеспечивать удовлетворение базовых потребностей, а также идеологическое ограничение статусного потребления психологически подготовили советских людей к необходимости кардинальных реформ. Как выразился один из представителей советского среднего класса,

брежневское время было временем ожидания. Мы все, как медведи в спячке, ждали какой-то весны... и политической, и экономической. Мне кажется, что мы жили тогда не в совдепе, а где-то рядом, занимаясь своими частными делами. Народ все больше увлекался шмотками да стенками (м., 56 лет, геолог).

В годы «брежневского застоя», по мнению Натальи Лебиной, наиболее характерными чертами советского быта являются «потребительская революция» и «вещизм» (Лебина, 2006: 25).

Это понимала брежневская номенклатура, которая пыталась идеологически остудить потребительскую жажду населения, обращаясь к истрепавшимся образам революционного аскетизма. Уничжи-

⁷ Экономический кризис конца 1980 — начала 1990-х гг. возродил систему «натуроплаты» времен гражданской войны в виде «бартера», что развивало систему бытового товарообмена. Горьковский инженер-конструктор В. Денисов описал ситуацию, когда его жене очень нужно было получить итальянский лифчик, но на предприятии в тот момент выдавались лишь китайские термосы. В результате многоходовой операции — обмена термоса на унитаз, унитаза на духи «Шанель», духов на лифчик — предполагалось достичь желаемого результата. Но цепочка развалилась, и долгое время в коридоре квартиры стоял голубой чешский унитаз, дожидаясь нового трансферта (Лебина, 2006: 195).

тельный термин «вещизм» — последняя попытка советских идеологов скомпрометировать рост потребительских амбиций строителей социализма — появился в общественном дискурсе к середине 1970-х гг. (Лебина, 2006: 85). «Избыточный интерес к вещам, нездоровое стремление к их приобретению» — так расшифровывалось понятие вещизма — ставились исследователями и публицистами 1970—начала 1980-х гг. в разряд аномальных, осуждаемых явлений. Однако вопреки идеологическим увещаниям, «вещизм», или страсть к «добыванию» бытовой техники, одежды современного покроя, импортных «стенок» и продуктовых деликатесов, охватил массы советских граждан в эпоху «брежневского застоя». Чем большая часть населения жила в городах, чем больше людей получали среднее специальное и высшее образование, тем шире становился круг тех, чьи потребности нельзя было запланировать. Удовлетворение незапланированных потребностей все в большей мере шло в обход узаконенных плановых механизмов и все больше разрушало плановое хозяйство (Цирель, 2004: 52). Как отмечали Романов и Ярская-Смирнова, «опыт “доставания” по неформальным каналам чего-то необходимого или желанного накапливался десятилетиями, откладываясь в социальном капитале семей и поколений советских людей» (Романов, Ярская-Смирнова, 2005: 63). Люди эпохи «развитого социализма» все больше включались в рыночные формы потребления, что происходило на фоне ослабления государственной идеологии и доверия к ней со стороны граждан. Жизненные стратегии обывателей оказались способны перекраивать и изменять общество, наряду с действиями правительства (Семёнова, Фотеева, 1996: 6). Как справедливо отметила Наталья Козлова, «без обращения к тому, что происходило в поле маленьких повседневных желаний маленьких людей, мы вряд ли сможем объяснить, отчего общество к концу 1980-х стало так радикально меняться, отчего масса людей так пожелала изменений. Люди, о которых идет речь, не голодали и не были раздеты. Но они не могли свободно реализовать энергию желания, сделать свой выбор» (Козлова, 2005: 416—417). Что произошло, когда в результате социально-экономической трансформации советские люди смогли «реализовать энергию желания», и какие образцы потребления стали для них определяющими, мы рассмотрим дальше на примере постсоветского среднего класса.

Потребительские практики постсоветского среднего класса

Конец «экономики дефицита» и зарождение постсоветского рынка товаров и услуг создали предпосылки для серьезной реорганизации бытового уклада. Постепенно люди оказались вовлечены в потребительские практики, характерные для рыночной экономики, где доступность товара определяется прежде всего его ценой, а не физической редкостью. Информанты описывали плановую экономику и рыночную экономику как «разные миры»:

То есть и после нашей талонной системы и, скажем так, отсутствия чего бы то ни было, и очередей, и вот... мы очутились в совершенно в другом мире (ж., 30 лет, переводчик).

«Другой мир» — это мир новых жизненных стилей,⁸ мир «присутствия всего, чего бы то ни было», мир рыночной экономики, вовлекающая в который, российские «средние» усваивают новые, специфические для своего класса потребительские практики. Они являются предметом нашего дальнейшего анализа.

Как организовано потребление исследуемой группы, какие товары и услуги входят в «обязательный пакет» или «ансамбль», формирующий новый быт? Жан Бодрийяр, анализируя потребительское поведение французов в 1970-е гг., отмечал, что в ситуации товарного изобилия мало предметов потребления предлагается в одиночку, большинство из них включено в контекст множества семантически связанных предметов. Вследствие этого изменяется и отношение потребителя: он не относится больше к предмету, ориентируясь только на его специфическую пользу, а рассматривает ансамбль предметов в их целостном значении (Бодрийяр, 2006: 7). Постепенно, по мере собирания определенных «вещных» ансамблей, формируется потребительский стиль, который состоит из определенного набора потребительских практик, маркирующих социальный статус.

⁸ Стиль жизни определяется нами как «образец социально-ролевого действия» (Navighurst, Feigenbaum, 1959: 396) или «конфигурация повседневного поведения членов определенной группы, проявляющаяся как характеристика их социального статуса и делающая возможной их социальную локализацию» (Roos, Sicinski, 1987: 12).

Прежде всего, следует подчеркнуть, что потребление наших информантов организовано вокруг «инвестиций в будущее». Приоритетными направлениями трат является недвижимость, образование и здоровье. Именно о них больше всего говорят в интервью.

Недвижимость и стиль жизни

Дом, квартира, собственная недвижимость имеют приоритетное значение как объект потребительских желаний:

Свой дом — это очень важно. В общем-то, это то, что нам хочется, может, нужно еще больших размеров, но в нашем городе это слишком дорого. А так нам бы хотелось дом отдельный, без соседей (ж., 36 лет, совладелец фирмы по производству мебели).

Большинство информантов проживают в собственных квартирах, отдельно от родителей: *«лучше жить рядом, но не вместе»* (ж., 29 лет, юрист). Например, одна из информанток очень болезненно воспринимала планы мужа переселить к ним из Сибири его пожилого отца, за которым нужен был уход:

Это мой уклад жизни, и я не хочу, чтобы кто-то в него вмешивался. Покупай ему квартиру: продавай то жилье, покупай ему квартиру. И я буду ходить даже, там, готовить там для него, ухаживать, там, сколько это потребуется. Но он будет жить отдельно (ж., 31 год, домохозяйка).

Раздельное проживание с членами расширенной семьи воспринимается как важная часть жизненного стиля представителей российского среднего класса. Также обязательным условием современного быта является проведение качественного ремонта квартиры («сврремонта»). Жилье обустривают стилистически своеобразно, создавая в пространстве собственной квартиры «ансамбль предметов» (Бодрийяр, 2006: 7), поэтому ремонт очень важен.

— Расскажи поподробнее, что вы хотели сделать?

— На кухне должен был быть... такой конструктивизм. Пусть еще какие-то ложные трубы по стенам для пущего эффекта. Отбить

штукатурку, покрыть кирпичи лаком (ж., 31 год, замужем, свой бизнес, двое детей).

Отдельная, хорошо отремонтированная квартира воспринимается как знак принадлежности к среднему социальному слою. Отвечая на вопросы корреспондента «Российской газеты», директор Института социологии РАН Михаил Горшков сказал: «Сейчас люди — особенно это характерно для среднего класса — живут по принципу “мой дом — моя крепость”» (Добрынина, 2005). Квартира или дом являются приватным убежищем в противоречивом публичном пространстве трансформирующегося общества. Возможно, поэтому такое внимание уделяется окнам и железным дверям, которые должны надежно укрывать жильцов от сложного внешнего мира. «Наличие железной двери, наличие стеклопакетов на окнах» — отличительная черта нового быта.

Жилье должно обеспечить безопасность частного жизненного проекта в рамках нерасширенной семьи. Семья отгораживается не только от внешнего постороннего мира, но и от родственников старшего поколения. Советская традиция совместного проживания в одной квартире нескольких поколений семьи сегодня прерывается именно в рамках среднего класса, который, с одной стороны, дорожит своим «новым бытом», не всегда доступным для бабушек и дедушек, а с другой — имеет финансовые возможности для раздельного проживания.

Поэтому многие из информантов планируют улучшать свои жилищные условия за счет расширения жилплощади (вплоть до строительства коттеджей в пригороде), за счет изменения района проживания на более престижный, за счет переселения в «элитные дома с однородным социальным составом».⁹

Я бы, может быть, хотела бы жить в центре, вот у меня такая есть мечта, там, в центре, на Неву, там, окна, да, так красиво, допустим, где-нибудь на стрелке Васильевского острова, но это пока несуществующая мечта, вот (ж., 39 лет, домохозяйка).

Подобные мечты говорят о потребительских ориентирах российских «средних». Они сравнивают свои возможности с потреблением других, более обеспеченных групп, которые тем самым оказывают на

⁹ Подробнее об этом см. статьи Ларисы Шпаковской и Татьяны Андреевой в данном сборнике.

них постоянное культурное давление, понуждающее наращивать объемы потребления (Радаев, 2005: 8).

Формирующийся российский средний класс ориентируется на практики потребления наиболее обеспеченного слоя. Одна из информанток прямо определила взаимозависимость жизненного стиля и уровня благосостояния: *«От дохода зависит стиль жизни»* (ж., 29 лет, юрист).

Помимо недвижимости в Петербурге, многие наши информанты имеют в собственности загородные дома и участки земли. Для жителей мегаполиса дача традиционно относится к значимым атрибутам устроенного быта (подробнее об этом см.: Lovell, 2003). Необходимость загородной недвижимости объясняется ее рекреативными возможностями, а также традицией вывозить летом детей на дачу:

А в выходные у нас дача. И все лето на даче (ж., 36 лет, психолог).

Сейчас выходные мы все на даче. Шашлыки, баня, грибы — это уже традиция у нас (ж., 28 лет, фармаколог).

Вот у меня малыш туда, на дачу, рвался весь год, впечатление такое, что он живет от дачи до дачи (ж., 39 лет, сыновья 4 и 13 лет).

Дача представляется местом, где городской человек отдыхает от суеты и шума большого города:

Без дачного отдыха просто тяжело. Нужно от этого бешеного темпа жизни и работы покой какой-то находить. Мы с женой и сынишкой при первой возможности туда стараемся вырваться (ж., 38 лет, директор по персоналу).

Часть наших информантов получила свою загородную недвижимость по наследству, многие купили в конце 1980-х, когда в стране активно развивалось садоводческое движение, а некоторые приобрели недавно:

Сейчас новая фишка появилась, что банки начали давать кредиты, и что вот мы, единственное, в чем продвинулись, это вот кредитование, то есть мы взяли кредит на дачу, построили сейчас там дом (ж., 29 лет, совладелица туристической компании).

Наиболее престижная загородная недвижимость располагается в ближайших пригородах, отличающихся ландшафтной красотой и

хорошим транспортным сообщением с Петербургом. Далеко не все представители петербургского среднего класса имеют возможность иметь дачу рядом с городом, многие довольствуются загородными домами, которые находятся на значительном расстоянии от Петербурга: «Дорога до дачи занимает около трех часов, и это еще если нет пробок» (ж., 41 год, домохозяйка). Цены на недвижимость в области быстро растут, и, возможно, поэтому представители петербургского среднего класса стремятся не столько приобретать, сколько снимать или арендовать дачу:

Но это тенденция последнего года, сейчас появилось очень много коттеджей закрытых, неплохих, которые можно снять на большую семью, двухэтажные, пожалуйста, каждый развлекается, делает что хочет. У нас нет дачи. Принципиально (ж., 32 года, юрист).

В рамках потребительских стратегий связанных с недвижимостью, представители постсоветского среднего класса активно приобретают целый спектр товаров: от собственно недвижимости до широкого класса строительных товаров, мебели, бытовой техники и предметов декора. Косвенным свидетельством этого является бурный рост в Петербурге интерьерных и мебельных магазинов.

— А если вы покупаете что-то такое, что-то более крупное, скажем? Вот что-нибудь для дома такое, не знаю, кресло, то как вы выбираете место покупки?

— А-а, я достаточно скрупулезно к этому вопросу подхожу. И вот в прошлом году мы заказывали шкаф-купе, ну вот, и я думаю, что в общей сложности я наверно обратилась в фирм двадцать, прежде чем вот мы, как бы, сделали выбор свой и остановились на определенной фирме (ж., 30 лет, переводчик).

Детали очень важны. Выстраивание определенного стиля требует внимательного отношения к потреблению. Нужно обзвонить 20 магазинов, прежде чем сделать покупку. Потребитель из среднего класса — это прежде всего компетентный потребитель. Он владеет информацией о товарах и услугах, полученной из разных источников (СМИ, наружная реклама, специализированные издания для потребителей), знает, где и как найти нужную информацию, обращает особое внимание на соотношения цены и качества товара или услуги, соотноше-

ния финансовых и временных расходов. Чаще всего покупка имеет свою предысторию как на уровне осмысления и легитимации, так и на уровне практик ее осуществления.

Как отмечал Пьер Бурдьё, возможность прочитывать жизненный стиль социальной группы по выбранной ею мебели или одежде определяется не только тем, что данные товары являются материализацией экономической и культурной необходимости, которая, собственно, и определила сделанный выбор. Помимо этого, в знаковых объектах, в их роскоши или убогости, в их «исключительности» или «пошлости», их «красоте» или «безобразии» находят свою материализацию социальные отношения (Bourdieu, 1989: 77). Покупая квартиры и стилизуя их по-своему, «не как у всех», обзванивая десятки магазинов в поисках оригинальной детали домашнего быта, люди среднего класса строят социально-культурную границу, отделяющую их от потребительской культуры бедности, стараясь приблизиться к более состоятельному слою. Поле потребления не гомогенно, а разделено на зоны, наделенные стратифицирующими смыслами. Компетентный потребитель из постсоветского среднего класса разделяет эти смыслы и умеет позиционировать себя с их помощью: *«Я никогда не буду одеваться в Апраксином дворе. Я никогда не буду есть в дешевом общепите»* (ж., 36 лет, свой бизнес). Апраксин двор и другие товарные рынки, где торгуют дешевым контрафактом, а также «народный общепит» вроде многочисленных «Шавермных» и «Блинных» воспринимаются этой женщиной как недостойные потребительского интереса. Она располагает себя явно выше на потребительском Олимпе.

Нельзя сказать, что существует единый стиль потребления недвижимости и сопровождающих товаров, характерный для исследуемой группы. В Петербурге еще только формируется социальное зонирование городского пространства. Наши информанты расходятся в предпочтениях: кто-то любит центр, кто-то новые районы на окраинах, некоторые же говорят о преимуществах пригородов. Сопроводительные товары для обустройства домашнего быта также приобретаются разным образом: и в магазинах, и на изготавливающих их производствах, или же ввозятся из близлежащих стран (Финляндия, Эстония, Латвия).

Помимо вложений в товары, обустройство жилья предполагает также потребление разноплановых услуг. При покупке недвижимости наши информанты прибегают к услугам риелторов, для его ре-

монта нанимаются строительные бригады, некоторые для поддержания квартир в чистоте и порядке пользуются услугами домработниц (см. статьи Т. Андреевой и Л. Шпаковской в данном сборнике).

Рынок риелторских услуг (посредничество при покупке недвижимости), новый для российского общества, сформировался в первые годы приватизации и оценивается информантами как вполне капиталистический и более или менее прозрачный.

Мы все делали [покупали квартиру] через риелторскую контору. Там все прозрачно. Подписали договор, деньги в ячейку заложили, заверили акт купли-продажи у нотариуса, потом все оформили в ГБР (ж., 32 года, замужем, сотрудница туристического бюро, сын 4 года).

Рынок ремонтных услуг куда более сложный. В этом сборнике ему посвящена статья Т. Андреевой, поэтому мы ограничимся только некоторыми замечаниями. Этот рынок существовал и в советское время. Он был преимущественно теневым, не облагался налогами и действовал по системе социальных сетей. Договоры на ремонт имели устную форму, сами работы часто проводились непрофессионалами, но даже с квалифицированными строителями случались проблемы. Приведем характерный пример из опыта ремонта 1970-х гг. Рассказывает женщина-врач, решившая сделать ремонт у себя дома:

Ну, на участке бегаешь и... тогда все было еще проще, потому что кто что имел, тот то и делал... Значит, вот, у меня были, там, пациенты строительные — из строительных организаций. И когда я сказала, что мне нужно сделать ремонт, то есть когда врач что-то говорил — ему просто это делалось. То есть он за маленькие очень деньги... как сейчас помню, сейчас вспомню... 60 рублей, по-моему, я ему заплатила, если не 90. Нет, 60, по-моему... Но он сделал не так, как я хотела... Я хотела розовые стены на кухне, а он отказался. Сказал, что не может покрасить в розовый, что розовых кухонь не бывает. Я ему говорю: «Я на фоне розового хорошо выгляжу». Но он покрасил в желтоватый такой... (ж., 52 года, врач).

Современный рынок ремонтных услуг отличает сочетание рыночных и нерыночных, унаследованных из советского прошлого, механизмов функционирования, поэтому многие наши информанты сталкивались с проблемой выбора услуг, адекватных их запросам:

Я позвонила знакомым, у которых был ремонт, там, у которых были положительные мнения об этих людях... Мы с ними договорились, что если и испортят, то потом будут переделывать. Ну, собственно... собственно говоря, что и случилось. То есть, там, они одну комнату сделали хорошо, другую не очень, там, мы ее потом переделывали... Ну, в конце концов, в общем-то, в среднем нормально сделали (ж., 47 лет, ведущий инженер крупного предприятия).

В целом наем ремонтной бригады воспринимается как сложный процесс, который требует дополнительных консультаций и задействования социальной сети.¹⁰

Образовательный императив

Следующим объектом долгосрочного потребления для исследуемой группы являются образовательные услуги.¹¹ Им уделялось значительное внимание в интервью. Подавляющее число информантов имеет высшее образование, многие — два высших, а некоторые даже три. Хорошее образование считается важной частью жизненной стратегии. Обучение в высшем учебном заведении рассматривается как условие приобретения навыков «культурного человека», механизм воспитания, «культурный капитал» по Бурдьё (Бурдьё, 1993): «*А высшее образование дает человеку все-таки — чистоплотность, чистая речь, без изъянов абсолютно*» (ж., 29 лет, 2 высших образования, юрист).

Рассказы, посвященные потреблению образовательных услуг, можно разделить на две неравные части: о собственном образовании и об образовательных услугах для детей (значительно более подробные). Информанты обычно связывают получение качественного образования с двумя следствиями: первое — последующее трудоустройство на «хорошую работу», причем профиль образования важен не всегда, и второе — «саморазвитие».

¹⁰ О наемном домашнем труде см. статьи Елены Здравомысловой и Ольги Ткач в данном сборнике.

¹¹ Затраты на образование (свое и детей) занимают второе место среди семи основных вариантов ответа на вопрос «На что бы Вы потратили неожиданно появившуюся у Вас крупную сумму денег?» в ходе опроса «Стиль жизни и потребления среднего класса России» (Блаженкова, Гурова, 2000).

Когда человек имеет действительно качественное образование, он не только без денег не останется, он и без жизни интересной остаться не может. Это же залог саморазвития (ж., 33 года, стоматолог).

В настоящий момент многие информанты получают дополнительное образование в области бизнеса и экономики, психологии, искусствоведения и иностранных языков. Достаточно часто, особенно у домохозяек, такое непрерывное образование не связывается напрямую с карьерными устремлениями, а рассматривается как хобби, «саморазвитие», «чтобы мужу не наскучить».

Образовательные услуги для детей являются одним из основных направлений вложения капиталов для людей, составляющих постсоветский средний класс: *«Я бы сейчас хотела в образование деньги вложить, мне очень бы хотелось, чтоб у меня дети получили хорошее образование»* (ж., 39 лет, домохозяйка, двое сыновей). И представители среднего класса вкладывают эти, порой достаточно значительные деньги в многообразные образовательные сервисы. Как правило, их дети регулярно посещают различные образовательные учреждения:

О, у бедной Маши занятий прямо немерено. Значит, полчетвертого она заканчивает школу, у нее два урока музыки в неделю, у нее два урока русского в неделю — это учителя приходят, и у нее три балета в неделю (ж., 42 года, переводчик, дочь 9 лет).

Характерно, что сейчас включение в рынок образовательных услуг происходит фактически с момента первой возможности ребенка эти услуги усваивать. Есть случаи, когда полуторагодовалых детей уже приобщали к различным образовательным сервисам:

Ну, вообще, мы начали ходить по разным занятиям с полутора лет. С полутора лет. Мы пошли к логопеду, ну, не в полтора года, в год и восемь... Плюс еще вот мы сначала ходили, тоже в полтора года, в «Колыбельку», это типа детских групп по системе Монтессори. Год туда отходили... Пробовали ходить на лепку, но как-то не получилось, потому что я вижу, что у него нет желания. Еще мы ходим в бассейн (ж., 34 года, домохозяйка, сын 3,5 года).

Появившиеся в последние 15 лет частные детские сады, развивающие школы разных направлений и частные школы становятся объ-

ектом потребительского внимания представителей постсоветского среднего класса. *«Это просто приоритетное направление трат в нашей семье»*, — говорит одна из информанток о расходах на детские образовательные сервисы.

Особенностью рынка образовательных услуг является его непрозрачность и сложная взаимопереплетенность государственных и частных сервисов. Многие информанты отмечали, что образовательные услуги обходятся достаточно дорого: *«То есть на ребенка, в общем-то, в месяц... я не говорю, там, про одежду, просто на образование и кружки всякие нужно около пятисот долларов»* (ж., 30 лет, искусствовед, дочь 7 лет). Однако это не та сфера, где принято экономить: *«дети должны получить достойные стартовые условия. На образовании экономить глупо»* (ж., 30 лет, владелица рекламного агентства, двое детей).

Российские «средние» очень тщательно относятся к выбору образовательных учреждений для детей. Наводятся справки через знакомых, анализируется рекламная информация, родители объезжают и внимательно присматриваются к условиям, персоналу, программам образовательных учреждений и социальному статусу других родителей:

Мы долго школу выбирали. То есть мы проехали несколько школ. То есть нам хотелось тоже, чтобы было, вот, не тридцать человек, не сорок в классе, а поменьше. Познакомились там с преподавателями, с их, как бы, системой. Если хорошая атмосфера в школе есть, она очень чувствуется (ж., 36 лет, психолог, двое детей).

Очень важно, чтобы дети получили высшее образование — это фактически императив для российских «средних». Он обусловлен необходимостью воспроизводства социального статуса в семьях постсоветского среднего класса. Сильная ставка на образование была характерна и для советского среднего класса. Но у нового постсоветского среднего класса другие требования: высокий уровень образования детей, ассоциирующийся с обучением в престижных учебных заведениях, — предмет гордости наших информантов и символ их классовой общности. Можно сказать, что образование рассматривается как маркер принадлежности к определенному социальному слою и как пространство «престижного потребления» (Веблен, 1984).

Здоровье как капиталовложение

Ценность здоровья безоговорочно признается представителями нового среднего класса. Товары и услуги здравоохранения, рекреационных и спортивных сервисов являются важной составляющей их потребительских стратегий. Интенсификация труда и многообразные стрессы и риски, несоблюдение (чаще всего добровольное) социальных и трудовых прав занятых в частном секторе экономики, придают здоровью специфическое значение личного капитала, который необходимо сохранять:

Ну, здоровье... надо его поддерживать. Это, в некотором смысле, теперь капитал (ж., 32 года, журналист).

Материалы интервью говорят о том, что люди из российского среднего класса, как правило, потребляют «оздоровительные услуги» в негосударственном секторе.¹² Здоровье считается областью, где экономить крайне рискованно, а, по общему убеждению наших информантов, полубесплатное государственное здравоохранение не способно оказывать услуги адекватного уровня.¹³ Они часто предпочитают платную медицину: *«Я плачу деньги, я не пациент, я клиент. Покупаю услугу. ...Здесь я доверяю, там стерильно, там уютно, там мне отвечают на вопросы»* (ж., 35 лет, социолог).

¹² Эту тенденцию подчеркивают и другие исследователи. Например, Ирина Козина пишет, что бесплатные медицинские учреждения, работающие в условиях хронического недофинансирования, не обеспечивают всего сектора необходимых медицинских услуг, востребованных населением (Козина, 2003: 90). Поэтому платная медицина, где нет очередей, где не нужно униженно подкладывать врачу конверт, чтобы получить стандартный набор услуг, — верная примета нашего времени (Кравченко, Письменная, 2005: 28). Схожие наблюдения мы находим в исследовании Евгении Порецкиной: анализируя изменения потребительского поведения петербуржцев в конце 1990-х гг., она указывает, что «при необходимости получения медицинских услуг многие респонденты предпочитают сферу платной медицины» (Порецкина, 2001: 56).

¹³ Как отмечают Браун и Русинова, высокообразованные слои петербуржцев рассматривают роль государства в деле обеспечения населения медицинским обслуживанием «в гораздо более ограниченных пределах, нежели представители групп с более низким социаль-но-экономическим статусом» (Браун, Русинова, 1999: 109).

Бесплатно — значит некачественно. Представители постсоветского среднего класса считают, что качественные медицинские услуги концентрируются в частной медицине, так как именно там работают профессионалы:

Когда мне врачи в обычной поликлинике что-то говорят, я тут же еду в платную поликлинику. Перепроверяю все тысячу раз. Все оказывается гораздо проще. И легче. Все обходится не антибиотиками, а обычным массажем [смеется]. Профессионализм врачей, от него все зависит. Возможно, в платной клинике берут врачей только именитых, у которых есть какой-то опыт, стаж. Сына вот водим к какому-то неврологу модному, в дорогой центр. Потому что в обычном центре прописали антиседативные препараты, сказали, что с Вашим ребенком не все в порядке (ж., 29 лет, юрист).

Представления о том, что «здоровье можно купить», существовало и в советский период. Были распространены нелегальные тогда практики личной оплаты медицинских услуг пациентом. «Благодарность» врачу, часто найденному через знакомых, могла выражаться и шоколадками, и коньяком, и французскими духами, и собственно деньгами. Но структурные условия — плохое оснащение больниц, многоместные палаты и линялые пижамы — нельзя было изменить на уровне личных связей или денег.

Сегодня платная медицина — это медицина с евроремонтом, вышколенным медперсоналом и одноместными палатами. Отношение к ней у информантов противоречивое. С одной стороны, они считают, что в платных медицинских сервисах оказывается «все проще, легче и лучше», непрозрачные отношения «лечение—благодарность» сменились прозрачной покупкой медицинских услуг, осуществляемой в условиях широкого выбора. С другой стороны, многие видят платную медицину как «внешний антураж», когда наличие ремонта в палатах не гарантирует профессиональной медицинской помощи, а даже, наоборот, указывает на «коммерческое» отношение к здоровью пациента. Поэтому по-прежнему важным считается поиск «хорошего» специалиста, осуществляемый обычно посредством социальных сетей, что во многом напоминает практики советского времени:

Опять начали искать какого-то хорошего специалиста, поскольку опять же моя свекровь работает в области, смежной с областью

здравоохранения, скажем так, то есть выходы на какие-то такие вот диагностические, не знаю, учреждения, на таких людей, которые делают, проводят диагностику, вот (ж., 24 года, референт некоммерческой организации).

Кажется, что тождества между «дорогим специалистом» и «хорошим специалистом» на рынке медицинских услуг пока не наблюдается.

Новой тенденцией в потреблении медицинских услуг является использование сервисов частных страховых компаний. Добровольное частное медицинское страхование представителей среднего класса осуществляется либо на корпоративном уровне (они получают страховку на работе), либо самостоятельно в частном порядке. Это новый сектор оформляющегося рынка медицинских и оздоровительных услуг. Вот один из примеров подобного поведения:

Мы купили абонемент в страховой компании «XXX». Когда Катя родилась, у нас был... дисбактериоз кишечника. И нам пришлось найти такую страховую компанию, которая все: и анализы, и прививки — все делает на дому. И врач приезжал раз в месяц, сейчас раз в два месяца... И вот, я сначала маленькую застраховала, потом и старшего на девять месяцев я страховую тоже в этой компании страховой. У нас один и тот же врач, то есть он получается как такой семейный доктор (ж., 33 года, домохозяйка, двое детей).

Траты на досуг

Начиная с определенного уровня экономического развития, досуг приобретает все большую автономию от труда и становится самостоятельной ценностью (Friedmann, 1961). Манера проведения свободного времени — простой способ продемонстрировать статусное потребление. Для постсоветского среднего класса характерно «серьезное», даже стратегическое отношение к досугу. После недвижимости, образования и здравоохранения это четвертая по объему вложений статья их расходов.

Материалы интервью позволяют говорить о тенденции, когда представители среднего класса стараются перепоручить рутинные бытовые обязанности наемным работникам или бытовой технике, чтобы освободить больше времени для досуга и культурного потребления:

Стирает машина, посуду моет тоже машина. Глажки у нас почти нет. Полы моет уборщица (ж., 32 года, экономист).

Вот я сама, там, люблю покушать, чтобы кто-то другой это приготовил. Но вот если я буду хорошо жить, я, конечно, кухарку найму (ж., 32 года, юрист).

Есть два неравнозначных вида расходов в сфере досуга.¹⁴ Наиболее капиталоемкими являются расходы на отпуск — как правило, на семейные туристические туры. Меньшие средства тратятся на отдых в выходные дни. Наиболее широко распространены три типа рекреационной активности по выходным: во-первых, популярны прогулки в исторических пригородах Санкт-Петербурга (Пушкин, Павловск, Петродворец), во-вторых, обычными являются встречи с друзьями в различных ресторанных заведениях и рекреативных сервисах (еда в публичных местах, винные дегустации, боулинг, шопинг, кино, театры, музеи, семейные развлекательные центры) и, в-третьих, это дачный отдых (а также отдых на турбазах, поездки на пикник, рыбалку, охоту).

Отдых, как правило, включает практики улучшения и поддержания здоровья (физической формы), которые обеспечиваются услугами туриндустрии, санаторными программами и спортивными сервисами (разнообразные спортивные секции, фитнес, йога и т. д.). Сопроводительные товары обычно включают в себя медицинские препараты, «здоровую пищу», тренажеры и спортивный инвентарь.

Значительное место в структуре досуговой активности российских «средних» занимает потребление культурных ценностей. В интервью информанты обязательно упоминали о своем недавнем посещении музея, театра или исторического памятника:

Выходные дни... ну, естественно, надо стараться по возможности куда-то выбраться, отдохнуть, сходить в кино или в театр (ж., 47 лет, ведущий инженер крупного предприятия).

К «потреблению» культуры пытаются приучить детей:

¹⁴ Мы обсуждаем досуговые практики, характерные для городской инфраструктуры Санкт-Петербурга, что, конечно, делает их особенными.

Ну, мои дети ходят в художественную студию при Эрмитаже два раза в неделю... Более-менее регулярно мы ходим в театр, да. Ну, какие-то такие, либо это детские спектакли, либо это такие более-менее взрослые, классика какая-то, я стараюсь их водить (ж., 39 лет, домохозяйка, двое детей).

Посещение музеев и театров, приобщение к памятникам истории и культуры является частью жизненного стиля среднего класса:

Вот вчера мы, например, ходили в Эрмитаж... до этого, ну, там и в Зоологический музей мы ходили, мы ходили в театр, мы ходили на концерт... (ж., 34 года, домохозяйка).

Шопинг как повседневная практика

Культурное потребление противопоставляют быту, насыщенному мелкими и неприятными обязанностями, бытовые заботы стараются минимизировать за счет технологизации быта и наемной рабочей силы. Однако полностью их исключить невозможно, поэтому, например, деятельность по приобретению продуктов питания и одежды российские «средние» осуществляют сами, и часто с большим удовольствием:

Это очень важное для меня ощущение... любой товар в этом магазине я могу купить без особых размышлений... потому что мне он понравился. Просто хочу я французский сыр, я его покупаю, и все (ж., 47 лет, ведущий инженер крупного предприятия).

Материалы интервью демонстрируют, что представители среднего класса посвящают много времени приобретению продуктов питания и одежды. Здесь также существуют общие для всей группы практики. В частности, это автошопинг. Почти все информанты покупают продукты раз-два в неделю в крупных супермаркетах или на рынках, отправляясь за покупками на собственных авто. В полных семьях это, как правило, семейная практика, которая предполагает участие обоих супругов, в иногда и детей: «Мы едем на выходные в ближайший большой магазин, в “Ленту”, там, или в “Пятёрочку”, покупаем сразу много продуктов» (ж., 27 лет, маркетолог). В крупных

торговых центрах делаются закупки на неделю. Скоропортящиеся или быстро расходуемые продукты покупают в любых торговых точках поближе к дому. Ушла в прошлое советская практика закупки круп или консервов впрок, когда покупка «про запас» была своеобразной страховкой в условиях дефицита (Герасимова, Чуйкина, 2004: 75). Продовольственное изобилие дает возможность «средним россиянам» не заботиться об отсутствии того или иного пищевого продукта, были бы деньги.

Одним из характерных признаков, который отличает потребление продуктов питания постсоветским средним классом, является внимательное отношение к качеству продуктов.¹⁵ Здоровое питание — один из «пунктиков» российского среднего класса:

Я часто ем каши с чем-то таким, ну, сухофрукты, там, полезная пища. По выходным жена что-то варит, что-то делает. Мы вообще стараемся общепитом не пользоваться. Наш общепит абсолютно негоден (м., 38 лет, директор по персоналу).

При выборе одежды информанты предпочитают покупать ее в фирменных магазинах, продающих известные бренды. Также практикуются целенаправленные шоп-туры в Европу:

То, что касается одежды, я покупаю, когда езжу к родственникам в Германию. Покупаю одежду там, в хороших магазинах во время распродаж (ж., 36 лет, менеджер).

Подобные практики говорят о том, что представители исследуемой группы являются компетентными покупателями, которые информированы о брендах, качестве товаров повседневного употребления и хорошо ориентируются в возможностях рынка.

¹⁵ Схожую тенденцию отмечает в своем исследовании потребительского поведения на рынке продовольствия Л.Т. Волчкова: «Можно заметить тенденцию повышения уровня потребительской компетенции. Потребители стали больше знать и интересоваться производителями, они больше знают о марках продаваемых продуктов» (Волчкова, 2001: 96).

Революция благосостояния

В своей известной работе «Различение: социальная критика суждений вкуса» Пьер Бурдьё, говоря об отношениях, возникающих между исходными потребительскими привычками индивида и его продвижением вверх по социальной лестнице, заметил, что в данном случае не исключен стилевой конфликт. «Несоответствие между двумя ситуациями обычно является результатом разрыва (если не пропасти) между потребительскими практиками, сложившимися на ранних стадиях развития личности (так называемая *среда-I*), и теми потребительскими привычками, которыми человек пытается овладеть на более поздних стадиях своей карьеры и жизни (*среда-II*)» (Bourdieu, 1989: 66–69).

Новый стиль жизни требует от представителей среднего класса усвоения определенных навыков поведения, которые в прошлом *воспитывались с детства* в среде привилегированных социальных слоев. Подобные поломки социальной роли можно объяснить, используя концепцию габитуса, разработанную Пьером Бурдьё.¹⁶ Габитус представителей постсоветского среднего класса изначально формировался в условиях экономики дефицита. Их современные потребительские практики имеют относительно короткую историю и еще только оформляются в непротиворечивую систему схем восприятия и привычного действия,¹⁷ то есть нового габитуса «среды-II». Разрыв между потребительскими практиками, сложившимися на ранних стадиях развития, и практиками, усвоенными после перехода к рынку, создает ситуацию, когда специфический габитус постсоветского среднего класса получает транзитивный характер. В нем присутствуют как элементы, характерные для быта советских специалистов, так

¹⁶ *Габитус* — система схем восприятия и оценивания, когнитивные и развивающиеся структуры, которые агенты получают в ходе их продолжительного опыта в какой-то позиции в социальном мире. Габитус есть одновременно система схем производства практик и система схем восприятия и оценивания практик (Бурдьё, 1993: 87–125).

¹⁷ Ханс Абельс, разбирая работы Щюца, говорит, что в традиции феноменологии «действие всегда скрывает в себе будущее, а действие — всегда прошлое. Действие всегда предшествует действию» (Абельс, 1998: 128). Можно добавить, что «действие», для того чтобы стать «действием», должно приобрести рутинный характер практики.

и инновации, усвоенные за последние 15 лет рыночной экономики и резкой социальной поляризации: технологизация быта, наем домашней прислуги, инвестиции в дополнительное образование и здоровье и, главное, иной способ потребления товаров и услуг, ориентированный на удовлетворение растущих потребительских желаний.¹⁸ Практики потребления стали материалом для выстраивания стратификационных границ, определяющих принадлежность к среднему классу и его специфический габитус.

Основания «нового быта» включают собственную недвижимость, выбор престижного образовательного учреждения для детей, доступ к качественному медицинскому обслуживанию и рекреативным сервисам. Когда основные условия созданы, открываются возможности для удовлетворения потребительских фантазий, связанных с индивидуальными вкусами (предпочтениями). На этой стадии проявляются нюансы потребительских стратегий. Покупатели принимают решения: на что потратить текущие средства? На дизайнерское оформление жилья или на квартиру в более престижном районе? На обновление транспортного средства или дополнительный (к уже имеющимся) образовательный сервис для ребенка? На отпуск в Европе или на приобретение загородной собственности?

Представители формирующегося российского среднего класса начинают называть большую по размеру комнату в квартире холлом, на стенах которого размещают товары престижного потребления и предметы искусства, им *«хочется, чтобы дома был камин»* (м., 38 лет, директор по персоналу). С одной стороны, российские «средние» жаждут нового уровня комфорта, с другой — очевидно стремятся к демонстративному потреблению высшего класса. Одна из информанток, например, планирует выехать жить в пригород, ориентируясь на модель коттеджа, характерную для американского среднего класса: *«Мне кажется, что для нашей семьи большой комфортный коттедж — единственное решение, нам тесно в городской квартире»* (ж., 30 лет, экономист).

В желаниях людей из российского среднего класса отражаются трудные поиски собственного стиля: *«Она [подруга информантки из*

¹⁸ Зигмунд Бауман, характеризуя современную эпоху, подчеркивал, что, «размягчив любую твердь и осквернив все святыни, эпоха модернити открыла путь в эру постоянной дисгармонии между желаниями и возможностями» (Бауман, 2002: 73).

той же социальной среды] мечтает, чтобы люстра была старая и хрустальная, как в Эрмитаже» (ж., 32 года, журналист). Никто не желает быть совершенно незаметным и в то же время полностью отличаться от других: «Нам хотелось обставить новую квартиру не хуже, чем у других» (ж., 36 лет, менеджер). «Средние» россияне осваивают стратегию балансирования между типичностью и уникальностью, между ограниченными доходами и избыточными тратами, между возможными и желаемыми образцами потребления.

В виду отсутствия общей «системы схем восприятия и оценивания», то есть габитуса, представители постсоветского среднего класса ориентируются на модели потребления среднего класса западных обществ, а также на собственные интерпретации потребительского стиля дворян досоветской России. Кроме того, журнальный и книжный рынок наводнен «советами по стилю». Мужские и женские гляцевые журналы, книги, посвященные манерам и формам статусной самопрезентации, составляют часть литературного багажа россиян из среднего класса (Чернова, 2003). Они помогают создавать стилистически цельные ансамбли потребляемых товаров и услуг, которые бы подчеркивали вкус и выстраивали символические границы как с нижним классом, так и с группой российского общества, обеспеченной выше среднего уровня.

Можно констатировать гибкость и изменчивость стратегий потребления постсоветского среднего класса. Например, новой тенденцией, получившей массовое распространение с 2005 г., можно считать вовлечение значительной части населения в получение кредитов, доступ к которым в предыдущие годы был очень ограничен. Первая лавина, когда резко возрос объем выданных кредитов, была в 1993—1994 гг. После 1994 г. кредитование было приостановлено, финансовые структуры «расхлебывали» последствия невозвратов. А с 2004 г. опять наблюдается пропаганда и активность в сфере кредитования населения. Эти тенденции связаны со стабилизацией курса рубля, экономическим ростом и появлением надежды на лучшую жизнь (Орешкин, 2006).

Итак, потребление нового среднего класса можно описать с помощью трех маркеров. Во-первых, средний класс формирует потребительские стратегии, которые носят перспективный и долгосрочный характер. «Средние русские» в первую очередь вкладывают в недвижимость, образование (свое и особенно детей) и здоровье. Во-вторых, практики потребления, представленные в интервью, дают возмож-

ность назвать их глобальными потребителями, поскольку они ориентируются на стандарты образа жизни среднего класса богатых западных стран (коттеджи, дорогое образование, наемный домашний труд, потребление «культурных ценностей»). Представления о западных стандартах потребления часто мифологизированы — они почерпнуты из медиа и/или сформулированы благодаря личному опыту посещения этих стран. Наряду с этим прослеживается ориентация на «потребительское славянофильство». В интервью воспроизводятся отсылки к стилистическим образцам русской дворянской усадьбы XIX в., почерпнутые как будто из произведений Гончарова, Лескова или Тургенева (представления о «хорошем образовании», «верные Арины Родионовны» и пр.). Отчасти это происходит потому, что «характер приобретаемых благ определяется не тем, кто ты есть, а тем, кем ты хочешь казаться» (Радаев, 2005: 10). В-третьих, при общей направленности на приобретение долгосрочных товаров и услуг огромное значение придается комфорту и гедонистической интерпретации потребления.

Тенденцию трансформации социалистических обществ в общества потребления Жан Бодрийяр отмечал еще в 1970 г.: «...в социалистических странах мы также видим, что “Революция благосостояния” приходит на смену политической и социальной революции» (Бодрийяр, 2006: 75). Общие, как для социалистических, так и для капиталистических обществ второй половины XX в., тенденции «потребительского поворота» выразились в том, что «биографии героев производства уступают повсюду сегодня место биографиям героев потребления» (Бодрийяр, 2006: 70), причем не только в странах Запада. К концу XX в. в постсоветской России на примере среднего класса мы можем наблюдать, как общество труда постепенно трансформируется в общество потребления.

Литература

- Абельс Х. (1998). Романтика, феноменологическая социология и качественное социальное исследование, *Журнал социологии и социальной антропологии*, т. I (1), с. 114–138.
- Александров Д., Бессуднов А., Богданова Е. (2005). Рационализация небратима, *Эксперт. Северо-запад*: № 27 (232), также доступно по адресу: <http://www.expert.ru/science/2005/07/27no-sspct1/>

- Александрова О.А. (2002). Российский средний класс: идейный контекст становления, *Общественные науки и современность*, № 1, с. 25–33.
- Бавин П. (2006). В ожидании среднего класса, *Социальная реальность*, № 1, с. 7–13.
- Бауман З. (2002). *Индивидуализированное общество*. М.: Логос.
- Беляева Л.А. (1999а). *Средний класс в современном российском обществе*. М.: РОССПЭН.
- Беляева Л.А. (1999б). В поисках среднего класса, *Социологические исследования*, № 7, с. 72–77.
- Беляева Л.А. (2005). Социальные слои в России: опыт кластерного анализа, *Социологические исследования*, № 12, с. 57–64.
- Блаженкова О., Гурова Т. (2000). Класс. Средние русские, *Эксперт. Северо-запад*, № 34–35 (247), с. 34–35.
- Бодрийяр Ж. (1999). *Система вещей*. М.: Рудомино.
- Бодрийяр Ж. (2006). *Общество потребления*. М.: Республика: Культурная революция.
- Браун В.Дж., Русинова Н.Л. (1999). Социальные неравенства и здоровье, *Журнал социологии и социальной антропологии*, т. II (1), с. 103–114.
- Бурдье П. (1993). *Социология политики*. М.: Socio-Logos.
- Веблен Т. (1984). *Теория праздного класса*. М.: Прогресс.
- Волков В. (2002). *Силовое предпринимательство*. СПб.: Летний сад.
- Волчкова Л.Т. (2001). Потребительское поведение на рынке продовольствия как объект исследования, в кн.: Л.Т. Волчкова, Ю. Гронов, В.Н. Мишина, ред. *Социология потребления*. СПб.: Социологическое общество им. М.М. Ковалевского, с. 78–97.
- Герасимова Е., Чуйкина С. (2004). Общество ремонта, *Неприкосновенный запас*, № 2 (34), с. 70–77.
- Герасимова М.В., Громова Е.И., Шпара К.И. (2005). Автопортрет среднего класса в Санкт-Петербурге, *Журнал социологии и социальной антропологии*, т. VIII, № 2, с. 165–179.
- Гладарев Б. (2004). Трудовые стратегии «советских специалистов» в конце 90-х гг.: проблема укорененности экономического поведения, *Вопросы экономики*, № 12, с. 141–152.
- Голофаст В.Б. (2000). Люди и вещи, *Социологический журнал*, № 1–2, с. 58–65.
- Добрынина Е. (2005). Кто нам должен — всех прощаем, *Российская газета*, 7 дек.
- Кивинен М. (2004). Средний класс в современной России, *Мир России*, № 4, с. 143–170.
- Козина И. (2003). Усиление влияния неформальных механизмов распределения ресурсов как следствие трансформации системы здраво-

- охранения, в кн.: И. Олимпиева, О. Паченков, ред. *Неформальная экономика в постсоветском пространстве: Проблемы исследования и регулирования*. СПб.: ЦНСИ, с. 90–99.
- Козлова Н. (2005). *Советские люди. Сцены из истории*. М.: Европа.
- Кравченко С., Письменная Е. (2005). Остается умыться руки, *Русский Newsweek*, № 20 (50).
- Красильникова М. (2005). Доходы и потребление в условиях экономического роста, *Вестник общественного мнения: данные, анализ, дискуссии*, № 1 (75), с. 34–40.
- Лебина Н.Б. (2006). *Энциклопедия банальностей. Советская повседневность: Контуры, символы, знаки*. СПб.: Дмитрий Буланин.
- Лсвада Ю., ред. (1993). *Советский простой человек*. М.: Мировой океан.
- Малева Т., ред. (2003) *Средние классы в России: экономические и социальные стратегии*. М.: Гендальф.
- Николаев В. (2005). Советская очередь: Прошлое как настоящее, *Неприкосновенный запас*, № 5 (43), с. 55–61.
- Орешкин А. (2006). Кредитная история болезни, *Город weekly*, № 12.
- Осокина Е. (2005). Прощальная ода советской очереди, *Неприкосновенный запас*, № 5 (43), с. 48–54.
- Попова И.П. (2005). Средние слои, средний класс в российском обществе — к проблеме соотношения, *Социологические исследования*, № 12, с. 65–76.
- Порецкина Е.М. (2001). Изменения в потреблении в конце 1990-х гг.: новые черты потребительских моделей петербургских семей, в кн.: Л.Т. Волчкова, Ю. Гронов, В.Н. Минаева, ред., *Социология потребления*. СПб.: Социологическое общество им. М.М. Ковалевского. с. 40–60.
- Радаев В.В. (2005). Социология потребления: основные подходы, *Социологические исследования*, № 1, с. 5–17.
- Романов П., Ярская-Смирнова Е. (2005). Фарца: Подполье советского общества потребления, *Неприкосновенный запас*, № 5 (43), с. 62–68.
- Российский средний класс... (2003). *Российский средний класс: динамика изменений (1999–2003 гг.). Аналитический доклад*. М.: АИРО-XX.
- Семёнова В., Фотева Е., ред. (1996). *Судьбы людей. Россия. XX век*. М.: ИСАН.
- Цирель С.В. (2004). Рыпчная экономика и типы потребления, *Экономический вестник Ростовского государственного университета*, № 2 (1), с. 45–58.
- Чернова Ж.В. (2003). «Корпоративный стандарт» современной мужественности. Инструкция по созданию, *Социологические исследования*, № 2, с. 97–104.
- Шанкина А.Ю. (2003). Средний класс в России: охота на Несси, *Политические исследования*, № 1, с. 103–111.

- Шрадер Х. (1999). *Экономическая социология*. СПб.: Петербургское востоковедение.
- Шюц А. (1988). Структура повседневного мышления, *Социологические исследования*, № 2, с. 129–137.
- Bourdieu P. (1989). *Distinction: A Social Critique of the Judgment of Taste*. New York: Routledge.
- Friedmann G. (1961). *The anatomy of work*. London: Heinemann.
- Havighurst R.J., Feigenbaum K. (1959). Leisure and life style, *American Journal of Sociology*, N 63, p. 152–162.
- Lovell S. (2003). *Summerfolk: A History of the Dacha, 1710–2000*. Cornell: Cornell University Press.
- Oswald I., Dittrich E., Voronkov V., Hg. (2002). Wandel alltäglicher Lebensführung in Russland: Besichtigungen des ersten Transformationsjahrzehnts in St. Petersburg. Hamburg: LIT.
- Roos J.P., Sicinski A. (1987). Ways of Life in Finland and Poland, *Comparative Studies on Urban Populations*, vol. 63, N 4.

Лариса Шпаковская
**«МОЙ ДОМ – МОЯ КРЕПОСТЬ».
ОБУСТРОЙСТВО ЖИЛЬЯ
НОВОГО СРЕДНЕГО КЛАССА**

Исследование жилого пространства позволяет реконструировать практики повседневного обихода, формы социальных взаимодействий, происходящих в нем, социальные нормы, ценности его обитателей. Анализируя практики обитателей французского аристократического дома, Норберт Элиас исходит из того, что «каждому виду совместного пребывания людей соответствует определенное пространство, в котором входящие в то или иное объединение люди — пусть не все сразу, но, по крайней мере, частями — действительно пребывают или могут пребывать совместно» (Элиас, 2002: 58–59). Домашнее пространство оказывается наглядной репрезентацией того типа социальной организации, которая в нем размещается.

При попытке концептуализации жилья важным оказывается аналитическое разделение на приватную и публичную сферу социальной жизни. Дом, семья и домашнее хозяйство обычно ассоциируются с пространством приватным, а политическая сфера, сфера гражданской и экономической активности — с пространством публичным. Границы между публичным и приватным жестко не определены, варьируются от общества к обществу и часто являются проницаемыми и условными. В статье эти категории используются для описания социально-пространственной структуры жилья представителей нового среднего класса.

Разделение на приватное/публичное важно и тем, что оно позволяет связать пространственные категории и категории гендерного устройства. Наиболее влиятельные традиции концептуализации публичной сферы в политической философии ассоциируют ее с политической активностью, миром дискуссий, дебатов, коллективных ре-

шений, а также деятельностью государства, рынком и экономикой. Приватная сфера выделяется в противовес публичной и включает в себя все то, что не относится к сфере публичной, т. е. дом, домашнее хозяйство, семью (Weintraub, 1997). Феминистские исследователи ставят под сомнение конвенциональное разделение на публичное/приватное и утверждают, что эти две сферы являются взаимосвязанными, гендерно маркированными и неравноположенными. Публичная сфера буржуазного общества рассматривается ими как сфера преимущественно мужской активности, а приватная — женской, домашней, вторичной по отношению к мужской.

Для многих европейских стран прошлого века, в том числе и России, характерен другой вариант разграничения и гендерного дисбаланса, и приватной/публичной сфер. Как в социал-демократической, так и в коммунистической идеологии государственная политика была направлена на существенные изменения в повседневных и гендерных практиках домашней сферы, например в областях гигиены, воспитания и эффективности домашних работ. В Советском Союзе государство пыталось радикально вмешаться в домашние отношения. По мнению исследователей советского общества (Shlapentokh, 1989; Хархордин, 2002; Reid, 2006), границы публичного/приватного не являлись жестко очерченными, были прозрачными и проницаемыми в связи с тем, что государство вторгалось в те сферы жизни, которые в либеральной политической традиции рассматриваются сферами приватности — семья, дом, дружеские и любовные отношения — и куда вторжение публичных институтов может осуществляться только в случаях крайней необходимости.

Сферами вмешательства советского государства в приватное применительно к исследованию жилья и его гендерной маркированности могут быть названы прежде всего жилищная и гендерная политика. Советское государство в разные периоды так или иначе стремилось регулировать, организовывать быт и жилье советских граждан, централизованно планируя и осуществляя жилищное строительство, создавая жилищные нормы и стандарты, распределяя жилье среди граждан, инициируя кампании по организации быта. Советская гендерная политика активно вторгалась в семейную жизнь, поддерживая женщин: предоставляя пособия, отпуск по уходу за ребенком, осуществляя поддержку матерей-одиночек и создавая инфраструктуру детских дошкольных оздоровительных и образовательных учреждений и т. п. Целью было создание возможностей для совмещения жен-

щинами материнских обязанностей и оплачиваемого труда. Прежде чем подойти к анализу организации жилья представителями современного российского среднего класса, кратко остановимся на специфике организации советского домашнего пространства и гендерного разделения советской эпохи.

Советское жилье: структуры пространства и гендерные отношения

Советское государство было практически полным монополистом в жилищной сфере. Его политика определяла жилищные возможности советских граждан. С точки зрения типа собственности советское жилье разделялось на государственное, кооперативное и частное. Доля государственного жилого фонда к 1989 г. составляла 84,6%. Кооперативный фонд составлял в среднем в городах от 3 до 15% (РСФСР в цифрах..., 1990). Доля частного жилья в городах являлась минимальной, так как обычно предполагала отдельные дома коттеджного или «деревенского» типа. Таким образом, большая часть городского жилья принадлежала государству, а большинство горожан законодательно рассматривались как квартиросъемщики. В этих условиях возможности выбора жилья, его местоположения и качества являлись ограниченными. Государство распределяло жилье и предоставляло его своим гражданам в пожизненное пользование. Это означало, что жильцы не имели права им свободно распоряжаться: продавать, покупать, передавать по наследству. Смена или приобретение жилья осуществлялись при помощи института прописки, а также через обмен жилплощадью, возможный с разрешения и под контролем государственных органов (Высоковский, 2001: 164).

С точки зрения способа заселения можно выделить два основных типа советского городского жилья: коммунальные квартиры, предназначенные для заселения несколькими семьями, и квартиры отдельные, предназначенные для посемейного заселения. Например, в Ленинграде к началу рыночных реформ 16% квартир были коммунальными. В центральной части города почти каждая вторая квартира являлась коммунальной (42%). К середине 1990-х в них продолжали проживать 23,8% петербуржцев. Коммунальными, как правило, являлись квартиры, расположенные в домах дореволюционной постройки, из которых примерно четверть прошла капитальный ремонт за годы советской власти. Таким образом сохранились тысячи крупногаба-

ритных квартир, в которых ранее проживали семьи высших чиновников, аристократии, промышленников. В советское время почти все эти квартиры были заселены несколькими семьями (Корнев, 2005: 73).

Коммунальная квартира представляла специфический способ организации жилого пространства. Там не только в одной комнате могла проживать семья, нередко состоящая из нескольких поколений, но соседствовали семьи разного социального происхождения, образования, уровня дохода (Там же). Все пространство коммунальной квартиры разделялось на два больших сектора — места общего пользования и комнаты индивидуального или семейного проживания. Комнаты жильцов в миниатюре представляли собой «весь дом». Жильцы разбивали свои отдельные комнаты на зоны, разгораживая их ширмами, занавесками и шкафами. Вместе с тем места общего пользования — прихожая, кухня, туалет, ванная, коридор, становились местами вынужденного соприсутствия чужих людей (Герасимова, 2000: 75—77; Утехин, 2001: 14—28). Приватность и личное пространство в коммунальной квартире, таким образом, были крайне ограниченными. Даже непосредственно «приватные» пространства (комнаты жильцов) оказывались проницаемыми для посторонних. В них проникали звуки и запахи из соседних помещений, в любой момент мог заглянуть сосед, чтобы обратиться с тем или иным вопросом. Совместное проживание в одной комнате нескольких поколений делало невозможным наличие личного автономного пространства для каждого из жильцов или отдельной супружеской пары. При этом степень «присутствия» государства в коммунальном жилье была крайне велика. Жилищные нормы и способ заселения строго контролировался государством (Герасимова, 2000: 75—77). Кроме того, отсутствие приватности в коммунальной квартире часто использовалось государственными органами для контроля повседневной жизни граждан. Милиция, ЖЭКи и органы внутренней безопасности поддерживали, а иногда и непосредственно провоцировали и организовывали жалобы, доносы соседей, сбор информации друг на друга (Shlapentokh, 1989: 181).

Вторым типом жилья являлись отдельные квартиры, массовое строительство которых началось в конце 1950-х. С этого времени доля отдельных квартир, предназначенных для посемейного заселения, в государственном жилищном фонде неуклонно возрастала. «Уровень приватности» в таком жилье был несравнимо выше, чем в коммунальных квартирах. Однако исследователи советской повседневности отмечают, что приватности отдельной нуклеарной семьи,

которая часто декларировалась советскими идеологами, в таких квартирах достигнуто не было по нескольким причинам. Во-первых, домашнее пространство такого жилья рассматривалось государством как способ регламентации и нормирования быта советских граждан. Квартира стала объектом «социальной инженерии», как и во многих других странах (Saarikangas, 1993). Строительство массового жилья централизованно планировалось, а проекты квартир являлись типовыми и эксплицитно предполагали не только санитарные нормы и нормы жилой площади на человека, но также типы и формы семейных отношений и бытовые практики, возможные в нем. Дом в советской идеологии не являлся территорией, отгороженной от остального мира, где можно спрятаться, закрыв за собой дверь, но был объектом «публичного» интереса. В разные периоды советской истории жилье становилось объектом идеологических кампаний, направленных на реорганизацию быта граждан в соответствии с провозглашенными эстетическими, санитарными и поведенческими нормами (Reid, 2006: 153). Во-вторых, постоянный жилищный дефицит приводил к тому, что в типовых квартирах, рассчитанных на посемейное заселение, жили семьи, состоящие из нескольких поколений, и это стало обычной практикой. Выросшие дети, образовавшие свою семью, не имели возможности найти отдельное жилье и продолжали жить со своими родителями. Поэтому каждая из комнат могла быть отведена семьям разных поколений, а потому предназначаться одновременно для всех видов повседневной деятельности: для работы, отдыха и приема гостей (Лебина, Чистиков, 2003: 180).

Однако, несмотря на все формы вмешательства в домашнюю сферу, она оставалась территорией наименьшего присутствия государства. Она активно осваивалась советскими гражданами в качестве территории индивидуального выбора и личной автономии. Граждане отнюдь не являлись пассивными получателями государственного жилья, действовавшими в соответствии с предписанными бытовыми, санитарными и эстетическими нормами. Они использовали жилье в соответствии со своими потребностями, вкусами и интересами. Мелкие реконструкции, ремонт, ручное изготовление предметов домашнего интерьера, собирание памятных и любимых предметов являлись практиками присвоения стандартного жилого пространства и были направлены на то, чтобы сделать его «домом», т. е. уютным, индивидуальным пространством (Reid, 2006: 157–164). Культуролог Светлана Бойм назвала способ создания интерьеров советских квартир

«эстетикой выживания». Такая эстетика допускает присутствие рядом совершенно разнородных предметов, например китайского термоса, хрустальной вазы, фарфоровых статуэток, репродукции портрета Пушкина. Общий стиль или идея такой композиции не важны. «Эстетика выживания» не подчиняется принципам статусного потребления. Она воплощает стремление к стабильности и призвана маркировать личное пространство, наполнять его свидетельствами личной биографии. Таким образом, все идеологические кампании по реорганизации советского быта потерпели поражение в квартирах граждан. «Домашний хлам взбунтовался против всех идеологических чисток» и продолжал заботливо собираться и сохраняться советскими гражданами (Бойм, 2002: 192).

Владимир Шляпентох, анализируя процессы, происходившие в позднесоветском обществе, определил их термином «приватизация». Приватизация понимается им как постепенная потеря советским государством доверия и поддержки со стороны граждан, а также все большее их вовлечение в разные виды деятельности, не связанные с государственными целями и интересами. Практически приватизация выражалась в увеличении значения и роли частных институтов — семьи, дружеских и любовных отношений — в жизни советских граждан, развитии неофициальной публичной жизни и эксплуатации государственных постов и позиций в личных целях. Иначе говоря, изъяв свои интересы и энергию из государственных институтов, граждане все больше стали переносить их в сферу частного (Shlapentokh, 1989: 153—154). Приватизация жилья была связана с растущим стремлением получить отдельное жилье, выбирать соседей, друзей, знакомых, проводить в дружеском и семейном кругу как можно больше времени. Этот же процесс проявлялся в том, что некоторые виды деятельности, часто характерные для публичного пространства, стали осуществляться в квартирах. К ним относились политическая, религиозная активность, дебаты по социально-политическим вопросам, образовательная деятельность, светская жизнь, некоторые формы экономической, производственной активности вне государственных институтов. Поэтому некоторые исследователи советского общества называют советское домашнее пространство «частично-публичным» или «вторым обществом» (Shlapentokh, 1989: 190; Чуйкина, 2000: 157). На квартирах проходили подпольные выставки, регулярные собрания религиозных и философских кружков, и даже домашние молебны. Квартиры могли стать также прибежищем для

теневой экономической деятельности. Дома шили и вязали на продажу, стригли клиентов, печатали самиздатовскую литературу, предоставляли репетиторские услуги и даже организовывали подпольные магазины. Кроме того, в «закрытом» советском обществе, где открытый политический протест был невозможен, инакомыслие и инакодействие в частной жизни представляли единственную возможность проявления политической оппозиции. Инакомыслие принимало форму протестной организации частной жизни. У диссидентов «культурного» плана практики сексуальной свободы становились важны для их «политического лица» (Чуйкина, 1996). Приватная сфера, таким образом, компенсировала дефицит товаров, услуг, политических свобод в сфере публичной. Она становилась пространством, где было возможно выражение личных вкусов, политических мнений, в противовес официальной публичной жизни, где необходимо было лицемерить (Хархордин, 2002: 475).

Советской идеологией дом конструировался как женское пространство. Женщина признавалась ответственной за его содержание и поддержание уюта. Ее роль дома определялась понятием «хозяйка» (Reid, 2006: 148). Контракт работающей матери декларировал равенство мужчин и женщин в публичной сфере, одновременно возлагая на женщин функции материнства и ответственность за организацию семейного быта. На практике женщины занимались организацией приватной сферы: закупкой продуктов и необходимых товаров, приготовлением еды, устройством домашних праздников, приемом гостей, пошивом и ремонтом одежды. Мужчинам отводилась вторичная роль при организации быта. Их роль в воспитании и заботе о детях была крайне ограничена, и предписывались помощь в закупках, ремонтные, сантехнические, электротехнические работы. Такое разделение труда в семье дало возможность некоторым исследователям говорить об альянсе женщины и государства, женском доминировании в приватном и отчуждении мужчин в этой сфере (Kukhterin, 2000; Здравомыслова, Тёмкина, 2003; Хасбулатова, 2005; Чернова, 2007). Совместное проживание нескольких поколений в одном жилом пространстве облегчало заботу о детях, а также уборку, приготовление еды путем разделения этих обязанностей между женщинами разных поколений. В помощь по организации быта активно вовлекались дружеские сети и блат, позволявшие так или иначе справляться с дефицитом. Фактически официальный гендерный контракт закреплял традиционное разделение ролей в домашнем пространстве (Тёмкина, Роткирх, 2002).

Постсоветские политические и экономические изменения привели к кризису и существенной трансформации социальной политики, поддерживающей гендерный контракт работающей матери. Государство перестало играть монопольную роль в формировании гендерных контрактов, частично разрушается система социальной и идеологической поддержки материнства. В этих условиях появляется новое качество частного, обусловленное тем, что государственная политика в меньшей степени вторгается в частную сферу, в большей степени отдавая вопросы воспитания и заботы о детях, а также обеспечение жильем в сферу ответственности отдельных индивидов и семей. Таким образом, у граждан в принципе появляется больше возможностей выбора как типа жилья (через рыночные механизмы покупки-продажи жилья), так и формы семейных отношений (разделение ролей супругов и степень вовлеченности их в оплачиваемый труд). Получает распространение буржуазный идеал мужчины-кормильца, обеспечивающего благосостояние сугубо частной домашней сферы.

Однако вопрос о том, какое качество приобретает частная сфера в современном российском обществе, остается открытым и малоисследованным. Какие практики, какие пространственные структуры, гендерные роли и отношения наполняют эту частность? Какие трансформации пережила эта сфера? Что появилось в ней нового? Попытаемся наметить ответы на эти вопросы, опираясь на данные интервью, собранные в рамках проекта «Новый быт».

Жилье нового среднего класса: пространства и мечты о социальной сегрегации

В 1990-х гг. государственная социальная политика изменяется и становится более либеральной. Либерализация предполагает развитие рыночных механизмов, а также новых государственных и коммунальных политик, менее явно и прямо регулирующих частную сферу. Сначала рассмотрим, как изменились жилищные условия горожан и какие возможности для организации повседневной жизни в связи с этим возникли, а затем проанализируем то, как изменились гендерные отношения в семье в связи с изменением жилищной и гендерной политики.

Государство перестает быть монопольным собственником жилья, постепенно развивается рынок недвижимости. В 1991 г. выходит закон «О приватизации жилого фонда в Российской Федерации», который дает возможность бывшим советским квартиросъемщикам приватизировать свое жилье. Развивается законодательная база, позволяющая покупку и продажу жилья, появляются агентства недвижимости. Коммуналки постепенно расселяются и превращаются в отдельные квартиры и офисы (хотя спрос на комнаты как недорогое жилье продолжает сохраняться). Одновременно частные строительные компании начинают крупномасштабное строительство жилых домов. В центре и в спальных районах города появляется множество домов, отвечающих современным требованиям и рассчитанных на людей с разными вкусами. Рынок продажи и аренды жилья, современные жилищные площади создают новые возможности для выбора месторасположения и типа жилья относительно зажиточных горожан. Эти возможности, в свою очередь, определили процессы пространственной сегрегации жителей по доходам и стилям жизни, начавшиеся в Петербурге, как и в других городах, в 1990-е гг. Представители среднего класса также оказываются включенными в процессы пространственной сегрегации, они стремятся создать социально однородную жилую среду.

На первый взгляд, в Петербурге не существует социально однородных районов, в которых жили бы исключительно представители среднего класса. В центральной части города продолжают сосуществовать отдельные и коммунальные квартиры. Жителями коммуналок, как правило, являются горожане, чей уровень дохода не позволяет купить или снять отдельную квартиру (Корнев, 2005: 80). Так называемые спальные районы также не являются социально однородными, так как там находятся дома разных лет застройки, заселявшиеся в разное время людьми разного социального происхождения. Социально однородными могут быть названы только элитные коттеджные поселки за пределами Петербурга, покупка жилья в которых доступна только людям с высоким доходом.

В интервью респонденты говорят о том, что они ощущают себя неуютно в социально неоднородных средах и стремятся к пространственной сегрегации. Несмотря на то что не все имеют возможность выбирать жилье, будучи ограниченными в средствах, можно найти множество рассказов о разного рода действиях, направленных на создание однородной социальной среды. К таким действиям относятся

попытки снять или купить жилье в городских районах или отдельных домах, кажущихся респондентам более гомогенными, чем другие.

В тех случаях, когда возможности выбора социально гомогенных городских пространств ограничены, осуществляются попытки обустроить и организовать территорию, непосредственно прилегающую к квартире. Такой территорией является подъезд, лестничная клетка. Это пространство становится местом столкновения «бытовых культур» разных социальных классов. Подростки, проводящие свободное время на лестнице, курящие, употребляющие алкоголь и наркотики, представляют серьезную проблему для «буржуазных» жильцов. Вызывают раздражение «приличных жильцов» также надписи и граффити на стенах, воспринимаемые как пространственная агрессия и проявление низкого уровня культуры. Бездомные и посторонние люди в подъездах воспринимаются как посягающие на приватность. Поэтому «буржуазные» жильцы предпринимают совместные действия для того, чтобы «привести в порядок» свой подъезд. Жильцы со сходными представлениями о предназначении и нынешнем состоянии общего пространства прежде всего стараются обеспечить безопасность домашнего пространства. Они собирают деньги («скидываются»), ставят металлические двери и домофоны в подъезде, нанимают консьержей, в некоторых случаях ставят охранные системы и системы слежения.

Все эти действия, направленные на пространственное отделение от социально «чужих», не всегда приводят к желаемому результату. Бездомные и представители низших социальных классов обнаруживаются во всех районах города. Информанты жалуются на то, что посторонние (особенно в этом подозревают подростков) проникают в подъезды, выламывают дорогие переговорные устройства, снимают доводчики с подъездных дверей, оставляют надписи на стенах. Среди жильцов обнаруживаются шумные соседи, а рядом с отдельными «расселенными» квартирами находятся коммуналки, жильцы которых отказываются соблюдать чистоту, покой, поддерживать порядок в доме. Жилое пространство среднего класса, таким образом, оказывается диффузным, а мечты о социальной сегрегации выглядят как стремление контролировать окружающую территорию, как стремление к безопасности (физической, социальной, экологической) приватной сферы. Эти идеи социальной сегрегации и создания определенного типа устройства физического пространства среднего класса становятся частью представлений об идеальном жилье в целом.

Дом идеальный и дом реальный

Жилье, его обустройство и ремонт — важная часть жизни представителей среднего класса. Оно является предметом гордости и постоянной заботы. Процесс создания личного жилого пространства — существенная часть построения «нового быта», собственного стиля жизни, утверждения жизненных стандартов среднего класса. В отсутствие директивного государственного нормирования жилого пространства появляются новые агенты влияния в этой сфере. Таковыми становятся медиаобразцы потребления, представленные как репрезентации западных стилей жизни среднего и высшего классов. Телевизионные программы, посвященные ремонту (например, «Квартирный вопрос» на НТВ, «Школа ремонта» на ТНТ, «Займемся ремонтом» на 5-ом канале), транслируют образцы нового быта. Специализированные иллюстрированные журналы, содержащие фотографии интерьерных решений, интервью с дизайнерами и владельцами квартир («Интерьер», «Ваша квартира», «Мезонин», «Табурет» и др.), продвигают модели домашнего потребления. Постоянные рубрики женских журналов дают советы по ремонту, декорированию и обстановке, каталоги товаров западных магазинов, например ИКЕА, предоставляют такие потребительские образцы в сфере домашнего дизайна. Собственники жилья имеют возможность выбирать и комбинировать их при реализации собственных жилищных проектов, будучи одновременно включенными в динамику статусного потребления, пришедшего на смену советской «эстетике выживания».

Спецификой молодой когорты среднего класса является рефлексивность, т. е. сознательная ориентация на возможность информированного выбора. Прежде чем начать ремонт или любые переделки жилья и его обстановки, информанты знакомятся с журнальными публикациями, изучают каталоги строительных компаний, ассортимент мебельных магазинов. На их основании они придумывают собственные дизайнерские проекты и решения. Более экономически привилегированные имеют возможность обратиться к услугам профессиональных дизайнеров. Информантка Лида говорит о том, что, прежде чем начать ремонт, она составляла собственный дизайнерский проект, изучая журналы и ассортимент строительных магазинов.

Кати [младшей дочери] не было, и поэтому мне времени хватало какие-то журналы посмотреть, по магазинам походить, выбрать обои и, там, паркет (ж., 33 года, домохозяйка, замужем, двое детей).

В рассказах о поиске, ремонте и обустройстве жилья всегда существует «зазор» между тем, что хотелось бы иметь, и тем, что «реально получается». Иногда рассказ о жилищной ситуации полностью подменяется рассказом о планах переезда или ремонта. Светлана, работающая молодая женщина, вместе с мужем снимает квартиру и планирует как можно скорее приобрести собственную двухкомнатную квартиру в том же городском районе, где семья проживает сейчас. Упомянув о необходимости и сложностях покупки собственной квартиры, она подробно рассказывает об идеальном жилье и том стиле жизни, который это жилье предполагает. Светлана мечтает о загородном доме, где они с мужем могли бы также работать. В данном случае разрыв мечты и реальности вполне очевиден.

...В перспективе хочется дом. И вообще у Влада [мужа] такая мечта [здесь и далее выделено мной. — Л.Ш.], такой слоган где-то просто прочитал, значит: «Живу и работаю в своем доме». Такой рекламный. И вот он говорит: «Хочу жить и работать в своем доме». Я говорю: «Ну, здорово, давай дом, значит, искать». И сейчас периодически смотрим разные объявления про дома... В ближайшем [пригороде], скажем, в Юкках где-нибудь, да, почему нет (ж., 32 года, замужем, дочь 3,5 года).

Для претворения в жизнь мечты о собственном загородном доме у семьи Светланы на данный момент недостаточно денег. Эти мечты навеяны медиаобразами и ориентированы на более высокие жизненные стандарты. Однако мечты об идеальном жилье не являются просто «фантазиями». Для их достижения прилагаются направленные усилия. Мечты об идеальном жилье вынашиваются в ситуации, когда, с одной стороны, недостаточно возможностей для их реализации, а с другой — изобретаются стратегии реализации желаемого в условиях дефицита ресурсов.

Разрыв мечты и реальности обнаруживается во всех историях ремонта квартир. Ремонт представляет собой проект, который редко воплощается так, как он был задуман. У респондентов остается чувство неудовлетворенности результатом, а сами рассказы о ремонте выглядят как истории о том, как было сложно воплотить идеальные представления о жилье в реальность. Препятствием здесь служит как нехватка денег, так и неудовлетворенность качеством ремонтных работ из-за низкого уровня профессионализма наемных рабочих.

Например, информантка Надя рассказывает о ремонте как бесконечной попытке соотнести желаемое с имеющимися ресурсами:

Но поскольку хотелось все сделать хорошо, но вписаться в определенную сумму, мы выбирали то, что в разумных пределах стоило. И я помню, что двери я долго искала, где подешевле. Поскольку примерно одно и то же разные фирмы предлагают, а стоит по-разному; я искала фирму, где дешевле (ж., 29 лет, замужем, дочь 2 года).

Таким образом, оказывается, что в рассказах респондентов жилое пространство существует в двух измерениях — реальном и воображаемом. Для приведения этих двух реальностей в соответствие предпринимаются сложные стратегии приобретения жилья, а также (иногда стратегически не менее сложные) ремонты. Рассмотрим, из чего состоит этот идеальный дом и какие действия предпринимаются для его реализации.

Конструирование приватного: приватизация домашнего пространства

Анализируя процесс создания современного домашнего пространства, мы будем говорить о конструировании приватной сферы и ее отчетливой границе с «внешним миром». Если советское домашнее пространство никогда не являлось полностью приватным в том смысле, что вмещало многие виды «публичных» активностей, то современное домашнее пространство все больше приобретает черты «полностью приватного». Иначе говоря, из него исключаются любые виды «публичной» деятельности, а само это пространство закрепляется за специфическими формами деятельности и отношениями, которые начинают рассматриваться как приватные. Вмешательство со стороны внешних, посторонних сил или лиц начинает рассматриваться как болезненное или проблематичное. Назовем этот процесс изменения границ публичного/приватного приватизацией домашнего пространства, подразумевая под ним процесс выделения домашнего в качестве отдельной, четко очерченной сферы частной жизни. Попытаемся проследить далее, как происходит приватизация домашнего пространства. Сначала остановимся на том, как осуществляется юридическое приобретение жилья в частную собственность, затем проанализируем практики ремонта и бытовые практики, направленные на символическое и физическое «отгораживание» домашнего пространства от внешнего мира.

Жилье рассматривается как семейная собственность — т. е. как территория, принадлежащая отдельной нуклеарной семье, состоящей из двоих супругов с детьми или матери с ребенком или только супружеской пары. Проживание вместе с родителями или другими родственниками считается неприемлемым или временным состоянием, а жизнь в коммунальной квартире кажется почти трагическим обстоятельством. Если советские граждане имели ограниченные возможности в выборе типа жилья, количества комнат, социального состава соседей или раздельного/совместного проживания с родственниками, завися от государственной системы распределения жилплощади, то рынок жилья открывает возможности выбора жилья. Итак, процесс приватизации домашнего начинается с юридической приватизации жилья, что дает возможность контроля данной территории.

Основные стратегии приватизации, доступные современным российским гражданам, — это покупка и аренда жилья. Далеко не все респонденты имеют возможность купить то жилье, которое представляется им желаемым. Обычно приобретение жилья сопряжено со множеством сложностей и представляет долгосрочную многошаговую коммерческую стратегию, которая требует привлечения профессиональных риэлтеров или приобретения соответствующих навыков. Например, полученная по наследству однокомнатная квартира может стать первым звеном в цепочке обменов на квартиры с большим количеством комнат, каждый из которых предполагает доплаты. Обмены осуществляются по мере появления средств и с учетом конъюнктуры рынка жилья. То же касается и продвижения к желаемому месту проживания. Шаг за шагом семьи мигрируют из менее привлекательных, с их точки зрения, районов в более привлекательные, социально однородные и престижные. Примером такой длительной жилищной стратегии может служить история переездов семьи Тани. Первое жилье появилось у семьи благодаря тому, что родители мужа переехали жить в деревню, оставив молодой семье свою квартиру.

Пришлось подвинуть других родителей. Они как раз в это время купили дом в деревне в Псковской области и уехали туда жить. Вот, мы жили в хрущовке втроем сначала, потом вчетвером, потому что родился еще сын через пять лет. И плюс еще с нами жила родная сестра моего мужа. Ну, и еще ее собака [улыбается]. Потом мы еще завели кошку [смеется]. В общем, там был дурдом. Там мы прожили примерно семь лет (ж., 38 лет, домохозяйка, замужем, двое детей).

Постепенно финансовое положение семьи стало улучшаться: муж открыл собственный успешный бизнес. Затем супруги купили трехкомнатную квартиру в отдаленном от центра «спальном» районе, вложив деньги в доленое строительство.

Потом мы переехали в Рыбацкое [окраинный район Петербурга]. Это, по-моему, мы смогли на этапе строительства еще. Вложили деньги... в хрущёвке мы жили семь лет и еще два года жили в Рыбацком в трехкомнатной квартире, в хорошей такой. Там после хрущёвки нам казалось, что такие размеры... (ж., 38 лет, домохозяйка, замужем, двое детей).

Дальнейший переезд был осуществлен в связи с покупкой пятикомнатной квартиры на Васильевском острове, в которой на данный момент проживает семья Тани.

В семьях информантов средства для покупки собственного жилья собирают постепенно, как «традиционными» способами (накапливают сбережения в домашних условиях, берут у родителей, занимают в долг у друзей и родственников), так и «новыми» способами, которые стали возможны благодаря развитию банковских услуг и других финансовых структур: кредиты, ипотека, доленое строительство. Любая покупка собственной недвижимости представляет собой сложную комбинацию множества тактик и может быть охарактеризована как «сложная», так как она предполагает кооперацию родственников, друзей, использование собственных накоплений, а также услуг новых финансовых структур. Приведенная ниже история покупки квартиры является примером такой сложности.

Примерно в это время мои родители продали свою квартиру, что там, я не знаю, как-то, как там сделки все эти были оформлены, но факт тот, что квартира была приватизирована на всех четверых, на нас с сестрой и на родителей, в результате всех, всех, там, дел у меня, мне досталась однокомнатная квартира плюс у нас уже была однокомнатная, которую мы купили, и мы, вот, вместе две квартиры продали и купили вот эту. Сложные у нас такие были пертурбации с жильем, ну, вот, в итоге мы даже нигде не снимали, ничего, то есть мы переехали сразу из нашей однушки старой вот сюда (ж., 27 лет, замужем, двое детей).

Другой жилищной стратегией является аренда жилья. Данные позволяют выделить два типа квартиросъемщиков в зависимости от их отношения к аренде. Во-первых, жилье снимают в тех случаях, когда покупка собственного оказывается проблематичной из-за отсутствия денег. В этом случае аренда рассматривается как временное состояние, которое должно закончиться покупкой своего жилья. Об обустройстве и качестве арендуемой квартиры практически не заботятся, экономя средства на приобретение собственного жилья. Во-вторых, аренда жилья может являться сознательной стратегией, не связанной с нехваткой денег.

В нашем массиве интервью выделяются две истории, представляющие сознательную стратегию предпочтения аренды. Одна из них рассказана Алиной — деловой женщиной, работающей юристом в крупной консалтинговой компании и ориентированной на карьерный рост. Она рассталась со своим мужем почти сразу после рождения ребенка. Несмотря на то что Алина имеет собственную квартиру, она в ней не живет и предпочитает снимать жилье в том доме, где проживают ее родители. Это позволяет ей организовать уход за ребенком в тех случаях, когда она вынуждена задержаться на работе или уехать в командировку. Алина использует услуги приходящей няни, но родители рассматриваются ею как важнейшие помощники в организации ухода за сыном. Алина живет отдельно от родителей, так как считает себя «очень независимым человеком» и не может позволить «посторонним людям» вмешиваться в свой быт. При этом для организации быта необходима пространственная близость с родными:

У меня родители живут прямо дверь в дверь... Потому что это съемная квартира, я вынуждена была уехать, потому что вынуждена в силу работы так жить. В принципе, у меня есть квартира в центре, в которой я не живу... Потому что где тогда будет ребенок с такими командировками? То есть где-то на подхвате все это, и няня, и работа, достаточно тяжело (ж., 32 года, не замужем, сын 3,5 года).

История Раисы похожа на историю Алины. Раиса — независимая, карьерно ориентированная женщина. Она переехала в Петербург в результате замужества, однако на момент интервью замужем не была. Доходы Раисы позволяют обзавестись собственным жильем, но она предпочитает снимать квартиру. Аренда жилья кажется ей более удобным способом организации быта, позволяя жить близко от места

работы и избегать бытовых проблем, которые обычно вынуждены решать собственники жилья.

Я снимаю квартиру. Я всегда снимаю квартиры. Очень хорошие, всегда с готовым евроремонтom. Мне так удобнее. Все зависит от того, где место работы: если меняется, тут же меняю квартиру. У меня есть своя квартира в Б., так и стоит там недвижимостью. А здесь я еще не определилась. То, что я хочу, мне это сейчас не доступно. То, что сейчас хотела бы. Меня этот вариант, честно, больше устраивает... мне проще платить и менять. Если не понравились соседи, поменяю, и нет проблем. Сейчас у нас хорошая квартира, с консьержем, все очень устраивает: квартира, мебель, хозяйка. Вообще нет проблем с этим (ж., 29 лет, не замужем, сын 2 года).

Оба этих нарратива рассказаны незамужними женщинами, для которых аренда жилья предоставляет возможность эффективной организации быта. Стратегии аренды дают возможность выбирать тип, качество и месторасположение жилья, менять жилье при необходимости, самостоятельно организовывать быт наиболее эффективным образом (например, привлекая живущих рядом родителей). Таким образом, как аренда, так и покупка жилья дают возможность организации его как личного, контролируемого пространства, которое может быть легко приспособлено к нуждам и приоритетам жильцов. После приобретения желаемого жилья конструирование приватности осуществляется в практиках ремонта и организации домашнего пространства, направленных на достижение контроля и защищенности собственной территории.

Железные двери, или «посторонний не пройдет!»

Дом среднего класса является «закрытым», или отгороженным от внешнего мира, во всех смыслах этого слова. Информанты стремятся сделать жилье закрытым от посторонних людей, от взглядов, звуков и запахов, поступающих в квартиру извне. Доступ в квартиру людей, не являющихся ее обитателями, жестко контролируется, а пребывание в квартире таких людей часто рассматривается как проблема. Ни один квартирный ремонт не обходится без установки массивных

железных входных дверей. С одной стороны, железные двери призваны обеспечить личную и имущественную безопасность, а с другой — они символически «укрепляют» границу между домом и внешним миром. Так, в рассказе Лены ремонт квартиры начинается с покупки и установки дверей.

Соответственно купила я в свое время, еще с самого-самого начала, когда только купила квартиру, купила туда двери, они до сих пор так там и стоят. Соответственно новую дверь металлическую сразу поставила. Потом меняли не саму сантехнику, а вот подключение, чтобы не текло, да. Потом вот в прошлом году вот я заказала шкаф-купе, чтобы убрать все вещи (ж., 30 лет, живет с партнером).

Окна как места, потенциально открытые для внешних вторжений, также переоборудуются. Оконные рамы, шторы, системы безопасности и слежения призваны защитить приватное пространство от посягательств. Старые окна, если позволяют средства, заменяют на «стеклопакеты», объясняя это тем, что они лучше защищают от холода и проникновения в квартиру пыли, запахов и шума с улицы.

Помимо физических барьеров, охраняющих жилье от внешнего мира, сами хозяева внимательно контролируют проникновение в дом посетителей извне. Хотя присутствие посетителей часто вызвано необходимостью или желанием обеспечить комфорт, минимизировать усилия по организации быта, их присутствие в доме ощущается как проблематичное и стесняющее. Это касается прежде всего наемных работников, занятых обслуживанием быта: няни, домработницы, строительных рабочих и т. п. Чем более «интимные» и «личные» работы они выполняют, тем с большей тщательностью к их выбору подходят, тем больше опасений связано с их появлением в доме и тем более внимательно их отбирают при приеме на работу. Так, рабочих, строителей, сантехников находят по объявлениям (в газете, на стене дома или по рекомендации). Более тщательно выбирают домработниц, так как они имеют дело с личными вещами, могут наблюдать повседневную жизнь хозяев. Домработниц часто подозревают в воровстве или в том, что они могут способствовать распространению нежелательной информации о жизни хозяев. Еще с большей осторожностью происходит выбор няни, так как помимо боязни краж и утечки информации в этом случае возникают опасения нанесения вреда ребенку или того, что «ребенок становится чужим», а его лексика и манеры могут

быть «испорчены» выходцами из низших социальных классов. Поэтому при найме нянь и домработниц (как через агентство, так и через знакомых) важны рекомендации с прежнего места работы, а также наличие обширного опыта работы. Наниматели озабочены не только их профессиональными, но и моральными качествами. От домашних работников требуется «личная порядочность», которая является главным гарантом доверия. Их работу, особенно на начальном этапе, пытаются жестко контролировать, устанавливая видеокамеры, оставляя включенные диктофоны в случае отсутствия хозяев.

Посторонние в доме нежелательны не только в связи с тем, что они могут нанести тот или иной ущерб. Их присутствие воспринимается как затруднительное для хозяев, так как принуждает к «публичному» типу поведения, поддержание которого в приватной сфере кажется утомительным. Иначе говоря, перед чужаками «играют», ведут себя «напоказ», «держат лицо» в то время как дом предполагает «естественное» поведение, открытое общение родственников и друзей. Лариса говорит о том, почему она приняла решение отдать младшего сына в частный детский сад, вместо того чтобы нанять за те же деньги няню. Няня, так же как и другие обслуживающие быт среднего класса наемные работники, воспринимается ею как «чужой человек», присутствие которого в доме нарушает его приватность и стесняет хозяев.

Просто у меня выхода другого не было, потому что опять в дом приводить какого-то чужого человека, чтобы он постоянно находился при ребенке, это было очень тяжело. Это тяжело даже в большом доме. У меня есть девочка, она очень, они очень богатые люди, большой дом, и все равно. Она говорит, что когда все уходят: строители, садовники, эти няни, учительницы, она говорит: «Я понимаю, что у меня, наверное, жизнь началась наконец-то где-то в шесть часов вечера, когда всех отпустят по своим делам, что вроде как наконец-то вздохнуть с облегчением, просто приятно, то, что ты дома один или со своей семьей, со своими детьми, не чужой человек, при котором тебе нужно дежурить, “держат лицо”» (ж., 39 лет, домохозяйка, вдова, трое детей).

Алина рассказывает о том, что няня «дисциплинирует» ее быт, заставляет придавать домашнему пространству более «публичный», «показательный» вид.

Единственное, к чему няня очень дисциплинирует, нахождение чужого человека в доме, — это то, что каждый день, вне зависимости ни от чего, я убирала вечером квартиру, ни от чего это не зависело, все равно пылесосила, убирала, все. Потому что чужой человек в доме — там уже ничего не раскидать (ж., 32 года, не замужем, сын 3,5 года).

Домашнее пространство также становится ограниченно доступным для родственников. С одной стороны, информанты, имеющие детей, ориентируются на помощь родственников старшего поколения, а с другой — вмешательство в собственный быт кажется им неприемлемым. Информанты проблематизируют доступ старших родственников в свое личное пространство. Они рассказывают, что родные посягают на их автономию, постоянно пытаются «хозяйничать», нарушают установленный порядок вещей, дают советы и ожидают их исполнения, таким образом вторгаясь в семейную приватность.

Мы обсуждали вариант, в принципе, с мужем, который предложила наша бабушка, свекровь, его мама, что, она предлагала, что, если я выйду на работу, она, в общем-то, уже пенсионер и работает, что она может оставить свою работу, жить у нас, заниматься детьми, чтобы я работала, но я такая очень склочная в этом плане, я никому дом не хочу оставлять... (ж., 30 лет, домохозяйка, замужем, дочь 7 лет).

Дом становится непроницаемым для свободного посещения друзей, незапланированных посиделок и вечеринок. Его ни в коем случае нельзя назвать «открытым домом». Сюда не заходят случайные знакомые, не могут «неожиданно нагряться» друзья. Сюда приходят наиболее близкие люди по выходным или праздникам, предварительно договорившись с хозяевами. Дружеские встречи, сборы, празднование дней рождения членов семьи переносятся в публичные пространства: кафе, рестораны, боулинги. Иногда для таких случаев арендуют речные кораблики, коттеджи, бани. Дело здесь оказывается не только в том, что собственное жилье не всегда может вместить желаемое количество гостей. Подготовка, организация праздника является «слишком хлопотным» занятием для комфортной обстановки дома, в которой происходит семейное общение и отдых. Так, информантка Лариса рассказывает, что последний «детский» день рождения

был организован в боулинговом центре. Помимо желания детей, которые предпочитали именно такую форму праздника, она упоминает удобство организации в качестве причины, по которой праздник был перенесен в публичное пространство.

И сейчас последнее время вот этот боулинг... ну это вообще не напрягает, заказал этот боулинг, дорожки, они там тихо себе играют, сидишь... (ж., 39 лет, вдова, трое детей).

Все вышесказанное ни в коем случае не означает, что гости или семейные встречи невозможны дома. Наоборот, встреча гостей и походы в гости остаются распространенным и предпочитаемым способом проведения досуга. Новым становится только то, что доступ в дом оказывается ограниченным и контролируемым. Показательно в этом смысле то, что семейный быт (а также партнерский союз), по сравнению с бытом несемейных информантов, оказывается более закрытым. Он «закрывается» по мере стабилизации отношений пары. В следующем отрывке интервью Галина рассказывает, как изменились ее отношения с родственниками после того, как она начала жить вместе со своей партнершей.

Последний год, наверное, изменилось [отношения с родственниками]. Потому что изменилась немножко моя личная жизнь. У меня, можно сказать, появилась семья своя. И я, в общем, меньше внимания, меньше у меня бывают. Раньше они ужасно любили в гости приезжать. С ночевкой, большим табором. Сестра, двое детей, мама, еще кого-нибудь позовут, тетку. На пол лягут, вечером выпивают. «Нам так у тебя нравится». Сейчас этого не происходит. И они поначалу обижались, но сейчас так вроде немножко... (ж., 35 лет, живет в лесбийской паре).

Таким образом, домашнее пространство современного российского среднего класса отличается от советской организации приватности (так же, как, возможно, и от домашнего пространства других социальных групп). В нем могут осуществляться некоторые формы общественной деятельности, возможны кухонные посиделки, празднование семейных торжеств и совместное проживание нескольких поколений родственников, разделяющих заботу о детях и бытовые работы. Домашнее пространство становится приватным и закрытым.

Приватизация имеет правовые аспекты и реализуется в интерьерных практиках защиты территории (железные двери, пластиковые окна, шторы, жалюзи), а также особом контроле посетителей.

Конструирование частного современным средним классом напоминает процесс приватизации, описанный Филиппом Арьесом. С его точки зрения, европейская приватность XX в. формируется в результате разделения социального мира при переходе от традиционного общества к современному (см., например: Арьес, 1999). Если в средневековом обществе границы между публичным и частным миром были размытыми, то постепенно этот мир стал упорядочиваться, очищаться, разграничиваться. Границы между публичным и домашним пространством стали более четко прочерчены как физически, так и в терминах различий правил поведения. Постепенно частная сфера «теплоты», эмоциональности, привязанностей и взаимной не всегда проговариваемой ответственности фактически сузилась до размера нуклеарной семьи и стала почти полностью идентифицироваться с семейным домашним пространством. В то же время публичная сфера стала восприниматься как безличный внешний мир (Kumar, 1997: 209—210). Форма частности, характерная для европейского типа современного общества, связана с новыми типами межличностных отношений, которые стали рассматриваться как противоположные инструментальным отношениям и безличностным институтам публичного; таким образом, мир «персонального» становится по существу частным (Weintraub, 1997).

За железными дверями

Какие формы социального взаимодействия и типы отношений характерны для частной сферы современного среднего класса? Что скрывается за железными дверями и пластиковыми окнами? Как уже было отмечено выше, далеко не все посетители могут быть впущены в дом и далеко не все виды взаимодействия и поведения возможны в домашнем пространстве. Как правило, дом рассматривается как территория, в которой постоянно могут пребывать только члены домохозяйства. Состав домохозяйства может быть различным. Он может исчерпываться одним человеком или включать в себя проживающих вместе партнеров (супружескую семью), родителей (или одного родителя) с детьми. Как членов своей семьи хозяева дома рассматривают

также домашних животных. Рассказы об организации обычного буднего дня, собранные в процессе исследования, позволяют подробно описать домашний быт информантов и те взаимодействия, которые происходят дома.

Прежде всего, дом описывается как пространство досуга, восстановления сил после работы и то место, где можно укрыться от посторонних взглядов. Именно поэтому присутствие «внешних» людей кажется столь болезненным, а прием гостей — столь хлопотным. Занятия, которые здесь возможны, — забота о домашних, игры и общение с детьми, просмотр телевизионных передач, чтение, обсуждение увиденного или произошедшего в течение дня. Домашний отдых вписан в определенные временные рамки: вечерние часы и выходные дни. Ниже приведены фрагменты интервью с женщинами, в которых они рассказывают о своих домашних занятиях и организации досуга.

Первая цитата представляет фрагмент из интервью с Катей. Она и ее партнер большую часть своего времени проводят на работе. По будням они встают рано и отправляются на работу, где часто приходится задерживаться. По словам Кати, после работы остается время только на самые необходимые домашние обязанности — мытье посуды или полов, которые выполняет Катя перед тем, как лечь спать. Кардинально режим дня меняется в выходные дни, которые отводятся для отдыха, Катя называет этот отдых «пассивным» и относит к нему сон, чтение, а также выполнение некоторых хозяйственных дел.

Воскресный день я чаще всего посвящаю тому, что я делаю домашние дела, готовлю еду, убираю дома. Собственно, хочется так пассивно отдохнуть. Если суббота у нас день активного отдыха, то воскресенье скорее день домашних дел и пассивного отдыха. Я стараюсь пораньше все сделать, полежать, посмотреть телевизор, может быть, что-то почитать или сделать какие-то свои дела и пораньше лечь спать для того, чтобы в понедельник нормально, с новыми силами, выспавшись, встать (ж., 27 лет, живет с партнером, детей нет).

Следующий фрагмент — интервью с Лидой. Как домохозяйка, большую часть дня она проводит, занимаясь воспитанием детей: гуляет и играет в развивающие игры с младшей дочерью, отвозит старшего сына в школу и на дополнительные учебные занятия. С этой точки зрения ее будни и выходные мало различаются. Временем отдыха оказываются вечерние часы, когда уходит няня, приходит из

школы старший сын и с работы муж, когда, наконец, можно остаться в кругу семьи и посвятить свое время просмотру телепередач, прогулкам в парке и обсуждению волнующих вопросов.

И к шести, к половине седьмого мы уже собираемся дома, здесь, все вместе. Я отпускаю няню, и мы уже вечером остаемся одни... Муж приходит около семи часов и ужин, телевизор. Можем, когда хорошая погода, мы еще вечером идем все вместе в парк, погуляем... Сейчас у нас такая пошла тема, что мы перестали смотреть телевизор. У нас времени столько освободилось! Даже вечер стал ужасно длинный. То есть телевизор мы смотрим только «Школу злословия», «Апокриф» по «Культуре». Опять же у нас обсуждения, дебаты, поскольку, у него [сына] переходный возраст, нигилизм: «Все разрушить, ничему не верю, все фигня», — то есть, вот, это все. И ему надо все это высказать (ж., 36 лет, домохозяйка, замужем, двое детей).

Оба этих фрагмента подчеркивают необходимость восстановления сил после интенсивной занятости. Информанты отмечают переключение модуса времени в домашнем пространстве — с интенсивного публичного на иной, неспешный ритм домашних занятий. При этом тяжелые и монотонные домашние работы, которые не соответствуют приятной и расслабленной атмосфере дома, воспринимаются как нелюбимые, от них хотят избавиться, переложить на кого-либо другого (домработницу, партнера/партнершу, супруга/супругу) или передать их бытовой технике. Таковыми являются работы по поддержанию порядка: уборка, стирка, глажка. Эта домашняя работа воспринимается как скучная, невидимая и имеющая более низкий статус по сравнению с профессиональной, оплачиваемой. Катя описывает набор нелюбимых домашних дел следующим образом.

...Самые нелюбимые по-прежнему... остаются глажка белья и стирка. Но стирка, я надеюсь, что скоро мы эту проблему решим, потому что мы, наконец-то, купили машину, единственное, ее осталось подключить. И поэтому я думаю, что стирка, моя нелюбимая обязанность, превратится в более-менее что-то положительное. Ну а гладить я по-прежнему не люблю. Но приходится все равно гладить мне, потому что мой супруг не может этого делать... А я просто не знаю, у меня накапливается куча белья, которую я раз в месяц, настраиваюсь, когда у меня совсем уже, я все домашние дела переделаю, совсем

ничего делать, и вот у меня это бельмо в глазу, лежит эта куча (ж., 27 лет, живет с партнером, детей нет).

Наиболее обеспеченные семьи прибегают к использованию наемного домашнего труда. Инициаторами выступают обычно женщины, так как на таких работников перекладывается именно женская рутинная домашняя работа. Домохозяйки, казалось бы, имея много «свободного» времени, стремятся делегировать рутинную работу домработницам, оставляя за собой функции контроля и менеджмента персонала.

Такие виды работ, как воспитание детей, приготовление пищи, являются, наоборот, любимыми, так как они кажутся творческими, предполагают домашнее общение и эмоциональное вознаграждение. К их делегированию относятся с осторожностью и часто рассматривают как необходимость. Например, Лида относит приготовление еды в разряд любимых занятий по следующим причинам:

Я, на самом деле, люблю готовить. Люблю, чтобы у меня все были накормленные, все вкусно и чтобы сытно было. Потому что мне кажется, если человек накормлен, он не злой должен быть, у него должно быть хорошее настроение (ж., 33 года, домохозяйка, замужем, двое детей).

Важной категорией при описании домашнего пространства является «комфорт». Под этим словом подразумевается удобство окружающего жилого пространства, его соответствие определенным жизненным стандартам. Комфорт предполагает наличие в доме бытовой техники, а также различных приспособлений, минимизирующих домашние трудозатраты, и в целом общую эргономичность домашнего пространства. Комфортная квартира, таким образом, позволяет эффективно осуществлять нелюбимую домашнюю работу и при этом тратить на нее минимум усилий.

Функциональное и гендерное зонирование домашнего пространства

Приватизация домашнего не заканчивается его отделением от «внешнего мира» и помещением внутрь него специфических отношений и взаимодействий. Приватизация предполагает разделение домашнего пространства на зоны и закрепление за ними определенных видов

деятельности и типов взаимодействия. Внутри дома определяются специальные помещения, предназначенные для приготовления и приема пищи, отдыха, занятий, сна. Разные помещения закрепляются за разными членами семьи. Такое разделение пространства воспринимается как идеальная организация дома, к которому стремятся и которое реализуют по мере появления средств, увеличивая число комнат в квартире и производя необходимые ремонтные работы. Общими чертами идеального жилья, которое репрезентируется медиа-образами, являются следующие: большая (сравнимая с площадью комнат) кухня, совмещенная со столовой; наличие отдельной детской комнаты и спальни супругов; наличие помещения для отдыха с диваном и телевизором.¹

Детская

Общим разделением семейного домашнего пространства, которое можно выделить на основе интервью, является разделение на детскую комнату и остальное пространство дома. Ее наличие зависит от возраста ребенка. Дети в возрасте до трех лет, как правило, спят в одной комнате с родителями. Затем их начинают «постепенно отселять» в отдельную комнату. Оборудование детской связано с представлениями об особом устройстве детского мира, о потребностях автономии и свободе личности ребенка, для которых необходимо отдельное помещение. Кроме того, присутствие детей среди взрослых рассматривается как отвлекающее, утомительное, сопряженное с беспорядком и шумом.

Интерьер детской обладает своей спецификой. Стены покрывают обоями с рисунком, которые, с точки зрения родителей, наиболее «подходят» сентиментально окрашенным представлениям о детском пространстве. Таковыми могут быть обои с соответствующими тематическими узорами: «облака в форме животных», «бордюр с кораблями», «кошечки, собачки». Интерьер отражает представления родителей о воспитании и правильном развитии детей. Ожидается, что в отдельной комнате дети смогут заняться своими привычными занятиями: играми, спортивными упражнениями, учебой. В следующем отрывке интервью Маша описывает обстановку в комнате восьмилетнего сына:

¹ Об использовании жильцами внутриквартирного пространства см.: Левинсон, 2004.

У него там есть его кровать. Такая, под потолком. У него есть там его шкаф, его стол, за которым он уроки делает и читает. Там спорт-комплекс такой небольшой: турник, лестница, канаты и так далее. У него есть такие полки с игрушками и книгами (ж., 34 года, замужем, двое детей).

В том случае, если детей двое, предполагается, что они могут проживать в одной комнате. Однако если дети разнополые или имеют большую разницу в возрасте, они воспринимаются как имеющие разные интересы и разные потребности, для реализации которых необходимы отдельные комнаты. Маша объясняет необходимость обустройства второй детской комнаты для подрастающего младшего сына различием в распорядке дня и интересах детей с разницей в возрасте в 5 лет:

Будут просто две детские, поскольку разница у них большая в возрасте, вместе их трудно... Старший до часу, там, лежит, музыку слушает, читает, а этот уже спит в одиннадцать (ж., 34 года, замужем, двое детей).

Злата подчеркивает важность отдельного пространства для ребенка, где он научается «спать один» и, таким образом, приобретает автономию от своих родителей.

У него всегда была своя комната. Потому что мы как минимум всегда «двушку» снимали, чтобы у ребенка был... мы спали обычно в гостиной, предположим... В другой комнате. У ребенка всегда была своя комната. Он с маленького возраста спал один. Дверь оставляли открытой, чтобы слышно было. И, ну и вообще, он приучен был засыпать один... Он хорошо воспринимал, нормально, не боялся темноты (ж., 31 год, домохозяйка, замужем, сын 9 лет).

Спальня

Следующей зоной жилого пространства является спальня. Отдельную спальню могут себе позволить далеко не все информанты, поскольку большинство из них принадлежит к средним или низшим слоям этого имущественно разнородного класса и находится в на-

чальных фазах своей карьеры. В отличие от детской наличие спальни рассматривается скорее как «мечта» или роскошь, чем реальная необходимость. Она представляется как наиболее интимное и закрытое пространство. Здесь происходит сексуальное общение партнеров, сон, отдых. В повседневной жизни гости, дети, посторонние здесь наименее желательны. Однако «закрытость» этого помещения от внешних взглядов не означает, что его обустройству уделяется мало внимания. Наоборот, спальная, будучи наиболее приватным и личным пространством, старательно декорируется и обставляется. В истории освоения новой квартиры, рассказанной Натальей, ремонт и обустройство спальни занимает центральное место. Спальня становится репрезентацией семейных ценностей и семейной общности. Супруги ей отдают все самое лучшее и самое любимое, она вызывает у них восторг.

Знаешь, спальня — это была мечта. У нас не было спальни никогда, поэтому мы — спальня, вообще — вау! Но мы были помешаны на дзене, поэтому нам нравился стиль дзен. Хотя, по дзёну, надо было все делать бежевое, бледное, холодное, а мы взяли оранжевый. Персиковый цвет. Нам просто понравилось. Мы решили, что стены будут оранжевые. А как там дальше, что запланировать — мы уже потом думали. Мы достаточно эмоционально к этому подошли. Потом, когда мы уже поклеили обои, мы говорим — да, блин, оранжевое — это сильно. Что ж теперь делать? Потом купили паркет, соответственно, положили. Думаем: да! Вот теперь придется мебель как-то так выбирать, чтоб было как-то вот. Мебель мы нормально купили, потому что она была темно-шоколадного цвета и на фоне оранжевого вполне сносно смотрелась. Спальный гарнитур назывался «Дзен», поэтому мы, конечно же, его купили. При этом мы год, наверное, ездили по разным мебельным местам, я имею в виду магазинам, и никак не могли найти то, что нам нравится. Не могли, нам ничего не нравилось. Так дорого и все так некрасиво при этом. Вдруг мы увидели нормальный гарнитур под названием «Дзен»: низкая кровать, такие столики, в японском таком стиле. Ой, но за это не жалко заплатить деньги! Купили этот гарнитур и были счастливы. Это было очень затратно, конечно. Первый год, и сейчас второй год идет уже. Все, что мы купили — это кухня и спальный гарнитур. Больше мы ничего не покупали даже (ж., 30 лет, замужем, дочь 4 года).

Гостиная

Общение членов семьи, отдых, прием гостей происходит в помещении, которое условно назовем «гостиной». Под это помещение отводится самая большая по площади комната. Иногда она представляет собой часть кухни, разделенной на две зоны: кухонную и гостиную. Гостиная может совмещать множество функций. В случае дефицита пространства она может выполнять роль спальни супругов. Здесь может находиться рабочий стол, компьютер, стеллажи с книгами, кассетами, дисками. Иногда роль гостиной выполняет кухня. Основными формами оборудования данного помещения являются диван, телевизор, журнальный и/или обеденный стол. Именно эти предметы опосредуют семейное общение.

У нас комната и кухня. Кухня у нас служит... как бы, она большая, она 15 метров, поэтому она поделена так, как бы, зонально на гостиную часть и на, там, обеденную, да, есть диван, вот, телевизор там, то есть журнальный столик есть (ж., 24 года, замужем, дочь 1 год 8 мес.).

Данное пространство рассматривается как общее для всех членов семьи, где они могут находиться в дневное и вечернее время. Здесь же принимают гостей. Однако отдельные члены семьи могут иметь в общем пространстве собственное место, которое часто ассоциируется с теми или иными предметами: рабочим столом, компьютером, швейной машинкой, ящиком для игрушек и т. п.

Пространства «мужские» и «женские»

Не все зоны домашнего пространства являются гендерно нейтральными. Разделение пространства отражает специфику гендерного уклада семьи. Общий дизайн квартиры отражает нормативные представления супругов о мужских и женских ролях, занятиях и может служить наглядной репрезентацией семейной гендерной идеологии. Поэтому некоторые пространства могут изначально планироваться и осмысливаться как предназначенные для одного из супругов. В дальнейшем в повседневной жизни эти гендерно маркированные помещения или зоны квартиры могут использоваться всеми членами семьи и с другими целями: например, кабинет мужа служит также комнатой для за-

нятий старшего сына, на «женской» кухне работает за компьютером муж, в общей спальне установлен рабочий стол жены. С точки зрения замысла или дизайна жилья можно выделить мужские и женские пространства.

Мужское пространство: кабинет

Выделение кабинета связано с разделением ролей в семье неотрадиционного типа. В таких семьях базовыми ролями является роль мужа-добытчика и жены-домохозяйки. В нашем массиве интервью к этой категории относятся наиболее состоятельные семьи. Они могут позволить себе жилье большей площади и оригинальные дизайнерские решения. В таких семьях муж является ответственным за материальное обеспечение семьи. Жена большую часть времени проводит дома, посвящая его ведению домашнего хозяйства, воспитанию детей, уходу за собой и организации работы наемного персонала. Муж не принимает участия в работах по дому, а его основная роль сводится к тому, чтобы «оплатить, нанять кого-нибудь». Кроме того, супруги разделяют согласие о большей важности работы мужа, приносящей доход, по сравнению с деятельностью жены по организации и ведению домашнего хозяйства. Примером семьи такого типа может служить союз Тани и Миши. Таня — домохозяйка, она выполняет основную часть домашних работ. Роль супруга в семье она описывает следующим образом:

Муж ничего не делает, даже гвоздика не забьет. Как-то у нас так сложилось, что он стал основным добытчиком в семье. Он, как бы, и до этого не очень. Но у него руки, видимо, растут не из того места [смеется]. У него особо не получается, ему проще оплатить, нанять кого-нибудь, чтобы он что-то сделал, нежели самому это сделать (ж., 38 лет, домохозяйка, замужем, двое детей).

Разделение ролей воспроизводится при осуществлении покупки и ремонта квартиры, в которой в данный момент живет семья. Миша выбрал место расположения квартиры и выразил общие пожелания относительно ее планировки и дизайна. Он же договаривался с рабочими о ремонте и оплачивал их работу. Таня занималась детальной разработкой дизайна, рассматривала интерьерные журналы, консультировалась со специалистами.

Пространственно неотрадиционное распределение ролей выражается в том, что в доме выделяется отдельное помещение, которое считается личным пространством мужа. Таким помещением становится кабинет. Здесь находятся книги, компьютер, диван, и здесь муж имеет возможность проводить свое время дома, посвящая его отдыху и работе. Таня замечает, что даже когда Минша находится дома, она «мало его видит».

А когда вот мы уже здесь обжились, то он [муж] просто приходит домой, как в норку зарыться, немножко полежать, отдохнуть, и его лучше не трогать. То есть он даже когда приходит, я его мало вижу, потому что он либо в телевизоре, либо в компьютере (ж., 38 лет, домохозяйка, замужем, двое детей).

В тех случаях, когда в квартире семьи неотрадиционного типа нет кабинета, мужу выделяется «свой уголок». Наличие такого пространства легитимизируется инструментальной ролью главы семьи.

Женское пространство:

кухня, или «отсутствие своей комнаты»

Кухня выделяется и осмысливается как женское пространство в тех семьях, где большая часть домашних работ выполняется женщинами и где такое распределение обязанностей рассматривается как нормативное. Наиболее любимым из этих занятий информантки называют приготовление пищи. При разработке дизайна кухни учитываются прежде всего пожелания супруги, так как предполагается, что именно она будет проводить в ней времени больше, чем другие члены семьи. Эти аргументы приводит в интервью Катя, объясняя приоритет своих дизайнерских идей при планировании кухни.

Я настаиваю на том, чтобы там [на кухне] был ковролин, потому что я очень люблю сидеть на полу на кухне, чистить картошку, например, или овощи. Я люблю сесть на пол, разложиться с ведрами, с ножами. Или ходить босиком, когда я готовлю, потому что я жутко не люблю тапочки... Поэтому я настаиваю там на ковролине. А он [партнер] ни в коем случае там не хочет ковролин. Либо плитку, либо ламинат. В итоге мы очень долго с ним из-за этого ругались, такие ссоры были, пока его мама не сказала: «Это вообще Катина терри-

тория – кухня, и поэтому что она там захочет, пускай она там и стелет». И он, в общем-то, согласился... «Даю добро: стели ковролин» (ж., 27 лет, живет с партнером, детей нет).

Однако в большинстве случаев женское пространство как собственное, автономное, в котором можно скрыться, «как в норке», специальным образом не выделяется при разработке дизайна квартиры. Даже в тех случаях, когда некоторые помещения рассматриваются как преимущественно женские, эти помещения также, с точки зрения дизайнерского замысла, являются общими, например кухня. Информантки никогда не говорят о необходимости выделения отдельного женского пространства. Весь дом во многих случаях рассматривается ими как пространство женской заботы и ответственности, в котором могут выделяться автономные мужские помещения, такие как кабинет.

Конфликты вокруг использования пространства

Если медиарепрезентации жилья, особенно для экономически привилегированных классов, включают зонирование, отводя отдельные помещения для разных видов деятельности, то в реальной жизни представители среднего класса ограничены материально, и потому могут позволить себе жилье ограниченной площади. Особенно это касается молодых семей. Жилье небольшой площади, как правило, планируется как общее помещение, в котором могут совместно пребывать супруги. Часто вокруг ремонта, оформления и использования этого помещения возникают конфликты, порожденные различиями гендерных представлений супругов (партнеров). Чаще конфликты возникают в двухкарьерных семьях, где большая часть домашней нагрузки ложится на женщину, и она требует большего участия мужа в домашнем хозяйстве.

Легитимность двойной нагрузки ставится женщинами под сомнение. Однако несмотря на то что информантки пытаются пересмотреть сложившийся уклад в сторону эгалитарного, существуют институциональные барьеры, обусловленные интенсификацией занятости в сфере частного бизнеса и необходимостью организовывать уход за детьми, большая часть которого выполняется женщинами. Поэтому конфликты постоянно воспроизводятся. Решением их может стать использование наемного труда нянь и домработниц. Претензии вы-

двигаются в связи с тем, что мужья стремятся играть традиционную роль, уже не являясь единственными кормильцами. «Традиционные» мужья в двухкарьерных семьях подвергаются упрекам за уклонение от домашних работ и посвящение домашнего времени отдыху, своим любимым занятиям. Примером такого уклада является семья Кати и Володи. Молодые люди работают, они живут вместе около года, детей у них нет. Обычно Володя приходит домой раньше Кати, которая часто вынуждена задерживаться на работе допоздна.

Он заканчивает очень рано, он заканчивает в пять часов. В шесть часов он уже дома. И естественно, он занимается своим любимым делом: лежит на кровати и смотрит телевизор с газеткой (ж., 27 лет, живет с партнером, детей нет).

Катя считает, что всю работу по дому выполняет одна. Ей приходится каждый раз просить Володю помочь ей. Конфликт приобретает эксплицитный характер.

Для того чтобы он что-то сделал, нам приходится очень... вернее, мне приходится очень долго просить, ругаться. И до тех пор, пока мы не поругаемся, он соответственно ничего делать не начинает (ж., 27 лет, живет с партнером, детей нет).

Несмотря на ориентацию на гендерное равенство, Катя фактически считает себя хозяйкой дома, отказывая Володе в равном участии. Рассказывая историю ремонта их общей квартиры, Катя представляет партнера некомпетентным, неспособным справиться даже с теми работами, которые Катя считает мужскими (например, умение договориться с рабочими, потребовать от них качественного исполнения работ).

Просто сначала, когда мы его [ремонтного рабочего] вызвали, первый день, он... Когда он нам испортил дверь, приехали друзья наши, и там парень, он тоже занимается строительством. Он увидел, что дверь испорчена, он стал на него кричать. Когда мой ничего сказать не может в такой резкой форме. А он стал кричать на него. Тот, естественно, как-то занервничал, но при этом очень агрессивно среагировал и сказал, что он сделает какие-то заплаточки, которых из-под замка не будет видно, что все будет аккуратно (ж., 27 лет, живет с партнером, детей нет).

Катя считает друга некомпетентным и в вопросах оформления квартиры, так как у него, по мнению Кати, «нет пространственного мышления». В связи с этим постоянно возникают разногласия, а иногда и споры. При этом Катя выступает как инициатор переговоров, способствует научению партнера искусству организовывать домашнее пространство.

И вот выбрали мы те обои, которые он захотел в коридор, и они, естественно, не подходили. Я сразу знала, что они не подойдут, но я говорю: ладно, давай их купим. Потому что там была потом возможность их сдать обратно и купить другие. И когда мы приехали домой, я приложила их к стене и сказала: «Вот посмотри, ты видишь, что если мы их поклеим, у нас не будет видно двери. У нас совершенно они потеряются и будет вообще, там, совершенно не тот вид, на который мы рассчитывали». И к тому же у нас там очень узкий коридор, и туда ни в коем случае нельзя было обои такого типа, который он выбрал. Вязания эффект. Там можно было только какие-то однотонные светлые обои. И он посмотрел, сказал: «Да, действительно, поехали, выберем те обои, которые ты хотела». И мы в итоге поехали, сдали эти обои, доплатили и купили те обои, которые выбрала я. В принципе, по остальному, мы, конечно, с ним... Шторки тоже покупала только я, потому что он сразу признал свою несостоятельность в этом смысле (ж., 27 лет, живет с партнером, детей нет).

Использование и оформление общего пространства в двухкарьерных семьях отнюдь не всегда является конфликтным. В нашем массиве интервью именно так живут семьи, принимающие гендерную идеологию равенства и на практике разделяющие домашние обязанности поровну. Это, как правило, двухкарьерные семьи, где признается одинаковая или почти одинаковая значимость профессиональной занятости обоих супругов и их вклада в семейный бюджет. Разделение домашней работы осуществляется на основе личных предпочтений и договоренностей, а также в зависимости от наличия свободного времени для ее выполнения. В нашем массиве семьи партнерского типа, как правило, не имеют детей, что является свидетельством распространения стратегии отставленного родительства в молодых когортах среднего класса. Вследствие этого распределение обязанностей ограничивается только работами по поддержанию дома, уборке и приготовлению еды, которые легко могут быть поделены супругами.

Разграничение и оформление пространства строится здесь на основе договора и воспринимается как учет интересов партнера или того, *«что кому больше нравится»*.

Таким образом, гендерное разделение пространства дома отражает специфику разделения ролей и власти в семье и воспроизводится в практиках ремонта и использования пространства во время отдыха и домашних работ. Большое значение в гендерной организации домашнего пространства имеет тип семейного уклада — наличие детей, разделение ролей и семейная гендерная идеология. При этом в тенденции прослеживается стремление обеспечить каждого члена домохозяйства своей относительно автономной территорией и выделить общее пространство взаимодействия.

Рационализация отношений: дом как «жизненный проект»

Таким образом, дом оказывается сознательным, хорошо продуманным проектом, который предполагает как идеи и мечты об организации жилья, так и набор стратегий по их реализации. Процесс воплощения в жизнь представлений об идеальном жилье включает в себя множество последовательных действий, направленных усилий и связан со значительными денежными инвестициями. В жилье «вписывают» семейные уклады, гендерные отношения, идентичности и стили жизни. Иначе говоря, проект дома становится проектом жизни и проектом личности, поэтому он включает в себя не только цвет обоев, стиль мебели, планировку комнат, но и те формы жизни, которые в нем протекают, например разделение ролей между супругами, воспитание детей, формы проведения досуга и т. п. Все это учитывается в организации домашнего пространства. Так, рождение ребенка требует выделения отдельной детской комнаты или покупки новой квартиры, имеющей еще одну комнату, а также ее соответствующего оформления. Или, наоборот, количество комнат в приобретаемом жилье выбирается с учетом того, что в будущем появятся дети.

Поскольку дом мыслится как пространство совместной жизни, его проект предполагает не только материальную реализацию, но и планирование отношений между членами домохозяйства. Несмотря на то что отделенный от публичного пространства домашний мир наполнен интимным общением близких людей, предполагает отдых

и возможность предаться любимым занятиям без соглядатаев, он становится в большой степени рационализированным. Непредсказуемость поведения партнеров, эмоциональные бури угрожают стабильности проекта. Рационализация приватного начинается с выбора партнера, который должен отвечать определенному набору требований и может быть вовлечен в проект строительства домашнего мира. Необходимые качества предполагаемого партнера довольно четко артикулируются информантами. При этом важные качества выглядят не просто как набор статусных характеристик (доход, образование, социальное происхождение и т. п.), но как личностная готовность к вступлению в стабильные интимные отношения и способность их поддерживать. В следующем отрывке из интервью Раиса обсуждает качества, которыми должен обладать предполагаемый партнер. Раиса — вдова, и в своем интервью она говорит о том, что хотела бы снова вступить в постоянные отношения с женщиной. Предыдущий опыт замужества сказывается на сформировавшихся у нее ожиданиях в отношении желаемого партнера.

*Я очень аккуратна. Даже просто начать отношения с женщиной сейчас очень проблематично. Присматриваюсь к женщине и очень часто отвергаю мужчин, практически всегда. С друзьями у меня хорошо, с друзьями, знакомыми, встретиться поболтать, но ничего большего. Потому что после смерти мужа, первого мужчины, с которым у меня что-то серьезное, хоть как-то открыть свою душу — трудно... Нет уже того, чтоб так безрассудно: все, влюбилась! Нет, уже нет, **все осознанно**... Это не важно [доход партнера], не играет роли. Дело в том, что еще играет роль не столько размер его дохода, сколько то, что от дохода зависит стиль жизни. Общение, опять-таки же уровень образованности, чтобы было о чем поговорить, ну и его отношение ко мне. Он же будет постоянно ревновать и злиться, если будет что-то не так в отношении моей работы. Постоянные поездки, я постоянно задерживаюсь на работе, что-то еще. Мужчина несостоятельный не выдержит такой жизни. Я понимаю, у людей должен быть **одинаковый круг общения**. Даже просто появиться с человеком в каком-то общественном месте, даже если как-то по-разному с ним будете одеты — не очень приятно, и ему, и мне (ж., 29 лет, вдова, сын 2 года).*

Раиса отмечает значимость дохода и образования предполагаемого партнера в той связи, что эти характеристики позволяют следо-

вать определенному стилю жизни. Для нее особую ценность имеют взаимное понимание и отсутствие конфликтов, связанных с ее профессиональной занятостью, возможность переговоров. Раиса неоднократно отмечает осозанный характер выбора, стремится обезопасить себя от безрассудных и разрушительных любовных страстей.

Рационализация приватной жизни включает не только стремление построить «правильные» отношения с детьми, партнерами и супругами, но и планирование количества детей и календаря рождений, выбор форм их воспитания и обучения. Фактически нарративы о возникновении семейных отношений и последующей семейной жизни включают мало рассказов о чувствах, любви, привязанностях. Любые события в жизни выглядят как результат обдуманного решения. Так, Александра, прежде чем вступить в брак, обговаривает и выясняет со своим женихом все аспекты будущей семейной жизни от типа жилья до количества детей, т. е. пара заключает неформальный договор.

Я не могу сказать, что прямо это было неожиданно [брак], мы разговаривали, когда собирались пожениться, у нас было довольно много всяких, то что называется житейских, вопросов, то есть как мы будем жить, где мы будем жить, хотим ли мы детей. Мы оба сошлись в том, что было бы глупо такие серьезные отношения завязывать, если пара с диаметрально противоположными точками зрения. И мы сошлись на том, что жить мы будем отдельно [от родителей] по возможности... И также мы сошлись на том, что мы оба хотим детей, минимум двоих, чтобы удалить напряжение, когда дети будут взрослые, чтобы им была поддержка. То есть родители — это родители, и отношения другие совсем. Друзей может, например, быть мало, а сестра, братья, они всегда остаются (ж., 27 лет, домохозяйка, замужем, двое детей).

Семейная жизнь в рассказах респондентов предполагает постоянную эмоциональную работу обоих супругов по согласованию намерений и действий, преодолению разногласий и минимизации их последствий. Ориентация на согласие, достигнутое в процессе переговоров, делает возможным создание домашнего мира, наполненного досуговыми практиками. В процессе семейной жизни супруги постепенно «научаются» решать конфликтные ситуации, налаживать «мирную» коммуникацию. Респондентка Лида следующим образом описывает процесс развития семейных отношений:

Сначала процесс становления молодой семьи — это какое-то притирание, какие-то конфликты были, такие даже серьезные, то есть поначалу даже... ссорились мы очень. Это мы сейчас как-то понимаем, что мы друг от друга хотим. А сначала это по молодости было очень тяжело (ж., 33 года, домохозяйка, замужем, двое детей).

Заключение

Домашнее пространство нового среднего класса создается в новых социально-политических условиях, отличных от советских. Эти условия связаны с меньшим вмешательством государственной политики в такие приватные сферы, как жилье и семейная жизнь, и растущим влиянием рыночных механизмов. Граждане получают больше возможностей выбора, а их стратегии в этой сфере определены рыночными условиями, разнообразием потребительского выбора, социальной идентичностью и медиарепрезентациями. Приватное домашнее пространство конструируется ими как отгороженное, закрытое от внешнего публичного мира и противопоставляется ему. Его обитателями являются члены нуклеарной семьи. Оно связано с отдыхом, досуговыми практиками и интимным общением. С ним ассоциируется особый тип «домашнего», естественного поведения, отличающийся от публичного. Домашняя работа рассматривается как необходимая, но утомительная. В ее выполнении принимают участие наемные работники (няни, домработницы, рабочие, ремонтные рабочие). Зона разделения домашнего труда по-прежнему может вызывать конфликты.

Пространственная организация современного дома связана с наличием множества внутренних границ, отражающих ролевые разделения в семье, а также статусы ее членов и ее финансовое положение. Внутри дома выделяется спальня, кабинет, детская, гостиная, кухня. Эти помещения ассоциируются с разными функциями. Некоторые из этих помещений рассматриваются как личные пространства отдельных членов семьи. Современное домашнее пространство представляет собой поле напряженности и требует эмоциональной работы обитателей. С одной стороны, дом предполагает отдых, совместный досуг, общение, а с другой — он становится местом конфликтов по поводу разделения домашнего труда и домашнего пространства. Дом рассматривается как личное пространство членов семьи, однако быт невозможен без присутствия «посторонних людей» — наемных работников.

Дом является семейным проектом и в этом смысле представляет способ реализации личных вкусов, пристрастий и идентичностей его обитателей, но этот проект является примером стандартизированного потребления, характерного для формирующегося стиля жизни определенного слоя современного российского среднего класса.

Литература

- Арьес Ф. (1999). *Ребенок и семейная жизнь при старом порядке*. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета.
- Бойм С. (2002). *Общие места: Мифология повседневной жизни*. М.: НЛО.
- Высоковский А. (2001). Уют-не-герой, в кн.: *Жилище в России: век XX. Архитектурная и социальная история. Монографический сборник*. М.: Три квадрата, с. 162–184.
- Герасимова Е.Ю. (2000). *Советская коммунальная квартира как социальный институт: историко-социологический анализ (на материалах Ленинграда, 1917–1991)*. Диссертация ... кандидата социологических наук. СПб.
- Здравомыслова Е., Тёмкина А. (2003). Советский этакратический гендерный порядок, в кн.: Н.Л. Пушкарёва, ред., *Социальная история. Ежегодник. Женская гендерная история*. М.: РОССПЭН, с. 436–464.
- Корнев Н.Р. (2005). Жилищная стратификация в центре Санкт-Петербурга, *Социологические исследования*, № 6, с. 77–85.
- Лебина Н.Б., Чистиков А.Н. (2003). *Обыватель и реформы. Картины повседневной жизни горожан в год изпа и хрущевского десятилетия*. СПб.: Дмитрий Буланин.
- Левинсон А. (2004). К социологии вещей, в кн.: А. Левинсон, *Опыт социологии: Статьи*. М.: НЛО, с. 46–55.
- РСФСР в цифрах... (1990). *РСФСР в цифрах в 1989 году. Краткий статистический сборник*. М.: Финансы и статистика.
- Тёмкина А., Роткирх А. (2002). Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России, *Социс*, № 11, с. 4–15.
- Утехин И. (2001). *Очерки коммунального быта*. М.: ОГИ.
- Хархордин О. (2002). *Обличать и лицемерить: Генеалогия российской личности*. СПб.; М.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге; Летний сад.
- Хасбулатова О. (2005). *Российская гендерная политика в XX столетии: Мифы и реалии*. Иваново: Ивановский государственный университет.
- Чернова Ж. (2007). Модель «советского» отцовства: дискурсивные предписания, в кн.: Е. Здравомыслова, А. Тёмкина, ред., *Российский гендер*

ный порядок: *Социологический подход, трансформации сексуальности*. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Чуйкина С. (1996). Участие женщин в диссидентском движении (1956—1986), в кн.: Е. Здравомыслова, А. Тёмкина, ред., *Гендерное измерение социальной и политической активности в переходный период*. Сб. научн. статей. СПб.: Центр независимых социальных исследований, с. 61—81 (Труды; Вып. 4).

Чуйкина С.А. (2000). *Жизненные траектории дворян в советском обществе: Ленинград 1920—1930-х гг.* Диссертация ... кандидата социологических наук. СПб.

Элиас Н. (2002). *Придворное общество: исследования по социологии короля и придворной аристократии*. М.: Языки славянской культуры.

Kukhterin S. (2000). Fathers and patriarchs in communist and post-communist Russia, in: S. Ashwin, ed., *Gender, State and Society in Soviet and Post-Soviet Russia*, London; New York: Routledge, p. 71—89.

Kumar K. (1997). Home: The Promise and Predicament of Private Life at the End of the Twentieth Century, in: Jeff Weintraub, Krishan Kumar, eds., *Public and private in thought and practice: perspectives on a grand dichotomy*. Chicago: University of Chicago Press, p. 204—236.

Reid S. (2006). The meaning of home: «The only bit of the world you can have to yourself», in: Lewis H. Siegelbaum, ed., *Borders of Socialism. Private sphere of Soviet Russia*. New York: Palgrave Macmillan, p. 145—170.

Saarikangas Kirsi (1993). *Model Houses for Model Families. Gender, Ideology, and the Modern Dwelling. The Type Houses of the 1940s in Finland*. Helsinki: Finnish Historical Society.

Shlapentokh V. (1989). *Public and private life of the soviet people. Changing values in Post-Stalin Russia*. New York; Oxford: Oxford University Press.

Weintraub J. (1997). The theory and Politics of the Public/Private, in: Jeff Weintraub, Krishan Kumar, eds., *Public and private in thought and practice: perspectives on a grand dichotomy*. Chicago: University of Chicago Press, p. 1—42.

Татьяна Андреева

РЕМОНТ КАК СТРОИТЕЛЬСТВО НОВОГО БЫТА: ДЕМОНСТРАТИВНОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ И ЭКОНОМИЯ РЕСУРСОВ

С 1990-х гг. обустройство домашнего пространства стало популярным занятием многих россиян. Бурно развивается строительно-ремонтная сфера деятельности, свои услуги предлагают разные поставщики, потребитель может выбирать концепции обустройства жилья, специалистов по строительству и дизайну, разнообразные материалы для ремонта, мебель и оборудование. Этот выбор обеспечивают дизайнерские агентства, гляцевые журналы, компании и отдельные бригады, предоставляющие широкий спектр строительно-ремонтных работ различного объема, качества и стоимости. Ветхость жилищного фонда, теснота и неудобная планировка типовых квартир вынудили многих людей заняться разработкой и реализацией собственных проектов обустройства домашнего пространства. При этом ремонт квартиры или строительство дома становится не только созданием комфортного места жизни. Ремонтные работы обретают новый, символический смысл: конструирование домашнего пространства становится средством самовыражения, позиционирования себя в обществе.

Целью данной статьи является исследование стратегий обустройства домашнего пространства. Как люди выбирают дизайн интерьера? Руководствуются ли они практическими соображениями или ищут необходимую эмоциональную атмосферу для конструирования домашнего пространства? Каким образом происходит выбор среди множества товаров и услуг? Как люди позиционируют себя через этот вид потребления? Ответить на эти вопросы позволит анализ данных эмпирического исследования.

Домашнее пространство привлекало внимание социологов еще в советское время, в частности, в конце 1970-х гг. было осуществлено исследование под руководством М.Х. Титмы и П.О. Кенкмана

(Титма, Сильдмяэ, 1979). Изучая формирование «домашней предметной среды», исследователи предприняли попытку установить связь между наличием недвижимого имущества (дача, земельный участок), товаров длительного потребления (телевизор, холодильник), предметов роскоши (произведения искусства, драгоценности) и образом жизни, увлечениями членов семьи. По результатам корреляционного анализа были выделены социальные группы, различаемые по образу жизни. За рамками исследования, осталась ситуация дефицита товаров на потребительском рынке, хотя исследователи упоминают о неудовлетворенном спросе в связи с потребительскими планами семей. Отдавая себе отчет в том, что структура спроса отображает компоненты образа жизни изучаемых групп, авторы приняли в качестве критерия социальных различий перечень уже имеющихся предметов домашней среды.

Выбор и реконструкция жилья как вид потребления и способ самопозиционирования тесно связаны с представлением о реализации социального пространства в физическом, о котором рассуждает Пьер Бурдьё в своей работе «Социология политики» (Бурдьё, 1993). В физически реализованном социальном пространстве происходит локализация индивидуальных агентов и групп, распределение благ и услуг, а также определенная концентрация капиталов (Там же: 36). Изучение организации домашнего пространства (район проживания, тип жилья, особенности дизайнерских проектов по ремонту жилья) помогает реконструировать особенности формирования социального пространства среднего класса в России.

В настоящей статье (ре)организация домашнего пространства в современной России рассматривается с позиций социологии потребления. Потребление понимается как способ социального воспроизводства и поддержки существующих классовых и культурных различий. Данная традиция была заложена в начале XX в. американским экономистом Торстейном Вебленом. Его модель предполагает, что потребление — это форма коммуникации, при которой «сигналы», касающиеся богатства и соответственно социального статуса, передаются от одного потребителя к другому. Потребление становится производством символов, с помощью которых люди позиционируют себя в окружающем обществе (Веблен, 1984).

С помощью потребления товаров и услуг происходит социальное конструирование социальной идентичности, т. е. принадлежности к определенной группе (Вососк, 1993: 28; Ильин, 1998: 57). В процессе

потребления свидетелям или зрителям демонстрируется набор символов, призванный обозначить принадлежность к определенному слою, профессии, стилю жизни (Ильин, 1998: 58). Впервые вывод о демонстративности потребления Веблен сделал, рассуждая о «праздном классе», который появился в американском обществе на рубеже XIX–XX веков. Исследователь показал, что в обеспеченных классах складывается практика «демонстративного расточительства», которая отражает желание представителей группы действовать «сообразно сложившейся практике» (Веблен, 1984: 143) и поддерживать определенный статус либо стремиться к нему.

В своем стремлении приобщиться к какой-либо социальной группе потребитель ориентируется на уже сложившиеся атрибуты стиля жизни этой группы. В исследованиях потребления используется понятие референтной группы, введенное психологом Гербертом Хаймоном (Нумон), – это группа, на которую ориентируется индивид для сравнительной оценки своего положения или действий. Она выступает эталоном или критерием для сравнения.¹ Стремление приблизить себя к определенному социальному статусу выражается в производстве символов, которые характерны для эталонной группы. Это может выражаться в покупке товаров, которые считаются престижными, дорогими и модными. При этом понятие того, что считается модным и красивым, постоянно меняется: оно зависит не только от мнения представителей референтных групп, но и многих других обстоятельств экономического и культурного характера (стоимости, уровня развития технологий, представления о красоте в целом). Веблен использует понятие «денежная красота», которая должна быть присуща привлекательному предмету, т. е. красивая вещь должна иметь соответствующую цену (Там же: 160).

Веблен отмечает, что существует контраст между демонстративным потреблением, ориентированным на публичное пространство, и потреблением в семейном, приватном пространстве. При нарочитой роскоши потребления публичного, приватная, домашняя предметная сфера может оказаться «сравнительно убогой» (Веблен, 1984: 141). Как считает английский исследователь Физерстоун, в современном обществе потребления домашнее пространство также выступает сфе-

¹ Российский социолог В. Ильин также использует категорию референтной группы для анализа тенденций потребления в современном российском обществе (Ильин, 1998).

рой демонстративного консюмеризма. Жилье становится не только местом, где проходит частная жизнь, закрытая для посторонних глаз, но и пространством утверждения и демонстрации себя. Это связано с процессами индивидуализации и воплощением стилистического многообразия в потребительской культуре, в том числе в приватном потреблении, которое становится все более публичным (т. е. демонстративным) (Featherstone, 2000: 92). Однако стиль жизни и потребление рассматриваются не только как игровое пространство и сфера индивидуального выбора, но и как продукт манипуляции массового общества, навязывающего определенные ценности при помощи СМИ (Ibid: 93). Другая сторона потребления связана с рациональностью «экономических индивидов», действующих на рынке. Поведение потребителей подчиняется закону спроса, когда снижение цены ведет к увеличению покупок, а разница в ценах стимулирует поиск наиболее выгодных предложений (Ильин, 1998: 180). В условиях ограниченных финансовых возможностей среднего класса вопрос о рациональности потребления оказывается одним из ключевых, особенно когда речь идет о покупке дорогостоящих товаров длительного пользования. Рациональность потребителя не противоречит демонстративному характеру потребления, т. е. покупке товаров и услуг, которые выступают символами, дающими возможность приобщения себя к группе с более высоким статусом.

Большинство закономерностей, выделенных Т. Вебленом и другими исследователями потребительского поведения, сохраняется и в настоящее время. В современной России по мере развития рыночных отношений происходит формирование демонстративного потребления, и одной из ярких иллюстраций этого процесса является ремонт и строительство жилья. В рамках изучения особенностей нового быта среднего класса в России особенно важным оказывается демонстративность потребления, связанного с обустройством домашнего пространства, а также желание с помощью потребления определенных символов приобщиться к конкретной социальной группе и заявить о себе. Проект по обустройству домашнего пространства можно рассматривать как некий рассказ об авторе (авторах), его семье, предпочтениях относительно стиля жизни, времяпрепровождения и многого другого.

В данной статье ставится задача проанализировать стратегии потребления представителей среднего класса в сфере обустройства домашнего пространства. В основе анализа лежит изучение конкретных «авторских проектов» по ремонту и строительству жилья. Вариации

авторских проектов связаны с различными жизненными ситуациями информантов. Переезд в новое жилье, рождение ребенка, увеличение дохода являются контекстами потребительских стратегий, определяя основную идею авторского проекта.

В работе используются данные, полученные из двух источников. Основным источником являются тексты интервью, собранных в ходе проекта «Новый быт». Другим источником являются данные, собранные в ходе работы над диссертационным исследованием, посвященным изучению стратегий временных трудовых миграций строителей-гастарбайтеров в Санкт-Петербурге: интервью с тремя заказчицами ремонтных работ, пятью специалистами в области строительства и ремонта и двадцатью двумя трудовыми мигрантами-строителями из Украины, работающими в Санкт-Петербурге.

Обустройство домашнего пространства как авторский проект

Обустройство домашнего пространства — это «авторский проект», который является важной составляющей стиля жизни среднего класса. Данный проект реализуется на пересечении множества разнообразных контекстов жизни семьи: этапа ее существования, рождения ребенка, переезда в новую квартиру, карьерного роста и изменения экономического положения ее членов и пр. Выполнение авторского проекта является значимым жизненным опытом наших информантов. Стадию ремонта и обустройства жилья в целом можно охарактеризовать как период постоянного стресса и нервного напряжения. Вынужденное проживание в ремонтируемом помещении, у родственников или в арендуемой квартире, постоянный контроль над реализацией проекта, поиск и приобретение товаров и услуг часто приводят к кризисной жизненной ситуации, в которой члены семьи пребывают длительный срок. Впоследствии информанты вспоминают о ремонте, как о тяжелом, почти катастрофическом опыте жизни:

...где-то год я прожила в таком состоянии, постоянно перетаскивали и двигали из комнаты в комнату, в бардаке, в грязи, и притом, что я не знала, что, сколько у меня народу сейчас в квартире обитает... Это все уже позади теперь, я надеюсь, что больше не повторится (К., 36 лет).

Реализация авторского проекта имеет несколько этапов: принятие решения о начале ремонта или строительства, выбор стиля или определение общей идеи, в соответствии с которыми будет реорганизовано пространство, расчет финансовых и временных затрат, поиск специалистов по реализации проекта, подбор материалов, мебели, элементов интерьера, контроль над ведением работ. При этом, как мы покажем далее, в нарративах ремонт часто представлен как незавершенный процесс, подвергающийся доработке и корректировке. Обратимся к анализу этапов и контекстов реализации проекта по конструированию домашнего пространства.

Начало обустройства: новое жильё

В случае покупки новой квартиры осуществляется наиболее полная реализация всех этапов авторского проекта. Необходимость ремонта часто вызвана плохим или даже аварийным состоянием приобретаемого жилья либо отсутствием отделки квартир в «новостройках». Рассказчица отмечает, что при переезде в новую квартиру «...ремонт был неизбежен. Это стало хорошо понятно после того, как мы посмотрели одну, две, три квартиры, в каком они состоянии» (С., 31 год). Многие информанты полагают, что жильё, независимо от его качества, должно быть (ре)организовано в соответствии с их индивидуальными потребностями. Так, например, обсуждая перспективы дальнейшего обустройства, К. рассказала:

Но я настаивала на том, что даже если мы возьмем квартиру с ремонтом, все равно мы будем переделывать ремонт «под себя», обустраивать так, как нам нравится (К., 27 лет).

Однако проект обустройства домашнего пространства, связанный с приобретением нового жилья, чаще всего начинается не с ремонта, а с выбора района города и типа жилья. Этот выбор ограничен финансовыми возможностями потребителей, однако в рамках определенного ценового сегмента рынка жилья всегда присутствуют вариации. Выбирая себе тип жилья, люди выбирают свой стиль жизни. Небольшая квартира или комната в старом доме в центре города, современная квартира в спальном районе или дом в пригороде

являются частью имиджа и целенаправленно создаваемого стиля жизни. Для кого-то важно жить в престижном центральном районе, другие предпочитают окраины, где вблизи дома есть лесопарковая зона, крупные сетевые супермаркеты. Значимым критерием, определяющим предпочтения в выборе жилья, который выделяют сами информанты, является социальное окружение. Женщина 32 лет считает социальное окружение в публичном пространстве важным для ребенка, противопоставляя благополучное, с ее точки зрения, место проживания (Озерки) менее благоприятному месту своего бывшего жилья:

Вот, потом здесь, как бы, мне не очень нравится район в смысле публики, тут есть и элитные, хорошие дома, и, как бы вот, приличные люди живут, а есть, как бы, такие совершенные ханурики, которых у нас, по крайней мере, там, в Озерках, там, не очень видно... Я не хочу, чтобы у меня ребенок их встречал на улице, да, вот так, каждый день (С., 32 года).

Значимую роль при выборе играет комфортность среды проживания развитость инфраструктуры района и экологические параметры:

...но очень такой район хороший, она [квартира] стоит в тихом месте, обжитой район и очень чистый, нешумный. И окна выходят на солнечную сторону. То есть очень светлая квартира (Л., 30 лет).

Помимо привлекательности района в условиях большой территории мегаполиса значимой становится близость проживания родственников, друзей и даже работников домашней сферы, таких как няня.

Ограниченность средств в большинстве случаев не позволяет представителям данного сегмента среднего класса рассматривать такой вариант недвижимости, как загородный дом или коттедж. Однако некоторые хотели бы жить за городом, стремясь изменить уклад своей жизни.

И вообще у Влада такая мечта, такой слоган где-то просто прочитал, значит: «Живу и работаю в своем доме». Такой рекламный. И вот он говорит: «Хочу жить и работать в своем доме». Я говорю: «Ну, здорово, давай дом... искать» (С., 32 года).

Приобретение нового жилья, как правило, связано со значительными финансовыми затратами, кредитами, а также физическими и эмоциональными усилиями; в силу этого следующий этап реализации авторского проекта можно обозначить как «необходимый минимум».

Особое значение на первом этапе ремонта информанты придают выбору и установке входных дверей и окон. Именно они соединяют жилище с внешним миром и одновременно отделяют от него, обеспечивая безопасность. Пластиковые окна стали одним из атрибутов евроремонта: они предохраняют жилище от холода и шума. Окна и двери, открывающие доступ в домашнее пространство, являются важным символом, потребление которого связано с удовлетворением потребности в безопасности. Во многих случаях ремонт квартиры начинается именно с конструирования безопасного пространства, где человек может себя чувствовать защищенно и комфортно.

И также он хочет поставить сигнализацию дома. Но я считала, что в этом нет необходимости, потому что у нас недавно поставили на парадной домофон. Дверь с домофоном, — у нас стоит железная дверь. Ну и к тому же у нас нет еще особо супер каких-то дорогих вещей, сбережений, которые можно украсть... Ну, тут уже я не смогла его переубедить, и он все-таки своим волевым решением эту сигнализацию поставил (К., 27 лет).

Демонстративность потребления в сфере обустройства домашнего пространства проявляется и на данном этапе реконструкции. Являясь приватной сферой, жилье отгорожено дверью и окнами, которые демонстрируют не только уровень доходов владельца жилья, но и его самопозиционирование. Дорогостоящая охранный сигнализация может говорить о достаточно высоких доходах, потребности в более серьезной защите собственной территории, в то время как приватная зона самой квартиры может совершенно не соответствовать заявленному статусу. В соответствии с идеями Веблена, зачастую нарочитая роскошь публичного потребления может контрастировать со скромностью домашней предметной сферы.

После того как пространство нового жилища надежно отгорожено и защищено, когда внешний «фасад» укреплен и оформлен, наступает следующая стадия ремонта. В сознании информантов ремонт делится на два вида: «капитальный» и «косметический». Под «капи-

тальным» ремонтом подразумевается перепланировка пространства, выравнивание стен, замена коммуникаций и сантехники. Понятие «косметического» ремонта носит коннотацию гигиены жилья, одна из информанток так и называет тип своего ремонта: «*чисто косметический-гигиенический*» (С., 32 года). В ситуации минимальных ресурсов осуществляется именно косметический ремонт.

Ремонт часто состоит из отдельных эпизодов. Временные разрывы в ходе реконструкции жилья связаны прежде всего с ограниченными финансовыми возможностями авторов домашнего проекта. Характерной чертой авторского проекта по обустройству домашнего пространства является фрагментарность его реализации. Покупка новой квартиры связана с большими тратами, поэтому обустройство пространства начинается не сразу, а процесс ремонта часто откладывается или растягивается.

Мы только въехали, мы долги отдавали и так далее. Вот и мы решили, что... Где-то год мы там прожили, и мы сделали спальню (Н., 30 лет).

Многие информанты рассказывают о ремонте жилища как о процессе, который длится годами, прерывается и видоизменяется. Работы разорваны во времени и в пространстве жилища. Желание обустроить жилье в соответствии с определенными представлениями входит в противоречие с нехваткой денег. Мода на определенный дизайн и обустройство жилья, материалы и технологии ремонта, сменяют друг друга быстрее, чем авторы реализуют свои проекты. Меняются и потребительские стандарты среднего класса, которые в процессе долгосрочных ремонтных работ приобретают фрагментированный вид.

Евростандарт и личное творчество: модели обустройства домашнего пространства

Несмотря на обилие информации в СМИ (например, специализированные телевизионные программы «Школа ремонта» и «Квартирный вопрос», журнал «Интерьер» и пр.) и широкий выбор товаров и услуг на строительном рынке, большинство потребителей, начиная реорганизацию жилья, имеют только самое общее представление о ремонте.

Они затрудняются сделать конкретный выбор, сформулировать, каким они хотят видеть свое жилье, что именно они хотят в нем изменить и каким образом.

Временная дискретность ремонта зачастую отражается в отсутствии единого стиля или ключевой идеи в пространственном решении проекта. Роль основной идеи часто выполняет концепция «евроремонта» (или «евростандарта»). Информанты вкладывают разные смыслы в это понятие:

Но, скажем так, такого какого-то европейского качества ремонта нет. То есть это все, что было, строители сделали, вот в настоящий момент мы живем. Что-то улучшили, но, по крайней мере, ремонт у нас еще государственный (К., 30 лет).

Рабочие-строители и эксперты в данной области также расходятся во мнении, хотя выделяют некоторые общие черты «европейского стандарта», к которым относят: выравнивание стен гипсокартоном, стандарт электропроводки и использование европейских строительных материалов. Например, на сайте архитектурно-строительной фирмы следующим образом интерпретируется понятие евроремонта: «Это ремонт среднего класса (но вовсе не дешевый). Подразумевается изменение геометрии стен, возведение перегородок, замена дверей и т. д. Качественный, добротный ремонт квартиры и не только» (см.: <http://euroremont.roelanstroy.ru/euroremont/theme7.htm>).

Понятие евроремонта становится базовым эталоном, на который ориентируются представители среднего класса и к которому отсылает профессиональный дискурс строительно-ремонтной сферы. Евроремонт является своего рода «зонтичной» категорией повседневности, обозначающей престижный стиль потребления без четкого определения, что под ним подразумевается. Понятие расплывчато, как и практика реализации этой концепции ремонта. Однако можно определенно сказать, что евроремонт противопоставлен советскому стилю — т. е. отсутствию выбора, типовым конструкциям и предметам обихода, единообразному интерьеру — и предполагает ориентации на западноевропейские стандарты жилья, особенно так называемых мест общего пользования (туалет, ванная). В условиях дефицита потребительских товаров «советский ремонт» делался по принципу «что удалось достать». Для некоторых информантов именно идея противопоставления советскому ремонту и советскому стилю потреб-

ления становится основой авторского проекта. Информанты горячо обсуждают пространственную организацию и меблировку своей новой квартиры:

Мы ненавидим стенку в советском понимании, стенку вот эту вот. Мы никогда в жизни не купим стенку — это точно... Мы долго жили, мы же снимали квартиру, а там была чужая мебель. Она была так захламлена ненужной мебелью... там было негде пройти даже... Там была свалка вещей, которые жалко выкинуть хозяевам и которые вот там хранятся. Поэтому когда мы переехали в свое жилье, у нас был бзик: везде должно быть свободно, просторно, свежо дышать, как говорится. Вот это стремление к пространству, оно до сих пор (Н., 30 лет).

«Европейский ремонт» подразумевает стандартизацию дизайна и технологий. Тяготение к «стандарту» характерно для потребительского общества. В российском случае оно, вполне возможно, обусловлено наследием советского опыта, когда существовали типовые квартиры, стандартные окна и одинаковая сантехника. Предложение на рынке строительных товаров и услуг выросло, но потребители продолжают мыслить в рамках стандартов, которые теперь подразумевают бóльшую степень свободы выбора, чем раньше.

Итак, потребители разделяют представление о евроремонте как о «достойном» способе обустройства дома. Обращаясь к рассуждениям Веблена о демонстративном потреблении и эталонной группе, на которую склонны равняться потребители, мы можем заметить, что представители российского среднего класса стремятся приблизить свой стиль потребления к западному. Некий условный европейский потребитель выступает той самой статусной эталонной группой, к которой стремятся приблизиться представители среднего класса в России в своем миметическом порыве. Потребительский гламур, представленный в глянцевых журналах и популярных репортажах о жизни знаменитостей, демонстрирует примеры западного дизайна жилища. Эти сюжеты и красочные иллюстрации становятся эталоном не только для среднего класса, но и для высокостатусных групп российского общества.

Однако евростандарт не является универсальной идеей для обустройства домашнего пространства. Большинство информантов заранее не задумывается о концепциях и стилях дизайна. К услугам

специалистов в этой области прибегают достаточно редко в силу ограниченности ресурсов. Однако некоторые информанты рассказывают о своих оригинальных концепциях по (ре)конструкции домашнего пространства. Зачастую к поиску творческих идей информантов подталкивает ограниченное и предзаданное пространство стандартной городской квартиры, желание создать определенную эмоциональную атмосферу, стремление к самовыражению.

Я хотела [стол] из каленого стекла сверху, чтобы он был прозрачный. Потому что как раз в маленьком пространстве из-за того, что он прозрачный, он становится таким очень легкой конструкции, хрупкой, которая, ну, теряется практически. Сквозь нее отражается все — там, стенки, пол, и его практически не видно. То есть он визуалью пространства не занимает (К., 27 лет).

Идея расширения пространства является не единственным стимулом к творческим решениям в процессе ремонта. В основе организации пространства квартиры одной из наших информанток оказалось строительство сауны:

И я ему сказала, что у меня... фобия [смеется]... Что я рожу ребенка, [только] если у меня будет дома сауна. Потому что я помню, как с первым, он у меня такой был беспокойный ребенок, поскольку, наверное, и я тогда студентка, и неустроенность, и вот это все отразилось. И ночь мы не спали, и я просто вообще ходила, как зомби. Я думала, если у меня будет сауна, я просто могу хоть расслабиться прямо дома... И вот мне, чтобы втиснуть эту сауну, конечно надо было все продумать хорошо. И вот она, как бы, и была тем вот пунктом, от которого отталкивались при перепланировке. Самое сложное в этом было (Т., 36 лет).

Идея построить сауну в квартире, видимо, обусловлена желанием информантки выделить в квартире зону отдыха, где можно отвлечься от забот о маленьком ребенке. Именно эта зона оказалась главной при реконструкции старой коммуналки в современное жилье.

Две участницы исследования рассказали о творческих идеях, которые они хотели бы реализовать в проекте, однако ограниченность финансовых, временных или других ресурсов не позволяет им воплотить задуманное.

На кухне должна была быть... такой конструктивизм. Пустить еще какие-то ложные трубы по стенам для лучшего эффекта. Отбить штукатурку, покрыть кирпичи лаком (Э., 31 год).

Проекты организации дома становятся частью семейных переговоров:

Всегда долго обсуждение, там, занимает — «какой стиль». То есть сейчас вот я очень хочу венецианский стиль в прихожую. Он говорит: «А как это?» А я говорю: «А я еще не знаю». Вот хочу венецианский стиль. Вот, пилястрочки, фрески на стене. Он говорит: «Фрески знаешь сколько стоят?» Я говорю: «Знаю. Я же только хочу. Я же не говорю: у меня так будет» (К., 28 лет).

Приведенные цитаты отображают рефлексию информантов по поводу стилевого решения, соответствующего их образу жизни. Например, обстановка творческого андеграунда с отбитой штукатуркой и трубами соответствует стилю жизни божемной среды, к которой принадлежит информантка. В следующей цитате мы можем увидеть, как увлечение определенной философией и художественной идеологией находит свое отражение в пространстве жилища:

...мы были помешаны на дзене, поэтому нам нравился стиль дзен. Хотя по дзену надо было все делать бежевое, бледное, холодное, а мы взяли оранжевый. Персиковый цвет. Нам просто понравилось... спальня гарнитур назывался «Дзен», поэтому мы, конечно же, его купили (Н., 30 лет).

Рефлективное воплощение стиля жизни не становится основой всего авторского проекта. Наблюдается фрагментация идей и пространства: прихожая в «венецианском стиле», спальня «по дзену», «конструктивизм» в кухне. При этом возникают рефлективные попытки соотносить домашнее пространство и стиль жизни. Однако центральными рамками остаются, во-первых, дистанцирование от советского типового жилья и, во-вторых, расплывчатое представление о европейском стиле и качестве.

Воплощение авторских идей по поводу обустройства домашнего пространства чаще всего делегируется профессионалам. Автор проекта, как правило, занимается контролем над исполнением строительно-ремонтных работ.

Делегирование полномочий: стратегии найма специалистов

Директора строительных компаний и подрядчики мелких ремонтных бригад выделяют следующую структуру рынка строительно-ремонтных услуг. В сегменте услуг для достаточно состоятельных заказчиков в основном работают строительные фирмы, предлагающие комплекс работ «под ключ»: строительство и отделка коттеджей с оформлением ландшафта, проектирование и ремонт квартир и пр. В сегменте более дешевых услуг работают частные бригады, состоящие чаще всего из жителей Санкт-Петербурга, украинцев или белорусов. Такие бригады часто работают через конкретного субподрядчика (одного или нескольких «хозяев»). В сегменте низких цен и низкоквалифицированных работ свои услуги предлагают выходцы из Таджикистана, Азербайджана, Узбекистана и других бывших союзных республик. Описанная структура приблизительно, и далеко не все строительные бригады вписываются в данную схему. Кроме того, существуют компании, частные бригады и просто одиночные специалисты, предлагающие свои услуги в узкой сфере строительных работ, например установка окон, лакировка паркета, укладывание плитки, установка «теплых полов» и пр. Авторы проектов по обустройству собственного жилья, как правило, выбирают один из следующих вариантов: делают ремонт своими силами, привлекают различных специалистов на отдельные виды работ, нанимают бригаду, которая занимается всей отделкой квартиры. Достаточно часто прерывистость проекта во времени обуславливает наем разных специалистов на разные виды и стадии ремонта. Также существует комбинированный тип, когда в силу ограниченности финансовых ресурсов информанты стараются сделать основной ремонт сами, а на сложные работы привлекают специалистов. Следующая цитата отражает сложную логику этого этапа проекта:

Способов так, на самом деле, было немного, я обращалась в нашу жилконтору, когда касалось каких-то таких базовых изменений в квартире на уровне замены сантехники, отводки, труб. Когда я хотела с чисто декоративных стороны ремонтной деятельности, то я просто по газете «Привет, Петербург», например, выбирала, обзванивала разные бригады, кто-то говорил, смотрела на мастеров, общалась с ними по телефону, приходили сюда люди, просто смотрела

на людей и на ценники, сравнивала, выбирала что-то более-менее мне подходящее (К., 36 лет).

Информантка К. строила свои деловые отношения со специалистами по ремонтно-строительным работам на основе юридически оформленных документов. Такая ситуация все еще уникальна. Все остальные информанты отмечают, что их отношения с ремонтниками основывались «на доверии». В целом стратегии найма работников включают широкое использование неформальных связей и персонифицированность отношений с рабочими.

Категория доверия приобретает большое значение в ходе взаимодействий со специалистами по ремонту. Допуск работников в частную сферу жилья требует рекомендаций, которые хотя бы частично гарантировали безопасность и надежность ремонтных рабочих. Рекомендации друзей, близких и просто знакомых становятся важным критерием выбора специалистов по строительству. Для многих информантов значимым критерием доверия также является то, что рабочие «местные», т. е. не мигранты:

Я могла доверить этому человеку [местному ремонтнику] ключи от квартиры, и он все делал... Когда это приезжие рабочие, и речи быть не могло о том, чтобы я оставила их в квартире одних. Я звала маму, которая постоянно находилась в квартире с ними (М., 48 лет).

Наем специалистов на основе неформальных персонифицированных отношений часто влечет за собой негативные последствия, в том числе невыполнение обязательств с обеих сторон: недоплата заказчиком денег за строительные работы, ненаказуемый срыв сроков выполнения заказа. В ходе поиска специалистов большинство информантов опирается на рекомендации знакомых, но зачастую не имеет возможности убедиться в компетентности строителей. Среди информантов существует мнение, что работу строительной бригады нужно тщательно контролировать. Таким образом, выражается недоверие к профессиональной компетенции и добросовестности наемных рабочих:

Да, больше контролировать. Надо контролировать каждый шаг, потому что, я говорю, с этими обоями... Как только расслабляешься — тут же получается, что что-то не то (М., 29 лет).

Контроль над исполнением работ является одной из основных функций авторов домашнего проекта. Конфликты, возникающие в результате несовпадения представлений о качестве и результате работ у автора-менеджера и непосредственных исполнителей, встроены в структуру теневой занятости. Конфликты и недовольство сторон сопровождают практически все отношения нанимателей и работников на теневом рынке строительно-ремонтных работ.

Другим непредвиденным последствием персонализированности отношений заказчика и работника является эмоциональная работа, которую должен выполнять автор проекта, если хочет добиться желаемого результата:

Рабочие — это просто беда. Потому что... сначала нам ремонт, вот, в Диминой комнате делала тетенька, она реставраторша. И она... все хорошо... но когда я туда приходила, она со мной разговаривала. Я так уставала... Ну, что-то надо, или там она меня просила что-то прийти, что-то там посмотреть. Принять работу, какую-то часть ее. Ужасно. Она говорила все время. То мне что-то рассказывала. Про подружку свою рассказывала... (К., 28 лет).

Устанавливая доверительные отношения, авторы проекта не готовы к тому, что они предполагают эмоциональную нагрузку. Деловые и личные отношения между работником и работодателем в сфере работы над конструированием домашнего пространства трудно разделить, что нередко ведет к взаимной неудовлетворенности и конфликтным ситуациям.

В целом основные черты стратегий найма специалистов по обустройству домашнего пространства — это ориентация на доверительные отношения, поиск работников в сфере неформальной занятости, стремление к экономии, т. е. покупка услуг и товаров по более низким ценам. Пытаясь избавиться от «советского» стиля в обустройстве домашнего пространства, авторы проекта воспроизводят многие стратегии той эпохи: поиск специалистов «по знакомству», попытки сэкономить за счет покупки услуг в секторе теневой экономики. В таком потребительском поведении можно проследить тенденцию, описанную Вебленом в отношении другого социального времени и пространства: люди, пытаясь соотнести себя с группой, с которой им хотелось бы идентифицироваться, демонстративно потребляют определенные товары и услуги, при этом более глубокое проникновение в их при-

ватное пространство может обнаружить несоответствие различных элементов интерьера. Представители среднего класса реализуют проект по обустройству домашнего пространства в соответствии с западными стандартами, ориентируясь на более высокостатусные слои общества. Однако доходы данной социальной группы часто недостаточны для того, чтобы на желаемом уровне и с минимальными эмоциональными и физическими затратами провести ремонтные работы. Нельзя забывать, что существуют и структурные ограничения, которые обуславливают воспроизводство элементов советского потребительского поведения. В частности, несмотря на бурное развитие рынка строительно-ремонтных услуг, доступными по цене оказываются лишь полуполюгальный и нелегальный секторы, высокая цена товара или услуги не гарантирует соответствующего качества. Плохое качество жилья — ветхость городских коммуникаций и жилья в центре города в целом, неудобные планировки квартир, низкое качество услуг ЖКХ — существенно ограничивает авторов в реализации проекта обустройства дома.

Работы по созданию домашнего пространства подразумевают не только взаимодействие со специалистами, но и разделение обязанностей по выполнению работ и контролю над проектом внутри домохозяйства. Поэтому женщины и мужчины интенсивно вовлекаются в осуществление авторского проекта, распределяя роли и менеджерские функции между собой.

Гендерное разделение ролей в процессе обустройства жилья

Традиционно ремонт и строительство являются «мужской» сферой деятельности. Однако представители современного среднего класса, жители мегаполиса не придерживаются традиционных представлений. Хотя технические стороны, а иногда и финансовые обеспечивает в значительной степени мужчина, женщина осуществляет основное руководство и контроль над реализацией проекта:

...он [муж] вообще доверил все мне, поскольку, как бы, все, что, там, по дизайну, по цвету... он говорит: «Я ничего не понимаю, давай ты сама, я буду разбираться, вот, с ремонтниками, чтобы они сделали,

и хорошо, и деньги сколько им заплатить». Это он... вместе ездили, в основном я все выбирала, он все это оплачивал, договаривался, когда привезут. Вот так вот (Т., 36 лет).

При этом существует представление о «мужской» и «женской» роли в процессе обустройства домашнего пространства, когда мужчина считается экспертом по техническим и финансовым вопросам, а женщине приписывается эстетический вкус:

Но он [муж] меня уговорил, сказал, что не волнуйся, я все сделаю, то, что вот надо. У тебя только может быть пожелания, цветовая гамма. Всю технологическую сторону, все эти гипрок, все такое, не волнуйся. И он договорился (С., 31 год).

Покупка мебели и предметов интерьера в большинстве случаев делается совместно. Строительные материалы покупают по совету строителей, а цвет и фактуру муж и жена также выбирают совместно.

Нередки случаи различных конфликтов, которые возникают в процессе ремонта между мужем и женой. Ремонт и строительство часто сопровождается семейными кризисами, связанными с распределением ролей в семье, в разрешении которых актуализируются традиционные гендерные стереотипы:

Также у нас споры еще возникают по поводу напольного покрытия в кухне... И я настаиваю на том, чтобы там был ковролин... А он ни в коем случае там не хочет ковролин. Либо плитку, либо ламинат. Ну, в итоге мы очень долго с ним из-за этого ругались... (К., 27 лет).

Приведенная цитата демонстрирует, каким образом может разделяться пространство внутри жилища на женское, мужское и общее. Соответственно это определяет, кто именно будет управлять этим сегментом пространства, организовывать его и принимать все значимые решения.

Однако нельзя сделать однозначного вывода по поводу разделения гендерных ролей в процессе обустройства домашнего пространства. Некоторые информанты демонстрируют стереотипные традиционные представления о гендерном порядке, когда женщине в большей степени приписывается эстетический вкус, врожденное чувство красивого, а мужская роль связывается с техническими вопросами.

В других семьях автором и руководителем проекта является именно женщина, которая занимается решением всех вопросов и даже лично участвует в строительно-ремонтных работах. Гендерные роли, как и стиль жизни среднего класса, которые находят свое отражение в ремонте и обустройстве жилья, оказываются неопределенными и переговорными. Как и в (ре)организации жилья, фрагменты традиционного, старого, смешиваются с современными представлениями о равноправном распределении обязанностей, независимости и самостоятельности женщины, с отсутствием закрепленных гендерных ролей в домохозяйстве.

Итак, рассматривая цикл реализации авторского проекта по обустройству домашнего пространства и реконструируя фазы проекта по нарративам информантов, мы наблюдаем частое несоответствие идей и их реализации. Для большинства информантов осуществление полного цикла ремонтного проекта становится невозможным в силу нехватки финансовых и временных ресурсов. Ремонт имеет тенденцию затягиваться на несколько лет. Жилье, как правило, отражает различные этапы жизни семьи: периоды финансового благополучия, нехватки средств, переездов, смены деятельности и смены поколений. При этом в некоторых жизненных ситуациях не ставится цель полностью переобустроить или обновить домашнее пространство, т. е. не всегда строительно-ремонтные работы укладываются в полный цикл. Более того, характерной чертой обустройства домашнего пространства представителями среднего класса в России является именно фрагментарность работ. Обратимся к анализу тех вариантов проекта, которые оказываются ситуативно-обусловленными в силу определенных причин, а поэтому незавершенными.

«Этого не произойдет, если не будет повода»: вынужденный ремонт

Анализ данных, полученных в ходе исследования, позволяет выделить основные ситуации фрагментарного обустройства и (ре)конструкции домашнего пространства: переезд в свою или арендуемую квартиру, бытовая авария, предпродажная подготовка и рождение ребенка. Как уже отмечалось, переезд в новое жилье всегда связан с ремонтом. Однако в условиях нехватки ресурсов не всегда возможно

осуществление полной (ре)конструкции жилья. В этом случае новоселы принимают решение о том, какие части квартиры будут ремонтироваться в первую очередь, и приступают к реализации первого этапа. Иногда принимается решение о проведении косметического ремонта, призванного обеспечить внешнее обновление и гигиену жилища.

Не только покупка, но и продажа жилья может предполагать проведение косметического ремонта. Его цель — добавить «денежной красоты» жилищу, т. е. скрыть недостатки квартиры и выигрышно подать достоинства, чтобы поднять цену:

Вот, чисто там ремонт такой гигиенический, чтобы такая вот предпродажная подготовка, чтобы потом, чтобы человек, который пришел туда смотреть на эту квартиру, чтобы он хотя бы мог представить, как это может быть еще лучше, да... очень многое зависит от ощущений. Даже покупатель, который приходит покупать, во многом его настроение определяется, какого цвета обои, да, а если они грязно-коричневого цвета или зеленые, то совершенно, как бы, все это не привлечет. Вот мы пытались приклеить светлые обои, чтобы комнаты казались еще больше (С., 32 года).

Такой ремонт делается из расчета минимальных затрат, поскольку очевидно, что новые хозяева будут обустраивать пространство в соответствии со своими предпочтениями.

Аренда жилья не подразумевает существенного ремонта с перепланировкой, поскольку жилье рассматривается как временное и чужое. Ремонту арендуемой квартиры информанты не придают особого значения, а отмечают его в ряду жилищных практик:

С 90-го года я сменила штуки три съемных квартиры, купила комнату... В той или иной мере в каждой из них я делала ремонт... Ну, до последней квартиры я как-то все время знала, что это такие временные варианты, и, скорее всего, недолго я там останусь. Поэтому делала какой-то минимальный косметический ремонт. Так, чтобы было можно жить (Н., 29 лет).

Такой ремонт, как правило, осуществляется собственными силами, выбору строительных материалов и дизайну интерьера не прида-

ется особого значения. Временное жилье, как правило, минимально персонализируется. Интерьер и обстановка чаще всего предзаданы и не меняются.

Наиболее типичный вид вынужденного ремонта — это устранение последствий бытовой аварии, несчастного случая или необходимость ввести в пространство новый предмет домашней среды. Например, перестановка мебели может повлечь за собой такие последствия, которые делают ремонт неизбежным:

...я подумала, а не развернуть ли наш стол письменный как-нибудь в другую сторону, может быть, будет удобнее... Потом смотрим, что вот а теперь стеллажи не там стоят, хорошо бы их перевести к другой стенке, и получится такая зона кабинета, зонирование так называется... [после этого] мы решили отпилить столик. Ну, в общем, поймали себя на том, что пила сломалась, стол наполовину распилен, и вообще комната выглядит, как Ирак после бомбежки... обои, которые были прикрыты стеллажами, они теперь, там получились какие-то чудовищные пятна, обои были белого цвета. В общем, было ужасно... Ну и в общем, да, моя партнерша сказала, что давай делать ремонт (Г., 35 лет).

В данном случае мы видим, что попытка изменить домашнее пространство с помощью минимальных ресурсов (перестановка мебели) повлекла за собой полное перестраивание жилища. Определенным толчком послужила неудовлетворенность организацией домашнего пространства и попытка изменить ее. Достаточно часто этот вид ремонта связан с необходимостью выделения новой зоны в пространстве жилья. Необходимость в реорганизации и новом зонировании пространства может быть вызвана изменением состава домохозяйства (переезд пожилых родителей к детям, наем няни, домработницы), приобретением новых предметов потребления, организующих домашние занятия (установка компьютера, музыкальной и оргтехники). Однако чаще всего в нарративах информантов мы встречаем истории ремонта, связанного с созданием семьи и рождением ребенка. Если выше мы обсуждали ремонт на фазах формирования и стабилизации семейных отношений, то ниже мы остановимся именно на этом событии в жизни домохозяйства.

Жизненный цикл семьи и домашнее пространство

Одной из наиболее часто упоминаемых причин начала ремонта квартиры или ее части является подготовка к рождению ребенка. Такой ремонт обычно происходит в короткий период — от нескольких дней до нескольких недель. Зачастую (ре)конструкция квартиры или комнаты производится «своими силами», т. е. силами родственников и близких.

Информанты объясняют необходимость проведения ремонтных работ перед рождением ребенка следующими причинами. Во-первых, существует представление о том, что нужно «подготовить» жилье к появлению ребенка. При этом целью такого ремонта является не только забота о гигиеническом состоянии помещения, но и выделение пространства для нового члена семьи. В зависимости от жилищной ситуации ребенку может быть выделена своя комната или просто некая «зона» в общем помещении.

Ремонт, который проводится перед появлением в доме маленького ребенка, носит «косметический-гигиенический» характер. Идея нового и чистого пространства для ребенка присутствует в большинстве нарративов. Ремонт такого типа не имеет, как правило, никакой дополнительной стилистической нагрузки, о нем говорят мало, лишь отмечают как некий жизненный этап. Взросление ребенка также влечет за собой изменения в пространстве: сначала выделяется отдельное место для детских игрушек, потом — для письменного стола, компьютера, книжных полок и т. д. В конечном итоге детская комната, как и все пространство жилья, отражает жизненные стадии семьи и процесс смены поколений. Цикл проекта может снова повторяться, когда ребенок станет взрослым и возникнет необходимость в приобретении отдельного жилья.

Заметим, что хотя в нашем массиве данных мы встречаемся с завершенными проектами по (ре)организации жилья, информанты постоянно подчеркивают, что определенными моментами ремонта они не удовлетворены. Это может быть плохая работа ремонтников, неудачное пространственное решение, нестыковка стилей, недоделанность мелких деталей и, наконец, необходимость внесения последующих коррективов в проект. Тем не менее «жизнь в состоянии ремонта» в определенный момент заканчивается, чтобы воспроизвестись на следующем жизненном этапе. Возможно, очередная смена поколений повлечет за собой изменения в стиле жизни среднего класса в России,

а авторские проекты по организации домашнего пространства приобретут новые черты, становясь более определенными и целостными и явно отличаясь от нынешних. Скорее всего, и понятие евроремонта забудется и будет заменено разнообразием выборов, каждый из которых будет ассоциироваться с художественным стилем или социальной средой.

Заключение

Обустройство домашнего пространства, связанное с ростом числа товаров и услуг, стало важным жизненным проектом для многих представителей среднего класса в России. Организация домашнего пространства отражает и создает стиль жизни домохозяйства, репрезентирует успешность и стремление принадлежать к определенной социальной группе. Потребительское поведение в сфере организации домашнего пространства отличается двойственностью. С одной стороны, создается безопасное и комфортное пространство, приватная сфера, где протекает частная жизнь. С другой стороны, жилье становится пространством самовыражения, позиционирования себя, где есть место «европейскому стандарту», а также эклектизму в оформлении интерьеров, сочетающему элементы венецианского стиля, художественные практики дзен-буддизма с сауной в пространстве городской квартиры.

Особой чертой потребительского поведения в сфере обустройства домашнего пространства можно считать стремление дистанцировать себя от «советского» стиля потребления, уйти от заданности пространства, типичности обстановки и дефицита. При этом новый стиль потребления, и в определенной степени стиль жизни среднего класса, сохраняет черты советского наследия, о чем свидетельствует поиск специалистов «по знакомству», осуществление ремонтных работ «своими силами», отсутствие правового оформления сделок. Широкий выбор товаров и услуг предоставляет возможности для творческого подхода к оформлению пространства, однако большинство наших информантов тяготеют к некоему стандарту, который получил название «евроремонт». Конвенциональные представления о западных образцах обустройства пространства становятся эталонными, они рассматриваются как символы современности, достойного уровня жизни и успешности пользователей жилья.

Желание продемонстрировать принадлежность к определенной социальной группе, идентифицировать себя с европейским потребителем побуждает многих информантов реорганизовать свою домашнюю сферу, убрать из нее символы одного образа жизни и привнести новые. Тем не менее в большинстве проектов отсутствует представление о единой стилистике пространства, хотя некоторые информанты изначально пытаются сформулировать идею, которая будет реализована в домашнем интерьере. Отправной точкой для российского потребителя часто является противопоставление «советскому» стандарту в оформлении жилья.

Стратегии привлечения специалистов тяготеют к использованию ресурса неформальных связей и характеризуются большим количеством рисков и конфликтов. Ограниченные материальные ресурсы, значимость доверия в отношениях с ремонтной бригадой направляют потребителей в процессе поиска услуг в сферу неформальной экономики. Характерно, что категории престижности, красоты, особого стиля крайне редко фигурируют в нарративах информантов. «Денежная красота» не становится ориентиром потребления для большинства из них. Они предпочитают следовать стратегиям экономии — достичь желаемого внешнего вида жилища с наименьшими затратами. Демонстративность потребления сочетается со стратегией экономии.

Из текстов интервью становится очевидным, что полная смена пространства и окружающих вещей происходит достаточно редко. Чаще всего в квартире сохраняется часть «доремонтного» интерьера. Смешение стилей и эпох, привнесение новых элементов в «старое» пространство чаще всего вызвано вынужденной фрагментарностью реализации проекта по обустройству домашней сферы. В итоге жилье представляет собой сложное и эклектичное пространство, которое, возможно, отражает сложность и неопределенность социальной структуры российского общества и противоречивость не до конца сформировавшейся, потребительской культуры.

Литература

- Бурдье П. (1993). *Социология политики*. М.: Socio-Logos, с. 33—52.
Веблен Т. (1984). *Теория праздного класса*. М.: Прогресс.
Голофаст В.Б. (2000). Люди и вещи, *Социологический журнал*, № 1—2, с. 58—65.

- Ильин В. (1998). *Поведение потребителей*. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского университета.
- Радаев В. (2005). Социология потребления: основные подходы, *Социологические исследования*, № 1, с. 5–18.
- Титма М.Х., Сильдмяэ Т.И. (1979). Факторы формирования домашней предметной среды, *Социологические исследования*, № 3, с. 108–115.
- Ушакин С. (2005). *Количество стиля: потребление в условиях символического дефицита* [электронный ресурс], режим доступа: <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/ushak011.htm>, свободный.
- Воскок R. (1993). *Consumption*. London: Routledge.
- Featherstone M. (2000). Lifestyle and Consumer culture, in: Marthyn J. Lee, ed., *The Consumer Society Reader*. Blackwell Publishing, p. 92–105.

Часть 3

**НОВАЯ ЛЮБОВЬ:
БОЛЬШЕ СЕКСА —
МЕНЬШЕ ПЕЛЕНАНИЙ!**

Наталья Яргомская

ТРАНСФОРМАЦИЯ СЦЕНАРИЯ ЖЕНСКОГО СЕКСУАЛЬНОГО ДЕБЮТА: «ПРОЩАНИЕ С НЕВИННОСТЬЮ» И ГИМЕНОПЛАСТИКА

Введение

Данная статья является продолжением исследования, посвященного изучению женских сексуальных дебютов в условиях постсоветской трансформации российского общества. В предыдущем исследовании (см.: Яргомская, 2002), были проанализированы основные структурные характеристики и культурные коды сексуальной инициации женщин.

В качестве методологической основы исследования был использован сценарный подход, в котором культурные значения сексуального дебюта рассматриваются как результат взаимодействия трех обуславливающих его уровней: социально-нормативного, межличностного и интрапсихического (Gagnon, 1990). Нормативный уровень «ответственен» за выработку правил социально одобряемого поведения, которые транслируются социальными институтами. На уровне межличностных отношений сценарий выстраивается в контексте ситуаций взаимодействия с партнером, а интрапсихический уровень представляет личностные установки индивида в отношении переживаемого сексуального опыта. Эти уровни взаимосвязаны и позволяют вписать опыт сексуальной инициации в личную биографию индивида. Сценарий сексуального дебюта предполагает, что нормативные предписания вплетаются в конкретную ситуацию межличностного взаимодействия, которая, в свою очередь, встраивается в личную сексуальную биографию и оценивается с точки зрения ее значимости и последствий для индивида.

При исследовании нормативного уровня в предыдущей статье мы опирались на интерпретации культурных предписаний женской сексуальности, предложенные различными интеллектуальными тради-

циями, а именно: марксистской, фрейдистской, социально-антропологической и феминистской. В рамках этих теоретических традиций были реконструированы культурные значения девственности: женский сексуальный дебют рассматривался ими в контексте ценности девственности.

Марксизм обосновывает характерные для патриархатного общества предписания женской добродетели девственности (целомудрия, чистоты) и супружеской верности экономическими факторами. Согласно этому взгляду, монополия мужского контроля женской сексуальности в течение длительного исторического времени позволяла снижать экономические издержки и риски в определении права наследования собственности, которое проблематизировалось в условиях полигамии. Энгельс констатирует заинтересованность женщин в контроле их сексуальности: «То, что Бахофен изображает как искупление за нарушение древних заповедей богов, — искупление, ценой которого женщина приобретает право на целомудрие, — в действительности только мистическое выражение выкупа, которым женщина откупается от существовавшей в древние времена общности мужей и приобретает право принадлежать только одному мужчине» (Энгельс, 1986). Причины, которые объясняли бы заинтересованность женщин в ограничении их сексуальной свободы, далеко не полностью раскрыты в марксистском анализе. Исследователи этого направления подчеркивают, что в буржуазной семье женщины обменивали свою сексуальную свободу на экономическую стабильность и уважение, связанные с ролями жены и матери (Коллинз, 2000). В настоящее время степень субъектности/объектности женщины оказывается одной из центральных тем при анализе трансформаций в сфере сексуальной жизни, включающих изменения женского сексуального дебюта и разделения семейной, сексуальной и репродуктивной сфер опыта.

Антропологические исследования недвусмысленно указали на возможность несовпадения сексуального дебюта и первой брачной ночи. Такое расхождение во многих культурах является нормативно допустимым и не приводит к моральному конфликту. Вариативность культурных сценариев, при которых смена maritalного статуса женщины не совмещена с изменением сексуального статуса, пытался интерпретировать З. Фрейд. В своем эссе «Табу девственности» (Фрейд, 1990) он отмечает, что страх мужчин перед дефлорацией (как опытом столкновения с неизвестностью, кровью, болью) приводит к контролю сексуальной жизни женщины.

Иначе рассматривают проблематику сексуальной инициации женщин феминистские исследователи. Для них чрезвычайно значимым оказывается дисциплинирующая функция девственности в отношении женского тела. Впервые этот аспект контроля женской сексуальности описала Симона де Бовуар. Она проанализировала моральные основания нормативного добрачного целомудрия женщины и отметила ограниченность «мужской» перспективы анализа женской сексуальной инициации. Необходимость сохранения девственной плевы до вступления в брак, как это предписывают моральные устои, лишает девушку доступа «в то место, где должен совершиться половой акт», так как «тот орган, где должно завершиться ее превращение в женщину, закрыт девственной плевой» (Бовуар, 1997: 417). Благодаря проницательности Бовуар, в академическом дискурсе обозначился поворот в сторону изучения женского опыта сексуального дебюта.

В целом основные выводы изучения культурных сценариев сексуальной инициации женщин сводятся к следующим положениям. Нормативные паттерны женского сексуального дебюта варьируются в зависимости от культуры и значений, приписываемых девственности. Марксистский и фрейдистский анализ показывает, каким образом представления о нормативной добрачной девственности встраиваются в концепцию буржуазной семьи. В свою очередь, социально-антропологическая традиция указывает на разброс культурных значений, увязанных с женской сексуальной инициацией. Содержание ритуалов и их регламентация чрезвычайно разнообразны, и многие «сами собой разумеющиеся» в западной культуре символы и маркеры сексуальной инициации теряют свою значимость в иных культурных контекстах. Это позволяет сделать вывод о том, что даже такие «физиологические» компоненты женской инициации, как девственная плева (гимен), кровь и боль, отнюдь не являются абсолютными и непреложными. Феминистская критика указывает на особую природу отчуждения женщины от своего тела, связанную с феноменом девственности и сексуальным дебютом.

Традиционный сценарий сексуального дебюта мы назвали брачным. В этом случае последовательная смена maritalного—сексуального—социального статусов женщины выступает в качестве морально одобряемого и «правильного» паттерна поведения. Смыслообразующие категории брачного сексуального дебюта тесно переплетены с модернистской моделью семейно-брачных отношений. Это касается ролевых позиций мужчины и женщины в дебюте и асимметрии в

сексуальных отношениях между ними. Такой культурный сценарий предполагает отсутствие у женщины знаний и опыта в сексуальной сфере (невежество), передаваемое такими категориями, как «невинность», «целомудрие», «непорочность». Все эти черты свидетельствуют о предписаниях, предполагающих отсутствие у женщины субъектности в отношении собственной сексуальности. При выборе партнера на первом плане оказываются социальные, экономические и психологические характеристики потенциального мужа, сексуальные качества которого не представляется возможным оценить до замужества. В рамках такого сценария брачный статус женщины зависит от ее добрачного сексуального поведения. Нарушение последовательности брак—нициация—прокреация чревато штрафными санкциями со стороны сообщества в адрес женщины и членов ее семьи.

Гендерный двойной стандарт в отношении сексуальной инициации выражается и в том, что от партнера не требуется аналогичного воздержания от добрачного сексуального опыта. Более того, наличие такого опыта может поощряться, так как именно муж выступает в качестве «эксперта» в области интимных сексуальных отношений между супругами.

Российские исследования показали, что норма брачного сценария сексуального дебюта была распространена и в советском обществе и воспроизводилась в официальном дискурсе (Тёмкина, Роткирх, 2002). Однако в позднесоветское время его господство ставится под сомнение. Поведенческая сексуальная революция приводит к либерализации сексуальной жизни и автономизации сексуальной жизни по отношению к браку. В связи с этим получают развитие практики добрачной сексуальной инициации женщин. Добрачная девственность перестает быть нормой. Происходит сближение стандартов в отношении добрачной сексуальной жизни мужчин и женщин. Это сглаживание различий происходит по андроцентричному образцу, допускающему добрачный секс мужчин.

Анализ биографических интервью, посвященных сексуальной жизни, позволил выявить альтернативы брачному сценарию сексуального дебюта. Материалы интервью указали на нарушение последовательности брак — сексуальная инициация для женщин и на отсутствие санкций за это нарушение. Кроме того, диверсифицировались значения женского сексуального дебюта. Множественный смысл здесь имеет и категория девственности. В нарративах помимо *физиологической* девственности (девственной плевы) речь идет об *эмоциональной не-*

винности, обусловленной новизной сексуальных ощущений. Особый смысл придается *когнитивной девственности*, связанной с отсутствием или недостатком знаний и опыта в сфере сексуальности. Эти категории указывают на разные аспекты изменения статуса женщин в ходе сексуальной инициации.

Появление альтернативных внебрачных сценариев сексуального дебюта свидетельствует о формировании новых паттернов сексуальных отношений. Каковы последствия добрачной сексуальной инициации для сексуального контроля женщин и отношений между партнерами? Изменилась ли интерпретация девственности в ходе сексуальной либерализации? Можно ли говорить о преодолении двойного гендерного стандарта и субъективации женщин в сфере сексуальности? Как интерпретируется брак в рамках альтернативных сценариев сексуального дебюта? Эти вопросы непосредственно связаны с изменением сценария сексуального дебюта, и на некоторые из них мы попытаемся найти ответ, проанализировав имеющиеся в нашем распоряжении новые эмпирические данные.

Данная статья представляет собой скорее анализ трех различных дискурсивных сюжетов, объединенных темой женской сексуальной инициации, нежели текст, выстроенный на едином методологическом и концептуальном основании. Наше внимание будет сосредоточено на публичном дискурсе о девственности как одном из ключевых символов женской сексуальной инициации. Поиск информационных полей, транслирующих нормативные установки в отношении женской сексуальной инициации, оказался существенно облегчен благодаря развитию рынка услуг пластической хирургии по восстановлению девственности — так называемой операции по гименопластике. Тексты интернет-сайтов, рекламирующие услуги по восстановлению девственности, стали источниками анализа нормативных установок по отношению к сексуальным дебютам.

Для анализа изменений межперсонального уровня мы обратились к инструкциям о «правильной» дефлорации, которые позволяют оценить распределение ролей участников и смыслы, приписываемые самой инициации.

И наконец, как и в предыдущем исследовании (Яргомская, 2002), мы использовали нарративы собранных интервью с тем, чтобы обнаружить мотивацию сексуального поведения на индивидуальном уровне. Таким образом, для реконструкции каждого уровня сценария мы используем разные данные, хотя очевидно, что это деление в значительной степени условное.

Новое в культурном сценарии: гименопластика и коммерциализация девственности

Потерять девственность можно только однажды, а **обрести** девственность посредством интимной хирургии – бесчисленное количество раз.

Центр женского здоровья.

Девственность – лишение и обретение

Брендовое продвижение операции по восстановлению девственности на рынке услуг косметической пластической хирургии дает богатый материал для анализа культурных установок в отношении сексуальной инициации и правил взаимодействия (культурный и межличностный уровни), так как сопровождается историями о том, «как это бывает» и «что с этим делать». Поисковая система в Интернете предлагает дюжину ссылок на сайты, рекламирующие услуги по восстановлению девственности. С одной стороны, рекламные тексты, размещенные на интернет-страницах, наглядно иллюстрируют проблематизацию культурных паттернов в области сексуальности в современной России. С другой стороны, маркетинговые стратегии, используемые для повышения спроса на операции по восстановлению девственности, воспроизводят устоявшиеся культурные образцы и в то же время агрессивно навязывают обществу потребление предлагаемых услуг. Тенденцию коммерциализации услуг по восстановлению девственности мы рассматриваем как продвижение определенных культурных образцов сексуального взаимодействия.

Для анализа были использованы статьи с сайтов, рекламирующих услуги по гименопластике, а также статьи из электронных журналов. Анализируя информацию с сайтов о возможностях восстановления девственности, мы можем предположить, что коммерциализация темы девственности вызывает с неизбежностью трансформацию культурных паттернов в отношении женского сексуального дебюта. Хотя относительная новизна сюжета о гименопластике дает довольно большой разброс в оценке ситуаций, когда девственность может оказаться значимой, ее культурная и символическая ценность активно эксплуатируется и поддерживается.

Термин «коммерциализация интимной жизни» используется Арли Хохшильд для описания изменений, которые претерпевает со-

временное западное общество. В случае восстановления девственности этот термин получает буквальный смысл. Услуги гименопластики предлагают новый рыночный эквивалент девственности, а значит, и новый взгляд на привычные традиционные интерпретации уникальности опыта женской инициации и возможности социального контроля над этим процессом.

Что бы там не говорили о сексуальной революции, невинность была и остается в цене. Правда, сегодня ее цена не измеряется какими-то моральными соображениями, а получила конкретное денежное выражение (Клео.ру...).

Последствия этих изменений, конечно, неоднозначны. Как утверждает Хохшильд, коммерциализация интимной сферы в целом приводит к эффекту «культурного похолодания» (Hochschild, 2003). В отношении сексуального дебюта это может означать, что новые технологии приводят к разрушению романтического паттерна женского сексуального дебюта. На уровне межличностного взаимодействия на смену нерациональным, аффективным и эмоциональным дискурсивно заданным переживаниям приходят интерпретации, заданные расчетом и стратегическим поведением. Рационализация сексуальности проявляется в развитии индустрии советов и рекомендаций по организации интимной жизни. Инструкции, которыми изобилуют мужские и женские журналы, телевизионные ток-шоу, пособия, а также интернет-страницы, учат партнеров, и прежде всего женщин: «как завоевать...», «как удержать...», «как достичь...», «как пережить...», «как найти...» и т. п. «Страна советов» предлагает и интерпретации самого сексуального дебюта, и мотивации партнеров по сексуальному взаимодействию.

На наш взгляд, покупка-восстановление девственности носит двойственный характер. Во-первых, она способствует воспроизводству традиционных сценариев сексуальности и предлагает еще одну возможность прибегнуть к «уловкам слабых», манипулирующих своим статусом для получения гарантий безопасности. Такого рода уловки и манипуляции являются глубоко укорененными в культуре, приветствующей гендерную асимметрию в отношении женской сексуальной инициации. Однако «культурное похолодание» в этом ключе подразумевает создание символического порядка, при котором женская сексуальность (в данном случае анатомическая девственность) становится признанным рыночным товаром, наряду с другими участвующими

в купле-продаже. Так, на сайте, рекламирующем услуги гименопластики, анатомическая девственность интерпретируется как свойство вещи, обеспечивающее надлежащее качество продаваемого товара. Здесь же представлена стратегия, объясняющая как манипулировать данным свойством.

В наши дни девственная плева стала играть, если хочешь, роль ярлыка, прикрепленного к висящему в магазине новому платью. Если гимен присутствует — значит, товар новый, никто до этого им не пользовался. Конечно, чаще всего приятнее приобретать новую вещь, а не бывшую в употреблении — особенно такую сложную и хрупкую, как жена. Но иногда бывает и так, что новое платье, висящее в торговом зале, кто-то уже носил один-два раза. Всего-то надо было аккуратно оторвать ценничек, аккуратно воспользоваться изделием, аккуратно ценничек на место вернуть... И никто никогда не упрекнет: ярлык на месте — вещь новая! Примерно так же научились обходить суровые жизненные требования хитрые женщины (Центр женского здоровья...).

Ценность девственной плевы в этом современном коммерциализированном дискурсе обнажает отношения товарного обмена, в которых «приобретаемая» женщина-объект обладает качеством «новой вещи» — девственной плевой — и ассоциируется с товаром, «сложным и хрупким», который «никто не носил» или которым «кто-то пользовался».

Таким образом, рыночная стоимость становится центральной смыслообразующей категорией коммерциализированной девственности. Именно такой смысл получает девственность в новых условиях, оставаясь при этом в рамках традиционного брачного сценария. Именно потому, что существует культурная востребованность «брачного сценария сексуального дебюта», становится возможной продажа операции по восстановлению девственной плевы. В подавляющем большинстве случаев партнер, ради общения с которым чаще всего и производится эта операция, остается в неведении относительно самого факта хирургического вмешательства. Гименопластика остается «женской тайной». В таком случае в обмен на девственность женщина получает особый социальный, маритальный и сексуальный статус — «та, которая сохраняла девственность до встречи с данным партнером» («до брака»), та, которая ценит свою девственность и требует особого отношения, поскольку ее нельзя обвинить в наличии предшествующего сексуального опыта.

Во-вторых, доступность услуги по восстановлению девственности расширяет возможности самостоятельного контроля женщиной своей сексуальности. Коммерциализация девственности переводит последнюю из ценности безусловной и абсолютной в ценность относительную. Причем ее относительность становится таковой не только для мужчин, но и для женщин. Иными словами, при сохранении прежней символической системы координат женщины получают возможность манипуляции девственностью в своих интересах. Как мы уже отметили, для данного дискурса характерно то, что по отношению к брачному сексуальному дебюту женщина все так же выступает в качестве объекта — «новый товар — такой сложный и хрупкий, как жена». Вместе с тем она субъективируется, научаясь «обходить суровые жизненные требования» двойного стандарта. Гименопластика в условиях все еще существующего культурного неравенства в отношении начала сексуальной жизни у мужчин и женщин дает возможность последним приватизировать свой сексуальный опыт и уходить от внешнего контроля за своей сексуальной жизнью. Иллюстрацией данного тезиса является следующая цитата:

В настоящее время некоторых женщин озадачивает вопрос, как скрыть следы своего прошлого, как восстановить девственность. Этот вопрос... очень сокровенен, так как интимная жизнь — это личная тайна (Научно-исследовательская клиника Медхэлл...).

Можно предположить, что в случае разрушения двойного стандарта в сфере сексуальности и продвижения практик гендерного равенства роль девственности как локуса контроля за сексуальной жизнью женщины может нивелироваться. Однако в культурных средах, где такой контроль морально одобряется, восстановление девственности оказывается востребованным. В данной связи представляет интерес то, как паттерн двойного стандарта в отношении женского сексуального дебюта уживается с коммерциализацией услуги по восстановлению девственности. С одной стороны, популяризация гименопластики подразумевает признание обществом изменения стандартов добрачного женского сексуального целомудрия. Вместе с тем полная культурная девальвация девственности лишает операцию смысла. С другой стороны, очевидно, что обладательница девственной плевы, строго следующая моральным предписаниям традиционной культуры, в гименопластической операции может не нуждаться. Следовательно, в

обществе, практикующем санкции за нарушение запретов на женское целомудрие, широко рекламируемое коммерческое продвижение данной услуги выглядит проблематичным. Если представить культурную девальвацию и абсолютизацию девственности как противоположные полюса континуума, то коммерциализованная девственность займет на нем среднее положение. Это культурное значение воспроизводится там, где двойные стандарты в отношении женской сексуальности сохраняются, но санкции за нарушение предписаний не применяются. Таким образом, новые технологии и рынок соответствующих услуг способствуют сохранению традиционного сценария брачного женского сексуального дебюта, но только де-факто. Рынок реагирует на двойной стандарт. Новые предложения в сфере восстановления девственности учитывают разрыв между опережающей либерализацией сексуальных практик и неотрадиционализмом культурных норм в некоторых социальных средах. В этом зазоре женщины могут избежать общественных санкций. Они могут начать свою жизнь заново, с помощью хирурга уничтожив телесные свидетельства прежнего опыта сексуальной жизни. При этом правила врачебной этики могут помочь им скрыть предшествующую частную жизнь от непрошенных вмешательств.

Нас интересует, каким образом рынок устанавливает баланс между сохранением ценности девственности и новыми тенденциями добрачной сексуальности? Чтобы ответить на этот вопрос, проанализируем дискурсивные стратегии продвижения рынка услуг по гименопластике и посмотрим, как репрезентируется девственность в этом дискурсе. Маркетинговые стратегии коммерческой хирургии ориентированы на разные группы потребителей, что соответствует диверсификации значений девственности в современной культуре.

Во-первых, обнаруживается, что само понятие девственности включает в себя помимо физиологической, другие семантические аспекты: когнитивный, эмоциональный, моральный.¹

На самом деле очень трудно определить степень непорочности избранницы. В обывательском понятии девственницей считается особа, имеющая в наличии гимен. Однако это всего лишь так называемая анатомическая девственница. Ибо наличие гимена зачастую ни о чем не говорит. Порой девушка может быть абсолютно невинной

¹ В статье (Яргомская, 2002) на основе сексуальных биографий мы реконструировали множественность значений девственности.

при его отсутствии (девственная плева может быть повреждена в детстве или при осмотре неумелого гинеколога, может быть вообще не развита). И встречается сколько угодно девушек, которые не воздерживаются от интимных связей... тем не менее, сохраняя девственную плеву (Центр женского здоровья...).

Таким образом, ставятся под сомнение основные смыслообразующие категории нормативного образца. Наличие гимена, т. е. анатомическая девственность, которая в традиционной культуре является основным локусом контроля, «ни о чем не говорит» — т. е. не может быть гарантом «моральной чистоты», отсутствия сексуального опыта и соответствующих знаний. Помимо распространенного нормативного образца — «обывательского понятия» — появляются новые различия, само наличие которых указывает на кризис прежних представлений. Синкретичность традиционного представления о девственности, предполагающая сочетание физиологической девственности с отсутствием сексуального опыта и моральными установками на брачный сценарий сексуальности, ставится под сомнение.

На трансформацию смыслов, на наш взгляд, красноречиво указывает также и то, что в интернет-текстах ключевые понятия, описывающие традиционную женскую инициацию, повсеместно берутся в кавычки. Фактически это означает, что в публичном дискурсе происходит процесс деконструкции, аналогичный тому, который проделывает исследователь, работающий в конструктивистской парадигме и «расшифровывающий» значения социальных явлений. Категория «анатомическая девственница» проблематизируется и репрезентируется как символ, смысл которого в рассматриваемом контексте оказывается неоднозначным и отклоняющимся от привычных представлений. Об этом довольно красноречиво свидетельствует цитата, в которой категория девственности допускает несколько толкований («в обычном понимании») и неоднозначность содержания («позволяет предположить»).

В обычном понимании, дорогие подписчики, девственность означает состояние, которое позволяет предположить, что девушка не имеет сексуального опыта (Клиника андрологии...).

Появившаяся у женщин возможность манипулировать своим сексуальным статусом вызывает горечь у традиционно ориентирован-

ных мужчин, сетующих в виртуальном пространстве коммуникации на невозможность гарантировать подлинную невинность своей избранницы.

Кроме того, в интернет-пространстве тематизируются привычные культурные маркеры сексуального дебюта, такие как *кровь* и *боль*. С одной стороны, они до сих пор являются наиболее устойчивыми и значимыми культурными кодами женского сексуального дебюта. Причем кровь является преимущественно мужским маркером контроля, а боль — женским.

Большинство мужчин представляют себе «девственницей» девушку, у которой обязательно будут кровавые выделения при введении полового члена во влагалище!

Почти все девочки знают, что «в первый раз должно быть больно» и будет кровь!

Мужчина, хотя и чувствует разрыв, но отсутствие кровотечения придает его мыслям нежелательное направление (Медицина для всех...).

Это знание является частью психологической установки на опыт сексуальной инициации, которое усваивается партнерами в ходе социализации.

Тем не менее современный дискурс указывает на то, что ни боль, ни кровь не являются обязательными и абсолютными атрибутами первого коитуса женщины. Оказывается, что на самом деле разрыв девственной плевы *не всегда* сопровождается кровью и болью, что он *не всегда* происходит во время первого сексуального контакта и что *не всегда* первый-второй и далее сексуальные контакты приводят к разрыву девственной плевы, что причиной разрыва *не всегда* является введение полового члена во влагалище. Обсуждаются такие нюансы, как сохранение девственности при сексуальных отношениях, растяжение гимена при сексуальном контакте или его разрыв вне сексуального контакта.

Возможность операции по восстановлению девственности породила дискурс, связанный с ее культурным переопределением. «Все поправимо!» Потеря невинности, безвозвратная прежде, теперь вновь обретаема. На смену уникальности опыта потери девственности приходит серийность в возможности его повторения. Ситуацию дебюта можно переиграть, если первый опыт оставил впечатления, отличные

от ожидаемых. Опыт лишения девственности можно реализовывать с разными мужчинами. Он более не связан с одним-единственным, каким-никаким, но первым. Однако эти смысловые трансформации не означают, что ценность девственности нивелируется.

Истории, которые предваряют или сопровождают объявления о гименопластике, презентуют разные типы потребителей, для которых характерны разные значения девственности. Приведем примеры. Первый вариант — потребители, ориентированные на традиционный, брачный сценарий «расставания» с невинностью. В таком случае физиологическая девственность — это необходимый атрибут женской добрачной биографии. Это ценность, которая конвертируется в социальный, экономический статус, неразрывно связанный со вступлением в брак. Такой сценарий культурно и этнически маркирован:

Девственность в арабских странах до сих пор — на вес золота. <...> Ведь там... после брачной ночи простыни новобрачных выставляются на всеобщее обозрение (Perfect Lady...).

Как правило, мотивация восстановления девственности для заключения брака приписывается представительницам традиционных обществ, географически удаленных от российских мегаполисов. Однако такой сценарий не является доминирующим в российском обществе на сегодняшний день.

Второй тип потребителей — работницы секс-индустрии, которые конвертируют символическую ценность девственности в материальную ценность. Спрос на девственниц в сфере сексуальных услуг порождает соответствующее предложение.

Тут все ясно: цена на девственницу в несколько раз превышает цену на самую высококлассную путану «многоразового» использования (Perfect Lady...).

Третий презентуемый тип потребителя — женщины, ориентированные на определенный вид сексуального удовольствия — сексуальную игру, предполагающую дефлорацию. Среди таких клиентов гименопластики называются женщины (жены и подруги), движимые желанием «*угодить партнеру (которому захотелось испытать опыт сексуальной близости с девственницей, не изменяя при этом своей любимой)*» (Там же).

В данном случае речь идет о воспроизводстве игровой ситуации, в которой девственность презентуется как особый вид подарка, овеществленный в теле партнерши.

И наконец, четвертый тип — это женщины, пережившие сексуальное насилие или опыт ЗППП и стремящиеся через восстановление девственности вычеркнуть из своей биографии травматический опыт. Телесная трансформация — возвращение к физиологическому состоянию, предшествующему изнасилованию, — осмысливается как средство «изживания» душевной травмы.

Таким образом, анализ интернет-дискурса о девственности позволяет сделать следующие выводы. Развитие технологий и услуг гименопластики проблематизировало и диверсифицировало значения девственности. При этом, хотя брачный сценарий сексуального дебюта вытесняется на периферию, сохраняется гендерный двойной стандарт в сфере сексуальных отношений. Неравенство проявляет себя через противоречия контроля женской сексуальности. «Культурная подпитка» ценности девственности воспроизводит представление о женщине как сексуальном объекте, вовлеченном в отношения субъектов-мужчин. Однако возможности гименопластики позиционируют девственность по-новому. Она попадает в зону не только мужского, но и женского контроля. Женщина представлена в качестве потенциального потребителя услуг по восстановлению девственности и получает, таким образом, доступ к механизму управления своей сексуальной биографией. Таким образом, коммерциализация девственности способствует сохранению гендерного двойного стандарта, но при этом расширяет возможности контроля женщин над своей сексуальностью.

Инструкции по дефлорации и изменения межличностного сценария

Трансформации культурного сценария сексуальности обращает нас к вопросу об изменении роли женщины и мужчины в сексуальном дебюте. Обретает ли женщина бóльшую субъектность, расширяются ли возможности реализации ею сексуальных потребностей и желаний? Как сексуальные партнеры ориентируются при отсутствии четко определенных норм «правильного» сексуального поведения в дебюте? Через какие смысловые коды и благодаря каким практикам сексуальный дебют описывается и становится легитимным?

Как известно из антропологических исследований, женская сексуальная инициация — разрыв девственной плевы — может происходить как в сексуальном контакте, так и вне его. В западной культуре традиционно роль дефлоратора выполнял мужчина, хотя его статусные отношения с женщиной, проходившей инициацию, варьировались. В модернистской культуре эта функция была закреплена за мужем. В современной ситуации, когда роль брачной модели сексуального дебюта явно маргинализируется, на смену «мужу» приходит сексуальный партнер, которому приписываются иные характеристики.

С точки зрения сценарной перспективы, инструкции дают нам возможность судить об изменениях, происходящих на нормативном уровне. Арли Хохшильд считает распространение психологических руководств по управлению интимными отношениями важным показателем рационализации частной жизни и «культурного похолодания». На первый взгляд, набор советов по правильному поведению «расколдовывает» мир приватного и приходит на смену романтизированным историям. Вместе с тем с функциональной точки зрения инструкции со своими целями научить «правильному» поведению выполняют те же задачи, что и традиционные институты, такие как семья, «подруги», «близкий круг друзей и родственников». Принципиальное отличие, пожалуй, состоит в том, что инструкции адресованы автономному индивиду, который может относительно независимо претворять их в жизнь. Обратимся к двум инструкциям по «правильной дефлорации». Судя по интернет-публикациям, эта функция осталась прерогативой мужчины, хотя не обязательно мужа.

Мы привыкли думать, что каждый мужчина мечтает взять в жены «чистую и невинную девушку». Но статистика говорит о другом: больше тридцати процентов современных мужчин сторонятся девственниц, а у каждого пятого при дефлорации возникают серьезные проблемы (Лишение девственности...).

Как уже неоднократно упоминалось, в брачной модели сексуальная инициация была включена в систему символического обмена, при котором женщина получала морально одобряемые в обществе сексуальный и маритальный статус, а также определенные экономические гарантии своего существования. Брачный сценарий изменения сексуального статуса женщины предполагает, что обряд сексуальной инициации выполняется супругом, который и является основным свиде-

телем женской непорочности. Сексуальный дебют поддерживался символическими значениями боли и крови. В обществе либерализованной сексуальной жизни налицо ослабление брачного фрейма, что ведет к изменениям субъектно-объектных отношений и разрушению монополии «мужа» на сексуальную инициацию супруги.

Если муж в последнее время после исполнения своих супружеских обязанностей, глядя в потолок, вопрошает: «Интересно, а сколько мужчин у тебя до меня было?» — намекая на то, что, мол, женился на тебе недевственнице, это его проблема. <...> Объясни своему мужчине, что это твой маленький секрет. Если он будет настаивать открыть цифру, можно и сменить мужа, а девственность восстановить (Perfect Lady...).

Как следует из текста, решение о том, как поступить в ситуации конфликта по поводу добрачной сексуальной биографии жены, предлагается принять женщине. Традиционные гендерные установки мужа не рассматриваются как серьезная угроза — они описываются как его личные переживания. Разрешение конфликта может предполагать разрыв между партнерами, «смену партнера», которые не драматизируются.

Дискурсивная либерализация сексуальности сопровождается обсуждением потребностей женщин в отношении собственной сексуальной инициации. В дискурсе появляется образ первого сексуального партнера — дефлоратора, квалифицированного и внимательного, ориентированного на партнершу и понимающего символическое значение ее сексуального дебюта. Советы по лишению невинности адресованы такому заинтересованному партнеру, который ориентирован на сексуальное удовольствие женщины и на эмоциональную работу, сопряженную с задачей дефлорации. Такой партнер представлен как «сексуальный альтруист». В инструкциях обсуждаются не только такие традиционные составляющие сексуального дебюта женщины, как «кровь» и «боль», но обсуждается также роль сексуальной ласки и эротического возбуждения для уменьшения болевых ощущений, а также удобные для инициации сексуальные позиции. Обратимся к инструкции по «правильной дефлорации», представленной в Интернете.

Он [дефлоратор] достаточно опытен и искушен в сфере секса; он сексуальный альтруист: его первоочередная задача — доставить удо-

вольствие женщине, а уж потом самому испытать половое удовлетворение; он уделяет в постели большое внимание ласкам (Центр женского здоровья...).

Для того чтобы быть идеальным партнером по инициации, недостаточно сексуального опыта — необходимо чтобы мужчина был готов к заботливому отношению и эмоциональной работе: *«Он относится к сексуально-психологическому типу “мужчина-отец”» (Zakat.ru...).*

Существенную роль играют его социально-психологические характеристики:

Это мужчина около 32 лет; он самостоятелен в жизни... он хорошо воспитан, обладает высокими интеллектуальными способностями, скромен и заботлив в обращении с женщиной... он хорошо сложен; он спокоен, выдержан и немногословен; он умеет улаживать конфликты; он предан; он обладает хорошим чувством юмора (Там же).

Обратимся к другой, «медицинской» инструкции по «грамотной дефлорации». Для этой инструкции характерно помещение сексуального дебюта в медицинский контекст, где мужчина и женщина вступают в отношения врач—пациент.

1. Половой акт с девственницей можно начинать только после длительной прелюдии. При дефлорации ласки — своего рода «наркоз», и чем эффективнее они будут, тем безболезненней пройдет «процедура». Ну, а лучшим наркозом, конечно, станет оргазм (ВреКСляндия...).

Здесь выражен процедурный подход к сексуальной инициации; девственность рассматривается как проблема, которая нуждается в умелом эффективном решении специалиста. Дефлорация должна произойти наименее болезненным для пациента образом. Обращает на себя внимание стремление облегчить страдания и избежать боли, типичные для медицинского дискурса.

2. Во время любовных ласк осторожно раздвиньте девственную плеву пальцем — это облегчит «операцию».

3. Приступайте к дефлорированию только после того, когда влага лице партнерши увлажнится и увеличится. Входите в нее быстрым, уверенным толчком — но ни в коем случае не резким.

4. Во время первого полового акта девушка должна согнуть ноги в коленях.

5. Будьте с девушкой предельно нежны, говорите ей что-нибудь ласковое, приятное. Полезно включить легкую, мелодичную музыку. Все это поможет вашей партнерше расслабиться, рассеет ее страхи. Ваше нежное отношение важно еще и потому, что любая грубость или безразличие могут нанести ее психике серьезную травму, вызвать стойкое отвращение к сексу и даже сделать ее фригидной. Решившись на дефлорацию, помните: вы несете прямую ответственность за судьбу женщины, даже если ваши пути после этой ночи разойдутся (ВреКСляндия...).

В этом тексте сексуальный партнер представлен как эксперт, контролирующий ситуацию на основании приобретенных знаний. На него возлагается моральная ответственность за успешность процедуры. При этом женщина позиционируется как пациент или клиент, который испытывает страх и напряжение в связи с сексуальным дебютом.

6. Действуйте очень уверенно и решительно: колебания и суетливость превратят первую брачную ночь вашей девушки в настоящую пытку. А это грозит ей целым комплексом сексуальных неврозов. Поэтому дефлорацию может проводить только опытный, а главное — уверенный в себе мужчина. Если вы испытываете страх или сомневаетесь в своих силах, лучше откажитесь от «процедуры» (Там же).

Хотя сексуальное взаимодействие представлено в данной инструкции как гендерно асимметричное, в дебюте появляется женцина-субъект, структурирующий определенным образом поведение мужчины-дефлоратора. Самому дебюту приписывается роль события, в значительной степени определяющего всю последующую сексуальную жизнь женщины.

7. Выполнив свою «миссию», обнимите подругу, приласкайте, говорите ей нежные слова. В эту минуту ей жизненно необходимы ваши внимание и забота. Мудрый шаг — сразу же после знаменательного события устроить праздничный ужин в постели (Там же).

В отсутствие снижения нормативной ценности добрачной девственности участие в сексуальной инициации перестает рассматриваться в категориях символического обмена и презентуется как

«задача», т. е. как акт доброй воли, своего рода «гражданская инициатива». Поэтому, несмотря на медицинский характер инструкции, она, пользуясь терминологией Хохшильд, оказывается вполне «культурно теплой» по отношению к женщине и мужчине. В инструкции особый акцент делается на значимость физических и эмоциональных переживаний и полученного телесного опыта для дальнейшей сексуальной биографии женщины. Сексуальный дебют гуманизируется по отношению к женщине. Однако в условиях сохраняющейся асимметрии и субъект-объектных отношений между мужчиной и женщиной вся ответственность за обретение этого опыта возлагается на мужчину. Он, как было указано в первой инструкции, становится сексуальным и «культурно теплым» альтруистом, проделывающим квалифицированную работу, связанную и с эмоциональными затратами.

Женщина и ее сексуальный дебют: время и тело

Что же происходит с женщиной во время сексуальной инициации? Иными словами, как она сама воспринимает утрату невинности и приобретение нового сексуального статуса? Дискурс о гименопластике представляет женщину как субъекта, который получает возможность управлять своей сексуальной биографией. Инструкция по «правильной дефлорации» задает рамки поведения партнера в ситуации первого сношения женщины. Рассмотрим на материале биографических интервью презентации женского опыта сексуального дебюта.

В дальнейших рассуждениях мы исходим из того, что моральная норма сохранения добрачной девственности предполагала особое отношение женщины к своему телу, которое Симона де Бовуар описывает как отчуждение. Собственная сексуальная телесность была недоступна и неизвестна женщине. Эта отчужденность преодолевалась с приобретением нового сексуального статуса. Все сценарии сексуального дебюта женщины предполагают телесную трансгрессию — «кровь» и «боль», сопровождающие дефлорацию, становятся культурными маркерами смены статуса. В традиционных сценариях сексуальной инициации не было места телесному удовольствию. Первый сексуальный опыт женщины рассматривался как физиологически травмирующий. Сексуальные удовольствия ассоциируются лишь с последующим опытом половой жизни.

В новых сценариях сексуального дебюта, представленных описанным выше жанром «советов дефлоратору», не исключается сексуальное удовольствие женщины. В целом сексуальная эмансипация женщин, расширение сферы ее контроля над собственным телом предполагают не только возможности обращения к услугам гименопластики, но самостоятельность и рациональность в ситуации сексуального дебюта. Женщины проигрывают ситуации возможной сексуальной инициации, взвешивая «за» и «против» сексуального дебюта именно с этим партнером, а не с другим, объясняют себе, почему их выбор останавливается именно на этом партнере, почему они решают расстаться с девственностью именно сейчас, а не в другой ситуации. Они дают оценку событию, говорят о своем дебюте: *«Все было нормально. Да я довольна»*. Они подтверждают правильность сделанных выборов: *«Молодец, что решила с этим, а не с тем»*.

Таким образом, мы видим приметы «управления дебютом» со стороны женщин. Интервью демонстрируют, каким образом в ситуации внебрачного («альтернативного») дебюта женщина справляется со своей субъектностью.

— *А кто вообще инициировал эти первые телесные близости? Ты или он? То есть кто выступал как...* [нрзб.]

— [перебивает] *А я не знаю...*

— *...Или это было обоюдно?*

— *Да, наверное, как-то так вот все вместе. Просто обнимались сначала, потом там потрогать, поцеловать грудь, и так далее, вот в этом плане. Ну, и не знаю, и я была «за», я была, как бы, «не против». Но без секса, да. То есть там мы ждали, не знаю чего... пока я захочу. А он и не настаивал нисколько (Я., 30 лет).*

Для альтернативного дебюта очень важной становится категория времени, связанная с категорией тела.

...В общем, мы поспорили, он сказал, что, как бы, я все равно с тобой пересплю... И даже поставил будильник. Завел часы, да. Завел часы просто, вот. И, как бы, как бы, это длилось полтора часа, вот, все это, как бы. Через полтора часа я лишилась девственности [смеется, интервьюер смеется]. Я отдалась. Просто, как бы, все-таки, это, природа берет свое, как бы. И возбуждение, я думаю, что, как бы... все-таки да, довел меня... (Ю., 32 года).

Телесная близость может не приводить к коитусу. Сексуальная инициация предполагает телесное желание: *«мы ждали, не знаю чего... пока я захочу»*. Если в брачной модели наступает время выходить замуж и соответственно дебютировать, то в альтернативной модели проблематизируется время телесного перехода и «час X» должен маркироваться по иным основаниям. В какой-то момент что-то должно произойти, указывающее на то, что пришло время изменения сексуального статуса женщины. И этот сигнал должно подать тело, сообщая партнерам о желании полной сексуальной близости. В приведенном эпизоде интервью время близости и нарастающее сексуальное возбуждение, а не боль и кровь становятся маркерами, определяющими рамку сексуального дебюта.

Анализ нарративов дает основание предположить, что к моменту сексуального дебюта отчуждение между женщиной и ее телом не преодолевается полностью. Если отчужденное тело «молчит» и не дает знака, позволяющего распознать эмоциональную и телесную готовность женщины к изменению сексуального статуса, то в какой-то момент она принимает «самостоятельное» решение «расстаться с девственностью».

— *Ему звоню: «Привет! Ля-ля-ля. Как твои дела?» И я не знаю, почему я просто, ну просто, ну, бывают такие моменты, когда ты говоришь, и нет под этим никакой основы, я говорю: «Я тебя очень сильно хочу». Он такой: «Чё, правда?» Я такая: «Да, очень сильно хочу».*

— *Интересно, ты говорила, что это была такая шутка «я тебя хочу», да?*

— *Да.*

— *А вообще желание в этих отношениях, такое сексуальное желание, оно присутствовало с твоей стороны? Когда оно появилось, именно на уровне секса?*

— *А-а... я не знаю... Но потрогать, поваляться, там, вместе хотелось (Я., 30 лет).*

Именно в этом случае моральная роль дебюта кардинально меняется. Девственность рассматривается в качестве помехи к началу нормальной сексуальной жизни, связанной с удовольствием.

Выводы

Три рассмотренных сюжета позволяют заключить, что маргинализация брачной модели сексуальной инициации женщин приводит к необходимости переопределить роли и зоны ответственности между партнерами. Сексуальная эмансипация приводит к изменениям мотивации сексуального дебюта у обоих его участников. В гендерно асимметричном дебюте, базовыми характеристиками которого выступают символическая ценность девственности и неравенство партнеров, дебют продолжает быть ориентированным на отношения обмена, в которых женщина выступает либо как альтруистка, приносящая в дар свою девственность, либо как собственница дорогого и редкого товара.

Внебрачный фрейм сексуального дебюта ориентирован на ценности телесно определенного сексуального удовольствия. У женщины непростые отношения с собственным телом вследствие его дисциплинирующей роли, и женщина ждет от тела знака готовности к первому коитусу. Для легитимации дебюта женщине необходимо преодолеть отчуждение от своего тела, а партнеру быть ориентированным на предоставление сексуального удовольствия партнерше.

Коммерциализация девственности обнажила противоречия сексуальной жизни современного общества. Спрос на добрачную девственность — пережиток традиционализма, но возможность женщины манипулировать сексуальным статусом — свидетельство расширения пространства выбора. На наш взгляд, новый сценарий сексуального дебюта оказывается более «культурно теплым», нежели традиционный брачный, так как субъективирует женское удовольствие, лишает девственность ценности, вовлеченной в обмен, и, таким образом, конституирует образ дефлоратора-альтруиста, готового к эмоциональной работе. Если же женщина преодолеет отчуждение по отношению к своему телу, то расставание с невинностью окажется не травматичным опытом смены сексуального статуса, а первым шагом в мире взаимно ответственных сексуальных отношений.

Литература

- Бовуар С. де (1997). *Второй пол*: В 2 т. М.; СПб.: Прогресс; Алетейя.
Коллинз Р. (2000). Введение в неочевидную социологию, в кн.: Е. Гапова, ред., *Антология гендерной теории*. Минск: Профилеи.

- Тёмкина А., Роткирх А. (2002). Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России, *Социс*, № 11, с. 4–15.
- Маркс К., Энгельс Ф. (1986). Избранные произведения: В 3 т. М.: Политиздат, т. 3.
- Фрейд З. (1990). Табу девственности, в кн.: Фрейд З. *Очерки по психологии сексуальности*. Минск: Изд-во «Попурри», с. 145–160.
- Яргомская Н. (2002). Сценарии сексуального дебюта женщин: переход от традиционной к альтернативной модели, в кн.: Е. Здравомыслова, А. Тёмкина, ред., *В поисках сексуальности: Сборник статей*. СПб.: Дмитрий Буланин, с. 287–315.
- Gagnon J. (1990). The Explicit and Implicit Use of the Scripting Perspective in Sex Research, in: J. Bacroft, ed., *Annual Review of Sex Research*, vol. 1, p. 1–43.
- Hochschild A.R. (2003). *The Commercialization of Intimate Life*. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press.

Источники

- Аргументы и факты [электронный ресурс], режим доступа: http://www.aif.ru/online/aif/1106-1107/14_01, закрыт, доступ 15.05.2006.
- ВреКСляндия: анекдотики, афоризмики, интересные заметки, курьезы футбола, интересные картинки, *Дефлорация (лишение девственности), история и рекомендации* [электронный ресурс], режим доступа: <http://wrecks.ru/blog/2236>, свободный.
- Гармония: клиника красоты и здоровья, *Интимная хирургия: восстановление девственности, коррекция малых половых губ* [электронный ресурс], режим доступа: http://www.garmonia-med.ru/razdel/ginekologiya_13.htm, свободный.
- Ислам.ру, *Разрешает ли Шарият гименоластику (восстановление девственности)?* [электронный ресурс], режим доступа: <http://www.islam.ru/pressclub/fetv/devs/>, свободный.
- Клео.ру, *Право первой ночи, или Девственность по желанию* [электронный ресурс], режим доступа: <http://www.kleo.ru/items/zdorovie/devstvennost.shtml>, свободный.
- Клиника андрологии, *Можно ли дважды войти в одну и ту же воду?* [электронный ресурс], режим доступа: <http://www.sexclinic.ru/stat109/>, свободный.
- Лишение девственности, *Лишение девственности: история и основные правила* [электронный ресурс], режим доступа: <http://lishenie-devstvennosti.top10news.ru/view/60371/lishenie-devstvennosti.html>, свободный.
- Медицина для всех — ПОПулярная МЕДицина, *Восстановление девственности* [электронный ресурс], режим доступа: <http://surgery.popped.ru/operativegynecology/virginity/>, свободный.

- Научно-исследовательская клиника Медхэлп, *Восстановление девственности* [электронный ресурс], режим доступа: http://www.medhelp-clinic.ru/intim_spravoch3.shtml, свободный.
- Роксо, *Среди американок набирает популярность операция по восстановлению девственности* [электронный ресурс], режим доступа: <http://goxo.kiev.ua/showarticle.php?id=407>, свободный.
- Столичный Докторь, *Горячие темы* [электронный ресурс], режим доступа: <http://www.sdoctor.ru/hot-item/2033>, закрыт, доступ 15.05.2006.
- Студия эстетической медицины, *Интимная пластика – хирургическое восстановление девственности* [электронный ресурс], режим доступа: <http://www.studiomed.ru/press/a-16.html>, свободный.
- Федеральный центр экспертизы и реабилитации, *Восстановление девственности* [электронный ресурс], режим доступа: <http://www.w03.ru/gyn/gynecology/virgin.htm>, свободный.
- Центр женского здоровья, *Девственность – лишение и обретение* [электронный ресурс], режим доступа: www.medsan.ru/html1/14obretenie.htm, свободный.
- Центр женского здоровья, *Зачем девушки восстанавливают девственность?* [электронный ресурс], режим доступа: <http://www.women-center.ru/index.phtml?id=253>, свободный.
- Центр женского здоровья, *Значение девственной плевы в жизни девушки* [электронный ресурс], режим доступа: <http://medsan.ru/html1/14forwhom.htm>, свободный.
- Центр женского здоровья, *Секс в первый раз – проблемы и нюансы дефлорации* [электронный ресурс], режим доступа: <http://www.women-center.ru/index.phtml?id=269>, свободный.
- Dating site beautiful single Russian and Ukrainian Women [электронный ресурс], режим доступа: www.dating-search.net, свободный.
- DrSex.ru, *Цена невинности* [электронный ресурс], режим доступа: <http://www.drsex.ru/s.php/2074.htm>, свободный.
- <http://www.asa.minsk.by/chs/archiv/15-22-4/r-deva.htm> [электронный ресурс], режим доступа: закрыт, доступ 15.05.2006.
- <http://www.lidkin.by.ru> [электронный ресурс], режим доступа: закрыт, доступ 15.05.2006.
- Perfect Lady, *Право первой ночи, или девственность по желанию* [электронный ресурс], режим доступа: <http://www.perfectlady.ru/article-1847.html>, свободный.
- Zakat.ru: Портал настроения, *О лишении девственности!* [электронный ресурс], режим доступа: <http://www.zakat.ru/sex/newina.htm>, <http://alexgolovin.narod.ru/sex/newina.htm>, свободный.

Мери Лариваара

МОРАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЖЕНЩИН И АВТОРИТЕТ ВРАЧЕЙ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГИНЕКОЛОГОВ И ПАЦИЕНТОК

Большинство статей в этом сборнике так или иначе обсуждает повседневную жизнь женщин, принадлежащих в среднему классу. В этой статье я хочу обратить внимание на повседневную работу гинекологов женских консультаций Санкт-Петербурга. В статье исследуются их взгляды и способы работы с женщинами, нуждающимися в совете о предохранении или прерывании беременности. Анализ сосредоточен на ценностях, транслируемых в их рассказах о работе с пациентами. Я рассматриваю, как ценности врачей-гинекологов переплетаются с общими установками в отношении женщин и материнства, доминирующими в современном российском обществе. В статье показано, как профессиональные взгляды и практики гинекологов конструируют повседневность современной российской женщины.

В первой половине 1990-х гг. в Санкт-Петербурге развернулась активная деятельность, направленная на улучшение репродуктивного здоровья российских женщин. Принимаемые меры отличались разнообразием и варьировались от попыток иностранных консультантов привлечь внимание к правам женщин и построить «демократию» в клиническом контексте до выступлений политических реформаторов глобального и местного уровня, считающих, что к желаемому результату приведет экономическое стимулирование работников здравоохранения. В общем хоре голосов выделялось мнение врачей женских консультаций, согласно которому корни проблем репродуктивного здоровья женщин следует искать в общем неудовлетворительном состоянии здоровья женщин, их невежестве, равнодушии к своему здоровью и моральных проблемах общества. Исходя из этого, гинекологи, участвующие в образовательных программах по сексуальности, целью своей просветительской деятельности считали рост личного

нравственного самосознания пациенток. Самодисциплина в уходе за телом и следование советам врача в их глазах представлялись необходимыми условиями формирования морально ответственной женщины, способной заботиться о других. В их лекциях женское тело по существу концептуализировалось как сосуд для воспроизводства, а приобретение навыков и привычек гигиены и серьезное отношение к сексуальности рассматривались как шаги на пути к будущему ответственному материнству. Игнорирование советов экспертов по здравоохранению соответственно грозило моральным упадком и потенциальным бесплодием (Rivkin-Fish, 1999, 2005).

Образовательные попытки гинекологов, однако, происходили не в социальном вакууме, а были встроены в широкий исторический и социальный контекст. На протяжении всего советского периода доступ к знанию о репродуктивном здоровье и сексуальности был ограничен. В середине 1980-х в школьной программе появился предмет «Этика и психология семейной жизни». Однако вместо информирования учащихся о сексуальности и репродуктивном здоровье предмет делал акцент на укреплении «половой морали» и воспроизводстве гендерных ролей. Этот образовательный эксперимент вызвал противоречивые реакции и только усилил консервативные дискурсы в обществе (Кон, 1995; Rivkin-Fish, 1999, 2005; Chervyakov, Кон, 2000; Rotkirch, 2000).

Новый виток обсуждения сексуального образования приходится на 1990-е годы. По мнению Мишель Ривкин-Фиш (Rivkin-Fish, 2005), морализаторство и индивидуалистический подход в дебатах о сексуальном образовании в 1990-х гг. объясняются двумя основными факторами. Во-первых, в советское время образование в области здравоохранения фокусировалось на дисциплинирующих телесных практиках. Телесная дисциплина рассматривалась как показатель ответственной личности, готовой подчиняться авторитету медицины. Во-вторых, акцент на моральной ответственности личности соответствовал идейному пафосу консервативных кампаний, атакующих сексуальное образование и планирование семьи. Акцент на будущем материнстве, в свою очередь, становится понятным в контексте символической значимости материнства как естественного призвания и центральной составляющей жизненного пути российской женщины (Кон, 1995; Attwood, 1996; Rotkirch, Naavio-Mannila, 1996; Rotkirch, 2000).

Контрацепция и прерывание беременности были выбраны темой этого исследования в связи с особенностями российского исторического контекста, характеризующегося ограниченностью доступа к

надежной контрацепции в сочетании с доступностью аборт (Remnick, 1991, 1993). Хотя по сравнению с поздними 1980-ми современные способы контроля рождаемости стали гораздо доступнее, уровень их использования остается относительно низким, при довольно высоком количестве аборт (Chalmers, Sand, 1998; Rankin-Williams, 2001). Согласно недавнему репрезентативному исследованию женщин детородного возраста в Санкт-Петербурге, 23% женщин не используют средства контрацепции, 23% практикуют прерванный половой акт, 15% — календарный метод и 11% — вагинальное спринцевание. По условиям опроса респондентки могли выбрать несколько вариантов ответов, и ответы частично перекрываются. Результаты исследования позволяют утверждать, что 50—60% респондентов использовали надежные способы контрацепции. Кроме того, 26% респонденток, когда-либо бывших беременными, перенесли один, а 42% — более чем один аборт (Kesseli et al., 2005). Что касается роли врачей, исследования начала 1990-х гг. предполагают, что знания врачей о современных средствах предохранения были неадекватными; к тому же врачи не участвовали в активном продвижении современных способов контрацепции (Hutter, 1996; Гаврилова, 1997; Kulakov et al., 1997; Stephenson et al., 1997).

Исследования, приведенные выше, представляют лишь одну сторону вопроса; на деле же наблюдаемые тенденции более разнообразны. Во многих странах Восточной и Центральной Европы использование технологий контрацепции в последнее время воспринимается как признак национального успеха и принадлежности к современной культуре. Противопоставление социалистической политики в сфере воспроизводства и новых мер в этой области часто используется в контексте демонстрации морального превосходства новых демократических режимов в сравнении с социалистическим строем. Таким образом, использование современных контрацептивов стало символом современного демократического и морально ответственного образа жизни (Gal, Kligman, 2000: 28—29). Как показывает исследование Ривкин-Фиш (Rivkin-Fish, 2005: 91—119), некоторые российские эксперты сферы здравоохранения используют подобную риторику, называя проблемы женского репродуктивного здоровья наследием советского времени и связывая новую общественную нравственность с зарождающейся в обществе демократией.

Отправной точкой данной статьи является следующее теоретическое положение: знание о теле, здоровье и болезни культурно кон-

струируется и является предметом переговоров. Предметом изучения медицинской антропологии и социологии являются культурные основания биомедицины и демонстрация того, как они включены в производство и передачу медицинского знания на практике (Lock, Gordon, 1988; Lock, Schepers-Hughes, 1996; De Vries, 2004; Van der Geest, Finkler, 2004). В соответствии с этим, я исследую установки и практики гинекологов в сфере контрацепции и вынужденного прерывания беременности в современном российском обществе. В данной статье предпринимается попытка раскрыть некоторые культурные представления гинекологов, сказывающиеся на их профессиональных практиках. Взаимодействие между гинекологами и их социальным окружением, безусловно, не является односторонним: несомненно, социальный контекст влияет на установки и практики гинекологов. Однако и медицинские практики, в свою очередь, вносят вклад в формирование новой повседневности. Консультирование врачей может быть рассмотрено как попытка внедрить новые репродуктивные практики и ценностные ориентации в повседневную жизнь пациенток.

Данное исследование проводилось в районных женских консультациях Санкт-Петербурга. В каждом районе города работает по крайней мере одна государственная женская консультация (всего 41 консультация на весну 2005 года). Хотя существует некоторое количество частных клиник, специализирующихся на женском репродуктивном здоровье, и многие женские консультации предоставляют платные услуги, визит к районному гинекологу женской консультации остается основной формой контакта большинства женщин Санкт-Петербурга со сферой репродуктивного здравоохранения. Таким образом, клиентура врачей женской консультации состоит из женщин, принадлежащих к разным социальным средам и разным типам семей.

Методы и описание данных¹

Массив эмпирических данных, собранных весной 2005 г., состоит из записей наблюдений (всего 20 сеансов) и двенадцати расшифрованных интервью с гинекологами. Исследование проводилось в трех

¹ Исследование проводилось совместно с российской коллегой-ассистентом Дарьей Одинцовой, которая также работала в проекте в качестве переводчика.

женских консультациях Санкт-Петербурга. Наблюдения тщательно записывались в полевой дневник. Полуструктурированные интервью были собраны после наблюдений. Вопросы интервью касались взглядов врачей на контрацепцию, вынужденное прерывание беременности, календарь деторождений и сексуальное поведение женщин. Кроме того, нас интересовало, какие проблемы женского репродуктивного здоровья являются, с точки зрения врачей, самыми острыми и требующими скорейшего решения. Помимо этого, мы взяли интервью у четырех гинекологов в других женских консультациях с тем, чтобы сравнить данные, полученные в разных консультациях, и оценить, насколько специфичными они являются. Интервью проводились с женщинами в возрасте от 27 до 60 лет, половина опрошенных была моложе 35 лет, четверть — старше 45 лет. Возраст врачей, принявших участие в наблюдении, не был зафиксирован, но большинство из них были старшего возраста. Половина интервью проводилась по-английски с русским переводом, другая половина — по-русски в моем присутствии. Интервью были записаны на кассеты и транскрибированы. Интервью, выполненные по-русски, были переведены на английский язык профессиональным переводчиком.

Все данные были введены в компьютер и проанализированы при помощи программы Atlas.ti для анализа качественных данных. В исследовании использовались контент-анализ и тематическое кодирование: материал был прочитан несколько раз, в ходе чтения формулировались тематические коды, содержащиеся в текстах. Каждому интервью присвоен буквенный индекс, представленный в тексте после цитат перед возрастом информанта.

Хотя число информантов было невелико, нам удалось достичь достаточного уровня насыщения материала: данные позволяют выделить определенные доминирующие взгляды, а также индивидуальные вариации.

Основная часть материала была собрана в женских консультациях с хорошей репутацией, оборудованных современной медицинской техникой. Четыре интервью, взятые у врачей из других консультаций, не противоречили данным основного массива, это доказывает, что схожие взгляды обнаруживаются в различных женских консультациях. Все информанты-врачи были женщинами, что репрезентативно для гинекологов в России, 97% которых составляют женщины. Результаты данного исследования также сопоставимы с результатами предыдущих исследований, проводимых в Санкт-Петербурге

(Rivkin-Fish, 1999, 2005). Таким образом, они с большой степенью вероятности отражают общую ситуацию в Санкт-Петербурге и, вероятно, в других городах России.

Нормальный и здоровый контроль рождаемости

И если говорить о способах предохранения, то они все имеют право на жизнь, и они все более или менее мне нравятся... К таблеткам гормональным контрацептивным, противозачаточным я нормально отношусь, если этой женщине это показано, данной конкретной женщине. И назначаю. И также и к спиральям отношусь хорошо, и к барьерным методам предохранения — тоже хорошо. Да, конечно, нет, они все у нас применяются.

Из интервью с гинекологом

В этой части я исследую отношения гинекологов к различным методам предохранения и их практики обсуждения методов контрацепции с пациентками. Я анализирую также представления врачей о надлежащем выборе предохранения и их реальные практики консультирования. Установки, мнения и практики врачей имеют первостепенную важность для исследования, так как консультирование и мониторинг пациентов в государственном здравоохранении обычно обеспечиваются участковым врачом районной женской консультации.

Все опрошенные гинекологи положительно относятся к «современным средствам» контрацепции — главным образом таблеткам, вагинальным кольцам, пластырям, внутриматочным спиральям и презервативам.² Они противопоставляют их менее надежным «естественным методам» — прерванного сношения, календарного метода

² Имплантационные контрацептивы (импланты) не упоминались в интервью. На одном наблюдаемом приеме пациентка интересовалась этим способом контрацепции, но доктор порекомендовал ей другое решение. Тема стерилизации женщин не разу не возникала во время наблюдений и была лишь однажды упомянута врачом во время интервью. Вопросы стерилизации мужчин не представлены в материале.

и вагинального спринцевания. Обе категории способов предохранения обычно противопоставляются искусственному прерыванию беременности, что свидетельствует о том, что врачи не рассматривают аборт как один из методов контрацепции. Врачи часто описывали современные средства контроля рождаемости как «здоровые», «грамотные», «прогрессивные и нормальные» в сравнении с естественными методами или прерыванием беременности. Этот тезис иллюстрируют две следующие цитаты:

Всех склоняю к нормальной здоровой контрацепции (I 75, 33 года).

Количество гормональной контрацепции по сравнению, вот, с началом работы — это шесть лет назад — сейчас больше молодых женщин принимают гормональные контрацептивы. А все остальное очень даже остается: и те же презервативы, без которых никуда, и тот же прерванный половой акт, — он достаточно стабильно остается. Многие его используют. И мифическое спринцевание почему-то тоже используют (I 36, 31 год).

Выражения, используемые врачами для описания современных средств предохранения, создают нормативное разделение как между современными и естественными способами предохранения, так и между теми, кто применяет современные контрацептивы, и теми, кто ими пренебрегает. Те, кто использует современные средства контрацепции, рассматриваются как грамотные и прогрессивные люди, следящие за своим здоровьем и совершающие правильные и нормальные действия. При этом подразумевается, что те, кто применяет естественные способы предохранения, относятся к противоположному типу. Разговоры о грамотности, прогрессивности и правильном поведении нагружены моральными оценками. Тем не менее собственно отношение врачей к естественным методам никак нельзя назвать последовательным и непротиворечивым, что демонстрирует следующая цитата из интервью:

— Вот какие наиболее распространенные контрацептивы?

— Презерватив, прерванный половой акт, который не считается методом контрацепции, но почему-то женщины твердо убеждены... календарный метод, — я тоже не считаю его методом контрацепции, вот (I 30, 27 лет).

Дальше в том же интервью врач говорит:

[Молодые женщины] абсолютно неграмотны... Информацией о календарном методе они не владеют, потому что они не знают, что такое менструальный цикл... О прерванном половом акте они не имеют представления, поскольку партнеры-то у них молодые... Хотя бы вот такие методы контрацепции... (130, 27 лет).

Ну что неграмотность в отношении контрацепции, она существовала и до сих пор существует. Либо не то, что неграмотность, а какое-то даже несерьезное отношение. Когда я ее спрашиваю: «Чем предохраняетесь?» — «Ничем». — «А почему?» — «Не знаю». — «Хотите забеременеть?» — «Нет, не хочу». Или начинают хихикать. Я говорю: «Если Вы не беременеете на фоне отсутствия контрацепции, я Вам ставлю диагноз “бесплодие”». — «Нет, нет!», и они начинают вспоминать, что все-таки высчитывают какие-то дни, или там все-таки прерванный половой акт, вот что-то там у них всплывает, какой-то хотя бы метод контрацепции. Но все-таки, наверно, они неправильно используют по большей части. Они и не хотят ребенка, и что-то пытаются, но, видимо, недостаточно, либо неправильно предохраняются (136, 31 год).

Обсуждая различные способы предохранения, врачи, как правило, подчеркивают, что не считают естественные способы предохранения надежными или даже затрудняются причислить их к категории контрацептивов. Однако, говоря о конкретных женщинах или сексуальном поведении в общем, они выказывали не всегда столь однозначное и определенное отношение к естественным методам контроля. Создавалось впечатление, что, отвечая на прямой вопрос о способах предохранения, они воспроизводили информацию из учебника, однако в реальности их отношение оказывается менее жестким. По данным нашего исследования, современные способы контроля рождаемости занимают первое место в предпочтениях врачей, но они готовы рассматривать естественные способы предохранения как второй возможный выбор женщины и пары.

Врачи с удовлетворением отмечали, что за последние годы современные методы предохранения стали использоваться больше, что привело к сокращению количества аборт и положительно сказывается на здоровье женщин в целом. Уменьшение числа нежелательных беременностей и «вынужденных» браков — вследствие внебрачной

беременности — также было отмечено двумя врачами. Информанты без промедления внедряют новые контрацептивы в свою практику. Например, вагинальное кольцо появилось на российском рынке за год до проведения исследования, а пластыри тоже совсем недавно, но врачи уже активно рекомендовали эти способы своим пациенткам. Предпочтения отдаются таблеткам, вагинальным кольцам и пластырям, в то время как внутриматочная спираль рассматривается как менее безопасный способ вследствие возрастающего риска воспалений. Предпочтения молодых врачей связаны с их собственным опытом использования разных методов контрацепции, что и отражено в следующих цитатах:

Я только как раз хотела про него [Новаринг] сказать, что он мне нравится, одним словом... Я его и рекомендую часто... У него целый ряд преимуществ есть, вот... И мне он лично... лично мне он подошел лучше всех таблеток. Но это индивидуально, конечно (I 80, 29 лет).

— Ну, с учетом того, что сама я сидела три года на гормональных контрацептивах и прибавила за первые буквально десять дней десять килограммов, обротя целлюлитом, и так далее, я, конечно, с гормональными таблетками очень осторожна.

— И несмотря на то, что там были микро... микросодержание?... низкое содержание?..

— Ну, когда мне было восемнадцать лет, тогда еще не было микросодержания, естественно. Вот, поэтому сама на этом попалась, и поэтому гормоны, честно говоря, я не очень приветствую... так, аккуратно. Но сейчас вот появились эти вот пластыри, Новаринг. Интересно... (I 45, 30 лет).

То есть у каждого врача есть излюбленные методы контрацепции. Вот врачи в возрасте, они страшно любят внутриматочную контрацепцию. Я сторонница назначения гормональной контрацепции. Мне очень нравятся гормональные контрацептивы, я и сама ими пользуюсь. И я считаю, что эффекты... побочные эффекты от гормональной контрацепции, их риск намного меньше, чем риск, связанный с производством аборт. Вот, поэтому мои излюбленные контрацептивы — это гормональные (I 30, 27 лет).

Как иллюстрирует последняя цитата, молодые врачи часто думают, что их старшие коллеги менее охотно рекомендуют таблетки, вагинальные кольца или пластыри, отдавая предпочтение внутриматочной спирали. Как показали наблюдения, это суждение справедливо

лишь отчасти. Возможно, врачи постарше медленнее принимают новейшие методы, такие как вагинальные кольца или пластыри, но они так же, как молодые врачи, рекомендуют таблетки чаще, чем внутриматочную спираль.

Однако положительное отношение врачей к современной контрацепции основывалось на одном важном основании: метод должен быть выбран и одобрен экспертом. Большинство врачей подчеркивает, что именно гинеколог должен решить, какой метод является наиболее подходящим для женщины. По их убеждению, выбор должен быть основан на медицинской истории («истории болезни») женщины, включающей описание состояния ее здоровья и сексуальных практик и составленной врачом во время приема. Врачи подчеркивали индивидуальный подход к каждой женщине и подчиненную позицию женщины по отношению к рекомендациям эксперта:

Ну, сами женщины мало ориентируются. Они и не должны, в общем-то... Основная их задача — захотеть запланировать беременность, понимаете. А дальше, дальше доктор сам подберет необходимую контрацепцию... Другое дело, что они не знают о контрацепции. Но они и не должны знать, — они же не специалисты. Но они хотят знать подробную информацию о препарате, как его принимать, что делать, если какие-то осложнения будут (I 84, 46 лет).

Все-таки это гормональный препарат, все-таки это вмешательство лекарственное, поэтому по рекомендации врача это должно быть... Им всем нужны индивидуальные рекомендации, и то, что подошло одной девочке, другой не пошло (I 36, 31 год).

Индивидуальный подход, однако, не предполагает знания врача о личных контрацептивных предпочтениях женщины и ее ожиданиях от средства предохранения. Составляя историю болезни женщины, врач узнает о ее семейном статусе, связывает это знание с информацией о возрасте женщины и наличии у нее хронических заболеваний и рекомендует тот или иной способ контрацепции, основываясь на своих представлениях, например о том, какой способ контрацепции обычно нужен женщинам данного возраста и данного семейного положения. В интервью практически не упоминалось о том, что женщина может участвовать в процессе принятия решения о средстве контрацепции или может выбрать метод, наиболее удобный для нее. Следующая цитата из интервью иллюстрирует эту позицию:

Практически со всеми молодыми женщинами я провожу... какую-то информацию даю о контрацепции и настраиваю уже в зависимости от того, в браке ли женщина, постоянный ли половой партнер, сколько лет женщине... Если женщина в браке родила ребенка, там все в порядке с воспалительными заболеваниями, то я настоятельно рекомендую, там, спираль либо гормональные контрацептивы. Если это молодежь, то в обязательном порядке говорю, что надо пользоваться презервативами, плюс еще, может быть, местные средства: свечи, мази, кремы (I 36, 31 год).

Ну уже реже [я рекомендую] — химические свечи, кремы. Для молодежи это уже, конечно, менее надежный метод... Это уже для женщин постарше, с редкими половыми контактами (I 24, 37 лет).

Спираль — они рекомендуются уже женщинам замужним. Ну, женщинам же нельзя сказать, что Вы уверены в своем партнере...³ Ну как это скажешь? Ведь не скажешь. Не скажешь же, что, если у Вас муж, там, гуляющий, то Вам бы не надо это, потому что это ж, в общем-то, такой момент, потому что женщины стараются верить своему мужу (I 42, 29 лет).

Врачи отчетливо проговаривают идею, что молодые незамужние женщины часто меняют своих партнеров и, следовательно, должны использовать презервативы, чтобы предохраняться от инфекций, передающихся половым путем. Потенциальная неверность партнеров не упоминается как причина преимущественной рекомендации презервативов вместо таблеток, но, вероятно, это соображение влияет на объяснения врачей. Гормональные методы рекомендуются «взрослым» женщинам, имеющим стабильные отношения, тогда как спираль рассматривается как проблематичный выбор даже для таких клиентов, поскольку подразумевается, что существует риск параллельных отношений мужа. По мнению врачей, последствия инфекций, передающихся половым путем, меньше при применении гормональных методов, потому что при спирали выше риск распространения инфекции на органы таза. Предполагалось, что женщины, приближающиеся к менопаузе, ведут менее интенсивную сексуальную жизнь, чем женщины 20–30 лет, и вследствие этого им советуют применять другие, менее надежные, барьерные методы (кремы и суппозитории).

³ Имеется в виду, что при использовании внутриматочной спирали в случае заражения от партнера половыми инфекциями риск воспаления возрастает.

Врачи подчеркивали, что использование оральных контрацептивов предъявляет ряд требований к женщине. Она должна вести достаточно стабильную жизнь и быть способна регулярно и без напоминания принимать таблетки, что иллюстрирует следующая цитата:

И потом, прием, — это надо иметь какую-то культуру, что ли, чтобы вовремя принять таблетки, а не так, чтобы сегодня принял, а завтра забыл. Не для всех тоже это (1 42, 29 лет).

В целом врачи не принимают во внимание мнение партнера женщины при выборе метода контроля рождаемости. Однако среди молодых врачей (моложе 40 лет) мы встретили исключения из этого правила. Гинеколог, прошедшая курс по консультированию в области контроля рождаемости, высказала мнение, что обсуждение способов контроля рождаемости с парой является необходимым условием эффективности контрацепции. Еще несколько врачей отметили, что если пары не знают, как обсуждать друг с другом контроль над рождаемостью, то это свидетельствует об отсутствии сексуальной культуры в обществе. В дневнике наблюдения есть описание случая, когда женщина обратилась к врачу за советом по контрацепции, упомянув при этом, что ее муж хочет детей и не хочет, чтобы она предохранялась. Врач подробно рассказала ей о разных методах контрацепции, но дала понять пациентке, что если женщина не обсудит ситуацию со своим мужем открыто, в их браке могут возникнуть проблемы.

По мнению врачей, консультирование по предохранению ориентировано на то, чтобы убедить женщин в преимуществах современного контроля над рождаемостью. Это в особенности касается тридцати-, сорокалетних женщин, которых в некоторых интервью описывают как «потерянное поколение» (в отношении контрацептивной культуры). Молодые женщины демонстрируют большую открытость в отношении разных видов гормональных методов, но и они опасаются побочных эффектов таблеток, и в этих стереотипах, по мнению врачей, виноваты матери, бабушки и «сарафанное радио».

Врачи утверждают, что они обсуждают вопросы предохранения со всеми женщинами фертильного возраста. Более того, они утверждают, что если женщина не использует современные методы контроля рождаемости, они стараются переубедить ее. На практике врачи обязаны записывать в карточке пациентки, какие способы предохранения она использует. Таким образом, обсуждение контрацепции

необходимо для составления истории болезни и является обычной профессиональной практикой гинеколога. Данные наблюдения включают 81 прием женщин репродуктивного возраста, которые не были беременны и не планировали забеременеть. Практически в 60% случаев вопросы контроля над рождаемостью обсуждались и при необходимости врач консультировала пациентку. В большинстве случаев именно врачи инициировали обсуждение этой темы. Приблизительно в четверти случаев вопросы контрацепции не обсуждались, но было ясно, что женщина недавно была у врача и эта тема обсуждалась раньше. Примерно в 15% случаев контроль рождаемости не обсуждался вовсе, хотя было очевидно, что женщина довольно давно не посещала врача.

Наблюдение зафиксировало, что глубина и подробность консультирования зависит от конкретного врача и ситуации взаимодействия врача и пациента. В большинстве случаев консультирование представляло собой рекомендацию женщине по использованию одного современного средства контрацепции и инструкцию по его применению. Иногда выбор метода как-то объяснялся врачом. Только одна молодая врач активно рассказывала о разнообразии вариантов и предлагала пациенткам выбирать то, что казалось им наиболее подходящим.

Цена всегда оказывала влияние на выбор контрацептива. Врачи часто рекомендовали сначала средство, которое, по их мнению, подходило пациентке в наибольшей степени, а потом предлагали более дешевые альтернативы. Таким образом, врачи признавали, что у женщин может быть недостаточно средств для покупки дорогостоящих контрацептивов. При этом в интервью мы встречаемся с единодушием по поводу того, что каждой женщине можно подобрать доступные по цене средства предохранения. По мнению врачей, женщины также не всегда правильно расставляют приоритеты, предпочитая, к примеру, тратить деньги на мобильные телефоны, а не на качественные средства предохранения.

Таким образом, можно сделать вывод, что врачи положительно относятся к современным средствам предохранения, в то время как их отношение к естественным методам является скорее неоднозначным. Они положительно оценивают рост распространенности надежных методов контрацепции среди своих пациенток и проводят нормативную границу между теми, кто их использует, и теми, кто ими пренебрегает. Новые методы быстро внедряются в практику, и врачи более молодого возраста опираются на свой личный опыт, формируя мне-

ние о различных способах предохранения. Врачи подчеркивают важность экспертного совета при выборе метода, в то время как желания женщины — не говоря уже о желаниях ее партнера — практически не учитываются. Врачи активно консультируют по средствам предохранения, но качество консультирования серьезно различается.

«Если ты беременна — рожай!»

Либо ты уж предохраняйся от беременности, либо рожай ребеночка. Вообще я, в принципе, беременных люблю больше, чем гинекологических больных. Ужасно не люблю, когда они делают аборты, потому что, ну, нехорошо это. Надо предохраняться по-умному.

Из интервью с гинекологом

Теперь я обращусь к рассмотрению отношения врачей к медицинскому прерыванию беременности и их объяснениям решений женщин сделать аборт. Согласно предписаниям, женщина, желающая получить направление на аборт, должна сначала дважды сходить на прием к гинекологу в районную женскую консультацию. На первом приеме диагностируется беременность, сдаются необходимые анализы и проводится первая консультация по прерыванию беременности. Примерно через неделю женщина должна вернуться к своему гинекологу за направлением на аборт и результатами анализов. Это еще одна возможность для консультации с врачом. После этого она должна пойти с направлением в Центр воспроизводства и планирования семьи — специализированный отдел, занимающийся в том числе и прерыванием беременности.⁴ На практике женщины часто обращаются прямо

⁴ В настоящее время прерывание беременности в России может быть проведено в течение первых 12 недель беременности. Срок возможного прерывания беременности продлевается до 22 недель в случаях, если женщина признана неспособной к материнству, беременность является следствием изнасилования, женщина приговорена к тюремному заключению, или если отец ребенка серьезно болен. Аборты выполняются в больнице или других сертифицированных медицинских учреждениях лицензированным специалистом.

в Центр воспроизводства и планирования семьи, где проводятся операции без направления в конце первого триместра; или женщины могут выбрать прерывание беременности в частной клинике либо в коммерческих отделениях женских консультаций.

Большинство врачей отмечают, что количество женщин, обращающихся к ним за направлением на аборт, уменьшилось. Это, по их мнению, может объясняться двумя причинами. Во-первых, часть женщин обращается в коммерческие отделения или сразу в Центр воспроизводства и планирования семьи. Во-вторых, рост использования средств контрацепции рассматривается врачами как причина реального уменьшения количества абортов,⁵ как это демонстрирует следующая цитата:

Абортов стало меньше. Когда мы открывали женскую консультацию в 91 году, у нас каждый день — нас тогда мало врачей было, ну человека три, наверное... — и у нас каждый день по 20 человек каждый врач отправлял на аборт. Я говорила, да что ж это такое? Я говорила: боженька, у нас весь район беременный. И все на аборты шли. Потом мы уже здесь работали в районе: мы занялись контрацепцией, мы стали им пропагандировать препараты все, мы спиральки им — замужним женщинам в основном, кто имеет одного партнера — мы их «настирали», как я говорю, то есть рекомендовали. И вот сейчас на каждом участке два-три направления в месяц мы даем... Понимаешь, насколько улучшилась ситуация вот за эти тринадцать лет, что мы работаем (I 48, 58 лет).

Тем не менее врачи разделяют мнение, что аборты — все еще частое явление и их количество должно быть снижено. В целом врачам было трудно описать типичных пациенток или ситуации, когда прерывание беременности действительно необходимо. Скорее они подчеркивали, что каждая женщина представляет собой индивидуальный случай и в каждом случае есть свои особенности. На просьбу дать

⁵ Согласно официальной статистике, количество абортов в России снизилось наполовину с начала 1990-х гг. В 2004 г. было зафиксировано 1068 абортов на 1000 рожденных детей. Этот показатель остается очень высоким по сравнению, например, с данными того же года в Финляндии — 192 аборта на 1000 рожденных (Источник: база данных «Европейское здоровье для всех» — European Health for All Database).

объяснение широкого распространения вынужденного прерывания беременности врачи предлагали недавние примеры из своей практики. Обычно их объяснение строилось вокруг двух альтернативных версий. Во-первых, они обсуждали причины нежелательных беременностей в условиях доступности разнообразных средств предохранения. Во-вторых, они пытались объяснить, почему женщины принимают решения в пользу аборта в случае нежелательной беременности.

Обсуждая первую тему, большинство врачей указывали на то, что женщины беспечно и безответственно относятся к своему здоровью, т. е. их не беспокоят риски для здоровья, связанные с прерыванием беременности. Они также отмечали, что есть женщины, которые приходят за направлением на аборт на поздних сроках беременности просто потому, что *«они не любят и не уважают себя»*. Эти точки зрения иллюстрируют следующие цитаты:

Потом, действительно, женщины... есть, наверно, до сих пор считают, что аборт, в общем-то, в принципе — не так вредно, и ничего страшного в этом нет (I 80, 29 лет).

А в общем, большинство женщин все-таки, скорее, об этом не сожалеют. То есть, ну, они, скажем, аборта боятся меньше, чем ответственности, наверно, за будущего ребенка. Вот, а типичная ситуация бывает такая: «Вот, вспомнила, — вдруг не пришли месячные. Доктор, может, я беременна? Но беременность мне не нужна». То есть, вот, если женщина приходит за абортом, ситуация вот такая. «Вы предохранялись?» — «Нет, а зачем?» Как правило, у доктора такие женщины бывали, ну, лет пять назад. Или карточки вообще новые. То есть они в консультации принципиально не ходят (I 75, 33 года).

Недостаток знаний и образования также рассматривался как общая причина абортов. Врачи убеждены в том, что женщины очень мало знают о здоровье в целом и репродуктивном здоровье в частности. Невежество представлялось как индикатор или доказательство безответственного отношения к себе и своему здоровью:

Все-таки это категория женщин, которые имеют недостаточное образование, которые, да, при наступлении беременности бегут делать аборт, а при всем при этом ничем не пользуются. Я считаю, что это, наверно, связано все-таки с низким уровнем образования и культуры общей, на мой взгляд, — только с этим (I 60, 37 лет).

Предрассудки и боязнь гормональной контрацепции также упоминались как общие причины распространенности аборт, равно как и неправильное, неудачное использование средств предохранения. Упоминалась также культурная инерция опыта старшего поколения, в котором было распространено регулирование детности семьи с помощью абортов:

У нас же контрацепции по большому счету раньше не было. Да, и это, как бы, укоренившееся в сознании: «А, у меня бабушка сделала пятнадцать абортов, и ничего» (I 42, 29 лет).

По мнению врачей, можно выделить три группы женщин, которые нерегулярно и в меньшей степени используют современные средства предохранения. Во-первых, это «асоциальные» женщины, жизнь которых слишком хаотична для того, чтобы они были в состоянии заботиться о контроле рождаемости. Такие женщины изображаются также как не интересующиеся своим здоровьем. Распространенным было также мнение, что они недостаточно уважают или ценят себя, чтобы заботиться о своем здоровье, как, например, свидетельствует следующая цитата:

У нас очень много случаев, когда женщины скажем так... ну, их не интересует их здоровье, да, они не интересуются своим здоровьем: забеременела — пошла на аборт, забеременела — пошла на аборт. То есть вот у меня конкретно на участке есть женщина, которой двадцать семь лет: у нее было двое родов, у нее было восемь беременностей... То есть женщина в двадцать семь лет, себя не любя... ну, так, чисто по-русски... просто идет, и скоблится, и прерывает, и своим здоровьем вообще абсолютно не дорожит (I 72, 27 лет).

Вторая группа — это женщины, у которых на борьбу с финансовыми, семейными или рабочими проблемами в повседневной жизни уходит так много сил, что их просто не хватает на заботу о предохранении. И третья группа — это образованные женщины, ориентированные на карьеру, которые, по мнению врачей, слишком заняты работой и семейными делами, чтобы уделять внимание контрацепции. Две последние группы описывались как женщины, у которых собственное здоровье стоит на последнем месте в шкале приоритетов или как обладающие слишком слабым контролем над своей собственной жизнью:

Они чаще, вот это вот, такие женщины, немножко неорганизованные. И часто бывает, организованны, может, на работе, но по жизни немножко неорганизованны, потому что заняты на работе. Принимают контрацептивы, но она забыла принять таблеточку... Или она принимала... допустим, полгода, потом уехала в командировку, вот, забыла таблетки, не взяла, и запустила... То есть она не против контрацепции, как вообще... ну, а, просто, сама по себе немножко неорганизованная (I 84, 46 лет).

Несколько молодых гинекологов высказали мнение, что врачи старшего поколения, возможно, имеют другое отношение к абортам и контрацепции, нежели молодые: они не проблематизируют аборт с моральной точки зрения и с большей осторожностью относятся к гормональным контрацептивам:

Бывает такая тенденция, что чем старше врач, тем, наверно, будет и меньше склонять женщину к продолжению беременности, чем это надо, тем более если уже есть один ребенок, поэтому, да, куда же им еще одного. Может быть, я не права, это мое субъективное мнение, ну вот, ну, мне так кажется... Просто с какой-то позиции это проще. Беременность все-таки девять месяцев, да: эту женщину нужно смотреть, у этой женщины могут возникнуть какие-то проблемы, ее надо будет лечить, за нее надо будет отвечать, да... Аборт — это проще в этом плане (I 75, 33 года).

Вторая линия аргументации начинается с суждения, что многие незапланированные беременности не обязательно являются нежеланными. Отталкиваясь от этого, врачи стараются объяснить, почему женщина не доводит непланируемую беременность до родов. Самым распространенным объяснением является семейная ситуация. По словам врачей, мамы очень маленьких детей выбирают аборт, когда следующая беременность наступает слишком рано. Эти женщины хотят иметь больше детей, но с большим интервалом между рождениями. С другой стороны, женщины с детьми подросткового возраста или со взрослыми детьми тоже часто выбирают аборт. Финансовые обстоятельства и плохие жилищные условия также назывались в числе важных причин прерывания беременности:

Если женщина нигде не работает, да, и не имеет никакой специальности, что она может дать своему ребенку? Об этом ведь тоже,

наверно, думается. Вот. И естественно, если нету рядом супруга или мужчины, на которого можно было бы, да, возложить воспитание этого ребенка... естественно, она вынуждена, да, эту беременность прерывать (I 60, 37 лет).

По мнению врачей, отношения с отцом будущего ребенка также влияют на принятие решения, особенно среди молодых женщин. Женщины, чьи отношения с партнерами нестабильны или не удовлетворительны, чаще выбирают прерывание беременности, чем те, у кого отношения в паре стабильные и счастливые. Однако качество отношений называется лишь как третья по значимости причина решения в пользу аборта после наличия детей и финансовых факторов.

— Ну, незапланированная беременность. Ну, дети уже есть, и предохранение вышеуказанными методами не дало результата. Потом, финансовые какие-то проблемы, в общем, не такие уж и неразрешимые.

— Можно ли сказать, что женщины, у которых нет детей, скорее все-таки оставляют беременность, а женщины, у которых уже есть дети, скорее пойдут на аборт?

— Да, конечно. То есть даже если, допустим, такая ситуация, что женщине уже около тридцати лет, и она даже не замужем, и детей у нее нет. И она даже в такой ситуации без мужа скорее, как бы, сохранил беременность (I 80, 29 лет).

Врачи единодушны в своем негативном отношении к абортам. Часто это мнение выражалось не прямо, а, например, в одобрительных комментариях в адрес беременных пациенток, не сделавших ни одного аборта, или в выражениях удовлетворенности тем, что становится все больше женщин, у которых нет аборт в медицинской истории. Наши информантки часто с уверенностью утверждали, что женщина должна или использовать надежные средства контрацепции, или, в случае беременности, рожать. Они объясняли свое негативное отношение к абортам главным образом вредными последствиями для здоровья, особенно бесплодием, или потенциальными проблемами при следующих беременностях. Многие врачи также считают, что женщина может впоследствии пожалеть, если поспешит сделать аборт слишком рано после обнаружения нежданной беременности. По мнению врачей, женщины могут пересмотреть свое решение и оставить

ребенка, если им помочь тщательно взвесить все обстоятельства. Моральные аргументы были открыто высказаны только четырьмя врачами, и все они были моложе 45 лет. По мнению одной из них, аборт — это результат морального разложения и влияния западных ценностей и установок. В своем нарративе она связывала высокое число абортов среди подростков с отсутствием религиозного воспитания в обществе. Вопросы религии и христианской морали были подняты еще одной информанткой, но они интерпретировались по-другому. Она размышляла о вине врача — о том, совершает ли врач грех, делая аборт, или нет. Два врача сказали, что, по их мнению, неправильно делать аборт и что каждый ребенок должен иметь право на жизнь. Это мнение выглядело скорее как общее этическое замечание, чем точка зрения, связанная с какими-то религиозными убеждениями. Еще двое врачей выступили с похожими замечаниями в отношении абортов, сделанных во втором триместре.

Обсуждая прерывание беременности в общем, врачи часто с осуждением описывали женщин как легкомысленных, безответственных или невежественных, однако, говоря об отдельных пациентках, высказывали сочувствие и понимание. Их рассказы о пациентках, обратившихся за направлением на аборт, выявляют обстоятельства жизни женщин, заставляющие врачей сопереживать им. Они отчасти совпадают с теми причинами абортов, которые называют врачи. Самыми распространенными из них являются семейные отношения и финансовые трудности. Врачи с пониманием относятся к пациенткам, у которых уже более двух детей, к пациенткам с маленькими детьми, детьми-подростками или имеющими проблемы со здоровьем:

Первая встреча... мы приняли решение сперва рожать. ...И она посоветовалась дома, поскольку у нее двое детишек, и муж ей посоветовал пока воздержаться. Ну, был против, короче говоря. И она сделала аборт... Двое детей — уже подвиг, двое детей, а уж третий... (1 56, 60 лет).

Нестабильные отношения с отцом ребенка или его желание, чтобы женщина прервала беременность, назывались в качестве причины аборта довольно часто, хотя врачи подчеркивали, что даже одинокая женщина может выносить ребенка, если есть поддержка со стороны ее родителей — особенно матери — или если финансовая ситуация в семье достаточно стабильна. Часто в качестве причины принятия

решения об аборте отмечалась в целом нестабильная финансовая ситуация в стране. Практически все информантки говорили, что уже двоих детей трудно содержать, не говоря уже о большем числе. Врачи с сочувствием относились к женщинами, приближающимся к менопаузе, если у них уже были дети. Однако молодые женщины или женщины, ориентированные на карьеру, встречали меньше понимания. Юный возраст часто даже рассматривался как преимущество будущей мамы:

Так что молоденькие девочки молодцы. У них еще много здоровья, которое они могут дать ребенку. И, в принципе, полтора года ребенку, а им, там, те же, там, восемнадцать-девятнадцать-двадцать лет. Отдает ребенка в садик, идет учиться, то есть, в принципе, у них еще все впереди (I 45, 30 лет).

Личные чувства женщины в отношении аборта также серьезно влияют на отношение к ней врача. Если женщина сожалеет об этом решении, врач выказывает ей больше сочувствия, что иллюстрирует следующая цитата:

В этом месяце была... да, была у меня девушка, ей двадцать семь, по-моему, лет, вот. У нее девятимесячный ребенок... Ну, она очень сожалела. Если бы был разрыв между детьми больше, она бы его оставила. Возможно, мне бы удалось ее уговорить, но у нее первый ребенок, у него небольшие проблемы по здоровью в том плане... беспокойный он, и она очень сожалела о том, что ей приходится аборт этот делать. А второго они все равно планируют, но чуть позднее. Ну, мне лично тоже очень жалко, потому что, ну, в данном конкретном случае можно было и предотвратить эту беременность, тем более что, в общем-то, люди достаточно разумные... (I 75, 33 года).

Врожденные проблемы со здоровьем ребенка или серьезные проблемы со здоровьем женщины рассматривались почти как императив к прерыванию беременности. Истории, рассказанные врачами, выявляют, что в первом случае (врожденные проблемы у ребенка) женщины обычно соглашались с рекомендациями врачей, но в последнем (проблемы со своим здоровьем) могут решиться на продолжение беременности. Таких пациенток врачи описывали как упрямых и неблагодарных, при этом охотно рассказывая случаи, когда женщины

благополучно рожали, несмотря на советы прервать беременность. К ситуациям, когда бездетные женщины сохраняли беременность вопреки советам специалистов, врачи относились с особым пониманием.

Подводя итог, можно сказать, что врачи выражали озабоченность количеством абортот. Их объяснения, почему происходит так много случаев прерывания беременности, распадаются на две группы. Во-первых, врачи стараются найти объяснения нежелательным беременностям. Во-вторых, они ищут причины, заставляющие женщину принять решение не оставлять ребенка. Рассуждая абстрактно («в общем»), врачи были единодушны в негативном отношении к прерыванию беременности. При этом они испытывали эмпатию к конкретным женщинам, принявшим решение об аборте, если у женщины были на то веские причины.

Консультирование по абортот в интервью и на практике

И были случаи, когда удавалось отговорить женщину от аборта. И ни одна потом женщина не пришла после родов, не положила этого ребенка на стол и не сказала: «Да чтоб Вам!..» Приходили и говорили: «Спасибо, что Вы...» Ну, то есть ни одна женщина, естественно, не осталась, как бы, разочарованной после родов, естественно, вот.

Из интервью с гинекологом

Рассмотрим, как установки врачей по отношению к прерыванию беременности проявляются в их представлениях о консультировании по абортот (как они рассказали об этом в интервью) и в их реальных клинических практиках. Данные наблюдения включают небольшое число приемов гинекологов, связанных с прерыванием беременности, но и из этих нескольких случаев наблюдения можно выявить расхождения между представлениями врачей о том, каким должно быть консультирование, и их реальными практиками.

Тринадцать из шестнадцати врачей сказали, что будут стараться убедить женщину, настроенную на аборт, сохранить ребенка. Они расценивали это как общую и естественную практику, подчеркивали выражениями вроде «конечно» или «я *всегда стараюсь их отговорить*» и удивлялись вопросу объяснить такую позицию. Врачи описывали, что сначала они стараются выяснить причины прерывания беременности и обсудить их вместе с женщиной. После они связываются с матерью или партнером женщины — обычно сначала с матерью, — чтобы заручиться большей поддержкой для сохранения беременности. Некоторые врачи сказали, что на маленьких сроках беременности они могли бы затянуть процесс выдачи направления на аборт, чтобы дать женщине больше времени для принятия окончательного решения. По словам врачей, они ведут себя более активно с бездетными женщинами и особенно активно в случае первой беременности из-за потенциальных сложностей после аборта, особенно из-за боязни будущего бесплодия. Это демонстрирует следующая цитата:

Индивидуально с каждой приходится решать. И конечно, мы, в общем-то, стараемся женщину уговорить родить, обдумать все, потому что... А если она говорит категорично: «Я иду на аборт», мы даем самый минимальный перечень обследования и говорим: «Придите через неделю». Через неделю мы опять с ней проводим беседу, то есть вот, обдумала ли она. А если она несовершеннолетняя, то есть ей, там, семнадцать лет, я говорю: «Приди с мамой, мы с мамой поговорим». И нередко мамам внушаем, что «поговорите с мальчиком, может у них создастся семья». И нередко создается семья, оставляют ребенка (I 48, 58 лет).

А в большинстве случаев, особенно если это беременность первая, у женщины нет детей, значит, мы очень активно, иногда даже сами затягиваем немножечко, вот, не сразу даем какое-то направление, говорим, чтобы она подумала... (I 78, 49 лет).

Врачи утверждают, что женщина никогда не пожалеет, что сохранила ребенка, даже если ее убедили в этом против первоначального желания:

То есть иногда бывает, что удается переубедить. Таких у меня была не одна, которые потом благополучно родили. И они остались

очень даже довольны. То есть все равно как-то стараешься вначале склонить к тому, ну, раз уж эта беременность наступила, наверно, нужно родить. Зачем-то она кому-то была нужна (I 75, 33 года).

С другой стороны, гинекологи признают, что очень трудно убедить женщину, если у нее есть веские основания. Именно поэтому они, по их словам, концентрируют все усилия на убеждении женщин, которые не уверены в своем решении. Врачи также считают, что консультирование по контрацепции может быть бесполезным, если женщина отказывается признавать вред аборт, имеет сильные предрассудки против гормональных методов или не может контролировать свою жизнь. В то же время некоторые врачи придерживаются мнения, что консультирование по контрацепции может быть особенно успешно в ситуации прерывания беременности, поскольку именно тогда женщина лучше всего понимает, что предохраняться необходимо.

Наблюдения более чем двухсот приемов включали только семь случаев, связанных с абортами. Хотя мы и воздерживаемся от обобщений, отметим, что эти случаи предлагают совершенно другую историю консультирования по вопросу аборт, чем данные интервью, представленные выше. Вначале я опишу один из случаев, а после проанализирую его основные черты.⁶

Пациентка — тридцатитрехлетняя женщина, производящая впечатление хорошо образованной и обеспеченной. Она не посещала гинеколога три года. Доктор спросила ее о причине визита.

— Последняя менструация была без крови, просто что-то такое, что-то коричневое последние две недели. Мне диагностировали эндометриоз три года назад.

— Последняя нормальная менструация?

— В начале марта.

— Предохранялись?

— Вам, наверно, не понравится это, но вообще-то нет.

— Секс регулярный?

— Да, я замужем.

⁶ Далее следует фрагмент полевого дневника, написанного на английском языке и переведенного для данной статьи.

— Но почему [не предохранялись]?

— Я просто думала...

Они обсуждают возможность беременности.

— В Вашем возрасте Вы должны использовать противозачаточные средства. Это важно. Вы должны использовать гормональные таблетки.

— Да, хорошо, я буду [с согласием в голосе].

Осмотр выявил, что пациентка, вероятно, на седьмой или восьмой неделе беременности. Врач направляет ее на УЗИ подтвердить беременность. В этот момент женщина говорит, что не хочет рожать. Врач отвечает, что сначала она должна сделать УЗИ и вернуться в кабинет. УЗИ подтверждает беременность. Без дальнейших разговоров пациентка получает направление на аборт, и они договариваются, что она вернется через две недели [за консультацией по предохранению] (Наблюдение 51).

Этот случай иллюстрирует некоторые общие черты консультирования. Мы не наблюдаем открытого обсуждения причин, мотивирующих женщину сделать выбор в пользу аборта, мы не видим попыток доктора переубедить ее. Этот случай показывает, как доктор молчаливо соглашается с решением пациентки, возможно, основываясь на общем для них обоих не проговариваемом знании контекста. Именно это разделенное знание заставляет доктора воздержаться от открытого обсуждения с женщиной альтернатив аборта. Она считает свои аргументы заранее неубедительными и неуместными. С моей точки зрения (как медика, имеющего опыт аналогичного консультирования в финской клинике), в этом случае врач мог бы обсудить с женщиной риски здоровья, связанные с последствиями аборта. Консультация по контрацепции носит явно предварительный характер, и очевидно, что обсуждение подходящей контрацепции откладывается до следующего визита женщины в консультацию. Хотя есть вероятность, что она не придет за советом.

Таким образом, можно сделать вывод, что, *по словам* врачей, они прилагают усилия, чтобы отговорить женщин от аборта, и активно работают с женщинами, пришедшими за направлением на аборт, при этом признавая, что убедить женщин поменять решение очень трудно. Однако то, что врачи *делают* на практике, расходится с описаниями, которые они приводят в интервью. Как свидетельствуют ограниченные данные семи случаев наблюдения, консультации далеко не

всегда включали открытое обсуждение риска абортов и попытки влияния на решение женщины. Мы считаем, что для интерпретации расхождений между данными наблюдения и интервью необходимо проведение дополнительных исследований.

Дискуссия

Гинекологи, принявшие участие в данном исследовании, во многом повторяют основные темы дискуссии о сексуальном образовании первой половины 1990-х гг. (Rivkin-Fish, 1999, 2005). Они разделяют мнение, что трудности в распространении средств контрацепции и предотвращении абортов укоренены в невежестве женщин, их пренебрежительном отношении к своему здоровью и безответственности. На первый, поверхностный взгляд врачи озабочены исключительно вопросами репродуктивного здоровья. Однако более детальное исследование обнаруживает моральные требования, предъявляемые ими к женщине, – ответственное отношение к здоровью они считают предписанной нормой; забота о репродуктивном здоровье и нравственный уровень женщины оказываются в их представлениях неразрывно связаны. Ожидается, что «культурная женщина» будет следовать советам экспертов о подходящих способах контрацепции, а в случае прерывания беременности ее объяснения должны соответствовать достаточным причинам, признаваемым врачом, чтобы быть встреченными с пониманием. Подчинение рекомендациям эксперта становится еще одним способом подтвердить свой моральный статус в глазах врачей. Конечной целью использования надежных средств предохранения и избегания абортов является сохранение фертильности женщины и ее способности к материнству в будущем. Генерируя дискуссию такого рода, врачи активно конструируют моральные нормы, которые, по их представлениям, должны регулировать повседневную жизнь женщин.

Взгляды и практики гинекологов транслируют образы гендера и настоящей женственности, которые и стары, и новы одновременно. Более ранние исследования постсоциалистических обществ также обращали внимание на то, как прошлое постоянно возвращается в настоящее, принимая при этом новый облик (см., например: Bugawo, Verdery, 1999). Действительно, иногда то, что кажется новым, оказывается замаскированным старым. Так, требования ответственного

и сознательного отношения к здоровью, конечно, не новы, однако врачи видят в них признаки репродуктивной культуры нового типа по сравнению с советскими практиками контроля рождаемости. В своих разговорах врачи создают разнообразные различия и границы, подчеркивая таким образом прогрессивность своих профессиональных установок. Различия проводятся между старыми и современными профессиональными практиками в отношении предохранения и воспроизводства. Врачи более молодого возраста проводят различия между собой и своими старшими коллегами, утверждая, что старое поколение гинекологов поддерживает старомодные способы предохранения и разделяет иное и, возможно, менее морализаторское, отношение к прерыванию беременности. Еще одно важное разграничение проводится между гинекологами как прогрессивными экспертами и пациентками как отсталыми обывательницами. Врачи рассказывают о том, сколько усилий уходит у них на борьбу с предрассудками своих пациенток в деле внедрения современной культуры репродуктивного здоровья. Образ обычной женщины, обывательницы, однако, не однороден. Врачи говорят о том, что практики надежной контрацепции становятся все более распространенными, а к абортam прибегают реже, чем раньше; они признают, что есть пациентки, которые относятся ответственно к своему репродуктивному здоровью, и беспокоятся о тех, кто все еще использует старые способы предохранения. Это разделение демонстрирует, как новый опыт встречается со старым, когда старый опыт рассматривается как инерция и отсталость, а новый становится символом прогресса и активной адаптации к новому социальному контексту. Подобное развитие было описано в других постсоциалистических обществах (см.: Gal, Kligman, 2000).

Разделяя профессиональный взгляд на современную, «репродуктивно ответственную женственность, врачи, тем не менее, реалистично смотрят на вещи и признают, что женщины оказываются в ловушке семейных ответственностей и финансовой нестабильности. С раннего советского времени позиция женщин в российском обществе характеризуется гендерным контрактом работающей матери. От женщин ожидалось участие в процессе производства наравне с мужчинами; при этом их обязанностью также было родить и вырастить детей и нести на себе большую часть домашних забот. В России существует традиция сильных женщин, составляющих основу семьи и руководящих семейной повседневной жизнью (Rotkirch, Haavio-Mannila, 1996; Rotkirch, 2000). На этом фоне понимание, продемонстрированное вра-

чами в отношении женщин, решившихся на аборт по экономическим причинам или из-за уже имеющихся детей, свидетельствует о признании врачами общих жизненных условий женщин. Врачи поддерживают представление об ответственной и сознательной матери, прилагающей все усилия для поддержания благополучия в семье. Представления о матери как о «краеугольном камне» семьи строятся на уверенности врачей в том, что беременная женщина получит поддержку своей матери и что именно мать беременной женщины станет главным союзником врача в борьбе против аборта.

Материнство как ожидаемая составляющая жизни женщины проявляется в разговорах гинекологов в разных перспективах. От женщины требуется использование средств предохранения, чтобы оградить тело от бесплодия, которое может последовать после прерывания нежелательной беременности. Гинекологи объясняют свое негативное отношение к абортам риском бесплодия и утверждают, что используют все возможные аргументы, убеждая женщин, у которых нет детей, сохранить беременность. Хотя прерывание беременности может быть рассмотрено как нарушение женской материнской природы, женщины, решившие сделать аборт, получают больше понимания в тех случаях, когда у них есть маленькие или большие дети. И, может быть, прерывание беременности становится, напротив, способом выражения женского материнского начала в ситуациях, когда женщина делает этот выбор с сожалением ради уже существующего ребенка или детей, нуждающихся в ее заботе.

Врачи выражают озабоченность недостатком знаний у своих пациенток и превалированием репродуктивных практик, подвергающих опасности их здоровье, и, следовательно, признают необходимость сексуального образования. При этом практики консультирования по поводу контрацепции остаются поверхностными, что, несомненно, мешает им эффективно решать эту проблему в своей клинической работе. Обнаруживается, что не существует ясного консенсуса о достаточном уровне знаний, которым должна обладать женщина. Некоторые молодые врачи были готовы поделиться информацией с пациентками, чтобы включить их в процесс принятия решений. Другие доктора, как правило старшего возраста, полагали, что женщины обладают достаточным уровнем знаний, если они готовы согласиться с рекомендациями гинеколога. Эти межпоколенческие различия, однако, не являются четкими, и обе тенденции можно обнаружить в интервью с врачами разного возраста. В сравнении с более ранними

исследованиями Ривкин-Фиш (Rivkin-Fish, 2005), мы видим, что новые представления о пациентках как активных участницах процесса принятия решений по поводу контрацепции стали более распространенными. В своем исследовании Ривкин-Фиш описывает, как доктора требовали от женщин большей грамотности и заинтересованности в вопросах репродуктивного здоровья, одновременно с этим воспринимая активное участие женщины как оспаривание экспертного знания врача. В настоящем исследовании врачи продемонстрировали больше терпимости к вопросам пациенток и одобрение в отношении хорошо информированных женщин.

По словам врачей, каждой женщине необходим индивидуальный подход в выборе средств предохранения или в ситуации прерывания беременности. Однако при ближайшем рассмотрении мы видим, как доктор, иногда бессознательно, навязывает пациентке свое видение ситуации. Врач уверен в своей компетенции относительно того, что требуется женщине в данных жизненных обстоятельствах, и дает рекомендации на основе своей собственной — часто стереотипной — оценки ситуации. Такой вариант индивидуального подхода может быть проинтерпретирован как еще один способ подчеркнуть экспертную власть медицины. Мишель Ривкин-Фиш (Rivkin-Fish, 2005) указывает, что некоторые психологи, получившие сексуальное образование в начале 1990-х гг., видят необходимость в обучении гинекологов принимать во внимание индивидуальные потребности и желания женщины. Мои данные свидетельствуют, что гинекологи действительно признают необходимость относиться к женщинам индивидуально, однако концепция индивидуального обращения пережила некоторые изменения и стала просто новой формой усиления медицинской экспертизы. Требования врачей к пациенткам подчиняться и следовать совету специалиста представляются им настолько важной основой их профессионального авторитета, что преодолеть это ради действительно индивидуального подхода оказывается невозможно. Врачи больше не испытывают недостатка знания в вопросах контрацепции и активно консультируют, но их экспертно-центрированная концепция индивидуального подхода может стать большим препятствием в распространении практик предохранения и предотвращения прерывания беременности в клиническом контексте. Среди молодых врачей, однако, встречались исключения, что можно расценить как свидетельство другой тенденции — ориентации на индивидуальный опыт женщины.

В то же время нужно признать, что внимание врачей действительно фокусируется на самой женщине. Прерывание беременности рассматривается с точки зрения женщины, без привлечения, например, мужа, расширенной семьи или нерожденного ребенка. Гинекологи не использовали риторику «вымирания нации» или дискурсы «в защиту жизни», распространенные в некоторых западных обществах и воспринятые в последнее десятилетие некоторыми социальными силами в России. Отношение врачей к женщине-пациентке становится, однако, более морально требовательным в тех случаях, когда ее индивидуальный опыт не встречает их понимания и сочувствия. Врачи настаивают на том, чтобы женщина сама несла моральную ответственность за свое репродуктивное здоровье. Она должна либо использовать надежные противозачаточные средства, либо сохранять беременность и таким образом нести ответственность за свое сексуальное поведение. В целом, женщина остается один на один с властными требованиями врачей быть моральной личностью, ответственной за собственные действия.

В этом исследовании врачи выказывали мало интереса к мнению партнера женщины в вопросе о выборе способа предохранения. Это может быть связано с разными причинами. Прежде всего, врачи-гинекологи принимают женщин главным образом без их партнеров. Этот контекст, вероятно, обуславливает акцент на роли женщины в предохранении. Во-вторых, это, возможно, отражает ту идею, что репродуктивное здоровье остается по-прежнему женской сферой жизни, на которую мужчины имеют ограниченное влияние. Некоторые молодые врачи, однако, требуют большего мужского участия в вопросах предохранения или, по крайней мере, переговоров между партнерами о выборе способа контрацепции. Это может указывать на то, что врачи все больше осознают репродуктивное здоровье как разделенную ответственность мужчин и женщин.

Значительный разрыв данных о консультировании по абортam, полученных методами интервью и наблюдения, требует некоторого разъяснения. Этот разрыв, на наш взгляд, может указывать на присутствие сильного нормативного давления идеальной модели консультирования, когда ожидается, что врач убедит женщину принять более приемлемое с точки зрения общества решение.

Ривкин-Фиш (Rivkin-Fish, 2005) описывает, как в начале 1990-х работники здравоохранения рассматривали развитие личной нравственной ответственности пациента за свое здоровье в качестве одной

из своих основных задач. В таком случае врач, убедивший женщину отказаться от аборта, способствует ее нравственному росту и помогает ей реализовать свое материнское предназначение.

Некоторые поколенческие различия проявляются в отношении к новейшим методам контроля над рождаемостью, участию пациенток в процессе принятия решений, включению мужчин в обсуждение вопросов предохранения. Более того, молодые врачи полагают, что по вопросам прерывания беременности и количеству детей может обнаружиться еще больше различий в установках представителей разных поколений гинекологов. Наши данные, однако, не позволяют проводить четкие границы между врачами разных поколений; врачи разного возраста могут разделять весьма похожие представления о гендерных ролях и настоящей женственности. Можно сказать, что врачи предстают в исследовании как когерентная профессиональная группа и воспринимают себя как прогрессивных сторонников новой репродуктивной культуры и морали по контрасту с менее «продвинутыми» (образованными) обычными женщинами.

Ценностные ориентации врачей укоренены в культурных представлениях о женственности и женском жизненном пути в том виде, в каком они представлены в публичном дискурсе. Они, однако, могут не всегда совпадать с традиционными взглядами обычных людей. Врачи комбинируют старые и новые ценности, генерируя новые образы современной российской женственности. Новая повседневность как таковая конструируется как новое прочтение прошлого. Эва Йокинен (Jokinen, 2005), исследовавшая повседневную жизнь в Финляндии, выделила несколько типичных для нее парадоксов, один из которых заключается в том, что повседневная жизнь является одновременно «сохраняющей и исключаящей»⁷ (*simultaneously life sustaining and excluding*). Она пишет, что значимость этого парадокса повышается по мере того, как социальная власть все более фокусируется на контроле индивидуализированных тел (Jokinen, 2005: 159). В настоящем исследовании мы показали, что врачи придают существенное значение индивидуализированной моральной ответственности женщины в отношении контроля рождаемости. В своей врачебной деятельности они нацелены на создание новых повседневных практик, поддерживающих хорошее самочувствие и репродуктивное здо-

⁷ Иными словами, повседневная жизнь консервативна и инновационна. — *Примеч. ред.*

ровые их пациенток. В то же время их нормативные установки порождают различия, исключая некоторых женщин из пространства возникающих образцов приемлемых форм повседневной жизни.

Перевод с английского Елены Никифоровой

Литература

- Гаврилова Л.В. (1997). Репродуктивное поведение населения Российской Федерации в современных условиях, *Планирование семьи*, № 4.
- Attwood L. (1996). Young people's attitudes towards sex roles and sexuality, in: H. Pilkington, ed., *Gender, Generation, and Identity in Contemporary Russia*. London; New York: Routledge, p. 132–151.
- Burawoy M., Verdery K., eds. (1999). *Uncertain Transition: Ethnographies of Change in the Post-Socialist World*. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, p. 1–17.
- Chalmers B., Sand M. (1998). Contraceptive Knowledge, Attitudes and Use among Women Attending Health Clinics in St. Petersburg, Russian Federation, *Canadian Journal of Human Sexuality*, vol. 7, N 2, p. 129–137.
- Chervyakov V., Kon I. (2000). Sexual Revolution in Russia and the Task of Sex Education, in: Jean-Paul Moatti, Yves Souteyrand, A. Prier, Theo Sandford, Peter Aggketon, eds., *AIDS in Europe: New Challenges for Social Sciences*. London: Routledge, p. 119–134.
- De Vries R. (2004). *A Pleasing Birth. Midwives and Maternity Care in the Netherlands*. Philadelphia: Temple University Press.
- European Health for All Database [online]. WHO Regional Office for Europe [электронный ресурс], режим доступа: <http://www.euro.who.int/>, свободный.
- Gal S., Kligman G. (2000). *The Politics of Gender after Socialism*. Princeton: Princeton University Press.
- Hutter I. (1996). *Induced Abortion and Contraceptive Use in Russia: State of the Art and Need for a Micro-Approach*. Working Paper 96–5, Population Research Centre, University of Groningen.
- Jokinen E. (2005). *Aikuisten arki* [The everyday life of adults]. Helsinki: Gaudeamus.
- Kesseli K., Regushevskaya E., Dubikaytis T., Kirichenko S., Rotkirch A., Haavio-Mannila E., Kuznetsova O., Hemminki E. and the REFER group (2005). *Reproductive Health and Fertility in St. Petersburg: Report on a Survey of 18–44 Year Old Women in 2004*. Working Papers, N 60, Department of Sociology, University of Helsinki.

- Kon I. (1995). *The Sexual Revolution in Russia: From the Age of the Czars to Today*. New York: The Free Press.
- Kulakov V., Vikhlyaeva E., Nikolaeva E. (1997). *The Epidemiology of Induced Abortions in Russia: Pilot Trial*. WHO Regional Office for Europe, Copenhagen [электронный ресурс], режим доступа: http://whqlibdoc.who.int/euro/1994-97/EUR_RUS_FMLY_04_23_04.pdf, свободный.
- Lock M., Gordon D., eds. (1988). *Biomedicine Examined*. Dordrecht: Kluwer.
- Lock M., Scheper-Hughes N. (1996). A Critical-Interpretive Approach in Medical Anthropology: Rituals and Routines of Discipline and Dissent, in: Carolyn F. Sargent, Thomas M. Johnson, eds., *Medical Anthropology. Contemporary Theory and Method*. Westport: Praeger, p. 41–70.
- Rankin-Williams A. (2001). Post-Soviet Contraceptive Practices and Abortion Rates in St. Petersburg, Russia. *Health Care for Women International*, N 22, p. 699–710.
- Remennick L. (1991). Epidemiology and Determinants of Induced Abortion in the USSR, *Social Science and Medicine*, vol. 33, N 7, p. 841–848.
- Remennick L. (1993). Patterns of Birth Control, in: James Riordan, Igor Kon, eds., *Sex and Russian Society*. Bloomington: Indiana University Press, p. 45–63.
- Rivkin-Fish M. (1999). Sexuality Education in Russia: Defining Pleasure and Danger for a Fledgling Democratic Society, *Social Science and Medicine*, N 49, p. 801–814.
- Rivkin-Fish M. (2005). *Women's Health in Post-Soviet Russia: The Politics of Intervention*. Bloomington: Indiana University Press.
- Rotkirch A. (2000). *The Man Question: Loves and Lives in Late 20th Century Russia*. Dept. of Social Policy, Research Reports 1/2000. Helsinki: University of Helsinki.
- Rotkirch A., Haavio-Mannila E., eds. (1996). *Women's Voices in Russia Today*. Aldershot: Dartmouth Publishing Company Limited.
- Stephenson P., Chalmers B., Kirichenko V., Repina M., Wagner M. (1997). *Reducing Maternal Mortality in St. Petersburg*. World Health Forum, vol. 18, N 2, p. 189–193.
- Van der Geest S., Finkler K. (2004). Hospital ethnography: introduction. *Social Science and Medicine*, N 59, p. 1995–2001.

Настя Мейлахс

НЕСЛЫШНЫЕ ПЕРЕГОВОРЫ: ВЫБОР СПОСОБА ПРЕДОХРАНЕНИЯ И ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ПАРТНЕРАМИ

Когда у меня не было презервативов, я больше волновалась не оттого, что, там, чем-то заражусь, а оттого, что я залечу... А о том, чтобы заразиться, — это знаешь, это просто ты чувствуешь, что ты можешь в этих людей поверить, или не чувствуешь.

Из интервью

Либерализация сексуальной жизни и ее отделение от репродукции стали возможны благодаря изобретению, распространению и росту доступности новых средств контрацепции. На фоне роста сексуальных свобод во второй половине XX в. выявилась тенденция к росту числа заболеваний, передающихся от одного сексуального партнера к другому (ЗППП) (Кон, 1997), поэтому, помимо основной функции контрацептивных средств (предупреждение нежелательной беременности), на первый план вышла их другая, не менее важная функция: предупреждение заболеваний, передающихся половым путем. Вышеописанные тенденции характерны и для большинства европейских стран, и в целом для России. За исключением одного — времени, когда контрацепция становится качественной и доступной для российского потребителя. В России это произошло в начале 1990-х гг., когда, во-первых, в результате активной деятельности фармацевтических компаний возник рынок современных средств контрацепции, во-вторых, появились частные учреждения, специализирующиеся на услугах по планированию семьи (Ваганов и др., 1996; Вишнеvский, 2006а: 230). Запаздывающее появление контрацептивных средств на российском рынке повлекло за собой «опоздание» в освоении достаточно новых для россиян навыков ответственного планирования семейной жизни (см.: Кон, 1997; Rotkirch, 2000). Кроме того, активное освоение этих навыков, по мнению исследователей репродуктивного здоровья в России, во многом тормозит и унаследованный от советского времени низкий уровень культуры сексуального здоровья и семейных отношений (Brown, Rusinova, 1997; Каткова, 2002; Rivkin-Fish, 2005). Для

решения проблемы низкого уровня культуры сексуального здоровья в России предпринято реформирование сектора здравоохранения, ответственного за профилактику репродуктивного здоровья населения. В ходе реализации этой политики распространяется нормативное представление о том, какими должны быть современные российские юноши и девушки. С помощью многочисленных программ по планированию семьи, государственных и частных центров репродуктивного и сексуального здоровья, образовательных учреждений, средств массовой информации и т. п. медицинское сообщество с начала 1990-х гг. продвигает образ современного молодого человека, который ведет активную сексуальную жизнь, заботится о своем здоровье и последовательно использует средства предохранения.¹ На сегодняшний день исследователи, занимающиеся проблемами репродуктивного здоровья, констатируют уровень использования контрацепции среди молодежи, сопоставимый с аналогичными показателями большинства развитых стран мира (Бодрова, Гольдберг, 1997; Население России..., 2002; Резникова, 2003; Кессели и др., 2005; Вишневецкий, 2006а). Это означает, что поколение людей, находящихся сейчас в активном репродуктивном возрасте, в своем сексуальном поведении и его оценке ориентируются уже на новое представление о том, что значит быть современным (Rotkirch, 2000; Вишневецкий, 2002; Zdravomyslova, Khanzhin, 2005).

Исследования сексуальной жизни российского среднего класса, проведенные в Санкт-Петербурге в 2004–2005 гг.,² указывают на противоречивость тенденций в отношении образцов «ответственного» сексуального поведения среди молодежи.³ В качестве эпиграфа к этой

¹ Подобные описания можно встретить в любых научно-популярных брошюрах, носящих просветительский характер и распространяемых через медицинские учреждения, в глянцево-журналах для молодежи, в рекламе контрацептивных средств и т. д.

² В данной статье используются данные анализа и материалы, полученные в рамках двух проектов: «Новый быт: новый русский средний класс и его стратегии» (при поддержке Финской АН, руководители А. Роткирх и Е. Здравомыслова, 2004–2005 гг.) и «Сексуальные и репродуктивные практики в России: свобода и ответственность (Санкт-Петербург, начало XXI в.)», осуществленный при поддержке Гендерной программы ФПНиС ЕУСПб и Фонда Форда, 2005 г.

³ Например, Анна Тёмкина в своей статье в этом сборнике описывает два типа самопрезентации женщины: сексуальная жизнь как судьба и сексуальная жизнь как пространство выбора.

статье использована цитата из интервью, иллюстрирующая это противоречие. Женщина говорит о том, что во время сексуальной близости со случайными партнерами ее больше волновала проблема нежелательной беременности, чем возможный риск заразиться вирусом или инфекциями, передающимися половым путем. На фоне отмечаемой исследователями общей картины роста ответственности молодых людей в использовании средств предохранения это высказывание выглядит странно. Многие схожие по смыслу высказывания, встречающиеся в массивах интервью, наталкивают нас на следующие вопросы: каким образом уживаются представление о необходимости ответственного подхода к предохранению и «легкомысленное» поведение, связанное с отказом от предохранения? Связано ли расхождение между знанием об опасности и пренебрежением сексуальными рисками только с инертностью советской модели поведения, характеризующейся некомпетентностью и фатализмом в отношении к беременности и ЗППП, или же причина кроется в специфике взаимодействия между сексуальными партнерами? И в целом, каким образом отношения между сексуальными партнерами влияют на отношение к способу предохранения?

Ответ на вопрос о том, насколько проблемы «безответственного» сексуального поведения специфичны именно для России, и о том, насколько это поведение инерционно и идет из советского прошлого, мы дадим с помощью обзора других исследований. Ответ на два других вопроса мы находим в том, как описывают свое сексуальное поведение молодые гетеросексуальные мужчины и женщины. В их сексуальных биографиях содержатся частые ссылки на презумпцию «чистого», «приличного» партнера. Это свидетельствует о том, что наши информанты проводят социальное различие партнеров и отношений. В их субъективном мире существует типология (1) статусов партнеров, (2) отношений между партнерами. Основная задача этой статьи заключается в выявлении критериев и механизмов создания «доверительного» статуса партнеров в разных режимах сексуального взаимодействия. Наша интерпретация режимов взаимодействия отчасти опирается на концепцию прагматических режимов действия французских социологов Л. Болтански и Л. Тевено. Согласно этим исследователям, режимы действия представляют собой социальные механизмы, которые управляют (взаимо)действием людей и вещей (Thevenot, 1999; Болтански, Тевено, 2000). Для каждого из режимов характерны: специфическое представление о благе (ценности), на основании которого человек производит оценки, особый тип ре-

альности и релевантной информации, а также специфический тип агента (Вагнер, 2000; Тевено, 2000). Размышляя в духе этой теории, мы пришли к выводу, что использование средств предохранения всегда подразумевает работу по взаимной координации позиций партнеров, оценку отношений, оценку эффективности, удобства и необходимости средств предохранения. Ситуации сексуального взаимодействия очень разнообразны, в каждой конкретной ситуации индивид обращается к разным ценностям, лежащим в основе отношений. В перспективе использования средств предохранения мы выделили два типичных режима взаимодействия: режим случайных связей и режим привычной сексуальной близости. Данное разделение не претендует на уникальность: среди исследований, посвященных краткосрочным и долгосрочным сексуальным отношениям, особо выделим работу Д. Басса и Д. Шмита (Buss, Schmitt, 1993), которые описывают теорию сексуальных стратегий в эволюционно-психологическом аспекте. Данная теория объясняет причины, психологические мотивы и гендерную специфику долгосрочных/краткосрочных сексуальных связей. В фокусе нашего внимания дилемма «безопасного» секса, решаемая партнерами в зависимости от модальности и продолжительности отношений между сексуальными партнерами.

**«Безответственное» сексуальное поведение:
«советское наследие» или общий тренд?**

В настоящее время тенденция «безответственного» сексуального поведения россиян фиксируется в большинстве статистических обследований (например, Репродуктивное здоровье..., 1998, 2000; Кессели и др., 2005). Наиболее распространенное объяснение этого явления дает российский демограф Анатолий Вишневский, который объясняет эту тенденцию «неготовностью» населения «достаточно ответственно относиться к своему здоровью» (Вишневский, 2006а: 325). С одной стороны, отсутствие страха перед сексуальными рисками может быть связано с инерционностью советской модели контрацептивного поведения, для которой характерны фатализм и некомпетентность в вопросах предохранения (Ваганов и др., 1996).⁴ Но можно

⁴ Однако существуют исследования, свидетельствующие о значительном уровне просвещенности современной молодежи в вопросах предохранения по сравнению с родительским поколением (например, Каткова и др., 1999).

представить и другое объяснение. Отсутствие у современных молодых людей страха перед беременностью и ЗППП может быть связано с особенностями коммуникации в сфере интимных отношений. Для подтверждения или опровержения этого положения обратимся к материалам исследований, посвященных вопросу «безопасного секса» в контексте отношений между партнерами в гетеросексуальных парах.

Исследования, которые рассматривают практики предохранения в контексте межличностной коммуникации в парах (или в контексте «отношений»), малочисленны и не очень распространены.⁵ Значительная их часть посвящена переговорам между партнерами о выборе средств предохранения как способу профилактики ЗППП (и особенно ВИЧ). Среди них можно выделить исследования, изучающие влияние межличностных отношений на использование презерватива (Weissman, 1991; Campbell et al., 1992; Pendergrast et al., 1992; Williams et al., 1992; Nyamathi et al., 1993; Helweg-Larsen, Collins, 1994; Poppen, 1994; Reisen, Poppen, 1995; Castaneda, Collins, 1998). Вопросы о том, при каких отношениях использование презерватива более популярно, вписаны в более широкую дискуссию о символическом значении средств предохранения в интимных отношениях. Так, исследователи контрацептивных решений в латиноамериканских (Catania et al., 1992) и в американских (Marin, Marin, 1992) парах считают, что использование презерватива ассоциируется со множеством сексуальных партнеров. В длительных отношениях использование презерватива связывается с недоверием (Pivnick, 1993; Remien et al., 1995; San Doval et al., 1995). Именно поэтому переход постоянных партнеров к использованию презерватива расценивается как «ненормативный сценарий» развития отношений, который свидетельствует о недостатке доверия или рисках в отношениях с партнером. В то же время отказ от использования презерватива и предпочтение других средств контрацепции расценивается как свидетельство любви и доверия между партнерами (Sibthorpe, 1992; Sobo, 1995; Conley, Rabinowitz, 2004).

Наряду с изучением символического значения средств предохранения в литературе внимание уделяется также анализу того, как

⁵ Причиной недостаточного внимания к проблематике «безопасного секса» со стороны исследователей межличностных отношений в парах является то, что большинство исследователей в этой области обращают внимание прежде всего на индивидуальные (знания и установки) и структурные факторы (социально-политический контекст), влияющие на решение людей.

культурные нормы сексуальных отношений влияют на практики безопасного секса. К примеру, сравнительное исследование латиноамериканских, афроамериканских и «белых» пар показало, что латиноамериканские мужчины всегда проявляют инициативу в использовании средств предохранения со своей женой, в то время как во внебрачных связях отказываются от их использования. Исследователи интерпретировали это явление как влияние «культурного фактора»: проявление нормативной модели «мачо».⁶ Это же исследование показало: отказ «белых» женщин от средств предохранения основан на их представлении о том, что использование контрацептивов разрушает интимные отношения любви и доверия. Схожее наблюдение делается и в исследовании постоянных афроамериканских пар (Reinholtz et al., 1995). Карен Плискин, изучавшая практики предохранения между случайными партнерами, пришла к заключению, что для американцев в целом характерны трудности в обсуждении проблемы безопасности секса. Проблематичность Плискин объясняет нехваткой культурно санкционированного языка для обсуждения сексуального здоровья и тем, что обсуждение таких проблем не является частью романтического сценария (Pliskin, 1997). При этом Плискин, как и многие другие, подтверждает, что осознание возможности заразиться не мотивирует людей прибегать к практикам «безопасно» секса (Lindan et al., 1990; Farmer, Kim, 1991; Sobo, 1995).

Мы кратко описали круг зарубежных исследований, в которых в изучении контрацептивного поведения упор прежде всего делается на типе отношений между партнерами и культурных предписаниях. Сравнение этих исследований с результатами изучения российской сексуальной культуры (Герасимова, 1997; Здравомыслова, Тёмкина, 2002; Кон, 2005) показывает, что, несмотря на существенные различия в практиках предохранения, существуют и общие черты. Такие проблемы, как инициатива предохранения, обсуждение контрацепции и планирование семьи, разделение ответственности за предохранение, существуют везде. Исторический феномен «отставания» контра-

⁶ Исследователи полагают, что культура мачизма включает сексуально активное поведение мужчины (то есть наличие множества сексуальных связей с разными партнершами) и в то же время заботу о собственной семье (в данном случае забота проявляется в попытках обезопасить свою жену от возможного заражения ЗППП и нежелательной беременности) (Soler et al., 2000).

цептивной культуры России от западной не является, на наш взгляд, достаточным аргументом в интерпретации правил «безопасного» сексуального поведения. Мы предполагаем существование более глубоких причин для «недружелюбного» отношения к предохранению, чем низкий уровень сексуального просвещения и «безответственность». Такими причинами могут быть представления о сексе как части романтических отношений, символическое значение, которое приписывается средствам предохранения, особые правила «интимной» коммуникации и общения со случайным партнером, и т. д.

Режимы сексуальных взаимодействий и практики предохранения

Для анализа практик предохранения мы выделяем два типичных режима взаимодействия между сексуальными партнерами. Режим случайных связей описывает взаимодействие между непостоянными сексуальными партнерами. Режим привычной сексуальной близости описывает отношения, которые оцениваются самими информантами как продолжительная интимная связь.

Режим случайных связей: непостоянные партнеры и определение доверительного статуса

В этом режиме взаимодействие между партнерами носит случайный характер: часто люди не знают, с кем и при каких обстоятельствах у них состоится сексуальный контакт. В режиме случайных связей увеличиваются риски, связанные с либерализацией сексуальной жизни. Это приводит к усилению значения концепции «безопасного секса», предполагающей, что секс не должен иметь таких негативных последствий, как инфицирование ЗППП и возникновение нежелательной беременности. За безопасность сексуального контакта для своего здоровья каждый из партнеров отвечает самостоятельно. В этом режиме сексуальный партнер, как правило, является ненадежным: он может оказаться переносчиком ЗППП. Ненадежность партнера восполняется надежностью контрацепции: доверие оказывается прежде всего средствам предохранения, а не партнерам. В качестве же основной функции средств предохранения в режиме случайных связей на первый план выходит предохранение от ЗППП.

Описанные характеристики режима запланированного действия (требование безопасности секса, ненадежность сексуальных партнеров, доверие средствам предохранения, забота о себе, а не о партнере), судя по рассказам информантов, являются скорее идеал-типическими, чем реальными сценариями взаимодействия между непостоянными сексуальными партнерами. Об идеалистичности этих сценариев свидетельствует тот факт, что большинство информантов при случайных сексуальных контактах далеко не всегда пользуются средствами предохранения, несмотря на осведомленность о практиках «безопасного секса». ⁷ Разрыв между контрацептивными практиками и «спящей» нормой безопасного секса отражается в оценках, которые информанты дают своему поведению: «*это, конечно, ошибочно* [здесь и далее выделено мной. — Н.М.]» (Пётр, 20 лет); «*наверное, может быть, немножко безалаберно с моей стороны*» (Андрей, 35 лет); «*Я вообще вот к этому как-то очень безалаберно всегда относилась. Ну, наплевать-льски, скажем так*» (Алиса, 28 лет).

Одной из причин «безбоязненности» информантов в отношении возможности заразиться не просто половыми микроинфекциями, а венерическими заболеваниями или даже ВИЧ может служить отсутствие личного опыта «негативных последствий». «Удачный исход» случайных связей приводит к тому, что знание о возможных рисках незащищенного секса перестает быть барьером для «опасных» связей: люди перестают бояться заражения. Действительно, и мужчины, и женщины в своих интервью ссылались на отсутствие негативного опыта заражения как на причину отказа от предохранения:

Меня как-то это обошло стороной [венерические заболевания]
(Михаил, 29 лет).

Как-то, вот, может, не обжигался еще ни на чем чужом опыте, не было возможности поучиться на опыте человека, как бы, близкого
(Павел, 23 года).

⁷ О существовании зазора между знаниями и практиками в сфере сексуального и репродуктивного поведения также пишет Е. Вовк: «Респонденты произносят фразу “нужно пользоваться презервативами”, как правило из учебника, которое заучивают только для того, чтобы сдать зачет, но не для того, чтобы применять его, когда никто не проверяет» (Вовк, 2006: 4). Также см.: Каткова и др., 1999.

Другой, более весомой причиной приемлемости незащищенного секса является доверие к партнеру. Именно доверительное отношение служит критерием разделения партнеров на тех, кому можно доверять и кому нельзя. Вопрос доверия — это вопрос оценки «статуса» сексуального партнера. Основным способом оценки статуса партнера является общение лицом к лицу. Общение способствует приобретению знаний о сексуальной и социальной биографии, на основании которых уже приписывается сексуальный статус. С учетом приписанного статуса партнеры принимают решение о том, насколько они готовы к сексуальному контакту, и о том, насколько необходимы средства предохранения:

Я думаю, что я больше внимания обращаю на саму женщину, чем на то, чтобы воспользоваться презервативом (Михаил, 30 лет).

Не было никогда такого, чтобы я занимался [сексом] с девушкой, вообще не зная о ее статусе ничего (Пётр, 20 лет).

С помощью рассказов информантов мы реконструируем типологию сексуальных партнеров, выделяем критерии, на основании которых определяется статус партнера и оцениваются риски сексуальных контактов с ними.

Информанты разделяют партнеров по степени надежности. Абсолютно ненадежными партнерами являются представители группы риска. Необходимо либо отказываться от сексуального контакта с ними, либо обязательно предохраняться от ЗППП. К группе риска относят предполагаемых потребителей наркотиков, секс-работников, людей с большим количеством сексуальных партнеров.⁸ Предохранение с такими сексуальными партнерами является непреложным правилом. Соблюдение этого правила поддерживается как теми, кто считает себя «чистым», «приличным», так и теми, кто сам относится к катего-

⁸ Помимо названных категорий, к группе риска также относятся мобильные группы населения (дальнобойщики, моряки, рабочие-мигранты), заключенные, беженцы, гомо- и бисексуальные мужчины, беспризорные дети, военнослужащие, жертвы изнасилования (см., например: Профилактика инфекций..., 2006: 31). В официальном дискурсе группа риска является более емкой категорией, чем в обыденных представлениях людей. Такая асимметрия лишней раз доказывает, что в повседневности существенно снижается осознание сексуальных рисков.

рии «ненадежных». Ярким примером действия этого правила является повествование Зины, описывающей ситуацию «секс за деньги»:

И мало того, мы начинаем трахаться в машине — и он без презерватива. Я говорю: «Слушай, — говорю, — а ты не боишься вот так вот чем-то заболеть, там?» «Да нет, — говорит, — что-то я на тебя смотрю, мне кажется, ты ничем не болеешь». Я просто была поражена! У человека вот жена, дети. А он так вот легко. А может быть, я какая-нибудь, СПИДом болею, в конце концов?» (Зина, 27 лет).

Зина предполагала, что партнер в ситуации секса за деньги будет использовать презерватив, чтобы не заразиться самому и не заразить свою семью. Отказ от его использования приводит девушку в замешательство: Зина возмущена в первую очередь не тем, что она сама подверглась риску возможного инфицирования, а тем, что незнакомец так легкомысленно относится к правилам «безопасности» при «опасных связях». В целом в отношении потенциальных партнеров из группы риска информантами выработана стратегия дистанцирования: отсутствие страха инфицирования от случайного партнера они объясняют наличием социальной дистанции, благодаря которой происходит почти автоматически отфильтровывание «ненадежных» партнеров:

А те, кто болеет СПИДом, я считаю, что из неблагонадежных семей. Я с ними в отношения не вступал, потому что мне это было неинтересно. Те, с кем мне интересно было, те не болели СПИДом. Потому что они общаются в других кругах. Ну, они не, это самое, не лягут с наркоманом просто (Михаил, 30 лет).

Вторая выделяемая информантами категория партнеров — «чистые», «приличные» люди, вызывающие доверие. Учитывая, что потенциальным сексуальным партнерам может быть ничего не известно друг о друге, встает вопрос о том, на каком основании делается вывод о «чистоте» и степени «порядочности» друг друга. Во время бесед многие информанты начинали ответ на этот вопрос со ссылки на особое «чувство», которое позволяло им оценить партнера:

Я не знаю, как это объяснить, но чувствуешь, что человек чистый (Пётр, 20 лет).

В попытках определить правила оценки партнера более четко информанты выделяли индикаторы, которые служат для оценки статуса партнера. Доверительный статус предполагает наличие индикаторов включенности в одну социальную сеть: принадлежность к одной социальной среде (схожее воспитание и социально-экономический статус), общность физического пространства повседневной коммуникации (место работы, учебы) и наличие общих знакомых. Так, один из информантов, Михаил, описывая причины доверия к случайным партнерам, говорит о том, что «хорошее воспитание», которое дали ему родители, диктует свои правила «отбора» людей, с которыми он общается:

Ну, так как я воспитан достаточно хорошо, ну, не скажу, что в интеллигентной семье, но, по крайней мере, с претензией на... меня и тянуло к таким людям, которые так же, по крайней мере, как я, воспитаны (Михаил, 30 лет).

Другие информанты обращали внимание на то, что их «сексуальное бесстрашие» объясняется особенностями мест проживания — закрытых и малочисленных, где все жители знакомы друг с другом. К таким пространствам относятся «военные городки», школьные интернаты, студенческие общежития:

А вот можно тут привести пример того, что я жил в военном городке. В основном, как бы, все там кружилось и так, как бы, девушки такие, знаете, то есть в них 100 процентов уверен. Просто минимальное количество народу, и знаешь все про всех (Пётр, 20 лет).

Вариантом подобных территорий являются места, где предполагаемые партнеры постоянно проводят много времени, — места работы и обучения. Зачастую молодые люди встречали своих сексуальных партнеров среди знакомых: на вечеринках и в гостях. В этом случае принадлежность к одной среде, включенность в единую дружескую сеть гарантируют «надежность» нового человека как сексуального партнера. Знания о наличии у «незнакомца» постоянного сексуального партнера в настоящем или недавнем прошлом также могут выступать в качестве критериев его «доверительного статуса»:

Ну, например, я вступаю в отношения с женатым мужчиной. Я прекрасно понимаю, что у него семья, значит, болезнь маловероят-

на. А если говорить о моем любовничке, я с ним общаюсь, он мне рассказывает, как у него одна девушка два года была. И совершенно понятно тоже, что два года, единственная девушка была, и тоже, как бы, ничего такого нету (Анна, 26 лет).

В данном высказывании девушка объясняет, что наличие постоянной сексуальной связи с одним человеком является своеобразной гарантией того, что новый партнер не может заразить ЗППП.⁹

Итак, как мы убедились выше, в режиме случайных связей выделяются два статуса сексуальных партнеров: «ненадежные» (те, с кем предохранение обязательно) и «надежные» (то есть те, с кем можно не использовать средства предохранения от ЗППП). К «ненадежным» партнерам относятся представители группы сексуального риска. «Надежность» остальных партнеров оценивается в соответствии с теми индикаторами, которые выявляются в ходе общения, предваряющего сексуальный контакт. Но выявление критериев доверительного статуса сексуального партнера само по себе не объясняет, почему наши информанты считают сексуально надежными тех, кто работает с ними в одном офисе, учится в том же университете, является другом их друзей или имеет семью. Мы увидели, что информанты «приспосабливаются» к существующим сексуальным рискам за счет создания иллюзии «надежности» случайных партнеров, которым можно «доверять». В режиме случайных связей существует особая логика, которая действует по принципу «взаимообмена» статусами и характеристиками: если человек не инфицирован, то того же самого он ожидает и от своего партнера, которому он доверяет (ведь они принадлежат к одному кругу). Удачно выразила эту мысль одна из респонденток:

⁹ Забегая вперед, скажем, что действенность этой гарантии основывается на представлении о том, что в длительных отношениях партнеры верны друг другу и заботятся о безопасности друг друга. Кроме того, здоровье мужчин, вовлеченных в продолжительные отношения, как правило, находится под скрытым «контролем» женщин. Женщины вынуждены уделять внимание репродуктивному здоровью больше, чем мужчины. В случае инфицирования, по медицинским нормам, сексуальные партнеры должны пройти курс лечения вместе, в противном случае лечение будет неэффективным, произойдет повторное инфицирование. Таким образом, в постоянных отношениях контроль здоровья мужчины (диагностика и лечение) косвенно осуществляется женщиной, с которой его связывают длительные отношения.

Но простите, это не совсем люди с улицы. И у тебя есть на каком-то достаточно простом уровне доверие такое, что ты понимаешь, что эти люди, они тоже не совсем беспорядочную половую жизнь ведут, что они как-то о себе заботятся и что, может быть, какие-то принципы понимания, то есть вот принципы заботы о себе, у них есть... (Виктория, 24 года).

Виктория говорит о том, что ее сексуальные партнеры принадлежат к той же социальной среде, что и она. Именно поэтому она не боится заразиться от них, она им доверяет. Категорию доверия Виктория пытается рационализировать, описывая ее как «понимание», что партнеры, как и она, не ведут «беспорядочную» половую жизнь и «как-то заботятся о себе». Далее девушка формулирует сам принцип доверия, который лежит в основе случайных связей:

Чистота – это вопрос того, насколько ты доверяешь другим людям, что они о себе тоже заботятся, насколько ты сам пытаешься что-то сделать (Виктория, 24 года).

Под «чистотой» Виктория подразумевает отсутствие заболеваний, передающихся половым путем. Отсутствие ЗППП после случайных сексуальных связей является результатом действия двух составляющих поведения партнеров: во-первых, заботы о собственном здоровье (отказ от «беспорядочных» связей, диагностика и профилактика ЗППП), во-вторых, ожидания, что партнер также заботится о своем здоровье. В режиме случайных связей доверие между сексуальными партнерами, опознающими друг друга как равных и «своих», реципрокно. Отказ от использования средств предохранения и отсутствие страха перед возможным инфицированием объясняются взаимным доверием людей, принадлежащих к одной социальной среде. Таким образом, функцию средств предохранения в ситуациях сексуальной близости с непостоянными партнерами выполняет «правильный» выбор партнера.

***Режим привычной сексуальной близости:
особенности коммуникации и «выстраивание отношений»***

Перейдем к описанию режима привычной сексуальной близости, опишем особенности коммуникации между постоянными партнерами и выявим связь между стадиями в отношениях и использовани-

ем средств предохранения. Режим привычной сексуальной близости описывает продолжительные интимные отношения, внешней формой которых является брак или «гражданский» брак (совместное проживание партнеров друг с другом) и регулярные встречи (в том числе гостевой брак). Сексуальные отношения между партнерами в этом режиме считаются безопасными с точки зрения возможности заражения. Партнеры рассчитывают на взаимную верность, т. е. гарантированную невозможность передачи ЗППП от других сексуальных партнеров. Но доверие, оказываемое постоянному партнеру, не сводится просто к физической и психологической верности. Доверие также предполагает, что в случае физической неверности партнер «позаботится» о безопасности своей подруги или друга:

По крайней мере, пускай, существует доверие, что он там, будет меня ценить, дорожить. По крайней мере, не нагуляет где-то на стороне, будет заботиться об этом (Аня, 25 лет).

Поскольку в этом режиме осознание риска ЗППП не так велико, как осознание риска нежелательной беременности, на первый план выходит проблема выбора средств, которые надежно предохраняют от беременности. В случае незапланированной беременности ожидается, что нести ответственность за последствия будут оба партнера, а не только женщина (в отличие от режима случайных связей).

Центральным элементом этого режима является «выстраивание отношений». Под «отношениями» информанты имеют в виду чувства любви, страсти или романтической привязанности. Слова, обозначающие эти чувства, в интервью встречаются редко: все, что связывает постоянных партнеров друг с другом, называется «отношениями». Примером такого определения служит высказывание Павла. Он считает, что «отношения» подразумевают «другие переживания» и «более сильные чувства» между партнерами, чем «любовь»:

Очень многие принимают, как я, принимал это за любовь изначально. Потом я понял, что это на самом деле не любовь, как бы, а есть более сильные чувства какие-то, то есть другие переживания, другое отношение к отношениям (Павел, 23 года).

К категории «отношений» относятся психологическая и физическая близость партнеров. Достижение психологической близости счи-

тается более сложной задачей, чем поддержание физической близости. Сексуальные контакты между партнерами в этом режиме не автономны, они являются необходимой частью и своеобразным индикатором «качества отношений». Отношения развиваются не сами, их нужно «выстраивать» совместно с партнером. Выстраивание отношений подразумевает напряженную эмоциональную работу и переговоры.

Основное отличие коммуникации в этом режиме состоит в том, что обсуждение репродуктивных и сексуальных тем более эксплицировано, чем в контексте случайных связей. Подразумевается, что переговоры в постоянных отношениях носят серьезный характер и затрагивают важные темы (например, планы деторождения, проблемы репродуктивного здоровья и сексуальной удовлетворенности партнеров и т. п.). Так, информантка Юлия на просьбу интервьюера описать, как они с мужем обсуждают вопросы предохранения, отвечает:

Мы не так часто решаем репродуктивные проблемы, скажу я Вам! У нас не было никаких нежелательных беременностей, у нас все в порядке. Я советуюсь только по одному вопросу, по последнему, по насущному. Это относительно ребенка. И то, это я не то чтобы советуюсь, а просто периодически, так как я ему сказала, что я хочу, и он со мной согласен, периодически он меня спрашивает, не созрела ли я. На что я говорю: нет (Юлия, 25 лет).

В представлении Юлии у них с мужем нет потребности в обсуждении вышеназванных тем. Однако, упомянув о том, что они с мужем хотят родить ребенка, Юлия описывает переговоры между двумя сторонами: «я сказала» — «он согласен» — «он периодически спрашивает» — «на что я говорю». Мы видим, что в данном случае структурно переговоры оказываются растянутыми на длительное время: «периодически» они прерываются в одном месте и возобновляются в другом. Из-за таких временных разрывов молодая женщина не воспринимает общение с мужем как «переговоры».

В следующих двух примерах факт наличия «разговоров» в отношениях признается, тем не менее эти «разговоры» осознаются как возникшие спонтанно и вписанные в более широкую рамку «бесед» на другие темы:

А не помню. Если такие разговоры возникают, они как-то рождаются сами собой, в пылу беседы, так сказать (Вова, 26 лет).

Специфика спонтанного обсуждения репродуктивных и сексуальных тем заключается еще и в том, что его содержание, как правило, не запоминается:

Факт самих разговоров помню, а их содержание какое... (Вова, 26 лет).

Я помню вот про места, а про какие-то подробности, там, не очень помню (Николай, 19 лет).

Мы видим, что, как правило, разговоры на «неудобные» темы сопровождаются смехом и попытками партнеров придумать шуточные наименования для обсуждаемых вопросов. Именно шуточная форма, по мнению информантов, больше всего подходит к содержанию разговоров:

Мы там смеемся, это все происходит достаточно естественно, и, не знаю, вот, чтобы там серьезно что-то обсуждать, наверно, такого нету. Какими-то терминами, там, бросаться (Николай, 19 лет).

Мне как-то иногда неудобно. То есть, мы что-то обсуждаем, но в такой вот полушутливой манере, со всякими там словами-прозвищами. Ну, а как-то конкретно, вот, откровенный разговор, тем более какой-то пошлый, нет... (Зинаида, 30 лет).

Откровенный, открытый разговор ассоциируется либо с «пошлостью», либо с необходимостью использовать «термины», т. е. обращаться к медицинской лексике. Партнеры испытывают дефицит языковых средств и пытаются выработать для обсуждения интимных тем свой язык. Показателем коммуникативного дискомфорта выступает также и негативная оценка, которую дают разговорам на интимные темы сами информанты. Некоторые из них признают, что им «тяжело» говорить на такие темы. Некоторые считают, что «*обсуждать тут нечего*». Ярким примером негативной оценки разговоров является рассказ Дмитрия о том, как девушка «учит» его обходить данные темы молчанием:

— **Она хочет, чтобы в ней, в этой ситуации, когда, как бы, я проявил больше лидерства, как бы так, скажем.**

— **А что значит «лидерство»?**

— Ну то есть, чтобы я не спрашивал, больше не на словах это обсуждал, а смотрел и делал выводы. Такими вопросами можно за долбить просто, в конце концов, правильно? Ну то есть, мы иногда разговариваем, да. Но, я говорю, что, вот, после того, как она мне сказала, я, так, аккуратно очень. То есть я стараюсь больше сам как-то что-то понять (Дмитрий, 23 года).

По словам Дмитрия, его подруга считает, что разговоры на интимные темы свидетельствуют об отсутствии у него установки на «лидерство». Она считает, что Дмитрий должен быть более ответственным и компетентным в сексуальных отношениях, а если ему не хватает знаний, значит, нужно «наблюдать» и принимать решения самостоятельно. Дмитрий меняет свое поведение: он больше не расспрашивает подругу, он «смотрит» и «старается сам как-то что-то понять».

В режиме привычной сексуальной близости компетентность и ответственность в вопросах сексуальности и репродукции считаются возможными и без открытого обсуждения. Причина этого, на наш взгляд, заключается в том, что общение между постоянными партнерами имеет свою специфику, которая предполагает «понимание без слов», а не ведение открытых переговоров, уместных в публичных ситуациях. Партнеры считают, что открытые переговоры «мешают отношениям», так как требуют определенного плана «работы» по выбору соответствующего момента и места, выбору стратегии переговоров. Кроме того, «открытые переговоры» в интимных отношениях могут провоцировать конфликт или напряженность в отношениях, так как подрывают основания режима, — принципы привычности, приспособленности и некритичного, лояльного отношения к партнеру.

В таком формате коммуникация между партнерами приобретает имплицитный характер: партнеры не могут определить момент, когда и как был достигнут определенный результат в переговорах. Несмотря на это, понимание все-таки достигается и решения принимаются: обсуждение интимных вопросов для самих партнеров предстает как обыденность и не воспринимается ими как «переговоры». Для человека постороннего такие переговоры совсем не видны. Но «незаметность» переговоров, например, об использовании средств предохранения, еще не свидетельствует об их отсутствии или о нежелании одного из партнеров разделять ответственность. В данной связи возникает вопрос: если постоянные партнеры уклоняются от «открытого» и «серьезного» обсуждения интимных вопросов, означает ли это,

что эти вопросы остаются нерешенными? Каким еще образом они могут решаться? На наш взгляд, такие решения принимаются в процессе приспособления партнеров друг к другу. Процесс приспособления в рассказах информантов представлен как история, которая распадается на два этапа: «начало» и «развитие».

Для начального этапа интимных отношений характерна проблематизация выбора способа предохранения. По мере привыкания партнеров друг к другу повышается требование к «качеству» и «ассортименту» сексуальных ощущений, появляется убеждение, что средства предохранения мешают партнерам, встают между ними и «съедают ощущения»: *«Как бы вот, контрацепция, она, конечно, некоторую съедает часть»* (Владимир, 31 год).

Появление дилеммы — «безопасность» или «качество ощущений» — и попытки разрешить ее с помощью «подбора» контрацептивного средства, которое бы эффективно решало две задачи, как правило, свидетельствуют о переходе отношений партнеров на новый этап и разделения ответственности за предохранение. Основной трудностью на этом этапе является подбор средств предохранения. Среди основных факторов, влияющих на подбор контрацепции, выделяются «индивидуальность» женского организма (например, противопоказания к гормональной контрацепции или внутриматочной спирали), а также физиологические и психологические особенности обоих партнеров. Рассказывая истории подбора контрацепции, информанты часто говорили о сложности выбора подходящего средства. Успешность использования контрацептива зависит от обоих партнеров, а значит, вариант, удобный одному партнеру, может оказаться совсем не подходящим для другого:

Я попала на прием к хирургу, к врачу. И мне сказали, что не надо гормональные препараты, потому что это влияет на молочную железу. И тогда мне в виде исключения, как не рожавшей, поставили спираль. Потому что там была такая ситуация: молодой человек, с которым я тогда жила, у него, он совершенно не мог презервативами пользоваться, никак (Светлана, 31 год).

В истории Светланы мы видим, что при выборе контрацептива она учитывает особенности собственного организма и особенности партнера. С помощью профессионалов партнеры находят решение, которое удовлетворяет потребности обоих. В другой истории жен-

щине по медицинским показаниям нельзя ставить внутриматочную спираль, но она готова использовать другие средства предохранения. В подборе контрацепции участвует и муж: он высказывается против гормональных средств. В процессе поиска подходящего средства обоими партнерами негласно принимается решение — «пустить все на самотек», так как оба готовы к рождению ребенка:

Касательно гормональных средств, в общем-то, морально готова к этому, но у меня муж выступает против. Причины ему только ведомы, он сказал, что он против. Презервативами пользоваться, в общем, ни ему, ни мне не нравится, скажем так. Спираль по медицинским показаниям мне пока нельзя, что-то еще другое пробовать более такое кардинальное типа каких-нибудь уколов мы не готовы к этому совершенно. Тем более что, в принципе, когда у нас родился Максим, я поняла, что третьего ребенка муж, в принципе, он не против. Пока так, ну, в общем-то, на самотек все пустили (Александра, 27 лет).

Зачастую в случае трудностей в подборе удобного для обоих способа предохранения партнеры отказываются от использования контрацепции в принципе. Одни из них аргументируют свое решение «приспособленностью» друг к другу, знанием «опасных» моментов, когда женщина может забеременеть:

Мы, наверно, за какие-то пять лет притерлись, уже знаем желаний, возможности друг друга. В общем-то, никакие контрацептивы не нужны пока (Оля, 33 года).

Может, это и так всем известно, что когда люди живут вместе, да, и достаточно серьезные отношения, то, в принципе, контрацепцией можно и не пользоваться (Николай, 19 лет).

Другие оправдывают отказ от предохранения готовностью к деторождению:

И насчет того, чтобы предохраняться, мы как-то поговорили, что надо, а потом подумали, что, в принципе, ничего такого не будет, если она забеременеет (Пётр, 20 лет).

Осознанная готовность к рождению ребенка является особым моментом в развитии отношений и использовании средств контра-

цепции. Планирование рождения ребенка является нормативным сценарием развития отношений и, как правило, символизирует их успешность. Этап готовности к рождению ребенка выделяется информантами отдельно:

Это было такое, довольно интересное состояние. Словами его сложно передать. Просто поняли, что должен родиться ребенок. И он у нас родился (Владимир, 31 год).

Просто логически подошел такой момент, мы уже жили два года до Дины [дочери] вместе, как бы. Мне кажется, что в развитии отношений между мужчиной и женщиной какие-то этапы должны пройти (Света, 32 года).

На этом этапе партнеры перестают предохраняться и после родов уже не возвращаются к тем способам предохранения, которые использовали прежде. Роды меняют отношение к контрацепции: партнеры становятся гибче в использовании средств предохранения (например, переходят на презерватив, если раньше им не пользовались, или начинают практиковать календарный метод (учет менструального цикла)).

Рассмотрев вкратце историю приспособления партнеров друг к другу и способам предохранения, мы выяснили, что индикаторами изменений в отношениях (смены стадий) являются, во-первых, «перебор» средств контрацепции, который свидетельствует о приспособлении и (до)выстраивании отношений между партнерами, и, во-вторых, отказ от использования контрацепции, который свидетельствует о готовности родить ребенка. Взаимная координация постоянных партнеров в выборе и использовании средств предохранения становится заметной не только при разборе историй приспособлений, но также и в описаниях разделения ответственности за предохранение. Информанты обоих полов считают, что ответственность за выбор средств предохранения должны разделять оба партнера: *«Ну это обоюдный, в общем-то, процесс предохранения»* (Наташа, 32 года).

Но многие отмечают, что на практике довольно часто наблюдается дисбаланс ответственности, когда один из партнеров берет на себя больше обязательств, чем другой. Мы встречаем женские и мужские истории, насыщенные объяснениями и оправданиями дисбаланса ответственности. Многие информантки подчеркивают, что «ответственность» лежит больше на женщине, так как, во-первых, средства предохранения (за исключением презерватива) предназначены в ос-

новном для женского организма, во-вторых, именно женщина в силу особенностей своей репродуктивной системы первой ощутит на себе последствия рискованного сексуального поведения:

И вообще как-то подразумевается в нашей семье, что за деторождение, за регулирование рождаемости, я отвечаю. Потому что я лучше знаю, когда и что может произойти (Света, 32 года).

Иногда рассказчицы отмечают, что физиологически мужчины не могут контролировать свое сексуальное поведение, поэтому функции контроля на себя должна брать женщина:¹⁰

Я считаю, что мужчины больше отдаются в сексе, чем женщина, всегда. Женщина может себя контролировать, вот, на самом деле (Юля, 20 лет).

Мужские версии историй с оправданиями отличаются от женских. Во-первых, мужчины больше и чаще подчеркивают совместный характер предохранения. Во-вторых, мужчины пытаются проявлять компетентность и инициативу: они размышляют о преимуществах и побочных эффектах различных средств и настаивают на том или ином способе предохранения. Некоторые мужские истории о контрацепции изобилуют описаниями того, как они покупают тесты на беременность, противозачаточные таблетки, ходят вместе с партнершами на консультации с врачами. Некоторые даже пытаются взять всю ответственность на себя, но не всегда такие опыты успешны:

Поскольку я интересовался сексуальными отношениями и старательно изучал соответствующую литературу, считал себя достаточно продвинутым в этом деле, предложил поменять метод контрацепции с презервативов на естественный. Ну, первый блин комом. Через 9 месяцев у нас родилась замечательная девочка. После рождения ребенка никакие таблетки она не принимала, ничего не использовала, этим занимался я (Борис, 31 год).

¹⁰ Существуют и менее типичные представления о том, что именно мужчина должен брать на себя всю ответственность за решение репродуктивных проблем: *«Ну если мужчина уважает девушку, то он за этим должен следить. А не девушка. Это правда»* (Толя, 29 лет).

В-третьих, для мужчин важным и проблематичным опытом оказывается осознание того, что, несмотря на готовность взять ответственность на себя, их возможности в выборе и контроле использования средств предохранения ограничены. В качестве примера можно привести «драматизированную» историю с оправданием, в которой молодой мужчина уверен, что предохранение — это совместное «дело», но сам он не может контролировать этот процесс:

Это совместное все же такое дело. Откуда знаю — забыла она таблетку выпить, не забыла? Я же не могу напоминать. Хотя и сейчас тоже может случиться такая неприятность [беременность]. Вроде и таблетки пьет, и все в порядке. Ну черт его знает! Так что... И я, честно говоря, не знаю (Игорь, 33 года).

Основное ограничение мужской ответственности состоит в том, что контроль деторождения осуществляет женщина: мужчина не может контролировать чужой организм (если он не использует мужской контрацептив — презерватив). Именно поэтому в суждениях мужчин звучит когнитивная неуверенность («наверное», «не очень понимаю», «не знаю»). Что является настоящей причиной «большей ответственности» женщины — особенности женского организма и преобладание женских контрацептивов или особенности гендерных ролей, которые приписываются женщине в современном обществе, сказать трудно. Из рассказов ясно только, что ответственность в репродуктивной сфере действительно в большей степени распространяется на женщину. Однако очень часто ответственность возлагается на женщину не мужчиной, а принимается женщиной в процессе приспособления партнеров друг к другу. Именно поэтому в интервью и мужчин, и женщин встречаются описания противоречивых практик ответственности, когда женщины сознают, что решение принимается совместно, а ответственность за выполнение этого решения ложится на женщину: «Мы решали это вместе, но, конечно, зависит от меня» (Алина, 32 года).

Противоречивостью практик ответственности можно объяснить и одну из специфических черт интимной коммуникации, описанной выше, — недоверие к открытым переговорам на репродуктивные темы. Сомнения информантов в уместности открытых переговоров связаны с принципиальной невозможностью для мужчины контролировать женский организм. Он всегда будет оставаться в позиции

внешнего наблюдателя, который может дать совет «со стороны» и «принять участие». Разделение ответственности, насколько это возможно, в основном происходит не в переговорах, а в постепенном и незаметном приспособлении партнеров друг к другу, в процессе привыкания к особенностям отношений, физиологического и психологического склада партнеров.

Заключение

Мы рассмотрели связь отношений между партнерами и практик предохранения. Наш вывод состоит в том, что феномен «безответственного» сексуального поведения (непоследовательного использования средств предохранения), характерный для современной российской молодежи, связан не только с наследием советской модели сексуального поведения. Существуют более глубокие причины для «недружественного» отношения к средствам предохранения, чем просто влияние индивидуальных (знания и установки) и структурных (социально-политический и исторический контекст, возможности системы образования и здравоохранения и т. п.) факторов. Основной причиной является влияние на практики предохранения формата отношений между партнерами с характерными для него правилами коммуникации. Мы выделили режим случайных связей и режим привычной сексуальной близости. Для обоих режимов были определены особые правила коммуникации, которые влияют на использование средств контрацепции иногда сильнее, чем рациональные, научно подтвержденные доводы.

Режим случайных связей предполагает иерархию сексуальных статусов партнеров по критерию доверия. В этом режиме действуют конкретные механизмы и индикаторы «надежности» партнера, благодаря которым индивидам удается создать иллюзию снижения сексуальных рисков и рационализировать отказ от использования средств предохранения (особенно презерватива). Таким образом, знание о рисках далеко не всегда влечет за собой следование практикам «безопасного секса». Мотивом безоглядного секса может послужить оценка приемлемого риска, которую индивид дает своему потенциальному партнеру.

В режиме привычной близости осознание риска незапланированной беременности значительно снижается, а осознание рисков, свя-

занных с ЗППП, полностью сводится на нет. Коммуникация между постоянными партнерами предполагает «понимание без слов», а не ведение открытых переговоров, уместных в публичных ситуациях. Переговоры в этом режиме «невидимы» из-за наличия временных разрывов в их структуре, а также специфики языка. При этом «незаметность» переговоров об использовании средств предохранения обсуждений не свидетельствует об отсутствии соглашения или пренебрежении ответственностью со стороны одного из партнеров. Выбор средств предохранения и разделение ответственности за предохранение осуществляется не столько в переговорах, сколько в процессе постепенного приспособления партнеров к физическим и психологическим особенностям друг друга и разделения гендерных ролей.

Литература

- Бодрова В., Гольдберг Х. (1997). Здоровье российских женщин: репродуктивные аспекты, *Вестник общественного мнения*, № 3, с. 47–50, также доступно по адресу: <http://www.levada.ru/ai.html>
- Болтански Л., Тевено Л. (2000). Социология критической способности, *Журнал социологии и социальной антропологии*, т. 3, № 3, с. 66–83.
- Вагапов Н.Н., Алленова И.А. и др. (1996). Работа с мужским населением по планированию семьи: Медико-социальный аспект, *Семья в России*, № 2, с. 92–101.
- Вагнер П. (2000). Вслед за «Оправданием»: Репертуар оценки и социология современности, *Журнал социологии и социальной антропологии*, т. 3, № 3, с. 112–127.
- Вишневский А.Г. (2002). Брачность и рождаемость, в кн.: А.Г. Вишневский, ред., *Население России 2001: Девятый ежегодный демографический доклад*. М.: Книжный дом «Университет», с. 25–70.
- Вишневский А.Г., ред. (2006). *Демографическая модернизация России 1900–2000*. М.: Новое издательство.
- Вовк Е. (2006). ВИЧ/СПИД в России: образ проблемы и стратегии поведения, *Социальная реальность*, № 11, с. 7–24.
- Герасимова Е. (1997). Вербализация сексуальности: разговоры о сексе с партнерами, в кн.: В. Воронков, Е. Здравомыслова, ред., *Биографический метод в изучении постсоциалистических обществ*. СПб.: ЦНСИ, с. 100–109.
- Здравомыслова Е., Тёмкина А., ред. (2002). *В поисках сексуальности: Сборник статей*. СПб.: Дмитрий Буланин.

- Каткова И.П. (2002). Репродуктивное здоровье россиянок, *Народонаселение*, № 4, с. 27–42.
- Каткова И.П., Андриюшина Е.В., Куликова О.Н. (1999). Репродуктивное здоровье и право молодежи, *Народонаселение*, № 1, с. 68–69.
- Кессели К., Регушевская Е.В., Дубикайтис Т.А., Кириченко С.И., Роткирх А., Хаавио-Маннила Э., Кузнецова О.Ю., Хемминки Э. и РЕФЕР-группа (2005). *Репродуктивное здоровье и фертильность в Санкт-Петербурге. Отчет по результатам опроса, проведенного среди женщин от 18 до 44 лет в 2004 г.* Department of Sociology, University of Helsinki and STAKES. Working papers N 60.
- Кон И.С. (1997). *Сексуальная культура в России: Клубничка на березке*. М.: ОГИ.
- Кон И.С. (2005). *Сексуальная культура в России: Клубничка на березке*. 2-е изд., перераб. и дон. М.: Айрис-пресс.
- Население России... (2002). А.Г. Вишневский, ред. *Население России 2000: Восьмой ежегодный демографический доклад*. М.: Книжный дом «Университет».
- Профилактика инфекций... (2006). *Профилактика инфекций, передаваемых половым путем, и борьба с ними*: Проект. Приложение к: Пятьдесят девятая сессия А59/11 Всемирной ассамблеи здравоохранения 18 мая 2006 г. [электронный ресурс], режим доступа: http://www.who.int/gb/ebwha/pdf_files/WHA59/A59_11-ru.pdf, свободный.
- Резникова Т.П. (2003). Контрацептивное поведение молодежи, *Социологические исследования*, № 1, с. 131–135.
- Репродуктивное здоровье... (1998). *Репродуктивное здоровье российских женщин: Итоговый отчет, 1996*. ВЦИОМ; CDC; USAID. Атланта: Центры по контролю за заболеваемостью и по профилактике.
- Репродуктивное здоровье... (2000). *Репродуктивное здоровье российских женщин, 1999: Предварительный отчет*. ВЦИОМ; CDC; USAID. Атланта: Центры по контролю за заболеваемостью и по профилактике.
- Тевено Л. (2000). Какой дорогой идти? Моральная сложность «обустроенного человечества», *Журнал социологии и социальной антропологии*, т. 3, № 3, с. 84–111.
- Brown J.V., Rusinova N.L. (1997). Russian medical care in the 1990s: a user's perspective, *Social Science and Medicine*, vol. 45, N 8, p. 1265–1276.
- Buss D.M., Schnitt D.P. (1993). Sexual Strategies Theory: An Evolutionary Perspective on Human Mating, *Psychological Review*, vol. 100, N 2, p. 204–232.
- Campbell S.M., Peplau L.A., DeBro S.C. (1992). Women, Men, and Condoms: The Attitudes and Experiences of Heterosexual College Students, *Psychology of Women Quarterly*, N 16, p. 273–288.

- Castaneda D.M., Collins B.E. (1998). The Effects of Gender, Ethnicity, and a Close Relationship Theme on Perceptions of Persons Introducing a Condom, *Sex Roles: A Journal of Research*, vol. 39, N 5–6, p. 369–390.
- Catania J.A., Coates T.J., Stall R. (1992). Prevalence of Aids-Related Risk Factors and Condom Use in the United States, *Science*, vol. 258, N 5085, p. 1101–1106.
- Conley T.D., Rabinowitz J.L. (2004). Scripts, Close Relationships, and Symbolic Meanings of Contraceptives, *Personal Relationships*, vol. 11, N 4, p. 539–558.
- Farmer P., Kim J.Y. (1991). Anthropology, Accountability, and the Prevention of AIDS, *Journal of Sex Research*, vol. 28, N 2, p. 203–221.
- Helweg-Larsen M., Collins B.E. (1994). The UCLA Multidimensional Condom Attitudes Scale, Documenting the Complex Determinants of Condom Use in College Students, *Health Psychology*, N 13, p. 224–237.
- Lindan C., Kegeles S., Hearst N. (1990). Heterosexual Behaviors and Factors that Influence Condom Use among Patients Attending a Sexually Transmitted Disease Clinic – San Francisco, *Morbidity and Mortality Weekly Report*, N 39, p. 685–689.
- Marin B.V., Marin G. (1992). Predictors of Condom Accessibility among Hispanics in San Francisco, *American Journal of Public Health*, N 82, p. 592–595.
- Nyamathi A., Bennett C., Leake B., Lewis Ch., Flaskerud J. (1993). AIDS-related knowledge, perceptions, and behaviors among impoverished minority women, *American Journal of Public Health*, vol. 83, N 1, p. 65–71.
- Pendergrast R.A., jr., DuRant R.H., Galliard G.L. (1992). Attitudinal and Behavioral Correlates of Condom Use in Urban Adolescent Males, *Journal of Adolescent Health*, N 13, p. 133–139.
- Pivnick A. (1993). HIV Infection and the Meaning of Condoms, *Culture, Medicine and Psychiatry*, N 17, p. 431–453.
- Pliskin K.L. (1997). Verbal intercourse and sexual communication: Impediments to STD prevention, *Medical Anthropology Quarterly*, vol. 11, N 1, p. 89–109.
- Poppen P.J. (1994). Adolescent Contraceptive Use and Communication: Changes over a Decade, *Adolescence*, vol. 29, N 115, p. 503–514.
- Reinholtz R., Muehlenhard Ch.L., Phelps J.L., Satterfield A.T. (1995). Sexual Discourse and Sexual Intercourse: How the Way We Communicate Affects the Way We Think About Sexual Coercion, in: M.J. Cody, P.J. Kalbfleisch, eds., *Gender, Power, and Communication in Human Relationships*. New York: Lawrence Erlbaum Associates, p. 141–162.
- Reisen C.A., Poppen P.J. (1995). College Women and Condom Use: Importance of Partner Relationship, *Journal of Applied Social Psychology*, N 25, p. 1485–1498.

- Remien R.H., Carballo-Dieguez A., Wagner G.J. (1995). Intimacy and Sexual Risk Behavior among Serodiscordant Male Couples, *AIDS Care*, N 7, p. 429–438.
- Rivkin-Fish M. (2005). *Women's Health in Post-Soviet Russia: The Politics of Intervention*. Bloomington: Indiana University Press.
- Rotkirch Anna (2000). *The Man Question. Loves and Lives in Late 20th century Russia*. Helsinki: University of Helsinki – Department of Social Policy.
- San Doval A., Duran R., O'Donnell L., O'Donnell C.R. (1995). Barriers to condom use in primary and nonprimary relationships among Hispanic STD clinic patients, *Hispanic Journal of Behavioral Sciences*, vol. 17, N 3, p. 385–397.
- Sibthorpe Beverly (1992). The Social Construction of Sexual Relationships as a Determinant of HIV Risk Perception and Condom Use among Injection Drug Users, *Medical Anthropology Quarterly*, N 6, p. 255–270.
- Sobo Elisa J. (1995). Finance, Romance, Social Support, and Condom Use among Impoverished Inner-City Women, *Human Organization*, N 54, p. 115–128.
- Soler H., Quadagno D., Sly D.F. (2000). Relationship Dynamics, Ethnicity and Condom Use among Low-Income Women, *Family Planning Perspectives*, vol. 32, N 2, p. 82–88, 101.
- Thevenot L. (1999). Pragmatic Regimes Governing the Engagement with the World, in: K. Knorr-Cetina, T. Schatzki, E. von Savigny, eds., *The Practice Turn in Contemporary Theory*. London: Routledge.
- Weissman G. (1991). *Prevention of HIV infection in women at risk*. Paper presented at the American Psychological Association annual meeting, San Francisco, CA.
- Williams S., Kimble D., Covell N. (1992). College Students Use Implicit Personality Theory instead of Safer Sex, *Journal of Applied Social Psychology*, N 22, p. 921–933.
- Zdravomyslova Elena, Khanzhin Andrei (2005). *Contraceptive Culture via Generations*, Paper given at the 5th Congress ESA, Helsinki.

Светлана Ярошенко
**БЕДНЫЕ ЛЮДИ:
МИР ЛЮБВИ И СЕКСУАЛЬНОСТИ**

Идея статьи возникла на конференции «Меняющаяся молодежь в меняющемся мире: невидимая повседневность», которая проходила в Тольятти летом 2005 г.¹ Одна из обсуждаемых там тем касалась нового быта и оформления приватного пространства в России под прессом рыночного реформирования.² Вещная и интимная сторона частной жизни интересовала нас не сама по себе, а с точки зрения того, в какой мере меняется к ней отношение, в том числе среди молодых людей. Исследователи отметили ряд существенных сдвигов, но апеллировали в основном к опыту городского образованного среднего класса, и для полноты картины оказался востребованным «взгляд снизу», с позиций тех, кто испытал нисходящую социальную мобильность и долгое время пребывал в бедности.

В данном тексте на основании материалов лонгитюдного исследования, проведенного среди «зарегистрированных бедных» г. Сыктывкара в 1999—2002 гг. и в 2006 г.,³ представлен анализ изменений

¹ Я признательна организаторам конференции (НИЦ «Регион», Ульяновск и ЦНСИ, Санкт-Петербург) за открытый диалог, Елесе Здравомысловой за приглашение к сотрудничеству, а моим коллегам Татьяне Лыткиной и Григорию Рябишкину — за включенные обсуждения и помощь в проведении интервью о частной жизни наших бедных горожан.

² На основании результатов текущего исследовательского проекта ЕУСПб «Сексуальные и репродуктивные практики в России: свобода и ответственность. Санкт-Петербург, начало XXI в.».

³ Исследование проводилось в рамках двух проектов. Первый — «От достойных бедных к андерклассу: практика социального исключения в условиях

в сфере интимных отношений на примере полных семей. Мы старались выяснить: как материальные лишения сказываются на мире чувств и сексуальной близости партнеров? В каком направлении трансформируется организация семей, испытывающих материальные лишения? Признаком «нового» стало распространение обменных отношений на сексуальную сферу, что проявилось прежде всего в допустимости автопомной сексуальности (секса без любви и вне брака). Домашняя экономика выживания, с одной стороны, потребовала объединить усилия партнеров в преодолении нужды, а с другой — выявила социальные пределы на пути эмоциональной и чувственной близости. Инерция гендерного разделения обязанностей в домашней сфере, «классовые» ограничения в исполнении роли основного кормильца повлекли за собой кризис семьи, невозможность компенсировать женские чувства и заботу более высокой заработной платой мужа. В ситуации экономического выживания происходит переосмысление любви и секса, их прагматизация: они включаются в решение материальных проблем в форме продолженной родительской заботы, партнерской кооперации в совместном решении повседневных проблем, но чаще всего — в форме сознательного одинокого материнства.

Исследования интимности (отношений любви/секса) предполагают апелляцию к гендерному подходу, поскольку вопросы заботы и эмоциональной поддержки, равно как организации и ведения домашнего хозяйства, обустройства семейного очага, рождения и воспитания детей традиционно концентрировали в пространстве «женского мира». По мнению Гейл Рубин, в условиях патриархата через «одомашнивание» — системный социальный аппарат, преобразующий биологическую сексуальность в социальную, — устанавливался контроль над женской сексуальностью (Рубин, 2000: 89—139). Однако выявление систем, воспроизводящих угнетение по признаку пола, будь то система производства, родства или обмена женщинами, — только часть проблемы. На наш взгляд, наиболее значимой

переходной экономики России» — касался причин постоянной бедности, осуществлен при финансовой поддержке Фонда Сороса (RSS № 1273/1999) и научном руководстве Светланы Ярошенко. Второй — «Гендерные различия стратегий занятости в России», о поведении на рынке труда, — был поддержан ИНТАС (INTAS-97-20280) и выполнен под научным руководством Сары Ашвин (Лондонская школа экономики).

и до сих пор непонятой остается природа подчинения чувственных и эмоциональных отношений рациональным структурам, воспроизводство социально уязвимой позиции тех, кто отвечает за мир любви, эмоций и чувственных желаний, наконец, исторически ограниченные возможности реализации автономной сексуальности.

Существуют различные интерпретации того, в какие исторические формы была облечена данная традиция в современном российском обществе советского и постсоветского времени. Исследователи сходятся во мнении, что сугубо утилитарная политика сексуальности, при которой мужчины и женщины были объектами государственного контроля и опеки, а также винтиками демографической машины, была интегративной частью советского гендерного порядка (см., например: Rotkirch, 2000; Здравомыслова, Тёмкина, 2002). В нем двойная ответственность женщин за обеспечение семьи и ведение домашнего хозяйства рассматривалась как составная часть семейных сексуальных отношений, нацеленных на социальное воспроизводство, создание семьи и деторождение. Социалистическая любовь, равно как и забота, были эмоциональными ресурсами полноценной советской семьи. Для обсуждения трансформации сексуальной жизни в новых структурных условиях важно обозначить несколько конвенций, достигнутых в научной дискуссии. Первая из них связана с признанием того, что советские нормы сексуальности формировались в контексте идеологии детоцентризма, гетеросексуальности, любви и счастливой семьи (Дёготь, 2000: 14). Политика умалчивания сексуальности в публичных дебатах была составной частью официального гендерного контракта (Rotkirch, 2000; Тёмкина, Роткирх, 2002). При этом советский гендерный контракт был эксклюзивно гетеросексуальным: он делегитимизировал и криминализировал гомосексуальные отношения. Крылатая фраза, произнесенная 23 апреля 1986 г. участницей первого советско-американского телемоста Л.Н. Ивановой,⁴ «в СССР секса нет» (в оригинале добавлено: «а есть любовь») вполне соответствует советской морали, согласно которой «чистая любовь» противопоставлялась «грязному сексу», аморальному и несвойственному советским гражданам, а допустимой формой реализации сексуального желания была семья. В этом смысле данная фраза была отсылкой к советским идеологическим установкам, деле-

⁴ Людмила Николаевна Иванова в 1986 г. работала администратором гостиницы «Ленинград» и состояла в Комитете советских женщин.

гитимизирующим рыночный сценарий сексуальности, а отнюдь не отсутствие самих интимных отношений.

Вторая конвенция касается разрыва между идеологией и реальностью, приобретшего системный характер в повседневных практиках позднесоветского периода, когда тенденции либерализации сексуальных отношений сказались в вынесении проблематики секса за рамки семейно-брачных отношений (Тёмкина, 2002).

Третья конвенция весьма продуктивна для понимания распространения одинокого материнства и новых форм брака в постсоветской действительности. Речь идет о кризисе советского гендерного порядка, его фрагментации и формировании новых гендерных идентичностей, образцов и правил поведения, которые делают возможными новые сексуальные практики (см., например: Тартаковская, 2005: 416).

Однако, несмотря на эти дискурсивные договоренности, остается открытым вопрос о возможных формах институционализации автономной сексуальности, свободной от репродуктивных рамок.

Исследователи отмечают, что в постсоветском обществе под влиянием структурных перемен начинается публичное обсуждение сексуальности, и постепенно она выделяется в самостоятельную сферу жизни. Анна Роткирх отмечает двойственные тенденции: с одной стороны, происходит «натурализация» сексуальности, т. е. признание в качестве естественной потребности индивидов, которая нуждается в обязательном удовлетворении, а с другой — «психологизация», т. е. понимание сексуальности как важнейшей структуры конструирования идентичности и жизненного пути индивида (Rotkirch, 2000: 282–285). Несмотря на тенденцию коммерциализации любви, превращение ее в товар в таких крайних формах, как женская проституция, в современном российском обществе сохраняется отношение к ней как интимному, глубокому, безграничному и аполитичному чувству, в отличие от секса — вызывающего, меркантильного и «западного» (Rotkirch, 2000: 290). Сохранение разрыва между любовью и сексом воспринимается исследовательницей как дань советской традиции, воспроизводство принципов социалистической любви и прежних социальных норм реализации сексуального желания.

В данной статье развивается тезис о том, что в ситуации материальных лишений любовные и сексуальные отношения встраиваются в стратегии выживания и переосмысливаются. Отношения любви

могут быть переопределены как взаимная забота супругов и совместный родительский долг. В других случаях происходит идеализация любовного чувства и вынесение его за рамки брака и повседневной сексуальной жизни. В таком мире значений любовь и сексуальность не столько превращаются в товар, сколько становятся частью жизненных стратегий и источником субъектной реализации. Контекст выживания и рассогласование между идеалом любви и реальностями семейных отношений ведут к постепенному изменению требований, предъявляемых к партнерам. Это процесс происходит в контексте преодоления советского «бесполого сексизма» (Кол, 1997) и артикуляции гендерных различий.

Цель данной статьи — проанализировать влияние «классовой позиции» бедных людей на конструирование сексуальности. Нас интересует ответ на вопрос: как возможно формирование автономной сексуальности в условиях сознаваемой и проживаемой бедности. Мы фокусируем внимание на ценностном, нормативном и «практическом» оформлении чувственных переживаний в практиках организации партнерских отношений через переосмысление значимости любви, секса, брака в условиях, отягощенных снижением жизненного уровня (материального положения), последовательной нисходящей мобильностью и консервацией бедности.

Методология

В основу статьи легли материалы лонгитюдного исследования «Гендерные различия стратегий занятости в России», проведенного в 1999–2001 гг. в четырех регионах России, в том числе в Республике Коми (Ashwin, 2006). В течение двух лет каждые полгода проводились полуформализованные интервью с 60 респондентами (30 мужчин и 30 женщин) из числа зарегистрированных бедных г. Сыктывкара.

Целевой группой исследования стали «официальные бедные» — люди, признавшие свою нужду, обратившиеся за государственной поддержкой и получившие вспомоществование.⁵ В ходе исследова-

⁵ Обращение именно к этой категории снимало отчасти проблемы идентификации бедных, активно обсуждаемые в связи с ростом невидимых доходов, сложности учета не только денежного, но и имущественного состояния.

ния мы выделили четыре группы «официальных бедных» по степени нуждаемости, определяемой на основании трех показателей социально-экономического статуса семьи: стандартов потребления, имущественной обеспеченности и качества жилья.⁶ *Исключенные* — крайне бедные, чья материальная ситуация на протяжении двух лет оставалась неизменной или ухудшалась; *выживающие* — семьи с нестабильной материальной ситуацией и явной тенденцией к ее ухудшению; *работающие бедные* — семьи с нестабильной материальной ситуацией, но с явной тенденцией к улучшению; «*состоятельные бедные*» — средняя имущественная и жилищная обеспеченность, но колебания в регистрируемых денежных доходах позволяют получать государственную поддержку. Если последние две категории являются временно бедными, то первые две можно отнести к постоянно бедным, или андерклассу. Именно из них впоследствии мы отобрали несколько человек, с которыми обсудили вопросы изменений в сексуальной сфере, что в первом исследовании детально не затрагивалось.

Нас интересовали различия в стратегиях людей, находящихся на примерно одинаковых трудовых позициях, т. е. занятых на работах, которые не позволяют обеспечивать прожиточный минимум. Особый интерес представляли ситуации восходящей мобильности и консервации бедности. В первую очередь отслеживались стратегии занятости (см. также: Прокофьева и др., 2000). В ходе исследования обнаружилось, что поиски оплачиваемой работы тесно переплетаются с другими действиями, связанными с задачами обеспечения семьи. Таким образом, отношения внутри семьи и между партнерами влетались в контекст бедности. Было очевидным влияние материальных лишений на переосмысление нормативных представлений о том, что должны делать совместно проживающие мужчины и женщины в сложных жизненных ситуациях, как выстраивать отношения между собой, распределять семейные обязанности, в том числе в сфере эмоциональной работы и сексуальных отношений.

Однако интимная сторона жизни оставалась в стороне от нашего основного исследовательского интереса. Поэтому для сопостави-

⁶ Поскольку доходные критерии при измерении бедности были малоэффективными, то в ходе данного лонгитюдного исследования применялась методика многомерного измерения социального класса семьи респондента.

мости с данными проекта «Новый быт» и исходя из фокуса данной статьи мы отобрали три типичных бедных домохозяйства⁷ и провели дополнительные интервью об их частной жизни. Первая семья — «новых бедных», «*пострадавших от рыночных реформ*». Мы их назвали «*гендерными консерваторами*». Второе домохозяйство — «*работающие бедные*», или «*гендерные реформаторы*». Третья — «*бедные по собственному желанию*», или «*гендерные революционеры*». Как мы увидим далее, первые две пары похожи в своем стремлении сохранить семейные отношения. Основным информантом в первой паре был мужчина, во второй — женщина. В этом смысле можно представить два первых случая как реконструкцию соответственно «*мужской*» и «*женской*» перспективы в совместном конструировании сексуальной и эмоциональной близости в браке. Третий случай отражает социальный контекст и причины предпочтения одинокого материнства (при возможных альтернативах).

Сексуальность в данной статье рассматривается в узком и широком смыслах (см.: Эткинд, 1993). В узком — это телесные практики, чувства, интерпретации и оценки интимной, так называемой генитальной связи. В широком смысле — это представления, ожидания, рассуждения, действия, идентичность (приписывание значений поступкам) и знания относительно взаимоотношений полов у мужчин и у женщин. Таким образом, широкое толкование включает разные интерпретации — от автономного секса до любви. В таком понимании сексуальность представляет собой структурную модель гендерных отношений в эмоциональной сфере. Она включает в себя *структуры секса* (чувственного, телесного желания), *структуры любви* (эмоциональной связи между полами), а также *структуры отношений между партнерами* (организационных форм реализации любовных и сексуальных отношений). Далее мы рассмотрим изменения, происходящие в сексуальной сфере современных бедных горожан.

⁷ Об этом мы могли судить по данным лонгитюдного исследования.

Трансформация семьи: непризнание гендерной инверсии

Семья и дети заполняют вакуум жизненного пространства, особенно когда теряешь любимую работу.

Из интервью

Наступление бедности ощутимо влияет на организацию семейных отношений. В ситуации, когда занятость обоих партнеров является необходимым условием материального достатка, потеря работы одним из них ведет к материальным лишениям всех членов семьи. Наибольшее напряжение вызывали случаи мужской безработицы при сохранении занятости женщин. Гендерная сегрегация на рынке труда сказалась, в частности, в том, что женский труд был востребован даже в условиях экономической инволюции (см.: Ярошенко, 2002а). При этом сохранялась нормативная инерция гендерного распределения обязанностей в семье, когда быт оставался женским уделом, а от мужчин требовалось лишь надлежащее исполнение долевой роли кормильца. Кризис роли кормильца (даже не монопольного) вызывает семейный гендерный конфликт (см.: Ярошенко, 2002б). Фактическое повышение женской ответственности в вопросах материального обеспечения домохозяйства требует пересмотра гендерного режима семьи.

Гражданский брак — гендерные консерваторы

Семья состоит из двух партнеров среднего возраста (оба родились в середине 1960-х гг.) и двоих несовершеннолетних детей. Сергей — бывший пилот, сейчас на пенсии, Маша — парикмахер. Продолжительность совместной жизни — почти двадцать лет. Супруги пережили кризис семейных отношений, в результате которого развелись. Причиной развода, по словам Сергея, стала его несостоятельность в роли кормильца семьи. Несмотря на развод, пара продолжает жить вместе. В семье произошла инверсия гендерных ролей. Муж занимается домашним хозяйством и ведет непрекращающийся ремонт в квартире, чтобы оправдать свой новый статус, жена зарабатывает. Гендерный консерватизм супругов заключается в том, что расторжение брака и инверсия ролей не сопровождается переосмыслением

гендерного режима в эмоциональной сфере. Любовь рассматривается как центральная структура семьи; сексуальная близость партнеров рассматривается как выполнение супружеских обязанностей, а семья осмысливается как структура, призванная обеспечить выполнение родительского долга. Несостоятельность мужа в роли «долевого кормильца» оказалась серьезным основанием для перераспределения обязанностей по дому. Это проявляется уже в осмыслении и признании такой возможности:

Конечно, считается, что семью должен содержать мужчина, но когда государство нас ставит в такие условия, то приходится приспособливаться. Это тоже часть современного вопроса эмансипации... когда женщина содержит семью, как, например, в нашей семье.

Виновником ролевой инверсии Сергей объявляет государство и рыночные реформы. Поскольку размер пенсии летчика гораздо ниже зарплаты жены, его подработки случайны и незначительны, а «мужской» работы по дому не так много, то для доказательства своей полезности ему приходится активнее «помогать жене по хозяйству». Домашняя работа становится сферой приложения мужского труда, но осваивается через внутреннее сопротивление:

Я сейчас больше домашним хозяйством занимаюсь. Иногда, правда, бутт поднимаю, только он подавляется. Он подавлен в корне!

Несмотря на то что спектр выполняемых мужем работ по дому расширяется — к стирке, готовке, уборке и покупке продуктов добавляется оплата счетов, регистрация в отделе социального обеспечения в качестве нуждающихся, и т. п., — в них по-прежнему участвует и супруга: *«Машиной обычно стираю я, а такое деликатное — она... Готовкой, наверное, одинаково, а уборкой — когда как».*

Все более значимым в рассуждениях Сергея становится «дом» как место приложения времени и сил. Свой вклад в выполнение домашней работы информант оценивает достаточно высоко. Постепенно происходит обмен ролями: *«В принципе, на мне лежит все хозяйство».* Однако легитимность такой инверсии по-прежнему низка и воспринимается обеими сторонами как вынужденная мера. Статус домохозяйки, несмотря на то что теперь эту позицию занимает мужчина, не повышается: *«Я сейчас, как бы, такое социальное положение*

занимаю... я с пацаном постоянно... Дома домохозяйкой сидеть — это лучше застрелиться!»

После развода восстановленные семейные отношения выстраиваются на дополнительных основаниях. Для оправдания присутствия в семье в роли супруга Сергей не только осваивает домашнюю работу, как это было до развода, но и интенсифицирует родительские практики: *«Практически я детьми и занимаюсь, а жена старается, чтобы больше моего влияния было»*. Этот случай показывает, что простой обмен ролями между партнерами не ведет автоматически к повышению значимости сферы заботы и не обеспечивает стабильного положения в семье тому, кто в ней преимущественно занят.

Партнерская кооперация — «гендерные реформаторы»

Второе домохозяйство — *«работающие бедные»*, или *«гендерные реформаторы»*, — состоит из двух супругов среднего возраста (оба родились в середине 1960-х гг.) и двоих несовершеннолетних сыновей. Антон — грузчик, в настоящее время безработный, Софья работает санитаркой. Они также пережили разрыв, Софья ушла к новому партнеру, но затем вернулась. В данном случае кризис отношений не завершился формальным разводом. Со временем супруги воссоединились; восстановление отношений сопровождалось их реорганизацией. Данный сценарий также ориентирован на сохранение семьи в целях воспитания детей, а в перспективе — для любви и секса ради удовольствия. «Реформизм» отношений состоит в том, что активно обсуждается возможность восстановления любви, духовной и эмоциональной близости партнеров через переопределение сфер ответственности и изменение гендерного режима семьи. Семейная организация пары «реформаторов» во многом выстраивается на основании родительства и устоявшего бытового уклада. Общий дом является центром притяжения, своим пространством:

Я сюда столько сил вложила, все сделанное здесь — мое. Там [в доме любовника] — нет. Я сюда пришла, и все: я дома, у меня душа успокоилась.

В рассуждениях Софьи «дом» представляется как женское пространство, создаваемое и поддерживаемое домашним трудом и эмоциональной заботой хозяйки. Большая часть домашней работы до

явного разлада в семье лежала на женских плечах. Прежде такое распределение обязанностей представлялось супругам справедливым и оправданным позицией мужа как основного кормильца. Реальная или потенциальная возможность более высокого заработка мужа освобождала его от большей части домашней работы:

На неделе она обычно готовит. А в субботу и воскресенье она к этому не прикасается, уже, чисто, я. Когда я не работал, мы как бы поменялись местами: я в течение недели варю, но в выходные — она.

Поначалу, когда Антон остался без работы, ничего не изменилось в семейной организации: домашние обязанности, связанные со стиркой, уборкой, а также воспитанием детей по-прежнему выполняла Софья. Однако вскоре двойная нагрузка на фоне безделья и пьянства мужа и устранения остальных домочадцев от домашних хлопот стали вызывать постоянное раздражение Софьи:

Мне стыдно перед соседями! В доме столько мужиков, а я сама выношу и вытряхиваю ковры. Мусорного ведра не вынесут, пока пальцем не ткну! Иду на работу — все приберу, уберусь. Домой прихожу — бардак! Меня это раздражает! Я начинаю орать!!

Не сразу осознается, что такой распорядок — результат воспроизводства родительского опыта, а также продукт личных усилий по устранению мужа от решения бытовых вопросов на протяжении двадцати лет совместной жизни. Изменение сложившихся устоев начинается с восстановлением семейных отношений после нескольких месяцев раздельного проживания. Пока неясно, в какой мере удастся восстановить баланс и распределить более равномерно работу по дому, однако необходимость такой кооперации и партнерских отношений не только осознана и обсуждена с мужем, но уже отчасти претворяется в жизнь.

Одинокое материнство — «гендерные революционеры»

Третья пара — «бедные по собственному желанию», или «гендерные революционеры», — молодые люди, которым нет еще тридцати лет, имеющие общего несовершеннолетнего ребенка. Прожив вместе четыре года и не выдержав испытания нуждой, партнеры расстались.

Аня вернулась в родительскую семью. Интимные отношения сменились переговорами в сфере заботы о сыне. Аня работает продавцом, Виктор зарабатывает частным извозом. Женщина формально (по документам) считается одинокой матерью, хотя регулярно и по требованию получает материальное вспомоществование от бывшего сожителя и столь же регулярно отказывается от его предложений воссоединиться. «Гендерная революционность» данной пары, на наш взгляд, заключается в том, что в ней сильнее проявляется разрыв любви, секса и брака, отказ от прежнего синкретичного гендерного семейного режима. Инициатор коренного переустройства отношений — женщина. Партнера можно назвать революционером поневоле. Если в первых двух случаях семейный кризис, связанный с бедностью, преодолевается переопределением гендерных ролей, то в третьем он заканчивается разрывом. Одинокое материнство становится относительно долговременным и наиболее приемлемым жизненным проектом женщины:

Я вообще-то мать-одиночка. В принципе, муж есть, мы не расписаны, я его выгнала. Вот сын у меня, вроде это моя семья, но живу я с родителями.⁸

Основной причиной разлада, по словам Ани, стало отсутствие стабильного заработка мужа. Доходы от частного извоза, которым он занимался, и помощь по дому и в воспитании сына Аня сочла недостаточным основанием для совместного проживания:

Он ленивым стал в плане работы. Лежал дома, не хотел работать. А что хорошего, когда мы вдвоем дома? Кто кормить будет? На этой почве и пошел конфликт.

Влияние родителей Ани, с которыми супруги проживали в то время, оказалось главным для ее решения развестись. Свою роль в разрыве сыграло также отсутствие сильной эмоциональной и чувственной привязанности между супругами. Пожалуй, в большей степени именно поэтому Аня в настоящее время не хочет восстанавливать

⁸ Представляется, что тезису о революционности противоречит то обстоятельство, что Аня живет с родителями — в расширенной семье. Это скорее частичная или фрагментарная «революционность», распространяющаяся на ее отношения с партнером. — *Примеч. ред.*

отношения и вновь жить вместе с Виктором — но уже отдельно, без родителей. Возникновение сильных чувств ставится в зависимость от встречи с идеальным мужчиной, основной характеристикой которого признается уже не надежность и хозяйственность, как в предыдущих кейсах, а властность: *«Он должен быть властным, чтобы сломить меня»*. Поскольку сама Аня признает, что шансов на такую встречу очень мало, а подтверждений тому, что *«мужчины стали слабым полом»*, находится все больше, то она предпочитает оставаться одинокой матерью.

Насколько распространены вышеприведенные типы семей, какова доминирующая тенденция, отчасти свидетельствуют «количественные» данные о семейных отношениях наших информантов. При описании мы использовали два критерия семейной организации: наличие партнера (полная или неполная семья), а также пол основного кормильца. В таблице 1 Приложения приведены данные о семейной организации в зависимости от уровня бедности.

В целом можно отметить высокую долю среди бедных неполных семей и семей, где основным кормильцем является женщина: они составляют больше половины опрошенных. Это подтверждается и доступными нам данными регистрации нуждающихся в городе Сыктывкаре за 1997—1998 гг. (табл. 2 Приложения). Перекос в сторону «женских» домохозяйств очевиден: больше половины всех семей — неполные семьи (53%). С учетом также одиноких женщин и полных семей с работающей женщиной и безработным супругом доля таких семей составила около 70% всех семей официальных бедных. Можно предположить, что сейчас с экономическим ростом положение меняется и все меньше женщины являются основными кормильцами в семье. Но события 1990-х гг. переживаются как социальная травма, которая переосмысливается и решается в тех координатах, которые мы описали выше.

Следует также подчеркнуть, что вопреки ожиданиям материальная ситуация одиноких матерей оказалась благополучней, нежели в полных семьях, где основным кормильцем является женщина. Если среди последних около половины находятся среди выживающих и постоянно бедных, то среди одиноких матерей — только треть. Наконец, необходимо обратить внимание на то, что наиболее критической оказывается материальная ситуация в неполных семьях, возглавляемых мужчинами: они составляют большинство среди постоянно бедных, и это в основном одинокие мужчины.

Таким образом, семья оказалась в эпицентре экономического кризиса. С одной стороны, потребовалось напряжение совместных усилий, а с другой — перераспределение обязанностей и переоценка вклада сторон в связи с безработицей мужчин и повышением женской ответственности за обеспечение семьи. Ригидность социальных норм по поводу распределения обязанностей в семье, низкая значимость усилий тех, кто включен в выполнение домашней работы и заботится об остальных домочадцах, провоцируют серьезный гендерный конфликт. Из трех возможных вариантов выхода из него: обмен ролями, кооперация (партнерские отношения) и одинокое материнство — последний оказался наиболее распространенным. Рассмотрим далее то, в какой мере выделенные типы семейной организации связаны с эмоциональной и чувственной близостью.

***Метаморфозы любви:
от романтики к прагматике?***

Знаешь, он надежный, он хозяйственный,
знаешь, его невозможно не любить.

Из интервью

Мы продолжим анализ изменений сексуальных отношений в современных семьях нуждающихся россиян рассуждением о любви. С одной стороны, это методический прием. «Любовь» была и остается категорией здравого смысла, облегчающей обсуждение повседневного взаимодействия между партнерами в России. Если о сексе говорить достаточно сложно в силу его неоднозначных (иногда негативных) коннотаций в российской и советской традиции, то эмоциональные (любовные) переживания оказываются наполненными значениями, и обсуждение таких чувственных отношений часто оказывается более уместным в ходе исследования. С другой стороны, рассуждения о «любви» предполагают обсуждение интимных переживаний, не всегда связанных с сексуальными практиками, а также выходящих за рамки семейно-брачных отношений. Реконструкция существующих представлений и выявление практик любовных отношений позволяют четче обозначить трансформацию непроговоренного опыта того сегмента интимной жизни позднесоветского общества, который исследователи назвали «лицемерной сексуальностью» (Zdravomyslova, 2001). Лицемерие в устройстве сексуальной жизни предполагает определен-

ный разрыв между идеологией и реальными практиками; оно, на наш взгляд, находит свое продолжение в современной постсоветской действительности.

Важно также подчеркнуть, что обращение к «любви» в данной статье — это попытка ее погружения в контекст социального оформления половых отношений. Не касаясь философской стороны этого сложного вопроса,⁹ подчеркнем, что «любовь» в нашем понимании является составной частью сексуальности, характеризующей структуры эмоциональной связи между людьми, т. е. смыслы и значения, социальные ожидания и требования, приписываемые взаимному, ответственному эмоциональному обмену, тесно связанному с интимной близостью. В таком понимании «любовь» не сводится полностью к сексу, а представляет собой самостоятельную сферу позитивных эмоциональных отношений. Рассмотрим, как любовные настроения/ощущения интимной близости партнеров вплетены в опыт материальных лишений наших информантов, вызванный переходом общества и отдельно взятой российской семьи к рыночным отношениям. Для начала обратимся к тому, какими смыслами наполняются любовные переживания в ситуации кризиса и в какой мере они связаны с пониманием происходящей трансформации партнерских отношений.

Рутинизация любви

В первом союзе, который мы условно назвали «гендерно консервативным», взаимная романтическая любовь стала основанием брака. В рассказах об интимной жизни артикулировано социальное давление и стремление оправдать общественные ожидания через создание

⁹ Отметим лишь, что продолжаем философскую традицию выделения любви в особую сферу сексуальности (см., например: Соловьёв, 1988; Платон, 2006). Любовь предстает как контекст принятия другого, не как идеала или недостижимого объекта желания, а как живого, реально существующего субъекта, со своими целями и задачами: «Любовь прямо фактически упраздняет такое несправедливое отношение, заставляя нас не в отвлеченном сознании, а во внутреннем чувстве и жизненной воле признать для себя безусловное значение другого. <...> чтобы отношение одного к другому было полным и постоянным обменом, полным и постоянным утверждением себя в другом, совершенным взаимодействием и общением» (Соловьёв, 1988).

полноценной семьи. Сегодня, спустя двадцать лет совместной жизни и испытаний на прочность рыночными реформами, эмоциональная привязанность не проговаривается, и складывается впечатление о «любви» как привычном, «нормальном» взаимодействии.

— Бывают скандалы, бывают.

— Но Вы любите ее?

— Скорее всего, да. Наверное, трудно это все объяснить...

— А она Вас?

— Иногда, кажется, прибьет меня когда-нибудь...

— Надо же!..

— Но она не любит тоже на эту тему говорить...

— Ну а Вы любите кого-то в настоящее время? Испытываете любовь?

— Я нормально к жене отношусь...

Любовь и сексуальное влечение не артикулируются в интервью без особого стимула со стороны интервьюера и не обсуждаются между супругами:

Да я не могу сказать, что [у нас]: и не любовь, и не сексуальные влечения... или просто уже... я не могу сейчас об этом. Я не думал об этом...

Зато активно и охотно Сергей рассуждает о привязанности, нежелании что-то менять, привычке. В качестве аргументов неизбежности рутинизации прежде романтических любовных переживаний приводятся примеры семейных практик родителей, друзей, соседей; делаются ссылки на повседневные тяготы и быт.

Однако быт в контексте стратегий выживания не только приводит к взаимному охлаждению партнеров, но и становится условием, скрепляющим узы: в новых условиях «проигравшие» в рыночных реформах остерегаются ломать сложившийся образ жизни. В результате одному (Сергею) проблематично встать с дивана и идти искать привлекательную суженую, а другой (Софье) — заняться длительным процессом выстраивания супружеских отношений.

Рутинизацию любви в рамках сожительства разведенных уже супругов можно было бы расценить как признак формирования семьи по модели хозяйственного союза, предполагающего объединение усилий в решении материальных проблем. Однако при ближайшем рас-

смотрении оказывается, что «понимание» достигнуто в вопросах не столько экономических, сколько в интерпретации общего родительского долга. Действительно, после развода, ставшего кульминацией кризиса семейных отношений, размышления по поводу совместного проживания все больше касались ответственности перед старшим поколением (родителями партнеров) и детьми. Основанием для сохранения союза становится забота о детях. Если раньше это было преимущественно областью женской компетенции, то теперь родительство в равной степени становится обязанностью отца и сферой, по его словам, «отнимающей жизнь». Другим аргументом в пользу трансформации (а не изживания) любви, является подчеркнутое нежелание измен. Отсутствие явного стремления к любовным связям на стороне объясняется страхом новизны, опасениями окончательного разрыва, а также взаимным контролем верности:

В принципе, проверить-то очень легко. Мы полностью друг у друга на виду. Можно посчитать: вот на работе, вот дома, в дороге столько-то. Все. Это изо дня в день повторяется.

Любовное чувство трансформируется через переосмысление оснований взаимной близости партнеров. Вместо романтической любви центром отношений становится любовь к детям. Любовь в данной паре нормализовалась через включение в новые условия прошлой практики семейной жизни. Если раньше не было осмысления связанности взаимных личных чувств с родительскими чувствами, то теперь такая интерпретация семейной любви оказывается для этой пары вполне легитимной.

Рационализация любви — гендерные реформаторы

Во второй паре, условно названной реформаторами, брак был также заключен в советское время, но глубокое взаимное чувство было замешано на большей сексуальной привязанности, экспериментах и удовольствии. Будущий муж описывается как внимательный и нежный, стремящийся учесть желания возлюбленной, которая отвечала ему взаимностью. До сих пор подчеркивается, что на ранней стадии отношений ощущения близости были обоюдными, интимными и весьма телесными. И все же они не устояли перед натиском экономической трансформации.

Любовные переживания описываются нашими информантами как прошедший опыт, превратившийся в иные формы близких отношений, больше похожих на уважение или заботу:

Главное сейчас — уважение друг к другу. Любви у нас уже не будет, я на нее не рассчитываю. Да и сама не могу сказать, что испытываю те чувства, которые испытывала, — куда все это делось. Ведь такая любовь была! Сейчас мы договорились уважать друг друга. Мы все за молодостью тянемся, а уже стареем, так что не до любви, так теплые отношения, уважение.

Причиной охлаждения является не только длительность совместного проживания. По словам информантки, любовь разрушена депрессией и пьянством супруга, которые сопровождали кризис роли кормильца. Со стороны жены такая реакция не находила оправдания:

Да я знаю, что он бесится, когда я ухожу. Но почему я должна сидеть возле него?! Я ему также предлагаю пойти на лыжах, в бассейн. Он — ни за что!

Будучи лидером в решении стратегических и прочих семейных вопросов, долгое время создававшая семейный очаг по собственному, как ей казалось, разумению, Софья не видела смысла в попытках преодолеть семейный разлад: «Нет сил бороться за отношения! Да и не хочу!» Более того, она не осознавала, что источник семейного кризиса не только во вне, но и внутри семьи: в сетке сложившихся отношений, в жестком разделении обязанностей. В результате дистанция между супругами усиливалась, что проявлялось в разных формах. Сначала перестали приносить удовлетворение интимные отношения, а затем вовсе пропало желание близости: «Потом наши отношения еще больше испортились. Я его вообще не хотела, смотреть не могла. Какой там секс!» Наконец супруги перестали общаться: «Раньше мы разговаривали, обсуждали. Сейчас он сидит, молчит, что-то шифрует». Кульминацией кризиса стал семейный скандал, после которого жене вместе с детьми пришлось уйти к матери.

В течение нескольких месяцев супруги жили раздельно, а потом, после настойчивых просьб мужа, решили воссоединиться. Стремление Антона сохранить семью, общественное мнение и, как в предыдущем случае, любовь к детям становятся стимулами к возвращению:

Если бы он не приходил, если бы не беспокоил, мне было бы легче: нет его и нет, можно заново строить жизнь, а так — разрываешься. Все эти месяцы я была в полной депрессии. Я могла заплакать просто из-за ничего. У меня настроение менялось каждые пять минут. Мне было очень тяжело. Мне звонят знакомые, спрашивают про него. У детей спрашивают: как папа? Понимаешь, мне стало важно, чтобы у детей был папа. Не дядя, а папа.

И все же причиной восстановления отношений было не столько «продолженное родительство» и социальное давление, как в первом случае, сколько прошлый опыт интимных отношений. Об этом убедительно свидетельствует история измены — попытки начать новую интимную жизнь, предпринятой Софьей:

Все эти месяцы дома практически не бывала, дети сами по себе... Я встречалась с мужчиной. С таким мужчиной, которого хотела бы видеть рядом с собой. Я приходила к нему домой. Я ничего не делала. Он ухаживал за мной... Я утром просыпалась, он — завтрак в постель. Он хотел делать мне приятное: цветы, подарки — вот просто так. Ему хотелось сделать мне приятное, чтобы мне было хорошо. Хозяйственный. Сам пироги пек. Я бы с ним никаких проблем не знала... Я, конечно, многое потеряла, вернувшись сюда.

Любовник казался воплощенной добродетелью и пределом женских мечтаний: «Он надежный, он хозяйственный. Знаешь, его невозможно не любить». Между тем выбор делается в пользу прежнего супруга, поскольку «с последним мужчиной мне нравилось чувствовать, что он меня любит, что он мною наслаждается. Но когда мы [с мужем] любили друг друга, эти чувства тоже были, только еще обратные с моей стороны. Мне с ним нравилось заниматься любовью». Память о большой любви и страстных отношениях была, пожалуй, решающим мотивом возвращения в лоно прежней семьи. Опираясь на эмоциональный капитал воспоминаний, супруги пытаются выработать новые практики отношений. Крайне важным становится «практическое проявление чувств» на новой фазе отношений:

Значит, он хочет, чтоб я вернулась, говорит, что любит, а делать ничего не хочет... Он ничего не хочет сделать ради того, чтоб я вернулась, одни слова. Надо поступками показать, что ты хочешь что-то в жизни изменить, что ты любишь.

Таким образом, признаком любви становятся отнюдь не сексуальные желания или вербальные заверения, а стремление измениться, стать нужным и реальные шаги в этом направлении.

Чувства облакаются в социальную материю практического действия:

Я считаю, что я неправильно себя вела [а именно]: он пьет — ну и пусть пьет, а я гулять — по друзьям, назло. А он назло мне пьет. Он пьет — я гуляю. Он еще больше пьет, я еще больше гуляю... Я себя сейчас иначе веду, мягче. Разговариваю с ним. Общаюсь. Встречаю его... Я изменила отношения. Мы теперь по магазинам ходим вместе, чтоб он не думал, что я гуляю. Все в детскую комнату надо купить, люстру, все идем и смотрим, выбираем, не одной мне это нужно. И одной ходить больше не нужно... Я, например, стараюсь теперь посуду не мыть. Я приготовила — они пусть посуду моют.

Потребность практического выражения любви предполагает изменения семейного уклада: ориентацию на переговоры, обмен ответственностью и более равномерное распределение домашних обязанностей. Такая «практичная» любовь замещана на сильных чувствах в прошлом, которые не только не распадаются с изменами, но и становятся источником формирования нового партнерского проекта.

Если в этой паре трансформация семейных отношений становится возможной благодаря воспоминанию о сильной любви, то в следующем примере идеализированное воспоминание об этом чувстве становится контекстом развода, разрыва и одинокого материнства.

Идеализация любви

В отличие от предыдущих случаев в данном примере постоянно артикулируется связь эмоциональных перемен с семейно-ролевыми предписаниями партнеров. Если сначала любовь обуславливается соответствием партнера определенным ожиданиям, то после их краха — предпочтением личных интересов и поискам идеального супруга.

Женщина выстраивает свое отношение к партнеру на основании оценки его состоятельности и надежности в выполнении традиционной мужской роли — защитника и кормильца семьи:

Как получилось-то? Сначала покатал меня на иномарке, он у нас водителем в кафе был, он меня постарше, ничего такой показался. Ни-

кого в тот момент не было у меня, ну и стали жить. Снимали нам родители одно время квартиру, вернее, комнату. Ничего жили, только он не работал, в кафе сократили, тьюфак какой-то, я таких не уважаю и не люблю!

Ролевая несостоятельность партнера и также ригидность гендерных взглядов молодой женщины ведут к разрыву и корректировке представления о взаимодействии полов.

Любовь в рассуждениях информантки все больше помещается в смысловое пространство обменных отношений, где каждая из сторон могла бы внести свой вклад. При этом вполне возможным для женщины Аня считает статус домохозяйки или содержанки:

Я бы жила и на работу бы с удовольствием не ходила, только это не понять. Несбыточно, так что и говорить! А так мужик бы деньги зарабатывал, а я тратила [смеется]. Самое верное распределение обязанностей. Лишь бы давал побольше. А если мужик при деньгах, муж или не муж, это неважно, то там механика простая: ты ему «дашь», а он тебе денег даст. И все нормально.

Однако применение товарно-денежных отношений к миру чувств ставится под сомнение существующим гендерным порядком, ориентацией на встречу с идеальным партнером. Осмысление собственной ситуации и опыта подруг убеждает рассказчицу, что экономическая независимость и повышение личного потенциала более надежны, чем стратегии домохозяйки:

А подруга моя сначала тоже в «Карлсоне» [кафе] работала, но совсем недолго. Она нашла себе богатенького-женатенького: с ним все эти годы живет, в смысле, он ей жилье снимает и обеспечивает, она и не работает, и не учится. Я ей говорю, что я с ее «бабками» уже давно бы увидела в Москву учиться... Надо пользоваться, пока он ее не бросит. А то просто дома сидит.

Несмотря на материальные лишения, попытку использовать сексуальную привлекательность в качестве ресурса и коммерциализацию сексуальных отношений, деньги и материальная состоятельность не считаются главными условиями возникновения любовного чувства:

Деньги не так важны. С ними не жить. С папой Женькиным они свою роль уже сыграли, и свели, и развели, больше не хочу. Жить — это надолго. Сейчас за деньги замуж не хочу. А совпадет — хорошо.

Взаимная любовь, основанная на эмоциональной близости и сексуальном влечении, наполняется смыслом исключительной и желанной ситуации. Она по-прежнему обуславливает возможность заключения брака, а в случае невозможности найти идеального партнера — одинокого материнства:

Я уже по-другому с ним и не смогу. Я на него смотрю не как на мужчину, а как на друга. У меня с мужчинами вообще почему-то больше дружеские отношения получаются, чем любовные. Так что — не хочу ничего.

Таким образом, любовь бедных людей предполагает две разнонаправленные и в то же время взаимосвязанные тенденции. С одной стороны, мы наблюдаем демистификацию любви и производство эмоциональной близости через практическое взаимодействие в бытовом выживании. С другой — ожидание «большой любви». На одном полюсе — «любовь» как практически реализуемое чувство, создаваемое через переговоры, взаимную заботу и уважение. На другом — «любовь» как идеал эмоционального единения. В этом смысловом пространстве есть место реализации властных отношений, предполагающих извлечение прибыли за счет партнера. Бедность и несостоятельность роли мужчины-кормильца делают гендерное неравенство видимым и открывают возможности трансформации отношений в условиях переопределения любовного чувства. Восстановление эмоциональной связи партнеров становится возможным в смысловом поле родительства и экономики быта.

Трансформация желания: от стыдливой сексуальности к удовольствию?

Если категория любви лучше описывает состояние душевной или эмоциональной близости, выстраиваемой между полами, то понятие сексуальности точнее характеризует телесную близость, пространство желания и удовольствия. В известной степени это упрощение.

Такое грубое деление весьма условно и также может быть расценено как аналитический прием.

Рассмотрим, как в отобранных для анализа парах артикулируются, обсуждаются и реализуются сексуальные желания. Есть ли в сексуальной жизни бедных людей место гедонизму?

Супружеский долг

В паре «консерваторов», где произошел обмен ролями, а любовь связывается с родительскими чувствами, особенно ярко проявились поколенческие особенности отношения к сексу. Нежелание говорить на эту тему, зоны умолчания и стыдливость в обсуждении были очевидными. Поскольку основным информантом в этой паре был мужчина, то ниже реконструирован «мужской» взгляд на сексуальные отношения.

Наши информанты в возрасте «за сорок» обсуждают сексуальность в контексте изменения своего материального и семейного положения. Они вписывают рассказы о сексуальности в контекст характерных для них сегодня ролей «домохозяек» или, в худшем случае, одиноких людей, остро осознающих нынешний этап жизненного цикла как возраст личностного кризиса и упадка сил. «Желание» вытесняется в плоскость супружеской ответственности. Информанты активно обсуждают сексуальную жизнь своих детей. Но и здесь очень много от прошлого опыта: неумение говорить на эти темы, табу на обсуждение сексуального удовольствия, описываемого в категориях физиологии с маркерами моральной распушенности и временности.

Телесность воспринимается через призму ограничений собственного возраста: «Я был доволен собой в молодости, а теперь животик, опущение желудка, складки...» При худощавой наружности такие объяснения выглядят сомнительными. Оказывается, об этом говорит жена, об этом свидетельствует и зеркало. Изменить что-то в своей внешности не считается возможным. Считается, что любовь и сексуальное влечение уходят с возрастом (пропадает через пять-семь лет — это «научно доказанный факт»), но остается привязанность к супруге, сексуальная привычка. В пример приводятся семейные практики родителей, проявляющих нежность и внимание друг к другу. В подтверждение приводится множество ссылок на экспертное знание, транслируемое средствами массовой информации, на опыт друзей и знакомых, а также осмысление собственного опыта.

Несостоятельность в роли кормильца и последовавший за ним развод лишают мужчину права на инициирование сексуальных отношений:

— У нас ничего не изменилось. В смысле, когда она захочет, тогда и приходит ко мне.

— А если Вы захотите?

— Ну, мне палец приходится кусать.

Для усиления своей значимости и компенсации утраченной с потерей работы статусной и сексуальной привлекательности активно используется отцовский потенциал (ресурс):

У меня теперь жесткий график — у нас три дня в неделю занятия в компьютерном классе, потом тэквандо, мне очень сложно найти свободное время.

Нормализация любви в форме продолженного родительства сочетается с сексом по обязанности, что описывается как широко распространенный опыт:

Это везде причем, во всех семьях. Это, насколько я знаю, ну, я, как бы, общался с мужиками: секс, он уже превращается, как бы... с возрастом он уже... в рутину превращается.

Современные сексуальные практики познаются и признаются на основе знания об опыте собственных детей. Информанты отмечают более раннее начало сексуальной жизни, характерное для молодого поколения (12—13 лет), иное отношение к романтическим ухаживаниям, совмещенное с возможностью плотских (интимных) отношений («только познакомились, а уже сразу в ларек за презервативами»). С другой стороны, собственный сексуальный опыт противопоставляется новым и молодежным сексуальным практикам («уже не могу так, как раньше»), эксперименты исключены («жена у меня консервативна в этих вопросах»).

Снижение социального статуса партнера сопровождается тем, что он воспринимает сексуальные отношения с женой как часть мужской семейной обязанности. Примечательно, что отлучение от секса после развода он воспринял как наказание за свою несостоятельность в роли кормильца. Несмотря на романтизацию любви, характерную

для представителей этого поколения, при обсуждении сексуальных отношений лейтмотивом является их смысловая связь с карьерой и успехом, с возможностью зарабатывать деньги, быть нужным семье. Вопреки моральному неприятию таких обменных отношений, практика подводит к необходимости следовать их логике.

В поисках утраченного удовольствия

Во втором случае, в семье «реформаторов», где основной информанткой была женщина, в результате кризиса семейных отношений не только артикулируется отсутствие сексуального удовольствия, но и прекращаются интимные отношения между партнерами. Правда, данная ситуация рассматривается как временная, которую в перспективе с устройством партнерских семейных отношений и практических доказательств любви можно преодолеть. Тем более что постоянно подчеркивается важность и значимость телесного удовольствия, интимной близости.

В качестве доказательств тому приводится прошлый опыт, когда сексуальным отношениям уделялось большое внимание: *«Раньше мы целыми часами занимались сексом, везде, где могли»*. Рассуждения о сексуальном удовольствии тесно увязаны с тем, что Антон стремился удовлетворить сексуальные чувства подруги. Более того, сексуальная привлекательность партнера усиливалась представлениями о его надежности как потенциального супруга и отца. Не было опасений, что добрачная интимная близость и возможная беременность настроят партнера против нее, помешают созданию семьи и приведут к разрыву. Софья была уверена, что Антон ее не оставит одну с ребенком на руках, будет обеспечивать и, что немаловажно, сохранит чувства любви и привязанности.

Радикальные изменения произошли вместе с материальными трудностями в семье. Сначала было утрачена уверенность в «надежности» партнера в экономической роли как основного кормильца, затем — в сексуальном поведении как чуткого любовника, а вместе с этим пропало желание близости.

Попытки организовать сексуальную жизнь за пределами брака привели к открытию:

Ты знаешь, я узнала, что во время секса люди разговаривают. Общаются. У нас с [мужем] какой бы секс ни был: мы любили друг друга,

ласкали, — но всегда молча. Того, что [у меня] было с ним раньше, наверно, тоже уже не будет. Посмотрим.

Однако разговор и рефлексия во время секса не считается значимой, более ценится общность телесных ощущений и удовольствия без обсуждений:

С последним мужчиной мне нравилось чувствовать, что он меня любит, что он мною наслаждается. Но когда мы с Антоном любили друг друга, эти чувства тоже были, только еще были обратные с моей стороны. Мне с ним нравилось заниматься любовью.

Восстановление близости считается возможным благодаря чувственной памяти тела и как неотъемлемая часть по-новому организованной совместной жизни. При восстановлении сексуальных отношений учитывается отцовская роль партнера, но еще более — возможность совместной реализации домашней заботы в разных ее формах. Обсуждение близости считается важным, но регламентируется сокрытием опыта, приобретенного в любовных отношениях с другим мужчиной. Возможность получения удовольствия видится через партнерские отношения и через признание интересов мужа: *«Я постараюсь, чтобы все было хорошо. Главное — теплое отношение, уважение. Для меня это сейчас самое важное».*

Автономная женская сексуальность

В третьей паре «революционеров», расставшихся по инициативе женщины, отдавшей предпочтение роли одинокой матери, сексуальные отношения также существенно обусловлены социальными условиями. Знание техник, эксперименты и вариативная реализация желания не согласуются с трудностями повседневной жизни, с осознанной необходимостью ежедневного совместного решения бытовых проблем. Сложность сочетания сексуального гедонизма и опыта выживания ведет к автономизации секса, вынесению его за рамки брака и семьи:

Он работает теперь, деньги есть. Все хочет, чтобы мы вместе опять жили. И родители к этому подталкивают, но я уже раз на деньги позарилась. А потом, когда он потерял работу, — все разладилось,

те же родители нас и развели, а теперь опять. А он знает, что у меня есть кавалер, и второй появился, и говорит: «Вот пусть они тебя и кормят!» Но жить вместе все равно зовет, но мне этого не надо.

Одинокая женщина сознательно выбирает внебрачный секс. И все же новые знакомства и сексуальные увлечения не приносят удовлетворения:

Ну, есть у меня друг, с которым я живу как с мужчиной. Но он приходит раз в месяц. Меня это не устраивает. Не хочу. Чем дольше его нет, тем я к нему все холоднее и холоднее.

Информантка считает, что глубокое сексуальное удовольствие можно получить только в разделенной повседневности. Однако также сознается, что реальных возможностей достижения такого идеала немного. Поэтому такой сценарий рассматривается как сказка или желанная, но недостижимая мечта:

А вообще-то о мужчинах даже не думаю сейчас как о жизни. Так, встречаться иногда, время провести можно. А серьезно... Не хочу, может, надо отдохнуть, или встретить какого-то особенного...

Таким образом, сексуальные желания в первом случае подавляются и мало связаны с получением обоюдного удовольствия, во втором — рассматриваются как возможная перспектива, а в третьем реализуется практика секса без любви.

Заключение

Бедность и стратегии выживания изменили организацию семейных отношений, оказали влияние на мир любовных чувств и сексуальные практики. Любовь как чувство эмоциональной привязанности и близости, выстраиваемое часто на телесных практиках без их обсуждения, трансформируется в заботу о детях, в привычку, в поддержание быта. При осмыслении любви в категориях родительской заботы, взаимной поддержки, жалости или домашней экономики проявляется стремление к эмоциональному обмену, к пониманию и установлению новых правил гендерного взаимодействия. В данном контексте сексуальность молодых отделяется от брака и зачастую коммерциали-

зируется. В бедных семейных парах с большим стажем сексуальная близость рутинизируется или становится супружеским долгом. Сексуальные отношения выстраиваются как изоморфные разделению ролей в семье. Сексуальная привлекательность партнера и его право на сексуальную инициативу прямо пропорциональны его возможности выполнять предписанную семейную роль.

Вынужденное нарушение гендерных норм, сохранившихся с советского времени, ярко обозначило возникшую дистанцию между браком, сексуальностью и любовью. Разрыв между прежними требованиями и условиями выживания становится все видимее. Женщины особенно отчетливо проявляют недовольство инерционностью мужей в стратегиях выживания и их неспособностью соответствовать гендерной роли. Недовольство наглядно проявляется в характеристиках мужей и сожителей:

Тюфяк. За себя постоять не умеет, тем более что за семью. Не может свое «я» отстоять. И у матери такие же мужики (ж., 27 лет).

Он пил, надежды никакой не было, а хотелось надежного мужчину, надежные отношения, а я не была уверена (ж., 39 лет).

Данные эпитеты не создают позитивных образов. Тем не менее смеем утверждать, что это не только знак кризиса, но и стимул для переосмысления возможностей любви в сложных экономических и семейных условиях, а также смысла совместного проживания.

Прежние основания близости оказались сильно подорванными сначала несостоятельностью мужчин в роли кормильцев, а затем и в качестве сексуальных партнеров. Все чаще *любовь* осмысливается как трудно достижимое, но желанное чувство.

По-прежнему, «доверие», «надежность» и «уверенность» в партнере важны для жен, а «внешняя привлекательность» и «домовитость» — для мужей. Однако теперь эти качества воспринимаются как труднодостижимая мечта:

Богатые [женщины] пристроены и не хотят ни с кем жить. Предпочитают жить одни. Эти не очень хотят. А другие, есть некоторые, очень бы хотели, только я не хочу. Толку от этого никакого... Дети уже у всех. Их надо кормить, поднимать... А вообще женщин жалко: мужчины толком их не любят. Они не могут их обеспечить, ничего. Женщина вынуждена постоянно что-то ждать от мужика, тут еще дети

сопливые бегают, постоянно кушать хотят. А он что — он работу найти не может, а найдет, ему не платят... Женщина есть женщина. Для того чтобы ее любить, ей надо что-то давать (м., 48 лет).

Еще менее достижимым идеалом является для бедных коммерческое партнерство, когда сексуальность, подобно ресурсу, используется для продвижения по служебной лестнице, или как путь к материальному благополучию. Только в сказках любовь не знает границ и Золушка может встретить своего принца. Материальная нужда ставит социальные и гендерные пределы субъектной реализации, безусловному принятию другого и «полному, постоянному обмену» чувствами (Соловьёв, 1988), а значит, и адекватной оценке эмоционального ресурса. Любовь, сексуальное желание без рефлексии и понимания становятся неоправданными. И все же унаследованная от советского гендерного порядка позиция в семье наделяет женщину властью, которая не ослабевает в условиях выживания.

Кризис семейных отношений, представления о неполноценности секса без любви заставляют реорганизовывать гендерный уклад семьи. Субъектный потенциал женщины активно используется в конструировании новых смыслов, значений и отношений в пространстве любви, секса, семьи. Под ее давлением и с помощью ее усилий возможно изменение гендерного семейного уклада. На этом фоне представления о семейных ролях начинают меняться в сторону эгалитарности.

Литература

- Дёготь Е. (2000). От товара к товарищу. К эстетике нерыночного предмета, в кн.: Е. Дёготь, Ю. Демиденко, ред., *Память тела. Нижнее белье советской эпохи. Каталог выставки*. М.: Немецкий культурный центр им. Гёте, с. 8–19.
- Здравомыслова Е., Тёмкина А., ред. (2002). *В поисках сексуальности. Сборник статей*. СПб.: Дмитрий Буланин.
- Коп И. (1997). *Сексуальная культура в России: Клубничка на березке*. М.: ОГИ.
- Платон (2006). Федр, в кн: Платон. *Избранные диалоги*. М.: АСТ, с. 195–254.
- Прокофьева Л.М. и др. (2000). Феминизация бедности в России: Макроэкономический анализ феминизации бедности в России, в кн.: *Сборник докладов, подготовленных для Всемирного банка*. М.: Весь мир.

- Рубин Г. (2000). Обмен женщинами, в кн.: Е. Здравомыслова, А. Тёмкина, ред., *Хрестоматия феминистских текстов*. СПб.: Дмитрий Буланин.
- Соловьёв В. (1988). Смысл любви, в кн.: Соловьёв В. *Сочинения*, т. 2. М.: Мысль.
- Тартаковская И. (2005). Социальное положение женщин и мужчин: гендерные проблемы постсоветской России, в кн.: В.А. Ядов, ред., *Социальные трансформации в России: Теории, практики, сравнительный анализ*. М.: Флинта, с. 391–420.
- Тёмкина А. (2002). Сценарии сексуальности и гендерные различия, в кн.: Е. Здравомыслова, А. Тёмкина, ред., *В поисках сексуальности. Сборник статей*. СПб.: Дмитрий Буланин, с. 247–286.
- Тёмкина А. (2004). Половая жизнь в позднесоветском браке, в кн.: С. Ушакин, ред., *Семейные узы: модели для сборки*. Кн. 2. М.: НЛО, с. 515–547.
- Тёмкина А., Роткирх А. (2002). Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России, *Социс*, № 11, с. 4–15.
- Эткинд А. (1993). *Эрос невозможного. История психоанализа в России*. СПб.: МДУЗА.
- Ярошенко С. (2002а). Женская занятость в условиях гендерного и социального исключения, *Социологический журнал*, № 3, с. 137–150.
- Ярошенко С. (2002б). Кризис семьи и сексуальности: бедность без любви в семьях нуждающихся, в кн.: Е. Здравомыслова, А. Тёмкина, ред., *В поисках сексуальности. Сборник статей*. СПб.: Дмитрий Буланин, с. 172–196.
- Ashwin S., ed. (2006). *Adapting to Russia's new labour market*. London: Routledge.
- Rotkirch A. (2000). *The Man Question. Loves and Lives in Late 20th century Russia*. University of Helsinki.
- Zdravomyslova E. (2001). Hypocritical Sexuality, in: S. Webber, I. Liikanen, eds., *Education and Civic Culture in Post-Communist Countries*. Palgrave, p. 142–150.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1

Семейный и гендерный профиль нуждаемости, чел.

Наличие пары	Категория				Всего
	Крайне бедные	Выживающие	Работающие бедные	Состоятельные бедные	
Без пары	4	6	6	3	19
– возглавляемые мужчинами	4	2	2	0	8
– возглавляемые женщинами	0	4	4	3	11
В паре	1	7	11	12	31
– мужчина-кормилец	0	0	10	5	15
– женщина-кормилец	1	7	1	7	16
Всего	5	13	17	15	50
Из них мужчин	4	2	12	5	23
Из них женщин	1	11	5	10	27

Рассчитано по данным лонгитюдного исследования среди зарегистрированных бедных, проведенного в 1999–2001 гг.

Таблица 2

Гендерный профиль ответственного за обеспечение в нуждающихся городских семьях

Тип семьи	Численность	Доля, %
Одинокие женщины	566	8.0
Одинокие мужчины	179	2.5
Одинокие матери	3751	52.9
Одинокие отцы	119	1.7
Супружеская пара, возглавляемая запятой женщиной	483	6.8
Супружеская пара, возглавляемая запятым мужчиной	460	6.5
Супружеская пара со взаимной ответственностью (занятостью)	1052	14.8
Супружеская пара со взаимной безответственностью (пезанятостью)	318	4.5
Отсутствует информация о занятости	160	2,3
Всего	6928	100

Источник: база данных регистрации нуждающихся семей Министерства по социальным вопросам Республики Коми за 1998–1999 гг.

Анна-Мария Исола

**НЕБЛАГОПОЛУЧНЫЕ СЕМЬИ:
РИТОРИКА РОССИЙСКОЙ
ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ**

Российская статистика фиксирует устойчивый спад численности населения, особенно заметный после распада Советского Союза (Глезер, Полян, 2005: 771–775). В настоящее время российская демографическая ситуация характеризуется высоким уровнем смертности, характерным для развивающихся стран, и низким уровнем рождаемости, характерным для индустриальных обществ. Сокращение численности населения произошло в России позже, чем в странах Западной Европы, но было гораздо более резким (Zakharov, 1999; Lallukka, 2003). Снижение численности населения вызвало сильную озабоченность проблемами рождаемости на федеральном уровне, среди представителей неправительственных организаций, а также обычных людей. Данная статья анализирует, как власти артикулируют эту общую тревогу в отношении рождаемости и семьи и в особенности как риторика демографической политики сплетается с риторикой в отношении социального расслоения.

**Демографический контекст
и материалы исследования**

Глубокий анализ тенденции рождаемости в России и государственной реакции на изменение численности населения представлен в обобщающем труде российских демографов Иванова, Вишневого и Захарова (Вишневский, 2006а; Ivanov et al., 2006). Идеальная картина коммунистического общества предполагала высокий уровень

рождаемости. Такое видение основывалось на представлении, что в благоприятных условиях будущего пролетарского государства все дети будут желанны. В советской России быстрый рост населения произошел в 1920-х гг., затем его численность пошла на спад сначала в 1930-х и позже, в 1970-х, когда российских политиков все больше стало волновать падение рождаемости. В середине 1930-х гг. была проведена реформа семейной политики и установлена система субсидий, поддерживающая материнство (например, льготы и пособия для многодетных матерей). Кроме того, государство проводило политику ограничений и запретов. Так, например, аборт был законодательно запрещен с 1936 по 1955 г., а процедура развода была затруднена.

В послесталинский период рост населения стимулировался в основном за счет социальной и идеологической поддержки. Исследователи определяют демографическую политику 1970-х гг. как «политику рождаемости», поскольку она имела ярко выраженный пронаталистский характер. В 1980-х гг. уровень рождаемости действительно возрос на 20% во всех возрастных группах, но он отражал изменения в календаре рождений, а не общий рост темпов рождаемости. Последний период снижения уровня рождаемости в России начался в 1988 г. (Росстат, 2004).

Сочетание высокого уровня смертности и низкой рождаемости в России описывается в публичном дискурсе в категориях «демографического кризиса» или даже более драматично — «демографической катастрофы». Численность российского населения в настоящее время снижается на 700 000 человек в год (Демографический ежегодник..., 2006: 20). В настоящее время уровень рождаемости в России сопоставим с показателями стран Восточной и Южной Европы и является одним из самых низких в мире. В 2003 г. суммарный коэффициент рождаемости в России составил 1,32 рождений на женщину, в 2004 г. он незначительно увеличился до 1,34 (Росстат, 2004). С середины 2005 г. до середины 2006-го средний уровень доходов в российских семьях вырос, однако это экономическое улучшение не могло еще повлиять на размер семьи (Социальное положение..., 2006: 111).

Федеральные власти энергично приступили к разработке политических программ по повышению рождаемости. 10 мая 2006 г. президент Путин в ежегодном Послании предложил новую национальную программу, ориентированную на улучшение мер семейной политики

и повышение семейных пособий (Послание Путина; Rotkirch, et al., 2007). В начале 2007 г. эта программа была принята российской Государственной думой.

В данной статье я исследую дискурсы, производимые институтами и федеральными властями и представленные в документах, касающихся социальной и семейной политики и рождаемости. Какие категории семей дискурсивно выделяются и по каким критериям? Какие модели семьи предлагаются российским гражданам в этих документах? Какие из этих моделей презентуются как идеальные или нормативные? Поскольку идеальная семья всегда определяется через противопоставление с нежеланными типами семей, я уделяю особенное внимание тому, каким образом конструируется категория неблагополучной семьи. Далее я выясню, каким образом пересекается риторика рождаемости и дискурс неблагополучной семьи. Таким образом, я рассматриваю официальную дискуссию о рождаемости именно в сочетании с обсуждением положения семей. Я рассматриваю неблагополучные и многодетные семьи как пример, иллюстрирующий амбивалентную цель российской демографической политики.

Материалами исследования являются документы федеральных и муниципальных структур (на уровне администрации Санкт-Петербурга). Темы миграции и смертности исключены из анализа, поскольку они напрямую не связаны с моими исследовательскими задачами.

Эмпирические данные состоят из программ и официальных документов, связанных с демографической политикой, принятых и опубликованных в период с 1995 по 2005 г. как на федеральном уровне, так и на уровне администрации Санкт-Петербурга. Данные тексты включают в себя действующие программы в области демографической политики, а также официальные документы, касающиеся текущей демографической ситуации в России, и которые, в частности, одной из первоочередных задач считают повышение рождаемости. Ко вторичным материалам относятся речь президента Путина 2006 г., стенограмма круглого стола, посвященного вопросам семейной политики, проходившего в том же году в российской Госдуме, и экспертные интервью, проведенные мной весной того же года. В качестве материалов для анализа я также использовала работы российских демографов. Список официальных документов, ставших предметом анализа, представлен в конце статьи в качестве приложения.

О методе анализа документов

Поскольку демографический кризис в России явно артикулирован, государственные акторы нацелены на то, чтобы с помощью демографической политики повлиять на индивидуальные решения в сфере деторождения. Демографическая политика определяется как комбинация намерений и мер, нацеленных на содействие росту численности населения. Такие меры могут иметь влияние на показатели рождаемости, смертности, миграции и численность браков. Политика компромиссов в этой сфере отражает господствующие идеологические тенденции в обществах. Эти тенденции, в свою очередь, находят отражение в публичных дебатах о росте численности населения и уровня рождаемости (King, 2002). С точки зрения государства, целью демографической политики является повышение численности населения. Однако перспектива простых граждан отличается от государственной. Граждане принимают решения, основываясь на своих собственных предпочтениях или аргументах своих сверстников и родственников.¹ Кроме того, культурные и религиозные традиции конструируют образ идеальной семьи, характерный для того или иного общества.

В подготовке документов, которые я анализировала, принимали участие представители министерств социального развития, здравоохранения, труда и образования. Программы и документы составлялись в сотрудничестве с российскими научно-исследовательскими институтами, которые зачастую не упоминаются. Ссылки на научные исследования носят безличный анонимный характер. Мнения экспертов предваряются оборотами вроде «специальные исследования показывают...».

Я проводила двухуровневый анализ. Сначала я рассматривала тексты, созданные на федеральном уровне, включая речь Путина, так как я предполагаю, что они задают общую рамку для общенационального осмысления демографической ситуации. Затем я проанализировала программы администрации Санкт-Петербурга. Я исследую и федеральные, и региональные документы, чтобы определить, выбирает ли Санкт-Петербург собственный подход для решения проблем снижения численности населения.

¹ См. статью Анны Роткирх и Кати Кессели «Деторождение и его место в жизненном цикле петербургских женщин» в этом сборнике.

Жанр исследуемых материалов — это язык официальных документов, который представляет типичный жаргон государственных акторов. Подобные документы и программы соответствуют социальным правилам и практикам, принятым в административных структурах (Heikkinen, 2000: 67). Многие специалисты внесли определенный вклад в создание этих текстов, комментируя их и участвуя в процессе написания. Это означает, что язык документов и программ хорошо продуман во избежание возможных несоответствий и умалчиваний; этот факт должен учитываться исследователем, работающим с данным корпусом документов. Более того, язык представителей власти и специалистов многофункционален и интертекстуален (Hiidenmaa, 2000: 39). Понятие «интертекстуальность» включает аллюзии и цитаты из других текстов, а также присутствие одного текста в другом. Таким образом, политические тексты, созданные властями, включают большое количество ссылок на другие документы. Подобная взаимосвязь и ассимиляция текстов обнаруживается и в моих материалах. Соответствующие друг другу (конгруэнтные) элементы встречаются во всех документах. Это также означает, что тексты дискутируют и даже сливаются друг с другом не только по формальным критериям, но и на уровне идей. Так, например, федеральные документы задают сильные импульсы и формулируют рекомендации для демографической политики. В региональной демографической программе, принятой в Санкт-Петербурге, встречаются те же акценты, но к ним добавляются практические предложения по улучшению демографической ситуации, в частности по повышению уровня рождаемости.

К некоторым типичным чертам языка, используемого властями, относятся следующие: именование явлений (*демографический кризис*), распространенность глаголов действия (*предлагать, решить*) и глаголов, которые выражают существование и процессуальность (*являться, составлять, развивать, координировать, поддерживать, увеличиваться, уменьшать, осуществляться*). Язык экспертизы и официальных документов насыщен безличными и назывными предложениями, в которых перечисляются события и явления, но подробно не раскрывается их содержание. Такие тексты, как правило, содержат множество повторов, словосочетаний (compounds), сгущений (condensations). Подобно словосочетаниям, лингвистические сгущения используются для именования явлений, при этом интерпретация отсутствует и оставлена на долю самих читателей. Однако, как я

покажу в следующей части статьи, часть интерпретации все же содержится в текстах: она проявляется в назывании явлений, в открытых утверждениях и в предлагаемых стратегиях, как например в случае стратегии укрепления семьи как основной ячейки общества.

Тревога о родительской культуре

Каким образом российские власти связывают обсуждение института семьи с ситуацией низкого уровня рождаемости?

Как правило, власти утверждают, что плохие социально-экономические условия в стране приводят к тому, что семьи сталкиваются с серьезными проблемами. Следующая цитата из Программы государственной социальной политики по улучшению положения детей иллюстрирует данную логику.

Перемены, происходящие в экономике, политике, культурной жизни России в течение последних лет, оказывают значительное влияние на семью как естественную основу жизнеобеспечения детей, вынуждая ее к быстрым изменениям жизненной стратегии. В связи с этим возникает ряд серьезных проблем во всех областях жизнедеятельности семьи, которые необходимо решать совместными усилиями членов семьи, государственных органов и общественных объединений (Федеральная политика в отношении детей).

За утверждением, в котором указывается на влияние социально-экономических изменений на положение семей, логически следует объяснение, что плохие условия жизни повсеместно снижают уровень рождаемости. (Отметим, что на самом деле самая высокая рождаемость встречается в самых бедных регионах, например в Чеченской республике.) В документах также проявляется обеспокоенность здоровьем детей и матерей. На сегодняшний день из-за плохого питания и недостаточно развитой системы здравоохранения все больше беременных женщин больны и не способны родить здоровых детей. В связи с этим рождается меньше детей и еще меньше — здоровых детей:

Сложные условия экономического и социального развития государства проявились, в частности, в крайне высоких показателях заболе-

ваемости и смертности, низких уровнях рождаемости, состояния здоровья матери и детей, качества питания, особенно незащищенных слоев населения, в углублении социальной дифференциации (Программа здоровья).

Таким образом, власти выражают озабоченность уровнем рождаемости, состоянием семей. Они акцентируют внимание на семейных ценностях и в некоторых случаях связывают эти ценности с традиционным пониманием семьи. Это становится очевидным, когда на повестку дня выносятся образование родителей, культура родительства и ответственность родителей за воспитание детей:

[Одной из задач является] стабилизация семьи как основного социального института общества, усиление ответственности родителей за воспитание детей (Дети России).

Возрождение в сознании общества традиционного понимания ценностей семьи, рождения, воспитания детей и неразрывности связи поколений (Демографическое развитие Санкт-Петербурга).

Важной проблемой семьи является полноценная реализация воспитательной функции. У родителей остается все меньше времени для воспитания детей в связи с необходимостью дополнительной работы для обеспечения потребностей семьи, а также возвращением в семью многих видов работ, ранее выполнявшихся сферой услуг (Федеральная политика в отношении детей).

В программе государственной социальной политики по улучшению положения детей выражается озабоченность социальными и экономическими трудностями и их неблагоприятным влиянием на институт семьи. Во всех национальных и региональных программах встречаются подобные опасения. Они связаны с обсуждением разводов и семей с одним родителем. Для обеспечения полноценного воспитания детей России необходимо усилить статус семьи как основной ячейки общества, улучшить экономическое положение семей и поощрять родителей к тому, чтобы они брали на себя ответственность за свое потомство. В противном случае число молодых людей, имеющих серьезные проблемы, будет возрастать. Как утверждается в следующем фрагменте, рассмотренные тенденции могут повлечь за собой в будущем демографические проблемы:

Социальные и экономические проблемы в российском обществе на данном этапе развития существенно ослабили институт семьи, ее воздействие на воспитание детей. Результатом этого процесса является рост численности безнадзорных и беспризорных детей, увеличение распространения в детской и подростковой среде наркотиков и различных психотропных препаратов, алкоголя и, как следствие, увеличение числа правонарушений среди несовершеннолетних. За последние 10 лет численность больных наркоманией среди молодежи возросла в 17 раз (Дети России).

Этот же нормативный дискурс появляется, например, и в приведенных ниже цитатах, где авторы сначала косвенно указывают на взаимосвязь недостатка «образовательной и психологической культуры» родителей и уровнем разводов, а затем прямо утверждают, что дети страдают от тех проблем, которые создают родители, находящиеся на грани развода:

Серьезного внимания требует также повышение педагогической и психологической культуры родителей. В сложной социально-психологической ситуации оказываются дети в семьях, находящихся на грани развода, в тех семьях, где родители ведут асоциальный образ жизни, и т. д. (Федеральная политика в отношении детей).

По мнению российского демографа Л.Н. Коноваловой (Коновалова, 2004: 77), семьи с одним родителем сталкиваются не только с серьезными экономическими проблемами. В таких семьях дети лишены возможности освоения ролевой модели обоих родителей. Интересно, что в этом контексте имплицитно указывается на значимость отцовства в модели родительства, хотя в государственных программах отцы остаются практически невидимыми.

В следующей цитате также делается отсылка к нормативной модели идеальной семьи, хотя точного раскрытия этого представления в тексте не дается:

Перечень основных мероприятий Программы:

- Организация и проведение семинара по теме «Второй ребенок»;
- Разработка и реализация социального проекта «Идеальная семья в Санкт-Петербурге», направленного на формирование в обществе новых представлений о целях создания и развития семьи, связей поколений в семье.

— *Организация в общеобразовательных школах Санкт-Петербурга факультативных занятий по темам: «Мать и ребенок», «Связь поколений в семье» (Демографическое развитие Санкт-Петербурга).*

Идеал двухдетной семьи

Данные моего исследования показывают, что федеральные власти предпочитают брак другим формам семейных союзов, выражая стремление к сокращению разводов. Дети, рожденные и воспитанные в полных нуклеарных семьях, рассматриваются как неотъемлемая часть нормативной модели семьи, к созданию которой должны стремиться российские граждане и законодатели. В концепции демографического развития уделяется внимание выявленной тенденции снижения количества зарегистрированных браков:

По сравнению с 1990 годом количество зарегистрированных браков в 2000 году снизилось почти на треть. Молодые пары все чаще отказываются от официальной регистрации брака, распространенность юридически не оформленных браков привела к тому, что в 2000 году каждый четвертый ребенок родился вне брака (Федеральная концепция демографического развития).

Каким образом на практике будет обеспечена стратегия поддержки родительской культуры? Власти Санкт-Петербурга поддерживают образовательные программы и медиакампании, ориентированные на молодежь. Согласно региональной программе семейной политики Санкт-Петербурга, «семейное образование» должно быть включено в учебные планы общеобразовательных школ. Местные власти также планируют проведение массовых опросов для выявления намерений молодежи по планированию семьи. На федеральном уровне темы сексуального и семейного образования также обсуждаются, однако практические рекомендации для школ не предлагаются. На российскую молодежь возлагаются надежды на будущее:

Особого внимания требуют соответствующие программы обеспечения ранней диагностики и качественного лечения нарушений репродуктивного здоровья населения, прежде всего подростков, развития новых подходов к их гигиеническому и нравственному воспитанию,

подготовке к семейной жизни (Федеральная концепция демографического развития).

Как я уже отмечала, в текстах практически не встречается определения или прямого описания идеальной семьи, хотя в тех разделах демографической программы Санкт-Петербурга, которые касаются образования молодежи, акцент делается на роли матери и ожидаемом решении семьи завести второго ребенка. Таким образом, идеальная модель, реконструированная из текстов региональных документов, представляет собой нуклеарную семью, ядром которой являются мать и двое детей.

Фигура отца также косвенно присутствует в модели идеальной семьи, при этом обычно высказывается сожаление в случае его отсутствия. Кроме того, представители старшего поколения членов семьи также должны быть вовлечены в воспитание детей.

Тот же идеал присутствовал в Послании к Федеральному Собранию президента В. Путина в 2006 г. Президент выделил три основные причины катастрофической демографической ситуации в стране, перечислив их в порядке значимости: смертность, миграция и рождаемость. Низкий уровень здоровья населения был назван в ряду наиболее острых проблем. Говоря об иммиграции, Путин, в частности, особо отметил, насколько важно принимать высококвалифицированных мигрантов, которые способны интегрироваться в российское общество. Однако, подчеркнул он, иммиграция не решает демографических проблем России. Поэтому необходимым условием улучшения демографической ситуации является повышение уровня рождаемости. Затем он коснулся обсуждения проблем, препятствующих росту рождаемости, и среди них особенное внимание уделил плохим экономическим условиям, в которых оказываются женщины. Делая акцент на экономических факторах, Путин предложил принять новую национальную программу, которая предполагает повышение семейных пособий, в частности пособий, предназначенных матерям. В Послании представлена логическая цепочка, связывающая снижение рождаемости с социально-экономическими условиями в стране и с традиционными семейными ценностями:

В завершение этой темы отмечу: проблему низкой рождаемости невозможно решить без изменения отношения всего общества к семье и ее ценностям. Академик Д.С. Лихачёв когда-то писал, что любовь

к родному краю, к своей стране начинается с любви к своей семье. И мы должны восстановить наши старинные ценности бережного отношения к семье, к родному очагу (Послание Путина).

Неблагополучные семьи

В большинстве случаев в материалах, которые я анализировала, идеальная семья определяется через противопоставление, т. е. как оппозиция «неблагополучной семье». В документах к неблагополучным относятся следующие семейные формации: многодетные семьи, очень молодые (подростковые) семьи, семьи с одним родителем, семьи, находящиеся в кризисной ситуации, и семьи с ребенком-инвалидом или хронически больным ребенком. Ниже я показываю, каким образом обсуждаются эти типы семей, а также как конструируется категория неблагополучной семьи. В следующей цитате в дополнение к «нормальным» семьям дается классификация еще трех типов семей:

Подавляющее большинство детей России воспитывается в семьях (99,7% всех детей до 18 лет), 20% семей с детьми — неполные. Около трети детей являются единственным ребенком в семье, 20% растут в семьях с тремя и более детьми (Федеральная семейная политика).

Непроговариваемой нормой и политическим ориентиром в данном отрывке является семья, состоящая из двоих родителей и двоих детей. Три названные выше варианта семейной формации (семьи с одним родителем, семьи с одним ребенком и многодетные семьи) риторически объединены в отдельную группу как немодальные и создающие повод для демографической дискуссии. Семьи с одним ребенком проблематизируются как недостаточные для воспроизводства российского населения. В свою очередь, семьи с одним родителем и многодетные семьи рассматриваются как нуждающиеся в особой социальной поддержке.

Первоочередной задачей, сформулированной в Программе семейной политики Санкт-Петербурга, является социальная поддержка «здоровой семьи» и предоставление социальной помощи проблемной семье. В документах дан детальный перечень семей, нуждающихся в укреплении, социальной защите и специальной поддержке: *кризисные,*

неполные, многодетные, малообеспеченные. Далее я использую категорию «неблагополучная семья» как синоним «проблемной семьи». В большинстве программ все группы, перечисленные выше, рассматриваются как неблагополучные ввиду ограниченности их финансовых ресурсов. В федеральной программе по улучшению положения детей выделяется особая категория – дети, живущие в условиях риска (в особо трудных обстоятельствах). Кроме того, конструируются подкатегории детей этой группы в зависимости от специфических проблем, связанных с различными обстоятельствами риска. Обратимся к тексту программы:

Дети из группы риска. К группе детей, находящихся в особо трудных обстоятельствах, относятся следующие категории: дети-сироты и бездомные дети; дети-инвалиды; дети-беженцы; дети – жертвы вооруженных конфликтов, стихийных бедствий, техногенных катастроф; дети, подвергшиеся насилию, вовлеченные в проституцию, потребление алкоголя и наркотиков; дети – несовершеннолетние преступники и правонарушители (Семейная политика в Санкт-Петербурге).

В программе «Дети России» подробно описываются задачи поддержки разных категорий больных детей. Программа предполагает следующие меры, направленные на улучшение их положения:

– *увеличение количества детских реабилитационных центров для детей-инвалидов и детей с ограниченными возможностями до 350 единиц и численности обслуживаемых в них детей до 150 тыс. человек;*

– *обеспечение более 30 тыс. детей с церебральным параличом, 10 тыс. слепых и слабовидящих, 25 тыс. глухих и слабослышащих детей индивидуальными техническими средствами самообслуживания, более 6 тыс. детей-инвалидов протезными изделиями и более 8 тыс. детей с сахарным диабетом глюкометрами (Дети России).*

Политические программы опираются не только на медицинскую, но и на педагогическую экспертизу. Общество в целом и родители в частности рассматриваются как объекты педагогических, диетологических и медицинских мер и воздействий. Как я уже упоминала, категория «здоровый» употребляется как синоним категории «нормаль-

ный», тем самым контекст использования медицинских определений расширяется.

Анализ программы «Дети России» показывает, что особого внимания со стороны государства требуют не только экономически и социально уязвимые семьи. Талантливые дети также являются объектом социальной помощи. Очевидно, что целью поддержки талантливых детей является развитие человеческого капитала России. В программе «Дети России» читаем:

Последовательное осуществление мер по улучшению положения детей должно привести к улучшению демографической ситуации в стране, укреплению ее интеллектуального потенциала (Дети России).

Таким образом, мы видим, что риторика улучшения демографической политики в России выделяет как целевые группы социальной поддержки проблемные семьи, с одной стороны, и талантливых детей – с другой.

Многодетная семья как пример неблагополучной семьи

Категория «многодетной семьи» появилась в официальной советской риторике в середине 1930-х гг. В 1936–1937 гг. государством был установлен размер ежемесячного пособия для матерей, имеющих семь и более детей. Позднее, в 1940-е гг., было учреждено почетное звание и целая серия наград для матерей-героинь (орден «Мать-героиня», «Медаль материнства», медаль «Материнская слава» для матерей, воспитавших 10 и более детей). В 1980-е гг. большие семьи стали получать дополнительные субсидии. Однако постепенно размер пособий для многодетных матерей начал уменьшаться (Ivanov et al., 2006: 411).

В течение нескольких последних десятилетий определение многодетной семьи менялось. Сегодня под эту категорию подпадают семьи с тремя и более детьми младше 18 лет (Ivanov et al., 2006). Федеральная программа поддержки предоставляет многодетным семьям пособия для решения жилищных проблем. Примеры льгот, предназначенных большим семьям, включают предоставление кредитов на покупку жилья на особых условиях, льготную оплату за отопление,

а также субсидии, предоставляющие возможность бесплатного проезда на общественном транспорте. Кроме того, многодетные родители имеют право на сокращенный рабочий день («Многодетные семьи»).

Зачастую многодетные семьи риторически связываются с неблагополучными семьями. Материалы моего исследования также показывают, что сегодня многодетные семьи или семьи с несколькими детьми рассматриваются до определенной степени как проблематичная группа.

Общий низкий уровень среднедушевых доходов населения сопровождается их значительной дифференциацией, концентрацией малообеспеченности в семьях с несколькими детьми, в молодых семьях с маленькими детьми, с детьми-инвалидами, неполных семьях, семьях безработных с детьми. Среди различных категорий населения в числе бедных чаще всего оказываются семьи с несовершеннолетними детьми (Федеральная политика в отношении детей).

Эксперты по вопросам семьи Республики Карелия рассказали мне также, что многодетные семьи, матери-подростки, наркоманы и алкоголики принадлежат к группам высокого риска, имеющим социальные и экономические трудности и требующим особой поддержки.

Что же можно сказать в целом о дискурсе многодетной семьи в контексте современной российской демографической политики?

В анализируемых документах существует лишь несколько прямых ссылок на то, каковы предполагаемые результаты демографической политики с точки зрения федеральных властей. Единственное исключение — повторяющиеся рекомендации по изменению ситуации в области рождаемости. В программе семейной политики Санкт-Петербурга это видно особенно четко. Власти города планируют организацию и проведение в школах семинаров и лекций, посвященных теме идеальной двухдетной семьи. Эта нормативная модель — нуклеарная семья с двумя детьми — также упоминается в федеральных текстах и речи Путина.

Здесь мы наблюдаем парадокс. Очевидно, что с точки зрения рождаемости многодетная семья не должна считаться неблагополучной. Например, в советском официальном дискурсе большое количество детей в семье рассматривалось как особо значимая цель (Ivanov et al., 2006). Дискурс о большой семье связывался с дискурсом о матерях-героинях. Однако в настоящее время конвенциональное представление о размере идеальной семьи значительно переменялось. В результате лишь немногие стремятся иметь большие

семьи, так как они рассматриваются как имеющие серьезные экономические трудности или неспособные самостоятельно вырастить детей и дать им образование (см. статью А. Роткирх и К. Кессели в этом сборнике).

Существующие федеральные и региональные демографические программы определенно формулируют цель повышения рождаемости. В мае 2006 г. президент Путин в своем Послании Федеральному Собранию отметил, что реальной целью является увеличение количества семей с двумя детьми. Семья с тремя и более детьми упоминается в этом послании президента всего дважды. В более раннем документе эта проблема поставлена так:

В области стимулирования рождаемости и укрепления семьи определены следующие приоритеты: формирование системы общественных и личностных ценностей, ориентированных на семью с двумя детьми и более (Федеральная концепция демографического развития).

Прагматика влияет на политическую риторику. Именно поэтому политики разного уровня обсуждают перспективы двухдетной, а не трехдетной или многодетной семьи. В современном российском обществе, в котором большинство женщин фертильного возраста рожают одного ребенка, нормативная модель двухдетности представляется более реализуемой, чем какая-либо иная. Ту же точку зрения высказал и президент Путин, формулируя прагматическую цель, которую возможно достичь в сфере рождаемости. Риторически большие семьи представляются как потенциально проблемные, сталкивающиеся не только с экономическими затруднениями, но и с другими проблемами воспитания детей, обусловленными низкой родительской культурой. Эти семьи рассматриваются также как нуждающиеся в больших объемах государственной помощи.

Неблагополучные дети

Зачастую многодетные семьи риторически ассоциируются с бедными семьями вообще. Так, власти выражают беспокойство о многодетных семьях, а также о матерях-подростках и бедных семьях. Один из моих информантов отметил: *«Детей рожают еще совсем дети. Это приводит к росту уровня разводов и, далее, к увеличению числа семей с одним*

родителем». Родители-одиночки в нуклеарных семьях, в свою очередь, оказываются малообеспеченными в связи с тем, что семья живет только на один доход. Таким образом, в этой среде могут формироваться проблемы. Российский демограф Коновалова рассматривает бедные семьи как демографическую единицу (Коновалова, 2004). Согласно ее данным, совпадающим с данными доклада Мирового банка (World Bank, 2005), к категории устойчиво бедных в России относятся семьи с одним родителем, многодетные семьи, семьи с детьми-инвалидами. Именно эти группы упоминаются как бедные в политических программах.

Другая возникающая проблема — одинокие родители, которые не зарегистрировали свой брак, хотя и живут со своими партнерами (Коновалова, 2004). Этот феномен не нов, он сформировался еще в советское время, в том числе и в связи с жилищным дефицитом (Salmi, 2006). Одна из животрепещущих проблем в политической повестке дня — здоровье российского населения. Для улучшения условий жизни детей-инвалидов и их семей была принята социальная программа, включавшая, в том числе, обеспечение хороших жилищных условий. Проблемы здоровья озвучиваются не только в контексте обсуждения положения детей-инвалидов, они касаются всего российского населения. В документах приводят данные, что «лишь 30% детей в России здоровы» (Дети России). Такая ситуация презентуется как катастрофичная и, более того, ухудшающаяся в других возрастных группах.

В результате показатели материнской и младенческой смертности остаются на высоком уровне, превышая аналогичные средневропейские, и только 30% новорожденных могут быть признаны здоровыми. Воздействие экологических и социально-психологических факторов, интенсивность которого в последнее десятилетие многократно увеличилась, приводит к тому, что состояние здоровья детей оценивается как катастрофическое. Доля здоровых детей составляет в субъектах Российской Федерации от 4 до 10% (Дети России).

«Эксперты», мнения которых цитируют документы, предполагают, что основными причинами низкого качества здоровья населения являются недостатки воспитания здорового образа жизни, дефицит качественного питания и недостаток индивидуальных усилий по поддержанию состояния здоровья.

Авторы программ также называют наркоманию как один из существенных факторов, способствующих ухудшению показателей здоровья населения. На федеральном уровне планируется сформулировать концепцию, ориентированную на повышение образования родителей и педагогов в области здравоохранения. Федеральные программы, несомненно, риторически содержат альтернативы, в рамках которых власти будут иметь возможность расставлять акценты, касаясь темы низкого качества здоровья россиян.

Значимость темы здоровья населения в российской демографической риторике подчеркивается в ряду специфических российских демографических проблем, включающих высокий уровень смертности мужчин трудоспособного возраста и низких показателей младенческого здоровья. Эти проблемы перечислены в концепции федеральной демографической политики. Особенно подчеркивается в политической риторике озабоченность положением детей, которые репрезентируются как надежда будущего России. Именно в связи с этой эмфазой внимание уделяется тем неблагоприятным условиям, которые угрожают благополучию детей. Среди них неоднократно упоминаются плохие условия жизни, неудовлетворительное питание и низкая культура родительства, сказывающиеся на здоровье детей.

Отмечается также, что иностранные граждане усыновляют все большее количество сирот, а в России усыновление не получает распространение. Как отметил президент Путин в послании 2006 г., иностранные усыновления создают демографические потери и предполагаемый дефицит рабочей силы в будущем.

Усыновление детей российскими гражданами год от года сокращается. В то же время резко увеличилось усыновление российских детей иностранными гражданами. За 12 лет усыновлено и вывезено за рубеж около 64.000 российских детей. А это потенциальные трудовые ресурсы. При нынешней демографической ситуации людские потери недопустимы (Законодательное обеспечение).

В документе, озаглавленном «О целевой программе Санкт-Петербурга “Дети-сироты”», утверждается, что сиротам требуется особое внимание для воспитания на равных с другими детьми, а также дальнейшей интеграции в общество. Таким детям также требуется поддержка наблюдателей за реализацией их детских прав.

Требования социальной поддержки семей, оказавшихся в уязвимой жизненной ситуации, риторически обосновываются, исходя из трех перспектив. Во-первых, они могут рассчитывать на помощь на основании принципа справедливости, предполагающего равные права на достойную жизнь для всех граждан. Во-вторых, предполагается, что родители, живущие в плохих социально-экономических условиях, имеют больше трудноразрешимых проблем и, таким образом, дети остаются заброшенными. В-третьих, здоровье российского населения требует улучшения для дальнейшего воспроизводства.

Иными словами, в документах утверждается, что поддержка многодетных семей, семей с одним родителем и бедных родителей снижает вероятность появления новых сирот. Более того, вследствие этих мер уменьшается количество детей, усыновленных иностранными гражданами. Развитие национальной системы адаптации позволит более эффективно интегрировать сирот в российское общество. В программе подчеркиваются не только экономические проблемы усыновления/удочерения, но и ответственность родителей за воспитание приемных детей. Логика состоит в том, что поддержка неблагополучных семей поднимет потенциал российских детей и молодежи, что скажется на перспективах развития российского общества.

Прагматический традиционалистский дискурс о рождаемости

Какой же можно сделать вывод о риторике российских политических программ, касающихся семьи и демографической ситуации в целом?

Решая проблемы рождаемости, российские власти сегодня придерживаются прагматической точки зрения. Это выражается в том, что для повышения в будущем репродуктивного потенциала они хотят, с одной стороны, адресовать большую экономическую поддержку семьям, с другой стороны, расширить спектр социальных возможностей подрастающего поколения. Сконструированные категории (такие, как «неблагополучные семьи» и «талантливые дети») и подкатегории (такие, как «семьи с одним родителем» или «многодетные семьи») помогают адресовать экономическую и социальную поддержку непосредственно целевым группам. Прагматический подход означает также, что в политических программах индивид представлен не

как самостоятельный актер, а скорее как объект внешних мер, нацеленных на улучшение его положения.

С точки зрения социальной политики, социально и экономически уязвимым группам требуется особая помощь, связанная с условиями жизни детей, образованием, безработицей и охраной здоровья. Российские исследователи Понукалин (Понукалин, 2004: 55) и Ярская-Смирнова (Гатвинский, Ярская-Смирнова, 2004), анализирующие текущие демографические проблемы в стране, утверждают, что в вопросах демографической политики российские чиновники должны предпочесть качественное осмысление количественному акценту, принятому в советское время. Это особенно актуально в связи с тенденцией снижения численности населения.

Эта задача, связанная с развитием человеческого капитала, наилучшим образом отражена в программе «Дети России», которая в качестве приоритетов выдвигает государственную поддержку талантливым детям и предусматривает поиск одаренных детей. Подобные политические приоритеты указывают на осознание политиками задач качественного развития населения. В официальных документах улучшение социального положения детей связывается с использованием интеллектуального потенциала, воспитанием культуры родительства и охраной здоровья.

Как на федеральном уровне, так и на уровне Санкт-Петербурга тревоги по поводу рождаемости артикулируются достаточно часто с употреблением одних и тех же лексем. На наш взгляд, федеральные власти выбирают скорее прагматическую, чем теоретически обоснованную стратегию управления рождаемостью.

Представление о том, что политические институты способны создать инструменты для изменения репродуктивного поведения людей, не подвергается сомнению, хотя, например, российские демографы критикуют национальные программы за слишком амбициозные цели повышения коэффициентов рождаемости (Ivanov et al., 2006).

С точки зрения политики в области рождаемости, российских граждан, и прежде всего женщин, необходимо стимулировать к тому, чтобы рожать больше, но не слишком много детей. Однако, как и в советское время, отец здесь по-прежнему остается невидимым (Zdravomyslova, 1996; Rotkirch, 2000; Caiazza, 2002). Мужчины упоминаются в программах семейной политики не как отцы, а как люди, в большей степени рискующие умереть в раннем возрасте и, таким образом, не способные улучшить ситуацию с рождаемостью.

Интересно, что вопросы этничности совершенно не затрагиваются в демографических документах, за исключением Федеральной концепции демографического развития, где этнические группы, проживающие в российском обществе, делятся на высоко- и низкофертильные.

Центральной в демографической риторике является нормативная модель двухдетной матрифокальной семьи. Такой идеал позиционируется политиками как прагматически достижимый. С точки зрения российской политики, пропаганда многодетности нежелательна. Сравнение дискурса об идеальной двухдетной семье с дискурсом о многодетных семьях показывает, что ассоциации, связанные с многодетными семьями, обычно негативные и стигматизирующие. Вследствие этого идеальная семья — это не семья с большим количеством детей, так как именно в них сконцентрированы экономические трудности, проблемы со здоровьем и низкая культура родительства.

Литература

- Вишневский А.Г., ред. (2006). *Демографическая модернизация России 1900–2000*. М.: Новое издательство.
- Гатвинский А., Ярская-Смирнова Е.Р. (2004). Демографическая ситуация: Гендерный подход, в кн.: П.В. Романов, ред., *Актуальные проблемы демографической политики*. Саратов: Научная книга, с. 56–61.
- Глезер О., Полян П., ред. (2005). *Россия и ее регионы в XX веке: Территория — расселение — миграции*. М.: ОГИ.
- Демографический ежегодник... (2006). *Демографический ежегодник России. Статистический сборник*. М.: Росстат.
- Коновалова Л.Н. (2004). Бедная семья как демографическая единица России, в кн.: П.В. Романов, ред., *Актуальные проблемы демографической политики*. Саратов: Научная книга, с. 74–79.
- Попукалин А. (2004). Демографическая реальность — социология управления, в кн.: П.В. Романов, ред., *Актуальные проблемы демографической политики*. Саратов: Научная книга, с. 47–55.
- Росстат (2004). *Российский статистический ежегодник*. М.: Федеральная служба государственной статистики.
- Социальное положение... (2006). *Социальное положение и уровень жизни населения России. Статистический сборник*. М.: Росстат.
- Caiazza Amy (2002). *Mothers and soldiers. Gender, citizenship, and civil society in contemporary Russia*. New York: Routledge.

- Gender and Generations Contextual Database [электронный ресурс], режим доступа: <http://www.demogr.mpg.de/cgi-bin/databases/cdb/cdb.php>, свободный.
- Haavio-Mannila Elina, Kontula Osmo (2003). *Sexual Trends in the Baltic Sea Area*. Helsinki: The Population Research Institute, Väestöliitto, The Family Federation of Finland. Series D 41.
- Haavio-Mannila Elina, Rotkirch Anna (1997). Generational and Gender Differences in Sexual Life in St. Petersburg and Urban Finland, in: Isino Söderling, ed., *Yearbook of Population Research in Finland*, vol. XXXIV. Helsinki: The Population Research Institute, The Family Federation of Finland, p. 128–132.
- Haavio-Mannila Elina, Rotkirch Anna (2004). *Mistä on pienet perheet tehty? Ydin- ja versoperheet Suomessa ja Pietarissa*. Helsingin yliopisto, yhteiskuntapolitiikan laitos [электронный ресурс], режим доступа: <http://www.valt.helsinki.fi/staff/rotkirch/versoperheet.pdf>, свободный.
- Haavio-Mannila Elina, Rotkirch Anna, eds. (1996). *Women's Voices in Russia Today*. Dartmouth: Aldershot.
- Heikkinen Vesa (2000). Tekstuaalisuuden pirunnyrkki, in: Vesa Heikkinen, Pirjo Hiidenmaa, Ulla Tiililä (2000). *Teksti työnä, virka kielenä*. Helsinki: Gaudeamus, p. 63–115.
- Hiidenmaa, Pirjo (2000). Poinintoja virkakielen rekisteristä, in: Vesa Heikkinen, Pirjo Hiidenmaa, Ulla Tiililä. *Teksti työnä, virka kielenä*. Helsinki: Gaudeamus, p. 35–62.
- Ivanov Serguey, Vichnevsky Anatoly, Zakharov Sergei (2006). Population Policy in Russia, in: Graziella Caselli, Jacques Vallin, Guillaume Wunsch, eds., *Demography. Analysis and Synthesis*. New York: Elsevier, p. 407–433.
- Kesseli K., Regushevskaya E., Dubikaytis T., Kirichenko S., Rotkirch A., Haavio-Mannila E., Kuznetsova O., Hemminki E. and the REFER group (2005). *Reproductive Health and Fertility in St. Petersburg: Report on a Survey of 18–44 Year Old Women in 2004*. Working Papers, N 60, Department of Sociology, University of Helsinki.
- King Leslie (2002). Demographic Trends, Pronatalism, and Nationalist Ideologies in the Late Twentieth Century, *Ethnic and Racial Studies*, vol. 25, N 3, p. 367–389.
- Kon Igor S. (1995). *The Sexual Revolution in Russia. From the Age of the Czars to Today*. New York: The Free Press.
- Lallukka Seppo (2003). Venäjän väestökato jatkuu, *Tiedonantoja ja katsauksia*, vol. 2003, N 2, s. 1–12.
- Larivaara Meri (2007). Luottamus potilas-lääkärisuhteessa Pietarissa, in: Anna Rotkirch, Suvi Salmenniemi, eds., *Suhteiden Venäjä*. Tampere: Gaudeamus.
- Rotkirch Anna (2000). *The Man Question. Loves and Lives in Late 20th century Russia*. Helsinki: University of Helsinki – Department of Social Policy.

- Rotkirch A., Temkina A., Zdravomyslova E. (2007). Who Helps the Degraded Housewife? Comments on Vladimir Putin's Demographic Speech, in: *European Journal of Women's Studies*, vol. 14, p. 349–357.
- Salmi Anna-Maria (2006). *Social Networks and Everyday Practices in Russia*. Helsinki: Kikimora Publications.
- Therborn G. (2004). *Between Sex and Power. Family in the World 1900–2000*. London: Routledge.
- World Bank (2005). *Russian Federation: Reducing Poverty through Growth and Social Policy Reform*. Report No. 28923-RU. Poverty Reduction and Economic Management Unit, Europe and Central Asia Region.
- Zahkarov S. (1999). Fertility trends in Russia and the European newly independent states: Crisis or turning point?, in: *Population Bulletin of the United Nations 1999*, N 40/41, p. 292–317.
- Zdravomyslova E. (1996). Problems of Becoming a Housewife, in: Elina Haavio-Mannila, Anna Rotkirch, eds., *Women's Voices in Russia Today*. Dartmouth: Aldershot, p. 33–48.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список официальных документов

Название, использованное в статье	Название программы	Год принятия
Демографическое развитие Санкт-Петербурга	Целевая программа «Демографическое развитие Санкт-Петербурга на 2003–2005 гг.	2003
Дети России	Федеральная целевая программа «Дети России»	2002
Дети-инвалиды в Санкт-Петербурге	О целевой медико-социальной программе Санкт-Петербурга «Дети-инвалиды»	1999
Законодательное обеспечение	Законодательное обеспечение основных направлений внутренней и внешней политики в 2005 году	2005
Круглый стол	Материалы к «круглому столу» «Предложения Комитета Государственной думы по делам женщины, семьи и детей по защите семьи, материнства, отцовства и детства»	2005
Многодетные семьи	О государственной поддержке многодетных семей	1999

Часть 3. Новая любовь

Название, использованное в статье	Название программы	Год принятия
Обеспечение жильем молодежи Санкт-Петербурга	О целевой программе Санкт-Петербурга «Молодежи — доступное жилье»	2001
Программа здоровья	Об утверждении отраслевой программы «Охрана и укрепление здоровья населения на 2003—2010 гг.»	2003
Послание Путина	Послание Президента В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации	2006
Семейная политика в Санкт-Петербурге	О целевой программе Санкт-Петербурга «Семейная политика. Социальная защита семьи и детства в Санкт-Петербурге» на 2000 г.	2000
Сироты в Санкт-Петербурге	О внесении изменений и дополнений в закон Санкт-Петербурга «О целевой программе Санкт-Петербурга “Дети-сироты” на 2002—2004 гг.»	2003
Федеральная концепция демографического развития	Концепция демографического развития Российской Федерации на период до 2015 г.	2003
Федеральная политика в отношении детей	Основные направления государственной социальной политики по улучшению положения детей в Российской Федерации до 2000 года	1995
Федеральная семейная политика	Основные направления государственной семейной политики	1996

Анна Роткирх, Катя Кессели
**ДЕТОРОЖДЕНИЕ И ЕГО МЕСТО
В ЖИЗНЕННОМ ЦИКЛЕ
ПЕТЕРБУРГСКИХ ЖЕНЩИН**

Зона социального благополучия —
это семья с двумя детьми.

Из интервью

Применяя метод биографических интервью, исследователи используют понятие так называемой точки насыщения. Она достигается, когда знаешь уже столько об исследуемой теме, что новые респонденты не приносят существенно нового знания. Обычно точка насыщения достигается медленно, а иногда ее достичь вовсе не представляется возможным, так как у большинства людей всегда найдутся интересные и неожиданные личные вариации опыта. Однако, изучая ориентации петербургских женщин в отношении желаемого количества детей на материалах массива интервью «Новый быт», мы столкнулись с тем, что информационное насыщение наступило очень быстро. Почти автоматически, без особой рефлексии женщины объявляют о своем материнском идеале — это два, в редких случаях три ребенка.

— А как ты думаешь, какое идеальное количество детей в семье?

— Для меня двое. Я обязательно хочу двух детей, потому что один ребенок — это как-то не совсем полноценно и очень грустно быть одним ребенком в семье (ж., 27 лет, менеджер, не замужем, детей нет).

Два. ...Когда трое, — это просто нереально (ж., 30 лет, домохозяйка, замужем, дочь 7 лет).

Мы всегда хотели двоих детей с разницей в два года. Ну вот хотелось двоих детей мальчика и девочку (ж., 35 лет, домохозяйка, замужем, двое детей-дошкольников).

У меня понимание двоих детей — это обязательно... Трое, в принципе, нормально (ж., 32 года, менеджер, сын 3,5 года).

Двухдетный идеал родительства встречается и в суждениях экспертов. Одна женщина, мать троих детей, рассказала, как врач-гинеколог

ей предлагал стерилизацию в качестве противозачаточного средства после рождения второго ребенка. Данная норма воспроизводится, хотя в менее четко очерченной форме, и среди респонденток с низким уровнем образования. Зона возможного родительства в следующем ответе находится в диапазоне между двумя-тремя детьми:

...я вообще хотела и больше [двух], но так сложились обстоятельства в нашем государстве, что я потом просто побоялась заводить больше детей — мне их не поднять. Я этим-то не могу дать то, что хочу, в полной мере, а уж если... Но если бы вдруг, не дай бог, что, то наверное, было бы и трое... (ж., 50 лет, среднее образование, работает няней и домработницей, разведена).

Другие предпочтения в отношении числа детей в семье высказывались в интервью только с отсылкой к мнению других членов семьи. Так, мужу одной респондентки *«нравится... возиться с детьми. В своих фантазиях он представляет себя главой семьи [смеется], многочисленной, веселой»* (ж., 31 год, менеджер, замужем, дочь 5 лет).

Результаты опроса, проведенного среди 18–44-летних женщин в Санкт-Петербурге в 2004 г., полностью подтверждают данные, полученные методом глубинных интервью. Идеал родительства — желаемое число детей — в среднем 2,3 ребенка в семье. Две из каждых трех женщин (68% опрошенных) считали, что два ребенка — это идеальное число детей в семье, и каждая четвертая женщина (25,5% опрошенных) идеальным числом назвала три. Один ребенок в семье — это идеал лишь 2,9% опрошенных женщин, а четверых детей хотят иметь только 2,2%. При этом, как во всех обществах с низким уровнем рождаемости, среднее идеальное число детей больше того, что респондентки воспринимают как реальное и желаемое в собственной жизни. Говоря об идеалах детности в применении к собственной семье, респондентки называют меньшее число: каждая пятая считает, что одного ребенка достаточно для нее, 58% хочет иметь двоих детей и 12% — троих. Интересно, что общие и собственные идеалы респонденток совпадают, когда вопрос касается четверых и более детей: практически никто не считает такое число детей в семье желательным для общества в целом, даже если это подходит для самой респондентки, как показано в табл. 1.

Чем объясняется такое странное соответствие взглядов на желаемое количество детей субъектов самых разных уровней? Почему инте-

рес и усилия государственной политики, семей и женщин концентрируются именно вокруг второго, а не, скажем, первого или четвертого ребенка?

Таблица 1

Идеальное число детей в семье вообще и в семье респондента, из опроса 18–44-летних женщин в Петербурге

Идеальное число детей	Возраст респонденток, лет							
	18–24		25–34		35–44		Сумма, 18–44	
	вообще, n = 341	в семье, n = 330	вообще, n = 352	в семье, n = 337	вообще, n = 436	в семье, n = 411	вообще, n = 1132	в семье, n = 1081
Не хочу иметь детей	–	0,0	–	0,6	–	0,4	–	0,3
1 ребенок	1,8	22,8	2,5	24,6	3,6	18,7	2,9	21,8
2 ребенка	76,3	63,5	66,9	57,5	63,0	55,5	68,0	58,4
3 ребенка	19,0	8,8	28,3	11,0	28,3	14,7	25,5	11,9
4 и больше	2,6	1,5	1,7	1,7	2,2	2,2	2,2	1,8
Нет ответа	0,3	3,5	0,6	4,5	2,9	8,5	1,4	5,8
Среднее	2,2	1,9	2,3	1,9	2,3	2,1	2,3	2,0

Источник: Кессели и др., 2005: 63–65.

Цель данной статьи – проанализировать репродуктивные решения петербургских женщин, как они принимают решение рожать или не рожать, и когда рожать. Нас интересует число детей и их место в жизненном цикле женщины, так называемый репродуктивный календарь рождаемости. Какие причины сами женщины представляют в биографических интервью? Как их ответы выглядят на фоне демографической статистики Санкт Петербурга?¹

¹ Авторский труд распределен следующим образом: Катя Кессели проводила демографические статистические анализы, Анна Роткирх – анализ глубинных интервью.

Мы покажем, что несмотря на то что отношение к материнству и родительству в настоящее время является более гибким и рефлексивным, чем в советское время, рождение первого ребенка практически не проблематизируется. В противоположность этому, возможный второй ребенок — это дело планирования и серьезного учета. А третий ребенок — это маловероятное, но интригующее и опасное решение. Рождение третьего ребенка рассматривается одновременно как угроза семейному благополучию и его символ. В настоящее время наблюдаются явные сдвиги в оценках желаемого количества детей и их места в жизни женщины и семьи. Изменяется понимание того, какое репродуктивное (демографическое) поведение является «естественным» и «нормальным». Меняются представления о том, что «рано» и что «поздно» в репродуктивных стратегиях женщин. Представления о норме у наших информантов, экспертов и интервьюеров часто расходятся, свидетельствуя о происходящих культурных сдвигах и поисках компромиссов в репродуктивном поведении.

Социально-экономические, эмоциональные и статусные причины изменения рождаемости

Как известно, уровень рождаемости падает во всех развитых обществах. В России, и в частности в Петербурге, показатели рождаемости были особенно низкими в 1990-е гг. (см. рис. 1).

Причины рождаемости и ее изменения разнообразны. Положение женщин в обществе, доступ к сексуальному просвещению, семейному планированию и противозачаточным средствам, социальная поддержка семей государством, религиозные влияния, возможность людей разводиться и создать новые союзы, ценности социальной среды и индивидуальные предпочтения — все это значимые факторы, влияющие на число детей и возраст родителей при их рождении, но ни один из них сам по себе не объясняет поведение людей (Fertility..., 2004; McDonald, 2006). Ученые утверждают, что так называемый первый демографический переход, когда аграрные большие семьи трансформировались в нуклеарные, в целом связан с уменьшением детской смертности. Однако эксперты спорят о причинах различий между странами низкой рождаемости (Sobotka, 2004; Billari et al., 2006). Модернизация сопровождается уменьшением числа детей в семье, и в этом смысле Россия принципиально не вы-

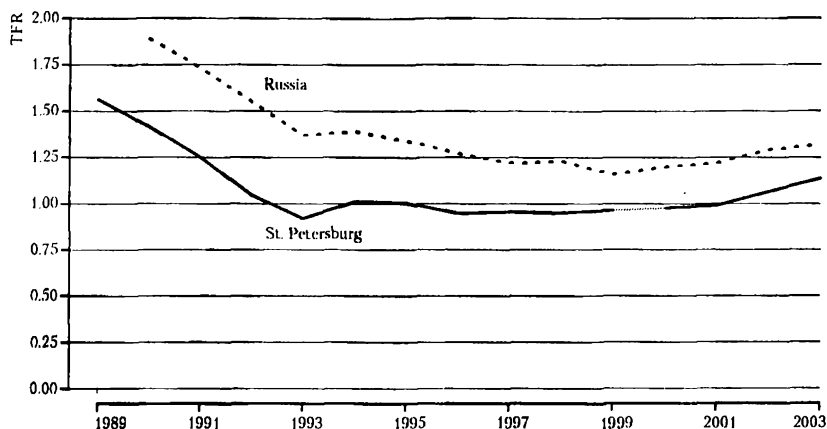

Рисунок 1. Коэффициент суммарной рождаемости в России и Санкт-Петербурге в 1989–2003 гг. (Источники: Вишнеvский, 2006б, и расчеты, сделанные К. Кессели на основе источников, представленных в Приложении.)

деляется из общих мировых тенденций (Вишнеvский, 2006а). Но остается открытым вопрос: почему, например, в Литве и в Германии сегодня продолжает уменьшаться уровень рождаемости, в то время как во Франции, Эстонии и Швеции он растет (Haub, 2007)? Под воздействием каких социальных и психологических механизмов разные группы населения быстро меняют свое репродуктивное поведение? Существует ли нижняя граница уменьшения рождаемости (Foster, 2000)?

Кратко опишем три теории, анализирующие разные факторы, которые влияют на различия в демографическом поведении. Во-первых, различия в законодательстве и социальной политике частично объясняют различия в уровне детности (Gissler et al., 2006). Те европейские страны, в которых государственная политика в течение многих десятилетий поддерживала семьи с маленькими детьми и способствовала совмещению трудовой занятости и родительства, сегодня имеют более высокий уровень рождаемости. Кроме того, более высокие показатели рождаемости характерны для стран с либеральными семейными ценностями. К ним относятся, например, скандинавские страны и Франция. В этой перспективе низкий, хотя медленно растущий,

уровень рождаемости в современной России не кажется удивительным. Однако демографы отмечают, что социальные и экономические факторы не полностью объясняют демографическое поведение населения и не обеспечивают ответа на вопрос о различиях в показателях детности. В частности, если причина низкого уровня рождаемости в России заключается только в социальном кризисе переходного периода, рождаемость должна была подниматься до прежнего уровня, когда ситуация стабилизировалась, чего пока не произошло (Kharikova, Andreev, 2000).

Другая группа исследователей подчеркивает, что современные тенденции индивидуализации и развитие контрацептивной культуры усиливают значимость личных желаний и чувств в репродуктивных выборах индивидов. Если в традиционном обществе женщины рожали столько детей, «сколько Бог даст», то сегодня более важным становится индивидуальное желание «иметь или не иметь» детей и выбирать родительство среди других жизненных альтернатив. В связи с этим некоторые исследователи отмечают, что вместо изучения того, почему детей рождается все меньше, стоит выяснить, почему люди вообще хотят иметь детей (Udry, 1996; Rotkirch, 2007). В этой перспективе высокая моральная ценность материнства в российской культуре представляет особый интерес.

Третья позиция объясняет число детей в семье попытками сохранить или улучшить социальный статус. Поведение группы сверстников в значительной степени влияет на взгляды людей о том, сколько «можно» иметь детей и на каком этапе жизненного цикла женщины и семьи. Джон Хаага (Haaga, 2001: 58) отмечает, что люди моментально реагируют на социальные сигналы, как будто отвечая на вопрос: «кого мои дети могут обогнать в социальной гонке?» или «что мои потенциальные конкуренты предлагают своим детям?» Именно поэтому страны, находящиеся в фазе быстрого экономического роста, часто переживают сокращение рождаемости. В большинстве развитых стран число детей в семье обратно пропорционально интеллектуальному уровню и образовательным достижениям каждого из детей (Blake, 1989; Steelman et al., 2002). Как мы увидим, такая соревновательная обстановка осознается глубоко и тревожит представителей российского среднего класса.

Из вышеперечисленных **социально-экономических, эмоциональных и статусных причин** некоторые осознаются людьми и учитываются ими при принятии решений, но многие воздействуют на инди-

видуальные решения подсознательно. В данной работе мы фокусируем внимание на сознательных, артикулированных и субъективных объяснениях репродуктивного выбора, что дает представление о важной, хотя и неполной части общей картины причин репродуктивного поведения.

Первенец: «случайный плод любви»

Демографы предполагали, что сильный спад показателей уровня рождаемости, наблюдавшийся в России в начале 1990-х гг., связан с тенденцией так называемого отложенного деторождения в жизненном цикле женщин. Однако пока довольно мало однозначных сведений, которые бы подтверждали такую тенденцию. Среди самых молодых респонденток часто сохраняется идеал и практика сравнительно раннего деторождения.

— А как вы решили родить ребенка? Ну вот сейчас можно, позже или раньше?

— В смысле, я не поняла?

— Как вы приняли решение о том, что вы хотите иметь ребенка?

— Ну как, не знаю, это как-то само собой, как бы, каждый последующий шаг, он ведет к еще следующему шагу. Сначала начали жить вместе, потом мы поняли, что мы должны, что мы хотим — не то что должны — мы хотим пожениться. Потом мы поняли, что мы хотим ребенка (ж., 24 года, студентка, замужем, дочь 1 год 8 мес.).

Россия и Восточная Европа в целом исторически отличались сравнительно ранним супружеством и быстрым рождением первого ребенка, следующим за заключением брака (Therborn, 2004). Эта тенденция так сильна, что средний возраст при вступлении в брак для русских практически не изменился за 100—150 лет! Он составлял 24,2 года для мужчин и 21,4 года для женщин в 1897 г. и 24,4 и 21,8 соответственно в 1989 г. Доля россиян, никогда не состоявших в браке, тоже обычно невелика, что позволяет демографам говорить о традиции квазиуниверсальной брачности в России (Vishnevskij, 1996; Вишневский, 2006а: 108, 97, 103).

Обычно считается, что высокий уровень образования женщин и их участие в общественной жизни способствуют откладыванию рож-

дения детей на более старшие возраста (Sobotka, 2004). Но именно Россия ставит эту теорию под сомнение. Наблюдается не только сохранение брачного возраста, но даже снижение среднего возраста материнства в России после Второй мировой войны. Как отмечают Вишневский, Захаров и Иванова, во всех западных странах «наблюдалась обратная картина — практически сразу же после достижения низкой рождаемости (двух или менее детей на одну женщину) началось постепенное повышение возраста начала формирования семьи при безусловном и опережающем сокращении рождаемости в раннем возрасте» (Вишневский, 2006а: 191). Такое откладывание сегодня наблюдается и во многих бывших социалистических странах. Если в современной Западной, Северной и Южной Европе (за исключением Югославии) пик рождаемости достигается женщинами в возрасте 25–29 лет, в Восточной Европе, включая Россию, максимальная рождаемость в 1990-х гг. наблюдалась в возрастных группах 20–24 года (Zakharov, Ivanova, 1996; Вишневский, 2006а: 184–194).

Итак, несмотря на то что среднее число детей в России резко снизилось в течение XX в. (от семи детей в начале до одного в конце века), место первого ребенка в жизненном цикле российских женщин осталось на удивление стабильным. Приведенная выше цитата — типичная иллюстрация этого: информантка выходила замуж, когда ей был 21 год и родила ребенка в 22 года. Респондентка даже сначала не понимает вопроса интервьюера, говорящего о том, что «можно рожать позже». Такое недоумение по поводу выражаемого интервьюером сомнения в «нормальности» жизненного цикла информантки встречается и в других интервью:

— *А расскажите, пожалуйста, вот Вы вышли замуж... почему так рано получилось, кто муж был?*

— *Ну, это разве рано? Мы учились вместе, в одной группе в институте, и с первого курса мы дружили. И это, получается, с семнадцати лет до двадцати одного он за мной все время ухаживал. Он меня с первого курса замуж тащил. И очень долго упиралась. Так что я считаю, что это не рано (ж., 38 лет, домохозяйка, вышла замуж в 22 года, двое детей).*

Муж, с которым респондентка познакомилась в школьные годы или в начале учебы в вузе, последующая женитьба и рождение первого ребенка — вот типичная жизненная траектория петербургских

женщин по крайней мере трех последних поколений. При этом брак сегодня в большинстве случаев оформляется, когда пара уже ждет ребенка. Средняя продолжительность брака до рождения ребенка в середине 1990-х гг. составляет всего полгода (Вишневский, 2006а: 191). Явное, артикулированное решение по поводу ребенка до беременности партнеры принимают редко.

— *А ребенок когда родился?*

— *Вот как только замуж вышла, так сразу через десять месяцев.*

— *А как вы решили? Ну...*

— *Мы не решали.*

— *Вы не решали?*

— *Хм [нет]... (ж., 34 года, педагог, вышла замуж и родила первого ребенка в 24 года).*

Притом у этой респондентки есть представление о том, что в других странах рождение ребенка планируют долго и тщательно.

— *А как вы решили родить второго ребенка?*

— *Знаешь, к сожалению, мы совершенно не по-западному, никогда не решали заводить детей, они заводились [усмехается]. Это тоже как-то получилось само (ж., 34 года, экономист, замужем, сыновья 8 лет и 3,5 года).*

Над самим термином «репродуктивное решение» информанты часто смеются, так как он явно неадекватен для описания происходящего, даже когда будущая мать уже немного старше.

— *Скажи, пожалуйста, а как вообще так получилось, что ты приняла решение завести ребенка, первого?*

— *Не было решения — я забеременела и вместе с тем поступала в институт (ж., 35 лет., высшее художественное образование, вышла замуж и родила ребенка в 22 года).*

Решение не было принято [смеется] (ж., 34 года, экономист, замужем, родила ребенка в 28 лет).

[смеется] Как, разве приходит решение? Ну, это, конечно, было случайно (ж., 32 года, врач, замужем, родила ребенка в 26 лет).

При отсутствии решения и планирования рождение ребенка часто обозначается как «плод любви», как возможное событие, против

которого нет возражений. Ребенок описывается как «плод любви» в тех случаях, когда деторождение рассматривается как естественное логическое следствие отношений с мужем или партнером, когда женщине уже «пора» становиться матерью.

Ну, вот я не знаю, просто логически подошел такой момент, мы уже жили два года до [первого ребенка] вместе, как бы. И все равно, мне кажется, что в развитии отношений между мужчиной и женщиной какие-то этапы должны пройти. ...Я не знаю, как это объяснить, на уровне интуиции или чего-то еще, но вот как «пора», да (ж., 32 года, менеджер, замужем, дочь 3,5 года).

В таких случаях отсутствие принятия решения фактически означает, что женщина сама принимает решение, без явного вовлечения мужчины. Одна респондентка признается в том, что за случаями, когда дети появляются как бы «сами собой», стоит исключительно женская инициатива.

Ну, как-то вышло, что ребенок появился, завелся сам собой, что называется. Но это было в тот момент, когда я расслабилась. Вернее, я себе это разрешила и поняла, что да, ну, можно... В один момент я решила: «Ну, можно и ребенка, ну будет так будет». Да, и перестала там разные меры принимать к тому, чтобы его не было. При этом я даже не обсуждала это с [мужем], как бы. Как-то подразумевается в нашей семье, что за деторождение, ну, как бы, за регулирование рождаемости, я отвечаю (ж., 32 года, менеджер, замужем, дочь 3,5 года).

Та же респондентка вообще не выказывает предпочтения явному рациональному планированию. Как показывает Настя Мейлахс в исследовании контрацептивного поведения (см. ее статью «Неслышные переговоры: выбор способа предохранения и отношения между партнерами» в этом сборнике), российская молодежь и сегодня ценит романтическое доверие, близость и спонтанность в сексуальных отношениях, которые могут восприниматься как противоположные сознательному регулированию деторождения. Как логичное последствие отказа от подробного обсуждения контрацепции между партнерами выглядит представление о том, что лучший вариант репродуктивного поведения — «спонтанные дети», «плоды любви».

То есть не то чтобы мы там хотели и обсуждали: «Давай заведем ребенка». И вообще, мне кажется, это не очень правильный путь, как бы, обычно у людей ничего не получается, ну, вот когда они решают заранее, там, планируют, да вот (ж., 32 года, менеджер, замужем, дочь 3,5 года).

Другой вариант рождения «ранних» детей — это деторождение, которое представляется менее определенным или логичным следствием отношений, но не исключается как жизненная стратегия. В таких случаях забеременевшая женщина после краткого периода неуверенности и колебаний решает оставить ребенка. *«Почему бы и нет»,* — говорит она себе и окружающим и принимает решение стать матерью (см. анализ личного опыта в: Белозёрова, 2002).

Честно говоря, случайно вышло... то есть у меня такое было, что я не предохранялась, и ничего не было. А тут вдруг получилось. И вот... я боялась вообще его рожать, поскольку мы институт не закончили, жить негде, ничего у нас, как бы, нет, и еще ребенок (ж., 36 лет, домохозяйка, замужем, двое детей, родила первого ребенка в 23 года).

И буквально узнала, что не поступила, и на следующий день я узнала, что я беременна, каким-то таким замечательным образом. Я подумала, почему бы и нет, конечно. Молодой человек сказал, что не знает, как на это реагировать, и, в общем, делай, что хочешь (ж., 24 года, менеджер, не замужем, родила ребенка в 18 лет).

Значительную роль в таком решении играет отношение партнера и близких родственников, а также возможная поддержка экспертов и врачей:

Очень хорошая у меня была акушерка-гинеколог, она сказала: «Ну, тебе уже 17 лет, почти 18, организм уже почти созрел, давай рожать» (ж., 24 года, менеджер, не замужем, родила ребенка в 18 лет).

Отложенное рождение первого ребенка

Одновременно с сохранением исторически укоренившейся традиции раннего замужества и раннего рождения первого ребенка в некоторых средах наблюдаются изменения в календаре рождаемости. Демографы

предполагают, что «перелом тенденции к омоложению рождаемости и брачности в России произошел именно в середине 1990-х гг.» (Вишневский, 2006а: 193). В Петербурге пик рождаемости в начале нового тысячелетия передвинулся от 20–24 лет до 25–29 лет (см. рис. 2).

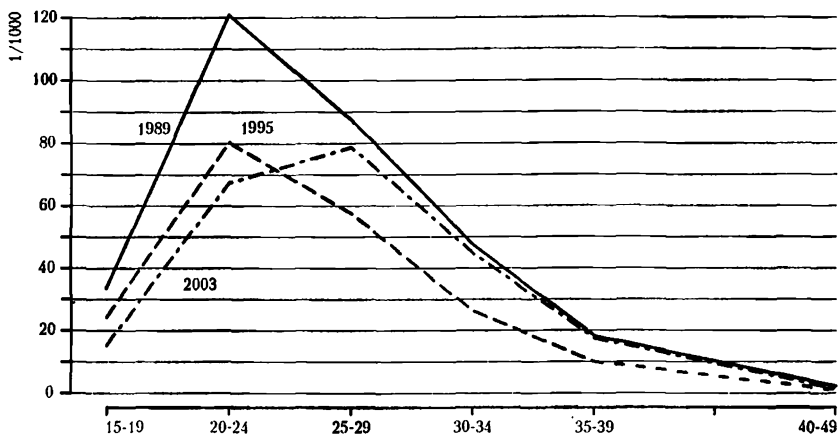

Рисунок 2. Рождаемость в различных возрастных группах женщин, Санкт-Петербург: 1989, 1995 и 2003 гг.

(Расчеты сделаны К. Кессели на основе источников, представленных в Приложении.)

В больших городах, среди образованных слоев и особенно у высоко профессиональных женщин, ориентация на отложенное деторождение наиболее выражена. Респондентка, работающая экономистом в крупной коммерческой фирме, хотела родить ребенка намного раньше, но поскольку, по ее словам, «материальное положение не было радужным», ждала и родила, когда ей было 26 лет (ж., 29 лет, менеджер, замужем, дочь 2,5 года).

Женщина-юрист рассказывает, что хотя врачи и называли ее «старородящей», она родила первой из окружения своих сверстниц:

Среди подруг я одна. И то, я же поздно родила ребенка. Двадцать шесть лет... Это считается поздно. Это не восемнадцать и не двадцать лет. Я в роддоме была старородящей. Мне объяснили, что после двадцати — старородящие у нас уже все. А я так, а я думала, как я рано [смеется], как я так, рано-рано, решила завести ребенка [смеется] (ж., 29 лет, юрист, замужем, сын 2 года).

Так называемый поздний ребенок, родившийся у матери, принадлежащей к среднему классу, — часто желанный и многосторонне планируемый. В таких случаях мы наблюдаем стиль жизни, наиболее близкий к быту образованных классов других европейских стран: сначала молодые люди получают образование и определяют основания своей профессиональной карьеры, затем обзаводятся собственным жильем, и только потом принимается совместное решение о рождении ребенка. Ребенок в таких случаях уже не «плод любви» или неожиданный сюрприз, а результат социально, душевно, телесно и экономически подготовленного проекта.

Ребенок планируемый, родился он, как бы, ожидаемый, потому что уже, в общем-то, карьера была сделана, и встал вопрос ребенка, рождения ребенка, он поэтому и появился на свет. То есть, тридцать лет, мне было тридцать лет (ж., 33 года, врач, замужем, родила в 31 год).

— *Он у нас поздний, мы родители-маньяки [смех].*

— *А ребенка вы рожали запланированно?*

— *Да. Абсолютно.*

— *Сознательно подошли к этому?*

— *Да, мы копили деньги, мы съездили на юг, не пили ничего крепче вина и вот, собственно, оно через месяц... (ж., 32 года, научный работник, замужем, сын 1 год 2 мес.).*

Наши респондентки относятся амбивалентно к отложенному материнству. С одной стороны, эта тенденция оценивается положительно. Такие «старые родители» считаются «разумными», их поведение рассматривается как «осознанное решение» (ж., 46 лет, работает няней, имеет взрослую дочь). Одна респондентка, свекровь которой родила в 40 лет, считает поздних детей «самыми гениальными... Дети, которых родили в сорок лет, поздние дети, они более степенные, более интеллектуально развитые, потому что сами родители другие. ...Они по-другому воспитывают» (ж., 30 лет, менеджер, замужем, дочь 7 лет). В то же время, и по мнению многих, рожать детей в возрасте старше тридцати очень поздно, а в возрасте старше 35 лет — слишком поздно.

...У меня сложилось впечатление из моего личного опыта, что лучше рожать все-таки... ну, я бы не сказала, что в молодом возрасте, —

то есть в молодости это тоже там еще не все молодые люди осознают ту обязанность, которую они должны приобретать, когда они становятся родителями, — но в таком сознательном, но все-таки не где-то так... ну, до тридцати пяти, это точно. Потому что потом оно тяжелее намного — выполнять те же обязанности мамы. И просто и физически тяжелее рожать, и усталость как-то больше накапливается, чем раньше... И потом, когда родители немолодые, они еще придумывают себе тех проблем, которых быть не должно. ...Надо в оптимальный возраст — так, наверное, от двадцати пяти до тридцати пяти (ж., 40 лет, домохозяйка, замужем, родила в 23 года).

Мужчина, супруга которого родила первого ребенка, когда ей было более 35 лет, наоборот, считает что российские представления о старых родителях являются предрассудками:

Ну, да, ребенка планировали. Не сразу. Учитывая, что у нас возраст такой зрелый. Почему-то у нас в России бытует такое мнение, что женщина после тридцати не может нормального ребенка родить. Но, тьфу-тьфу-тьфу, извините, она родила очень хорошего, очень качественного мальчика. И я понял, что это полный бред. Многие дамы мне опять же говорили: «О, Вы еще не имеете детей, Вы ставите жену под удар». Бред, страшный. На собственном примере я вижу, что это не так. Человек должен быть зрелым и иметь детей в том возрасте, в котором он может их иметь, а не так, для галочки (м., 38 лет, женат, сын 1,5 года).

Второй ребенок:

«рациональное продуманное решение»

В отличие от первого второй ребенок рассматривается женщиной как «плод любви» лишь в том случае, если она решается на деторождение с новым партнером. Иначе говоря, принимая решение о рождении второго ребенка, женщина учитывает самые разные обстоятельства: доход, работу и карьеру и — что особенно интересно в нашем массиве интервью — состояние собственного здоровья и степени самостоятельности.

Когда интервьюер задает вопрос об учете экономического положения при решении вопроса о рождении первого ребенка, он получа-

ет простой ответ: «Такого не было». Принимая решение о рождении второго ребенка, женщина, как мы увидим, практически всегда учитывает свои собственные и семейные экономические возможности.

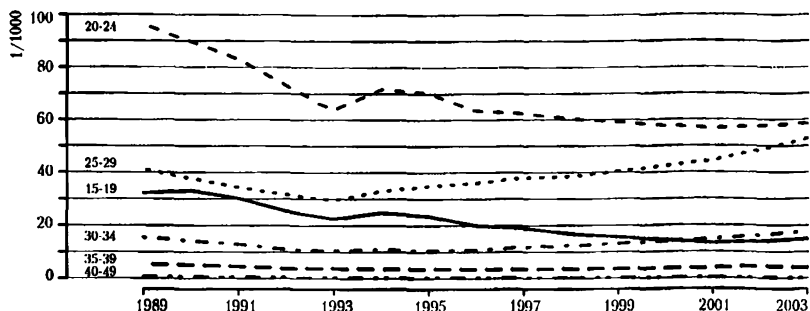
Если первый ребенок, это реально плод, как бы, любви, это все, все по любви... Второй ребенок... ну, в общем, разумно это надо делать, успеть сначала все сделать. Когда это время наступит, я не знаю (ж., 24 года, менеджер, замужем, дочери 1 год 8 мес.).

Семейная политика президента Путина, представленная впервые в Послании Федеральному Собранию в 2006 г., ввела экономические меры, рассчитанные на стимулирование рождения именно второго ребенка (Кузмина, 2007). Они вряд ли достаточны, чтобы увеличить рождаемость в среднем классе, но, тем не менее, нам представляется, что позиция, выраженная президентом России, довольно точно отражает ситуацию родительских колебаний в отношении рождения второго ребенка.

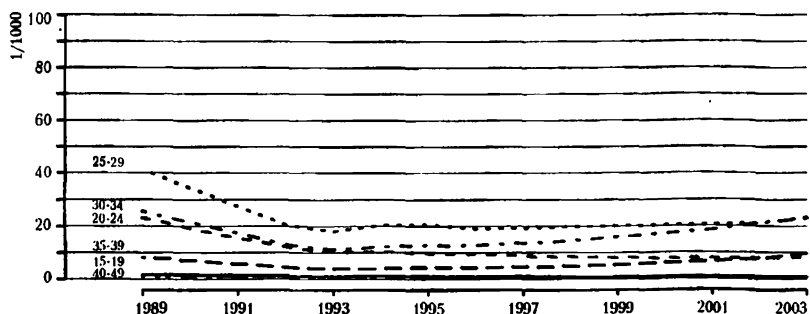
Во всяком случае, сегодня мы должны стимулировать рождение хотя бы второго ребенка (Аплодисменты). Что мешает молодой семье, женщине принять такое решение — особенно если речь идет о втором или третьем ребенке? Ответы здесь очевидны и известны — это низкие доходы, отсутствие нормальных жилищных условий. Это — сомнения в собственных возможностях обеспечить ребенку достойный уровень медицинских услуг, качественное образование... (Путин, 2006).

Данные табл. 1, представленные в начале этой статьи, характеризуют разрыв между общим идеалом деторождения и личными намерениями. Женщины считают идеальным наличие двух детей, но довольно редко этот идеал применяют к своей ситуации. Обычно они выражают другие приоритеты и планы, которые нужно осуществить, прежде чем рожать второго ребенка. Рисунок 3 демонстрирует распределение рождений первого, второго и третьего ребенка в разные годы в разных возрастных группах в Петербурге. Этот график показывает, что число женщин, имеющих двоих детей, уменьшается в период с 1989 по 2003 г., и доля 25–29-летних женщин, родивших второго ребенка, упала в это время (приблизительно) с 40 промиллей до 21.

а) Женщины, родившие первого ребенка

б) Женщины, родившие второго ребенка

в) Женщины, родившие третьего ребенка

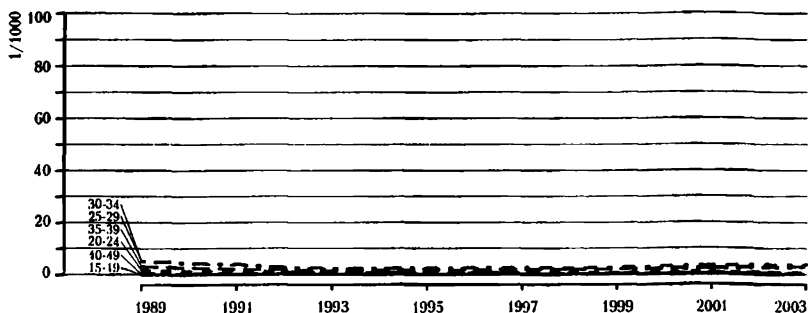

Рисунок 3а-в. Возрастные коэффициенты рождаемости и порядки рождения, Петербург 1989—2003 гг. (1999—2000 гг. — нет данных)
(Расчеты сделаны К. Кесели на основе источников, представленных в Приложении.)

Анализ интервью позволяет выявить сомнения, колебания и опасения женщин в отношении деторождения.

— *А Вы думали о том, чтобы родить еще ребенка, такая молодая?*

— *Конечно, конечно, думала, но... сейчас просто у меня такая катарстрофа, что мне делать, как я буду все успевать, а-а... Не знаю пока, как все это будет происходить (ж., 24 года, экономист, не замужем, родила первого ребенка в 18 лет).*

В некоторых случаях отсутствие подходящего партнера является причиной отказа от деторождения. При этом наши данные показывают, что муж (в случае семейной пары) часто выражает желание иметь второго ребенка. Типичная для многих западных стран ситуация, когда именно муж сопротивляется желанию жены иметь большее количество детей (Rotkirch, 2007), в петербургском материале почти не встречается. Респондентки иногда отмечают, что родили бы второго ребенка даже при отсутствии постоянного партнера, если действительно очень хотели бы этого. Описывая отсутствие такого сильного материнского желания, одна респондентка формулирует следующее уравнение, типичное для многих: *«Теоретически созрела, а практически — никак»* (ж., 25 лет, замужем, сын 4 года).

Удивительно большое количество женщин выказало страх перед самими родами и их последствиями для собственного здоровья. Это тем более важно, что наши респондентки являются представительницами среднего и высшего среднего класса, здоровыми и активными женщинами, обладающими различными ресурсами, часто они сами выступают как работодательницы.

— *А второго ребенка не хотела бы теоретически завести?*

— *Хочу, если бы он так, сам бы появился...*

— *А... То есть как — сам?*

— *Ну, я рожать очень не хочу. Мне очень не понравилось рожать.*

— *Болезненные роды были?*

— *Да, ужасные... Кошмарные. Никому не пожелаю... (ж., 30 лет, родила в 23 года, замужем, домохозяйка).*

— *Собираетесь ли Вы рожать второго ребенка?*

— *Собираюсь! Собираюсь второго ребеночка!*

— *Когда планируете?*

— Собираюсь рожать все время. Собираюсь... Пока не очень позволяет здоровье. Общее состояние очень тяжелое у меня было. Тяжелая беременность и достаточно тяжелые роды; я до сих пор, несмотря на то, что взрослый ребенок, разгребая последствия. И просто чувствую очень неуверенно, потому что хотелось бы выносить здорового ребеночка. Поэтому пытаюсь немножечко подтянуть свое здоровье, немножечко отдохнуть, набраться сил и... (ж., 25 лет, маркетолог, замужем, родила в 21 год).

Следующая респондентка прошла необходимые тесты и курсы лечения, и после серьезных оздоровительных подготовительных мер вторые роды были удачными.

Мы [второго ребенка] планировали еще года за три. Я еще за три года до этого месяца три-четыре занималась чистками всякими. То есть вот эти вот все: желудок, почки, печень... С первым у меня были проблемы: диатез вечный, еще что-то. Я не хотела, чтобы у меня со вторым так было... И я со здоровьем так напряглась, похудела. То есть я уже, как бы, целенаправленно готовилась (ж., 36 лет, домохозяйка, замужем, родила первого ребенка в 1990 г., второго в 1998 г.).

Помимо неуверенности в физических силах есть другое, более психологически окрашенное беспокойство, связанное с неуверенностью в собственных силах. Особенно такое беспокойство характерно для домохозяек с высоким уровнем образования, которые проявили нерешительность в отношении рождения второго ребенка, так как уход за первенцем привел к слишком большому, по их мнению, перерыву в их интеллектуальной и социальной жизни. Молодые матери чувствуют себя запертыми дома, они обсуждают синдром «киснувших материнских мозгов», связанных с постоянным уходом за ребенком, когда несколько лет «вычеркнуто из жизни».

Я бы хотела, конечно, чтобы мой ребенок подрос еще немножко побыстрее [улыбается], был более самостоятельным, и выйти на работу [смеется]. Да. Потому что вычеркнуто из жизни семь лет [смеется]. Просто черным шрифтом вычеркнуто (ж., 38 лет, швея-мотористка, домохозяйка, замужем, дочь 7 лет).

Но, тем не менее, вполне допустимо сидеть с ребенком до школы, отправить его в школу, потом завести второго ребенка, опять сидеть

с ребенком до школы и так далее. Меня это не очень устраивает. Меня все время нервирует. Хочется полагаться на себя. Я должна как-то немножко так себя контролировать. Поэтому когда три года уже я... три года прошло, а высшее образование — оно все равно такой отпечаток своеобразный, что со временем кажется, что мозги киснут. За три года они действительно киснут. Не хотелось. Очень захотелось работать (ж., 28 лет, биолог, замужем, сын 4 года).

В тех случаях, когда респондентки выразили уверенное желание иметь двух или даже трех детей, они ссылались на положительно оцениваемый пример собственной семьи и семьи мужа.

Ну и к тому же привыкла к тому, что во всех наших семьях родственников у нас было не менее двух детей. Двое, трое детей, четверо. И поэтому, естественно, я ориентирована на минимум двух детей в семье (ж., 27 лет, менеджер, детей нет).

Дело в том, что нас трое в семье, меня с братьями, и у мужа их пятеро, и поэтому для нас, ну, трое детей, для нас это совершенно нормально (ж., 41 год, домохозяйка, замужем, трое детей, младшему 4 года).

Обсуждая сомнения по поводу рождения второго ребенка, женщины формулируют две основные задачи социальной политики: улучшить репродуктивное здоровье женщин в целом, особенно в связи с психологическим и физическим опытом первых родов, и уменьшить число лет, проведенных матерью один на один с ребенком. Три года полной вовлеченности и основной материнской ответственности за ребенка для многих российских женщин оказываются изматывающе долгим сроком, особенно если учесть динамику требований рынка труда. Легко себе представить, что принять решение о рождении второго ребенка действительно стало бы более вероятно при некоторых условиях: наличии надежного партнера, на равных разделяющего уход за маленьким ребенком, бытовой помощи родственников и знакомых, доступности «хороших» яслей или нянь, удовлетворяющего притязаниям медицинского обслуживания беременных женщин. При решении вопроса о рождении третьего ребенка, по контрасту с описанной выше ситуацией, такие социальные условия вряд ли станут решающими: тут наши информанты выказывают почти социальную фобию.

Третий ребенок в семье: утопия или результат безответственности родителей

Отвечая на вопрос «как Вы относитесь к многодетным семьям», респонденты иногда затруднялись в определении самой категории многодетности. Для большинства информантов «много» детей — это больше двух, но для некоторых даже два ребенка — это много.

— Скажи, а как ты относишься к многодетным семьям?

— К многодетным я отношусь очень норма... Ну, смотря к каким многодетным. То есть больше одного ребенка?

— Ну, больше двух.

— Больше двух?.. Ну, не знаю... (ж., 27 лет, менеджер, детей нет).

Рисунок 3в, приведенный выше, наглядно показывает, что рождение третьего ребенка является большой редкостью во всех возрастных группах петербургских женщин. Мы не приводим данных о семьях с четырьмя и более детьми, поскольку их еще меньше, чем трехдетных. В материалах глубинных интервью только у одной женщины (няни) было пятеро детей от одного мужа. В других случаях число детей более двух было результатом новых союзов, при этом у детей была большая разница в возрасте. Такой календарь рождаемости женщины должны каким-то образом обосновывать.

...Подружки что-то такое [спрашивают], зачем тебе это надо? Сын и дочка есть, чё тебе еще надо? Зачем? Я говорю, а чем еще заниматься... все смеются, такое у нас, как это называется, перманентное детство (41 год, домохозяйка, замужем, трое детей, младшему 4 года).

Итак, новый быт характеризуется в целом малым количеством детей и таким отношением к деторождению, когда даже наличие двух детей женщины иногда рассматривают как своего рода «многодетность». Три ребенка — это почти всегда «слишком много» для женщины и семьи. Трех детей могут «позволить себе» лишь те женщины, чей быт выстроен идеальным образом, и в материальном, и в духовном смысле: респондентки предполагают, что такие стратегии распространены в семьях богатых или верующих людей.

— Ну, а если в семье больше двух детей? Как ты относишься к таким семьям?

— Больше двух?.. Ну, я отношусь очень нормально. Но я считаю, что это очень смелые женщины. И наверняка это очень благополучные семьи, в которых больше двух детей.

— Благополучные в каком смысле?

— В материальном и в эмоциональном, естественно. ...Рождение третьего, четвертого ребенка — это все-таки... говорит о благополучии семьи и об уверенности женщины в своем мужчине... Я рассчитываю чисто на свои силы сейчас при планировании детей. И я считаю, что двух детей я смогу себе позволить (ж., 27 лет, менеджер, детей нет).

В гораздо большей степени, чем с недостижимым идеалом семейного устройства, трехдетность ассоциируется с безответственностью и распущенностью родителей: «В наших условиях многодетные семьи, как правило, семьи ущербные» (ж., 36 лет, менеджер, детей нет); «Если вы не можете за ними следить — не надо: и денег у вас нет, и того у вас нет...» (ж., 28 лет, экономист, дочь 5 лет). Поэтому практически все информанты начинают с того, что выражают позитивное отношение к многодетным родителям, но в ходе дальнейших рассуждений артикулируют дискурс озабоченности и стигматизации, когда говорят о том, как реально воплощается такая репродуктивная стратегия.

Также к многодетности я отношусь очень хорошо, если это не изживенческая позиция, как это чаще всего бывает. Типа того, что мы родили много детей, и вы все должны этим заниматься, вы все должны мне помочь. У меня есть одна такая знакомая (ж., 34 года, домохозяйка, замужем, дочь 2 года и сын 6 лет).

Я очень хорошо отношусь к семьям, где много детей. Если они не возникают по мере выпивания алкоголя и приходов матери поздно. Я очень хорошо отношусь к таким семьям, если это осознанный выбор людей. Например, людей религиозных. Которые живут по определенным своим правилам, и там замечательно вырастают дети. Я плохо отношусь, если дети запущенны, я очень плохо к этому отношусь. Если это решение именно такое, то я понимаю, что им будет плохо, дети нормальными не вырастут... Короче, я просто против распущенности... (ж., 28 лет, экономист, дочь 5 лет).

Некоторые информантки уверенно утверждают, что трое детей — это по определению «многогато» для современной российской семьи, даже в случае ее материального и психологического благополучия:

Трое — это просто нереально. Потому что я вижу пример перед глазами. И они ничего не успевают. И, как бы, те двое тоже не дополучают... Они все недополучают (ж., 30 лет, домохозяйка, замужем, дочь 7 лет).

В опасениях представительниц российского среднего класса слышится как будто неосознанное эхо тех исследований социального успеха детей из многодетных семей, которые проводились в западных странах, в основном в США. Наличие в семье более чем двоих детей, особенно в тех странах, где высшее образование является платным и дорогим, негативно сказывается на интеллектуальных успехах каждого ребенка. Такие результаты подтверждают теорию «распыления ресурсов» (resource dilution). Согласно этой теории, распределение между детьми таких семейных ресурсов, как родительское общение, негативно влияет на их интеллектуальное развитие (и непосредственно на образовательные достижения). Распыление (распределение между детьми) таких экономических ресурсов, как экономическая поддержка обучения в высшем учебном заведении, также негативно влияет на образовательные достижения каждого из детей (Steelman et al., 2002: 251). Эти тенденции особенно выражены в США, где детность семьи столь же сильно влияет на показатели образовательного уровня каждого ребенка, как и уровень семейного дохода, причем образование родителей и прежние школьные достижения самих детей оказываются менее значимыми (Steelman, Powell, 1989: 202). Только большая возрастная разница между детьми противостоит негативным эффектам «распыления ресурсов» (Blake, 1989; Powell, Steelman, 1993).

К аналогичным выводам приходят и исследователи, утверждающие, что в условиях быстрого экономического роста и социального расслоения общества в долгосрочной перспективе родителям «выгодно» инвестировать имеющиеся ресурсы в воспитание малого числа детей. Так, например, математическая модель Хилла и Рив показывает, что «потомство численно уменьшается, когда возрастает затратность воспитания и образования конкурентоспособных потомков. Родительские инвестиции в воспитание и образование небольшого числа

детей в состоятельных домохозяйствах с большей вероятностью приводят к успешности этих детей. В этом смысле нам представляется, что расходы, связанные с приобретением детям различных дорогих или даже “шикарных” вещей, могут быть намного менее легкомысленной тратой денег, чем на первый взгляд кажется» (Hill, Reeve, 2005: 400–401).

Стратегии современного российского среднего класса, делающего ставку на хорошее образование детей, которое требует от родителей значительных социальных и экономических инвестиций, соответствуют и теории распыления ресурсов, и теории, объясняющей феномен низкой рождаемости при растущем уровне благосостояния и конкуренции (см. статью Б. Гладарева и Ж. Цинман в этом сборнике). Одна информантка — экономист по специальности — четко сформулировала позицию, иллюстрирующую эти теории:

Потому что сейчас у нас, как бы, зона социального неблагополучия — это просто семьи с двумя детьми. Это реально. То есть да, то есть ты можешь, как бы, из среднего класса, как ты говоришь, сразу скатиться в самый низший, потому что у тебя появилось еще и два ребенка (ж., 32 года, менеджер, замужем, дочь 3,5 года).

Не вызывает сомнений и то, что на решение о рождении третьего ребенка влияют те же причины, что и на принятие решения о рождении второго ребенка, т. е. состояние здоровья и степень самостоятельности женщины. В нашем массиве довольно много респонденток из состоятельных семей с двумя детьми не рассматривают перспективу рождения третьего ребенка, даже когда муж ориентирован иначе. В следующем отрывке интервью мы видим, как переплетаются в аргументах женщины ее представления о границах репродуктивного возраста, оценки собственного здоровья и осознание барьеров самореализации.

— Муж у меня просто жаждет: «Девочку, девочку». Девочки же нет. Но я уже, честно говоря, наверное, нет...

— А в чем причина, почему не хотите?

— Ну, здоровье уже не то... Мне в двадцать девять лет на карте тоже писали «старородящая». И здоровье, и надо много сил, как бы, и нужно эмоции и всего иметь, чего ребенку дать. То есть, в принципе, как бы, материально, мы, конечно, можем... Но я сама, мне кажется,

что мне уже хватает... Поскольку я все равно, хоть и няня, но я много времени с детьми сижу, я уже насиделась и с первым, и со вторым. Мне уже хочется другого: поработать, поехать (ж., 36 лет, домохозяйка, замужем, двое детей).

Что же способствует раннему материнству и малодетности? Вместо заключения

Наши данные подтверждают устойчивость давней российской традиции молодого материнства, несмотря на некоторые свидетельства «откладывания» деторождения у профессионально ориентированных женщин. С другой стороны, российский календарь рождаемости сегодня является, если можно так выразиться, очень коротким, так как первый ребенок для большинства женщин оказывается последним. По словам респонденток, рождение первенца объясняется чувствами, особенно любовью к партнеру, а рождение других детей (или их отсутствие) объясняется более рациональными причинами, в основном уровнем дохода, состоянием здоровья и желанием женщины иной личной реализации.

В книге «Демографическая модернизация в России» Анатолий Вишневский и другие российские демографы отмечают те же тенденции. Они отмечают общие модернизационные процессы и особенности российской возрастной модели брачно-материнского поведения. Авторы не дают полного теоретического объяснения российской специфики. Тенденцию откладывания деторождения, укоренившуюся в западных европейских странах, они частично объясняют высокой степенью индивидуализации и гендерным равенством (Вишневский, 2006а: 143–144).

Перед нами возникает несколько парадоксальная картина: сначала молодая женщина идет на поводу чувств и эмоций, не занимается репродуктивным планированием и рождает первенца. Позднее, будучи уже матерью, она ведет себя рационально и принимает репродуктивные решения, учитывая разнообразные сложные обстоятельства структурных условий и личных возможностей (см. статьи Тёмкиной и Бредниковой в этом сборнике). Действительно ли женщины так сильно меняются под влиянием опыта родов и ухода за маленьким ребенком? В этой статье мы выделили некоторые общественные, эмоциональные и экономически-соревновательные причины репро-

дуктивного поведения представительниц среднего класса. Но нам все еще трудно ответить на вопрос о том, действительно ли эмоциональные причины значимы в начальной фазе календаря рождений, а социоэкономические причины оказываются решающими только в его конце.

Можно предложить две разные интерпретации такого календаря рождаемости. Согласно первой, в отношении рождения первенца Россия еще сохраняет установки традиционной культуры, где процессы индивидуализации и модернизации отстают от западных паттернов. Согласно второй, Россия представляет особый вариант «второго демографического перехода», где низкое число детей и высокий уровень женского образования сочетается с ранним материнством.

Чтобы отдать предпочтение одной из этих интерпретаций, нужно провести дальнейшие исследования. Отметим лишь несколько предварительных гипотез, которые ориентируют наш дальнейший исследовательский поиск. Мы видели, что большинство респонденток, включая женщин с высшим образованием, не планировали в явном виде рождение первых детей. «Решения не было», — так они отвечали на вопрос интервьюера о том, как они приняли решение стать матерями. Насколько их репродуктивное поведение можно объяснить влиянием традиционного российского и советского представления об обязательном материнстве женщины? В представлении старших респонденток, 1950–1960-х гг. рождения, женская роль и супружество тесно связаны с деторождением, эта связь не подвергается рефлексии и в этом смысле является традиционной.² «Нормальная» женщина — это мать.

Ну я считаю, что я нормальная женщина. Я считаю, нормальная женщина, любая, хочет иметь детей, хоть одного... Бог дает ребенка — подаст и на ребенка. ...Я считаю, что это самое главное (ж., 46 лет, работает няней, имеет взрослую дочь).

...Я не представляла себе, как можно жить без детей в браке (ж., 39 лет, домохозяйка, замужем, трое детей).

Среди младших респонденток находим больше рефлексии и понимания того, что личность или жизненная ситуация не всегда располагают к материнству. Бездетные женщины не являются объектом

² О традиционности и модернизации гендерного порядка см.: Тёмкиша, 2008.

осуждения. Наоборот, сознательно избранная бездетность многим молодым информанткам кажется предпочтительнее, чем неконтролируемая многодетность: *«Бездетность это лучше, чем родить ребенка, типа потому что пора или типа, потому что... из каких-то других соображений, и потом он уже и не нужен»* (ж., 34 года, домохозяйка, замужем, двое детей). В нашем массиве есть много примеров рефлексии молодых беременных женщин. Важную роль в их репродуктивном выборе играет отношение партнера: респондентки вспоминают о том, как они делали аборт под давлением партнера, или, наоборот, о том, как они принимали решение рожать при его поддержке. Наш материал показывает, что на репродуктивное решение влияло также мнение родителей и других родственников, хотя молодые люди нередко действовали вопреки советам старших. В качестве центрального критерия репродуктивного выбора выступало то, как будущая мать оценивала свои способности самостоятельно справиться с новой ролью. *«Такое внутреннее разрешение на ребенка, оно появилось тогда, когда я поняла, что я смогу даже одна, в случае чего, ребенка на себе вывезти»* (ж., 29 лет, менеджер, замужем, дочь 2,5 года). Одинокое материнство также часто оценивалось именно с точки зрения материнских ресурсов, а отнюдь не с возможных моральных или культурно-нормативных позиций: *«Это выбор женщины, если она считает, что она в силах или просто хочет этого, она имеет право это делать»* (ж., 36 лет, детей нет).

Нам представляется, что рефлексивное поведение молодых матерей не полностью соответствует традиционалистским установкам. На наш взгляд, далеко не всегда поведение молодых матерей свидетельствует об «отставании» российских репродуктивных практик от общих процессов модернизации и индивидуализации, несмотря на то, что культурные традиции, поддерживающие материнство, продолжают играть важную роль в репродуктивных решениях. Наш материал показывает, что многие потенциальные молодые родители глубоко продумывают последствия своих репродуктивных выборов, узнав о беременности.

Кроме этого, мы можем выделить некоторые причины, рационально объединяющие стратегию ранних деторождений. Первая из них: раннее окончание общеобразовательной школы и организация высшего и специального образования. Во многих западных странах обучение в школах и гимназиях продолжается 12 лет, после чего молодые

люди несколько лет посвящают работе и путешествиям, прежде чем продолжить профессиональное образование. Кроме того, обучение в высших учебных заведениях — колледжах и университетах — происходит по свободным графикам. В России молодые люди получают аттестат зрелости раньше — в 17—18 лет, а дипломы о высшем образовании — уже в 21—24 года. Вторая возможная причина ранних деторождений — ориентация на собственные физические силы и силы бабушек, т. е. на те важнейшие ресурсы, которые с возрастом постепенно убывают. В-третьих, возможно, что молодые родители осознают высокие требования рынка труда и поэтому понимают, что откладывание деторождения на поздний возраст может осложнить трудоустройство. И последнее — пример сверстников способствует раннему деторождению, так как оказывается, что ранние роды являются нормой и не препятствуют «нормальной жизни».

Таким образом, типичное для России сочетание раннего деторождения и малодетности необходимо объяснять как культурными традициями, так и современным прагматизмом российских женщин. Российские репродуктивные практики, на наш взгляд, могут служить примером для других стран, борющихся с негативными последствиями откладывания деторождений, таких как нежеланная бездетность и проблемы репродуктивного здоровья. С другой стороны, в области репродуктивного здоровья и социальной поддержки Россия могла бы учиться у других стран, опыт которых доказывает, что более позднее деторождение и большее число детей не обязательно приводят к выпадению из зон социального благополучия.

Литература

- Белозёрова Ю. (2002). Практики беременной женщины: личный опыт, в кн.: Е. Здравомыслова, А. Тёмкина, ред., *В поисках сексуальности: Сборник статей*. СПб.: Дмитрий Булагин, с. 338—365.
- Кессели К., Регушевская Е.В., Дубикайтис Т.А., Кириченко С.И., Роткирх А., Хаавио-Маннила Э., Кузнецова О.Ю., Хемминки Э. и РЕФЕР-группа (2005). *Репродуктивное здоровье и фертильность в Санкт-Петербурге. Отчет по результатам опроса, проведенного среди женщин от 18 до 44 лет в 2004 г.* Department of Sociology, University of Helsinki and STAKES. Working papers N 60.
- Винишевский А.Г., ред. (2006а). *Демографическая модернизация России 1900—2000*. М.: Новое издательство.

- Вишневский А. Г., ред. (2006). *Население России 2003–2004: Одинадцатый-двенадцатый ежегодный демографический доклад*. М.: Наука.
- Кузмина Н.Г. (2007). *Материнский (семейный) капитал: Практическое пособие*. М.: Кнорус.
- Путин В.В. (2006). *Послание Федеральному Собранию Российской Федерации*. 10 мая 2006 года [электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.kremlin.ru/appears/2006/05/10/1357_type63372type63374type82634_105546.shtml, свободный.
- Тёмкина А. (2008). *Женская сексуальность: Между подчинением и свободой*. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Billari F.C., Liefbroer A.C., Philipov D. (2006). The postponement of child-bearing in Europe: Driving forces and implications, *Vienna Yearbook of Population Research*, Vienna: Austrian Academy of Sciences, p. 1–18.
- Blake Judith (1989). *Family size and achievement*. University of California Press.
- Fertility... (2004). *Fertility and family issues in an enlarged Europe*. Dublin: European Foundation for the Improvement of Living and Working conditions [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.eurofound.europa.eu/pubdocs/2004/33/en/1/ef0433en.pdf>, свободный.
- Foster C. (2000). The limits to low fertility: a biosocial approach, *Population and Development Review*, vol. 26, N 2, p. 209–234.
- Fraboni R., Rosina A. (2006). Age at first union and fatherhood in a very low fertility context, *Genus*, vol. LXII, N 3–4 (July–Dec.), p. 87–119.
- Haaga John G. (2001). Comment: The pace of fertility decline and the utility of evolutionary approaches, *Population and Development Review*, N 27, p. 53–59.
- Haub Carl (2007). *Is Fertility Rising in Countries With Low Birth Rates? PRB's New TFR Table* [электронный ресурс], режим доступа: www.prb.org/Articles/2007/IsFertilityRisinginLowBirthRateCountries.aspx, свободный.
- Hill Sarah, Reeve H. Kern (2005). Low fertility in humans as the evolutionary outcome of snowballing resource games, *Behavioral Ecology*, N 16, p. 398–402.
- Gissler M., Hemminki E., Kautto M. (2006). Trends in the fertility in the Nordic countries, in: *Sustainable Social and Health Development in the Nordic Countries*. Copenhagen: NOMESCO, p. 50–66.
- Kharkova T., Andreev E. (2000). Did the economic crisis cause the fertility decline in Russia? Evidence from 1994 microcensus, *European Journal of Population*, N 16, p. 211–233.
- McDonald P. (2006). An Assessment of Policies that Support Having Children from the Perspectives of Equity, Efficiency, and Efficacy, *Vienna*

- Yearbook of Population Research*, p. 213–234. Vienna: Austrian Academy of Sciences.
- Powell Brian, Steelman Lala Carr (1993). The educational benefits of being spaced out: Sibship density and educational progress, *American Sociological Review*, N 58, p. 367–81.
- Rotkirch Anna (2007). *How do some women get «baby fever»? Affective fertility incentives in contemporary Finland*. Presentation at the European Conference on Evolution and Human Behaviour, London School of Economics, 29.3.2007.
- Sobotka T. (2004). *Postponement of Childbearing and Low Fertility in Europe*. Amsterdam: Dutch University Press.
- Steelman Lala Carr, Powell Brian (1989). Acquiring capital for college: The constraints of family configuration, *American Sociological Review*, N 54, p. 844–855.
- Steelman Lala C., Powell Brian, Werum Regina, Carter Scott (2002). Reconsidering the effects of sibling configuration: Recent advances and Challenges, *Annual Review of Sociology*, N 28, p. 243–269.
- Therborn Göran (2004). *Between sex and power: Family in the world 1900–2000*. London: Routledge.
- Udry J. Richard (1996). Biosocial Models of Low Fertility Societies, in John B. Casterline, Ronald D. Lee, Karen A. Foote (eds.), *Fertility in the United States: New Patterns, New Theories*. Supplement to *Population and Development Review*, vol. 22. p. 325–336.
- Vishnevsky Anatoly G. (1996). Family, fertility, and demographic dynamics in Russia: Analysis and forecast, in: Julie DaVanzo, Gwen Farnsworth, eds.: *Russia's Demographic «Crisis»*. Santa Monica, RAND conference proceedings.
- Zakharov S.V., Ivanova E.I. (1996). Fertility decline and recent changes in Russia: On the threshold of the second demographic transition, in: Julie DaVanzo, Gwen Farnsworth, eds.: *Russia's Demographic «Crisis»*. Santa Monica, RAND conference proceedings.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Данные о рождениях, порядке деторождений и возрасте матери получены из: *Основные показатели демографических процессов в Санкт-Петербурге и Ленинградской области: Статистические сборники*. СПб.: Петростат, 1990–2004 гг.

Возрастная структура женского населения Санкт-Петербурга представлена на основе данных Института городского планирования (С. Сишинский).

Ольга Бредникова

«СТАРОРОДЯЩАЯ» МОЛОДАЯ МАТЬ (ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ИГРЫ С КАТЕГОРИЯМИ ВОЗРАСТА)

С рождением ребенка в моем доме появилось множество затейливых предметов и приспособлений, о существовании которых ранее я даже и не догадывалась. С инструкцией к одному из них — «стерилизатору бутылочек» — я провела весь вечер. Такое чтение, помимо «чисто человеческого» удовольствия,¹ может быть полезно и для социологических наблюдений. Так, русскоязычная версия этой инструкции начиналась словами: «*Тэфаль разработал несколько приспособлений для молодых матерей...*» В инструкциях же на английском, немецком и французском языках авторы текста или его переводчики обращались к *родителям*. Ориентация исключительно на матерей для нашего социального контекста вполне привычна и даже не удивляет. Больше мое внимание привлекла упомянутая характеристика матери. Отчего-то эта «чудо-машинка» предназначалась исключительно *молодым* матерям. Я, как пользователь стерилизатора, была номинирована и тем самым стала «молодой». И вдруг я осознала, что за период беременности и еще недолгого материнства мой возраст постоянно проблематизировался, с ним происходили какие-то метаморфозы — я то становилась *старой*, то вновь *молодела*. И это при том, что все события разворачивались в рамках одного года.

¹ Из инструкции к детской кроватке «Степашка-6»: «...вставить в отверстие задней стороны подвижной решетки втулку, затем пружину. Одновременно закрутить регулировочную гайку заднюю. С передней стороны вставить кнопку фиксатор. Нажатием на кнопку освобождаем отверстие сверху, вставляем опускающее, затем закрепляем болтами...».

В этой статье я рассматриваю механизмы производства и смыслы, приписываемые *молодости* и *старости*, раскрываю причины манипуляций категориями возраста и анализирую отношения власти, которые реализуются при их использовании. Этот текст вырос из одного-единственного исследовательского случая и выполнен методом самоэтнографии. Подобный исследовательский жанр, безусловно, имеет ряд преимуществ: постановка исследовательских вопросов вырастает из «живого» полевого материала; наблюдения постоянны и достаточно точны, ибо происходит полное погружение в тему; снимается дихотомия «исследователь» — «объект исследования», что отчасти решает проблему властных отношений и навязывания собственных интерпретаций исследуемому (Spry, 2001; Richardson, 2002). Впрочем, у данного подхода есть свои «подводные камни», и существует опасность слишком большой вовлеченности и потери исследовательской рефлексивности.

Итак, в фокусе данного исследования — собственная жизнь автора. Во время беременности и первых дней жизни ребенка я вела дневник, где старалась тщательно фиксировать все ситуации столкновений с институтом репродуктивной медицины — таков был «проектный заказ». ² В дневнике я описывала свои действия, действия вовлеченных агентов и мои взаимодействия с ними. Кроме того, я старалась передать «атмосферу» места, где разворачивались события, — организацию пространства, вещное и символическое его наполнение, собственные эмоции, страхи, переживания и пр. Текст выстроен следующим образом: сначала идет эмпирический материал, но не в «сыром» дневниковом виде, а уже структурированный и отчасти прокомментированный. В последней части статьи представлены некоторые социологические размышления, выросшие из полевых наблюдений.

Возрастные метаморфозы

Сама для себя из *молодости* я еще не вышла и, полагаю, не выйду еще некоторое время. Слишком уж привлекателен растиражированный

² Совместный проект факультета политических наук и социологии ЕУСПб и Джорджтаунского университета (Georgetown University) «Non-Traditional Threats to Russia's Security», грант Carnegie Corporation of New York B7819.

и уже устоявшийся образ *молодежности* с его «ненсчерпаемым» запасом энергии и ощущением тотальной свободы — свободы в стиле одежды, поведения, мышления и даже кажущейся, эфемерной свободы от принудительной силы различных социальных институций. Очевидно, что следующая стадия жизненного цикла, часто именуемая *зрелостью*, предлагает уже другие ориентиры и, вопреки накопленным капиталам, предполагает большую ответственность и соответственно большие ограничения.

Безусловно, тезис о разрушении «ассоциации между молодостью и возрастом» (Омельченко, 2004: 15) ныне вполне справедлив. Тем не менее многие социальные институты по-прежнему однозначно и строго вписывают *молодость*, как, впрочем, и другие «возрасты жизни»,³ в конкретные возрастные пределы, тем самым определяя и перепределяя возрастные идентичности человека. Например, для меня, помимо ежегодных ритуальных праздников, напоминания о возрасте приходят прежде всего из профессиональной сферы. В частности, мой академический путь до тридцати лет во многом определялся позицией «*молодой ученый*» с вполне конкретными структурными возможностями или ограничениями — таким образом институт науки определяет границы *молодости*. Более того, все академические статусы неформально, так или иначе, ассоциированы с возрастом. Одна коллега долго убеждала и почти убедила меня в том, что «ненормально и неприлично получать степень кандидата наук после сорока!», ибо «пора уже задумываться о следующем шаге». Точно так же почти невозможно стать академиком в тридцать — «этапы большого пути» все же структурированы возрастом и требуют некоего возрастного соответствия, а все исключения все равно будут интерпретироваться как «отклонение от нормы», хотя эта норма не всегда институционально оформлена. Итак, институт академической науки во многом упорядочен посредством возрастных градаций и границ.

Конечно, отказ в праве принять участие, скажем, в летней школе на основании того, что ты старше, чем «положено», — сам по себе не слишком приятный факт, но он отнюдь не связан с помещением на другой конец шкалы «молодость—старость». В женской консультации я впервые столкнулась с тем, что меня не просто заставили вспомнить, сколько мне лет, но в связи с возрастом определили как *старую*.

³ Категория Ф. Арьеса (1999: 26—43).

Наступившая старость

Складывается впечатление, что гинекология — одна из наиболее «социально ориентированных» отраслей медицины. Здесь постановка диагноза и проведение соответствующего лечения требует не только знания о теле человека, но и о его социальном положении. Еще перед встречей с врачом, на одном из важных «пунктов допуска» — регистратуре — обязательно составляется подробнейшая социальная картинка пациента, которая затем передается в качестве важной информации врачу и сопровождает весь процесс медицинского наблюдения и лечения. Приведу отрывок из полевого дневника, речь идет о первом посещении коммерческого центра одной из репродуктивных клиник Петербурга:

Ко мне из-за стойки регистратуры вышла женщина в белом халате и увела в коридорный «зауток», чтобы подробно заполнить медицинскую карточку. «Зауток» весьма условный, ибо коридор проходной и густонаселенный, однако этот кабинетик выделен от остального пространства стеклянными стенами и «интимных разговоров» снаружи не слышно. Здесь стоят стол и два стула. Мою карточку заполняли минут десять. При этом мне задавали не только медицинские вопросы, то есть то, что касается тела, — о начале половой жизни, первой менструации, венерических инфекциях, беременностях, абортах, рождении детей и пр. Перед этими основными, на мой взгляд, вопросами меня довольно подробно расспросили о возрасте, месте жительства, образовании, месте работы и должности, брачном статусе и брачном стаже, и даже об образовании и месте работы супруга. Кстати, их интересовал именно супруг, а не, скажем, партнер, бойфренд и пр.⁴ (Дневник, 16.03.06).

В такой достаточно полной социально-демографической справке — «мечта социолога!» — сведения о возрасте оказались чрезвычай-

⁴ И хотя один раз врач, при мне заполнявший подобную «социально-ориентированную» медицинскую анкету, посетовал, что «вся эта бюрократия — наследие советской системы», это наследие по-прежнему живо. Так, форма этих медицинских карт до сих пор воспроизводится. Недавняя компьютеризация базы данных о пациентах и введение системы электронных медицинских карт в этом медицинском учреждении отнюдь не вызвала их изменение. Новая карточка с точностью повторяет прежнюю.

чайно важными. Вся остальная информация, как мне кажется, была избыточной. Возможно, она каким-то образом и принимается во внимание — где-то кочует в медицинской статистике или изначально важна для врача при определении стратегии лечения и выборе стиля общения с пациенткой. Однако эффекты от знания подобной информации не столь очевидны, как от знания возраста. Возраст стал наиболее «востребованным знанием». Этот социальный индикатор не только был вписан в анамнез (в качестве важного сведения «об условиях жизни, а также о начале и развитии заболевания»), он стал составной частью диагноза (то есть «определением существа и особенностей болезни»):⁵

Врач в приемном отделении больницы спросила меня: «Желанная беременность? Вы хотите ребенка сохранить?», я ответила, что очень. Тогда она произнесла вслух: «Ага, 36 лет, детей нет, беременность сохраняемая», написала эту фразу сверху первой страницы моей Истории болезни и подчеркнула ее два раза. Потом эту формулу («беременность 9 недель, 36 лет, первородящая...») мне воспроизводили на отделении — и мой лечащий врач, и заведующий на обходе, и врач, который делал УЗИ, — то есть все те, кто брал мою медицинскую карту в руки и обсуждал со мной мое состояние или стратегии лечения... (Дневник, 24.01.06).

Несмотря на то что разные врачи во время беременности неоднократно, как магическое заклинание, повторяли фразу «Беременность — это не болезнь!», тем не менее вся практика репродуктивной медицины по так называемому ведению беременности доказывает обратное. В рамках этого института беременная женщина превращается в пациентку, и ее тело становится объектом медицинского контроля и медицинской коррекции.⁶ Да и в «Листке нетрудоспособности», выданном мне после лечения в больнице, в графе «диагноз» так и было написано — «Беременность... недель». Согласно исследованию Т. Бараулиной, сами женщины иногда представляют истории своей беременности так же, с использованием метафоры болезни, ибо «...как и при болезни, беременность делает тело центральным объектом соци-

⁵ Определения *анамнеза* и *диагноза* из «Современного словаря иностранных слов» (Современный словарь..., 1994).

⁶ См., например, исследование Ю. Белозёровой (2002: 338—365).

альных отношений и определяет всю жизненную ситуацию его «обладательницы»» (Бараулина, 2002: 382).

Другое свидетельство особого внимания к моему возрасту — бумажный красный треугольничек, который в женской консультации приклеила участковый врач-гинеколог к моей «Карте беременной». «Это чтобы более внимательно к Вам относиться, так как Вы у нас будущая мамочка в возрасте!» — объяснила она мне.

Итак, институт репродуктивной медицины во время беременности проблематизировал мой возраст и определил как *старую* для рождения первого ребенка. Впрочем, необходимо заметить, что сама лексема *старая* практически не звучала. Лишь однажды я слышала, как в больнице между собой меня и других посетительниц обсуждали медсестры: «Сегодня одни *старородящие*...» Наиболее часто и активно использовался политкорректный эвфемизм *возрастная пациентка*.⁷ Использование подобных номинаций имеет совершенно реальные следствия. Так, мне чаще приходилось посещать женскую консультацию; я была вынуждена чаще сдавать анализы, в том числе сложный и дорогостоящий анализ на возможные генетические отклонения у плода, который настоятельно рекомендован всем беременным старше тридцати пяти лет; мне назначали больше поддерживающей терапии, зачастую просто так, «на всякий случай». Таким образом, процесс медицинского мониторинга беременности значительно усложнялся, он потребовал от меня больших временных и материальных затрат.

В качестве аргументов в пользу повышенного врачебного внимания к возрасту и состоянию беременной женщины неизменно приводились данные статистики о вероятности осложнений, оговаривались

⁷ Филипп Арвьес в 1970-х гг. отмечал эволюцию старости: «Сегодня старость исчезла, по крайней мере, из языковой нормы... понятие "старик" ушло из нашей жизни. Его заменил "человек в возрасте" <...> Технологическая идея консервации вытесняет биологическое и нравственное понятие старости» (1999: 42). Безусловно, выражение «человек в возрасте» не является прямой заменой категории «старый». Однако здесь меня интересует не столько содержательная эволюция категорий, сколько властные манипуляции при их использовании. Оттого я позволила себе рассматривать эти категории как синонимичные, тем более что в исследуемом случае они иногда взаимозаменяемы. Хотя, безусловно, в российском социальном контексте различия в номинациях требуют детального исследования.

потенциальные риски. Наверное, трудно отрицать очевидные возрастные изменения тела. Тем не менее в данном случае возраст проблематизировался без учета индивидуальных особенностей организма. Возрастные различия в репродуктивной медицине четко фиксированы и распространяются на всех пациенток; тем самым они становятся институциональной нормой. Как оказалось, нормой репродуктивная медицина считает рождение первого ребенка до тридцати пяти лет,⁸ а после перехода этой возрастной границы тело беременной женщины определяется как «проблемное», несущее в себе потенциальные опасности и оттого требующее большего надзора и медицинских манипуляций. Я «опоздала» всего лишь на год, но все равно стала объектом повышенного внимания...

Интересно, что сами медицинские работники, вопреки жестко заданной институтом возрастной границе, зачастую пытались как-то нормализовать мой возраст. Например, в роддоме акушерка, решив, что я волнуюсь по этой причине, пыталась поддержать и успокоить меня, рассказывая байки про недавнюю пациентку, которой «хорошо под пятьдесят», или про свою сестру, которая «родила первого лишь в сорок три года, отличный мальчишка получился! А теперь и еще второго хочет в свои сорок пять!» Однако сами по себе такие разговоры уже настораживали и поневоле заставляли задуматься, что, «наверное, что-то не так!». В данном случае стратегией нормализации становится расширение возможных возрастных пределов — «ничего, бывает и хуже». Мой возраст как бы пытались приблизить к норме, раздвигая ее границы. Однако, тем самым, лишь подтверждалась и утверждалась моя «ненормальность».

Отнесение меня к проблемной категории пациенток вызывало, как я писала выше, большее внимание со стороны профессионалов и соответственно больший контроль. Однако нарушение установленной возрастной нормы спровоцировало проявление еще одной стратегии врачей, которая меня несколько удивила. Одновременно с контролем происходило перераспределение или даже снятие с себя профессиональной ответственности:

⁸ Данная возрастная граница не так давно значительно подвинулась. Буквально лет пятнадцать назад женщины старше 24 лет, беременные первым ребенком, уже входили в категорию «старородящих».

Во время утреннего врачебного обхода в больнице врач подошла ко мне и сразу сказала, что раз я перевожусь в другую палату, то там со мной и поговорят. Но я все равно решила спросить ее про свое состояние, про результаты вчерашних анализов. Она вдруг довольно раздраженно стала говорить: «Ну Вам столько лет, и в Вашем случае можно только надеяться на Бога, все в его власти! К тому же, что Вы хотите?! В Вашем возрасте уже происходит естественный отбор...» (Дневник, 26.01.06).

Таким образом, ответственность перекадывалась и на сверхъестественные силы (Бога), и на природу (*естественный отбор*), и на меня саму как на нарушительницу норм (*что Вы хотите?!*). Кстати, обращение к «природе» — довольно популярная речевая стратегия в сфере репродуктивной медицины. Неформальным девизом роддома, в котором мне пришлось рожать, была фраза «Природа свое возьмет!». Так отвечали на многие вопросы, жалобы и просьбы, снимая многие медицинские проблемы. Это высказывание, по сути, возводит «природу» до некой разумной, даже мудрой силы, перед которой пасует медицина. Возможно, подобное перераспределение ответственностей отчасти указывает на пределы возможностей современной репродуктивной медицины; в частности в отношении проблем здоровья беременной, матери и ребенка, вызванных возрастными изменениями.

Возвращенная молодость

Родив ребенка, я вдруг неожиданно «помолодела». Еще на дородовом отделении роддома почти весь медицинский персонал обращался ко мне на «вы» и по имени-отчеству. Однако уже в послеродовой палате, после «чистилища» родильного зала, с моим возрастом произошла метаморфоза. С этого момента я была практически «обезличена» — обращение *Вы*, которое в российском культурном контексте является маркером социальной дистанции (статуса, в том числе и возрастного), стало местоимением *вы* во множественном числе: «Как вы себя чувствуете, какой у вас сейчас вес?» — спрашивала медсестра, данным обращением отождествляя меня с новорожденным. А меня саму в основном называли уже *молодой мамочкой*. Точно так же *молодыми мамами* или даже *девчонками* именовали и других пациенток послеродового отделения, вне зависимости от их возраста и предыдущего

опыта материнства. И врачи, и медсестры, и технический персонал предпочитали использовать именно такие обобщенные обращения, апеллирующие к *молодости*.

Здесь фраза *молодая мать* является устойчивым выражением, где слово *молодая* означает не столько возраст, сколько стаж материнства. В данном случае *молодая* равнозначна «*свежеиспеченной*». Однако хорошо известна генерализирующая власть номинаций, и подобное обращение предполагает и влечет за собой соответствующее отношение. Будучи *молодыми* по определению, мы были «не-опытными» и «не-знающими» и оттого оказались в роли учеников — нас постоянно обучали-наставляли-инструктировали:

В палату вошла детский врач и сказала: «Ой, как хорошо, что у вас посетители! Они посидят с малышами, а вы быстренько в соседнюю палату на лекцию!» Мы с моей соседкой отправились туда. Соседняя палата не «коммерческая», и там лежат шесть женщин с детьми. Туда же пришла еще пара человек из соседней палаты. В общем, было довольно многолюдно и тесно. В палате был всего один стул. Так что мы стояли, а «местные» сидели на своих кроватях. Вскоре подошли два врача, которых я уже видела на осмотре. Одна из них утром меня отчитывала, что ребенок очень скинул вес. Началась лекция. Нам рассказывали о кормлении и гигиене новорожденных, о том, как их надо одевать, сколько гулять и прочее. Даже как лучше оборудовать детскую комнату. Наши лекторы говорили очень быстро, как будто заученно. Похоже, рассказ был уже хорошо отточен, проговорен неоднократно. Кстати, это было совсем не похоже на лекцию об анестезии на родовом отделении. Там нас, как бы, информировали. Здесь же нам говорили, как надо и как не надо делать, что правильно и что неправильно, часто звучало весьма категоричное «Вы должны...». Кстати, в отличие от той же лекции по анестезии, куда я одна-единственная приперлась с блокнотиком, здесь многие записывали, задавали вопросы (Дневник, 02.08.06).

Предметом обучения были не только практики ухода за новорожденным. Рассказы о правилах обращения с младенцами предлагали некую готовую модель родительского поведения и даже транслировали определенные моральные императивы, которые, по мнению обучающихся, должны сопровождать, обеспечивать «правильное» материнство. «Хорошая мать будет всегда опрятной, вам всем надо почаще

мыться!», «Девчонки, вы должны теперь больше уделять внимание малышам, а не трепаться по мобильным», — говорила медсестра, заметив «непорядок» или же просто так, «для профилактики».

В качестве экспертов-наставников могли выступать все сотрудники роддома, вне зависимости от должности. Буфетчица реагировала на мой отказ позавтракать: «Молодая мамочка, ты не понимаешь! Ты теперь должна иначе питаться! Геркулес — это основа вашего [очевидно, моего и ребенка] здоровья!»

Таким образом, с переходом из родового отделения в послеродовое мой статус кардинально изменился, и я, согласно вызовам нового контекста, исполняла уже совсем другую роль. Если до родов я была *пациенткой*, хотя и «проблемной», *возрастной*, то затем я стала не просто *мамой*, но именно *молодой мамой*, с ударением на оба этих слова.

Кстати, определение меня и моих «коллег по цеху» как *молодых* отнюдь не означало признание нашего права на свободу стилевых проявлений, которые дозволительны, признаются за *молодость*. Тотальный или, согласно Ю. Белозёровой (2002: 340), (полу)тотальный институт репродуктивной медицины требовал унификации: стандартизации по возрасту, одежде и другим параметрам. При мне медсестра буквально отчитывала пациентку роддома, которая была «в слишком коротком и фривольном» халате: «Самой-то не стыдно?!» — вопрошала она. Мне там же раза четыре указывали: «Вы серёжку потеряли», просто не допуская мысли о том, что она изначально была одна.

Более подробное наблюдение за тем, как институт репродуктивной медицины манипулирует категорией *молодость*, мне не удалось. Роддом — это потоковое, «проточное» пространство, где, как правило, более трех-пяти дней не задерживаются. И по сравнению с девятью месяцами *старости* пять дней *молодости* не дали столь обширного материала. Однако и вне роддома номинация *молодая мать* оказалась вполне работающей. Практически любая образовательная (около-медицинская) литература, посвященная уходу за детьми или их воспитанию, оперирует именно этими категориями. Так, из пяти книг по теме материнства, за последнее время разным образом оказавшихся в моей домашней библиотеке, четыре в своем названии имеют слово *молодой*, будь это сборник «Молодым родителям на заметку» 1968 года издания (Власов, 1968), либо «Современная энциклопедия для молодой мамы» 2006 года выпуска (Савельева, Таболин, 2006).

И немного детства...

И еще об одной метаморфозе возраста, наверное, стоит упомянуть. Помимо того, что меня определяли то как *старую*, то как *молодую*, зачастую возникало ощущение, что репродуктивная медицина возвращает меня «в детство». И хотя никто не называл меня *ребенком* (девочкой) непосредственно, однако периодически употреблялись обращения, которые вне медицинских стен, как правило, используются либо в общении с очень близкими людьми, либо в отношении детей. Занедозреть врачей в «стратегическом сближении» с пациентами, в выстраивании интимных отношений в рамках современного института медицины сложно, и, наверное, поэтому я интерпретировала подобные обращения именно как «возвращение в детство». Приведу пару примеров.

[В больнице, гинекологическое отделение] *В момент осмотра на гинекологическом кресле отчего-то меняется отношение к пациентке. И если буквально до того, как я взгромоздилась туда, Н. [врач] обращалась исключительно по имени-отчеству и на «вы», что мне слышать непривычно, и я чувствую себя не очень комфортно, то на гинекологическом кресле я стала «зайчиком» и «солнышком». Врач говорила ласковым голосом, обращалась, как с ребенком, успокаивая, поглаживала и похлопывала меня по руке (Дневник, 03.02.06).*

[В роддоме, на родовом отделении] *Здесь та же практика называть пациентку во время любой медицинской процедуры, то есть когда причиняется какая-то боль или неудобство, «зайчик», «моя хорошая» и прочее. Так, совсем молоденькая медсестра, возможно даже студентка, очень забавно все время обращалась ко мне на «вы» и как-то очень уважительно-дистанцированно. Но в сам момент укола сказала мне: «Потерпи, зайчик». И тут же, как поставила капельницу, опять перешла на официальное Вы (Дневник, 28.07.06).*

Очевидно, что такие переключения происходят в момент медицинской манипуляции с телом, в ситуации некоторого физического насилия и причинения боли. Очевидно, их можно интерпретировать как элементарную врачебную технику психологической поддержки, снятия напряжения. Однако использование уменьшительно-ласкательных лексем («детских» обращений) имеет социальный смысл. По сути, происходит превращение *пациента* в *ребенка*. А понятие дет-

ства связано во многом с «идеей зависимости» (Арьес, 1999: 37), и оттого подобные номинации лишают человека «взрослых» ресурсов самостоятельности и сопротивления, делают его более беспомощным, податливым и зависимым. Впрочем, они дают и определенные «привилегии» «детского» поведения, когда допустимы сиюминутные, непосредственные реакции вне рамок «взрослых» приличий.

Властные манипуляции с категориями возраста

«Возрасты жизни», такие как *детство*, *юность* или *молодость*, *зрелость* или *старость* и пр., так или иначе структурируют биографию современного человека. Конечно, границы этапов жизни подвижны и условны, а их «наполнение» — будь это жизненные стили или некие «ценностные ориентации» — изменяется и трансгрессирует. Появляются даже новые (хотя и производные от прежних) категории, фиксирующие подобные изменения. Например, категория «*молодежность*» отражает процесс расширения *молодости* в *детство* и *взрослость* (Омельченко, 2004: 15). И, возможно, уже в обозримом будущем конфигурация «возрастов жизни» значительно изменится.

Однако упомянутые возрастные категории вряд ли скоро исчезнут, они активно востребуются. Я полагаю, что ныне их функция не сводится к приписыванию устойчивого социального статуса. И свидетельством тому — быстрые и радикальные переключения в использовании возрастных категорий.

[На консультации у врача-генетика] Прием вел В. — довольно пожилой мужчина, думаю, ему хорошо к семидесяти. <...> В., почитав медицинскую карту, стал со мной разговаривать. Так же обстоятельно, как и до этого читал и слушал меня. Он откинулся на стуле и начал «от Адама», что у человека столько-то хромосом. Ребенок берет столько-то от мамы и столько-то от папы, но что бывает сбои. Потом спросил, сколько мне лет, рассказал о статистике по хромосомным болезням в связи с возрастом родителей. Отдельно взял бумажку и стал рисовать схему — сколько мне лет, сколько лет мужу. Сказал, что через годик риск бы возрос еще больше. [Далее в ходе беседы мы нашли общих знакомых, и какое-то время обсуждали эту тему...] Потом В. стал воодушевленно говорить, что он думает, что у меня на 99% все нормально, хотя я и немолодая, уже в возрасте

риска. Только все равно очень советует сделать процедуру пренатальной диагностики. При этом апеллировал к «западу»: «В Америке и Израиле после 35 лет ее всем делают обязательно!» <...>

После приема В. вышел со мной к регистратуре, чтобы записать меня на прием к другому врачу-генетику, который даст направление на процедуру. Он подошел к стойке регистратуры, обратился к сотрудницам: «Мне надо девочку записать на понедельник. Обязательно надо найти ей место!» Женщина, работающая в регистратуре, заулыбалась, стала звонить куда-то, чтобы записать на прием. И хотя не было мест, талончик мне все-таки каким-то чудесным образом нашли (Дневник, 17.03.06).

В этом отрывке переключения довольно наглядны: врач достаточно быстро, с разницей минут в пятнадцать, в разных ситуациях переопределяет мой социальный возраст. И если в первом случае апелляция к «зрелому возрасту»/старости (*немолодая*) вызвана принуждением к процедуре, то во втором обращение к молодости или детству (*девочка*) — покровительством и патронажем.

Таким образом, категории возраста зачастую оказываются необходимыми для выстраивания социальных отношений и успешной коммуникации в ситуации «здесь и сейчас». И дело не только в производстве интерсубъективных «схем типизации» для успешного взаимодействия лицом к лицу (Бергер, Лукман, 1995: 55), когда, скажем, надо идентифицировать *пожилого человека* для того, чтобы общение состоялось. Возрастные номинации производят социальный субъект и представляют собой (микро-)технику власти, которая проявляется в повседневной жизни и «классифицирует индивидов по категориям, характеризует их через их собственную индивидуальность, привязывает их к идентичности... Эта форма власти трансформирует индивидов в субъектов... Субъектов, подчиненных другому через контроль и зависимость» (Фуко, 2006: 167–168).

Наблюдения, представленные в предыдущей части статьи, на мой взгляд, хорошо иллюстрируют работу и эффекты использования категорий возраста. В них откровенно прочитываются властные манипуляции, которые производит институт репродуктивной медицины по отношению к пациенткам для эффективного управления ими. Называя меня то *старой*, то *молодой*, мне приписывали, навязывали идентичности, вынуждая действовать в соответствии с ними. Так, будучи *старой*, осознавая степень рисков и «сознательно» — в соот-

ветствии с возрастом — к ним относясь, я оказалась более «привязанной» к женской консультации, подчиняясь требованиям строгого контроля (в виде регулярных посещений и многочисленных анализов) и воздействиям (в виде профилактических процедур и медикаментозных «вливаний»). Оказавшись *молодой*, я превратилась в ученицу и должна была обучаться у медицинских работников тому, как «быть мамой». т. е., согласно Фуко, я становилась социальным субъектом, «связанным с собственной идентичностью», которая «...привязывает индивида к самому себе и тем самым обеспечивает его подчинение другим» (Фуко, 2006: 168).

Несмотря на тот факт, что категории *старая* и *молодая* относятся к одному смысловому «набору», из одного «кластера» возрастных социальных значений, как оказалось, цели их использования и производимые эффекты могут быть различными. Очевидно, можно говорить о разных типах власти, которые «включались» при использовании той или иной категории. Категория *старость* востребовалась для определения медицинской, но, по сути, социальной нормы возраста женщины для рождения первого ребенка.⁹ Нарушение нормы обычно вызывает нормализующие санкции, и оттого институт репродуктивной медицины устанавливает больший контроль за «возрастной» пациенткой. Предпринимаются попытки дисциплинировать ее, принуждая «добровольно» посещать женскую консультацию, чаще подвергаться регулярным обследованиям и медикаментозной коррекции. Объектом контроля и коррекции, конечно, является тело. В качестве «рычагов давления» (убеждения) были рассказы врачей о возможных патологиях развития плода, в моем случае вызванные нарушением возрастной нормы. Как известно, цель любого дисциплинирования — формирование послушных и податливых тел. Согласно исследованиям Фуко, институт медицины, и репродуктивной медицины в частности, существует через реализацию дисциплинарной власти (Фуко, 1999, 2002: 161–171), и использование категории *старость* — лишь одно из проявлений дисциплинирующей силы института.

Мишель Фуко писал, что «новый способ исследований [власти] состоит в том, что мы принимаем формы сопротивления разным типам власти за отправную точку» (Фуко, 2006: 165), т. е. выделить и

⁹ «Согласно социологическим исследованиям медицины, одна из функций этого социального института — установление социальной нормы...» (Lalish, 1989; Rosenhan, 1990; цит. по: Барзулина, 2002: 386).

проанализировать действие власти возможно через анализ противодействия ей. Очевидно, понимание стратегий и техник сопротивления власти в сфере репродуктивной медицины потребует специального исследования. Возможно, у меня были ресурсы для сопротивления, и в моих силах, и в моем праве был отказ от подобного тщательного «ведения беременности». Однако эмоциональное давление со стороны экспертов (представителей медицины) было достаточно сильным, и опасения за будущего ребенка «включали» режимы самодисциплины. Медицинский мониторинг беременности — это своего рода страховка от возможных проблем. Если же говорить о категории *старость* как об обозначении нарушения нормы деторождения, то, вероятно, сопротивление в данном случае выражается в переопределении самой нормы, что постепенно и происходит в современном российском обществе и репродуктивном здравоохранении. Вспомним, как медицинские работники сами пытались переопределить границы возрастной нормы, успокаивая и «нормализуя» меня. При этом отказ от нормативизации, и возрастной нормативизации в том числе, невозможен для социального института (и института репродуктивной медицины в особенности). Социальный институт не может существовать без нормализаторских функций.

Манипуляции с категорией *молодость* в рамках репродуктивного здравоохранения связаны иным типом власти — когнитивной. Ее принудительная сила направлена на производство и распределение знания и реализуется через управление информацией и манипуляцию такими категориями, как компетенция, квалификация и пр. Когнитивная власть контролирует, воздействует и подчиняет субъекта через различные режимы знания (Там же: 167). Медицина и ее представители выступают в роли экспертов, которые создают и транслируют знание о том, что значит «быть матерью», обучают *молодых «правильному материнству»*. Посредством инструктажа, через «уроки» об уходе за детьми производится нормативное материнство, которое в нашем социальном контексте морально нагружено, и причем в высокой степени (Бараулина, 2002).

Сопротивление подобному типу власти возможно прежде всего через изменение режима знания. Очевидно, сейчас режим знания о родительстве вообще и материнстве в частности меняется. В советское время репродуктивной медицине фактически удалось потеснить институты семьи и церкви и стать исключительным экспертом в производстве и трансляции «истинного знания» о том, какой должна

быть мать и что следует для этого предпринимать. Ныне появляются альтернативные каналы циркулирования информации и способы производства знаний. Так, в виртуальном пространстве Интернета, его чатах и форумах активно идет процесс обмена сведениями. В процессе дискуссии вырабатываются новые схемы «ухода за ребенком» или ориентиры того, «что значит быть хорошей матерью». А в качестве экспертов, в противовес врачам, чья компетенция зачастую подвергается сомнению и оспаривается, все активнее выступают другие институты или индивиды.

Фрэнсис Фукуяма писал, что хотя в основе современной формы иерархии лежит когнитивная способность и образование, многие социальные иерархии ныне все еще «градуированы по возрастам» (Фукуяма, 2004: 97). В исследуемом же случае мы не можем говорить о существовании возрастной иерархии. Несмотря на то что в репродуктивной медицине востребуются категории *старость* и *молодость*, они не увязаны в единую структуру и не выстроены в «социальную лестницу» по отношению друг к другу. Категории возраста появляются в определенных и конкретных ситуациях взаимодействий института и индивида. При этом пациентки отнюдь не формируют социальные группы, отношения между которыми выстраивались бы на основании возраста.

Более того, как оказалось, у властной позиции «нет возраста», и использование в номинациях возрастных категорий вовсе не означает появление «оппозиционного статуса»: *молодостью* и *старостью* «правит» отнюдь не *зрелость* и пр. Эти категории востребуются для реализации властных отношений, и в другой момент времени в рамках того же института может появиться иная категория, которая точно так же станет основанием для субъективации и реализации власти.

Итак, при использовании номинаций *молодость* и *старость* институт репродуктивной медицины конституирует разные феномены, которые мало связаны между собой. Они наделяются разными, но отнюдь не противоположными социальными смыслами. *Старость* проблематизируется через тело, а *молодость* через опыт и компетенцию субъекта, точнее, их отсутствие. И пожалуй, в определенном смысле *старость* более уязвима, ибо опыт и компетенция достижимы, а порог *старости* в репродуктивной медицине отодвинуть гораздо сложнее.

Литература

- Арьс Ф. (1999). *Ребенок и семейная жизнь при старом порядке*. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета.
- Бараулина Т. (2002). Моральное материнство и воспроизводство женского опыта, в кн.: Е. Здравомыслова, А. Тёмкина, ред., *В поисках сексуальности: Сборник статей*. СПб.: Дмитрий Буланин, с. 366—405.
- Белозёрова Ю. (2002). Практики беременной женщины: личный опыт, в кн.: Е. Здравомыслова, А. Тёмкина, ред., *В поисках сексуальности: Сборник статей*. СПб.: Дмитрий Буланин, с. 338—365.
- Бергер П., Лукман Т. (1995). *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания*. М.: Academia-центр: Медиум.
- Власов В.А., ред. (1968). *Молодым родителям на заметку*. М.: Медицина.
- Омельченко Е. (2004). *Молодежь: Открытый вопрос*. Ульяновск: Симбирская книга.
- Савельева Г.М., Таболин В.А. (2006). *Мать и Дитя: От беременности до трех лет, или Мы ждем ребенка. Современная энциклопедия для молодой мамы*. М.: Рипол Классик.
- Современный словарь... (1994). *Современный словарь иностранных слов*. СПб.: Дуэт.
- Фуко М. (1999). *Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы*. М.: Ad Marginem.
- Фуко М. (2002). Власть и тело. Интервью, в кн.: М. Фуко, *Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью*, ч. 1. М.: Праксис, с. 161—171.
- Фуко М. (2006). Субъект и власть, в кн.: М. Фуко, *Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью*, ч. 3. М.: Праксис, с. 161—190.
- Фукуяма Ф. (2004). *Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции*. М.: ООО «Издательство АСТ»; ОАО «Люкс».
- Labish A. (1989). Homohygenicus: soziale Konstruktion von Gesundheit, in: F. Wagner, ed. *Medizin. Momente der Veränderung*. Berlin: Springer-Verlag, S. 115—139.
- Richardson L. (2002). Writing Sociology, *Cultural Studies. Critical Methodologies*, vol. 2, N 3, p. 414—222.
- Rosenhan D. (1990). Gesund in kranker Umgebung, in: R. Watzlawick, ed., *Die erfundene Wirklichkeit. Wie wissen wir, was wir zu wissen glauben? Beiträge zum Konstruktivismus*. München: Piper, p. 111—138.
- Spry T. (2001). Performing Autoethnography: An Embodied Methodological Praxis, *Qualitative Inquire*, vol. 7, N 6, p. 706—732.

Евгения Ангелова, Анна Тёмкина
**ОТЕЦ, УЧАСТВУЮЩИЙ В РОДАХ:
ГЕНДЕРНОЕ ПАРТНЕРСТВО
ИЛИ СИТУАТИВНЫЙ КОНТРОЛЬ?**

В России за последние десять лет все большее распространение получает присутствие отца при рождении ребенка. Мы называем этот феномен участием отца в родах. Отцы, ожидая рождения ребенка, посещают консультации вместе с женами или подругами, ходят на курсы по подготовке к родам, принимают решение о выборе роддома, присутствуют на родах, активно участвуют в уходе за новорожденным, — т. е. все более вовлекаются в те практики, которые ранее считались исключительно или преимущественно женскими. В настоящее время появились новые институциональные возможности, позволяющие обеспечивать более активное вовлечение отца в эти процессы.

В данной статье мы исходим из социально-культурной вариативности понятий «отцовство», «материнство», «родительство». Как показывает феминистская исследовательница Н. Ходоров, нуклеарная семья среднего класса второй половины XX в. характеризовалась асимметричной структурой родительства, при которой женщины осуществляют особые практики «материнства» — т. е. повседневной заботы о детях (*mothering*). Однако, как полагает Ходоров, при изменении структуры родительства отец может быть гораздо активнее включен в него (Ходоров, 2000). В современных гендерных и феминистских исследованиях изменяются интерпретации «материнства» и «отцовства». Они более не считаются фиксированными, биологически заданными ролями, поэтому анализ смещается в сторону институциональных условий и практик их осуществления (в терминах *parenting*, *mothering*, *fathering* — см.: Гурко, 1997; Михеева, 2001). Исследователи фиксируют ослабление поляризации отцовских

и материнских ролей, увеличение многообразия конкретных практик родительства и постепенное формирование модели «сознательного родительства» или партнерства (Гурко, 1997, 2000). К новым практикам, конституирующим родительские роли, относится активное включение отца в осуществление заботы, которое начинается уже на стадии беременности и родов. Такие практики по-разному влияют на родительские роли, связанные с социально-культурным контекстом и конкретными институциональными условиями. Здесь мы рассматриваем процесс включения отца в роды в современной образованной российской городской среде.

Постсоветские гендерные роли, практики и идентичности имеют высокую степень преемственности по отношению к советскому периоду, который исследователи описывают как «этакратический гендерный порядок» (Здравомыслова, Тёмкина, 2004). Этот порядок подразумевал поддержку государством роли женщины-матери и обеспечение ее необходимыми ресурсами (декретные отпуска, пособия на ребенка, бесплатные ясли, детские сады, больницы и т. д.). Доминирующим гендерным контрактом был контракт «работающая мать», при котором материнство вменялось в гражданскую обязанность каждой женщине. Ответственность за воспитание детей распределялась между государством и семьей, а повседневная забота о детях в основном осуществлялась женщинами, в том числе старших поколений (Тёмкина, Роткирх, 2002). «Только матери “имеют” детей в российском обществе. Отцы не принимаются в расчет ни социальными институтами, ни обществом в целом. Дискриминация отцов как родителей — типичное явление» (Zdravomyslova, 1996: 46). Модель советского отцовства предполагала прежде всего выполнение им инструментальной роли. И хотя повседневные практики отцовства могли осуществляться и без структурной и политической поддержки, они, как правило, не предполагали постоянной заботы и эмоциональной включенности в воспитание. Считалось, что присмотр за детьми отвлекал мужчину от *настоящей работы* (Kukhtherin, 2000). Государственная политика поддерживала и воспроизводила асимметричную структуру родительства, отождествляя его с материнством и отчуждая отцов от приватной сферы.

Отец, как правило, включался в воспитание ребенка по достижении им возраста двух-трех лет. Предшествующие стадии — беременность, роды и уход за новорожденным — считались исключительно женскими практиками, в которых мужчины не принимали активного

участия.¹ Социолог Т. Бараулина выделяет три вида стратегии мужчин в отношении к беременности и деторождению. Во-первых, это отстранение и непричастность, во-вторых, это «сила последнего слова», означающая принятие окончательного решения, и, в-третьих, это абстрактное морализирование по поводу происходящего (Бараулина, 2002: 384). Во всех случаях, по мнению исследовательницы, мужчина исключен из сферы ответственности за потенциальное материнство/родительство: он либо вообще не участвует в принятии решения, либо, когда его ставят в известность, реагирует на событие. Такие практики мужчин во многом сохраняются и в постсоветском обществе. Однако происходят и значительные изменения, которые будут рассмотрены далее.

В данной статье сначала описываются новые институциональные возможности организации родовспомогательной деятельности, допускающие присутствие отца. Затем рассматриваются проблемы недоверия к системе родовспоможения и стратегии его преодоления, одной из которых является выполнение отцом роли посредника между беременной женщиной и медицинским персоналом. После этого реконструируются основные модели участия отца в родах. Эти модели различаются в зависимости от интерпретации участниками «совместных родов», от степени подготовленности будущего отца к родам и степени его вовлеченности, от способа взаимодействия супругов во время родов, от разделения их гендерных ролей и пр. На основании эмпирического материала выделены модель сознательного участия (мужчина тридцати лет говорит — «я как будто сам родил») и модель ситуативного присутствия, когда мужчина оказался на месте событий либо случайно, либо исключительно по инициативе жены (мужчина двадцати девяти лет говорит: «[я] просто на месте событий был»).

Эмпирическое исследование было осуществлено Е. Ангеловой в 2005 г. в Санкт-Петербурге. В качестве метода использовалось полуструктурированное интервью. Было проведено двенадцать интервью с мужчинами и женщинами в возрасте от 24 до 34 лет, которые «ро-

¹ В традиционных культурах, в том числе в русской, роды считались исключительно женским событием — никто из посторонних, даже отец, не мог присутствовать при них. Согласно православным канонам, роды загрязняют и оскверняют женщину, ребенка, а также присутствующих при них и помещение, в которых они проходили (Levin, 1991).

жали вместе» (шесть женщин и шесть мужчин, среди них — четыре супружеские пары). Большинство информантов — люди с высшим образованием. Используются также два интервью с акушерками, принимавшими участие в «совместных родах» (см. Приложение 1) и анализ документов — сайтов роддомов (см. Приложение 2).

Рассмотрим далее новые возможности организации родов, допускающих присутствие отца и его подготовку к родам.

Семейные роды — новые институциональные возможности репродуктивной медицины

В советский период не существовало институциональных условий, позволяющих будущим отцам принимать участие в родах и готовиться к ним вместе с беременными женщинами. Гинекологи и акушерки рассказывают, что на базе женских консультаций были организованы занятия по подготовке беременных женщин к родам, но они не пользовались спросом, а будущие отцы до 1990-х гг. в принципе не имели доступа к таким занятиям. Не существовало и документов, регламентирующих присутствие отцов при родах.

Участие «третьих лиц» было регламентировано приказом Минздрава РФ № 345 от 26.11.1997 «О совершенствовании мероприятий по профилактике внутрибольничных инфекций в акушерских стационарах» (Министерство здравоохранения Российской Федерации, г. Москва, п. 3.10). В соответствии с ним, «присутствие мужа (близких родственников) при родах возможно при наличии условий (индивидуальные родзалы), отсутствии у посещаемого лица инфекционного заболевания (ОРЗ и др.), с разрешения дежурного врача с учетом состояния женщины. Родственники, присутствующие при родах, должны быть в сменной одежде, халате, бахилах, маске (в родзале)». Приказ не регламентирует оплату присутствия мужа, однако необходимым условием является наличие индивидуального родильного зала, который, как правило, является платным. Рассказывает акушерка высшей категории:

Вообще-то мы обязаны, на самом деле, есть некое правило пускать мужчин бесплатно на роды, если они этого хотят... 345-й приказ по роддомам. Дело в том, что для этого должен быть индивидуальный

родзал, но мы не всегда можем их себе позволить... Во-вторых, это способ, на самом деле, зарабатывания денег. То есть у народа в сознании, что если ты заплатишь деньги, то мужа пустят, и роддома этим успешно пользуются (Л.Ш., акушерка, 44 года).

Бесплатное присутствие отца затруднено из-за дефицита индивидуальных родильных залов. Поэтому пары, собирающиеся «рожать вместе», как правило, должны оплатить услуги, заключив договор с роддомом, или сделать это неофициально. Типовой договор с роддомом предполагает обеспечение индивидуальным родзалом и ведение родов конкретным акушером, выбранным парой заранее (для выбора широко используются ресурсы Интернета и социальные сети). В договоре такой тип родов имеет название «семейные роды», на которых допускается присутствие любого третьего лица (мужа, родственника, знакомого). Договор может также включать предоставление послеродовой палаты, где отец имеет возможность находиться вместе с матерью и ребенком. Цена услуг в обычном петербургском роддоме на отделении платных родов в 2005 г. составляла от двухсот до трехсот долларов. Договор может быть заключен официально, или деньги за ведение родов могут быть заплачены непосредственно акушерке, с которой имеется личная договоренность.

Теоретически все рожают в отдельных специальных палатах, специально оборудованных. Но реально народу раза в два больше, поэтому в отдельных палатах рожают те, кто платно договорился с акушерками, акушерка им находит места. А те, которые бесплатно, — те, как придется [усмехается]... Те, которые платно с акушерками, акушерки как-то ищут пути, стараются, чтобы сразу в палату женщины попала (Екатерина, 24 года).

По свидетельству информантов, практика неформальных договоренностей является широко распространенной:

Мои все знакомые неофициально рожали... Я говорю [акушерке]: «Можно я Вам после родов отдам деньги?» — «Конечно, конечно, у нас полное доверие». Мол, без вопросов. Видимо, всегда так и делается. И уже потом через, там, дня два мама моя принесла деньги... неофициально, но у них такая практика есть, потому что вообще,

по-моему, пятьдесят процентов, кого я спрашивала, пятьдесят процентов рожали платно и многие из них вот именно так, как и я (Екатерина, 24 года).

В обоих случаях — официальной и неофициальной оплаты — допускается присутствие мужей при родах.

Семейные роды, как правило, предполагают улучшенные условия индивидуальных родзалов. Предоставляется широкий спектр услуг и разнообразное специализированное оборудование.² Медперсонал (акушерки, врачи, медсестры) владеет различными методиками подготовки и ведения родов. Семейные роды проходят в комфортабельных индивидуальных родильных залах. Помимо необходимого медицинского оборудования, в родзале имеются различные приспособления, позволяющие уменьшить усталость и болевые ощущения, снять напряжение — мячи, пуфы, канаты. Женщина может выбирать положение тела во время родов (при отсутствии медицинских противопоказаний). Возможно использование музыкального и визуального сопровождения родов для релаксации роженицы. В родзалах имеются гидромассажные ванны, в которых может протекать первый период родов. Разрешается фото- и видеосъемка. Предоставляется возможность присутствия психолога, который помогает женщине управлять своим состоянием в период схваток и потуг.

В дородовый период мужчинам предлагается пройти соответствующую подготовку, посещая групповые занятия вместе с беременными женщинами. На занятиях будущим отцам рассказывают об особенностях протекания беременности, о самих родах, о послеродовом периоде, о роли отца в воспитании ребенка. Рассмотрим, как организованы такие курсы на примере центра активных естественных родов «Радуга» при роддоме № 15 Санкт-Петербурга.³

² Например, отделение «Семейные роды» в родильном доме № 18 (<http://www.rody.sp.ru/hospital/struct/>). Аналогичный сервис предоставляют и некоторые другие роддома.

³ Центр активных естественных родов «Радуга» широко известен в городе, информанты часто ссылаются на него или упоминают данный центр как нечто уникальное. Он был организован в 1997 г. акушеркой Ириной Иванович на базе родильного дома № 15. Помощь в создании центра оказали коллеги из американского медицинского колледжа города Нью-Рошель. Основную идею центра «Радуга» его сотрудники видят в «подготовке семьи к родам и проведение родов в комфортной обстановке ро-

Центр «Радуга» принимает на обучение пары, ожидающие ребенка. Посещение курсов по подготовке к родам является необходимым условием родов в этом центре. На курсы допускаются женщины с пятнадцати до двадцати пяти недель беременности и их мужья. Акушерка набирает группу, занятия в которой проходят три месяца. Предполагается, что эта акушерка будет принимать роды. Именно поэтому важно за время обучения достигнуть взаимопонимания и установить доверительные отношения:

...акушерка наблюдает женщину, и если женщина выполняет рекомендации акушерки, они друг другу нравятся, только тогда они могут говорить о родах у нас (Л.Ш., акушерка, 44 года).

Занятия проходят раз в неделю, их продолжительность — около пяти часов, стоимость составляет триста рублей (около десяти долларов), независимо от того, участвует женщина одна или с мужем (или с кем-то из близких). Кроме того, супруги посещают бани, бассейны, арендованные этим центром, занимаются гимнастикой. В среднем, учитывая посещение курсов, бассейна, бани, пара занимается два-три раза в неделю. Общая цена всех услуг, включая роды, около тысячи долларов.

Будущие отцы допускаются на все занятия, однако есть темы, на которые их приглашают специально: на организационное занятие, где оговариваются требования и условия оплаты, на занятие по предвестникам родов, на лекцию по обезболиванию родов, где их учат массажу, использованию душа или ванны, помогающим уменьшить болевые ощущения при родах. Супруги слушают лекции по купанию и гимнастике новорожденного. Мужчин также просят прийти на занятие по контрацепции, а затем выполнить контрольную работу. Акушерки считают, что роды требуют планирования и организационной подготовки. Особо подчеркивается то, что у мужа и родствен-

дильного дома с теми специалистами, которые готовили семью в течение беременности». Также центр пытается показать, что «при тщательной подготовке семьи к родам, сознательном отношении родителей к предстоящему событию, использовании естественных методов профилактики и индивидуальном подходе специалистов необходимость в медицинских вмешательствах сводится к минимуму». В данный момент в центре работают пять акушерок, которые ведут акушерскую историю беременности и родов каждой пары (<http://raduga-birth.spb.ru/>).

ников не должна быть разрушена повседневная жизнь, их профессиональная деятельность также не должна пострадать.

[Необходимо,] чтобы папы были готовы, что если роды слабые, чтоб они на работу шли... Вот идея есть, в частности, чтобы человек получил удовольствие, чтобы это был праздник для семьи, а не такая работа безумная, после которой все дышат, и все порушено, все планы порушены, все родственники на рогах стоят, — это абсолютно не то. То есть хочется сделать праздник. Поэтому вот у нас лекция по предвестникам, мы говорим, что, как реально... чтоб человек мог запланировать свою жизнь... То есть эти вещи должны быть рассчитаны на мужской такой ум (Л.Ш., акушерка, 44 года).

Акушерка Л.Ш. на основании своего опыта описывает неформальные практики отношения к будущему отцу со стороны медперсонала. Она считает, что для мужчин, участвующих в родах, нужно создавать специальные, хорошо продуманные условия, учитывающие фактор стресса, специфику мужской роли, особенности «мужской природы» и пр. Во-первых, им необходимо «найти занятие», «дать конкретное дело».

Занимать — это значит, что ему нужно придумывать дело, если он сам его не может себе придумать. Значит, если он сидит в углу и смотрит, как человек дышит, его надо послать за минеральной водой, на улицу, да, или за фотопленкой. Куда-нибудь его послать, что-нибудь ему придумать, да... Некоторые папы, например, им сказать надо, где что массировать... Можно поставить ее под душ и дать ему в руки насадку и говорить — поливай ее сверху... При этом ему надо дать возможность обязательно покурить, сказать, где туалет, где он сможет поговорить по телефону, потому что у него дела, и ему звонят с работы, он должен иметь возможность жить в это время нормальной жизнью (Л.Ш., акушерка, 44 года).

Во-вторых, необходимо определить место мужчины в родзале с учетом его желания:

...его нужно ставить... это уже искусство акушерки, но обычно они сами говорят, на что он готов смотреть. Если он готов смотреть на, ну там, промежности, ягодичцы и так далее, то — ради бога! (Л.Ш., акушерка, 44 года).

В-третьих, мужчине необходимо поддерживать физически, в первую очередь кормить:

Третье правило – кормить. Обязательно. Даже если папа на родах успел побывать полчаса... им надо обязательно дать в зубы хоть что-нибудь... И дело в том, что у них на стрессе меняется обмен веществ... и все эти разговоры, что папы падают в обморок, они никогда не упадут в обморок сытые, никогда! Вот тысячи человек у нас было, ни один еще не упал. Потому что им надо сахар усиленно восполнять... Это задача акушерки – проследить... (Л.Ш., акушерка, 44 года).

Мужчина репрезентируется медперсоналом как участник родов, по отношению к которому необходимо выстраивать специальные стратегии, «чтобы от него был толк». Ответственность за «правильное поведение» отца возлагается прежде всего на акушерку. Итак, будущий отец должен быть обучен, его действия необходимо контролировать, ему необходимо помогать и заботиться о нем.

Необходимо отметить, что не во всех роддомах от будущих отцов требуется обязательная подготовка к родам. Часто мужчины приходят непосредственно на сами роды, не пройдя специальных курсов, имея при этом оплаченный договор:

К нам приходят люди извне. Они, как правило, все, ну девяносто процентов, неподготовленные к родам. Они просто зашли в наш центр, купили полис, приехали к нам на роды и ничегошеньки не знают о том, что с ними будет происходить – что с папой, что с мамой, что с ребенком (И.Б., акушерка с 25-летним стажем, 46 лет).

Будучи не подготовленными к родам, такие мужья, по мнению акушеров, только создают помехи и дополнительные проблемы:

Бывают мужья совершенно не подготовленные ни к родам, ни к виду крови, ни к рождению ребенка вот в этих условиях... Есть такие, кто падают в обморок, мамы кричат... И откачиваем мы уже папу (И.Б., акушерка, 46 лет).

В этом случае от мужчин не требуется компетентности, по отношению к ним не выстраиваются специальные стратегии и оплата услуг является единственным условием их участия в родах.

Итак, в одних роддомах выстраивается целенаправленная политика в отношении семейных родов, в том числе подготовка к ним отца, в других — реализуется преимущественно коммерческий интерес, в том числе связанный с присутствием отца при родах. В первом случае медперсонал следует стратегии создания комфортных условий, повышения информированности и готовности участников. Во втором случае специальная подготовка не осуществляется, отец не является информированным и компетентным участником событий.

С чем же связан растущий спрос на участие российских отцов в родах? Это мода или насущная потребность молодых пар? Ответить на этот вопрос поможет анализ отношения клиентов к системе родовспоможения.

Дефицит институционального доверия к медицине и стратегии его преодоления

Исследования указывают на высокую степень недоверия российских граждан к учреждениям репродуктивной медицины (Белоусова, 1996; Щепанская, 1999; Rivkin-Fish, 2005; см. также: Браун, Русинова, 1993; Аронсон, 2006). Мы полагаем, что во многом это недоверие связано с наследием советского периода, при котором беременность и роды были во многом скрыты от посторонних (включая ближайших родственников), а медицинское обслуживание воспроизводило принципы функционирования тотальных институтов (Белозёрова, 2002). Некоторые авторы пишут о репрессивном характере репродуктивной медицины, которая выступала «исполнительным органом публичного морального порядка» (Бараулина, 2002: 386). Репрессивный характер медицины, породивший недоверие к ней как к институту, отражен в многочисленных «страшилках» в рассказах о беременности и родах, о конфликтах с медперсоналом.

Структура отношений врача и пациента характеризуется асимметрией, при которой пациент подчиняется предписаниям врача. «Взаимоотношения врача и пациента в России носят определенно патерналистический характер, основанный на неравенстве в лечебно-диагностическом процессе сторон, безоговорочном подчинении действий пациента предписаниям врача» (Назарова, 2004: 142, 146). Т. Щепанская, изучая институт родовспоможения, рассматривает его как систему взаимодействия двух субкультур: с одной стороны, про-

фессионалов (врачей, медперсонала), с другой — женщин-клиентов (Щепанская, 1999). Взаимоотношения между ними описываются в терминах патроната как проявления власти. Позиция женщин в такой ситуации является объектной, пассивно-подчиненной, зависимой от безличной власти медперсонала. Власть реализуется техниками деперсонализации женщины. Для описания этих техник исследовательница использует метафоры *смерти* и *безумия*. Метафора смерти означает, что, попадая в родильное отделение, женщина как личность практически исчезает, «присутствуя только в виде тела, как пассивный объект манипуляций, лишенный собственной воли: как будто это мертвое тело». Метафора безумия основана на укорененном в культуре стереотипе — ассоциации беременности с временным помутнением рассудка, когда психическое состояние роженицы идентифицируется как «измененное», т. е. отклоняющееся от нормы. Эти метафоры описывают деперсонализацию как отрицание способности женщины к разумному действию, как лишаящую ее суверенного «я». Система родовспоможения, обладая монополией на знания и действия, позиционирует женщину как пассивный объект, «тело», «лишенное собственного разума, знания и способности действовать». Система пресекает попытки женщины выйти за рамки пассивной роли. Наиболее показательным в этом отношении выступает ограничение двигательной активности (навязывание женщине определенного — горизонтального — положения), а также речевой и познавательной активности, примером которого является «безразличие» персонала, который игнорирует роженицу. Как подчеркивает Щепанская, к подчиненной роли женщину готовит культура — как непосредственно в рамках системы родовспоможения, так и через систему культурных стереотипов, например восприятия беременной женщины как «больной», не способной эффективно и самостоятельно действовать.

В ответ на деперсонализацию женщины-пациентки вырабатывают стратегии, блокирующие действия власти. К таким стратегиям относятся: отрицательное маркирование институциональной организации и поступающей от него информации; демонополизация институционального знания и разрушение статуса «пациентки». В первом случае система родовспоможения и ее медперсонал маркируются женщинами как «чуждые» (примером является нарратив о «неудачных родах» по вине плохих медработников). Приемами демонополизации институционального знания выступает нарратив о неправоте врачей и ошибочности медицинского знания, которому противопоставля-

ется практическое материнское знание. В качестве альтернативных авторитетов выступают домашние повитухи и обычные женщины, имеющие опыт родов. Наконец, деконструкция статуса «пациентки» и его ключевых компонентов — пассивности и болезненности — происходит через придание родам статуса «нормальности», избегание упоминаний об осложнениях, сохранение активности до самых родов. Женщины восстанавливают свой статус, рассказывая в послеродовых палатах о своем опыте. Таким образом, Щепанская рассматривает институт родовспоможения как реализацию социальной власти, а женскую субкультуру — как средство адаптации к этой власти путем ее частичного блокирования.

Исходя из вышесказанного, мы можем заключить, что дефицит институционального доверия к системе родовспоможения, во-первых, связан с репрессивным характером медицины, выступавшей «исполнительным органом публичного морального порядка» в советское время. Во-вторых, он связан с (полу)тотальным характером данных институтов — их закрытостью, монополией на знание, властной позицией врачей по отношению к пациенткам, агрессивным проявлением надзора (невнимательное или грубое отношение медперсонала). В-третьих, дефицит доверия может выступать следствием недостаточного ресурсного обеспечения данной системы (нехваткой медикаментов, медперсонала, индивидуальных родильных залов и т. д.). Наконец, недоверие наряду с указанными факторами основывается на негативном личном опыте и негативных стереотипах, связанных с опытом беременности и родов.

В постсоветское время репрессивная функция и моральный авторитет медицины частично утрачивают свою силу (Бараулина, 2002). С 1990-х гг. государство теряет монопольный контроль над ведением беременности и родами, что во многом связано с коммерциализацией медицины. Появляется возможность платных родов, где пациент уже становится клиентом, соответственно меняется и тип отношений. «Контроль тотального института частично преодолевается благодаря персонализации “надзирателей”, путем выбора врача, с которым складываются отношения доверия» (Белозёрова, 2002: 363). В цепочке врач—женщина-пациент появляется «третье лицо» (муж или родственник), которое может осуществлять контроль над действиями медицинского персонала.

Перейдем теперь к рассмотрению проблемы дефицита институционального доверия к системе родовспоможения, опираясь на данные

проведенного нами эмпирического исследования. Для всех информантов характерна высокая степень недоверия к системе родовспоможения в целом, т. е. к женским консультациям и роддомам. Такое недоверие распространяется прежде всего на бесплатную медицину советского образца. Информанты дают ей негативные оценки, пересказывая «страшилки» о беременностях и родах. Их нарративы отсылают как к опыту близких, так и к текстам, в которых отражен данный опыт. Проиллюстрируем примерами из интервью:

Я читалась разных работ, в которых изучались роддома, социологических как раз, типа Щепанской. Вот, и читалась разных ужасов. Мне казалось, что это ужасно страшно, ужасно больно и вообще совершенно непереносимо... Я как раз очень боялась, что проблемы будут, то, что врачи будут, ну, как-то ругать меня или что-то (Екатерина, 24 года).

Вообще женщины любят рассказывать ужасы. Это всем известно. Про то, как это было ужасно, как это было все вообще мучительно... вообще, мама рассказывала много негативных тоже вещей... какие-то такие эпизоды маленькие, как у нее, значит, капала кровь, и она пыталась вытереть. Попросила у нянечки тряпку, она ей сказала: «Ты чё, дура что ли? Какая тряпка тебе?» Ну, что-то типа того. Вот это, там, советское время, естественно. Ну, она так, таким образом грубым типа позаботилась о ней — не вытирать же тебе, там, за собой, типа я все вытру. Или она так ходила-ходила, села на стул. Она говорит: «Дура, встань! Ребенку на голову села!» ...И все это вот в таком лексиконе, вот с такой грубостью персонала оно, конечно, постоянно сопровождалось (Елена, 31 год).

Высокая степень недоверия существует по отношению к обслуживанию клиентов в женских консультациях, что связано с некомфортными условиями и грубостью, недостаточно высоким профессиональным уровнем медперсонала:

К врачу в консультации я относилась очень скептически, ходила туда исключительно для галочки... Ну, во-первых, она мне не нравилась как человек. Во-вторых, я сомневалась в ее компетенции. Вот. Ну и как-то вообще вся эта ситуация в женской консультации именно организационно... все как-то поставлено в женской консультации, что я считала, что издеваются над бедными беременными, никакой орга-

низации процесса, сплошные мучения... Приходишь к девяти к врачу, сидишь буквально два часа в очереди... какие-то такие, значит, откровенные замечания врачей типа, ну, там, образно говоря, что ты тут раскорячилась... немножко меня ранили, конечно. То есть мне хотелось более нежного, что ли, отношения (Юлия, 27 лет).

Мужчины также выражают в интервью неудовлетворенность ведением беременности в женских консультациях:

Ну, мы наблюдались в бесплатной женской консультации. Там была не самая хорошая врач-гинеколог. Ну, в общем [вздыхает]... (А что там было?)⁴ Там были большие очереди, там была предварительная запись, которая не соблюдалась, там врач, которая зависела от настроения собственного... Ну, мне кажется, что вряд ли она была мужененавистницей, но какой-то мужефобкой... То есть всякая такая ерунда, которая, ну, нервировала... я знал, как жена идет в женскую консультацию, значит, девяносто процентов, что она придет взвинченная оттуда (Константин, 34 года).

Опыт советского образца описывается как карательный и травматичный. Больница сравнивается с тюрьмой, а отношение к женщинам — с фашизмом. По мнению информантов, такие образцы продолжают воспроизводиться и в постсоветский период. Приведем фрагмент нарратива, в котором мужчина описывает свое столкновение с репродуктивной медициной во второй половине 1990-х гг. во время беременности жены:

Эти... больницы — это, конечно, мрак. Эти врачи... я всегда был в полном шоке, и мне каждый раз было просто жалко ее там оставлять, потому что это, ну, это обыкновенный фашизм, действительно, сплошь и рядом на таком вот уровне само собой разумеющемся. То есть люди, которым даже в голову не приходит, что то, что они делают, это, мягко говоря, антигуманно, а вообще-то это просто фашизм... Ну, начиная от, вот на уровне просто институциональном, вот, да, эта ужасная грязь, эта ужасная бедность, это полное отсутствие медикаментов, это... полное совершенно бесправие, когда все

⁴ Здесь и далее во фрагментах интервью вопросы интервьюера заключены в скобки.

эти больницы — это как тюрьмы, вот в плане организации, содержания... И то есть на тебя орут, хамят, тебя игнорируют, с тобой не разговаривают, тебя посылают. Постоянно тебя ставят в позицию просителя, ты чего-то у них все время выпрашиваешь. Они при этом совершенно ничего не делают со своей стороны (Максим, 30 лет).

В условиях дефицита доверия агенты прибегают к выработке стратегий, позволяющих восполнить его нехватку. Эти стратегии направлены главным образом на то, чтобы обеспечить к себе профессиональное и заинтересованное отношение врача и получить от него эмоциональную поддержку. На основе анализа интервью мы выделяем следующие стратегии, используемые семьями: оплата родов, присутствие отца при родах, использование личных связей при организации родов, подготовка к родам на специальных курсах. Рассмотрим их подробнее.

Оплата родов как «гарантия вежливого обращения»

Оплаченный договор с роддомом рассматривается информантами как способ, позволяющий изменить отношение к себе и получить определенные гарантии предсказуемости в получении медицинских услуг.

Контракт дает гарантию, что тебя не укунут в какой-нибудь другой роддом если что вдруг... оплаченный контракт все-таки дает гарантию вежливого обращения (Нина, 27 лет).

Та же самая женщина, которая ее вела, которая наорала там на кого-то на втором этаже, пока они шли, кого-то там послала, сказала — что шатаешься, быстро в палату — вот и она привела ее на третий этаж, и с ней она разговаривала абсолютно иначе... У нас замечательный был доктор... он с ней разговаривал, там, только исключительно — «лапочка, солнышко, кисонька, зайнька» (Максим, 30 лет).

Мы платно рожали. (И сразу такое отношение другое?) Да. Я думаю, что из-за этого другое отношение сразу... Вот врач нам попалась вообще супер, мне, конечно, повезло... Ну в целом, я знаю, вот рожают — ничего не изменилось: бесплатно пришел в роддом — так же на тебя наорут, так же бабки в приемном покое (Татьяна, 26 лет).

Выбор платных родов описывается как способ обеспечения вежливого обращения персонала. Комфортные бытовые условия, которые

включены в платный договор, не являются решающими в данной ситуации: *«Очень хорошее внимание было персонала. Хоть и вот эти там железные койки, там, клеенки вот эти вот... Но это ушло на дальний план... Это, это все вторично»* (Александр, 30 лет). Платные роды рассматриваются в качестве гарантии заботливого профессионального отношения акушерки и врачей: *«Когда ты рождаешь платно, к тебе по-любому относятся хорошо, и тогда уже и муж не нужен»* (Екатерина, 24 года).

Присутствие отца при родах как способ контроля над ситуацией

Договор о «семейных родах» допускает присутствие отца при родах. И в ряде случаев именно эта возможность рассматривается информантами как способ контроля над ситуацией. *«Даже если ты, в общем, заключил контракт с врачом, и ты ему доверяешь, но, как бы, доверяй, но проверяй»* (Нина, 27 лет). Женщина хочет иметь посредника между собой и медицинским персоналом, который будет обеспечивать ее безопасность.

Я просто панически боюсь врачей и всего, что с ними связано. Более того, я боялась очень, ну, тоже начиталась литературы, что мне начнут колоть какие-то уколы, которые не стоит колоть. И, ну, как бы, всегда хорошо, когда есть свидетель... мне нужен был человек рядом, который будет отбиваться от врачей и посылать всех к черту просто... я чувствовала себя просто абсолютно защищенной, как за стеной. И я знала, там, что чуть что, он там им всем глотки перегрызет (Наталья, 28 лет).

Муж в этом случае также стремится обеспечить безопасность жены, осуществляя контроль за действиями врача.

Ну, в общем, он говорил, что ему так будет спокойней, потому что он не знает, что это и как, ему будет спокойней, если он будет рядом (Юлия, 27 лет).

Это было понятно, что он со мной поедет. (Почему было понятно?) Ну, как-то... ну, оставить ему меня было страшно (Елена, 31 год).

Потом я как-то в середине беременности поинтересовалась — ну ты поедешь со мной? Он сказал — что, я тебя одну оставляю? ...Грубо

говоря, муж нужен хотя бы, хотя бы для того, что, даже если отбросить всякие моральные, элементарно для того, чтобы проконтролировать действия врачей (Нина, 27 лет).

Муж может получить информацию о медицинских действиях, добиться внимания персонала.

Они ничего не сказали даже, что они кололи, что они протыкали, что как, чё они вообще делают. Они вообще ничего не говорят. (А муж не спрашивал, что они тебе там колют?) Ну, по-моему, спрашивал, кстати, что они колют, да... И пока он не наорал матом, там, на всех — вот это я помню, что он орал, в какой-то момент он просто наехал конкретно — пока он не наехал, медсестра не появилась (Елена, 31 год).

В ряде случаев женщины полагают, что без присутствия мужа отношение к ним было бы иным. Независимо от степени его участия сам факт присутствия «третьего лица» способен предотвратить грубое обращение или невнимательность медперсонала.

Использование личных связей (социальные сети) для «получения человеческих чувств»

Еще один способ выстраивания благожелательного отношения к себе связан с договоренностью с лично знакомой или рекомендованной знакомыми акушеркой. Знакомство и установление персональных отношений в дородовой период служат своего рода залогом доверия:

Я боюсь врачей очень сильно... Ну, так как меня наблюдала, как бы, наша знакомая, в общем-то, я ей доверяла (Юлия, 27 лет).

В общем, я же знакомая тех девушек, которые у нее рожали, может быть, поэтому я, как бы, с ней неофициально договорилась, лично с ней. Она мне до этого сказала, мол, приезжайте в роддом, мы посмотрим друг на друга, если мы друг другу понравимся, то тогда, значит, все хорошо будет (Екатерина, 24 года).

Какой-то врач или какая-то акушерка, которой привезли еще одного больного, вот, ну так и относится, как к еще одному, который на шею свалился и больной. Естественно, откуда там взяться заботе... Если хоть как-то с ним пообщался, познакомился предварительно, ну, можно какие-то чувства человеческие получить (Дмитрий, 33 года).

Персонализированные отношения к роженице, установленные благодаря знакомству и неформальному обмену услугами, противопоставляются безличному отношению персонала в советских учреждениях (грубому, халатному, равнодушному):

...чего я больше всего боялась — это вот советского отношения... Ну, то есть в общем, по большому счету, мне все время везло с отношением, поскольку, видимо, ну, по благу (Наталья, 28 лет).

Посещение курсов как способ обрести компетенцию и установить отношения с персоналом

Еще одним вариантом преодоления дефицита доверия является посещение специализированных курсов по подготовке к родам. Будущие родители обретают ресурсы, необходимые для обеспечения удовлетворяющей их организации родов. Во-первых, это информационный ресурс, или «ресурс компетентности». На курсах пары получают знания, связанные с беременностью и родами, что впоследствии помогает им самим контролировать ситуацию и принимать самостоятельные решения. Во-вторых, посещая курсы, они имеют возможность лучше познакомиться с учреждением, выбрать акушерку для проведения родов и установить с ней доверительные отношения.

А! вот почему мы пошли туда... Мне поправился тот вариант, что акушерка, которая ведет курсы, она ведет три месяца курсы, мы постоянно с ней видимся... И они постоянно с нами общаются. И я ее знала, как родную уже. Уже в роддом я шла... [где] все свои. Вот смысл. А то так приходишь — все какие-то чужие (Татьяна, 26 лет).

Выстраивание доверительных отношений, с точки зрения акушерки, выступает в качестве одной из главных целей курсов: «...идея в том, чтобы они были ориентированы на акушерку. Для этого они акушерку должны хотя бы раз двадцать видеть и раз хотя бы, не знаю, восемь-десять, она их должна пощупать. Тогда они друг другу доверяют» (Л.Ш., акушерка, 44 года). Важным фактором выстраивания доверительных отношений выступает также высокая степень подготовки медперсонала, проводящего данные курсы: «Если на бесплатные роды пойти и даже на платные, но не с подготовленным персоналом, тоже не будет никакой заботы» (Дмитрий, 33 года). Таким

образом, курсы позволяют будущим родителям стать компетентными участниками процесса, способными принимать самостоятельные решения. Кроме того, важной функцией курсов является установление доверия с персоналом, который потом будет принимать роды

Итак, пары будущих родителей выстраивают стратегии, которые позволяют снизить риски и повысить уровень доверия к родовспомогательным учреждениям. Семейные роды являются одной из таких стратегий. Теперь рассмотрим сами практики родов с участием будущих отцов и проанализируем те значения, которые им приписывают участники взаимодействия.

Модели участия отца в родах: практики и интерпретации

Эмпирический материал показывает, что будущие отцы демонстрируют разную степень личной вовлеченности на этапе беременности жены (помощь жене, совместное посещение курсов, консультаций) и в планировании семейных родов. Существуют различия в поведении отцов непосредственно во время родов, в заботе и уходе за ребенком в послеродовой период. На основании этих различий в установках и поведении мы выделяем две основные модели участия отца в родах. Первая модель представляет собой сознательный проект, когда отец активно участвует как в самих родах, так и на всех стадиях беременности. Вторая модель предполагает ситуативное, в значительной степени формальное участие отца; в этом случае он лишь незначительно подготовлен и остается достаточно пассивным в течение самих родов. Его участие не является сознательной стратегией.

Модель 1.

Активное участие отца в родах как сознательный гендерный проект: «Я как будто сам родил»

В данном случае мы используем термин «проект», обозначая им сознательно вырабатываемую стратегию, формирующуюся в результате доверительных переговоров между будущими родителями (партнерами). Участники совместных родов ориентируются на модель гендерно эгалитарных взаимоотношений, при которых гендерные роли, связан-

ные с родительством, являются предметом переговоров, а не заранее предписанными и четко разграниченными по гендерному признаку.

Уже на стадии беременности будущие отцы активно включаются в процесс — они вместе с будущей матерью посещают курсы, интересуются происходящим, много читают о беременности и родах. Они готовятся к родам заранее — как информационно, так и эмоционально:

Мы готовы были и эмоционально, и материально, и... главное — эмоционально... Она вдруг перестала мочь столько, сколько могла до того. И тут уже должен был включиться, значит, мой какой-то внутренний запас, чтобы ее поддержать, чтобы... Моя задача была — помочь ей найти внутреннюю гармонию, внутренний комфорт (Константин, 34 года).

Женщины высоко оценивают участие партнеров, подчеркивая их ответственность и заботу во время беременности:

...муж со мной везде, всюду был всегда, с самого начала... он тоже читал книжки, сам ощущал, говорит: «Я сам ощущаю себя беременным». Ел вместе со мной в два раза больше, чем надо, не знаю, ходил на все УЗИ. Ну, если еще учесть, что беременность была о-очень тяжелой, то есть в общем-то фактически он мне помог ее вылежать (Наталья, 28 лет).

Будущие отцы активно посещают курсы по подготовке к родам и (не без труда) осваивают те навыки, которые впоследствии необходимы для ухода за новорожденным:

Нас учили, там, практическим вещам, то есть, грубо говоря, мы кукол там пеленали. Вот. Также было очень смешно, конечно, все ржали, потому что настолько, ну вот настолько тело не умеет просто это делать и с этим обращаться, что сам, там, пеленаешь и ржешь, потому что, ну, понимаешь, что если так будешь поступать [усмехается] со своим ребенком, то у него явно что-нибудь оторвется или сломается. Но это было очень полезно, потому что уже когда ребенок родился, я умел это делать, действительно (Максим, 30 лет).

Отцы подчеркивают, что для них было важно совместное обучение, а занятия оказались неожиданно интересными и полезными: *«Ну, с радостью пошли вместе, вместе ходили. Очень интересно*

было, познавательно и полезно» (Дмитрий, 33 года). Инициаторами совместного обучения часто являются женщины, их партнеры первоначально считают это занятие «немужским делом», однако, обретая новые знания и опыт, они постепенно меняют свое мнение. Александр рассказывает о динамике своего отношения:

...она мне пыталась давать журналы... поначалу я говорю — ну, что там ходить, как бы, это, ну не мужское дело, там, как бы, и вообще, там, некогда... Но, придя однажды туда — ну, каким-то способом она меня туда выманила, — вот, понравилась мне обстановка (Александр, 30 лет).

Татьяна описывает, как она постепенно склоняла партнера к участию:

Ну, я, как бы, для себя решила, что я его напрягать не буду. Пусть он, как бы, сам к этому придет. Нет, конечно, я его наверняка, там... наверняка, там, как-нибудь, там, я ему — ну что, ты придешь? Изда-лека я, может быть, заходила, эту тему (Татьяна, 26 лет).

В некоторых парах решение об участии отца было принято совместно и планировалось заранее:

...мы еще до свадьбы обговаривали и согласились с тем, что мы будем рожать вместе... Мы знали, куда мы едем, к кому мы едем, и даже примерно, что нам предстоит, в том плане, что акушерка заранее обговорила и мои обязанности во время родов (Константин, 34 года).

К наступлению родов будущие отцы и матери приобретают нужную компетенцию. Партнеры присутствуют на протяжении всего периода родов, активно помогают жене. Такие мужчины очень эмоционально рассказывают о пережитом опыте, считая его чрезвычайно значимым для себя. Они проявляют высокую степень информированности, знание деталей (например, подробно рассказывают о схватках, их интенсивности и пр.). Приведем примеры таких рассказов.

Было трудно. Я ее держал каждую схватку, потому что нужно было принимать определенную позу, в которой было легче... Она вешалась мне на шею спереди, значит, стоя это все происходило, выгибалась так, и в мою задачу входило стоять ровно, несмотря на то, что

жена дергалась, держать ее за руки и успокаивать, ну иногда считать время — «сейчас закончится, сейчас все закончится, ничего-ничего, потерпи еще немножко, немножко, еще немножко [повышает голос], терпи, нормально все! Молодец! Хорошо! Молодец! Умница!!». Вот так примерно. «Все! Отдыхаем, отдыхаем. Жenuшка, ты умница! Классно все! М-молодец! Отдыхаем. Расслабься»... Потом, когда пришло время тужиться, она говорила: «Не могу тужиться!» А я говорю: «Можешь!» Я в зеркало себя видел — я был весь красный. Я сам тужился так, что, не знаю... Я был весь мокрый... Когда уже потуги закончились, и когда вышла головка, и надо было выдохнуть, мы выдохнули оба (Константин, 34 года).

...Я здесь уже был во всем процессе, как бы, там, менял ей вот эти салфетки, там... Потом мы с акушером давили, там, ноги, чтобы какую-то упругость создать... Ну, в общем как-то... тужил, короче говоря, ее, вот, эти менял, там, полотенца, помогал. А уже, по-моему, когда полностью началось рождение... они уже там что-то делали, а я держал ноги и вот тут у меня камера [отец снимал роды на видеокамеру] ...вот так вот [показывает], одной рукой там полотенце, там что-то давишь... вот какая-то такая деятельность была... Я, как бы, даже, даже более активно вел... я вообще, можно сказать, что практически готов был сам принять их (Александр, 30 лет).

Женщины высоко оценивают помощь мужей во время родов: «Он же как акушерка там действовал заправская... Акушерка в итоге вообще вышла» (Татьяна, 26 лет). Роды являются совместным действием пары и их разделенным опытом:

...муж очень помогал... он там то делал массаж, то зачитывал вслух из этой книжки [усмехается], что делать, там, типа: а это пошла такая-то стадия — глядя в книжку — на этой стадии нас что ждет? нас ждет вот это... Вот, он это мне все зачитывал, типа — не беспокойся, все как надо, все как по маслу (Наталья, 28 лет).

Опыт совместных родов, как подчеркивают и мужчины, и женщины, является очень важным для развития отношений между партнерами:

Естественно, после совместных родов мы стали ближе. То есть, ну это какой-то новый этап в отношениях (Нина, 27 лет).

Присутствие на родах, оно помогает единству семьи, оно помогает женщине рожать... Для меня это значило очень многое. Это ответственность, которую я ощутил... Я понял, что [пауза] я не знаю, это словами трудно очень описать, просто, просто все изменилось для нас внутри семьи... И... вот мое участие в родах, оно... оно было настолько органичным и естественным, что... ну, оно, оно сделало нас ближе, сделало нас еще теплее друг к другу, еще, еще любимее (Константин, 34 года).

Говоря о значении совместных родов, отцы подчеркивают эмоциональную составляющую пережитого опыта:

Но самый, как бы, вот такой момент, который, мне показалось, я записал, это даже не рождение, а когда ей положили на грудь ребенка, как бы, вот у нее вот такая слеза естественная какая-то там вылезла, и дрогнула губа. Вот это вот, как бы, сентиментальная нота такая... Вот ради нее, наверное, стоило там даже находиться. То есть я как будто сам родил! (Александр, 30 лет).

Отцы активно участвуют в уходе за новорожденным, им важна телесная близость с младенцем. Об этом рассказывают и матери, и отцы:

С самого начала [муж] принимал участие полностью во всем. То есть вплоть до того, что я, там, ночью не просыпалась, а он, там, вставал, мыл, одевал, приносил, я ее кормила... Ну, единственное, что не делал муж, — это не кормил (Наталья, 28 лет).

Когда я прихожу с работы, я стараюсь сделать одно из двух — либо дать жене отдохнуть от занятий с ребенком, самому повозиться, либо дать жене отдохнуть от занятий по дому — погладить белье, помыть посуду, даже приготовить поесть, помыть полы (Константин, 34 года).

Отцы подчеркивают свой сознательный подход к отсутствию гендерно закрепленных обязанностей:

Мы делим обязанности ситуативно. Оба могут делать все. Вот так я бы сказал. Мы специально осознанно к этому шли... если требуется госпитализация, то я готов уйти на больничный и лечь в больницу вместе с ребенком... Я готов к этому, я не боюсь этого... Это

осознанно, это специально, мы этого, мы к этому готовились, мы этому учились, эмоционально прежде всего (Константин, 34 года).

В таких семьях не существует традиционного гендерного разделения труда в отношении родительских обязанностей — практически все роли взаимозаменяемы, отец может выполнять те же обязанности, что и мать, за исключением грудного вскармливания:

У нас не было, там, никакого разделения труда практически. Единственное, чего я не делал, — я ее не кормил. Все остальное мы делали вместе... я считаю, что я очень много времени с ней проводил... Мне было приятно, хорошо, интересно. Я получал удовольствие от общения с ней и общался, как мне кажется, довольно много, ну и, наверное, там, грубо говоря, я больше, чем среднестатистически общается отец (Максим, 30 лет).

Такие пары часто ведут дневники, фиксируя в них переживания беременности, родов, отношения с ребенком и т. д. Они осуществляют рефлексивный проект супружеских и родительских отношений (Giddens, 1991, 1992). Активное участие отца в родах (а также его включение на всех стадиях беременности) может быть охарактеризовано как сознательный гендерный проект, ориентированный на эгалитарные отношения и преодоление дисбаланса в практиках родительства. Этот проект связан с доступом к знанию и к опыту и характерен для определенного социального слоя. *«Ну, плюс, конечно, еще все это связано с кругом общения, с социологией, с доступом к западному опыту» (Максим, 30 лет).*

Информанты считают практики нового отцовства признаком нового общества:

Эти практики гораздо более гуманистичнее, да, то есть они ориентированы на человека... Вот то, что мы получили вот, например, в нашей семье, я считаю, оно является следствием вот этого нового подхода... Те люди, которые готовы выбирать свободу и ответственность, мне кажется, что вот они выбирают такие модели (Максим, 30 лет).

Для этих пар характерны партнерские отношения, практики ответственного родительства и преодоление гендерных границ.

Модель 2.
Ситуативное участие
или формальное присутствие отца на родах:
«Просто на месте событий был»

Данная модель описывает практики, которые связаны со спонтанным решением о присутствии будущего отца на родах. Поведение партнера на родах в этом случае описывается как пассивное. В силу отсутствия подготовки отцы оказываются когнитивно, эмоционально и практически некомпетентными; часто их присутствие воспринимается как неуместное роженицей и медперсоналом. Опыт совместных родов для таких пар не является новым рефлексивным опытом, влияющим на переопределение гендерных ролей и родительства. Рассмотрим эту модель подробнее.

Отцы не являются активными на стадии беременности, они не посещают курсы по подготовке к родам, мало информированы об изменениях женского организма во время беременности: *«Она, по-моему, вообще ничего не посещала... А консультации женские?.. По-моему, ходил я с ней... на консультации с ней был несколько дней... несколько раз. Ну, не помню, что тогда было — УЗИ, не УЗИ»* (Павел, 29 лет). Организационное и эмоциональное управление находится в руках женщин. *«Если честно, всем этим рушила теща, и я полностью отдался, потому что, потому что теща тоже имеет ребенка, там, ребенку три года, все свежо. Вот она, она там своего врача, кажется, подогнала»* (Павел, 29 лет). Мужья не стремятся помочь женам в процессе подготовки к родам. В отличие от первой модели здесь жены говорят об отчуждении мужа, его дистанцировании от происходящего.

«Он, как бы, не умеет ни себя, ни других беречь. Поэтому, ну, как бы, я была предоставлена сама себе. Вот. Надо было просто дожить до родов [усмехается] как-нибудь» (Екатерина, 24 года). Супружеские пары в основном не осуществляют подготовку к родам. *«Я нигде не узнавала, потому что у меня как-то все шло нормально... И я не думала о том, где я буду рожать, где-то до седьмого или восьмого месяца беременности»* (Екатерина, 24 года).

Участие отца в родах, как правило, заранее не планируется, решение принимается спонтанно. Вот как описывает ситуацию Александр:

Нет, я думаю, что это для меня решение, спонтанно было все. То есть я, может быть, предполагал находиться в роддоме, там, в сосед-

ней палате где-то. А когда — так, пойдём туда, неси эти сумки сюда — а я зашел уже, и тут все это действие началось, и я, как бы, просто и уйти уже, как бы, ну не мог, и не хотелось как-то мне (Александр, 30 лет).

Если участие партнера в родах заранее и оговаривается, то инициаторами выступают женщины. Сами будущие отцы не выражают активного стремления к участию, однако готовы выполнить пожелания жены:

У меня муж такой по характеру — ему скажешь, он сделает... Ну, если честно, не помню, чтобы он что-то сам первый предлагал... В общем, как бы, он со мной не спорил. Сказала бы «не надо присутствовать» — наверное, бы не присутствовал. Сказала бы «сиди до победного конца» — сидел бы до победного конца (Юлия, 27 лет).

Если в первой модели женщины изначально рассматривали присутствие мужа как желаемое, то здесь мотивация его участия может быть иной. Оно обусловлено стремлением жены сделать видимым свой материнский труд и свой вклад в семейную жизнь, который не менее важен, чем материальный вклад мужчины. Если в первой модели участие мужа имеет партнерский характер, а гендерные роли эгалитарны, то здесь, напротив, роли поляризованы и поэтому нужны специальные усилия для того, чтобы материнская роль женщины и ее страдания были оценены.

И потом, еще важно, что в тех семьях, когда муж действительно является таким стержневым материальным началом... очень важно, чтобы он действительно видел это еще и потому, что действительно важно понимать ценность этого и тот вклад, который женщина делает в жизни (Елена, 31 год).

Я подумала — все рожают с мужем, а я что, одна должна страдать? Пусть он тоже, значит, помучается (Екатерина, 24 года).

Во время родов отцы часто оказываются неподготовленными и некомпетентными — они не знают, что конкретно происходит, какова последовательность событий, как им вести себя: «Я ожидал потоки крови... Я думал, что будет, как в кино, да: там, Катя лежит, вокруг нее куча народу бегают, всякое такое» (Павел, 29 лет). Как правило,

их участие в родах сводится к наблюдению или неумелым попыткам помочь жене. Такие отцы не присутствуют, как правило, во время самого родового процесса:

Я старался ей помочь, поддержать, ну как, как я считал, что это нужно. И наоборот, то есть, как бы... ну, то что поддержать ее за руку, ей это было не нужно, ну, ну, просто я сидел рядом, просто в принципе и все, то есть она мне рассказывала о своих впечатлениях... А в сам момент родов я вышел... Пришел, когда уже был ребенок уже помытый, ну, и ее, там, когда зашили, все, вот тогда я уже вернулся (Игорь, 29 лет).

Рассказы о родах лаконичны, отцы «не могут вспомнить» деталей, ограничиваются общим описанием хода событий. Неуместность и некомпетентность их действий вызывает раздражение у женщин и сожаление об их присутствии:

Он пришел, естественно, пьяный. Начал мне какие-то, значит, советы давать — типа, давай держись, не бойся, скоро все закончится, потерпи, — что у меня, естественно, вызвало... вызвало большое раздражение, потому что я тут, понимаешь, целый день рожая, уже знаю чё, куда и как, чего делать. А он пришел и начинает мне советы давать, успокаивать. Я вроде бы и не волнуюсь, он мне говорит — не волнуйся, не переживай, скоро все закончится. Вот. Поэтому я начала на него огрызаться... Я, значит, была раздраженная, там, кричу на него, а он такой, значит — [пьяным голосом] «м-м, не переживай, я тебя люблю, все хорошо»... в общем, я, как бы, в тот момент даже пожалела, что я его позвала, потому что он мешает, отвлекает... (Екатерина, 24 года).

Если в первом случае мы можем говорить о совместном переживании родов, то здесь каждый «занят своим делом»:

Муж в это время сидел рядом, сидел рядом у изголовья. Я лежала и тихо страдала (Юлия, 27 лет).

Он сидел в коридоре. Я, там, соответственно рожала. Родила... Его пригласили. Ну, ребенка мне дали на руки, как обычно полагается. Его пригласили, и в какой-то момент дали ему ребенка, мол, поддержи, чтобы была от тебя хоть какая-то польза... моя соседка по палате

сказала — а, типа, это твой муж сидел в коридоре газету читал? [Смеется.] Я это как-то запомнила, хотя не могу сказать, что, ну, как бы, нормально, газету читал, что ему еще делать было? (Екатерина, 24 года).

В первой модели мы можем говорить о партнерских отношениях во время родов, во втором случае процессом управляет женщина, а мужчина оказывается, как правило, исполнителем.

Муж особенно никуда не бегал, ничего ни с кем не общался, а просто сидел рядом. И в общем-то, может, у него, конечно, сам вид по себе очень грозный... Но вообще он себя никак не проявлял, что вот давайте с моей женой, там, чтобы мне там поаккуратнее, поласковее. Сидел и сидел. В общем-то, я руководила процессом там (Юлия, 27 лет).

Опыт совместных родов не имеет для таких пар значения совместного катарсиса: *«Просто на месте событий был. В центре... Не, ну конечно важно, да, но я никакого философского смысла в это не вкладывал никогда. То есть для меня это было просто естественно, и все»* (Игорь, 29 лет). Даже если опыт был эмоционально насыщенным для мужчины, пара не рассматривает его как значимый этап, влияющий на дальнейшее сплочение семьи и на включение отца в повседневный уход и заботу. Вот как комментирует отсутствие последствий такого участия для семейных ролей Елена:

Одно дело — вот эти вот вспыхнувшие чувства, которые происходят на родах, и совсем другое — ежедневные рутинные... Это некоторая иллюзия, мне кажется. Тот факт, что вот он все это видит, да, это, конечно, все здорово. В таком случае, еще если б он этого не видел, я вообще не знаю, что было бы тогда. Но я не думаю, что это влияет на ежедневную вот эту вот потом последующую стирку пеленок, глажение... И дома он тоже ничего не делал (Елена, 31 год).

Мужчины также не придают этому опыту структурирующего значения: *«Я не думаю, что они как-то изменили отношения. То есть я сам родам не придаю вот такого вот какого-то особого значения»* (Игорь, 29 лет).

В послеродовой период отцы лишь незначительно включены в заботу о ребенке:

Муж мой, конечно, был, мы оба были до конца не готовы к тому, чтобы вообще проявлять себя как... отцовство и материнство свое... Был самый сложный период с полугода до года... Мне очень хотелось, чтобы он мне помог — папа который, чтобы он пришел пораньше с работы, посидел с ним, там, что-то... А он вообще из дома исчез в какой-то момент, стал приходить в час ночи (Елена, 31 год).

Если в первом случае отцы выполняли экспрессивную роль, участвуя в заботе о жене и ребенке, то здесь роль отца сводится прежде всего к инструментальной — обеспечению семьи:

Он к ребенку относится, понимаешь, как-то вот внешне очень, не углубляясь. Он его любит, и все, но вот такой вот специфической мужской любовью... Он держит в голове свой бизнес, свои дела какие-то на работе. Это же важно, да, что человека занимает в свободное время, что занимает его мысли. Вот его мысли не занимают проблемы, связанные с ребенком... Семья кормится, как бы, одевается, ездит в отпуск на его деньги. И у меня нет оснований для того, чтобы сказать своему мужу — давай-ка сделай вот это, вот это, занимайся с ним (Елена, 31 год).

Отцы начинают воспринимать ребенка и участвовать в его воспитании только на более поздних стадиях детства. Новорожденный — это исключительная сфера заботы матери:

Скажу откровенно... [сын] это, для меня это было существо. Человеком он стал для меня, когда у него появились какие-то поступки свои. То есть вот когда он, там, засмеялся, заулыбался. Так он лежал, ну, как бы... особо сильных чувств я не испытывал. Ну, прошу прощения, для женщины это может звучать как это, э-э, ужасно — ну, лежит кусок мяса, который, ну то есть просто живая кукла (Павел, 29 лет).

Воспитание ребенка осуществляется согласно модели традиционного отцовства — отец редко бывает дома, занимается только «мужскими делами», его роль в воспитании связана с развлечением и играми (а позднее с контролем и наказанием), а не с проявлением заботы и повседневным уходом: *«Я занимался всяческими, там, не знаю, чисто мужскими делами... я больше работал, чем находился дома...*

Я даже и не помню, как это все прошло, на самом-то деле, это время... Мне нравится с ним гулять... Нравится с ним в футбол играть» (Павел, 29 лет). Во многих случаях в уход за ребенком включаются старшие родственники, и прежде всего бабушки.

Данная модель участия отца в родах вписывается в традиционное разделение гендерных ролей, прав и обязанностей, в ней сохраняются гендерные границы женского и мужского миров и поляризованные роли материнства и отцовства.

Итак, мы рассмотрели модели участия отца в родах, основываясь на интерпретации практики парами, «рожавшими вместе». Далее мы обратимся к тому, как описывают опыт семейных родов акушерки и гинекологи, и выделим роли отцов, опираясь на их профессиональное видение ситуации.

Мужские роли в семейных родах: восприятие медперсонала

1) Отец-контролер. Роль таких отцов прежде всего в том, чтобы следить за действиями медперсонала, контролировать ситуацию: *«Как бы медперсонал что-нибудь не сделал... Есть папаши, которые читают, что она [его жена] подписывает. Правда, мы-то их к этому готовим. У нас они читают это на занятиях в трезвом уме и твердой памяти все эти бланки, поэтому они знают, что они будут подписывать»* (Л.Ш., акушерка, 44 года).

2) Отец — эксперт и помощник гинеколога. Это тип компетентных отцов, которые настолько хорошо подготовлены, что в состоянии сами принять роды: *«...знают лучше всех, что будет происходить. То есть люди, которые на самом деле сами бы приняли роды, просто им по какой-то причине это, ну, ситуация не позволила, жена или теща или, там, культурный уровень. Но, в принципе, они прочитали все и вообще-то они бы это сделали все сами»* (Л.Ш., акушерка, 44 года).

3) Отец-партнер. Такие отцы, помимо хорошей подготовки, устанавливают и поддерживают постоянный контакт с женой, действуя с ней совместно: *«Они каждую штуку обсуждают. Он ей говорит: "Не сесть ли тебе на мячик?" Она говорит: "Ну, давай попробуем". Он говорит: "Нет, наверное, на мячике тебе хуже". Она говорит: "Нет, на мячике..." Вот они поговорили про мячик, там, полчаса, да, остались на мячике. Потом он ей говорит: "А ты дышишь не так"... Или там:*

«Давай я буду дышать вместе с тобой или попою вместе с тобой» (Л.Ш., акушерка, 44 года).

4) Отец — пассивный наблюдатель. Участие таких отцов в родах сводится к их присутствию: *«Книжечку читать могут в это время, там, кроссвордики разгадывать, кто-то пиво может даже попить»* (И.Б., акушерка, 46 лет). Однако, как отмечалось выше, даже такое пассивное наблюдение обеспечивает функцию контроля над медперсоналом.

5) Отец — некомпетентный участник. Такие мужчины не подготовлены к родам, мешают своим присутствием и жене, и персоналу: *«Бывают мужья, которые на самом деле мешают... Акушерке они вообще не мешают. На наш взгляд, они мешают женщине тем, что они, как бы, делают нехстати. И обычно женщина сама говорит — уйди, отойди, убери руки...»* (Л.Ш., акушерка, 44 года).

Как видим, представления самих партнеров и представления акушерок близки. И те и другие указывают на вариативность участия мужчин в семейных родах. В обеих перспективах основное различие проводится между будущим отцом, активно вовлеченным в роды, и партнером, для которого характерно лишь присутствие. При этом функция контроля медицинского персонала воспроизводится в обоих случаях. Даже простое присутствие может рассматриваться как контроль.

Сравним реконструированные модели участия отца в родах — активное участие как сознательный гендерный проект и ситуативное (формальное) участие. Общим контекстом обеих моделей является, во-первых, отношение к семейным родам как к современному, модному и все более распространяющемуся явлению и, во-вторых, сохраняющийся дефицит доверия, связанный с медицинской системой родовспоможения.

Для первой модели характерно сознательное и рефлексивное следование новому: *«Мы считали себя очень прогрессивными молодыми людьми. И в каком-то смысле, наверное, таковыми и были. В том смысле, что когда стали появляться какие-то новые вещи, там, появлялись, и мы за них ухватывались, с большим интересом ими пользовались»* (Максим, 30 лет). Для второй — это стремление не отстать от других: *«...я подумала — все рожают с мужем, а я что, одна должна?..»* (Екатерина, 24 года).

Стремление восполнить дефицит институционального доверия характерно для обеих моделей участия отца в родах. Однако способы

преодоления недоверия различаются. В модели гендерного проекта в дородовой период партнеры занимаются поиском информации, посещают курсы подготовки к родам, устанавливают доверительные отношения с акушеркой. Ко времени наступления родов недоверие уже во многом преодолено. Будущие родители заключают договор с роддомом, предусматривающий обеспечение условий для семейных родов. Присутствие отца при родах в таком случае не сводится к контролю над действиями медперсонала. Такой отец — это партнер, эксперт; он помогает как роженице, так и акушерке. Его присутствие означает совместное переживание опыта, который осознается как значимый для дальнейшей жизни семьи. Оно компенсирует недостатки организации ухода в родильном доме.

Для модели ситуативного участия характерна стратегия получения формальных гарантий — заключение платного договора с роддомом, которому не предшествует специальная подготовка к родам. Проблема недоверия остается актуальной во время родов, присутствие отца в роли контролера или просто наблюдателя (пусть и просто почитывающего газету в углу) имеет важное функциональное значение обеспечения надзора и достижения безопасности.

Таким образом, разные стратегии преодоления недоверия связаны с разными смыслами участия отца в родах. Если в первой модели это «совместное переживание», то во второй «каждый занят своим делом»: жена рождает, а муж следит, чтобы все протекало нормально. В первом случае для пары характерно отсутствие жесткого гендерного разделения труда, родительские роли выступают предметом постоянных переговоров и сотрудничества между супругами. Для второй модели характерно более традиционное гендерное разделение ролей, поляризация материнства и отцовства.

Мы видим, что практика присутствия отца при родах имеет различные вариации и различные социальные смыслы. Первая модель позволяет нам сделать предположения о том, что эта новая практика связана с трансформацией гендерного порядка, с переосмыслением родительства. Меняется структура родительства — роли матери и отца перестают быть жестко заданными. Практика активного участия в родах включает отца в воспитание и уход за детьми на более ранних стадиях; такие «новые отцы» более ориентированы на заботу о детях, партнерство и эмоциональную работу. Вторая модель участия не предполагает глубокой вовлеченности мужчины, его поведение в большей степени ориентировано на моду и является реакцией

на инициативу женщины, которая хочет, чтобы ее материнский труд был замечен и оценен. Для этой модели не характерно существенное изменение практик отцовства, она не влечет за собой значимых последствий для изменений гендерного порядка в сфере родительства.

Литература

- Аронсон П. (2006). Утрата институционального доверия в российском здравоохранении как одна из причин отказа от профессиональной медицинской помощи, *Журнал социологии и социальной антропологии*, № 2, с. 120–131.
- Бараулина Т. (2002). Моральное материнство и воспроизводство женского опыта, в кн.: Е. Здравомыслова, А. Тёмкина, ред., *В поисках сексуальности: Сборник статей*. СПб.: Дмитрий Буланин, с. 366–406.
- Белозёрова Ю. (2002). Практики беременной женщины: личный опыт, в кн.: Е. Здравомыслова, А. Тёмкина, ред., *В поисках сексуальности: Сборник статей*. СПб.: Дмитрий Буланин, с. 338–365.
- Белоусова Е. (1996). Наши современницы о родовспоможении в России, в кн.: *Корни травы*. М., с. 216–228.
- Браун Д., Русинова Н. (1993). Личные связи в системе здравоохранения и «карьера болезни», *Социс*, № 3, с. 30–36.
- Гурко Т. (1997). Родительство в изменяющихся социокультурных условиях, *Социологические исследования*, № 1, с. 72–79.
- Гурко Т. (2000). Вариативность представлений в сфере родительства, *Социологические исследования*, № 11, с. 90–97.
- Здравомыслова Е., Тёмкина А. (2004). Структурно-конструктивистский подход в гендерных исследованиях, в кн.: *Социология гендерных отношений*. М.: РОССПЭН.
- Михеева А.Р. (2001). Социальные аспекты отцовства, в кн.: *Брак, семья, родительство: социологические и демографические аспекты: Учебное пособие*. Новосибирск: Новосибирский государственный университет, с. 62–69.
- Назарова И.Б. (2004). Взаимоотношения «врач—пациент»: правовые и социальные аспекты, *Социологические исследования*, № 7, с. 142–147.
- Тёмкина А.А., Роткирх А. (2002). Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России, *Социологические исследования*, № 11, с. 4–15.
- Ходоров Н. (2000). Психодинамика семьи, в кн.: Е. Здравомыслова, А. Тёмкина, ред., *Хрестоматия феминистских текстов. Переводы*. СПб.: Дмитрий Буланин, с. 140–165.

- Щепанская Т.Б. (1999). Мифология социальных институтов: родовспоможение, в кн.: *Мифология и повседневность*, вып. 3. СПб., с. 383–423, также доступно по адресу: <http://www.poehalynarod.ru/repr-1.htm>.
- Giddens A. (1991). *Modernity and Self-Identity. Self and Society in the Late Modern Age*. Polity Press.
- Giddens A. (1992). *The Transformation of Intimacy. Sexuality, Love and Eroticism in Modern Societies*. Stanford: Stanford University Press.
- Kukhterin S. (2000). Fathers and Patriarchs in Communist and Post-Communist Russia, in: S. Ashwin, ed., *Gender, State and Society in Soviet and Post-Soviet Russia*. London; New York: Routledge, p. 71–89.
- Levin E. (1991). Childbirth in the Pre-Petrine Russia: Cannon Law and Popular Traditions, in: B. Clements et al., eds., *Russia's Women: Accommodation, Resistance, Transformation*. Los Angeles, p. 44–60.
- Rivkin-Fish M. (2005). *Women's Health in Post-Soviet Russia. The Politics of Interpretation*. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press.
- Zdravoinyslova E. (1996). Problems of Becoming a Housewife, in: *Women's Voices: Work, Everyday Life, and Social Skills of Russian Women*. Dartmouth Publishers, p. 33–48.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Список интервью

1. Елена, 31 год, высшее образование, учится в аспирантуре, замужем, сыну 6 лет.
2. Дмитрий, 33 года, среднее образование, работает программистом, второй брак (не зарегистрирован); двое детей от обеих жен — старшему 7 лет, младшему 3,5 года; присутствовал на обоих родах.
3. Нина, 27 лет, высшее образование, работает в редакции журнала, замужем, две дочери: старшей 2 года и 2 месяца, младшей 1 год и 1 месяц.
4. Константин, 34 года, высшее образование, работает студенческим деканом лютеранского учебного заведения, женат (жена на 10,5 лет младше), дочке 4 месяца, присутствовал на родах.
5. Игорь, 29 лет, незаконченное высшее образование, работает менеджером по продажам, женат (на Юлии), сыну 1 год и 3 месяца, присутствовал на родах.
6. Юлия, 27 лет, заочно учится в институте, замужем, сыну 1 год и 3 месяца.

7. Павел, 29 лет, высшее образование, работает в сфере полиграфии, незарегистрированный брак (с Екатериной), сыну 2 года и 3 месяца, присутствовал на родах; имеет дочь (старше сына) от женщины, с которой никогда не жил.
8. Екатерина, 24 года, высшее образование, учится в аспирантуре, незарегистрированный брак, сыну 2 года и 3 месяца.
9. Александр, 30 лет, высшее образование, работает в промышленности, женат (на Татьяне), дочке 9 месяцев, присутствовал на родах.
10. Татьяна, 26 лет, высшее образование, замужем, дочке 9 месяцев.
11. Максим, 30 лет, высшее образование, работает в исследовательской сфере, женат (на Наталье), дочке 8 лет, присутствовал на родах.
12. Наталья, 28 лет, высшее образование, работает в исследовательской сфере, замужем, дочке 8 лет.
13. Шендерова Лидия Евгеньевна – акушерка высшей категории, 44 года, руководит центром активных родов «Радуга» при роддоме № 15, опыт работы 7 лет.
14. Беляева Ирина Николаевна – акушерка высшей категории, 46 лет; 25 лет работает в родильном отделении роддома № 15.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Список документов

1. *Отделение «Семейные роды» родильного дома №18* [электронный ресурс], режим доступа: <http://www.rody.spb.ru/hospital/struct/>, закрыт.
2. *Права роженицы* [электронный ресурс], режим доступа: <http://www.parenting.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=1498>, свободный.
3. *Littleone – для питевских родителей* [электронный ресурс], режим доступа: <http://www.littleone.ru>, свободный.
4. *Центр активных естественных родов «Радуга»* [электронный ресурс], режим доступа: <http://raduga-birth.spb.ru>, свободный.

Дарья Одинцова

ПЕЛЕНАНИЕ: РЕКОНФИГУРАЦИЯ ПОВСЕДНЕВНОЙ ПРАКТИКИ

Российская структурная трансформация 1990-х гг. сопровождалась изменениями повседневной жизни. Одно из таких незамеченных изменений, оставшихся за пределами публичного обсуждения, — это отказ от пеленания новорожденных. Несмотря на кажущуюся мало-значимость этого процесса, он может быть симптомом более масштабных социальных изменений: культурного переосмысления категории новорожденного, изменения логики взаимодействия матери и медицинских институтов, а также перехода к новому стилю потребления, включающего использование широкого ассортимента товаров для грудных детей.

Данная статья посвящена реконфигурации практик пеленания советского и современного периодов. Рассматриваются изменения в медицинском знании, институциональные изменения медицинских учреждений, обслуживающих родительницу и грудного ребенка, изменения в бытовых обоснованиях пеленания.

Проведенное исследование основывается на следующих эмпирических материалах:

1. Письменные руководства по уходу за грудным ребенком: учебные, методические и популярные издания. Выборка материалов репрезентативна хронологически (источники с начала XIX в. по 2004 г.; основной блок материалов с 1900-х по 2000-е гг.) и включает 65 источников. Материалы включают как профессиональные, так и научно-популярные издания; в советский период анализируются преимущественно многотиражные брошюры, выпущенные Министерством здравоохранения.

2. Полуструктурированные интервью с женщинами разного возраста, имеющими детей (16 интервью), проведены в январе—июне 2004 г. Основным критерием выборки является год рождения ребенка, об уходе за которым рассказывает информантка. Также используются материалы форума петербургского сайта молодых родителей www.littleone.ru.

3. Экспертные интервью с врачами, ведущими просветительские занятия для родителей в женских консультациях (3 интервью), и гинекологами, работавшими в родильных домах (2 интервью), проведены в 2004—2005 гг.

Культурное значение пеленания

Пеленание детей в первые месяцы жизни являлось традиционным способом ухода во многих европейских обществах на протяжении нескольких веков. Еще во второй половине XIX в. российские этнографы отмечали, что «обычай пеленания очень древен и распространен. Он... встречается у диких и образованных народов и возник, вероятно, благодаря страху матерей сломать или повредить нежные члены новорожденного, во избежание чего они и устраивают для него нечто вроде футляра» (Буховцева, 1882). Исследователи полагают, что в основе этой практики лежало желание придать опору скелету ребенка: предполагалось, что его тело должно быть зафиксировано для правильного физиологического развития. Пеленки создают определенную преграду между внешним миром и телом новорожденного, помещая его в собственное ограниченное пространство и обеспечивая пространственно-физиологическую защиту. Кроме того, считалось, что запеленатого ребенка легче переносить с места на место, безопаснее оставлять одного. Фиксация тела новорожденного могла производиться не только с помощью пеленок: в некоторых обществах были распространены альтернативные формы ухода, позволяющие достичь той же цели: так, известны индейские племена, где было принято привязывать ребенка к доске, крепко стягивая тело; жители племен, обитавших в азиатской Турции, помещали младенца в земляную яму, плотно засыпая тело (за исключением головы) землей (Плосс, 1881: 16, 18). Хотя последние примеры могут показаться антропологической экзотикой, функционально они близки к такой практике ухода за новорожденным, как пеленание.

Практики формируют и отображают культурные представления о социальных феноменах, с которыми они связаны; в нашем случае это представления о детстве и младенчестве. Пьер Бурдьё в книге «Практический смысл», названной манифестом теории практик, пишет о том, как незначительные повседневные действия складываются в фундаментальные представления об окружающем. И в этом контексте педагогика «способна внушить целую космогонию, этику, метафизику и политику через незначительные предписания... и зафиксировать в самых незначимых с виду деталях: одежде, осанке, телесных и вербальных манерах выражения — фундаментальные принципы культурного суждения» (Бурдьё, 2001: 135). Изменение костюма, создание особых вещей и институтов, появление новых повседневных действий — все это становится элементами практического переосмысления окружающего мира.

В культурном смысле пеленание являлось той практикой, которая обозначала символическую черту между периодом новорожденности и последующими возрастными этапами. Помещение ребенка в пеленки отражает и одновременно практически формирует представление об особых свойствах и потребностях новорожденного, когда плотная фиксация тела создает возможность комфортного и безопасного существования. За словом «пеленание» стоит не одна, а целый перечень конкретных практик: свивание, тугое пеленание, свободное пеленание. Исторически первой формой пеленания у русских выступает свивание. Свивальник представляет собой длинную полосу ткани с завязками на одном конце. Наиболее распространенная практика свивания подразумевает следующие действия: голову ребенка оборачивают косынкой, концы которой скрещивают на груди и проводят под мышками назад, руки вытягивают по швам, завертывают пеленками и закручивают свивальником так, чтобы ребенок не мог их вытащить, ноги также выпрямляют и вытянутыми завертывают пеленками и свивают свивальником. На смену свиванию приходит тугое (или полное) пеленание ребенка, которое предполагает использование большой квадратной пеленки, при этом фиксация тела остается жесткой. Постепенно стандарты пеленальных практик изменяются, образуя новый тип — свободное пеленание: до пояса или подмышечных впадин.

С отказом от пеленания, при переодевании новорожденного в одежду, функционально и эстетически сходную с той, что носят взрослые, потребности новорожденного переоцениваются. Младенец при-

обретает право на индивидуальный характер потребления и большую двигательную свободу.

Филипп Арьес показывает, что «открытие детства» происходит в европейской культуре только в Новое время (Арьес, 1999). В Средние века ребенок воспринимался как «маленький взрослый», что подтверждает в том числе первоначальное сходство детского и взрослого костюмов: «...как только ребенок вырос из пеленок (то есть его переставали заворачивать в кусок ткани), его одевали как женщину или мужчину его сословия» (Арьес, 1999: 60). Таким образом, в Новое время младенческий возраст — возраст новорожденного — оказывается преддверием детства. То есть ребенок некоторое время остается в возрасте младенчества, обозначенном символически как период после рождения до отказа от пеленок.

На наш взгляд, осуществившийся во второй половине XX в. (от 1960-х до 1990-х гг. в разных странах) отказ от пеленания младенцев привел к размыванию культурной границы между периодом новорожденности и последующими этапами детства, ранее выделявшей новорожденного как особое существо с особым телом.

Отказ от пеленания в России: медицинское знание, институциональные практики и бытовые представления

Изучая трансформацию практик, важно понять, кто и каким образом транслирует их стандарты, какие области знания участвуют в их формировании, какого рода социальные обстоятельства и каким образом влияют на их изменение. Применительно к пеленанию можно выделить несколько уровней научения практике, несколько формаций, поддерживающих ее стандарты и складывающих представления о ней. Мы выделяем три уровня обусловливания практик: медицинский дискурс, институциональный уровень и уровень повседневного взаимодействия (бытовой). *Медицинский дискурсивный уровень* (или отраслевое знание) включает соответствующие теории и сложившиеся на их основе указания и практические рекомендации. Медицинский дискурс о пеленании младенцев задает вектор развития практики и является значимым в современном обществе источником распространения стандартов и локусом контроля их

выполнения.¹ Отраслевое медицинское знание существенно корректируется на *институциональном уровне*, который включает корпус практических знаний, транслируемый профессионалами — врачами и медицинскими сестрами — во время занятий в женских консультациях и в родильных домах. Этот уровень обусловливания практик учитывает состояние потребительского рынка (в нашем случае, имеется в виду доступность таких товаров для младенцев, как пеленки, одежда для новорожденных, одноразовые подгузники). Отсутствие соответствующего сегмента товаров может значимо влиять на конфигурацию повседневной практики. *Бытовой уровень* научения практике включает сложившиеся в определенный исторический период нормы практического действия и представление о них самих субъектов практики и формируется на основе описанных выше формаций. Ниже мы последовательно рассмотрим те изменения, которые происходили в России на всех трех уровнях: в медицинском дискурсивном знании, на уровне институциональных практик и на уровне быта.

Традиционно способы и формы ухода за новорожденным передавались преимущественно в семье и общине. С конца XVIII в. правила ухода за грудным ребенком артикулируются медициной, которая определяет и легитимирует те или иные способы ухода, опираясь на авторитет профессионального знания. Первая брошюра, посвященная этой теме, обнаруженная мной в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге, датирована 1794 г. и представляет собой перевод работы французского медика, рассказывающего матерям о «правильном» уходе за ребенком. С тех пор количество публикаций-инструкций, обучающих родителей и медицинский персонал уходу за младенцем, растет от десятилетия к десятилетию.

Особенно интенсивно обсуждаются практики ухода за младенцами в первое десятилетие советской власти. В это время развивается модернизационный дискурс, т. е. популяризируются представления о том, что повседневные действия людей должны опираться на объективное научное знание: традиции пересматриваются и переоцениваются.

¹ Несмотря на то что все описываемые мной уровни можно назвать дискурсивными, в данной статье я обозначаю этим термином только дискурс, представленный в медицинских текстах.

Матери, все эти советы вам даны не зря. Это все мы узнали долгой наукой, долгим трудом. И это все вы должны узнать, все это провести в жизнь, чтобы ваши дети были здоровы, чтобы были у них загорелые щечки, упругое тельце, веселые глаза и здоровый, радостный смех (Гецов, 1922: 16).

Как родится ребенок, иди с ним, не откладывая, к доктору, а не слушай и не делай того, что будут тебе советовать соседки да старухи (Сперанский, 1924: 5).

Авторы прямо призывают матерей отказаться от традиционных, бытовых практик и переориентироваться на медицинское знание.

Специфика практики пеленания состоит в том, что она, однако, так и не была оправдана отраслевым знанием. Несмотря на то что медицина предписывала пеленание новорожденных, теоретические основания, объясняющие функциональность такого ухода за ребенком, не были разработаны. Этого нельзя сказать о других практиках ухода за младенцами: польза грудного вскармливания подтверждается научными исследованиями, предписания по режиму дня четко объясняются изученными наукой физиологическими особенностями новорожденных и грудных детей. В медицинской литературе не удалось обнаружить научного обоснования пеленания; его обсуждение преимущественно основывается на традиционных воззрениях, сложившихся в рамках практического опыта. В публикациях содержится информация о том, как нужно пеленать ребенка, но не о том, почему следует это делать. Только в трех источниках (из более чем шестидесяти) удалось найти аргументы, которые фактически отсылают к традиционным культурным интерпретациям.² В этих текстах утверждается, что пеленание необходимо для поддержания комфортной температуры тела младенца: *«Для сохранения тепла детей необходимо правильно пеленать»* (Уход..., 1989). Еще одна функция пеленания — обеспечение спокойного сна малыша: *«Если младенец вздрагивает во сне, на ночной сон запеленывайте его с ручками»* (Хахалин, 1994); *«В случаях, когда ребенок очень беспокоен и не может заснуть, его можно поплотнее завернуть в пеленки, и даже с руками»* (Белопольский, 1998). Фактически мы наблюдаем воспроизводство тех значений, которые приписываются пеленанию на бытовом уровне.

² Эти источники относятся к концу 1980—1990-х гг., когда пеленание уже не являлось единственной нормативной практикой.

На протяжении всего периода нормативного исполнения пеленания медицинская литература не обращается к сколь-нибудь систематическому объяснению его полезности.

Напротив, рекомендации отказа от жестких форм пеленания (при переходе от свивания к тугому и затем от тугого к свободному пеленанию) подробно обосновываются с точки зрения медицинской логики. Практически каждая вторая брошюра проблематизирует необходимость жестких форм фиксации тела ребенка, указывая на желательность ослабления или даже отказа от пеленания. Подчеркиваются негативные последствия тугого пеленания для двигательной активности ребенка, для формирования костной ткани, для эмоционального состояния. Авторы при этом часто обращаются к практическому чувству, эмоциям матери, которая должна понять и пожалеть ребенка и освободить его от тугого пеленания:

Не только невольно, но при напряжении всех своих крошечных силенок, новорожденный не может двинуть ножками или ручками, и ему остается только свобода ворочать головой и глазами, ловить ртом и кричать (Буховцева, 1882: 56).

Зачем вы связали мне руки, зачем спеленали меня, зачем на житейские муки обрекли меня с первого дня [спрашивает известный в 1920-е гг. врач от лица новорожденного] (Гецов, 1922: 3).

В целом преобладает научный стиль аргументации:

При свивании плохо двигаются и развиваются мышцы, следовательно, плохо развиваются и кости. Ребенок может дышать только поверхностно, легкие плохо вентилируются, и организм находится в состоянии постоянного кислородного голодания (Альтгаузен, 1929).

Пеленание с ручками перегревает новорожденного, вызывая слишком обильное потоотделение и этим раздражение кожи» (Одежда..., 1930: 5).

Кости у новорожденного и грудного ребенка не закончили своего развития и содержат еще много хряща; они более мягки и легко искривляются. Вот почему необходимо соблюдать большую осторожность, а именно, не свивать ребенка и не пеленать туго (Кубе, Штифтар, 1946).

Припеленывание рук к туловищу сдавливает слабую грудную клетку и нарушает дыхание (Методические..., 1978).

В течение 2–2,5 месяцев преобладает сгибательный тонус мышц рук и ног, поэтому нельзя распрямлять их насильно при пеленании (Осипова, 1991).

Отсутствие медицинского обоснования пеленания в сочетании с развитой аргументацией в пользу ограниченного применения или отказа от этой практики указывает на то, что легитимность пеленания ставится под сомнение медицинским дискурсом.

Анализ медицинских источников показывает, что советская медицина ратовала за ослабление пеленания и косвенным образом (не соглашаясь с полезностью этой практики для здоровья) за отказ от него. Однако для фактического отказа от пеленания этого было недостаточно. Оно произошло только в условиях институциональной перестройки системы репродуктивного здравоохранения во второй половине 1990-х гг.

В то время как разнообразные пособия по уходу за ребенком проблематизировали полезность пеленания, называя многие приписываемые ему смыслы предрассудками, на институциональном уровне пеленание одобрялось и предписывалось: на занятиях для будущих родителей в женских консультациях продолжали говорить о пеленании, практическое обучение которому осуществлялось в родильных домах. Хотя свивание осуждается в письменных источниках уже с конца XIX в., по нашим данным, оно продолжало практиковаться в ленинградских родильных домах вплоть до 1940-х гг. В НИИ им. Отта, одной из наиболее прогрессивных клиник города, тугое пеленание было заменено свободным только в первой половине 1950-х; в других родильных домах тугое пеленание новорожденных продолжали применять на протяжении еще двух-трех десятилетий. Наблюдалось явное рассогласование, содержательный разрыв между научным и институциональным уровнями трансляции практик.

Сохранение пеленания поддерживалось организационной структурой родильных домов. Помещение младенцев в отдельный бокс предполагало, что ухаживать за ними будет медицинский персонал; при этом все новорожденные должны были быть централизованно обеспечены предметами ухода. Пеленки были удобны, так как подходили всем новорожденным вне зависимости от размеров тела, кроме того, их использование было дешевле, а значит выгоднее с точки зрения бюджета. И наконец, «так было принято». В воспроизводстве практик пеленания в родильных домах проявился описанный нео-

институционалистами эффект зависимости от траектории предшествующего развития (см.: Норт, 1997). Оказалось, что для изменения привычной практики требовалась перестройка хорошо отлаженной системы обслуживания матери и ребенка в медицинских учреждениях. Вплоть до начала 1990-х гг. медицинские комментарии относительно вреда тугого пеленания не звучали на уровне научения практике; в родильных домах пеленали и учили пеленанию, не проблематизируя полезность этого обихода.

Советский потребительский дефицит также способствовал воспроизводству сложившихся в медицинских учреждениях образов ухода за младенцами. Рынка потребительских товаров для новорожденных практически не существовало. Одежда самых маленьких размеров — для детей первых месяцев жизни — не производилась и не продавалась, альтернативы пеленке не было. Бытовой консерватизм и потребительский минимализм, которые были составляющими советской идеологии, не способствовали производству потребительских товаров для новорожденных.

Отказ от пеленания в 1990-е гг. был связан с реорганизацией российских родовспомогательных учреждений. Реформа основывалась на принципах усиления прав и ответственности семьи и концепции «ухода, ориентированного на младенца» (Baby-friendly Care). Основной смысл реформы заключался в следующем: женщина должна получить возможность реализации права принимать самостоятельные решения по поводу назначений медицинского и практического характера, в частности в области ухода за ребенком. Сама логика взаимоотношений между индивидом и медициной должна быть перестроена (подробнее см.: Rivkin-Fish, 1997). В 1992 г. по соглашению между Всемирной организацией здравоохранения и городским Комитетом здравоохранения в Санкт-Петербурге началась перестройка послеродовых отделений родильных домов. Первая реорганизация была осуществлена к лету 1993 г., затем опыт был распространен на другие роддома. Реформа предполагала введение индивидуальных палат для совместного пребывания матери и новорожденного, а также возможность принимать посетителей. К этому времени в рамках российского медицинского дискурса также была признана необходимость реорганизации боксов для новорожденных в родильных домах, утверждалась желательность совместного пребывания матери и ребенка на послеродовом отделении (см., например: Ранняя выписка..., 1988: 3). Однако реальное изменение практик

произошло только в условиях идеологической и финансовой поддержки со стороны ВОЗ.

Новая концепция ухода за ребенком предполагала переход к использованию для новорожденного обычной одежды, не сковывающей движения. Именно тогда был впервые реализован отказ от пеленания в родильных домах. Постепенно произошла тематическая переориентация занятий по уходу за младенцем в женских консультациях: врачи старшего (советского) поколения продолжали говорить о пеленании, но представляли его как альтернативную практику ухода за новорожденным; более молодые специалисты, как правило, не упоминали о пеленании на лекциях.

Реорганизация роддомов заключалась в создании условий для индивидуализации отношения к новорожденным, которая выразилась и в появлении разнообразного ассортимента одежды для новорожденных. Сравнивая традиционное пеленание с современными способами ухода за новорожденным, несложно заметить, что пеленка сочетает в себе множество разных функций. Если раньше для того, чтобы сохранить тепло, обеспечить безопасность и крепкий сон, помочь ребенку адаптироваться, достаточно было дешевой пеленки многоразового использования, которая могла также передаваться по наследству следующему поколению новорожденных, то теперь ее сменяют ползунки и кофточки с зашитыми рукавами, конверты. Отказ от пеленания органично сочетается с переходом к новому стилю потребления, основанному не на принципах функционального минимализма и экономии, но на возможности выбора и желании обеспечить себя разнообразными и качественными вещами, каждая из которых будет выполнять свое, отдельное предназначение.

В 1990-е годы менялось и отношение к пеленанию *на бытовом уровне*. Бытовое осмысление пеленания было основано в первую очередь на практическом чувстве, которое в данном случае можно описать как чувство адекватности данного вида практики, уместности ее в контексте повседневного ухода за ребенком. *«Русский человек все душой чувствует, а душа говорит о том, что нужно пеленать»* (ж., 45 лет, среднее педагогическое образование, не замужем, дочь 19 лет). Оставим в стороне вопрос национального характера и обратим внимание на аргументацию. В данной фразе указывается на нормативность пеленания в российской культуре. Отношение к пеленанию как к народной традиции, воспроизводящейся из поколения в поколение, характерно для женщин, ставшими матерями в то время, когда

пеленание было нормативным, а его исполнение не проблематизировалось. Практически все опрошенные женщины, осуществлявшие уход за младенцами в советский период, на вопрос о том, почему они пеленали своего ребенка, дают схожие ответы: «*потому что так было принято*», «*потому, что все так делали*». Поскольку существовал общепринятый, непроблематичный способ ухода, сама постановка вопроса о выборе практики — пеленать или не пеленать — оказывалась неуместной.

Пеленание в советский период можно описать как неререфлексируемое практическое знание (Гидденс, 2003: 17). Практическое знание регулирует непреднамеренные действия, совершаемые людьми, т. е. те действия, которые не планируются, а совершаются рутинно. Пеленание можно концептуализировать также с помощью понятия практического чувства (Бурдьё, 2001). Как и практическое (со)знание, практическое чувство «...позволяет практикам, в том и через то, что остается в них неясным с точки зрения их производителей и в чем обнаруживают себя принципы интерсубъективности их производства, быть осмысленными, а иначе говоря — наполненными здравым смыслом» (Бурдьё, 2001: 134). Именно к своему практическому чувству апеллируют матери, рассказывающие о своем опыте ухода за ребенком.

При этом они приводят оправдания, которые не определяют реальных мотивов следования сложившимся образцам, но указывают на значения, которые приписываются практикам ухода за младенцами. В обобщенном виде оправдания пеленания совпадают с его традиционной культурной трактовкой и звучат следующим образом. Во-первых, пеленание дает новорожденному все условия для адаптации к новой среде. Во-вторых, пеленание предохраняет ребенка от различных неудобств и опасностей, которые он еще не осознает. В-третьих, пеленание способствует правильному формированию скелета и суставов. И наконец, пеленание, сковывая неосознанные движения новорожденного, успокаивает его и способствует легкому засыпанию.

Первый виток критического отношения к стандартам ухода за ребенком наблюдается в 1960—1970-е гг. Как известно, именно в это время в публичном дискурсе появляются критические высказывания в адрес «советского быта» и сферы социальных услуг. На этой волне озвучивается критика в адрес репродуктивной медицины и транслируемых ею правил ухода за новорожденным. Женщины, ухаживавшие за детьми в эти годы, преимущественно дают негативную оценку пеленанию либо оправдывают его ситуативной необходимостью. Они

считают, что туго спеленатый младенец ограничен в движениях, он становится «неживой куклой», «кулёчком»; информанты высказывают активный протест против такой формы ухода, рассказывая о собственном отказе от выполнения медицинских предписаний. Наши данные показывают, что для женщин, рожавших в 1980-е гг., критическое отношение не характерно, они не проблематизируют пеленание и считают его нормативной практикой, которую они некритически воспроизводят. Именно интервью, взятые у матерей, ухаживавших за новорожденными в 1980-е гг., содержат наибольшее количество позитивных высказываний в отношении пеленания.

В 1990-е гг., вслед за переходом пеленания в статус альтернативной, но не рекомендуемой к обязательному исполнению практики, последовал процесс ее смысловой рационализации и переход к рефлексивному восприятию ее стандартов. Если ранее исполнение пеленания основывалось на практическом следовании норме, то теперь обращение к нему совершается на основе таких мотивов, как ситуативное удобство и индивидуальные предпочтения ребенка; активно обсуждаются вопросы полезности этой формы ухода. Пеленки не выходят из употребления, однако матери склонны приписывать им лишь ситуативную значимость. В основном ребенка пеленают, если он не может уснуть:

...Пеленать мы начали руки и ноги в роддоме, так как ребенок просто не мог уснуть, потому что руки-ноги ходили вверх-вниз, как веера, а как запеленали — спит (Littleone, 2003).

Одевание ребенка в свободную одежду с первых дней жизни становится нормативным.

Я не пеленала, так как, во-первых, не видела необходимости, во-вторых, я просто не умею это делать, в-третьих, Насте ограничение свободы дико не нравится. А еще, когда бабушка пришла ко мне в роддом, первое, что она сказала: «Ой, да она уже на человека похожа», сами-то они таких маленьких только туго перепеленутыми видели.

Нас одели в ползуночки сразу после рождения. Красота-а... Я не представляю, как этих свободолюбивых человечков можно пеленать. И зачем? Они же все время ручками-ножками машут. Моя до сих пор орет, если пытаюсь руки на прогулке спрятать. Свободу, говорит, мне, свободу (Littleone, 2003).

Матери демонстрируют ориентацию на потребности ребенка. С одной стороны, эти потребности интерпретируются как особенные — связанные с младенческим развитием. С другой — они представлены как общечеловеческие потребности в свободе самовыражения, в индивидуальном потреблении, единые для взрослых и детей. Сейчас такая ориентация кажется нам естественной и единственно возможной, но фактически такой подход в уходе за младенцем складывается в течение постсоветского времени.

Сегодня пеленание сохраняется как альтернативная практика: она может исполняться в первые дни после рождения, дольше ее могут исполнять те, кто ориентирован на сохранение и передачу традиционной культуры, кто следует советам старшего поколения, или те, кому пеленание показано по медицинским показаниям. Однако общее отношение к этой практике можно назвать скорее критичным. Пеленание не сочетается с современными представлениями о потребностях младенца, ориентацией на быстрое психофизическое развитие, привычными сегодня предметами и практиками ухода за новорожденным.

* * *

Отказ от пеленания произошел в условиях структурных трансформаций российского общества и оказался созвучен современным российским реалиям. Индивидуализация ухода за новорожденным, переход к новому стилю потребления обусловили реконфигурацию практик ухода в перестроечный период. Патерналистский статус медицинских институтов и бытовой минимализм, характерные для советского общества, оказались вписанными в практику пеленания на уровне культурных интерпретаций и поддерживали ее воспроизводство. Отказ от пеленания предполагает изменение культурной модели младенчества. С первых дней жизни новорожденный мыслится как лицо, наделенное индивидуальными потребностями, схожими с потребностями взрослого человека, и соответствующими правами. Символическая граница, отделявшая период новорожденности от последующих возрастных этапов, размывается. Меняется представление о психологических и физиологических потребностях младенца — меняется представление об уходе за ним. Все короче период пеленания, все меньше распространена эта практика. Одевая младенцев в соответствии со своими вкусами и возможностями, родители демонстрируют свой статус и свои представления о надлежащем уходе за младенцем.

Литература

- Альтгаузен Н.Ф. (1929). *Основы ухода за грудным ребенком. Пособие для сестер-воспитательниц и матерей из курса в центральном техникуме для сестер-воспитательниц при государственном научном институте охраны материнства и младенчества*. Изд. 2-е. М.
- Арьес Ф. (1999). *Ребенок и семейная жизнь при старом порядке*. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета.
- Белопольский Ю.А. (1998). *Для вас, молодые мамы*. Симферополь.
- Бурдьё П. (2001). *Практический смысл*. СПб.: Алетейя.
- Буховцева В.И. (1882). *Уход за грудными детьми. Советы матерям женщины-врача В.И. Буховцевой*. Саратов.
- Волков В.В. (1997). О концепции практик(и) в социальных науках, *Социологические исследования*, № 6, с. 9—23.
- Гецов Г.Б. (1922). *Спутник матери грудного ребенка*. Харьков: Издание Санпросвета НКЗ.
- Гидденс Э. (2003). *Устроение общества: Очерк теории структуризации*. М.: Академический проект.
- Жученко П.Г., Пушкарь Н.С., Сытник И.А. (1983). *Аntenатальная охрана плода и уход за новорожденным*. Киев.
- Йохельман-Бах Т.С. (1913). *Уход за новорожденным в разные времена у разных народов. Доклад в заседании врачей Бесплатного родильного приюта, учрежденного Н.Ф. Уваровой в Киеве*. Киев.
- Кон И.С. (1988). *Ребенок и общество: историко-этнографическая перспектива*. М.: Наука.
- Кубе Н.Н., Штифтар Н.Ф. (1946). *Матерям о ребенке*. Л.: Центральный институт акушерства и гинекологии Минздрава СССР.
- Методические... (1978). *Методические рекомендации по воспитанию здорового ребенка раннего возраста: В помощь врачам-педиатрам для занятий в школах материнства*. Л.: Главное управление здравоохранения исполкома Ленгорсовета.
- Норт Д. (1997). *Институты, институциональные изменения и функционирование экономики*. М.: Фонд экономической книги «Начала».
- Одежда... (1930). *Одежда грудного ребенка*. Вып. 2-й, лекция 2-я. Мос-облздравотдел. Сектор охраны материнства и младенчества. Заочные курсы для матерей. М.
- Одинцова Д. (2004). *Уход за грудным ребенком в советской и постсоветской России: трансформации практик*. Магистерская диссертация. ЕУСПб.
- Осипова А.Ю. (1991). *Новорожденный ребенок и уход за ним: практическое пособие*. Л.

- Плосс Г.Г. (1881). *Ребенок от колыбели до первого шага: Способы ухода за детьми у разных народностей*. СПб.
- Ранняя выписка... (1988). *Ранняя выписка из роддомов в условия педиатрического участка*. Методические рекомендации Минздрава РСФСР (с правом переиздания местными органами здравоохранения). Свердловск.
- Сперанский Г.Н. (1924). *Азбука матери*. 3-е изд. Отдел охраны материнства и младенчества НКЗ. Хабаровск.
- Старостина Л. (2004). Ползунки или пеленки? *Беременность* (приложение к журналу «9 месяцев»), № 5, с. 30–31.
- Тур А.Ф. (1959). *Уход за грудным ребенком*. Л.: Медгиз.
- Уход... (1989). *Уход за здоровым и больным ребенком; учебно-методическое пособие*, под общ. ред. проф. Е.К. Миняйло. Омск: ОГМИ.
- Хахалин Л.Н. (1994). *Советы детского врача: Медицинский справочник для родителей*. М.: Знание.
- Littleone (2003). Материалы форума, *Littleone – для нумерских родителей* [электронный ресурс], режим доступа: <http://www.littleonc.ru>, свободный.
- Rivkin-Fish M. (1997). *Reproducing Russia: Women's Health and Moral Education in the Construction of a Post-Soviet Society*. Ph.D. dissertation, Anthropology Department, Princeton University.

Сведения об авторах

Ангелова Евгения — магистр социологии ЕУСПб

Андреева Татьяна — магистр социологии ЕУСПб, ассоциированный научный сотрудник ЕУСПб

Бредникова Ольга — магистр социологии, научный сотрудник ЦНСИ

Здравомыслова Елена — кандидат социологических наук, профессор ЕУСПб, координатор проектов ЦНСИ

Исола Анна-Мария — аспирантка факультета социальной политики Хельсинкского университета

Кессели Катя — аспирантка факультета социальной политики Хельсинкского университета

Лариваара Мери — сотрудник финского Национального Центра исследований и развития здоровья и благосостояния (Stakes)

Мейлахс Настя — магистр социологии ЕУСПб, научный сотрудник ЦНСИ

Одинцова Дарья — магистр социологии ЕУСПб, информационный аналитик ОАО «Балтика»

Роткирх Анна — доцент социальной политики и гендерных исследований Хельсинкского университета; старший научный сотрудник института демографических исследований Väestöliitto

Тёмкина Анна — доктор социологии, профессор ЕУСПб

Ткач Ольга — магистр социологии ЕУСПб, научный сотрудник ЦНСИ

Чепурная Ольга — кандидат культурологии, доцент Смольного института свободных искусств и наук СПбГУ

Шпаковская Лариса — кандидат социологических наук, ассоциированный научный сотрудник ЕУСПб

Яромская Наталья — кандидат политических наук, научный сотрудник Центра европейских исследований, ЕУСПб

Ярошенко Светлана — кандидат социологических наук, доцент социологического факультета СПбГУ

Научное издание

Труды факультета политических наук и социологии
Выпуск 17

НОВЫЙ БЫТ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:
гендерные исследования повседневности

Под редакцией
Е.В. Здравомысловой, А. Роткирх, А.А. Тёмкиной

*Утверждено к печати Ученым советом
Европейского университета в Санкт-Петербурге*

Научный редактор *О.В. Карпова*
Корректор *Е.И. Васьяковская*
Дизайн *А.Ю. Ходот*
Верстка *А.Б. Левкина*

Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге
191187 Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 3
www.eu.spb.ru/press
e-mail: books@eu.spb.ru

Подписано в печать 25.11.2008.
Формат 60×84¹/₁₆. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 30,6. Тираж 700 экз.

Отпечатано в типографии издательско-полиграфической фирмы «Реноме»,
192007 Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 40.
Тел./факс (812) 766-05-66
e-mail: RENOME@comlink.spb.ru
www.renomespb.ru

17